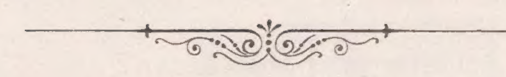
Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ
И
ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

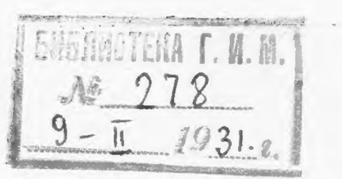


СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1912.

Оттискъ изъ №№ „Богословскаго Вѣстника“ за 1910 и 1911 г.г.



Печатать дозволяется. Августа 10 дня, 1911 года.
Ректоръ Академіи, *Епископъ Ѳеодоръ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1

ГЛАВА I.

Царь Алексѣй Михаиловичъ какъ устроитель церковныхъ дѣлъ послѣ удаленія Никона.

Царь Алексѣй Михаиловичъ какъ убѣжденный грекофилъ и иниціаторъ грекофильской реформаторской дѣятельности Никона. Онъ предоставилъ Никону полную свободу дѣйствій въ проведеніи церковной реформы, активно, во время патріаршества Никона, не вмѣшиваясь въ это дѣло. По удаленіи Никона Алексѣй Михаиловичъ дѣлается фактическимъ управителемъ русской церкви. Мѣры предпринятыя Алексѣемъ Михаиловичемъ для умиротворенія русской церкви и признанія ею реформы Никона. Соборъ русскихъ іерарховъ 1666 года, открытый 29 апрѣля, какъ совершенно отличный отъ собора того же 1666 года, открытаго 29 ноября въ присутствіи восточныхъ патріарховъ. Дѣятельность собора русскихъ іерарховъ 1666 года и его особое отношеніе къ старообрядчеству.

Царь Алексѣй Михаиловичъ, воспитавшійся въ грекофильскихъ воззрѣніяхъ, былъ искреннимъ, убѣжденнымъ грекофиломъ. Вмѣстѣ съ своимъ уважаемымъ духовникомъ, — благовѣщенскимъ протопопомъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ, онъ пришелъ къ мысли о необходимости полнаго единенія во всемъ русской церкви съ тогдашнею греческою и уже ранѣе патріаршества Никона, какъ мы знаемъ [1]), предпринялъ рядъ мѣръ для осуществленія этой мысли, которой онъ остался вѣренъ до конца своей жизни. Самъ Никонъ, какъ реформаторъ—грекофилъ былъ, въ значительной степени, созданіемъ царя Алексѣя Михаиловича и, сдѣлавшись благодаря ему патріархомъ, долженъ былъ осуществлять въ свое патріаршество мысль государя о полномъ единеніи русской церкви съ тогдашнею греческою, причемъ

[1]) См. томъ первый, глава первая, моей книги: Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михаиловичъ.

царь оказывалъ ему въ этомъ дѣлѣ постоянную, необходимую поддержку. Безъ энергичной и постоянной поддержки государя одному Никону, только своею патріаршею властію, провести свои церковныя грекофильскія реформы было бы рѣшительно невозможно.

Сдѣлавъ Никона патріархомъ, увѣрившись въ его полной готовности провести всѣ необходимыя церковныя реформы въ духѣ полнаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою, сдѣлавъ Никона своимъ исключительнымъ довѣреннымъ лицомъ—„собинымъ другомъ", Алексѣй Михаиловичъ предоставилъ ему полную свободу проводить нужныя церковныя реформы и не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ это дѣло, почему оно и ведено было исключительно Никономъ, ведено имъ такъ, какъ онъ—Никонъ находилъ это лучшимъ и болѣе достигающимъ предположенной цѣли. Конечно во всѣхъ важныхъ случаяхъ Никонъ обо всемъ докладывалъ государю, совѣтывался съ нимъ и всегда дѣйствовалъ съ его согласія и одобренія. Но несомнѣнно также и то, что мнѣнія и воззрѣнія именно Никона по тому или другому церковному вопросу всегда имѣли рѣшающее значеніе и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ чемъ либо и не были согласны съ мнѣніемъ Алексѣя Михаиловича, который уступалъ своему болѣе компетентному и свѣдущему, предполагалось, другу, благодаря чему въ церковной сферѣ Никонъ, во все время своего патріаршества, былъ самостоятельнымъ и независимымъ дѣятелемъ. Именно на такое отношеніе царя къ церковно - реформаторской дѣятельности Никона имѣются прямыя положительныя указанія современниковъ.

Іоаннъ Нероновъ, въ письмѣ къ царскому духовнику Стефану Вонифатьевичу, отъ 2-го мая 1654 года, говоритъ: „о себѣ самомъ пишеши къ намъ убогимъ, яко царь удивляется моему упрямству, и на себя такого чина не взимаетъ, что управити ему, государю, благочестіе... А еже реклъ еси, о вселюбезне, яко царь—государь положилъ свою душу и всю Русію на патріархову душу: не буди ему, государю, тако мудрствовати". Нероновъ говорилъ Никону патріарху: „государь тебѣ волю далъ и потому ты теперь поступаешь посвоему. Азъ грѣшный, говоритъ онъ въ другомъ случаѣ, въ крестовой предъ соборомъ всѣхъ властей говорилъ тѣ слова (Никону): подалъ равноапостольный, благочестивый госу-

царь... тебѣ волю, и ты, не узнався, тако великія руганія творишь, а ему, государю, сказываешь: я-де дѣлалъ по евангелію и по отеческимъ преданіямъ". Дѣйствительно Алексѣй Михаиловичъ остерегался вмѣшиваться въ церковныя дѣла и въ церковное управленіе, хорошо зная, что такое вмѣшательство возбудитъ неудовольствіе въ Никонѣ и даже можетъ вызвать съ его стороны какой либо рѣзкій поступокъ. Когда Нероновъ примирился съ Никономъ, чего усиленно желалъ царь, послѣдній, разъ увидѣвъ Неронова въ соборѣ, весело обратился къ Никону, съ словами: „благослови его (Неронова) рукою". И патріархъ государю рекъ: „изволь, государь, помолчать,—еще не было разрѣшительныхъ молитвъ". И государь рекъ: „да чего же ты ждешь?" И въ палату свою отыде;" т. е. Никонъ публично и рѣзко сдѣлалъ замѣчаніе царю, что онъ вмѣшивается не въ свое дѣло, которое онъ, Никонъ патріархъ, знаетъ лучше нежели царь, почему и не нуждается въ его указаніяхъ. Павелъ Алепскій, при описаніи своего пребыванія въ Саввинскомъ монастырѣ, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ антіохійскимъ патріархомъ и государемъ, разсказываетъ: „дьяконъ митрополита Миры, сосланный царемъ въ этотъ монастырь, гдѣ онъ пребывалъ въ полномъ довольствѣ,—не знаемъ, въ чемъ онъ провинился и за что патріархъ Никонъ запретилъ ему служить, въ этотъ день, позднимъ вечеромъ, явился къ царю, поклонился ему земно и просилъ дать ему разрѣшеніе служить обѣдню на другой день. Но царь отказалъ и отвѣтилъ ему: „боюсь, что патріархъ Никонъ отдастъ мнѣ свой посохъ и скажетъ: возми его и паси монаховъ и священниковъ; я не прекословлю твоей власти надъ вельможами и народомъ, зачѣмъ же ты ставишь мнѣ препятствія, по отношенію къ монахамъ и священникамъ?" Услышавъ эти слова, замѣчаетъ Алепскій, мы изумились и подивились такой вѣрѣ, благочестію и почтенію къ архіереямъ" [1]).

Съ своей стороны и первые противники церковной реформы Никона почти единогласно увѣряютъ, что въ церковныхъ реформахъ Никона царь игралъ совершенно пассивную роль: онъ на все смотрѣлъ глазами Никона, во всемъ

[1]) Матеріалы для исторіи раскола т. I, стр. 48, 106, 154. Путешествіе антіох. патр. Макарія архидіак. Павла Алепскаго, переводъ Муркоса, вы.• IV, 129.

соглашался съ нимъ, только подтверждалъ и оправдывалъ все, чтобы ни дѣлалъ въ церковной сферѣ Никонъ. Протопопъ Аввакумъ говоритъ: „Никонъ умъ отнялъ у милова (т. е. царя), у нынѣшняго, какъ близь его былъ. Я вѣдь тутъ тогда былъ, все вѣдаю". Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ замѣчаетъ: „житіе (царя) было и нарочито исперва, да расказилъ собака Никонъ еретикъ". На соборѣ 1666 года Аввакумъ на вопросъ: православенъ ли царь? отвѣчалъ: „а государь нашъ царь православенъ, но токмо простою своею душею принялъ отъ Никона, мнимаго пастыря, внутренняго волка, книги, чая ихъ православны, не разсмотря плевелъ еретическихъ въ книгахъ, внѣшнихъ ради браней, понялъ тому вѣры, и впредь чаю по писанному: праведникъ, аще падетъ, не разбиется, яко Господь подкрѣпляетъ руку его". Дьяконъ Ѳедоръ говоритъ, что Никонъ разорялъ правую вѣру на Руси, „а самодержецъ ему о всемъ томъ не возбрани; видѣ матерь свою святую церковь отъ разбойникъ разоряему, и не зазираетъ, но паче заступаетъ. Дивлюся помраченія разума царева, какъ отъ змія украденъ бысть! Или рещи: яко забвеніе и неразуміе на всѣхъ хвалится. Человѣкъ бо есть. Не вѣдый бо исперва льсти, не узна волка во овчей кожи пришедша... Въ символѣ льстецъ онъ—Никонъ лестію своею *истиннаго* извергъ, на книги разгласныя и помѣтныя письмянныя, кои валяхуся внѣ церкви, и не свидѣтельствованныя, на тѣ указуя: и таковымъ коварствомъ благовѣрнаго царя душу окрадѣ. По сему же образу и въ иныхъ догматахъ, яко змія Еву прельсти лукавствомъ своимъ, утаивая отъ него истину, яко врагъ, и сказуя ему, помазаннику Божію: ни въ коихъ книгахъ не обрѣтается *истиннаго*, государь, токмо въ печатныхъ московскихъ книгахъ приложено *истиннаго*... Вся онъ, еретикъ Никонъ, отъ царя закрылъ и загладилъ ложными словесы, да свое хотѣніе совершитъ... Самодержецъ о всемъ томъ Никону не возбрани; видѣ матерь свою святую церковь отъ разбойника разоряему, и не поможе. Понеже, льстецъ онъ, улови его въ началѣ патріаршества, и рукописаніе взя отъ него, государя царя, да ни въ чемъ ему не возбраняетъ, что начнетъ творити, еще же и отъ боляръ его заступаетъ, да не возбраняютъ и не препинаютъ ему хотѣнія своего творити" [1]).

---

[1]) Матер. для истор. раск. III, 29, 37. II, 22—23. VI, 293—294, 320, 326.

Самъ царь Алексѣй Михаиловичъ въ одномъ случаѣ рѣшительно и прямо заявляетъ, что во всѣхъ дѣлахъ, касающихся церкви, онъ предоставлялъ Никону полную свободу дѣйствій и утверждалъ безъ возраженій то, что считалъ нужнымъ и правымъ патріархъ Никонъ. Именно, въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію, отъ 26 декабря 1662 года, царь, о своемъ отношеніи къ церковной дѣятельности Никона, говоритъ: „мы вся правленія церковная на разсужденіе его (Никона) полагахомъ и совѣту его склоняхомся“. [1]).

Наконецъ и самъ Никонъ признаетъ, что царь, во время его патріаршества, по всѣмъ церковнымъ дѣламъ слушалъ его—Никона, подчинялся его совѣтамъ и указаніямъ и самъ не рѣшался вмѣшиваться въ церковныя дѣла. Въ письмѣ къ царю въ іюлѣ 1659 года Никонъ пишетъ: „дивлюся о семъ: како вскорѣ въ такое дерзновеніе пришелъ еси (т.-е. царь), иже иногда страшился еси на простыхъ церковныхъ причетниковъ судъ наносити, яко же и святые законы не повелѣваютъ; нынѣ же всего міра иногда бывша, аки пастыря, восхотѣлъ грѣхи и таинства видѣти?“ Въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Никонъ заявляетъ: „первѣе царь былъ благоговѣенъ зѣло и милостивъ, и во всемъ Божіимъ заповѣдемъ искатель, *елико мы возвѣщахомъ*, и милостію Божіею *и нашимъ благословеніемъ побѣди Литву*“. Свой принципіальный взглядъ на отношеніе царя къ церковнымъ дѣламъ Никонъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ въ письмѣ къ царю: „Господа ради, воздержися не своихъ искати, или исправляти“, т. е. Никонъ принципіально устраняетъ царя отъ всякаго вмѣшательства въ церковныя дѣла, какъ совсѣмъ неподлежащія его вѣдѣнію. [2]).

Такимъ образомъ оказывается, что царь Алексѣй Михаиловичъ далъ Никону, при вступленіи его на патріаршую каѳедру, только руководящую основную идею для его будущей реформаторской дѣятельности: достигнуть полнаго единенія во всемъ русской церкви съ тогдашнею греческою.

---

[1]) Гиббенетъ: Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона, т. II, 564.

[2]) Подлинно дѣло о патріархѣ Никонѣ, изд. археогр. комиссіи 1897 г. стр. 5—8. Записки рус. археол. общ. II, 513.

Самый же способъ и характеръ выполненія этой задачи, во всѣхъ ея церковныхъ частностяхъ и подробностяхъ, онъ предоставилъ усмотрѣнію Никона, отъ котораго исключительно и зависѣло проведеніе всѣхъ церковныхъ реформъ. Царь, съ своей стороны, считалъ своею непремѣнною обязанностію всячески поддерживать и подкрѣплять своею властію и авторитетомъ всѣ реформаторскіе шаги Никона. Но когда Никонъ, по неудовольствію на царя, неожиданно оставилъ патріаршую каѳедру и все управленіе русскою церковію фактически перешло въ руки государя, когда къ нему отовсюду стали приходить заявленія, что Никонъ не исправлялъ русскія церковныя книги, чины и обряды, а только портилъ и искажалъ, когда царь увидалъ, что реформы Никона внесли большіе соблазны и смуты въ русскую церковную жизнь, отъ чего она пришла вся въ полное разстройство, и что въ русской церкви быстро нарождается расколъ, —онъ не могъ тогда не обратить серьёзнаго вниманія на церковную жизнь, не могъ не заботиться о приведеніи ея въ порядокъ: дальше оставлять церковныя дѣла въ ихъ тогдашнемъ состояніи было невозможно. Царю Алексѣю Михаиловичу поневолѣ пришлось теперь взять на себя патріаршія обязанности по приведенію церковныхъ дѣлъ въ порядокъ, и онъ съ честію и энергіею выполнялъ ихъ въ теченіи восьми слишкомъ лѣтъ, пока не выбранъ былъ новый патріархъ.

Очень трудную и тяжелую задачу приходилось выполнить царю Алексѣю Михаиловичу въ церквныхъ дѣлахъ. Ему необходимо было прежде всего разобраться въ томъ, каковы на самомъ дѣлѣ были книжныя исправленія Никона, о которыхъ такъ много говорятъ и спорятъ, и могутъ ли онѣ во всемъ объемѣ, во всѣхъ частностяхъ и подробностяхъ быть признаны церковію какъ правильныя, необходимыя и потому для всѣхъ обязательныя? Это былъ самый главный и настоятельно неотложный вопросъ, такъ какъ противники книжныхъ никоновскихъ исправленій указывали на тотъ фактъ, для всѣхъ очевидный и неоспоримый, что вновь исправленныя Никономъ книги не только были несогласны съ старыми московскими печатными книгами, но несогласны и между собою: при Никонѣ было три выхода книги служебника и каждый выходъ былъ несогласенъ съ другимъ, что

прямо-де указываетъ на царившій въ книжныхъ исправленіяхъ произволъ справщиковъ, иначе между разными выходами служебника не могло бы быть различія. Чтобы положить конецъ спорамъ, и препирательствамъ, чтобы уничтожить смуту и броженіе въ умахъ по поводу никоновскихъ книжныхъ исправленій, чтобы устранить упрекъ въ произволѣ, самочиніи и „безсовѣтіи“ при книжныхъ исправленіяхъ, какой обыкновенно дѣлали Никону, царь рѣшилъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ чрезъ церковный соборъ, который долженъ былъ выработать опредѣленный церковный и авторитетный взглядъ на реформу Никона и потомъ сдѣлать этотъ взглядъ уже обязательнымъ для всѣхъ истинныхъ сыновъ церкви. Въ этихъ видахъ Алексѣй Михаиловичъ 21 декабря 1662 года издалъ повелѣніе созвать церковный соборъ, который долженъ былъ, между прочимъ, порѣшить вопросъ и о книжныхъ исправленіяхъ Никона, причемъ на соборъ рѣшено было пригласить и восточныхъ патріарховъ. По повелѣнію царя немедленно образована была предсоборная комиссія, въ составъ которой вошли: Іона митрополитъ ростовскій, Иларіонъ архіепископъ рязанскій, бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій и бояринъ Петръ Михаиловичъ Салтыковъ, думный дворянинъ Прокофій Кузмичъ Елизаровъ, думный дьякъ Алмазъ Ивановъ и дьякъ Лукьянъ Голосовъ. Этой предсоборной комиссіи между прочимъ поручалось собрать справки „книжнаго печатнаго двора у справщиковъ: сколько при патріархѣ Никонѣ было выходовъ книгъ печатныхъ и какихъ, и однѣхъ книгъ выходъ съ выходомъ во всемъ ли сходны были, и будетъ не сходны, въ чемъ рознь и какая, и старые печатные и письменные и харатейные книги, изъ греческихъ присыльныхъ книгъ переводы, съ которыхъ новые книги печатаны на печатномъ дворѣ нынѣ всѣ-ль есть, или которыхъ нѣтъ и гдѣ они нынѣ? У старца Арсенія Суханова (спросить), что онъ въ Палестинѣ купилъ какихъ книгъ на патріарха и иного всего, и что за все дано денегъ и куда отдано?“ [1]. Это собираніе точныхъ справокъ предсоборной комиссіей вызывалось, по словамъ царской грамоты, тѣмъ обстоятельствомъ, что по поводу церковныхъ исправленій, бывшихъ

---

[1]) Гиб. I, 244.

при Никонѣ, „нынѣ въ народѣ многое размышленіе и соблазнъ, а въ иныхъ мѣстѣхъ и расколы“. Значитъ, имѣлась въ виду соборная провѣрка книжныхъ исправленій Никона въ цѣляхъ прекращенія смутъ и волненій, возникшихъ тогда въ церковной жизни. Какъ предсоборная комиссія выполнила возложенную на нее царемъ задачу и какія данныя она собрала о книжной справѣ при Никонѣ, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Здѣсь только замѣтимъ, что соборнаго разсмотрѣнія и рѣшенія всѣхъ спорныхъ, волновавшихъ тогдашнее общество вопросовъ желали и противники церковной реформы Никона, о чемъ и заявляли царю, думая одержать на соборѣ рѣшительную публичную побѣду надъ сторонниками книжныхъ никоновскихъ исправленій. Нероновъ въ челобитной обращается къ царю: „нужно, христолюбивый царю, собору быти о прелестномъ его (Никона) мудрованіи и исправленіи церковномъ“. Дьяконъ Θедоръ заявляетъ въ челобитной царю: „аще не собереши, государь, всѣхъ насъ во едино, кои стоятъ за старое и кои за новое, и обоихъ странъ словесъ не услышиши: не познаеши, государь, истины. Егда будетъ праведный между нами судія, или ты самъ, христіанская наша надеждо, или инъ кто вѣрный твой царевъ слуга въ тебе мѣсто, аще мы предъ твоимъ царскимъ лицомъ недостойни стати: тогда сіи святіи себя оправятъ и лесть прогонятъ отъ церкви далече, да паки чиста явится церковная нива отъ соблазнъ“. На допросѣ у саркскаго митрополита Павла въ 1665 году дьяконъ Θедоръ заявлялъ: „а о служебникахъ де новыя печати говорить не смѣетъ, а служить де по тѣмъ служебникамъ новые печати не будетъ до собору. И преосвященный митрополитъ его, дьякона Θедора, допрашивалъ, кто ему сказывалъ и почему вѣдаетъ, что о книгахъ новыя печати соборъ будетъ. А по допросѣ сказалъ: сказывалъ де ему про соборъ протопопъ Аввакумъ, а къ нему де Аввакуму, присылано отъ великаго государя, какъ былъ на Москвѣ,—что бъ терпѣлъ до собору а кто присыланъ, того не упомнитъ“. Инокъ Авраамій обращается къ царю: „вонми себѣ, Бога ради, дай праведный судъ здѣ намъ со отступники, отъ Никона мудрость пріимшими, да будущаго суда тамо убѣжиши. Вся тягота церковная нынѣ на твоей выи виситъ; а на властей ни на которыхъ нынѣ нечево смотрить—времени служатъ, а на предъ не озираются

бѣдніи пастуси. А ты, государь, аще на судѣ Христовѣ хощеши стати правъ, дай намъ здѣ судъ правъ [1]). Очевидно, соборный пересмотръ книжныхъ исправленій Никона, задуманный царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ и желаніямъ противниковъ книжныхъ исправленій Никона, которые, съ своей стороны, тоже на соборъ возлагали всѣ свои надежды на возвратъ старыхъ, дониконовскихъ порядковъ.

Понятно само собою, что дѣятельность предсоборной комиссіи и самого собора должна была получить то направленіе, какое дастъ имъ царь Алексѣй Михаиловичъ, сдѣлавшійся, по удаленіи Никона, единственнымъ фактическимъ управителемъ всей русской церкви, почему его взгляды, убѣжденія и желанія во всѣхъ тогдашнихъ церковныхъ дѣлахъ имѣли рѣшающее значеніе. Но Алексѣй Михаиловичъ былъ убѣжденнымъ грекофиломъ, онъ былъ иниціаторомъ грекофильской реформаторской дѣятельности Никона, которой оказывалъ, во все время патріаршества Никона, полное одобреніе и энергическую поддержку, почему церковно-реформаторская дѣятельность Никона въ существенной своей части была выраженіемъ воззрѣній и желаній самого царя. Естественно было, поэтому, что Алексѣй Михаиловичъ никакъ не могъ быть принципіальнымъ противникомъ произведенной Никономъ церковной реформы, ни подъ какимъ видомъ не могъ стать на сторону ея противниковъ и враговъ, не могъ отнестись къ ней отрицательно. Наоборотъ. Онъ долженъ былъ, по указаннымъ причинамъ, и по удаленіи Никона, всячески добиваться признанія всѣми реформы Никона въ ея полномъ объемѣ. Къ этому, за послѣднее время, у него явились и новыя особыя побужденія, вызванныя послѣдними политическими событіями. Малороссія отдѣлилась отъ Польши, признала своимъ царемъ Алексѣя Михаиловича и вошла въ составъ московскаго государства, какъ его нераздѣльная часть. Но въ Москвѣ православіе малороссовъ, какъ и православіе тогдашнихъ грековъ, возбуждало сильное сомнѣніе потому единственно, что церковно-обрядовая практика южноруссовъ сходилась съ тогдашнею греческою и разнилась отъ московской. Недаромъ, конечно,

---

[1]) Матер. I, 191, 598—599. VII, 44, 216.

многіе и отъ самого Никона слыхали, какъ онъ говаривалъ на Москвѣ, до своего патріаршества: „гречане де и малые Росіи потеряли вѣру, и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой де и честь тѣхъ прельстила, и своимъ де нравомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилося и благочестія ни мало". Когда Никонъ, уже патріархъ, въ свой Иверскій монастырь переселилъ изъ Кутеинскаго монастыря 30 человѣкъ малороссовъ иноковъ съ ихъ игуменомъ Діонисіемъ, котораго онъ сдѣлалъ игуменомъ Иверскаго монастыря, тогда иноки великороссы, ранѣе поселившіеся въ Иверскомъ монастырѣ, немедленно оставили его и разбрелись по другимъ монастырямъ, не желая жить вмѣстѣ съ малороссами, какъ сомнительными, на ихъ взглядъ, въ дѣлѣ православія и истиннаго благочестія. Казначей Иверскаго монастыря Нифонтъ, донося Никону объ уходѣ изъ монастыря прежней братіи и о поселеніи тамъ Кутеинскихъ иноковъ, замѣчаетъ: „а священника у насъ въ монастырѣ *нашея русскія вѣры нѣту ни единаго* и намъ помереть безъ покаянія", т. е. Нифонтъ Кутеинскихъ иноковъ не считалъ иноками „нашея русскія вѣры" и не считалъ возможнымъ ходить на исповѣдь къ іеромонахамъ малороссамъ [1]). Очевидно отсюда, что если царь Алексѣй Михаиловичъ рѣшилъ навсегда и прочно присоединить казацко-кіевскую Русь къ Москвѣ, то церковная реформа, въ смыслѣ полнаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою церковью, а слѣдовательно и съ южно-русскою, была рѣшительно необходима, такъ какъ церковная рознь, существовавшая тогда между сѣверною и южною Русью, непризнаніе малороссовъ строго православными со стороны москвичей, легко могло породить вражду и ненависть между сѣверною и южною Русью и сильно препятствовать ихъ политическому объединенію и слiянію въ одно государство.

Царь Алексѣй Михаиловичъ прекрасно былъ освѣдомленъ о существованіи оппозиціи реформамъ Никона не только въ средѣ бѣлаго приходскаго духовенства и чернаго—монастырскаго, но и въ средѣ высшей церковной іерархіи т. е. въ средѣ самихъ архіереевъ. Это послѣднее обстоятельство было для него особенно важно и заставляло его дѣйствовать очень

---

[1]) Акты Иверскаго монастыря, № 57.

осторожно, такъ какъ требовало отъ него прежде всего уничтожить оппозицію реформамъ Никона среди тогдашнихъ епископовъ. Въ этихъ видахъ царь не спѣшилъ выборомъ новаго патріарха на мѣсто Никона, хотя соборъ 1660 года и настаивалъ на этомъ. Алексѣй Михаиловичъ хорошо понималъ, что при существовавшей смутѣ въ умахъ относительно церковной реформы, при всеобщей ненависти къ Никону и характеру всей его дѣятельности, подъ давленіемъ пропаганды и настояній приверженцевъ старины, въ патріархи можетъ попасть человѣкъ враждебный Никону и его реформѣ, человѣкъ, который будетъ стараться возстановить старые дониконовскіе церковные порядки, на что дѣйствительно и разсчитывали приверженцы старины. Недаромъ конечно Нероновъ въ глаза говорилъ Никону: „что ты одинъ незатѣваешь—непрочно, другой патріархъ по тебѣ все передѣлывать будетъ". Это дѣйствительно легко могло случиться, если бы царь рѣшился избрать новаго патріарха на мѣсто Никона, вскорѣ послѣ удаленія послѣдняго съ патріаршей каѳедры, на чемъ особенно усиленно настаивалъ Нероновъ и другіе противники Никона. Но царь нарочно медлилъ избраніемъ новаго патріарха, а въ то же время ставилъ и выдвигалъ на первый планъ такихъ архіереевъ, которые безусловно были преданы произведенной церковной реформѣ, готовы были энергично постоять за нея. Къ числу такихъ лицъ принадлежали: Павелъ, митрополитъ крутицкій, Иларіонъ, архіепископъ рязанскій и Іоакимъ, тогда архимандритъ Чудова монастыря, а впослѣдствіи патріархъ. Они были главными органами, проводниками и исполнителями предначертаній государя при устроеніи въ извѣстномъ духѣ тогдашнихъ церковныхъ дѣлъ, они, какъ говорятъ современные сторонники старины, были главными потаковниками царя, ревностными исполнителями всякихъ царскихъ желаній и повелѣній. Дьяконъ Ѳедоръ говоритъ: „власти оклеветали насъ царю Алексію лестными глаголы и ложными баснями заочно, понеже бо оныя власти—темныя и пестрыя—всегда предъ царемъ бяху, мы же вси—страдальцы предъ царемъ не бѣхомъ никогда же поставляеми, ни единъ отъ насъ. Такоже и патріархомъ греческимъ оклеветали насъ они же, наши лучшіе архіереи, два лучшіе отступницы: Павелъ крутицкій митрополитъ, да рязанскій архіепископъ Иларіонъ, и

третій Іоакимъ архимандритъ чудовской, человѣкоугодницы царевы. Сіи три лукавіи зміи зѣльнѣ цареву душу возмущаху и на кровопролитіе христіанское поучаху его присно, и въ прелести Никоновѣ укрѣпляху его, чести ради и славы вѣка сего". Тотъ же дьяконъ Ѳедоръ говоритъ, что Никоновы церковныя реформы окончательно утвердили на соборѣ „не греческіе патріархи, но наши русскія власти по страсти своей то учинили, стыда ради своего, и царь восхотѣ сему быти, понеже уже многа лѣта по новому его (Никона) уставу служили они вси, и новыя многія книги напечатали, и многихъ христіанъ примучили, сначала еще, и въ заточеніе загнали, кои не приняли тѣхъ новыхъ преданій Никоновыхъ. И сего ради они архіереи, и книжницы, и старцы обратитися не восхотѣша на прежнее отеческое правовѣріе, глаголюще намъ втайнѣ и явѣ: аще уже намъ, пастыремъ, и погибнути за отступленіе свое, а обратитися паки на первое невозможно! Вси христіане укорятъ насъ, и оплюютъ, и иновѣрніи иноземцы посмѣются намъ, вси въ Россіи живущіи! Великій государь то изволилъ, а мы бы и рады по старымъ книгамъ пѣти и служити Богу, да его, царя, не смѣемъ прогнѣвати, и сего ради угождаемъ ему; а тамо уже Богъ судитъ,—не мы завели новое! Вси сими глаголы оправдаются безумніи пастыри новыя, презирающе святаго Духа, глаголюща пророкомъ: убояшася страха, идѣже не бѣ страха, и: яко Богъ разсыпа кости человѣкоугодникомъ. Они бо, врази,—вышереченніи человѣкоугодницы и душегубныя царевы потаковники: Павелъ митрополитъ крутицкій и Ларіонъ архіепископъ рязанскій, не по святымъ правиломъ наскочиша на престолы архіерейскія: попы убо быша въ мірѣ. Святая же правила постригшемуся попу не повелѣваютъ священствовати, не токмо архіерействовати, и святый Аѳанасій Великій измещетъ таковыхъ презорцовъ: и тѣ убо два законопреступные архіереи утвердили все никоніанство, по хотѣнію цареву; а прочіе всѣ власти нехотя послѣдовали имъ, славы ради и чести временныя: возлюбиша бо славу человѣческую, нежели славу Божію". Про Іоакима чудовскаго архимандрита, а потомъ патріарха, Ѳедоръ разсказываетъ, что царь, послѣ многихъ искательствъ Іоакима, всячески стремившагося занять видное положеніе, „разумѣ его угодна быти себѣ, и приказа его испытати Михаилу Ртищеву, которыя онъ (Іокимъ)

держится вѣры—старыя или новыя. Михаилъ же исповѣда его тамо у себе о всемъ. Якимъ же сказа ему: азъ де, государь, не знаю ни старыя вѣры, ни новыя, но что велятъ начальницы, то и готовъ творити и слушать ихъ во всемъ. И Михаилъ сказалъ се царю. И посемъ поставили въ Чудовъ монастырь архимандритомъ на Павлово мѣсто,—пришолъ воръ на вора, а вси на Бога! Павла же поставили митрополитомъ на Крутицы, пасти вѣтры. И всѣхъ бо, елицѣхъ ставили при мнѣ во власти, и пестрыя и черныя, со отреченіемъ: аще кой чернецъ отречется древняго благочестія церковнаго всего и пріиметъ новое все никоново, того и поставятъ во власти будана. Азъ бо, грѣшный Ѳедоръ дьяконъ, всему тому самозритель". Ѳедоръ же разсказываетъ, что предъ соборомъ 1666 года къ митрополиту крутицкому Павлу „во дворъ собирахуся всѣ архіереи, и книжницы, и старцы, якоже, къ Каіафѣ древле на Господа нашего Іисуса Христа, совѣтующе лукавая, како бо убити Его,—тако же и на насъ у него. Ему бо единому—Павлику и второму Іоакиму сказа царь тайну сердца своего, а они и прочихъ всѣхъ властей уже освоеваху, и утверждаху всѣхъ въ новинахъ стояти, а древнее преданіе все презирати и не во что же вмѣняти, а не хулити бы явно при насъ". Въ частности про Іоакима, когда онъ уже сдѣлался патріархомъ, Ѳедоръ говоритъ: „патріархъ Якимъ, отступникъ отеческаго преданія и паршивый пастырь не восхотѣ тому (старому) быти, и приказалъ по новому вся творити, стыда ради своего: понеже на соборищи томъ лучшій сватъ бысть, всякія отъ царя отвѣты и лести, и страхи и ласки, и прещенія и моленія и обличенія на новыя бл..и относилъ" [1]).

Такимъ образомъ, по свидѣтельству тогдашнихъ защитниковъ старины, очевидцевъ происходившись событій, Алексѣй Михаиловичъ единолично, послѣ оставленія Никономъ патріаршей каѳедры, управляя церковію, проводилъ свои планы въ церковныхъ дѣлахъ строго систематически и настойчиво: о всѣхъ кандидатахъ на высшія и вліятельныя церковныя должности онъ производилъ предварительныя справки,—за новое или за старое они стоятъ, и давалъ мѣста только тѣмъ лицамъ, которыя заявляли себя рѣшительными сто-

---

[1]) Матер, VI, 195. 199—201, 221, 228—229, 234.

ронниками и приверженцами никоновскихъ реформъ, благодаря чему постепенно происходилъ, при занятіи высшихъ церковныхъ должностей, систематическій подборъ лицъ строго опредѣленнаго направленія, отъ которыхъ царь уже не могъ ожидать противодѣйствія въ признаніи совершенныхъ церковныхъ реформъ. Главными органами въ проведеніи и укрѣпленіи этихъ реформъ царь сдѣлалъ, по единогласному свидѣтельству современниковъ, Павла митрополита крутицкаго, Иларіона архіепископа рязанскаго и чудовскаго архимандрита Іоакима, которые во всемъ исполняли волю и желанія царя, воздѣйствовали въ извѣстномъ направленіи на всѣхъ остальныхъ архіереевъ, такъ что послѣдніе шли уже за этими тремя лицами. Впрочемъ царю и его ближайшимъ креатурамъ очень нетрудно было уничтожить оппозицію реформамъ Никона среди тогдашнихъ архіереевъ.

Дѣло тутъ заключалось въ слѣдующемъ: начальная оппозиція архіереевъ реформамъ Никона главнымъ образомъ основывалось на ихъ нерасположеніи и враждѣ лично къ Никону, который не хотѣлъ признавать подчиненныхъ ему архіереевъ своими братьями, чрезмѣрно возвышался надъ ними, обращался съ ними гордо, надменно и даже очень грубо. Свое нерасположеніе лично къ Никону архіереи естественно переносили и на его реформы, которыя, казалось имъ, были только произведеніемъ личнаго самочинія и высокоумія Никона, пренебрегавшаго совѣтами и указаніями своихъ собратій—архіереевъ, и нетерпѣвшаго съ ихъ стороны ни малѣйшаго противорѣчія себѣ. Стараясь повредить и дискредитировать дѣятельность своего угнетателя, іерархи нападали и на реформы Никона, такъ какъ въ ихъ представленіи Никонъ и реформы сливались въ одно. Но когда они увѣрились, что Никонъ уже не будетъ болѣе ихъ патріархомъ т. е. тяжелымъ, грознымъ начальникомъ, когда они убѣдились, что за церковныя реформы твердо стоитъ самъ царь и довѣренные и особенно близкіе ему іерархи— Павелъ и Иларіонъ, тогда они стали реформы Никона отдѣлять отъ его личности, стали порицать лично Никона, но уже не порицали его реформъ.

Съ другой стороны. Если изъ нерасположенія лично къ Никону, изъ желанія добиться его конечнаго низверженія, наши іерархи враждебно отнеслись къ самой церковной ре-

формѣ Никона, старались отказаться отъ всякой солидарности съ ней; то все таки они не могли отвергнуть того несомнѣннаго и очевиднаго для всѣхъ факта, что Никонъ, какъ церковный реформаторъ, дѣйствовалъ опираясь на соборныя одобренія, какимъ бы образомъ они ни получались. Въ виду этого, если бы присутствовавшіе на соборахъ при Никонѣ архіереи захотѣли рѣшительно отказаться отъ реформъ Никона и признать ихъ для церкви непріемлемыми, то имъ тогда пришлось бы торжественно и публично признаться, что присутствуя на соборахъ при Никонѣ и рѣшая на нихъ важные по тому времени церковные вопросы, они высказывали на соборахъ не свои искреннія настоящія мнѣнія и убѣжденія, а только то, что считали пріятнымъ всемогущему и грозному патріарху; они тогда должны были бы открыто сознаться, что для нихъ личное ихъ положеніе, различныя матеріальныя выгоды, соединенныя съ положеніемъ архіерея, личное спокойствіе и безопасность, гораздо важнѣе и цѣннѣе самыхъ дорогихъ и священныхъ интересовъ церкви и паствы, что они не истинные пастыри, а только трусливые, эгоистичные наемники. Это было бы тѣмъ болѣе справедливо, что истинные пастыри, съ самаго начала ставшіе за святую старину, смѣло и безбоязненно высказывали прямо въ глаза Никону свой отрицательный взглядъ на его реформы, смѣло обличали его и боролись съ нимъ, мужественно терпѣли за свои убѣжденія разныя преслѣдованія, ссылки, казни. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ архіереи волей—неволей должны были въ концѣ признать свою солидарность съ церковно-реформаторскою дѣятельностію Никона, оправдывать ее, какъ законную и полезную для церкви, такъ какъ противоположное рѣшеніе вопроса окончательно сгубило бы въ мнѣніи общества ихъ архипастырскій авторитетъ и вызвало бы въ церковныхъ дѣлахъ еще большую смуту и шаткость. Протопопъ Аввакумъ говоритъ: „а никоніане забрели во глубину золъ за стыдъ свой; о совѣстьми тѣми бодоми, яко жидовя, вѣдаютъ, что своровали надъ церковію. Бываетъ то, яко и не ради тому, за совѣсть стало,—невосможно стало покинуть дондеже изводъ возметъ“. То же утверждаетъ дьяконъ Ѳедоръ. Онъ говоритъ: „Никона убо изгнали, а ново собранныя развратныя его уставы и чины и новыя книги вся утвердили. И се не греческіе

патріархи совершили, но наши русскія власти по страсти своей то учинили, стыда ради своего, а царь восхотѣ сему быти". Дьяконъ Ѳедоръ даже утверждаетъ, что будто бы сами архіереи ему лично говорили, что они, по совѣсти и убѣжденію, готовы служить по старымъ книгамъ, и не дѣлаютъ этого единственно ради царя. Онъ заявляетъ: „сказа ми Павелъ архіерей правду свою въ крестовой патріаршей, пряся со мною, тихо и къ слову нѣкоему сказавъ, рече ми: и мы, діаконе, знаемъ, яко старое благочестіе церковное все право и свято, и книги непорочны; да намъ бы царя оправить, того ради мы за новыя книги стоимъ, утѣшая его... Великій государь то изволилъ, а мы бы и ради по старымъ книгамъ пѣти и служити Богу, да его, царя, не смѣемъ прогнѣвати, и сего ради угождаемъ ему: а за то уже Богъ судитъ,—не мы завели новое" [1]).

Много помогли и сами защитники старины и ярые борцы за нее тому обстоятельству, что всѣ, даже колеблющіеся тогдашніе архіереи, очень скоро самымъ рѣшительнымъ образомъ и окончательно стали на сторону реформы Никона, всячески стали настаивать на ея церковномъ признаніи и обязательности для всѣхъ, и въ то же время рѣшительно отрицательно отнеслись ко всѣмъ сторонникамъ и защитникамъ до-никоновской церковной старины, какъ къ врагамъ и ругателямъ всей церковной іерархіи и самой православной вселенской церкви.

Противники Никона — реформатора, признавая реформы только личнымъ дѣломъ Никона, и всячески нападая на него какъ врага и развратителя русской правой вѣры и истиннаго благочестія, въ то же время вмѣстѣ съ Никономъ нападали и на всѣхъ тогдашнихъ архіереевъ, осыпая ихъ всевозможными ругательствами и оскорбленіями, всячески издѣваясь надъ ними, презрительно не признавая ихъ за истинныхъ, настоящихъ архипастырей церкви. Протопопъ Аввакумъ, напримѣръ, обращается къ царю съ такою рѣчью: „я, бѣдной, тебѣ ворчу,—архіереи же не помогаютъ мнѣ, злодѣи, но токмо потакаютъ лише тебѣ: жги, государь, христіанъ тѣхъ; а намъ какъ прикажешь, такъ мы въ церкви и поемъ; во всемъ тебѣ, государю, не противны; хотя мед-

---

[1]) Матер. VIII, 17—VI, 199—200, 233—238.

вѣдя дай намъ въ алтарь, и мы рады тебя, государя, тѣшить, лише намъ погребы давай, да кормы съ дворца. Да, право, такъ. Не лгу". Онъ же презрительно—насмѣшливо говоритъ про современныхъ архіереевъ: „а то малое-ли дѣло, Богомъ преданное скидали съ головъ, и волосы расчесавъ, чтобы бабы блудницы любили ихъ, выставя рожу всю, да препояшется по титкамъ, воздѣвши на себя широкій жупанъ! Такъ ли то святіи предали смиренія образъ носить?.. Или ты чаешь, потому святы нынѣшніе законоположники—власти, что брюха-те у нихъ толсты, что у коровъ: да о небесныхъ тайнахъ не смыслятъ, понеже живутъ поскотски и всякому беззаконію ползки". Или, напримѣръ, онъ восклицаетъ: „охъ, воры, бл...ы дѣти! Каковы митрополиты и архіепископы, таковы и попы наставлены". Лазарь упрекаетъ царя, что онъ боится клятвы „студныхъ и мерзкихъ архіереевъ и іереевъ". Дьяконъ Ѳедоръ заявляетъ царю: „ей, государь царь православный, аще бы не твоя христоподобная къ намъ кротость и отеческія щедроты, давно бы пастыри и кости наши измождили, возмущаючи твою царскую душу". Иллюстрируя эту свою мысль, Ѳедоръ рисуетъ такую картину: нѣкоторымъ главнѣйшимъ противникамъ никоновской реформы, между прочими и самому Ѳедору, вырѣзали языки, но Господь чудесно снова возвратилъ имъ даръ рѣчи. Тогда архіереи, повѣствуетъ Ѳедоръ, „умыслиша инъ ковъ на нашу кровь грѣшную, лютѣйше перваго сугубо, еже бы не быти живымъ намъ. И пріидоша къ царю и начаша жалобу творити на тѣхъ, братію нашу о Христѣ, благочестія поборниковъ, и на насъ клеветали ему, глаголюще: развратники-де, государь, изгнаныя и осужденныя отъ насъ, пишутъ къ Москвѣ людемъ многимъ и хвастаютъ, послѣ казни будто имъ паки Христосъ далъ языки иныя, и говорятъ попрежнему ясно. Царь же рече имъ: слышахъ и азъ о томъ. Тіи же кровососы начаша роптати и клятися предъ царемъ, и широкими ризами потрясати, и колокольчиками, яко сучьки плясовыя, позвякивати, и глаголати царю лестныя глаголы: никако, государь тишайшій, нестатное то дѣло, еже Христу дати имъ языки послѣ нашея клятвы,—ни государь, лгутъ, или мало имъ отрѣзали уже то! И сего ради, говорятъ, пошли, государь, паки нарошно къ нимъ, врагомъ нашимъ, и повели при всемъ народѣ до основанія вырѣзати

языки у нихъ, и по руцѣ отсѣщи, за Христово то ихъ знаменіе крестное, и мы въ то время услышимъ и правду ихъ узнаемъ: дастъ-ли имъ Христосъ, Сынъ Божій, языки—тѣ, и какъ-то станутъ говорить паки и паки! Царь же рече имъ: батки, суть не устать казнить-то; да боюся Бога! была уже имъ казнь,—и духовная ваша, и наша градская! Они же, темныя власти, яко же жидовстіи архіереи рекоша Пилату о Христѣ, тако и они о насъ: кровь ихъ на насъ, государь, и на чадѣхъ нашихъ! не подобаетъ уже имъ противникомъ быти и живымъ! Къ сему же иную злую казнь возвели на ны въ то же время они, лукавыя зміи, будто мы посланія писали на Донъ къ казакомъ и міръ весь восколебали. И тѣмъ они, лестцы, возмутили паче цареву душу на ны, еже бы чѣмъ пригнати насъ къ смерти. Царь же повѣрилъ имъ, послуша ихъ, и повелѣ на Москвѣ тѣхъ рабовъ Христовыхъ хватати, и въ темницы такоже сажати, и за караулъ передавати и мучити всяко. Къ намъ же, въ Пустозерье, посла полуголову Полтева, приказу Ивана Елагина, и повелѣ намъ паки языки вырѣзать до основанія послѣдняго и по руцѣ отсѣщи. Пригнавъ же скоро полуголова, и сотвори намъ тако при всемъ народѣ, и къ болѣзни язвъ нашихъ приложиша болѣзни, и къ ранамъ раны намъ прибавиша смертныя. Аще бы не Господь помоглъ намъ паки—въ то время лютое, смертное, невозможно бы намъ уже и дыхати, и приничати. Праведный же судія и сердцевѣдецъ, Христосъ истинный Богъ нашъ, хотя лестное ихъ умышленіе посрамити, и прелесть никоніянскую и козни ихъ обличити, преславная сотвори о насъ, рабѣхъ своихъ, и въ томъ же часѣ по казни той даде намъ паки глаголати ясно, и раны вскорѣ исцѣли, яко всѣмъ людемъ дивитися и славити Бога о бывшемъ чудеси". Инокъ Авраамій говоритъ о тогдашнихъ архіереяхъ: „бѣдніи епископи руки свои приложиша къ Никонову мудрованію, мню, яко не хотяше лишитися чести маловременныя и за церковь Христову пострадати любоплотски, или яко пси нѣміи не могуще лаяти на еретика: аможе онъ, яко слѣпыхъ водяше, туды въ путь и идяху, и ни въ чемъ не супротивляхуся, яко скоти безсловесніи; нехотящихжеся съ ними отторгнутися отъ догматъ православія, таковыхъ на муки различныя предающе и вмѣсто учительства мучительства санъ на себе воспріимше. И

воистину збытся писаніе, яко пастыріе вѣка сего волцы быша". Подобно Ѳедору Авраамій тоже утверждаетъ, что всѣ жестокости противъ защитниковъ старины исходятъ отъ архіереевъ. „Воистинну, Государь, пишетъ онъ, власти, паче того богоотступнаго Никона, правовѣрныхъ христіанъ люто озлобляютъ, а православную вѣру до конца истребляютъ, или рещи, яко и всю искоренили. И таковымъ злымъ своимъ совѣтомъ и правленіемъ лукавымъ и тебя, государя, на гнѣвъ привели, еже оскорбляти страдальцевъ, языки рѣзати, дабы не глаголали о истинѣ, и руцѣ отсѣкати, дабы не писали на прелесть ихъ обличительныхъ словесъ отъ божественныхъ писаній; многихъ и въ струбахъ сожигали... [1]).

По мнѣнію защитниковъ старины не только русскіе архіереи перестали быть настоящими, истинными пастырями, но и вся русская церковь перестала быть истинною православною церковію и въ мірѣ наступаютъ времена антихриста. Эту общую всѣмъ имъ мысль дьяконъ Ѳедоръ выражаетъ такъ: „на мѣстѣ святѣмъ мерзость запустѣнія стояти будетъ, по Христову словеси и по Даніилову реченію пророчю, сирѣчь: священство покупное и скверное будетъ стояти въ алтарѣхъ церковныхъ, и крайніе самые архіереи яко повапленные болваны будутъ, глупы и неучительны, и на всякое дѣло благо не искусны, точію бо на твореніе пировъ, и на составленіе медовъ и прочихъ питій благовонныхъ, и на собраніе богатства тщательны будутъ и на блудъ лакомы. Поставляемые же отъ нихъ попы и діаконы ометіе человѣческое будутъ, ни къ чему же годны и пусты всякаго блага, токмо бо на соблазнъ міру и на погибель душевную и на всяко зло потаковники будутъ, и людемъ простымъ научитися и вопрошатися о пользѣ душевнѣй не отъ кого будетъ, яко слѣпецъ слѣпца аще водитъ, и оба въ яму впадутъ... Тако бо и нынѣ есть и будетъ въ скончаніе вѣка сего". [2]).

Наконецъ, защитники старины, при малѣйшей къ тому возможности, смѣло стремились вмѣшиваться въ самое церковное управленіе, вліять на него въ тѣхъ видахъ, чтобы придать всему теченію церковныхъ дѣлъ то направленіе,

---

[1]) Матер. VIII, 48. V, 288. IV, 253. VI, 36, 223—225. VII, 77, 78, 262, 369.
[2]) Матер. VI, 185—186.

какое соотвѣтствовало ихъ воззрѣніямъ, вкусамъ и желаніямъ. Протопопа Аввакума, по возвращеніи его изъ Дауръ, встрѣтили въ Москвѣ—царь, бояре и многіе знатныя лица, очень ласково и даже съ почетомъ, какъ пострадавшаго отъ суровости Никона. По поводу такого пріема въ Москвѣ Аввакумъ возмнилъ, что Никонъ съ его реформами уже осужденъ безвозвратно, что въ Москвѣ начинается поворотъ къ старымъ до никоновскимъ порядкамъ, и что онъ—Аввакумъ призванъ содѣйствовать скорѣйшему возвращенію къ старинѣ, почему онъ и спѣшитъ подать отъ себя государю „Роспись, хто въ которые во владыки годятца". Самъ Аввакумъ указываетъ на эту роспись въ своей второй челобитной царю. Онъ пишетъ: „грѣхъ ради моихъ и нынѣ скорбь къ скорби постиже мя, мню, маленькова ради моего моленьица къ тебѣ, великому государю, о духовныхъ властѣхъ, ихже и нужно тебѣ, великому государю, снискать, истинныхъ молитвенниковъ за тя къ Богу и правѣ исправити могущихъ благочестія ради Духа пресвятаго благодати, живущей въ нихъ". Изъ челобитной Неронова государю, отъ 6 дек. 1664 года, мы узнаемъ и о нѣкоторыхъ лицахъ, которыя значились въ упомянутой росписи Аввакума. Нероновъ пишетъ: „оклеветали ево (Аввакума) тебѣ великому государю, власти, гнѣваяся на нево, что онъ тебѣ, великому государю, подалъ моленейцо о Сергіѣ Салтыковѣ (бывшій строитель Безюкова монастыря) и о Никанорѣ (бывшій Саввинскій архимандритъ, а послѣ одинъ изъ главныхъ руководителей соловецкаго бунта) и о иныхъ ко жребію святительскаго чина, и рьяся за то, составили ложь, будто онъ, протопопъ, ходячи по улицамъ и по стогнамъ градскимъ, развращаетъ народы, уча, чтобъ къ церквамъ Божіимъ не приходили" [1]).

Въ виду всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, тогдашнимъ архіереямъ, которые сами оффиціально уже давно служили по новоисправленнымъ книгамъ, крестились тремя, а не двумя перстами и вообще держали весь Никономъ исправленный церковный чинъ и обрядъ, и на которыхъ, ради этого, вмѣстѣ съ Никономъ, подало обвиненіе со стороны старообрядцевъ въ неправославіи, въ развращеніи правой вѣры и истиннаго благочестія,—приходилось выбирать одно

[1]) Матер. V, 136. I, 198.

изъ двухъ: или отказаться отъ реформъ Никона и этимъ признать, что русская церковь въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, вслѣдствіе новшествъ Никона, дѣйствительно не была строго православною, а они настоящими строго православными епископами, имъ пришлось бы признать, что не они—высшіе іерархи церкви, а Аввакумъ, Лазарь, Ѳедоръ, и имъ подобные, въ дѣйствительности были единственными вѣрными хранителями, мужественными поборниками и защитниками православія и что имъ, вслѣдствіе этого, по праву и справедливости должно принадлежать дѣйствительное высшее руководство дѣлами вѣры и благочестія. Или же архіереямъ приходилось признать законность и правильность реформъ Никона и противленіе имъ—за проявленіе самочинія, невѣжества и непониманія со стороны неразумныхъ ревнителей старины. Естественно, что архіереи избрали послѣдній выходъ, тѣмъ болѣе, что этого желалъ царь, а желаніе царя всегда было для нихъ закономъ, которому они безусловно подчинялись.

Тѣмъ не менѣе царь Алексѣй Михаиловичъ и теперь дѣйствовалъ съ величайшею осторожностію и предусмотрительностію. Онъ рѣшилъ, еще до открытія собора, имѣть въ своихъ рукахъ такой строго оффиціальный актъ, который бы дѣлалъ невозможнымъ малѣйшую попытку со стороны членовъ собора воспротивиться признанію и окончательному утвержденію церковной реформы Никона. И онъ вполнѣ достигъ этой цѣли. 29 апрѣля 1666 года царь пригласилъ на соборъ въ Москву всѣхъ русскихъ архіереевъ и настоятелей важнѣйшихъ монастырей. Но прежде открытія собора Алексѣй Михаиловичъ устрояетъ предварительное предсоборное присутствіе изъ архіереевъ и приглашенныхъ настоятелей монастырей и дѣлаетъ имъ предложеніе, чтобы каждый изъ нихъ письменно, за собственноручною подписью, далъ отвѣты на слѣдующіе три вопроса „*первое*: какъ намъ долженствуетъ исповѣдати святѣйшихъ греческихъ патріарховъ: константинопольскаго, александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго, аще они православни суть? *Второе:* книги греческія *печатныя* и древнія рукописныя, иже святѣйшіе греческіе патріархи употребляютъ и по нимъ все славословіе Божіе исполняютъ, и чины церковныя, како исповѣдати долженствуемъ? *Третіе*: соборъ, бывый въ богоспасаемомъ,

преименитомъ, царствующемъ, великомъ градѣ Москвѣ, при благочестивѣйшемъ и богохранимомъ государѣ нашемъ царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцѣ, и при святѣйшемъ Никонѣ патріархѣ, и царскаго пресвѣтлаго величества при всемъ его синклитѣ, подписанный священныхъ руками, какъ исповѣдати нынѣ намъ долженствуетъ, иже содѣяся въ царскихъ палатахъ въ лѣто отъ созданія міра 7162, отъ поплоти рождества Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ лѣто 1654-е?“ Понятно само собою, что всѣ находившіеся въ предсоборномъ собраніи архіереи, архимандриты и игумены прекрасно знали, какой отвѣтъ на поставленные вопросы желаетъ получить царь, и что иного отвѣта, несогласнаго съ желаніемъ царя, имъ дать невозможно, тѣмъ болѣе что каждый изъ нихъ долженъ былъ дать свой письменный отвѣтъ въ отдѣльности отъ другихъ, за своею собственноручною подписью. Кромѣ того, относительно нѣкоторыхъ членовъ предсоборнаго собранія заранѣе было извѣстно, что они напишутъ свои отвѣты согласно желанію государя, почему, при такихъ условіяхъ, охотниковъ проявлять свое несогласіе съ царемъ конечно не нашлось. Вслѣдствіе этого всѣ важнѣйшіе члены собора; *еще за два мѣсяца до соборныхъ засѣданій*, уже дали государю, каждый въ отдѣльности, письменное заявленіе, что тогдашнихъ греческихъ патріарховъ, ихъ печатныя и рукописныя книги, они признаютъ вполнѣ православными, точно также и соборъ 1654 года, рѣшившій произвести у насъ церковную реформу, признаютъ настоящимъ соборомъ, а его постановленія для себя обязательными. Слѣдовательно, еще до открытія собора его члены уже письменно выразили полное свое согласіе на признаніе правильности всей произведенной Никономъ реформы [1]).

Обезпечивъ, еще до открытія собора, признаніе никоновскихъ церковныхъ реформъ голосами всѣхъ важнѣйшихъ членовъ будущаго собора, Алексѣй Михаиловичъ обратилъ вниманіе и на другую не менѣе важную сторону дѣла: на тѣхъ лицъ, которыя открыто и рѣшительно заявляли себя доселѣ непримиримыми врагами никоновскихъ реформъ. Относительно ихъ царь Алексѣй Михаиловичъ держался со-

---

[1]) Матер. II, 35.

вершенно иной тактики, чѣмъ патріархъ Никонъ. Послѣдній проводилъ реформы только опираясь на свою громадную власть, на тотъ страхъ, который онъ внушалъ всѣмъ, на тѣ суровыя насильственныя мѣры, какія онъ употреблялъ противъ всѣхъ, кто былъ не согласенъ съ нимъ и противился ему. Но запрещенія, лишенія сана, ссылки, заточенія и казни, которыя Никонъ пускалъ въ ходъ противъ своихъ противниковъ, никого, конечно, не убѣждали въ правотѣ его реформъ и нисколько не уничтожали оппозиціи, напротивъ,—она все болѣе усиливалась и разросталась. Очевидно для ея уничтоженія, или по крайней мѣрѣ ослабленія, нужны были другія мѣры. Это хорошо понялъ Алексѣй Михаиловичъ. Уже по своему сравнительно мягкому и благодушному характеру Алексѣй Михаиловичъ не могъ быть сторонникомъ однихъ только крутыхъ и насильственныхъ мѣръ, какія практиковалъ Никонъ,—онъ несомнѣнно не одобрялъ ихъ, хотя и не противодѣйствовалъ въ этомъ Никону, считая его единственно правомочнымъ и вмѣстѣ единственно отвѣтственнымъ за всѣ мѣры, какія онъ, будучи патріархомъ, находилъ нужнымъ предпринимать въ церковныхъ дѣлахъ. Что Алексѣй Михаиловичъ далеко не всегда сочувствовалъ и одобрялъ крутыя мѣры и расправы Никона съ его противниками, это, между прочимъ, видно изъ слѣдующаго: когда Никонъ сослалъ Неронова въ Спасокаменный монастырь, царь поддерживалъ сношенія съ ссыльнымъ протопопомъ чрезъ своего духовника—Стефана Вонифатьевича и всячески старался примирить Неронова съ Никономъ. Когда Нероновъ, по совѣту Стефана, съ согласія и разрѣшенія государя, постригся тайно въ монахи, онъ цѣлыя сорокъ дней послѣ этого проживалъ тайно, рядомъ съ Никономъ, у Стефана, о чемъ хорошо зналъ и царь. Но онъ не выдалъ Неронова Никону, который всюду разыскивалъ его, и не могъ найти, не подозрѣвая, что Нероновъ живетъ рядомъ съ нимъ и что объ этомъ хорошо знаетъ царь, который даже приказалъ освободить двухъ работниковъ Неронова, арестованныхъ было Никономъ. Конечно по желанію и съ одобренія царя Нероновъ пошелъ на примиреніе съ Никономъ, которое, къ удовольствію царя, наконецъ и состоялось. Тактику—умиротворять и примирять, а не раздражать и ожесточать, Алексѣй Михаиловичъ пытался приложить, какъ мы видѣли, и въ своихъ отноше-

ніяхъ къ протопопу Аввакуму. Онъ нарочно вызвалъ его изъ Сибири въ Москву, гдѣ встрѣтилъ его съ честію, оказывалъ ему свое особое вниманіе и ласку, а въ то же время настоятельно требовалъ отъ него, чтобы Аввакумъ, по крайней мѣрѣ открыто и публично, не возставалъ противъ новыхъ церковныхъ порядковъ и не возстановлялъ противъ нихъ другихъ. Аввакумъ не выполнилъ этого требованія царя и потому долженъ былъ отправиться въ ссылку на Мезень. Но и теперь царь не оставилъ мысли примирить Аввакума съ церковію. Съ этою цѣлію, предъ соборомъ 1666 года, Аввакумъ заранѣе привезенъ былъ изъ ссылки въ Москву и поселенъ въ Боровскомъ Калужскомъ монастырѣ. Царь посылалъ сюда разныхъ лицъ уговаривать и убѣждать Аввакума примириться съ церковію на почвѣ признанія церковныхъ реформъ Никона. Царь даже шелъ будто бы на какія-то уступки, лишь бы только примирить Аввакума съ церковію. По крайней мѣрѣ, по разсказу послѣдняго, царь присылалъ къ нему говорить отъ его лица: „пожалуй-де послушай меня (государя): соединись со вселенскими тѣми хотя не большимъ чѣмъ“. Кромѣ Аввакума въ Москву были вызваны и другіе извѣстные сторонники и защитники церковной старины для предварительныхъ увѣщаній и уговоровъ, въ видахъ примиренія ихъ съ новыми церковными порядками. Архіереямъ и другимъ лицамъ, которыя должны были вести собесѣдованія и увѣщанія съ приверженцами церковной старины, дана была инструкція дѣйствовать только убѣжденіемъ, уговорами, ласкою, никакъ не раздражать и не обижать защитниковъ старины, и, особенно, не хулить предъ ними старопечатныхъ книгъ и прежнихъ церковныхъ обычаевъ. Дьяконъ Ѳедоръ, который также призывался для увѣщаній, разсказываетъ про себя: когда царь, въ 1666 году, разослалъ всѣмъ властямъ приглашеніе явиться на соборъ, то, говоритъ Ѳедоръ, „мнѣже, между съѣздомъ ихъ, многіе поставки были, и распросы, и ласканія, и уговоры отъ Павла митрополита, *по приказу цареву*, во дворѣ его, и въ соборной церкви, и патріаршей крестовой, дабы азъ приложился къ соборищу ихъ, и пріялъ бы вся новыя книги, и ничего бы въ нихъ не хулилъ. И мнѣ не восхотѣся послѣдовати отступленію ихъ“. Затѣмъ разсказывая, что у крутицкаго митрополита Павла собирались всѣ съѣхавшіеся на соборъ

архіереи и что на эти архіерейскія собранія призывали и его—дьякона Θедора для уговоровъ и увѣщаній, онъ повѣствуетъ: „вопрошахомъ же мы ихъ всѣхъ купно архіереевъ и всего собора ихъ: православны-ли быша прежніе цари наши московскія, и великія князи, и святѣйшіе патріархи, и митрополиты, и архіепископы, прочія вси святители русскія, и при нихъ рукописныя и печатныя книги церковныя вся правы-ли суть и непорочны? Отвѣщаху они вси намъ воедино слово, яко вси прежніи цари и великія князи, и святѣйшія патріархи и святители православни быша, и при нихъ рукописныя и печатныя книги вся правы и непорочны суть,—ихъ мы не хулимъ. Тако сказовали намъ, яко правы старыя книги и не хулимъ ихъ, а не стоятъ за нихъ, и въ руцѣ свои взять не хотятъ ихъ: а иніи и хотятъ взять ихъ, но не смѣютъ и боятся начальныхъ отступниковъ. И тако ихъ змій лукавый опуталъ всѣхъ страхомъ земнымъ и самолюбіемъ вѣка сего, и отторже ихъ отъ истины“. Современный событіямъ составитель житія боярыни Морозовой разсказываетъ, что Павелъ митрополитъ крутицкій и Іоакимъ чудовскій архимандритъ пытались, по приказу государя, кроткими мѣрами подѣйствовать на Морозову: „Павелъ митрополитъ начатъ ей глаголати тихо, воспоминая ея честь и породу: и сіе тебѣ сотвориша старцы и старицы, прельстившія тя, съ ними же любовнѣ видалася еси и слушалася ученія ихъ, и доведоша тя до сего безчестія, еже приведенѣ быти честности твоей на судище. Потомъ же многими словами кротяще ю увѣщеваху, яко да покорится цареви. И красоту сына ея воспоминаху, яко да помилуетъ его и да не сотворитъ дому его разорену быти своимъ прекословіемъ. Она же противу всѣхъ ихъ словесъ даяше имъ предъ боляры отвѣты... Митрополитъ спрашивалъ еще: и како убо ты о насъ всѣхъ мыслиши,—еда вси еретицы есмы? Она же отвѣща: понеже онъ, врагъ Божій Никонъ, своими ересьми яко блевотиною наблевалъ, а вы нынѣ то оскверненіе его полизаете, и посему явѣ, яко подобни ему есте. Тогда Павелъ возопи вельми, глаголя: о что имамы сотворити? Се всѣхъ насъ еретиками называетъ... И бысть ей пренія съ ними отъ втораго часа нощи до десятаго“. Инокъ Авраамій о бывшихъ ему увѣщаніяхъ разсказываетъ: „нача ми говорити рязанской архіепископъ Иларіонъ: какъ, бѣд-

ной Аврамей, дѣло Божіе творите безъ страха! Уже у васъ соборная апостольская церковь не церковь, таинство не таинство, архіереи не архіереи, вѣра православная христіанская не вѣра! Приди, братецъ Аврамей, въ разумъ! И паки рече еще: тебя брата исповѣдую себѣ, аще пріидешъ въ разумъ и истину познаешъ. Пріиди, брате Авраме, въ разумъ и помилуй самъ себя! Престани прекословити архіереомъ, хотящимъ тебя видѣти во истинѣ и о спасеніи твоемъ пекущимся. Да и сіе, брате Аврамей, помысли: мы сами себѣ хотимъ-ли погибели?" Во время этихъ увѣщаній и преній архіереи указывали ревнителямъ старины, откуда собственно происходитъ ихъ противленіе никоновской реформѣ и всякимъ вообще новшествомъ: „а вы, брате Аврамей, говорилъ архіепископъ Иларіонъ, конечно за невѣдѣніе погибаете. Не учася риторства, ни ѳилосоѳства, ниже граматическаго здраваго разума стяжали есте, а начнете говорить выше ума своего" [1].

Иногда увѣщанія архіереями защитниковъ старины переходили въ горячія пренія съ ними, которыя, вслѣдствіе несдержанности спорящихъ, взаимныхъ рѣзкихъ обличеній въ неправославіи, принимали довольно бурный характеръ. Такъ протопопъ Аввакумъ свои пренія съ увѣщевавшими его митрополитомъ крутицкимъ Павломъ и архіепископомъ рязанскимъ Иларіономъ характеризуетъ такимъ заявленіемъ, что онъ „съ кобелями тѣми грызся, яко гончая собака съ борзыми—съ Павломъ и Иларіономъ". Иногда и сами увѣщатели іерархи, въ виду рѣзко-обидныхъ заявленій увѣщаемыхъ, не выдерживали до конца своей умиротворяющей роли, приходили въ крайне возбужденное и гнѣвное состояніе и пускали въ ходъ, относительно увѣщаемыхъ, кулачную расправу. Инокъ Авраамій, вызванный для увѣщаній въ предсоборную коммиссію, изображаетъ такую характерную картину бывшихъ ему увѣщаній: Авраамій сталъ говорить крутицкому митрополиту Павлу, что въ Россіи теперь велятъ всѣмъ учиться новой вѣрѣ, о какой ранѣе и не слыхали, а прежнюю православную вѣру уже считаютъ не правой и что, значитъ, теперь слѣдуетъ всѣмъ, не исключая самихъ архіереевъ, креститься вновь въ эту новую вѣру,

---

[1]) Матер. V, 81. VI, 235. VIII, 164—166. VII, 394—395.

такъ какъ старое крещеніе болѣе уже недѣйствительно. „И сіе мое разсужденіе, говоритъ Авраамій, Павлу митрополиту зѣло полюбилося: не усидѣлъ на мѣстѣ своемъ, и воставъ пріиде ко мнѣ, и любезно ми отъ своего смиренія началъ подавать благословеніе—веземъ мя лѣвою своею рукою за бороду и нача браду мою крѣпко держати, паче же и терзати. И сіе творя святитель, болѣзнуя о мнѣ, исповѣдалъ брады моея, крѣпка ли есть, что бы было за что держати, егда станетъ десницею своею благословлять; вѣдая сіе крѣпкое благословеніе, сего ради держа мя, что бы не пошатился отъ его благословенія, и о помостъ палатный не ушибся. Егда исповѣдалъ браду мою, началъ десницею своею по ланитамъ моимъ довольно мя благословляти, да и по носу довольно мя благословилъ. А приговаривалъ, благословляя, сице: за крещеніе свое я стану,—я крестился крещеніемъ, что Никонъ патріархъ на соборѣ съ архіереи исправилъ. И зѣло распалялся на меня яростію, и збилъ съ главы моея клобукъ и камилавку на полъ, простовласа водя мя по палатѣ за бороду, говорилъ сице: скажи, что разньство въ старомъ и новомъ крещеніи? Азъ же рѣхъ ему: не бранитися азъ съ вами здѣ пріидохъ: довольно ми есть твоего благословенія, и сіе ми любезно есть. И радуяся сердцемъ и лицемъ улыскаяся, рѣхъ ему: припамятуй владыко, что писано въ святыхъ правилѣхъ: іерей, бія вѣрна и невѣрна, извержется. Кольми паче архіерею должно смиреніе имѣти, не яко обладающе причтомъ, но яко образъ стаду бывающе. Онъ же глагола ми: нѣсть ми въ семъ порока,—я хощу тебя, врага довольно бити, яко Николай Арія еретика. Прочія же власти, вологодской и чудовской, якобы устыдилися и говорили съ тихостію Павлу митрополиту, что бы престалъ отъ дерзости“, и Павелъ дѣйствительно прекратилъ наконецъ свою дикую расправу съ увѣщеваемымъ. Когда недѣли черезъ двѣ Авраамія вновь поставили предъ увѣщательной коммиссіей, въ которой находился теперь и рязанскій архіепископъ Иларіонъ, послѣдній старался подѣйствовать на Авраамія ласкою и убѣжденіемъ, называлъ его своимъ братомъ и, въ видахъ нѣсколько оправдать предъ нимъ поведеніе Павла митрополита, во время предшествующаго увѣщанія, говорилъ ему: „ты, прекословя истинѣ, архіерея прогнѣвалъ. Да и о семъ зазираешь архіереомъ, что за твое прекословіе

дерзнулъ рукою. А Господь нашъ непокоривыхъ билъ, намъ образъ показалъ, егда бичъ сотворилъ отъ вервіи, изгналъ купующихъ изъ церкви", т. е. Иларіонъ призналъ, что архіерей, будто бы по примѣру самаго Христа, можетъ и въ правѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, прибѣгать къ личной кулачной расправѣ съ человѣкомъ, прогнѣвавшимъ архіерея своимъ противленіемъ истинѣ [1]).

Такимъ образомъ прежде чѣмъ открыть соборъ, который долженъ былъ заняться окончательнымъ устройствомъ и приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ, царь Алексѣй Михаиловочъ предпринялъ предварительныя мѣры, чтобы на соборѣ церковныя реформы Никона были признаны правыми, для всѣхъ обязательными, и чтобы противящіеся имъ были доведены до сознанія необходимости признать ихъ. Съ этою цѣлію Алексѣй Михаиловичъ, съ одной стороны, еще до созванія собора уничтожилъ всякую возможную оппозицію реформамъ Никона среди архіереевъ и другихъ членовъ собора; съ другой стороны—путемъ настойчивыхъ увѣщаній и убѣжденій важнѣйшихъ защитниковъ церковной старины, старался подготовить почву къ окончательному уничтоженію на соборѣ всякаго противодѣйствія съ ихъ стороны новымъ церковнымъ порядкамъ. И только предпринявъ эти предварительныя мѣры царь 29 апрѣля 1666 года открылъ соборъ.

Прежде чѣмъ говорить о дѣяніяхъ собора 1666 года, мы должны сдѣлать о немъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній, которыя помогутъ намъ лучше разобраться въ ходѣ послѣдующихъ событій.

Подлинныхъ записей о дѣяніяхъ собора 29 апрѣля 1666 года до насъ не дошло, а дошла только ихъ литературная обработка, сдѣланная, по порученію государя, извѣстнымъ тогдашнимъ ученымъ, выходцемъ юго-западной Руси,—старцемъ Симеономъ Полоцкимъ. Полоцкій, при обработкѣ соборнаго матеріала, относился къ нему довольно свободно и даже вносилъ въ соборныя дѣянія и нѣчто свое личное. Такъ онъ придѣлалъ къ соборнымъ дѣяніямъ сочиненное имъ вступленіе, совершенно безсодержательное, не имѣющее никакой исторической цѣнности и къ дѣлу прямо неотнося-

---

[1]) Матер. VII, 391—394.

щееся,—обычный продуктъ тогдашняго пустаго краснорѣчія. Затѣмъ. Вмѣсто подлинной рѣчи царя къ собору, помѣстилъ въ дѣяніяхъ рѣчь своего собственнаго сочиненія. То же онъ сдѣлалъ и съ рѣчью митрополита Питирима, которую тотъ говорилъ отъ лица собора въ отвѣтъ на рѣчь царя. Причемъ самъ Полоцкій въ своихъ соборныхъ дѣяніяхъ дѣлаетъ такія простодушныя помѣты: „Слово великаго государя ко освященному собору. Здѣ написать рѣчь великаго государя, или, доложивъ его, великаго государя, сію послѣдующую" и дѣйствительно затѣмъ въ дѣяніяхъ помѣщаетъ рѣчь своего сочиненія. Или имъ надписано: „здѣсь рѣчь преосвященнаго митрополиты (т. е. Питирима) написати, или, вмѣсто ея, сей отвѣтъ" и помѣщаетъ далѣе отвѣтъ имъ самимъ составленный. Иногда Полоцкій въ своихъ дѣяніяхъ совсемъ опускалъ цѣлыя соборныя засѣданія съ происходившими на нихъ преніями по очень важнымъ вопросамъ. Такъ, на соборѣ 1666—1667 года, въ теченіи нѣскольких засѣданій, происходили очень характерныя и горячія пренія о власти царской и патріаршей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ въ дѣяніяхъ Полоцкаго мы не находимъ и намека на эти засѣданія и пренія, какъ будто въ дѣйствительности ихъ вовсе и не было, хотя съ ними насъ подробно знакомитъ другой достовѣрный современный источникъ. Къ соборнымъ дѣяніямъ Полоцкій относитъ и такія событія, которыя не были собственно соборными дѣяніями, а только предшествовали имъ, какъ предварительныя предсоборныя дѣйствія. Такъ, напримѣръ, его первое соборное дѣяніе, въ которомъ описывается, какъ собравшіеся на соборъ архіереи, прежде чѣмъ приступать къ разсмотрѣнію какихъ либо дѣлъ, рѣшили напередъ „соиспытатися и совзыскати", какъ сами они, архіереи, смотрятъ на греческихъ патріарховъ, на греческія книги и на новоисправленныя съ нихъ русскія, на бывшій при Никонѣ соборъ 1654 года,— не было въ дѣйствительности соборнымъ дѣяніемъ, а предварительнымъ предсоборнымъ актомъ, устроеннымъ по приказанію государя, для уничтоженія всякой возможности со стороны архіереевъ проявить на соборѣ какое либо противодѣйствіе признанію никоновской реформы. Свои письменныя заявленія по указаннымъ вопросамъ всѣ архіереи уже подали въ февралѣ, между тѣмъ какъ соборъ былъ открытъ

только 29 апрѣля. Нѣкоторыя бывшія на соборѣ событія протекали въ теченіи двухъ засѣданій, а въ дѣяніяхъ Полоцкаго онѣ представлены происходящими въ одномъ засѣданіи; или: что происходило нѣсколько позже, у него поставлено ранѣе и наоборотъ. Даже хронологическія данныя, когда происходило то или другое засѣданіе, у него почти совсѣмъ отсутствуютъ. Но что самое главное и существенное: Полоцкій два совершенно различныхъ собора слилъ въ своихъ дѣяніяхъ въ одинъ и описалъ ихъ дѣянія, какъ дѣянія одного собора. Между тѣмъ въ дѣйствительности у насъ было въ 1666 году не одинъ, а два совершенно различныхъ собора: первый былъ открытъ 29 апрѣля, а закрытъ, судя по датѣ на соборномъ наставленіи, не позже 2-го іюля. Второй соборъ того же года былъ открытъ 29 ноября т. е. чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ закрытія перваго и продолжался потомъ въ 1667 году. Эти два собора были существенно различны между собою не только по времени, но еще—прежде всего: по самому составу своихъ членовъ. Соборъ открытый 29 апрѣля 1666 года состоялъ исключительно изъ однихъ русскихъ архіереевъ. Между тѣмъ Полоцкій въ своихъ дѣяніяхъ говоритъ, что въ февралѣ 1666 года собрались „въ царствующій и богоспасаемый градъ Москву, на святый соборъ, преосвященніи архіереи благочестивыя великороссійскія державы *и иностранніи, въ то время прилучившіися въ царствующемъ градѣ Москвѣ*“. Въ дѣйствительности же, хотя въ то время въ Москвѣ были иностранные митрополиты: сербскій Ѳеодосій, газскій Паисій Лигаридъ, иконійскій Аѳанасій и амасійскій Козьма, но ни одинъ изъ нихъ не былъ приглашенъ на соборъ, открывшійся 29 апрѣля, и ни одинъ изъ нихъ не присутствовалъ и не принималъ въ его дѣяніяхъ никакаго участія, въ чемъ ясно удостовѣряютъ сохранившіяся подъ соборными дѣяніями подписи присутствовавшихъ на соборѣ архіереевъ, между которыми нѣтъ ни одной подписи иностранныхъ архіереевъ, что было бы невозможно, если бы они присутствовали на соборныхъ засѣданіяхъ. Да это и понятно. На соборѣ 1666 года, 29 апрѣля, занимались только допросомъ и увѣщаніями отдѣльныхъ защитниковъ старины и рѣшеніемъ чисто мѣстныхъ вопросовъ относительно церковнаго благочинія. Очевидно иностранцы, вслѣдствіе незнанія ими русскаго языка, были на такомъ чисто

русскомъ соборѣ совсѣмъ ненужны и безполезны, не говоря уже о томъ, что русское правительство сначала имѣло въ виду бороться съ мѣстными безпорядками русской церковной жизни своими собственными домашними силами и средствами, не прибѣгая пока къ помощи иностранцевъ. Наконецъ соборъ 29 апрѣля не только составомъ своихъ членовъ отличался отъ собора, открытаго 29 ноября, но и по самому характеру своихъ рѣшеній и поставленій, какъ это мы увидимъ ниже, почему и съ этой стороны указанные два собора никакъ не слѣдуетъ смѣшивать и соединять въ одинъ соборъ, а нужно ихъ разсматривать какъ два отдѣльные самостоятельные собора.

29 апрѣля 1666 года царь открылъ соборъ, состоявшій исключительно изъ однихъ русскихъ архіереевъ, рѣчью къ отцамъ собора, въ которой онъ изображалъ плачевное состояніе тогдашнихъ церковныхъ дѣлъ и всего положенія церкви, и приглашалъ отцевъ собора ревностно потрудиться къ искорененію возникшаго зла и къ водворенію прочныхъ церковныхъ порядковъ. Указывая на возникающій въ русской церкви расколъ, царь говорилъ: „уже богохульное ихъ (противниковъ церкви) плодоношеніе не точію по различныхъ царствія, Богомъ намъ врученнаго, странахъ, градѣхъ же и весѣхъ, обносится, но и въ самый сей градъ престола нашего вомчеся, даже и нашима въ свитцѣхъ рукама, въ словесѣхъ же ушесома, прикоснутися. Яже услышавше мы и прочетше, абіе богонаставленіемъ познахомъ діаволе быти сѣмя, сицевыя хулы содержащее: яко нынѣшняя церковь нѣсть церковь, тайны божественныя не тайны, крещеніе не крещеніе, архіереи не архіереи, писанія лестна, ученіе неправедное и вся скверна и не благочестна. Имже душеубійственнымъ злоплодіемъ мнози скудноумніи повреждошася, аки внѣ ума бывша, заблудиша отъ церкве въ новопрозябшая сонмища, крещеніе отложиша, грѣховъ своихъ іереомъ Божіимъ не исповѣдаша, тайнамъ животворящимъ не причащахуся, вкратце рекше, весма отъ церкви и отъ Бога отчудишася“. Нарисовавъ такую печальную картину тогдашняго состоянія русской церкви, царь обращается съ увѣщаніемъ къ архіереямъ, чтобы они позаботились и порадѣли очистить Божію ниву отъ злыхъ діавольскихъ плевелъ. „Молимъ убо вы и увѣщеваемъ, говорилъ царь, яко да со вся-

кимъ тщаніемъ прилежите о семъ дѣлѣ Божіи, во еже бы намъ о непопеченіи, вамъ же о нерадѣніи и небреженіи, въ страшный день отмщенія Судіи нелицемѣрному слова не воздати“. О себѣ же царь заявляетъ: „се мы свидѣтельствуемъ безначально живущаго и безконечно царствующаго, яко готовы есмы вся наша и самыхъ насъ положити на поборевіе по церкве Божіи; вы точію, о дѣлателіе нивы Христовы, небреженіемъ отягчени не будите“. Затѣмъ царь говорилъ, что онъ, размышляя и прилежно заботясь объ утоленіи мятежа церковнаго, съ особою помощію Божіею нашелъ въ своей царской сокровищницѣ „драгій и безцѣнный бисеръ, преизрядное и преугодное орудіе на искорененіе расколовъ, богодухновенную книгу, Хризовулъ именованную“, которая представляла изъ себя не что иное, какъ дѣяніе цареградскаго собора 1593 года объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, гдѣ, между прочимъ, сполна приведенъ символъ вѣры. Это дѣяніе цареградскаго собора уже давно хорошо было извѣстно и самому царю и нѣкоторымъ присутствовавшимъ сейчасъ на соборѣ лицамъ, такъ какъ оно, съ заключающимся въ немъ символомъ, читано было на соборѣ 1654 года Никономъ въ присутствіи государя, который, слѣдовательно, уже ранѣе слышалъ и хорошо зналъ Хризовулъ и вновь открывать его съ особою Божіею помощію, какъ что-то неизвѣстное, не имѣлъ нужды. Какъ на соборѣ 1654 года Никонъ, такъ на соборѣ 1666 года царь лично прочелъ Хризовулъ и затѣмъ обратился съ вопросомъ къ архіереямъ и боярамъ, тоже присутствовавшимъ на соборѣ: „тако-ли символъ святый и прочія догматы по написанному въ Хризовулѣ держатъ?“ На этотъ вопросъ, отъ имени собора, отвѣчалъ цѣлою рѣчью важнѣйшій и старѣйшій изъ іерарховъ новгородскій митрополитъ Питиримъ. Въ своей рѣчи, которая впрочемъ представляетъ изъ себя сочиненіе Полоцкаго, Питиримъ, прославляя ревность царя, заявляетъ, что всѣ они принимаютъ „богодухновенную книгу (Хризовулъ), яко истинную брань вѣры. Тако вѣримъ, тако держимъ, яко же въ ней святѣйшіи четыре восточніи патріарси, написавшіе руками си и печатьми утвердивше, прислаша, и якоже твое пресвѣтлое царское величество благоволи намъ во всеуслышаніе всѣмъ прочести. Къ симъ вовѣки ничесоже имамы приложити, отъяти, или измѣнити. Инако же держащія.

прилагающія отъемлющія, или измѣняющія за враги имамы церкве Божія, ихже властію, отъ Бога намъ данною, потщимся въ покореніе любезно приводити; на не брегущыя же о семъ и жезла нашего духовныя силы не усумнимся употребити, способіемъ прекрѣпкія твоея царскія десницы". Послѣ такого отвѣта Питирима отъ лица собора, царь самъ сначала поцѣловалъ символъ, находящійся въ Хризовулѣ, „и вручи и просвѣщенному собору, его, вси почину цѣловавшіе архіереи, предаша и благороднымъ болярамъ, окольничимъ и думнымъ людемъ, ко еже цѣловати". Это цѣлованіе символа всѣми членами собора, не исключая присутствовавшихъ на соборѣ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, замѣняло, такъ сказать, поименную голосовку въ пользу признанія всѣми членами собора новоисправленнаго при Никонѣ символа, а вмѣстѣ и всѣхъ вообще книжныхъ исправленій. Послѣ этого царь закрылъ первое соборное засѣданіе, и на слѣдующія болѣе не являлся. Самыя соборныя засѣданія, открытыя въ его царской столовой палатѣ, начиная со втораго засѣданія, происходили уже въ патріаршей крестовой палатѣ въ присутствіи только однихъ духовныхъ лицъ.

На второмъ засѣданіи соборъ имѣлъ дѣло исключительно съ вятскимъ епископомъ Александромъ. Послѣдній, какъ мы знаемъ, будучи личнымъ врагомъ Никона, который, закрывъ коломенскую епархію, перевелъ изъ нея Александра въ далекую Вятку, подавалъ царю челобитную, въ которой онъ сильно нападалъ лично на Никона, изображая его, какъ патріарха, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Но на этомъ Александръ не остановился, а перешелъ къ нападенію на книжныя исправленія Никона, почти во всемъ сходясь въ этомъ случаѣ съ защитниками старины, у которыхъ, поэтому, Александръ и пользовался особымъ уваженіемъ и расположеніемъ. Естественно, что соборъ, единодушно рѣшившійся признать правыми церковныя реформы Никона и осудить всѣхъ противящихся имъ, не могъ оставить безъ вниманія Александра, вносившаго разладъ въ единодушную епископскую среду и оказывавшаго, уже благодаря своему епископскому сану, сильную нравственную поддержку всѣмъ защитникамъ старины. Александръ былъ подвергнутъ соборнымъ увѣщаніямъ, ему показана была ошибочность и неправота его нападеній

на новоисправленныя книги, и онъ принужденъ былъ сознаться въ своихъ заблужденіяхъ и принести въ нихъ раскаяніе, признавъ, вмѣстѣ съ другими архіереями, полную правильность и законность всѣхъ новыхъ церковныхъ порядковъ. Это отреченіе отъ прежнихъ воззрѣній Александръ выразилъ письменно, причемъ, вполнѣ присоединяясь къ признанію, вмѣстѣ со всѣми другими архіереями, православія тогдашнихъ греческихъ патріарховъ, греческихъ печатныхъ книгъ и московскаго собора 1654 года, писалъ еще: „а еже, предъ симъ временемъ, яко человѣкъ метохся о вышеписанныхъ, паче же о прилагательномъ имени во святомъ символѣ, еже *истиннаго*, якоже возмнѣся немощи моей, его же коварству самъ въ себѣ не свѣдѣхъ, мнѣхъ, яко правъ мысля, та вся моя сомнѣнія весьма повергаю, отреваю, и оплеваю; понеже о всѣхъ о нѣхъ нынѣ истинно увѣрихся добрымъ увѣреніемъ, паче же о прилагательномъ имяни во святомъ символѣ отъ древнихъ рукописныхъ книгъ, и отъ греческихъ, яко святая соборная апостольская восточная церковь, мати наша, въ символѣ вѣры прилагательнаго имяни никогда же имѣ и не имать. Сего ради отнынѣ и азъ безъ всякаго сомнѣнія тако держу и отъ сердца моего исповѣдую“.

Покаяніе епископа Александра на соборѣ имѣло большое нравственное значеніе и должно было вліять на успѣхъ усилій примирить поклонниковъ и защитниковъ старины съ новыми церковными порядками. На ихъ сторонѣ доселѣ былъ одинъ архіерей, но и тотъ теперь, по убѣжденію, отказался отъ нихъ, какъ отъ защитниковъ неправыхъ мнѣній и публично перешелъ на сторону ихъ противниковъ. Примѣръ епископа Александра, очевидно, долженъ былъ повліять и на другихъ сторонниковъ старины, побудить и ихъ къ примиренію съ церковію.

Послѣдующія засѣданія собора были посвящены тому, что на нихъ, по очереди, призывались главнѣйшіе и вліятельнѣйшіе представители и поборники церковной старины, ранѣе доставленные въ Москву, которымъ отцы собора производили увѣщанія и разъясненія ихъ недоумѣній, приводили доказательства и опроверженія ихъ мнѣній, всячески старались примирить ихъ съ церковію. Они привлечены были на соборный судъ не за то собственно, что держались старыхъ

до никоновскихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, но за то именно, какъ прямо говорятъ соборныя дѣянія, что приверженцы старины всѣмъ и всюду публично проповѣдывали и писали: „яко нынѣшняя церковь нѣсть церковь, тайны божественныя не тайны, крещеніе не крещеніе, архіереи не архіереи, писанія лестна, ученіе неправедное и вся скверна и неблагочестна“. Соборъ призывая главнѣйшихъ борцовъ за церковную старину, перечислялъ каждому его заблужденія, за которыя онъ и подвергнутъ соборному суду. Но при этомъ соборъ ни одному изъ нихъ ни разу не поставилъ въ вину того обстоятельства, что они держатся старыхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, какъ по существу неправыхъ, или еретическихъ и потому чуждыхъ православной церкви. Относительно, напримѣръ, протопопа Аввакума соборъ указываетъ слѣдующія его вины, за которыя онъ преданъ соборному суду: „писа бо хулы на святаго символа исправленіе, на тріехъ первыхъ перстовъ въ креста воображеніи сложеніе, на исправленіе книжное и исправители, на согласіе пѣнія церковнаго; оклевета же и священники московскія, аки невѣрующія во Христа вочеловѣчьшася, и не исповѣдающія Его воскресенія, еще же аки именующихъ несовершенна быти Царя со Отцемъ на небеси Христа Господа, и Духа Святаго не истиннаго исповѣдающихъ, и иныя многія симъ подобныя иже и клеветы не убояся Бога написати, къ нимже приложи, яко епилогъ, матересловіе, возбраняя православнымъ христіаномъ отъ священниковъ, новоисправленныхъ книгъ во священнодѣйствіи употребляющихъ, божественныхъ тайнъ комканія сподоблятися. О сихъ всѣхъ отъ священнаго собора стязанъ бяше и не покорися, клеветникъ и мятежникъ, паче же злобу злобѣ прилагая, укори въ лице весь священный соборъ, вся неправославнымъ нарицая“. За подобныя же вины соборъ судилъ и всѣхъ другихъ защитниковъ старины, причемъ настоятельно требовалъ отъ нихъ только одного, чтобы они не хулили новоисправленныхъ книгъ и ихъ приверженцевъ, не произносили бы хулы на всю русскую церковь за то что она будто бы, ради признанія новоисправленныхъ книгъ, потеряла православіе и сдѣлалась еретическою. При этомъ соборъ терпѣливо старался разъяснить каждому подсудимому законность и правильность Никоновской роформы и вмѣстѣ полную ошибоч-

ность и несостоятельность ихъ возраженій противъ нея. Относительно, напримѣръ, суздальскаго священника Никиты Добрынина соборныя дѣянія говорятъ: „начаша ему архіереи отверзати умная очеса и являти его невѣжества, толковати же божественныхъ писаній трудности; онъ же, окаянный, уподобися аспиду, затыкающему ушеса своя на гласъ обѣвающаго, не хотѣ и слушати архіерейскихъ увѣщаній, но гордостію діявольскою напыщенъ бывъ, глагола единаго себѣ искуснѣйша быти божественныхъ писаній, ниже вси архіереи. Обаче они, яко добріи врачеве, презирающе и забывающе вся укоризны и руганія его нестерпимая, не престаша его молити же и увѣщати ко обращенію". Или, напримѣръ, относительно дьякона Өедора соборныя дѣянія говорятъ: „начаша его архіереи увѣщати со любовію, да пріидетъ въ чувство, и показаша ему, яко вся по преданію святыхъ отецъ благочестно исправишась, благодатію пресвятаго и животворящаго Духа; онъ же, отъ князя тьмы помраченъ сый во умѣ своемъ, ничесому же внимающе, но во своемъ упорствѣ укрѣпляшеся". Но даже и къ такимъ непокорнымъ лицамъ соборъ оказывалъ возможное снисхожденіе. Такъ, въ соборныхъ дѣяніяхъ относительно Аввакума замѣчено, что за свое упорство и нераскаянность онъ подвергся конечному соборному сужденію; однако же и послѣ того „паки увѣщенъ бѣ ко обращенію; но тщетенъ трудъ и жданія бяше", и уже только послѣ этого послѣдняго увѣщанія онъ сосланъ былъ въ Пустозерскій острогъ. О Лазарѣ въ соборныхъ дѣяніяхъ говорится: „многими поученьми добріе пастыріе на путь истинный наставляху и вредъ его душевный врачеваху, давше ему многихъ мѣсяцевъ поприще ко исправленію, терпяще его даже до пришествія святѣйшихъ патріархъ: Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго. Но ни мало успѣша. [1]).

Вполнѣ естественно было, что указанный въ высшей степени тактичный и примирительный образъ дѣйствій русскихъ іерарховъ на соборѣ 1666 года, какого они держались относительно приверженцевъ старины, согласно желанію и приказу государя, сопровождался самыми благими послѣд-

---

[1]) Дѣянія собора 1666 года напечатаны въ полномъ видѣ въ Матеріалахъ для исторіи раскола т. II.

ствіями. Почти всѣ привлеченные къ соборному суду защитники церковной старины, благодаря кроткимъ, разумнымъ и примирительнымъ увѣщаніямъ архипастырей, остерегавшихся раздражать и озлоблять увѣщеваемыхъ порицательнымъ отношеніемъ къ родной старинѣ, сознались въ ошибочности взводимыхъ ими ранѣе обвиненій на новоисправленныя книги, покаялись въ своихъ заблужденіяхъ и соединились съ церковію. Только очень немногіе, именно: Аввакумъ, Лазарь, дьяконъ Ѳедоръ и подъякъ Ѳедоръ—всего четыре человѣка, не смотря на увѣщанія собора, остались непреклонными въ своихъ заблужденіяхъ, не захотѣли отказаться отъ обвиненій церкви въ еретичествѣ и потому подвергнулись конечному соборному осужденію (лишенію сана и анаѳемѣ) за свое упорство. Но это, очевидно, были только единицы, которые къ тому же уже не имѣли подъ собою прежней твердой почвы и потому не могли быть особенно опасными въ будущемъ для мира церкви. Даже возможно думать, что и эти лица, если бы къ нимъ и къ защищаемой ими старинѣ и потомъ относились строго въ духѣ собора 1666 года, съ теченіемъ времени одумались бы и тоже соединились съ церковію.

Такъ думать даетъ право то обстоятельство, что и на указанныхъ нами не многихъ самыхъ упорныхъ и ожесточенныхъ защитниковъ старины находили однако минуты сомнѣнія, колебаній, неувѣренности въ правотѣ защищаемаго ими дѣла. Протопопъ Аввакумъ разсказываетъ о своемъ настроеніи послѣ лишенія его соборомъ сана и преданія анаѳемѣ слѣдующее: „егда мнѣ темныя власти волосы и бороду остригли и проклявши за твоимъ (т. е. царкимъ) карауломъ на Угрѣшѣ въ темницѣ держали, о, горе мнѣ, не хочется говорить, да нужда влечетъ!—тогда нападе на мя печаль, и зѣло отяготихся отъ кручины и размышляхъ въ себѣ: что се бысть, яко древле и еретиковъ такъ не ругали, яко же меня нынѣ,—бороду и волосы отстригли и прокляли и въ темницѣ затворили: никоніане пуще отца своего Никона надомною бѣднымъ сотворили. И о томъ стужахъ Божеству, да явитъ ми, *не тунє-ли мое бѣдное страданіе?* „Дьяконъ Ѳедоръ про себя разсказываетъ, что когда онъ сидѣлъ въ заточеніи въ Угрѣшскомъ монастырѣ, „по тріехъ недѣляхъ помысли окаянный молити всещедраго

Бога, дабы извѣстилъ сердцу моему Христосъ: *аще неправо что старое наше благочестіе и новое что добро*". Онъ же разсказываетъ про себя: „егда пріиде намъ вѣсть, яко Соловецкій монастырь взятъ бысть и разоренъ: и азъ грѣшный вельми оскорбихся о томъ, и правило отвергъ того дни, и начатъ сѣдя стужати Христу—свѣту, и отъ горести съ досадою глаголати, яко вскую попусти послѣднюю обитель разорити и осквернити,—бія рукама своима въ перси и о постелю свою отъ зѣльныя жалости; презрѣлъ мя еси Господи—глаголаше,—и не хощу уже впредь просити у Тебя ни очемъ, ни псалмовъ пѣти, токмо едино: создавый мя, помилуй мя, глаголати, буди воля Твоя!... По семъ азъ о клятвахъ сумнѣвахся и сѣтовахъ нѣкогда. Въ постъ Филиповъ отпѣвъ заутреню рано, и повалихся на скамейку, и начахъ размышляти въ себѣ, глаголя: что се, Господи, будетъ? тамо, на Москвѣ, клятвы вси власти налагаютъ за старую вѣру и на прочихъ вѣрныхъ, и здѣ у насъ между собою стали клятвы и мои друзи мене проклинаютъ за несогласіе съ ними въ вѣрѣ же, во многихъ догматѣхъ, болши и никоніянскихъ!... Да еще ми бысть, продолжаетъ разсказывать Өедоръ, печаль велія послѣ казни нашея здѣ, яко дни три лишитимися и правила обычнаго всего: зане стужихъ си продолженія ради мучительскаго томительнаго, бысть въ смущеніи велицѣ, и по премногу отяготихся скорбію отъ зельнаго томленія, яко разоренъ есть и обруганъ отъ отступникъ, и разлученъ со всѣми своими, и въ далекую страну заточенъ, и обрѣзанъ двократы языка, и обсѣченъ рукою, и живъ въ земли загребенъ, яко во гробѣ, и заключенъ и злою стражею ограженъ, и гладомъ и наготою и всякою тѣснотою утомляемъ есмь, и дымомъ повсядневнымъ и горкимъ чадомъ умерщвляемъ всегда. И стѣняхъ зѣло къ Богу о семъ, глаголя: Господи сердцевѣдче всѣхъ праведный судія! Что будетъ по семъ Твоя святая воля о насъ бѣдныхъ? И проклинахъ день рожденія своего, яко же Іовъ, отъ зельныя печали тоя".

На возможность, при благопріятныхъ условіяхъ, примиренія съ реформою Никона и самыхъ упорныхъ ея противниковъ указываетъ слѣдующій случай, бывшій съ Аввакумомъ. Въ Тобольскѣ, разсказываетъ про себя Аввакумъ, онъ сталъ было ходить изъ простаго любопытства въ православную

церковь и сначала только ругался надъ новымъ богослуженіемъ, „а какъ привыкъ ходить, такъ и ругаться не сталъ, что жаломъ—духомъ антихристовымъ и ужалило было“. Кромѣ того въ средѣ отдѣлившихся въ церкви изъ за обряда и книжныхъ исправленій, еще очень рано появились уже распри, несогласія, нетерпимость, взаимныя обличенія въ неправославіи. Сами главари старообрядчества въ своихъ сочиненіяхъ рисуютъ такую картину положенія дѣлъ среди ихъ приверженцевъ: протопопъ Аввакумъ пишетъ: „меня никоніяня еретикомъ зовутъ, дѣти духовныя еретикомъ же зовутъ“. Онъ же говоритъ о своихъ послѣдователяхъ: „затекаете во многомъ мудрованіи своемъ и уже другъ друга гнушаетеся, и хлѣба не ядите другъ съ другомъ. Глупцы! отъ гордости што черви капустныя, всѣ пропадете... Да не дивися ты тому, что нѣсть согласія между вѣрными... У насъ повсюду ропотъ, да счетъ, да самомнѣніе съ гордостію, да укоризны другъ друга, да напыщеніе на искреннихъ, да всякъ учитель, а послушниковъ и нѣтъ“. Дьяконъ Ѳедоръ поучаетъ своихъ послѣдователей: „отъ всякія злыя вещи огребайтеся, и пустыхъ распрей и свировъ бѣгайте. Сими злыми діаволъ въ насъ любовь разоряетъ, еже есть начало и конецъ всякому благу: исполненіе бо закона любви есть [1]).

Наряду съ распрями и несогласіями, проявившимися такъ рано между противниками церковной реформы Никона, скоро обнаружилось между ними и нѣчто болѣе важное, именно: мудрованія неправославныя и прямо еретическія. Дьяконъ Ѳедоръ говоритъ: „есть бо нынѣ мнози отцы и братія наша и матери и сестры страждутъ и умираютъ съ нами за старыя книги и догматы церковныя, добрѣ зѣло, по истинѣ; нѣцыи же отъ нихъ къ той истинѣ по неразумію много приплетаютъ ложное мудрованіе о святыхъ тайнахъ тѣла и крови Христовѣ: вѣруютъ бо и мнятъ неподобно, еже освящатися и прилагатися хлѣбу и вину въ тѣло и кровь Христову на проскомидіи, преже еще и начала литоргіи, и съ никоніяны всуе прятся о томъ, и страданіе праведное тою неправдою безчестятъ, и вину укоризненную врагамъ своимъ сами даютъ на ся праведну.., Есть бо нѣціи невѣжи отъ нашего священнаго чина и отъ простолюдинъ, кои

[1]) Матер. V, 61, 153, 158, 217, 245. VIII, 84. VI, 93, 95, 132—133 268. I, 619.

мнятъ и просто вѣруютъ, прежде начала обѣдни совершенно тѣло Христово и кровь, и къ тому приводятъ отъ Херувимскія пѣсни: „яко царя всѣхъ подъемлюще". Къ числу такихъ „невѣждъ отъ нашего духовнаго чина", имѣвшихъ „ложное мудрованіе" о времени пресуществленія святыхъ даровъ принадлежалъ прежде всего извѣстный суздальскій священникъ Никита Добрынинъ, обыкновенно называемый Пустосвятъ. Въ челобитной государю Никита не разъ настойчиво заявляетъ, стараясь привести въ доказательство разныя свидѣтельства, что еще на проскомидіи „силою и дѣйствіемъ пресвятаго и животворящаго Духа хлѣбъ въ самое истинное тѣло Христово, иже насъ ради на крестѣ прободенное, претворяется, и вино и вода въ самую истинную боготочную кровь и воду, истекшу изъ пречистыхъ прободенныхъ ребръ его, умнѣ же и невидимо, паче всякаго естественнаго смысла, яко же той самъ воплотившійся и пострадавшій плотію Христосъ Богъ вѣсть" [1]).

Такихъ же „неподобныхъ" вѣрованій на время пресуществленія святыхъ даровъ держались и такіе столпы старообрядства, какъ Аввакумъ и Лазарь. Но къ этимъ неподобнымъ вѣрованіямъ у нихъ присоединялись еще ложныя мудрованія о св. Троицѣ и по другимъ вопросамъ христіанскаго вѣроученія. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны и характерны пренія, происходившія между дьякономъ Ѳедоромъ, Аввакумомъ и Лазаремъ. Протопопъ Аввакумъ говоритъ объ этомъ: „увы мнѣ грѣшному! Ей, слезамъ достойно есть! у меня здѣсь діяволъ отъ десныхъ ссору положилъ,— въ догматахъ считалися да и разбилися. Молодой щенокъ, Ѳедоръ дьяконъ, сынъ духовный мнѣ, учалъ блудить надъ старыми книгами и о святой Троицѣ предкнулся и о Христовѣ во адъ сошествіи и о иныхъ, догматствуя по никоніянки, нелѣпотно. Въ книгѣ моей написано и послано къ вамъ о Господѣ. Азъ же, не утерпѣвъ безумію его, и слышати не могъ хулы на Господа Бога моего, отрѣзалъ его отъ себя и положилъ подъ клятвою, не ради внѣшнихъ досадъ,—никакоже!—Но ради безстудства его на Бога и хулы на старыхъ книгъ. Буди онъ проклятъ онъ—врагъ Божій!" Дьяконъ Ѳедоръ, съ своей стороны, подробно разска-

[1]) Матер. VI, 127—128, 130. IV, 13, 52, 57.

зываетъ въ чемъ именно состояли его пренія съ Аввакумомъ и Лазаремъ. „А распри со мною у нихъ, говоритъ онъ, много было зѣло, и брани и клятвы другъ съ другомъ о многихъ догматѣхъ великихъ сихъ. Они убо, протопопъ Аввакумъ и попъ Лазарь, начали Троицу на трехъ престолѣхъ исповѣдовати, и трибожну, и трисущну глаголютъ; и въ трехъ лицахъ по три состава глаголетъ Лазарь; а Христа четверта Бога глаголютъ быти и на четвертомъ престолѣ сѣдяща, и самаго существа божественнаго не исповѣдываютъ, но силу и благодать отъ сыновни ипостаси, изліявшуюся въ дѣвицу, глаголютъ, а самое де существо сыновне и Духа святаго на землю никогда не сходитъ, но сила и благодать посылается. Духъ святъ не самъ же сходилъ въ пятидесятницу глаголютъ. Мѣстомъ убо описуютъ они божество Св. Троицы, поіюдейски, плотскимъ разумомъ. А во адъ схожденіе Христово съ плотію по востаніи отъ гроба исповѣдуетъ Аввакумъ, и востаніе Христово отъ гроба не называетъ воскресеніемъ, но востаніемъ токмо, а воскресъде, какъ изо ада вышелъ. А Лазарь глаголетъ едину душу бывшу во адѣ съ силою Божества и безъ плоти, до возстанія отъ гроба, и возстаніе Христово отъ гроба называетъ воскресеніемъ,—Лазарь и Аввакуму противится въ томъ. И о преложеніи святыхъ даровъ оба они мудрствуютъ—сначала проскомидіи совершенно тѣло Христово и кровь. И основаніе церкви на Петрѣ апостолѣ глаголютъ, а не на Христѣ самомъ. Азъ же діяконъ Ѳеодоръ всего ихъ мудрованія не пріемлю, но отметаю и обличаю, и пренія творю съ ними за ты вся, вышереченная здѣ... А протопопъ Аввакумъ востанія Христова изъ гроба не называетъ воскресеніемъ, но востаніемъ токмо, а воскресъ, глаголетъ, какъ изо ада вышелъ, а до востанія душа его въ рукахъ Отчихъ бысть на небеси: тамо, глаголетъ, ходила къ Богу Отцу, и кровь Христову гостинца носила и на жидовъ била челомъ, еже они Христа убили напрасно... А онъ, Лазарь попъ, часто пряся со мною, вопитъ, глаголя: Троица рядкомъ сѣдитъ,—Сынъ одесную, а Духъ святый ошую Отца на небеси на разныхъ престолахъ,—яко царь съ дѣтьми сѣдитъ Богъ Отецъ,—а Христосъ на четвертомъ престолѣ особномъ сидитъ предъ Отцемъ небеснымъ! И Аввакумъ отъ него пріялъ той злый толкъ, еже четверити Троицу трисвятую... Явно уже и гла-

голютъ такъ,—увы!—аще бы самое существо-де сошло въ Дѣвицу—ту, Христову мать, такъ бы и сожгло ея чрево-то... У ангеловъ онъ, Лазарь, глаголаше власы быти, и торочки на главахъ, и зерцала въ рукахъ и крыла у нихъ... И послѣ казни нашея вскорѣ начася у насъ размова о сошествіи Христовѣ во адъ, о немже писано выше сего, и сошествіи святаго Духа на апостолы во огненныхъ языцѣхъ. Тѣ убо языки на главахъ апостольскихъ не Духа святаго сѣдѣніе глаголалъ онъ, Аввакумъ, но благодать пришедшую изъ апостоловъ сквозь темя: не вмѣстилась-де въ нихъ вся, да и на главы вышла!.. А въ колесахъ живыхъ, еже видѣ пророкъ Езекіилъ предъ престоломъ Господнимъ, въ тѣхъ онъ самую ипостась святаго Духа глаголетъ живущу... А союзникъ мой, отецъ Аввакумъ, клятву налагаетъ на мя за сія, еже азъ во едино Божество вѣрую и три лица святыя Троицы во единомъ Божествѣ исповѣдую, и царю уже и царевнамъ писалъ на мя: діяконъ-де во единобожество впалъ, прельстился!" [1]) Очевидно, нѣкоторые даже главнѣйшіе столпы старообрядчества, въ своемъ религіозномъ міросозерцаніи еще не вышли изъ стадіи грубыхъ антропоморфическихъ представленій о Божествѣ, отъ которыхъ они никакъ не могли отрѣшиться и въ своихъ умствованіяхъ о христіанскомъ догматѣ Св. Троицы.

Указанныя колебанія, распри, нестроенія, взаимныя обличенія, поражающія крайнею грубостію невѣжественныя богословскія мудрованія, которыя такъ рѣзко проявились уже на первыхъ порахъ возникновенія старообрядчества, ясно указывали на внутреннюю его непрочность и несостоятельность, на полную возможность успѣшной борьбы съ нимъ, если бы только и въ послѣдующее время она велась въ духѣ и направленіи дѣятельности русскаго собора 1666 года.

---

[1]) Матер. V, 175—176. VI, 96—132. Даже новѣйшій латинскій догматъ о непорочномъ зачатіи Богородицы, вполнѣ опредѣленно былъ высказанъ однимъ изъ главарей старообрядства. Въ челобитной государя Никита пишетъ: „а пренепорочная Владычица наша пресвятая Богородица и Приснодѣва Марія прародительныя скверны не имѣла: еще бо ей во чревѣ суще матерни освященнѣ и Богу въ жилие проуготованна". Всячески усиливаясь доказать истинность этого положенія, Никита заключаетъ: „и по симъ, великій государь, свидѣтельствамъ и младенцамъ разумно есть, что Пренепорочная Дѣва прародительныя скверны не имѣла" (Матер. IV, 40—49).

Окончательно утвердивъ реформу Никона, осудивъ ея противниковъ не за приверженность къ святой русской старинѣ, а только за хулы на новоисправленныя книги, чины и обряды и за хулы на всю вообще церковь, и тѣмъ положивъ прочное начало къ прекращенію возникавшаго было церковнаго раскола, соборъ 1666 года, обратилъ, въ заключеніе, свое вниманіе на необходимость водворенія болѣе строгаго церковнаго благочинія, на усиленіе надзора за жизнію и пастырскою дѣятельностію духовенства, поскольку она служила поводомъ къ соблазну и нареканію на существующіе церковные порядки. Сдѣлать это было тѣмъ болѣе необходимо, что первые представители старообрядчества, какъ мы знаемъ, принадлежали къ кружку ревнителей благочестія, который образовался въ началѣ царствованія Алексѣя Михаиловича и задался мыслію уничтожить различные пороки и недостатки въ жизни народа, самого духовенства, какъ бѣлаго такъ и чернаго, различные безпорядки, сильно укоренившіеся тогда въ отправленіи различныхъ церковныхъ службъ и т. под. Именно реформы въ этой сферѣ кружекъ ждалъ и требовалъ отъ Никона патріарха, какъ своего бывшаго сочлена и сторонника. Но Никонъ, какъ извѣстно, сдѣлавшись патріархомъ, сосредоточилъ всю свою дѣятельность исключительно на исправленіи церковныхъ книгъ и обрядовъ, оставивъ неисправленною ту сторону жизни, на исправленіи которой особенно усиленно и энергично настаивали ревнители, убѣжденные, что въ исправленіи нуждается самая жизнь, а не книги. Въ этомъ смыслѣ ревнители не переставали дѣлать заявленія и въ послѣдующее время. Попъ Ирадіонъ (дѣло о которомъ разбиралось въ 1660 году) писалъ: „священство въ мірѣ яко душа въ тѣлѣ. Вѣдомо убо буди: епископъ убо вмѣсто всѣхъ Бога, священникъ же—Христа, прочіи же святыхъ ангеловъ; азъ же мню: нѣсть уже ни единаго епископа, чтобы жилъ по епископски, ни священника, чтобы жилъ по священнически, ни инока, чтобы жилъ по иночески, ни христіанина, чтобы жилъ по христіански, вси свой чинъ презрѣша: игумени оставиша свои монастыри и возлюбиша съ мірскими женами и дѣвицами содружатися, а попове, оставльше учительство, и возлюбиша обѣдни части служить и кадило отъ грабленія и отъ блуда на жертву Богу приносити, и мерзостное и кальное

свое житіе всѣмъ являти, и благочестіемъ лицемѣрствующееся, мняще частыми обѣднями Бога умилостивити, недостойни и піяни, помрачени различными злобами, а слова Божія и слышать не хотяще“. Дьяконъ Ѳедоръ, указывая на существующія злоупотребленія при поставленіи въ священно и церковно служительскія должности, замѣчаетъ: „сіе бо имъ подобаше исправляти, а не догматы отеческія превращати“. Инокъ Авраамій тоже замѣчаетъ: „подобаетъ имъ, государь, самихъ себе исправити, еже по закону божественному свое житіе устроити, а не законъ божественный своими умыслами развращати“ [1]).

Справедливость указанныхъ жалобъ и обличеній ревнителей была для всѣхъ очевидна. Всѣ истинно благочестивые люди дѣйствительно соблазнялись тогда разными церковными безпорядками и нестроеніями и искренно желали, чтобы архипастыри уничтожили ихъ. Въ виду этого соборъ русскихъ іерарховъ 1666 года рѣшился восполнить реформу Никона, сдѣлать то, что Никонъ не могъ, или не успѣлъ сдѣлать т. е. рѣшился по возможности уничтожить тѣ злоупотребленія и недостатки въ религіозно-церковной жизни, на которые жаловались ревнители еще при патріархѣ Іосифѣ и на которые потомъ съ удареніемъ указывали противники церковной реформы Никона, поясняя при этомъ, что современные архипастыри занимаются только никому ненужными и не для кого неполезными передѣлками святой старины, а о томъ, что дѣйствительно требуетъ исправленія и передѣлки, что служитъ постояннымъ соблазномъ для всѣхъ вѣрующихъ,—объ исправленіи этого они не заботятся.

Соборъ 1666 года обращается ко всѣмъ пастырямъ съ особымъ довольно обширнымъ воззваніемъ, въ которомъ онъ заповѣдуетъ пастырямъ церкви по новоисправленнымъ книгамъ „исправляти церковное все славословіе чинно и немятежно и единогласно, и гласовое пѣніе пѣти на рѣчь, часъ же девятый велѣть пѣти купно съ вечернею, а не по литургіи, ниже прежде литургіи“. Заповѣдуетъ, чтобы священники наблюдали за опрятнымъ содержаніемъ всѣхъ церковныхъ предметовъ, за правильнымъ веденіемъ записей о рожденіи и крещеніи, умершихъ, о бракахъ, чтобы священники

---

[1]) Матер. I, 670 VI. 42, 68—69. VII, 290.

и дьяконы провожали умершихъ на кладбища, не погребали у церкви и не отпѣвали тѣхъ, которые не были на исповѣди безъ особенно уважительныхъ причинъ, чтобы они „страха ради человѣческаго, или сана величества стыдяся, мзду нѣкую получивъ“, не допускали до пріобщенія св. таинъ лицъ недостойныхъ, и чтобы для напутствованія болящихъ, шли къ нимъ безъ всякаго замедленія, „дабы не единъ христіанинъ, малъ и великъ, не отошелъ свѣта сего безъ покаянія и елеосвященія и причащенія тѣла и крове Христовы“. Соборъ предписываетъ поповскимъ старостамъ и десятскимъ накрѣпко смотрѣть, „чтобы священноиноцы и священницы, и прочіи иноцы и причетницы не упивались и въ корчмы пити бы не ходили и отъ сквернословія и срамословія и кощунства всякаго удалялися“ и хранили бы священный чинъ священства „беззазорнымъ своимъ жительствомъ“. Предписывается чтобы священники поучали мірскихъ людей „по вся воскресенія по литургіи, раздавъ антидоръ“, внушали бы своимъ прихожанамъ неопустительно посѣщать всѣ церковныя службы, и приносить въ даръ церкви свѣчи, ладонъ и вино, а для нищихъ милостыню, „комождо по силѣ отъ праведнаго притяжанія, а не отъ грабленія и обиды и проклятаго мздоиманія неправеднаго“; чтобы молящіеся „стояли въ церквахъ тихо и немятежно, и пѣнію бы и чтенію внимали и Господу Богу о оставленіи грѣховъ своихъ молилися отъ всея души, со умиленіемъ, и воздыханіемъ, и со слезами, и въ молитвахъ своихъ поклоненія во время учиненное творили со знаменіемъ на себѣ честнаго креста“. Въ видахъ соблюденія чинности и тишины во время богослуженія соборъ „накрѣпко“ наказываетъ священникамъ наблюдать, „чтобы нищіе въ церкви, во время пѣнія, по церкви не бродили милостыни просити, а стояли бы въ церкви нищіе тихо во время божественнаго пѣнія, или бы стояли на паперти“, гдѣ и должна имъ подаваться милостыня, непокорныхъ же нищихъ „велѣти смиряти священникамъ за безчинство“. Въ этихъ же видахъ соборъ предписываетъ священникамъ: „тако же бы велѣти имати и власы растящихъ, и ризы черные носящихъ, и босыхъ ходящихъ, иже мнятся благоговѣйни быти, не суть же такови,— сихъ имати и приводити на патріаршей дворъ, а въ прочихъ епархіяхъ по градамъ приводити на митрополіи и

архіепископліи и епископліи дворы". Относительно черного духовенства соборъ заповѣдуетъ архимандритамъ и игуменамъ, подъ угрозою епитиміи, чтобы черные попы и дьяконы, безъ особаго разрѣшенія мѣстнаго архіерея, ни подъ какимъ видомъ не переходили изъ монастыря въ монастырь, и чтобы никто и ни кого не смѣлъ постригать въ иноческій чинъ въ домахъ, а постригали бы только въ монастыряхъ, при свидѣтеляхъ, и не иначе бы, какъ послѣ долгаго искуса на монастырскихъ работахъ.

Въ своемъ воззваніи къ пастырямъ церкви соборъ 1666 года внушаетъ всѣмъ пастырямъ держаться новоисправленныхъ Никономъ книгъ, при этомъ однако вовсе не упоминаетъ о старыхъ книгахъ, какъ неправыхъ; вовсе умалчиваетъ и о старомъ обрядѣ, какъ испорченномъ, а только рекомендуетъ обрядъ новоисправленный, не показывая его отношенія къ старому. Такъ, соборъ предписываетъ знаменовать себя въ крестномъ знаменіи тремя перстами, но при этомъ вовсе не говоритъ, чтобы двоеперстная форма перстосложенія, которой въ то время держалось большинство, была неправославная, еретическая-армянская, какъ ранѣе торжественно увѣрялъ въ этомъ антіохійскій патріархъ Макарій, не говоритъ, чтобы двоеперстіе было недопустимо для православныхъ. Соборъ предписываетъ при крестномъ знаменіи говорить молитву: Господи І. Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, а не такъ, какъ говорятъ нѣкоторые: Господи І. Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, при чемъ замѣчаетъ: „отъ обычая нѣкихъ глаголется и сія молитва, и не обхуждаемъ ю симъ, зане предводительствуетъ сей молитвѣ предложенная отъ насъ здѣ молитва". Священникамъ повелѣвается при благословеніи слагать персты имянословно, но рядомъ съ этимъ вовсе нѣтъ запрещенія употреблять при благословеніи и иное перстосложеніе. Только относительно аллилуіи отцы собора рѣшительно требуютъ, чтобы всѣми обязательно употреблялась трегубая аллилуіа, а никакъ не сугубая, такъ какъ, говорятъ отцы собора, „еже въ житіи святаго Ефросима псковскаго писано глаголати дважды аллилуіа, въ третье: слава тебѣ Боже, *и о семъ не могите прется*, зане тамо писано велія и несказанная хула на святую живоначальную Троицу, ея же и писанію предати не мощно" [1]).

[1]) Матер. II, 120—144.

Такимъ образомъ, принципъ: не хулить старыя книги, чины и обряды, не порицать и не укорять держащихся ихъ, былъ очевидно, строго проведенъ и въ соборномъ воззваніи русскихъ іерарховъ ко всѣмъ пастырямъ церкви, чѣмъ, конечно, отнимались поводы къ препирательствамъ и взаимнымъ неразумнымъ обличеніямъ въ неправославіи между держащимися стараго и новоисправленнаго обряда и создавалась прочная основа для ихъ примиренія, которое, при такомъ положеніи дѣлъ, составляло уже только вопросъ времени. Если же въ дѣйствительности этого не случилось, то на это были особыя причины, о которыхъ будемъ говорить ниже.

Въ дѣятельности собора 1666 года относительно старообрядчества было однако и нѣчто недоговоренное, что препятствовало окончательному и быстрому водворенію церковнаго мира и настоятельно требовало разъясненія. Соборъ 1666 года призналъ и узаконилъ существованіе въ русской церкви новоисправленнаго церковнаго чина и обряда. Но и старый церковный чинъ и обрядъ тоже былъ торжественно узаконенъ такимъ же соборомъ русскихъ іерарховъ 1551 года и, къ тому же, былъ освященъ вѣковымъ употребленіемъ церкви. Значитъ и новый и старый обрядъ одинаково опирались на постановленія соборовъ русскихъ іерарховъ и съ этой точки зрѣнія были, конечно, вполнѣ равноправны. Но практически новый обрядъ уже признавался теперь церковію высшимъ и совершеннѣйшимъ нежели старый, который осуждался на вымираніе. При спокойномъ теченіи дѣлъ этотъ процессъ вымиранія стараго обряда и постепенной его замѣны новымъ, совершился бы конечно самъ собою незамѣтно, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Но совсѣмъ другое дѣло, когда явился сильный и энергичный протестъ относительно замѣны стараго обряда новымъ, причемъ этотъ протестъ рѣшительно и твердо опирался на существующія и никѣмъ еще неотмѣненныя постановленія Стоглаваго собора 1551 года. При такомъ положеніи дѣлъ, очевидно, требовалось точное и ясное опредѣленіе того, какъ постановленія собора 1666 года относятся къ постановленіямъ собора 1551 года, такъ какъ одного умолчанія о соборѣ, ранѣе узаконившемъ старый обрядъ, какъ единственно православный, при данныхъ обстоятельствахъ, было

недостаточно. Собору 1666 года необходимо было рѣшительно высказаться: ровноправенъ или нѣтъ старый обрядъ съ новымъ, считать ли постановленія Стоглаваго собора отмѣненными или еще имѣющими свое значеніе? А между тѣмъ соборъ 1666 года, подобно патріарху Никону, совсѣмъ умалчивалъ объ этихъ насущныхъ вопросахъ, что конечно немало препятствовало успѣху умиротворенія враждовавшихъ изъ за церковнаго обряда. Былъ и другой очень важный пунктъ, оставшійся совершенно неуясненнымъ соборомъ 1666 года. Дѣло въ томъ, что приверженцы старины постоянно и настойчиво проповѣдывали всѣмъ и всюду, что если Никонъ и его послѣдователи измѣнили церковный обрядъ и чинъ, то значитъ они перемѣнили и самую вѣру, ибо, по ихъ убѣжденію, обрядъ такъ же всегда единъ и неизмѣненъ, какъ всегда едино и неизмѣнно самое ученіе вѣры, измѣненіе обряда есть необходимо измѣненіе самой вѣры, почему они считали всѣхъ державшихся новоисправленнаго обряда оставившими старую вѣру и замѣнившими ее новою. Дьяконъ Ѳедоръ, напримѣръ, прямо говоритъ: „подобаетъ вамъ по новымъ книгамъ сызнова и крещеніе пріяти отъ новыхъ своихъ святителей, а то уже старое крещеніе не во спасеніе будетъ вамъ, но во осужденіе вѣчное и на проклятіе“. Правда, новообрядцы старались завѣрить старообрядцевъ, что принявъ исправленные Никономъ церковные чины и обряды, они этимъ вовсе не измѣняли своей вѣры, которая остается у нихъ все тою же, какою она была и ранѣе, что принятый ими новоисправленный обрядъ вовсе не вводитъ чего либо новаго въ ихъ прежнія вѣрованія, такъ что о замѣнѣ старой вѣры новою не можетъ быть, въ данномъ случаѣ, и рѣчи. Но старообрядцы никакъ не могли понять того, какимъ образомъ можно измѣнять обрядъ, а въ то же время не измѣнять самой вѣры, какимъ образомъ принявъ новый обрядъ, въ то же время можно остаться при прежней вѣрѣ. Вотъ именно этотъ-то пунктъ, совершенно непонятный тогдашнимъ старообрядцамъ и служившій для нихъ главнѣйшимъ камнемъ преткновенія въ дѣлѣ принятія новоисправленнаго обрада, и требовалось прежде всего объяснить и сдѣлать вполнѣ понятнымъ. А между тѣмъ ни ранѣе, ни на соборѣ 1666 года, этотъ въ высшей степени важный пунктъ не былъ однако выясненъ, вслѣдствіе чего

у приверженцевъ старины и не было уничтожено недовѣріе къ новоисправленному обряду, не было уничтожено ихъ подозрѣніе, что принявшіе новый обрядъ не измѣнили, ради этого, своей старой вѣры, а это необходимо вело къ дальнѣйшимъ прискорбнымъ столкновеніямъ между сторонниками стараго и новаго обряда. Впрочемъ, указанные нами пункты, обойденные соборомъ русскихъ іерарховъ 1666 года, были потомъ рѣшены на соборѣ 1667 года въ присутствіи восточныхъ патріарховъ, но рѣшены были такъ своеобразно, что вызвали формальное появленіе въ русской церкви раскола старообрядчества, о чемъ подробно скажемъ ниже.

ГЛАВА II.

Отношеніе между властью государственной и церковной въ древней Руси до патріаршества Никона.

Отношеніе власти церковной и государственной въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Съ появленіемъ сильной власти великаго князя московскаго русскіе митрополиты становятся въ полную зависимость отъ великихъ князей, а потомъ царей московскихъ. Патріаршество было учреждено у насъ царемъ, царями избирались всегда и всѣ московскіе патріархи. Епархіальные архіереи назначались у насъ царемъ. Все епархіальное управленіе, какъ патріарха такъ и другихъ архіереевъ, находилось подъ постояннымъ контролемъ царя. Царь созывалъ церковные соборы, назначалъ лицъ, какія должны были присутствовать на нихъ, предлагалъ вопросы на обсужденіе собора, наблюдалъ за соборными преніями и обсужденіями, придавалъ окончательную редакцію соборнымъ дѣяніямъ, отрицалъ или утверждалъ состоявшіяся соборныя постановленія и придавалъ имъ силу закона.

Обыкновенно патріархъ Никонъ нашими историками разсматривается и оцѣнивается главнымъ образомъ какъ исправитель нашихъ богослужебныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, въ чемъ и видятъ самое главное, цѣнное и характерное дѣло его патріаршества. Но мы уже знаемъ, что Никонъ, какъ церковный реформаторъ, былъ созданіемъ царя Алексѣя Михаиловича, программу котораго онъ только выполнялъ въ своей церковно-реформаторской дѣятельности. Самъ Никонъ, хотя одно время и сильно увлекался своею церковно-реформаторскою дѣятельностію, однако никогда не считалъ ее главнымъ дѣломъ своего патріаршества, которымъ онъ по этому, по оставленіи имъ патріаршей каѳедры, уже болѣе совсѣмъ не интересовался, какъ дѣломъ не его личнымъ, а стороннимъ, близко и глубоко его лично не затрогивающимъ. Это потому, что дѣйствительную, настоя-

щую душу патріаршества Никона, въ чемъ онъ самъ видѣлъ главную задачу и весь смыслъ своего патріаршества, къ чему онъ постоянно и настойчиво стремился, находясь на патріаршей каѳедрѣ, за что онъ неустанно и страстно боролся и послѣ оставленія имъ патріаршей каѳедры,—было его стремленіе не только освободить церковную власть отъ зависимости отъ власти государственной, такъ какъ послѣдняя тогда надъ нею господствовала, но и утвердить то защищаемое имъ положеніе, что священство выше царства.

Въ удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи власть митрополита всея Руси была совершенно независима отъ свѣтскихъ туземныхъ властей. Митрополиты были греки, ихъ избирали и ставили на Русь константинопольскіе патріархи, вмѣстѣ съ греческими императорами, судить и осудить ихъ, лишить ихъ каѳедры, могъ только патріархъ, который разбиралъ всѣ жалобы на русскаго митрополита. Русскіе князья не участвовали въ выборѣ и постановленіи митрополита, и въ случаѣ недовольства какими-либо его дѣйствіями, могли только жаловаться патріарху, но сами, соборомъ своихъ мѣстныхъ архіереевъ, судить и низвергать митрополита не могли. Эта независимость митрополита отъ князей создавала ему особое, исключительное положеніе въ отношеніи къ нимъ: митрополитъ, не боясь князей, могъ смѣло, рѣшительно и твердо проводить въ жизнь общества и государства церковно-христіанскія начала, могъ, какъ облеченное высшимъ духовнымъ авторитетомъ лицо, обличать и мирить враждующихъ князей, смѣло вступаться за всѣхъ обиженныхъ и несчастныхъ, обличать общественныя беззаконія и неправды, и вообще являть изъ себя образъ истиннаго, власть имѣющаго, архипастыря,—къ заявленіямъ, обличеніямъ и настояніямъ митрополита ни одинъ князь не могъ отнестись равнодушно или пренебрежительно. Если вся Русь представляла тогда изъ себя рядъ небольшихъ, нерѣдко враждующихъ княжествъ, гдѣ каждый удѣльный князекъ считалъ себя полнымъ господиномъ и хозяиномъ своего удѣла, если власть великаго князя была очень неопредѣленна, слабо выражена, часто переходила изъ однѣхъ рукъ въ другія, и потому не могла дѣйствовать на всю русскую территорію, на строй жизни и на проявленіе ея въ цѣломъ народѣ; то иною совсѣмъ была власть митрополита.

Она была единою для всей Руси, ея вліяніе и значеніе простиралось на весь народъ, который видѣлъ въ митрополитѣ своего высшаго верховнаго руководителя и отца, она имѣла подъ собой строгую каноническую почву, которая точно опредѣляла кругъ, сферу и образъ ея дѣйствій; ей— власти митрополита, церковными законами подчинены были всѣ епархіальные архіереи, обязанные безпрекословно повиноваться во всемъ распоряженіямъ и указаніямъ своего верховнаго архипастыря, который надзиралъ за всею ихъ пастырскою дѣятельностью, творилъ надъ ними судъ и расправу. Словомъ политически разъединенная Русь, церковно объединялась тогда въ лицѣ митрополита, который былъ ея духовнымъ главою и владыкой, стоявшимъ внѣ всякой прямой и юридической зависимости отъ свѣтской власти князей. Духовный владыка русской земли былъ во многихъ отношеніяхъ сильнѣе и вліятельнѣе разъединенныхъ и враждующихъ между собою свѣтскихъ владыкъ: онъ вносилъ въ русское общество творческія высшія христіанскія начала жизни, на которыхъ должна была строиться и развиваться и частно-семейная, и общественная, и самая государственная жизнь цѣлаго народа,—всѣ сферы этой жизни, не исключая самыхъ интимныхъ, подчинялись его наблюденію и воздѣйствію, почему власть митрополита естественно должна была имѣть доминирующее значеніе во всей тогдашней народной жизни, имѣть рѣшительный перевѣсъ передъ раздробленной на маленькія враждующія между собой части свѣтской государственной власти. И если тогдашніе митрополиты не использовали всей силы и могущества своей духовной власти въ видахъ того или другого своего воздѣйствія на весь строй и характеръ народной жизни, то причина этого заключалась вовсе не въ томъ, чтобы высшая духовная власть встрѣчала какія-либо серьезныя ограниченія и стѣсненія со стороны свѣтской власти въ своемъ стремленіи воздѣйствовать на народную жизнь, всецѣло подчинить ее своему духовному водительству, а въ томъ, что, за рѣдкими исключеніями, тогдашніе наши митрополиты были иноземцы, чуждые намъ по языку, воспитанію, нравамъ и обычаямъ. Русская жизнь съ ея строемъ, запросами и интересами была для нихъ совершенно чужая, сторонняя, ихъ не затрогивавшая, къ которой они въ большинствѣ

относились спокойно—равнодушно, вовсе не думая тѣсно сживаться и сливаться съ нею. И личныя ихъ качества, конечно, далеко не всегда были выдающимися, не всегда и серьезная образованность была ихъ принадлежностью; лучшіе—образованные и даровитые іерархи нужны были и въ Греціи, и едва ли такія лица выражали особенную охоту идти въ далекую и, по понятіямъ грековъ, варварскую Русь, въ которую по необходимости попадали въ большинствѣ люди средніе, искавшіе виднаго и доходнаго мѣста, какого они не могли получить у себя дома. При этомъ иностранцы митрополиты приносили на Русь тѣ идеалы общественнаго и государственнаго строя и жизни, которые были выработаны ихъ родиною. Сдѣлавшись русскими митрополитами они и на Руси руководились греко-византійскими нормами, какъ лучшими и совершеннѣйшими, а потому въ своей общественно-государственной дѣятельности, въ качествѣ русскихъ митрополитовъ, проявляли не творчество на основѣ русскихъ національно-мѣстныхъ условій, а только переносили на русскую почву стороннія ей византійскія нормы права, порядка и пр.

Между тѣмъ на Руси стало складываться сильное московское княжество, а въ немъ сильная власть великаго князя. И какъ только московскіе князья выдвинулись изъ ряда другихъ удѣльныхъ князей, они сейчасъ же привлекли къ себѣ митрополита, убѣдивши его поставить свою митрополичью каѳедру въ Москвѣ. Затѣмъ они, уже теперь сильные и вліятельные, настояли предъ константинопольскимъ патріархомъ, чтобы русскіе митрополиты ставились обязательно изъ русскихъ и чтобы они были избранниками великаго князя. Образовался тѣсный союзъ власти духовной и свѣтской въ лицѣ митрополита и въ лицѣ великаго князя московскаго и всея Руси. Опираясь между прочимъ на содѣйствіе митрополитовъ, великой князь московскій успѣлъ подавить всѣ удѣльныя княжества, заставилъ себя признать главою и верховнымъ управителемъ уже цѣлаго московскаго царства, политическимъ хозяиномъ и распорядителемъ его судьбы; никакой другой князь не могъ болѣе оспаривать теперь первенства и главенства великаго князя московскаго. Тогда стали измѣнятся и отношенія великихъ князей къ митрополитамъ: московскіе князья достигли того, что митро-

политы не только избирались великимъ княземъ изъ русскихъ, но и ставились въ Москвѣ, совершенно независимо отъ константинопольскаго патріарха, соборомъ русскихъ іерарховъ. Этотъ новый порядокъ избранія и постановленія митрополита, сразу коренным образомъ измѣнилъ общественное положеніе митрополита и его отношеніе къ свѣтской власти. Митрополитъ избирался изъ подданныхъ великаго князя, избирался изъ лицъ ему желательныхъ и имъ указанныхъ, и, ставъ митрополитомъ, попрежнему оставался его подданнымъ, вполнѣ зависимымъ отъ князя. Если бы такъ избираемый и поставляемый митрополитъ сталъ въ чемъ-либо противиться волѣ великаго князя, послѣдній всегда легко могъ замѣнить его другимъ болѣе угоднымъ ему лицомъ,—соборъ русскихъ іерарховъ, подданныхъ великаго князя и поставляемыхъ подъ его воздѣйствіемъ, всегда готовъ былъ исполнить волю и желаніе великаго князя. Русскій митрополитъ, изъ свободнаго и независимаго отъ свѣтской власти, теперь превращается въ покорнаго слугу великаго князя, исполнителя его велѣній и желаній. Изъ прежнихъ правъ, которыя ранѣе принадлежали митрополиту, независимому отъ свѣтской власти, теперь осталось только одно: право печаловаться предъ великимъ княземъ за опальныхъ, несчастныхъ и обиженныхъ, да и этимъ-то правомъ пользовались уже не всѣ митрополиты, и пользовались притомъ съ большою оглядкою. Какъ скоро свѣтская власть вполнѣ убѣдилась, что она сильнѣе духовной, что митрополитъ въ существѣ такой же подданный великаго князя, какъ и другіе его подданные, съ ними не стали церемониться. Митрополитовъ, не нравившихся высшей свѣтской власти, стали спокойно низводить съ ихъ престоловъ, и замѣнять другими болѣе подходящими лицами. За обличенія свѣтской власти и за „печалованія“ передъ нею святой митрополитъ Филиппъ не только лишенъ былъ каѳедры, но и самой жизни. Послѣ этого и право митрополитовъ „печаловаться“ стало все болѣе съуживаться и все рѣже проявляться, а наконецъ и совсѣмъ было забыто представителями нашей церкви.

Такимъ образомъ еще московскіе митрополиты превращены были въ покорныхъ и, нерѣдко, раболѣпныхъ слугъ—„потаковниковъ“, какъ ихъ тогда называли, великаго князя; выс-

шая духовная власть—митрополитъ былъ совершенно безсиленъ и безправенъ предъ выросшею и окрѣпшею властію великаго князя, который уже избиралъ, ставилъ и низводилъ митрополита по своему желанію и усмотрѣнію. Народъ и все общество не находило въ такомъ порядкѣ дѣлъ ничего ненормальнаго; по его мнѣнію дѣло такъ именно и должно было стоять, такъ какъ митрополитъ у насъ никогда не былъ народнымъ избранникомъ, и потому никто, кромѣ великаго князя, не былъ у насъ заинтересованъ въ личной судьбѣ того или другого митрополита,—все вѣдаетъ и знаетъ князь, онъ всѣмъ распоряжается и, въ частности, митрополитомъ, его избранникомъ и ставленникомъ. Народъ только желалъ, чтобы былъ митрополитъ, какъ поручитель за правильный и безостановочный ходъ обычной церковной жизни; но до тѣхъ или другихъ отношеній митрополита къ великому князю, до самой личности митрополита, той или другой его судьбы и положенія, ему не было собственно никакого дѣла. Въ такихъ взаимныхъ отношеніяхъ находились у насъ свѣтская и духовная власть, когда учреждено было патріаршество.

Москва была признана русскими законною наслѣдницею Византіи, въ силу чего Московскій великій князь вѣнчался царскимъ вѣнцомъ, и его царское вѣнчаніе было торжественно признано и утверждено особымъ соборнымъ актомъ четырехъ вселенскихъ восточныхъ патріарховъ. Но византійскія представленія требовали, чтобы рядомъ съ царемъ всегда существовалъ и патріархъ,—это было необходимо для полноты православнаго христіанскаго царства. Въ силу, между прочимъ, именно этаго представленія болгарскіе и сербскіе государи, принимая титулъ императоровъ, въ то же время всегда учреждали у себя и патріаршество, несмотря на энергическое противодѣйствіе константинопольскихъ патріарховъ. Русскіе, въ этомъ случаѣ, стояли также на почвѣ византійскихъ представленій и потому у нихъ, вслѣдъ за утвержденіемъ на Руси царскаго достоинства естественно явилась мысль и объ учрежденіи въ Москвѣ патріаршества, чтобы Москва и съ церковной стороны ничѣмъ не уступала старой Византіи, чтобы и въ Москвѣ въ этомъ отношеніи было точно такъ же, какъ и въ Византіи при ея старыхъ благочестивыхъ царяхъ. Этого требовала полнота христіан-

скаго русскаго царства, теперь единаго православнаго во всей вселенной; этого требовало вполнѣ цвѣтущее и блестящее внѣшнее положеніе русской церкви, особенно сравнительно съ бѣдственнымъ угнетеннымъ положеніемъ всѣхъ другихъ православныхъ восточныхъ церквей, этого требовало рѣзко бросавшееся въ глаза несоотвѣтствіе между положеніемъ Москвы, какъ покровительницы и опоры для всѣхъ восточныхъ православныхъ церквей и самихъ восточныхъ патріарховъ, и іерархическимъ положеніемъ ея церковнаго главы, только простого митрополита. Естественно было поэтому желать русскимъ, чтобы рядомъ съ московскимъ царемъ существовалъ и московскій патріархъ, чтобы благодаря этому русская церковь заняла подобающее ей положеніе среди другихъ православныхъ восточныхъ церквей.

Когда въ 1586 году въ Москву прибылъ за милостынею антіохійскій патріархъ Іоакимъ, то царь Θедоръ Ивановичъ, говоритъ статейный списокъ объ учрежденіи у насъ патріаршества, „помысля съ своею благовѣрною и христолюбивою царицею Ириною, говорилъ съ бояры: изначала, отъ прародителей нашихъ, кіевскихъ, владимірскихъ и московскихъ государей царей и великихъ князей благочестивыхъ, поставлялись наши богомольцы, митрополиты кіевскіе, владимірскіе, московскіе и всея Россіи отъ патріарховъ цареградскихъ и вселенскихъ“; потомъ ихъ стали поставлять въ Москвѣ „по приговору и по избранію прародителей нашихъ и всего освященнаго собора отъ архіепископовъ и епископовъ, россійскаго царства даже и до нашего царствія“. Теперь же государь рѣшилъ просить у Бога милости, „дабы устроилъ въ нашемъ государствѣ московскомъ россійскаго патріарха“, почему и слѣдуетъ просить антіохійскаго патріарха Іоакима, чтобы онъ взялъ на себя миссію, довести желаніе царя до свѣдѣнія другихъ восточныхъ патріарховъ. Бояре одобрили мысль царя объ учрежденіи въ Россіи патріаршества и Борису Θедоровичу Годунову поручено было войти объ этомъ въ переговоры съ антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ, что тотъ и исполнилъ.

Въ этомъ оффиціальномъ разсказѣ невольно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что мысль о необходимости учрежденія патріаршества въ Россіи высказывается

въ первый разъ царемъ, который посовѣтывавшись съ своею царицею, сообщаетъ затѣмъ свое рѣшеніе учредить на Москвѣ патріаршество не собору русскихъ іерарховъ, какъ бы можно было ожидать, а боярамъ, и заручившись только ихъ согласіемъ, поручаетъ вести переговоры съ антіохійскимъ патріархомъ не митрополиту или какому-либо другому іерарху, а Борису Годунову. На участіе въ этомъ церковномъ дѣлѣ какого-либо духовнаго лица, а тѣмъ болѣе цѣлаго собора іерарховъ, нѣтъ и намека. Очевидно, участіе духовныхъ властей въ обсужденіи вопроса объ учрежденіи у насъ патріаршества считалось пока совершенно излишнимъ.

Когда въ 1588 году въ Москву неожиданно прибылъ за милостынею самъ константинопольскій патріархъ Іеремія, царь, опять посовѣтывавшись съ своею царицею и поговоря только съ боярами, а не духовными властями, рѣшается воспользоваться пребываніемъ въ Москвѣ Іереміи, чтобы поставить русскаго патріарха. Для переговоровъ съ Іеремією, по рѣшенію царя и бояръ, назначается попрежнему Борисъ Годуновъ, который долженъ былъ посовѣтоваться съ патріархомъ: „возможно ли тому статися, чтобы ему быти въ его государствѣ, россійскомъ царствѣ, въ стольномъ нашемъ градѣ Владимірѣ". Когда Іеремія изъявилъ желаніе остаться патріархомъ обязательно только въ Москвѣ, и ни подъ какимъ видомъ не соглашаться поселиться во Владимірѣ, несмотря на многократные уговоры Годунова, царь снова созвалъ бояръ и заявилъ имъ, что такъ какъ Іеремія не соглашается жить во Владимірѣ, а только въ Москвѣ, что неудобно, то и слѣдуетъ просить его чтобы онъ поставилъ въ русскіе патріархи московскаго митрополита Іова, о чемъ, по приговору государя и бояръ, и былъ освѣдомленъ Іеремія Борисомъ Годуновымъ и дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ. Когда Іеремія уже окончательно согласился поставить въ русскіе патріархи „кого благочестивый государь произволитъ", только тогда, именно въ 17 день января 1589 года, царь наконецъ собралъ соборъ изъ русскихъ іерарховъ и изложивъ на немъ ходъ переговоровъ объ учрежденіи на Руси патріаршества, заявилъ собору о согласіи Іереміи поставить въ патріархи русскаго, и въ заключеніе предложилъ митрополиту Іову посовѣщаться со всѣми отцами собора, „какъ бы Богъ далъ, такое великое и преславное дѣло въ Россіи устроилось".

На это предложеніе царя отцы собора, посовѣтовавшись между собою, отвѣтили царю, „что они полагаются на волю его—благочестиваго государя". По избранію и повелѣнію царя митрополитъ московскій Іовъ и былъ потомъ поставленъ Іеремією въ патріархи московскіе и всея Россіи.

Такимъ образомъ, все дѣло учрежденія патріаршества въ Россіи велось исключительно свѣтскою властію и свѣтскими лицами, безъ всякаго участія въ немъ лицъ духовныхъ. И только тогда, когда оно уже рѣшено было окончательно, когда указано было и лицо, предназначенное царемъ въ патріархи, созвали соборъ изъ духовныхъ лицъ, которые однако только смиренно заявили цѣлымъ соборомъ, „что они во всемъ полагаются на волю его—благочестиваго государя", и такимъ образомъ отказались отъ всякаго дѣятельнаго участія въ такомъ дѣлѣ, которое, казалось бы, прежде всего и главнымъ образомъ касалось не свѣтскихъ, а духовныхъ лицъ, не боярской думы, а церковнаго собора, и которое должно бы вестись не Годуновымъ и Щелкаловымъ, а тѣми или другими русскими іерархами, какъ ближе, чѣмъ свѣтскія лица, заинтересованными фактомъ учрежденія у насъ патріаршества.

Если учрежденіе патріаршества было у насъ, съ одной стороны, исключительно дѣломъ свѣтской власти, вовсе конечно и не думавшей поступиться этимъ какими-либо своими прежними правами въ пользу духовной, въ видахъ приданія послѣдней большей самостоятельности и силы относительно власти свѣтской; то, съ другой стороны, учрежденіе у насъ патріаршества вовсе не вызывалось и какими-либо особыми настоятельными причинами, лежавшими во внутреннемъ строѣ и характерѣ нашей церковной жизни, въ какихъ-либо мѣстныхъ, чисто церковныхъ и общественыхъ стремленіяхъ и потребностяхъ. Оно—патріаршество, по отношеніи ко всей совокупности нашей внутренней церковной жизни, было явленіемъ чисто внѣшнимъ, случайнымъ, не затрогивавшимъ ея прежнихъ основъ, направленія и характера, всегда остававшимся только на ея поверхности, не вносившимъ въ нея ничего новаго, обновляющаго прежній церковный строй жизни и ея прежніе традиціонные порядки. Съ учрежденіемъ патріаршества получилась не новая какая-либо церковная сила, а только внѣшнее украшеніе цер-

кви. Московскій патріархъ по своему общественному и церковному положенію, по своимъ духовнымъ правамъ былъ совершенно то же, что и московскій митрополитъ,—существенныхъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи никакихъ не произошло. Значитъ, съ учрежденіемъ патріаршества отношенія у насъ свѣтской власти къ духовной совершенно не измѣнились, а остались прежнія т. е. и патріархъ, какъ ранѣе митрополитъ, всецѣло и во всемъ зависѣлъ отъ свѣтской власти, которая распоряжалась имъ въ своихъ видахъ, по своему усмотрѣнію, нисколько не церемонясь съ самою личностію патріарха, если находила его чѣмъ-либо неугоднымъ себѣ. Это съ особенною ясностію обнаружилось уже при самыхъ первыхъ патріархахъ.

Умеръ царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ и патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ присягнулъ сыну Бориса-Ѳеодору. Ѳеодоръ былъ убитъ, а Лжедимитрій провозглашенъ царемъ. Прежде чѣмъ онъ вступилъ въ Москву, толпы москвичей съ оружіемъ и дреколіемъ вторгнулись въ Успенскій соборъ, гдѣ тогда служилъ Іовъ, не дали ему окончить литургію и, заставивъ разоблачиться, съ позоромъ таскали его по церкви и вывели затѣмъ за Кремль, къ лобному мѣсту, гдѣ толпа била и безчестила патріарха, а потомъ съ криками: „богатъ, богатъ Іовъ патріархъ, идемъ и разграбимъ его“, разграбила домъ и имущество первосвятителя, а самъ онъ, въ простой рясѣ чернеца и на убогой телѣгѣ, отправленъ былъ въ городъ Старицу. Между тѣмъ Лжедимитрій торжественно въѣхалъ въ Москву и на лобномъ мѣстѣ, гдѣ недавно народъ билъ и безчестилъ своего патріарха, былъ торжественно встрѣченъ митрополитами, архіепископами, епископами и всѣмъ освященнымъ соборомъ съ крестами, иконами, хоругвями, съ пѣніемъ священныхъ пѣсней. Новый царь привезъ съ собою и новаго патріарха. Это былъ, ранѣе пріѣхавшій въ Москву съ о. Кипра, греческій архіепископъ Игнатій, получившій у насъ рязанскую архіепископію и теперь предложенный Лжедимитріемъ въ московскіе патріархи. Русскіе архіереи безпрекословно исполнили повелѣніе Лжедимитрія, и грекъ Игнатій сталъ законнымъ патріархомъ Московскимъ и всея Россіи. Никто изъ архіереевъ не вступился за обезчещеннаго, публично опозореннаго Іова, никакимъ соборомъ не лишеннаго своихъ патріаршихъ

правъ; — наши iерархи спокойно смотрѣли на низверженiе Iова и спокойно, своимъ согласiемъ, санкцiонировали законность поставленiя Игнатiя.—Лжедимитрiй былъ убитъ, и въ Москвѣ избрали новаго царя—Василiя Ивановича Шуйскаго, который немедленно, по своемъ избранiи, низложилъ патрiарха Игнатiя, а на его мѣсто велѣлъ поставить Гермогена, архiепископа Казанскаго, что наши iерархи, опять безпрекословно, и исполнили. Шуйскiй былъ низложенъ съ царскаго престола, и у насъ образовалась сильная боярская партiя въ пользу призванiя на московскiй престолъ польскаго королевича Владислава. Эта партiя временно взяла верхъ и патрiархъ Гермогенъ былъ низведенъ съ патрiаршаго престола и потомъ погибъ насильственною смертiю. На его мѣсто снова былъ возведенъ прежнiй патрiархъ грекъ Игнатiй, который однако чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣжалъ въ Литву, и московская патрiаршая каѳедра осталась теперь совсѣмъ безъ патрiарха. Такъ продолжалось слишкомъ семь лѣтъ, вплоть до избранiя въ патрiархи Филарета Никитича.

Изъ сдѣланнаго бѣглаго историческаго обзора перемѣнъ въ судьбѣ первыхъ трехъ московскихъ патрiарховъ ясно видно, что эти патрiархи избирались и низвергались исключительно свѣтскою властiю, которая, преслѣдуя свои интересы, распоряжалась патрiаршею каѳедрою по своему усмотрѣнiю и произволу, не встрѣчая себѣ въ этомъ ни малѣйшаго противодѣйствiя ни со стороны освященнаго собора, ни тѣмъ болѣе со стороны народа; самъ же патрiархъ рѣшительно не имѣлъ никакихъ средствъ въ своемъ распоряженiи которыми бы онъ могъ, хотя сколько-нибудь, оградить себя отъ произвола и насилiй свѣтской власти.

Съ восшествiемъ на патрiаршiй престолъ отца государя—Филарета Никитича Романова, патрiархъ сразу получилъ огромное значенiе: онъ не только безконтрольно и независимо управлялъ церковiю, но фактически вѣдалъ и всѣ дѣла государственныя, нося титулъ, наравнѣ съ царемъ, великаго государя. Но этотъ блескъ и особое значенiе Филарета Никитича зависѣли вовсе не отъ того, что онъ былъ патрiархъ, что-бы теперь за патрiаршею властiю, какъ такою, были признаны какiя-либо особыя, исключительныя права и независимость отъ свѣтской власти, а единственно потому, что онъ былъ отцомъ государя, который во всѣхъ дѣлахъ руко-

водствовался всегда совѣтами и указаніями своего родителя. Въ дѣйствительности же отношенія между патріаршею и свѣтскою властію и послѣ Филарета Никитича продолжали быть такими же, какими они были и ранѣе, т. е. патріархи попрежнему находились въ полной зависимости отъ свѣтской власти, и безъ ея согласія и одобренія не могли сдѣлать ни одного самостоятельнаго шага, тѣмъ болѣе конечно не могли что-либо сдѣлать вопреки ея желаніямъ и настояніямъ.

Два первые преемника Филарета Никитича, патріархи Іоасафъ и Іосифъ, были избранниками и ставленниками государя, и оба были личностями довольно безцвѣтными, даже вовсе и не думавшими о какой-то независимости отъ свѣтской власти, предъ которой они чувствовали и сознавали все свое безсиліе. Никонъ былъ избранъ въ патріархи царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, что подтверждаетъ слѣдующая современная событію замѣтка: „того-жъ (1652) году, іюля въ 25 день, по изволенію Божію и по избранію государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича самодержца всея Русіи з'бояры и со всѣмъ вселенскимъ соборомъ поставленъ бысть въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ патріархи ноугородцкій и великолутцкій митрополитъ Никонъ“ [1]). Соборъ 1660 года постановилъ низложить Никона и немедленно назначить ему преемника, какъ скоро на избраніе новаго патріарха государь „дастъ свое богомудрое и преимущественное согласіе *съ своимъ преизящнымъ сигклитомъ*“ [2]).

Очевидно патріархи избирались только царемъ, который объ этомъ дѣлѣ совѣтывался съ своимъ „преизящнымъ синклитомъ“ т. е. съ боярскою думою. Впрочемъ соборъ архіереевъ открыто и прямо отказывался отъ выбора патріарха, предоставляя это дѣло исключительно государю, и такъ поступалъ онъ не только въ указанномъ нами случаѣ: при выборѣ перваго патріарха Іова, но и въ послѣдующее время. Когда въ 1672 году умеръ патріархъ Іоасафъ 2-й, то 5 іюля государь велѣлъ, ранѣе имъ созваннымъ въ Москву епископамъ и другимъ властямъ, явиться къ нему въ столовую

---

[1]) Чт. общ. ист. и древн. 1905 г. кн. III, смѣсь, стр. 26.
[2]) Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 108.

палату. Когда они пришли, „великій государь изволилъ властямъ говорить, что бы на патріаршескій престолъ избрали они кого всѣмъ освященнымъ соборомъ. И власти, вставъ, великому государю говорили: *что о такомъ великомъ дѣлѣ какъ ты, великій государь, укажешь*". Въ виду такого отвѣта властей государь заявилъ собору, что „мы соблаговоляемъ и соизволяемъ" быть патріархомъ новгородскому митрополиту Питириму, котораго соборъ и поставилъ въ патріархи. Когда въ 1690 году, 17 марта, умеръ патріархъ Іоакимъ, то 23 августа государи пригласили къ себѣ архіереевъ, архимандритовъ и весь освященный соборъ: „и великіе государи говорили архіереемъ, о избраніи патріарши. И власти великимъ государемъ говорили: что о такомъ великомъ дѣлѣ какъ они, великіе государи, укажутъ". Государи, посовѣтовавшись съ архіереями, указали на Казанскаго митрополита Адріана, который и былъ поставленъ патріархомъ [1]).

Понятно почему древне-русскіе епископы даже сами такъ рѣшительно отказывались отъ соборнаго избранія патріарховъ и предоставляли это дѣло всецѣло государю и его боярской думѣ. Московскій патріархъ былъ тогда слишкомъ важное, видное и вліятельное лицо, не только церковное, но и государственное. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ царю лицъ, съ которымъ государь совѣтовался какъ о дѣлахъ церковныхъ, такъ и государственныхъ. Царь и патріархъ видѣлись почти постоянно, такъ какъ царь обязательно присутствовалъ на всѣхъ торжественныхъ патріаршихъ службахъ. Никонъ какъ на одну изъ причинъ неожиданнаго оставленія имъ патріаршаго престола указывалъ на то обстоятельство, что царь не сталъ ходить къ тѣмъ службамъ, которыя совершалъ патріархъ, откуда онъ—Никонъ и заключилъ, что царь на него гнѣвается. Цари нерѣдко приглашали на свои обѣды патріарховъ, а патріархи царей. Въ Дворцовыхъ разрядахъ постоянно встрѣчаются такія замѣтки: „того жъ дни ѣлъ у государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всея Русіи святѣйшій Іосифъ патріархъ московскій и всея Русіи, а съ нимъ власти, а столъ былъ

---

[1]) Дворцовые разряды,- дополненіе къ 3-му тому, стр. 447 и т. IV стр. 578.

по грановитой палатѣ, а у стола велѣлъ государь быть боярамъ и околничимъ всѣмъ безъ мѣстъ"; или: „того жъ дни ѣлъ у государя святѣйшій Іосифъ патріархъ московскій и всея Руссіи, а столъ былъ по столовой избѣ". Такія же записи встрѣчаются когда государь обѣдалъ у патріарха: „того жъ дни государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всея Русіи ѣлъ у святѣйшаго Іосифа патріарха московскаго и всея Русіи, а у стола были бояре и околничіе, всѣ безъ мѣстъ": или: „того жъ дни государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всея Русіи ѣлъ у святѣйшаго Никона патріарха московскаго и всея Русіи" [1]). При такой, такъ сказать, постоянной и исключительной личной близости царя и патріарха, при ихъ почти ежедневномъ взаимообщеніи естественно было, что кандидата въ патріархи всегда избиралъ царь, избиралъ лицо ему хорошо извѣстное и пріятное. Странно было бы, при такихъ условіяхъ, предоставить выборъ въ патріархи собору, а не царю, такъ какъ соборъ могъ выбрать такое лицо, съ которымъ бы царь не могъ и не пожелалъ бы имѣть того постояннаго близкаго общенія, какое онъ обычно имѣлъ съ патріархомъ. А это могло бы повести даже къ неожиданнымъ осложненіямъ и столкновеніямъ, какъ это и случилось, когда патріархъ Никонъ разошелся съ царемъ, причемъ недоразумѣнія между царемъ и патріархомъ несомнѣнно неблагопріятно отражались бы на всѣмъ ходѣ церковныхъ дѣлъ, а въ извѣстной степени и на дѣлахъ государственныхъ. Вообще патріархъ, не пользовавшійся личнымъ расположеніемъ и довѣріемъ государя, не имѣлъ бы, самъ по себѣ, должнаго значенія и вліянія и въ церкви и въ государствѣ. Какъ ненормально тяжело было положеніе патріарха, не пользовавшагося расположеніемъ царя, это хорошо видно изъ тѣхъ горькихъ заявленій, какія своимъ приближеннымъ дѣлалъ патріархъ Іосифъ въ послѣднее время своего патріаршества: „перемѣнить меня, говорилъ онъ, скинуть меня хотятъ; а буде и не оставятъ, я самъ за соромъ объ отставкѣ стану бить челомъ". При такихъ условіяхъ, очевидно, патріарха

[1]) Дворцовые разряды, т. III, стр. 17, 20, 66, 86, 88, 107, 110, 115, 118, 128, 144, 149. 152, 158, 218, 225, 226, 266, 286, 322, 326, 329, 338, 342, 343, 347, и др.

могъ избирать не соборъ, а только государь, при томъ изъ лицъ, которыя ему были нужны и которыя ему нравились: собору вмѣшиваться въ это дѣло было неудобно и на его долю только приходилось смиренно заявлять: „что о такомъ великомъ дѣлѣ (выборѣ патріарха) какъ ты, великій государь, укажешь".

Но если патріарха всегда избиралъ только царь, то что же значатъ тѣ извѣстія, которыя говорятъ, что кандидаты въ патріархи избирались на соборахъ, а царь избиралъ только изъ числа лицъ, намѣченныхъ соборомъ? Дѣло тутъ происходило, по нашему мнѣнію, такъ: царь, заранѣе намѣтивши извѣстное лицо въ патріархи, сообщалъ объ этомъ, до собранія собора, одному или нѣсколькимъ архіереямъ, которые на соборѣ обязательно и вносили въ число кандидатовъ указанное царемъ лицо, а къ нему, ради соблюденія формальности, присоединяли еще двухъ лицъ, и этихъ трехъ кандидатовъ соборъ представлялъ государю съ тѣмъ, чтобы онъ выбралъ изъ нихъ одного по своему усмотрѣнію. Понятно, что государи всегда избирали то именно лицо, какое они уже ранѣе предназначили въ патріархи, благодаря чему и получалось такое впечатлѣніе, какъ будто въ патріархи избиралъ соборъ купно съ государемъ, тогда какъ въ дѣйствительности избиралъ только одинъ государь. Все дѣло соборовъ въ этихъ случаяхъ состояло въ томъ, чтобы соборно признать и церковно поставить въ патріархи то именно лицо, которое изберетъ государь.

Не только патріархи, но и всѣ епархіальные архіереи московской Руси тоже избирались не соборомъ, не патріархомъ не паствою, а государемъ. Извѣстный протопопъ московскаго Казанскаго собора Іоаннъ Нероновъ говорилъ Никону патріарху: „прежде сего совѣтъ имѣлъ ты съ протопопомъ Стефаномъ (царскимъ духовникомъ), и которые совѣтники и любимы были, и на домъ ты къ протопопу Стефану часто пріѣзжалъ и любезно о всякомъ добромъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда ты былъ въ игуменахъ, и въ архимандритахъ, и въ митрополитахъ. А которые богомольцы посланы государемъ блаженные памяти ко Іосифу патріарху, чтобъ ему поставити, по его государеву совѣту, оныхъ въ митрополиты, и во архіепископы и епископы, иныхъ въ архимандриты, и игумены и протопопы, а ты съ государемъ духовникомъ

протопопомъ Стефаномъ тогда былъ въ совѣтѣхъ и непрекословилъ нигдѣ, а на постановленіи ихъ не говорилъ: „не аксіосъ, сирѣчь недостоинъ“ [1]). Изъ этихъ словъ Неронова ясно видно, кто кандидатовъ на митрополичьи, архіепископскія и епископскія каѳедры, даже кандидатовъ въ архимандриты, игумены и протопопы, конечно на болѣе видныя и вліятельныя мѣста, избиралъ царь, а патріарху только приходилось посвящать указанныхъ или присланныхъ къ нему царемъ лицъ. Про свое время патріархъ Никонъ такъ писалъ константинопольскому патріарху Діонисію: „нынѣ бываетъ (на Руси) вся царскимъ хотѣніемъ: егда повелитъ царь быти собору, тогда бываетъ; и ково велитъ избирати и поставити архіереемъ, избираютъ и поставляютъ; и ково велитъ судити и обсуждати,—и они судятъ и обсуждаютъ и отлучаютъ“. Въ своихъ отвѣтахъ Паисію Лигариду Никонъ заявляетъ, что царь велитъ избирать и поставлять въ архіереи только тѣхъ, „его-жъ любитъ“ [2]). Благовѣщенскаго московскаго собора дьяконъ Ѳедоръ, какъ очевидецъ разсказываетъ, что въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя Алексѣя Михаиловича, ставили въ архіереи на Вологду Симона, игумена Свирскаго монастыря. Его рекомендовалъ царю митрополитъ Крутицкій Павелъ. Во время поставленія Симонъ, при чтеніи имъ Символа вѣры, прочелъ по старому „рожденна, а не сотворенна“. Тогда разсказываетъ Ѳедоръ, „не хотѣ его царь поставити во архіепископы; озрѣлся, стоя, на Павла митрополита онаго, и съ яростію пыхнулъ, рекъ: ты мнѣ хвалилъ его; не хощу его азъ! И пойде съ мѣста своего. Павелъ же льстецъ припаде къ нему и рече ему съ клятвою: никако, государь, нѣсть въ немъ того, но промолвился. И повелѣша Симону паки символъ глаголати. Онъ же справилъ рѣчь ту по новому реченію, царь же возвратился на мѣсто, и поставиша его во архіепископы“ [3]). Очевидно выборъ и поставленіе епархіальныхъ архіереевъ въ древней Руси зависѣлъ отъ царя, который могъ остановить даже самый начавшійся актъ церковнаго

---

1) Матер. для исторіи раскола, т. I, стр. 110.

2) Записки русск. археол. общ. т. II, стр. 526—527. Рукопись нашей акад. библ. № 218, л. 184 об.

3) Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 229—239.

поставленія, если почему-нибудь поставляемое лицо показалось ему неудобнымъ.

Причины, почему государи московской Руси держали въ своихъ рукахъ выборъ епархіальныхъ архіереевъ, объясняются тѣмъ особымъ своеобразнымъ положеніемъ, какое епископатъ занималъ въ древней Руси, и которое необходимо ставило его въ полную зависимость во всемъ отъ государя.

Епископы московской Руси не были только духовными архипастырями, заботившимися о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ, но и очень важными, съ обширными правами и полномочіями, государственными чиновниками, управлявшими цѣлыми обширными областями, владѣвшими съ соподчиненными имъ монастырями очень значительными землями, множествомъ крестьянъ, всевозможными хозяйственными и промышленными заведеніями, причемъ имъ, на основаніи царскихъ жалованныхъ грамотъ, принадлежала въ ихъ земельныхъ владѣніяхъ власть административная, судебная и финансовая, и царскіе чиновники не имѣли даже права въѣзжать въ архіерейскія владѣнія. Кромѣ того, самое духовенство древней Руси, свободное относительно государства, относительно своего епархіальнаго архіерея было податнымъ сословіемъ, обязаннымъ архіерею взносомъ извѣстныхъ податей, почему оно, въ этомъ отношеніи, и приравнивалось къ тяглому сословію, такъ что выраженіе „тяглые попы“ сдѣлалось оффиціальнымъ,—„а опричь того съ тяглыми попы не тянутъ ничего“, писалось тогда въ оффиціальныхъ грамотахъ. Государство не только дозволяло архіерею вѣдать и судить по всѣмъ дѣламъ духовенство, но и налагать на него по своему усмотрѣнію подати. Въ царской, напримѣръ, жалованной грамотѣ новгородскому митрополиту Макарію 1622 года между прочимъ говорится, что попы и дьяконы вновь построенныхъ церквей, не вошедшихъ еще въ опись данныхъ книгъ, обязаны платить подати по тому окладу, „чѣмъ ихъ обложитъ богомолецъ нашъ Макарій митрополитъ“. Въ царской жалованной грамотѣ патріарху Филарету Никитичу сказано: „вольно ему, отцу нашему, великому государю, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу въ своемъ патріаршествѣ ружныхъ и приходскихъ церквей, тѣхъ городовъ и уѣздовъ, и на поповъ, и на дьяконовъ, и на церковныя пустошныя земли свою святительскую дань и

оброкъ наложить, чѣмъ онъ, великій государь, которыхъ ружныхъ и приходскихъ поповъ и дьяконовъ и пустую церковную землю данью своею и оброкомъ изоброчитъ". [1]).

Указанное положеніе древне-русскихъ архіереевъ, какъ очень богатыхъ землевладѣльцевъ, вело къ тому, что архіереи должны были организовать у себя самостоятельное управленіе своими землями и крестьянами, причемъ они въ устройствѣ своего двора и управленія брали за образецъ княжескій дворъ и княжеское управленіе. Подобно князьямъ они раздавали свои земли въ пожизненное пользованіе разнымъ служилымъ лицамъ, которыя обязаны были съ одной стороны отбывать за это воинскую повинность, такъ какъ она всегда лежала и на архіерейскихъ земляхъ, съ другой—исполнять при архіереѣ тѣ или другія службы, по его назначенію, вслѣдствіе чего у архіереевъ и явился многочисленный классъ свѣтскихъ служилыхъ людей, завѣдывавшихъ административнымъ, судебнымъ и финансовымъ управленіемъ архіерейскихъ земель. А такъ какъ все приходское духовенство въ древней Руси по отношенію къ архіерею было тяглымъ, податнымъ сословіемъ, то свѣтскіе архіерейскіе служилые люди, жившіе при дворѣ архіерея, дѣлаются, съ теченіемъ времени, и епархіальными чиновниками, завѣдуютъ, по порученію архіерея, различными отраслями епархіальнаго управленія, такъ что имъ подчиняется все приходское духовенство, надъ которымъ они творятъ судъ и расправу, и собираютъ съ него подати въ пользу архіерея и въ свою собственную, ибо они кормились отъ прохожденія ими той или другой должности по епархіальному управленію. Очевидно, наши древне-русскіе архіереи въ свое епархіальное управленіе внесли частно-владѣльческій характеръ, стали плохо различать свое частное отъ епархіальнаго, а потому, вопреки церковнымъ канонамъ, стали управлять своими епархіями въ томъ же духѣ и чрезъ тѣхъ же лицъ, въ какомъ духѣ и чрезъ какихъ лицъ они управляли своимъ дворомъ и имѣніями. И это понятно. Если духовенство было относительно архіерея податнымъ, тяглымъ сословіемъ, обязаннымъ исправно вносить въ архіерейскую казну извѣстныя подати, то его отношенія къ архіерею въ этомъ случаѣ

[1]) Ак. эксп. т. III, № 123 и 164.

опредѣлялись уже не церковными канонами, но личною волею, усмотрѣніемъ и личными интересами святителя, которымъ руководили опять уже не архипастырскія соображенія, а финансовыя. Архіерей смотрѣлъ въ этомъ случаѣ на всякое духовное лицо какъ на податную единицу, какъ на такого человѣка, который обязанъ былъ ему взносомъ извѣстнаго количества податей, отъ исправнаго или неисправнаго платежа которыхъ наполнялась или терпѣла ущербъ его архіерейская казна. Тщательно и ревниво оберегая интересы своей казны, предписывая въ нѣкоторыхъ своихъ грамотахъ „всѣ подати собирать безъ недобору, а на ослушниковъ правити безъ всякія пощады", предписывая собирать подати „съ большимъ поспѣшеніемъ — днемъ и ночью", архіереи считали за лучшее поручить епархіальное финансовое управленіе своимъ свѣтскимъ служилымъ людямъ, какъ болѣе надежнымъ блюстителямъ въ епархіи денежныхъ архіерейскихъ интересовъ, чѣмъ выборные изъ среды того же тяглаго духовенства. Вслѣдъ за финансами свѣтскіе архіерейскіе чиновники получили надъ приходскимъ духовенствомъ и власть административную, судебную и полицейскую, и, въ силу господствовавшей тогда всюду системы кормленія, кормились отъ прохожденія разныхъ епархіальныхъ должностей т. е. на счетъ того же приходскаго духовенства. Архіерейская казна, при такихъ порядкахъ, не тратила на содержаніе архіерейскихъ чиновниковъ ни копѣйки, а между тѣмъ у архіерея постоянно былъ многочисленный штатъ служилыхъ людей, которые во всемъ отъ него зависѣли и которыми онъ свободно могъ распоряжаться по своему личному усмотрѣнію.

Вполнѣ естественно было, что высшая свѣтская правительственная власть т. е. государь, уступая епископу, въ видѣ особой привилегіи, свои административныя, судебныя и финансовыя права надъ извѣстными землями и крестьянами, дозволяя ему облагать податями въ свою пользу все епархіальное духовенство, судить его во всемъ и управлять имъ, какъ тяглымъ сословіемъ, дозволяя ему, какъ владѣтельному князю, имѣть своихъ собственныхъ бояръ, дѣтей боярскихъ, дворянъ и вообще свѣтскихъ служилыхъ людей, приглашая его, какъ важнаго сановника, на засѣданія и боярской думы и земскихъ соборовъ для рѣшенія важныхъ

государственныхъ дѣлъ,—не могла предоставить выборъ и замѣщеніе каѳедръ епархіальныхъ епископовъ собору іерарховъ т. е. признать автономной епископскую коллегію, которая бы сама, только по своимъ видамъ и усмотрѣнію, замѣщала угодными ей лицами вакантныя мѣста епископовъ и самую патріаршую каѳедру. Это бы значило создать изъ епископата, при его тогдашней постановкѣ у насъ, такую сильную во всѣхъ отношеніяхъ и тѣсно сплоченную своими интересами автономную коллегію, которая, по своему экономическому и духовно-нравственному могуществу и вліянію, могла сдѣлаться, въ извѣстныхъ случаяхъ, опасною силою для государя. Поэтому, простое благоразуміе необходимо требовало отъ государей, чтобы епископы, наряду со всѣми другими государственными чиновниками, назначались единственно государемъ, во всемъ зависѣли отъ его милости и усмотрѣнія, во всемъ подчинялись ему безусловно и имъ бы, когда нужно, увольнялись отъ занимаемыхъ ими каѳедръ.

Къ сказанному нужно прибавить и то, что московскіе государи, единолично избирая епископовъ, хорошо знали тѣхъ лицъ, которыхъ они назначали на архіерейскія каѳедры. Какъ великіе церковники, наши московскіе государи находились въ постоянномъ общеніи съ разными духовными лицами, особенно настоятелями и властями разныхъ монастырей, изъ которыхъ они обыкновенно избирали архіереевъ. Принимая ихъ у себя, когда они являлись къ нимъ въ извѣстные дни съ поздравленіями и монастырскими подношеніями, присутствуя на торжественныхъ церковныхъ службахъ, въ которыхъ всегда участвовали и монастырскія власти, приглашая ихъ, вмѣстѣ съ архіереями, къ своему царскому столу въ разныя торжественныя и праздничныя дни, государи имѣли полную возможность лично познакомиться и узнать кандидатовъ въ архіереи и заранѣе намѣчать тѣхъ лицъ, которыхъ они находили болѣе подходящими для занятія архіерейскихъ каѳедръ, тѣмъ болѣе, что ихъ въ древней Руси было очень не много.

Назначеніемъ патріарховъ и всѣхъ епископовъ царская власть однако не ограничивалась, а шла въ этомъ направленіи далѣе. Все епархіальное управленіе, начиная съ самого патріарха и кончая послѣднимъ епархіальнымъ ар-

хіереемъ, находилось постоянно подъ бдительнымъ надзоромъ и контролемъ царя.

Въ древней Руси, какъ мы говорили, существовалъ у всѣхъ архіереевъ довольно сильно развитый институтъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, избиравшихся изъ цѣлыхъ родовъ служилыхъ людей, которые жили при архіерейскомъ домѣ, имѣли въ своемъ пользованіи архіерейскія земли и несли при архіереѣ разныя службы, отъ которыхъ они и кормились. Изъ нихъ избирались архіерейскіе: бояре, дьяки, десятильники, тіуны, праветчики и доводчики, приставы или недѣльщики, дворецкіе, волостели, прикащики, стольники, кравчіе, конюшіе и пр., такъ какъ архіерейскій домъ и все архіерейское управленіе устроены были тогда по образцу княжескаго двора и управленія, причемъ свѣтскіе архіерейскіе чиновники обладали очень обширными полномочіями и правами во всѣхъ дѣлахъ епархіальнаго управленія. За небольшими исключеніями духовныя лица въ архіерейскомъ управленіи тогда почти совсѣмъ отсутствовали, а все оно совершалось при помощи различныхъ свѣтскихъ чиновниковъ. Когда потомъ у великихъ князей и царей московскихъ явились разные „приказы", какъ правительственныя учрежденія, то, по ихъ образцу, патріархъ Филаретъ Никитичъ устроилъ такіе же „приказы" и въ патріаршемъ управленіи, а также и въ управленіи епархіальныхъ архіереевъ. Большинствомъ архіерейскихъ приказовъ вѣдали свѣтскіе чиновники. Изъ нихъ самыми важнѣйшими и вліятельнѣйшими были: бояре, дворецкіе и дьяки.

Со времени состоявшихся на Стоглавомъ соборѣ опредѣленій о святительскомъ судѣ, архіерейскіе бояре составляли при архіереяхъ судное отдѣленіе по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ архіерейской юрисдикціи: у нихъ хранились различные архіерейскіе указы и распоряженія по различнымъ дѣламъ епархіальнаго управленія; къ нимъ, а не къ архіереямъ непосредственно, обращались царскіе приказы съ своими памятями по тѣмъ или другимъ вопросамъ. Со времени Филарета Никитича въ особомъ патріаршемъ приказѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „Розрядъ", сосредоточивались всѣ епархіальныя судебныя и административныя дѣла, а самый приказъ находился въ вѣдѣніи патріаршаго боярина. Понятно отсюда, какую важную и видную роль во-

всемъ епархіальномъ управленіи играли архіерейскіе бояре: всѣ дѣла, какія только подвѣдомственны были архіерею, иногда и дѣла чисто духовныя, проходили всегда чрезъ руки архіерейскихъ бояръ, которые разсматривали и подготовляли всякое дѣло, поступившее къ архіерею, благодаря чему они необходимо имѣли огромное вліяніе на рѣшеніе епархіальныхъ дѣлъ и на все вообще архіерейское епархіальное управленіе. — Затѣмъ особенно видное и важное значеніе имѣли при архіереяхъ дворецкіе. На обязанности дворецкаго прежде всего лежало завѣдываніе всѣмъ архіерейскимъ домомъ въ хозяйственномъ отношеніи. Его вѣдѣнію и надзору подчинены были всѣ архіерейскіе служилые люди: дѣти боярскія, разнаго рода должностныя лица, домовая прислуга, ремесленники, рабочіе и пр. Затѣмъ на обязанности дворецкаго лежало вѣдать и управлять всѣми архіерейскими землями и имѣніями, какъ тѣми, которыя находились въ непосредственномъ вѣдѣніи архіерея и его, такъ называемыхъ, домовыхъ монастырей, такъ и тѣми, которыя, отдавались въ пожизненное владѣніе различнымъ служилымъ лицамъ при архіереѣ: боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и проч. Дворецкій обязанъ былъ наблюдать за цѣлостью архіерейскихъ земель, заботиться объ увеличеніи ихъ, о замѣнѣ менѣе выгодныхъ болѣе выгодными въ какомъ-либо отношеніи, почему дворецкіе покупали своимъ архіереямъ земли, промѣнивали церковныя земли на земли частныхъ владѣльцевъ и т. п. Но одна изъ самыхъ главныхъ и важнѣйшихъ обязанностей дворецкаго состояла въ томъ, что онъ имѣлъ право суда надъ всѣми лицами, жившими на архіерейскихъ земляхъ.—Послѣ бояръ и дворецкихъ особенно важное значеніе въ архіерейскомъ управленіи имѣли дьяки, люди совершенно необходимые во всякомъ дѣлѣ, требующемъ знанія законовъ, старины, письменнаго канцелярскаго искусства, безъ подписи которыхъ ни одна бумага не могла получить оффиціальнаго характера, и безъ дѣятельнаго, и часто руководящаго, участія которыхъ не дѣлалось ни одно сколько-нибудь важное дѣло.

Архіерейскіе бояре, дворецкіе и дьяки держали въ своихъ рукахъ почти все архіерейское управленіе, такъ какъ къ нимъ не рѣдко поступали на разсмотрѣніе и собственно духовныя дѣла. Свѣтское правительство прекрасно понимало

то важное значеніе, какое указанные свѣтскіе чиновники имѣли во всемъ епархіальномъ архіерейскомъ управленіи, и потому оно постаралось этихъ важныхъ и вліятельныхъ архіерейскихъ чиновниковъ поставить въ прямую зависимость отъ себя, чтобы чрезъ нихъ подчинить своему вліянію и все епархіальное архіерейское управленіе. Стоглавый соборъ постановилъ, что архіереи не могутъ одноличио, безъ одобренія и согласія царя, назначать своихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, и что въ случаѣ неимѣнія архіереемъ лицъ, способныхъ занять эти должности, царь назначаетъ ихъ изъ своихъ чиновниковъ; точно также, безъ согласія и воли царя, архіереи не имѣютъ права и увольнять по своему усмотрѣнію отъ занимаемыхъ ими должностей, назначенныхъ царемъ чиновниковъ. Въ силу этого постановленія Стоглаваго собора свѣтская власть окончательно присвоила себѣ право назначать и увольнять важнѣйшихъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, и нетолько чиновниковъ простаго епархіальнаго архіерея, но и самаго московскаго и всея Руси митрополита, а потомъ патріарха. „Въ запискѣ о царскомъ дворцѣ, чиноначаліи, церковныхъ чинахъ“ и пр. (1610—1613 г.), прямо говорится: „а въ справедливости въ духовныхъ дѣлахъ, судитъ его патріаршій бояринъ, да дворецкій, да съ нимъ два дьяка, и доводятъ дѣла предъ него (патріарха), а казначей сбираетъ и завѣдуетъ казну патріаршу: а дается бояринъ, дворецкій и дьяки отъ государя“. Это свидѣтельство подтверждается и другими данными, которыя приводить здѣсь было бы излишне. [1]).

Такимъ образомъ, въ лицѣ архіерейскихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, назначаемыхъ и увольняемыхъ царемъ, все епархіальное управленіе архіерея, а также и патріарха, необходимо было подчинено очень чувствительному и стѣснительному для архіерея контролю свѣтской власти. Флетчеръ свидѣтельствуетъ, что власть назначаемыхъ государемъ къ архіереямъ свѣтскихъ чиновниковъ была такъ велика, что епископы не рѣшались самостоятельно рѣшать дѣла, посту-

---

[1]) Желающіе ближе познакомиться съ свѣтскими архіерейскими чиновниками въ древней Руси и вообще съ строемъ тогдашняго епархіальнаго управленія, могутъ читать мою книгу: „Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси“. Москва, 1874 годъ.

павшіе на ихъ судъ. Такъ, если бы епископъ захотѣлъ смягчить рѣшеніе по какому нибудь дѣлу, то онъ долженъ былъ предварительно предложить это на разсмотрѣніе своимъ чиновникамъ. Такое положеніе дѣлъ, по замѣчанію Флетчера, было слѣдствіемъ того, что эти чиновники назначались не епископами, а самимъ государемъ или его думой, и они обязаны были давать отчетъ въ своемъ управленіи не епископу, а свѣтской власти. Если епископъ получалъ позволеніе имѣть чиновниковъ по своему собственному выбору, то это считалось знакомъ особой царской милости. Предположимъ, что если это свидѣтельство Флетчера объ отношеніи свѣтскихъ чиновниковъ къ архіерею даже нѣсколько и преувеличено, то всетаки остается несомнѣннымъ, что эти чиновники, назначаемые и увольняемые царемъ, и зависѣли отъ царя, а не отъ архіерея, у котораго они служили, и потому въ своей дѣятельности естественно стремились болѣе угодить свѣтскому правительству, чѣмъ духовному. Очень возможно, что царскій чиновникъ, при своемъ назначеніи на службу къ архіерею, получалъ отъ свѣтской власти указанія, какъ онъ долженъ вести себя относительно архіерея, какъ долженъ поступать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, и послѣ давалъ отчетъ Государю о своей дѣятельности, о положеніи всѣхъ епархіальныхъ дѣлъ, такъ что все епархіальное архіерейское управленіе было очень несамостоятельно, находилось подъ постояннымъ бдительнымъ контролемъ свѣтской власти, почему какъ самъ патріархъ, такъ и каждый архіерей постоянно чувствовали себя связанными и очень стѣсненными въ управленіи своими епархіями.

Даже частная жизнь архіереевъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, находилась подъ контролемъ царя. Вотъ доказательство. Казначей монастыря преп. Саввы Сторожевскаго Никита сильно запилъ и сталъ вести себя безобразно. Тогда Алексѣй Михайловичъ, бывшій попечителемъ Саввинскаго монастыря, приказалъ держать Никиту въ его кельѣ подъ арестомъ и никуда не выпускать, ради чего къ дверямъ кельи поставлены были стрѣльцы. Казначей Никита сильно оскорбился этимъ и писалъ своимъ друзьямъ, что царь его безчеститъ, поставивъ къ дверямъ его кельи стрѣльцовъ. Узнавъ объ этомъ, Алексѣй Михайловичъ послалъ Никитѣ письмо, полное крайняго негодованія на Никиту: „Отъ царя и великаго

князя Алексѣя Михаиловича всея Руси. Врагу Божію, и богоненавистнику, и христопродавцу, и разорителю чудотворцову дому, и единомысленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню, и злому пронырливому злодѣю, казначею Никитѣ. Уподобился ты сребролюбцу Іюдѣ, якоже онъ продалъ Христа за тридесять сребреникъ, а ты промѣнилъ, проклятой врагъ, чудотворцовъ домъ, да и мои грѣшные слова, на свое умное и збойливое пьянство, и на умные, на глубокіе, пронырливые вражьи мысли. Самъ сатана въ тебя, врага Божія, вселился. Хто тебя, сиротину, спрашивалъ надъ домомъ чудотворцовымъ, да и надо мною грѣшнымъ, властвовать? Хто тебѣ сію власть мимо архимандрита далъ, что тебѣ безъ его вѣдома стрелцовъ и мужиковъ моихъ михаиловскихъ бить?“ Затѣмъ царь пишетъ: „да ты жь, сатанинъ угодникъ, пишешь къ друзьямъ своимъ и вычитаешь безчестье свое вражье, что стрѣлцы у твоей кельи стоятъ. И дорого добрѣ, что у тебя, скота, стрѣлцы стоятъ. Лутче тебя и честнѣе тебя *и у митрополитовъ стоятъ стрѣлцы, по нашему указу, которой владыко тѣмъ же путемъ ходитъ, что и ты окаянной?*“ Очевидно Алексѣй Михаиловичъ приказывалъ, какъ обычное дѣло, выдерживать подъ арестомъ и самихъ митрополитовъ, если который владыка начиналъ вести себя такъ же неблаговидно, какъ и саввинскій казначей Никита.

Нормы той или другой церковной жизни, разныя правила и постановленія, обязательныя для всей данной церкви, обыкновенно вырабатываются соборами, которымъ принадлежитъ высшая законодательная и судебная власть въ церкви. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ на Руси было, по разнымъ поводамъ, особенно много соборовъ. Но и на соборахъ, гдѣ непремѣнными членами были архіереи и другія духовныя лица, которые должны были по даннымъ вопросамъ выражать голосъ церкви,—и на соборахъ главное и рѣшающее значеніе имѣлъ государь, такъ какъ безъ его воли и согласія не могъ состояться ни одинъ церковный соборъ, равно какъ безъ его одобренія ни одно соборное постановленіе не могло получить силы закона. Причина этого явленія коренилась въ тѣхъ особыхъ представленіяхъ о царѣ, перешедшихъ къ намъ изъ Византіи, какія имѣла древняя Русь, и по которымъ царю принадлежитъ всецѣлая забота не только о дѣлахъ государ-

ственныхъ, но въ равной мѣрѣ и о дѣлахъ церковныхъ. Царь есть единственный источникъ всякаго закона, какъ гражданскаго, такъ и церковнаго, такъ какъ онъ, по мнѣнію древней Руси, былъ намѣстникомъ Бога на землѣ и ему Господь, какъ своему намѣстнику, вручилъ заботу и попеченіе не только о дѣлахъ государственныхъ, но и о всѣхъ дѣлахъ церковныхъ.

Іосифъ Волоцкій о царяхъ выражается такъ: „*бози бо есте (цари) и сынове Вышняго. Васъ бо (царей) Богъ въ себе мѣсто посади на престолѣ своемъ*... Царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкомъ, *властію же подобенъ есть вышнему Богу*.. Господь Богъ устроилъ царя въ свое мѣсто, и посадилъ на царскомъ престолѣ, судъ и милость предастъ ему, *и церковное и монастырское*, и всего православнаго государства и всея русскія земли власть и попеченіе вручилъ ему“ [1]. При вѣнчаніи на царство Θеодора Ивановича (1584 г.) митрополитъ между прочимъ говорилъ ему: „*васъ* (*царей*) *Господь Богъ въ себе мѣсто избра на земли*, и на свой престолъ вознесъ, посади, милость и животъ положи у васъ“ [2]. Протопопъ Іоаннъ Нероновъ пишетъ государю Алексѣю Михаиловичу отъ 27 февраля 1654 года: „припадаю, молю твое благородіе, о равноапостольне, послушати изволи въ сокрушеніи сердца вопіющаго ти и слезный источникъ проливающаго ти, государю, *и яко богу по Бозѣ прибѣгающаго къ державѣ твоей*... О благочестивый царю, *иже воистину по Бозѣ бози*“. Другой противникъ патріарха Никона—Лазарь училъ, что власть царя божественна, и что „якоже отстоитъ небо отъ земли, и солнце выше луны и больши свѣтомъ есть: сице и царская божественная власть выши и больши прочихъ властей“. Гдѣ нѣтъ царя, или гдѣ царская власть восхищена другими, тамъ, по мнѣнію Лазаря, царствуетъ антихристъ. „Егда въ Римѣ, говоритъ онъ, духовный человѣкъ—папа восхити на ся царскую Божію власть: и оттолѣ антихристово властительство есть въ Римѣ. Сице бо и о Царьградѣ: яко Божія царскія власти не имѣютъ“. Инокъ Авраамій пишетъ государю Алексѣю Михаиловичу: „*вся тя-*

---

1) И. Хрущева: Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, стр. 201 и 226.

2) Собр. госуд. грам. и доч. т. II, № 51, стр. 81.

гота церковная нынѣ на твоей выи виситъ; а на властей нынѣ ни на которыхъ нечево смотрѣть—времени служатъ, а на передъ не озираются бѣднiи пастуси“ [1]).

Церковные наши соборы, съ своей стороны, тоже проповѣдывали, что вѣдѣнiю царя подлежатъ всѣ церковныя дѣла и самые церковные соборы. Такъ въ постановленiяхъ собора 1660 года о царѣ говорится: „ему же (царю) свою церковь Господь преда, и закону ея поучатися день и нощь научи на устроенiе и возгражденiе сущимъ подъ рукою людемъ... Царь Боговѣнчанный, паче же благочестивый, православный и христолюбивый, есть благочинный раздаватель чина; ему яко благочинному чина раздателю, о благочинiи церковномъ, о боголѣпномъ православныя церкве апостольскiя благостроенiи же опасно пещися и тщатися всегда подобаетъ... Оному—царю, яко общему всѣмъ благу, не точiю о благочинiи церковномъ тщатися, и опасное о благолѣпномъ православныя церкви Христовы благостроенiи попеченiе творити, но и во общую спасаемыхъ душъ православныхъ пользу, по благословной винѣ церковной, богоугодно священный соборъ созывати подобаетъ“ [2]).

И сами русскiе цари вѣрили и заявляли, что имъ Господомъ поручена забота и попеченiе не только о дѣлахъ государственныхъ, но и о всѣхъ дѣлахъ церковныхъ, тѣмъ болѣе что отъ правильнаго теченiя церковныхъ дѣлъ зависѣло и благосостоянiе самаго государства. Первый русскiй царь—Иванъ Васильевичъ, въ соборной грамотѣ 1564 года о бѣломъ клобукѣ, такъ опредѣляетъ свои отношенiя къ церковнымъ дѣламъ: „прiяхомъ скипетры россiйскаго царства, также и во благосостоянiе святыхъ Божiихъ церквей, и монастырей, и мѣстъ“ [3]). Царь Алексѣй Михаиловичъ отличалъ себя отъ Царя небеснаго существенно только тѣмъ, что онъ, въ противоположность небесному вѣчному Царю, есть царь „тлѣнный“. Въ письмѣ къ боярину и воеводѣ В. Б. Шереметеву онъ пишетъ: „вѣдомо тебѣ самому, какъ великiй Царь и вѣчный изволилъ быть *у насъ, великаго госу-*

---

[1]) Матер. для ист. раск. т. I, стр. 53, 60. т. IV, стр. 251, 253—254. т. VII, стр. 275.

[2]) Гиббенета: Дѣло патрiарха Никона, т. I стр. 215. Дѣло о Никонѣ стр. 95.

[3]) А. И. т. I, № 173, стр. 331.

даря и тлѣннаго царя, тебѣ Василью Борисовичу, въ боярехъ не туне... Не просто Богъ изволилъ намъ, великому государю и тлѣнному царю, честь даровати, а тебѣ приняти... Какъ по изволенію Божію и по нашему великаго государя и тлѣннаго царя указу“ [1]... Онъ же, въ граматѣ къ антіохійскому патріарху Макарію, приглашая его пребыть въ Москву для суда надъ Никономъ, между прочимъ пишетъ, что обязанности царя не о царскомъ только пещися, но самое главное: „еже есть общій міръ церквамъ и здраву вѣру крѣпко соблюдати и хранити намъ; едгда бо, поясняетъ свою мысль царь, сія въ насъ въ цѣлости снабдятся, тогда намъ вся благая строенія отъ Бога бываютъ: миръ, и умноженіе плодовъ, и враговъ одолѣніе, и прочіи вещи вся добрѣ устроятися имутъ“ [2]. Царь Θеодоръ Алексѣевичъ, въ грамотѣ объ устройствѣ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ академіи, заявляетъ, что его царская „первая и величайшая должность—охраненіе восточныя православныя вѣры, и тоя о разширеніи промышленія“ [3].

Московскіе государи въ сознаніи лежащей на нихъ высокой и очень отвѣтственной обязанности заботиться о всѣхъ дѣлахъ вѣры и церкви, направлять и исправлять ихъ, если бы онѣ въ какомъ либо отношеніи приняли неправильное теченіе, считали себя, какъ намѣстники Бога на землѣ, призванными контролировать всю церковно-религіозную жизнь народа, имѣть надъ нею свой постоянный верховный надзоръ, руководить и заправлять всѣми дѣйствіями самыхъ церковныхъ высшихъ властей, строго наблюдая, что бы церковная дѣятельность послѣднихъ всегда была согласована съ божественнымъ закономъ, охранителями и исполнителями котораго являются цари.

Въ виду указаннаго представленія о себѣ нашихъ московскихъ государей, они считали себя въ правѣ предпринимать свои собственныя мѣры къ упорядоченію, исправленію и улучшенію религіозно-нравственной жизни народа, дѣйствуя въ этомъ случаѣ помимо всѣхъ церковныхъ властей и учрежденій. Примѣровъ этого рода распоряженій государей очень много и мы укажемъ здѣсь только нѣкоторыя.

---

[1] Зап. рук. археол. общ. т. II, стр. 751—754.
[2] Гиббенетъ, т. II, стр. 578.
[3] Воробьева: О московскомъ соборѣ 1681—1682 года, стр. 9.

Отъ 10 марта 1660 года государь Алексѣй Михаиловичъ прислалъ въ Великій Новгородъ свою грамоту къ боярину и воеводѣ князю Григорію Семеновичу Куракину съ товарищи. Въ этой грамотѣ государь заявляетъ: ему, государю, вѣдомо учинилось, что есть такіе разныхъ чиновъ люди, всуе называющіе себя православными христіанами, которые со всѣмъ не имѣютъ у себя отцевъ духовныхъ, не считаютъ нужнымъ исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ, хотя бы имѣли уже болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду; что если такія лица захворавъ и боясь, что ихъ, въ случаѣ смерти, не похоронятъ около церкви, и прибѣгаютъ къ исповѣди, но эта исповѣдь бываетъ уже подневольной и „вмалѣ пріятна Богу", тѣмъ болѣе, что выздоровѣвъ, они опять перестаютъ исповѣдываться, и нѣкоторые изъ нихъ такъ потомъ и умираютъ безъ покаянія, ради внезапной смерти. Царь настаиваетъ, что бы всѣ говѣли и исповѣдывались во всѣ четыре поста, а если это кому невозможно „великія ради нужды", то три или два раза въ годъ. А если кому „отнюдь невозможно и дважды въ годъ", то говѣли бы каждый великій постъ, „оставя всякую нужду и презря всякое дѣло земное, и всякія суеты и душетлѣнныя печали", иначе, говоритъ царь, „той нѣсть достоинъ нарещися истиннымъ христіаниномъ... таковый чуждъ есть христіанскаго званія, и святые отцы іереемъ Христовымъ заповѣдаша не приняти у таковыхъ никакого приношенія въ церкви Божіи, не повелѣша входити въ церковь Божію". „И сего ради пишетъ царь, мы, великій государь, о таковыхъ погибельныхъ и не кающихся душахъ изволили душею своею поскорбѣти, что бъ таковыхъ погибельныхъ душъ на истинный путь—на покаяніе обратити, и тѣмъ гнѣвъ Божій укротити, и милостива Его сотворити православному роду россійскому благочестивыя своея державы". И вотъ царь приказываетъ воеводѣ съ товарищами, когда къ нимъ придетъ эта царская грамота: „и вы бъ, въ Новгородѣ и новгородскомъ уѣздѣ, архимандритомъ, и игуменомъ и протопопомъ, и приходскихъ всѣхъ церквей попомъ и дьякономъ церкви Божіи пасти, законъ и заповѣдь хранити такожде велѣли". Затѣмъ идутъ царскія наставленія духовенству, какъ оно должно дѣйствовать въ данномъ случаѣ, причемъ ему повелѣвается „росписи ослушниковъ и безстрашниковъ" т. е. ни разу въ годъ не исповѣдавшихся,

присылать въ Москву въ монастырскій приказъ окольничему Стрѣшнѣву и дьякамъ, и тогда „таковымъ ослушникамъ нашъ, великаго государя, указъ будетъ съ опалою, безъ всякія пощады“. А если бъ кто изъ духовныхъ сталъ покрывать такихъ ослушниковъ, не сталъ бы на нихъ доносить и это царю сдѣлается извѣстнымъ, то такимъ „приходскихъ церквей попомъ и дьякономъ за то отъ насъ, великаго государя, быть въ великой опалѣ и пени, а по правиломъ св. апостолъ и св. отецъ въ большомъ запрещеніи“. Въ заключеніе царь приказываетъ воеводѣ съ товарищами ѣхать съ этою грамотою въ соборную церковь, предварительно собравъ въ ней все духовенство и прихожанъ, „и велѣли бъ сію нашу, великаго государя, грамоту честь всѣмъ людемъ въ слухъ, что бъ сей нашъ, великаго государя, указъ всѣмъ былъ вѣдомъ, и ходили бъ противъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ по сему нашему, великаго государя, указу“. Списки съ грамоты повелѣвается разослать по монастырямъ и приходскимъ церквамъ новгородскаго и великолуцкаго уѣздовъ [1]).

Приведенная грамота государя очень характерна въ томъ отношеніи, что въ ней царь рѣшительно и открыто выступаетъ въ качествѣ епархіальнаго архіерея, удрученнаго заботами о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ, объ обращеніи на путь истинный—путь покаянія грѣшниковъ, о чемъ прежде всего и ближе всего должно бы было позаботиться не царю, а мѣстному епархіальному архіерею и мѣстному духовенству. Съ другой стороны эта грамота характерна въ томъ отношеніи, что она посылается царемъ не мѣстному архіерею или какому либо другому духовному лицу, а чиновнику государственному: воеводѣ съ товарищами. Имъ поручается въ соборѣ собрать архимандритовъ, игуменовъ, все соборное и приходское духовенство и народъ, и прочесть предъ всѣми учительно-назидательную грамоту государя, а списки съ нея разослать по монастырямъ и приходскимъ церквамъ въ уѣздахъ. Наконецъ царь требуетъ отъ духовенства, чтобы оно о небывшихъ на исповѣди своихъ прихожанъ обязательно доносило не архіерею, не духовному вообще начальству, а начальнику монастырскаго приказа—окольничему Стрешневу, и тогда, не архіерей или какая либо иная церковная власть,

---

[1]) А. Э. т. IV, № 115.

а самъ царь, какъ виновныхъ грѣшниковъ, такъ и тѣхъ духовныхъ лицъ, которые не будутъ доносить о не бывшихъ на исповѣди прихожанахъ, станетъ наказывать своею великою опалою и пенями и большимъ запрещенiемъ. О томъ, что бы передать надзоръ за всѣмъ этимъ чисто духовнымъ дѣломъ мѣстному архiерею и духовнымъ властямъ, имъ поручить наблюденiе за исполненiемъ царской грамоты, нѣтъ и намека,—все дѣлаетъ только царь чрезъ своего воеводу съ товарищами, епархiальной же духовной власти какъ будто и не существуетъ.

Укажемъ на другое распоряженiе царя Алексѣя Михаиловича: „лѣта 7170 (1662 г.) царь Алексѣй Михаиловичъ указалъ: „филиповъ постъ, отъ начала до совершенiя, всѣмъ православнымъ христiаномъ поститися; въ монастырѣхъ потому жъ имѣти житiе, приличное иноческому обѣщанiю. Притомъ въ монастырѣхъ и по соборамъ и по мiрскимъ церквамъ предъ литургiею, или послѣ, пѣть молебны: въ понедѣльникъ—о соединенiи церквей, въ среду—Богородицѣ, въ пятокъ—о побѣдѣ на супостаты" [1]). Въ этомъ чисто церковномъ распоряженiи царя скорѣе видѣнъ заботливый, ревнующiй о спасенiи душъ своихъ пасомыхъ, архипастырь, нежели свѣтскiй правитель государства.

Какъ сильно наши московскiе благочестивые государи были проникнуты церковностiю, это особенно ярко видно изъ того, что они даже на военное дѣло, съ его удачами и не удачами, смотрѣли съ строго религiозно - церковной точки зрѣнiя, и побѣды и пораженiя своихъ генераловъ—воеводъ объясняли не иначе, какъ степенью ихъ благочестiя и истовостiю соблюденiя ими церковнаго устава. Воеводѣ Лобанову-Ростовскому, потерпѣвшему, въ войнѣ съ Польшею, неудачу подъ Мстиславлемъ, Алексѣй Михаиловичъ пишетъ, „нынѣ къ тебѣ окольничему нашему и воеводѣ, пишемъ не для того, что къ городу не приступать и промыслу не чинить, но для того, что ты къ городу приступалъ безъ разсмотрѣнiя всякаго, положа упованiе на свое человѣчество и дородство, кромѣ Бога, а божественная писанiя не вспомянулъ: не надѣйтеся на кесари, на сыны человѣческiя, въ нихъ же нѣсть спасенiя, изыдетъ духъ ихъ и возвратится въ землю

---

[1]) Изъ имѣющейся у меня архивной выписки.

свою. А, по прилучаю, время то и пришло что приступать, и въ началѣ тебѣ, окольничему и воеводѣ, достоитъ внутрь себя пріити и сокрушить сердце свое предъ Богомъ, и восплакать горцѣ въ храминѣ своей тайно предъ образомъ Божіимъ о побѣдѣ, и предъ образомъ Пречистыя Матери Его, пресвятыя Богородицы, и всѣхъ святыхъ тоже достоитъ призывать молитву ихъ о побѣдѣ же, что бы Господь Богъ, въ началѣ, нашихъ, великаго государя, воеводъ и всѣхъ ратныхъ людей сохранилъ, а всепѣтая наша и общая заступница пресвятая Богородица покрыла омофоромъ своимъ, юже видѣ Андрей на воздусѣ молящуюся за ны къ сыну своему и Богу нашему; такъ же бы и всѣ святые сотворили молитву къ Господу Богу за васъ, воеводъ, и за всѣхъ нашихъ, великаго государя, ратныхъ людей, во еже помощи вамъ и спасти васъ отъ всякаго вреда, — а не на свое высокоуміе полагатца. Да достоитъ и святымъ и страннымъ нозѣ умыти; а кто святые и странные меньшая братія Христова? По Его евангельскому словеси: бѣдныя, маломощныя сироты... Аще бы у васъ въ полку сотворилося крѣпко, вѣрую Богу и Господу нашему, что бъ Мстиславль вскорѣ одолѣнъ былъ отъ васъ, воеводъ нашихъ. *Покоянію, молитвѣ, милостынѣ, страннолюбію не можетъ никакой непріятель сопротивъ стати*: ни агаряне, ни самъ адскій князь, всѣ окрестъ бѣгаютъ и трепещутъ". Еще болѣе характернымъ и оригинальнымъ является посланіе царя Алексѣя Михаиловича къ другому генералу - воеводѣ, которому онъ указываетъ одно изъ вѣрныхъ средствъ одержать побѣду надъ непріятелемъ. Царь пишетъ: „*да держись единогласнаго пѣнія*, аще и нужда приключится—не поспѣть отпѣть единогласно... и тебѣ бы, рабу Божію, творити по сему указу. Какъ застанетъ дѣло (т. е. битва), и ты отъ пѣнія поди и вси слушающеи съ тобою на дѣло Божіе (т. е. на битву со врагомъ), за помощію Его святою; а въ умѣ помышляй Исусову молитву, а пѣніе великое послѣ себя *по уставу и по чину единогласно же*. Ей причтенъ будешъ въ царствіи небесномъ съ лики святыхъ, аще сія заповѣди Божіи управлены будутъ по сему указу, и поспѣшатъ сія заповѣди Божія и святыхъ отецъ тебѣ, рабу Божію, во всякомъ дѣлѣ. А о томъ не оскорбляйся, что не дослушалъ и пойдешь на дѣло воинское съ радостію; поди безъ всякаго сомнѣнія, а

пѣніе вмѣнится тебѣ въ слушаніе, что и безъ тебя то пѣніе кончается по чину и по заповѣди св. отецъ. А будетъ и при тебѣ то пѣніе сотворяемому чрезъ заповѣдь Божію и святыхъ отецъ (т. е. многогласно), и то (т. е. многогласное) пѣніе тебѣ и всѣмъ ратнымъ людемъ не къ поспѣшенію и не ко одолѣнію будетъ, но ко всякому нестроенію и поврежденію всякому доброму дѣлу; и о семъ да дастъ тебѣ Господь Богъ благое разсужденіе и твердое состояніе въ семъ дѣлѣ, и да явишся всѣмъ врагомъ страшенъ" [1]).

Если царь и на военное дѣло смотрѣлъ съ церковно-уставной точки зрѣнія, и считалъ своею священною обязанностію назидать своихъ боевыхъ генераловъ-воеводъ прежде всего въ благочестіи, какъ главномъ условіи одержанія побѣдъ надъ врагами; то тѣмъ болѣе, конечно, онъ старался прилагать эти свои возрѣнія ко всѣмъ житейски—государственнымъ отношеніямъ и положеніямъ, всячески проводить ихъ во всю общественную жизнь, и особенно настойчиво и внимательно слѣдилъ, что бы высшая церковная власть всегда дѣйствовала въ этомъ духѣ и направленіи, исполняя волю и желаніе благочестиваго государя, который, по этому являлся въ Московской Руси главнымъ инціаторомъ церковныхъ распоряженій высшей духовной власти. Изъ множества фактовъ этаго рода укажемъ на два. Патріархъ Іосифъ въ 1646 году, 16-го февраля, писалъ: „указалъ государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всеа Русіи, на Москвѣ сій святый великій постъ, протопопомъ, и попомъ и дьякономъ, и всѣмъ православнымъ христіаномъ поститися и жити въ чистотѣ совсякимъ воздержаніемъ, и отъ пьянства и отъ неправды и отъ всякаго бъ грѣха удалялись". Въ виду полученія такого указа отъ государя патріархъ и дѣлаетъ соотвѣтствующія распоряженія по Москвѣ, посылая объ этомъ московскому духовенству свой наказъ [2]). Въ 1649 году тотъ же патріархъ Іосифъ, въ грамотѣ къ Маркеллу, архіепископу вологодскому, вооружается противъ сильно развившагося среди иноковъ монастырей пьянства, противъ недостатка въ монастыряхъ церковнаго благочинія, противъ не единогласнаго пѣнія и другихъ монастырскихъ

---

[1]) Записки русск. археол. общ. т. II, стр. 744—745, 762—763.
[2]) А. э. т. IV, № 321.

не-порядковъ и безчиній, при чемъ патріархъ поясняетъ: „а мнѣ, богомольцу своему, государь велѣлъ послать по всѣмъ монастыремъ грамоты, что бъ отнюдь въ монастыряхъ хмѣльнаго никакого питья не было, и жили бъ по преданію древнихъ святыхъ отецъ, и по чину монастырскому и уставу", т. е. самъ патріархъ открыто признаетъ, что его теперешнія заботы о введеніи благочинія въ монастыряхъ есть только исполненіе воли и приказа государя, а не результатъ его личной архипастырской заботливости объ устроеніи монастырской жизни [1]).

Церковные соборы московской Руси XVI и XVII столѣтій были однимъ изъ проявленій верховныхъ заботъ нашихъ благочестивыхъ государей о церкви, о правильномъ теченіи всѣхъ церковныхъ дѣлъ; церковный соборъ XVI и XVII вѣка это—органъ, при посредствѣ котораго царь осуществлялъ свои верховныя права и заботы о процвѣтаніи православной вѣры и благочестія. Этимъ и опредѣлялись особыя отношенія московскаго царя къ церковнымъ соборамъ.

Всѣ церковные соборы московской Руси XVI и XVII столѣтій всегда обязательно созывались только по особому повелѣнію государя, безъ его согласія не могъ состояться ни одинъ соборъ [2]).

---

1) А. э. т. IV, № 327.

2) Въ 1554 г. царь Иванъ Васильевичъ, въ грамотѣ къ Максиму греку, раскрывъ еретическія мнѣнія Башкина, пишетъ: „тѣмъ же убо умыслихъ сице: да соберутся вси елици сущіи обрѣтаются подъ областію моею: архіепископи же и епископи, архимандриты же и игумени и черноризци, иже въ благочестіи пребывающіи" на соборъ, для осужденія Башкина (А. И. т. I, № 161, стр. 298). Въ соборной грамотѣ 1554 г. о бѣломъ клобукѣ, царь заявляетъ: „во всю свою область царскаго самодержства посълахомъ къ сущимъ подъ областію святѣйшія русскія митрополія къ своимъ богомольцомъ, и повелѣхомъ снитися преосвященнымъ архіепископомъ, и епископомъ, и честнѣйшимъ архимандритомъ, и игуменомъ, и всему освященному собору" (А. И. т. I, № 173, стр. 331). Или напримѣръ: „въ прошломъ во 168 (1660) году по божественному повелѣнію и (повелѣнію) благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, собрашися преосвященный соборъ въ богохранимый царствующій градъ Москву, и снидохомся въ патріаршую крестовую палату митрополити, архіепископи и епископи". Или: 21 декабря 1662 года государь, празднуя память московскаго митрополита св. Петра, задумываясь надъ судьбами вдовствующей русской церкви и о разныхъ церковныхъ нестроеніяхъ

Принявъ рѣшеніе созвать церковный соборъ, царь разсылалъ отъ себя особыя пригласительныя грамоты ко всѣмъ архіереямъ, съ предписаніемъ явиться въ Москву въ назначенное царемъ время. Безъ этого особаго царскаго приглашенія ни одинъ архіерей, только своею волею, ни подъ какимъ видомъ не смѣлъ явиться на соборъ. То же нужно сказать и о другихъ лицахъ, входившихъ въ составъ собора, какъ его члены, хотя приглашенія имъ шли не непосредственно отъ царя, а вѣроятно чрезъ одно изъ дворцовыхъ учрежденій. Такимъ образомъ составъ членовъ собора всякій разъ зависѣлъ отъ воли и усмотрѣнія государя: являлись на соборъ только тѣ, кого онъ самъ приглашалъ или повелѣвалъ другимъ пригласить.

Мѣсто, гдѣ происходили засѣданія собора, назначалось царемъ. Обыкновенно дѣло въ этомъ отношеніи ставилось такъ: если на соборѣ присутствовалъ самъ государь, то соборныя засѣданія обязательно происходили въ царскихъ палатахъ въ середней, золотой и, такъ называемой, столовой избѣ; а если царь на соборныхъ засѣданіяхъ не присутствовалъ, то онѣ обыкновенно происходили въ такъ называемой патріаршей крестовой палатѣ. Только два раза: въ 1572 г. и при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, соборы происходили въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Всѣ большіе и важные соборы открывались обыкновенно самимъ государемъ, который по большей части лично присутствовалъ на соборныхъ засѣданіяхъ, хотя далеко не на всѣхъ. Нерѣдко на соборъ онъ являлся въ сопровожденіи своихъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, которые принимали участіе въ соборныхъ засѣданіяхъ наравнѣ съ другими членами собора. Если царь оставлялъ соборныя засѣ-

---

„изволилъ онъ, великій государь, учинити соборъ и писати о томъ ко вселенскимъ патріархомъ“, чтобы они пріѣхали въ Москву. „А къ своимъ государевымъ богомольцамъ, къ преосвященнымъ митрополитомъ, къ архіепископомъ и епископомъ указалъ послать свои государевы грамоты, чтобъ они къ тому жъ собору пріѣхали къ Москвѣ изъ дальнихъ городовъ марта къ 25 числу, а изъ ближнихъ маія къ 9 числу“. Тоже говорится и относительно собора 1666 года, т. е. что государь разослалъ по всѣмъ архіереямъ особыя посланія, которыми приглашалъ ихъ явиться въ Москву на соборъ (Гиббенета: Дѣло патр. Никона, т. I, стр. 242—243). (Матер. для ист. раск. т. II, стр. 60. Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 53).

данія, или вовсе на нихъ не присутствовалъ, то ихъ оставляли или на нихъ не присутствовали и бояре, окольничіе и думные люди. Присутствіе царя на „истинномъ" соборѣ считалось почти обязательнымъ, такъ какъ оно придавало собору настоящую силу и авторитетность. Нероновъ на соборѣ 1653 года говорилъ Никону патріарху: „достоитъ поистинѣ и благочестивому царю быти на семъ соборѣ: понеже дѣло великое, Божіе и ево государево, и общее всѣхъ православныхъ христіанъ; а ими, благочестивыми и православными цари, всякъ глаголъ вѣренъ бываетъ... Безъ нихъ же, благочестивыхъ государей, не состоится ничтоже, и вселенстіи седмь соборовъ благочестивыхъ царей имѣли, и въ пособіе и въ помощь призывали съ моленіемъ, понеже ихъ помощію и совѣтомъ вѣра христіанская утвердится. И нынѣ такоже симъ благочестивымъ нашимъ государемъ царемъ всякая истина утверждается и правовѣріе и въ руссійскомъ его государствѣ яко солнце сіяетъ". Убѣждая царя созвать истинный соборъ, и указывая изъ кого онъ долженъ состоять, Нероновъ говоритъ: „тебѣ же, государю, яко превеликому столпу ту (на соборѣ) предсѣдѣти и всѣхъ зрѣти" [1]). Другой противникъ церковной реформы Никона, дьяконъ Ѳедоръ, приглашаетъ царя стать на соборѣ безпристрастнымъ судьею между двумя сторонами, борящимися за старое и новое. „Аще не собереши государь, говоритъ онъ, всѣхъ насъ во едино (не о себѣ азъ глаголю, ничто же бо есмь), кои стоятъ за старое и кои за новое, и обоихъ странъ словесъ самъ не услышиши: не познаешь, государь, истины. Егда будетъ праведный между нами судія—или ты самъ, христіанская наша надежда, или кто вѣрный твой царевъ слуга въ тебе мѣсто, аще мы предъ твоимъ царскимъ лицомъ недостойны стати: тогда сіи святіи себе оправятъ и лесть прогонятъ отъ церкви далѣе, да паки чиста явится церковная нива отъ соблазнъ!" [2]). Соборное рѣшеніе, состоявшееся въ присутствіи царя, считалось окончательнымъ и неизмѣннымъ, не допускающимъ апелляціи и перерѣшенія, потому что „царское осужденіе суду не предлежитъ и не пресуждается" [3]). Тогда какъ недовольный рѣшеніемъ со-

[1]) Матер. для ист. раск. т. I, стр. 66, 235—236.
[2]) Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 42—43.
[3]) Макарія: Ист. рус. церкви т. VI, стр. 146, примѣчаніе.

бора, на которомъ царь не присутствовалъ, всегда могъ апеллировать къ новому — большему собору, который обязанъ былъ вновь пересмотрѣть дѣло и могъ поставить по немъ иное рѣшеніе.

Состоявшіяся на соборѣ тѣ или другія постановленія получали обязательную силу закона и вводились въ церковную практику не иначе, какъ только послѣ просмотра и одобрѣнія ихъ царемъ, который привѣшивалъ къ нимъ свою печать или скрѣплялъ ихъ своею подписью, безъ чего соборныя постановленія, сами по себѣ, не имѣли никакой силы. Въ большинствѣ случаевъ сами государи разсылали потомъ въ разныя мѣста и установленія соборныя постановленія въ формѣ своихъ указовъ и распоряженій.

Такимъ образомъ вся внѣшняя, такъ сказать техническая сторона московскихъ церковныхъ соборовъ XVI и XVII столѣтій, исключительно зависѣла отъ царя: онъ былъ иниціаторомъ соборовъ и безъ его согласія они не могли состояться; онъ опредѣлялъ время и мѣсто соборныхъ собраній, составъ и количество лицъ, засѣдающихъ на соборѣ, онъ открывалъ соборныя засѣданія, утверждалъ состоявшіяся соборныя постановленія, придавая имъ силу закона и потомъ заботился о проведеніи ихъ въ жизнь, съ помощію своихъ царскихъ указовъ и распоряженій.

Государь, рѣшивъ собрать церковный соборъ, естественно долженъ былъ прежде всего позаботиться подготовить и извѣстнымъ образомъ предварительно обработать тотъ матеріалъ, надъ которымъ потомъ долженъ былъ оперировать соборъ. Отцы Стоглаваго собора объ этой предварительной предсоборной дѣятельности государя говорятъ слѣдующее: „нѣкогда вниде въ слухи боговѣнчаннаго и христолюбиваго царя и государя великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи самодержца, что по многимъ святымъ Божіимъ церквамъ звонятъ и поютъ не во время, кромѣ божественнаго устава, и многіе церковные чины не сполна совершаются по священнымъ божественнымъ правиломъ, и не по уставу. Онъ же, боголюбивый царь, о томъ таковая слыша, не просто вмѣни, но разжеся Духомъ святымъ, *вскорѣ повелѣ иописати о тѣхъ многоразличныхъ церковныхъ чинехъ*, которые не по уставу и несполна по священнымъ правиломъ совершаются *и вдасть на соборѣ отцу своему Макарію митрополиту* всея

Русіи, и повелѣ ему о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинехъ, разсудивъ, указъ учинити по божественному уставу и по священнымъ правиломъ". Итакъ, царь Иванъ Васильевичъ, прежде созванія собора 1551 года, повелѣлъ „исписать" о тѣхъ церковныхъ и богослужебныхъ нестроеніяхъ, о которыхъ онъ получалъ свѣдѣнія т. е. еще до собора имъ назначена была особая предсоборная комиссія, которая должна была собрать и подготовить весь матеріалъ для предстоящаго собора. Несомнѣнно, что въ составъ предсоборнаго матеріала входили и личныя свѣдѣнія и наблюденія самого государя. На это есть прямое указаніе въ царскихъ вопросахъ собору. Въ 34-мъ царскомъ вопросѣ говорится: „да на Божественной литургіи: Отца и Сына и Святаго Духа Троицу единосущную и нераздѣльную всегда не поютъ, рѣчью говорятъ въ нашемъ царствѣ. *Какъ есмя былъ въ Новгородѣ Великомъ и во Псковѣ, во святой Софеи премудрости Божіи и у живоначальныя Троицы*, и во всѣхъ святыхъ Божіихъ церквахъ по воскреснымъ днемъ, и по господскимъ праздникомъ, и нарочитымъ святымъ на вечерни: святыя славы поютъ и славословіе поютъ на заутрени" [1]).

---

[1]) Что цари и лично намѣчали тѣ вопросы, какіе у нихъ самихъ вызывали недоумѣнія и потому предназначались ими къ передачѣ на соборное обсужденіе, это хорошо видно изъ черновой записки вопросовъ и предметовъ, которые царь Алексѣй Михаиловичъ набросалъ для себя, имѣя въ виду передать ихъ потомъ на обсужденіе церковнаго собора. Этотъ любопытный документъ найденъ не очень давно и напечатанъ С. А. Бѣлоруковымъ. Текстъ этой записки слѣдующій: „О единогласномъ пѣніи въ святой Божіей церкви и въ монастыряхъ, и въ соборехъ, и въ мірѣ (т. е. приходскихъ церквахъ). Едина вѣра, едино крещеніе, и единъ Богъ и Господь. 2) На рѣчь пѣти всякое знамя, какъ въ печати написано... и переводы есть старые на рѣчь. 3) Псалтирь пѣти на востокъ лицемъ и достойно на литургие на восходѣ и на всякой службѣ. 4) Возгласы: яко святъ еси Боже, нашъ и: яко да подъ державою Твоею всегда храними, что на литургіи, и молитва: Владыко многомилостиве— на востокъ. 5) О четыредесятницѣ, когда бываетъ литургія съ вечерней въ навечеріи Рождества Христова и Богоявленія и Свѣтлаго Восресенія, тогда уставъ повелѣваетъ пѣти поздно; такожде и въ великій постъ въ пятиднехъ пѣти поздно. 6) А часы по уставу поютъ въ монастырехъ часъ третій и шестой предъ обѣднею, а блаженну поютъ на обѣдни, а девятый часъ послѣ литургіи, а индѣ поютъ всѣ часы и блаженну предъ обѣдній, а на литургіи: благо есть. 7) Молебенъ пѣти по единому канону Спасу и Богородицы и святымъ праздничнымъ или храму. 8) По три каѳизмы на заутрени уставъ повелѣваетъ съ сентября: отъ Воздви-

Точно такъ же, какъ на Стоглавомъ соборѣ, дѣло происходило и на другихъ церковныхъ соборахъ т. е. по распоряженію и указанію царя сначала учреждалась предсоборная комиссія, которая собирала и извѣстнымъ образомъ обрабатывала (напримѣръ въ формѣ царскихъ запросовъ на Стоглавомъ соборѣ) весь матеріалъ, который потомъ и поступалъ на разсмотрѣніе, обсужденіе и рѣшеніе собора. Такъ, на соборѣ 1660 года, который долженъ былъ установить фактъ добровольнаго, или вѣрнѣе, самовольнаго оставленія Никономъ патріаршей каѳедры, по указу государя, бояринъ Петръ Михаиловичъ Салтыковъ „принесъ сказки письмянные“ т. е. письменныя показанія всѣхъ тѣхъ лицъ, какія были свидѣтелями обстоятельствъ оставленія Никономъ патріаршаго престола, которыхъ показанія ранѣе были отобраны по особому распоряженію государя. Эти сказки должны были служить матеріаломъ для соборнаго сужденія. — Когда 21 декабря 1662 года царь рѣшилъ созвать для суда надъ Никономъ новый—большій соборъ, и на него пригласить восточныхъ патріарховъ, то въ то же время, „указалъ великій государь быти въ Москвѣ: Иларіону архіепископу рязанскому и муромскому для собранія къ тому собору всякихъ винъ, да у тогожъ дѣла быти боярину Петру Михаиловичу Салтыкову, да думному дворянину Прокофью Кузмину Елизарову, да дьяку Лукьяну Голосову“. Очевидно этой комиссіи поручалось собрать для предстоящаго собора

женія честнаго креста декабря по 20 число. 9) Церковные чтецы и пѣвцы по правиломъ рукоположены служатъ въ церкви. 10) Облачитися къ вечерни и заутрени и ко всякой церковной службѣ Иванъ Милостивый повелѣваетъ облачатися во вся священная одежда. 11) Люди Божія поучати повелѣваетъ въ праздники и въ воскресные дни архіереемъ и ереемъ о вѣрѣ и о всякомъ благочестіи и о житіи христіанстемъ послѣ заутрени и обѣдни на рѣчь сказати, чтобъ всѣмъ людемъ откровенно было слово Божіе. 12) А которыхъ во священный чинъ и во діаконски поставляти, и выбирати избранныхъ людей учительныхъ, чтобы знали кругъ церковный и уставъ; а которые не учены, и тѣхъ во училищѣ подобаетъ учити, чтобъ по правиломъ святыхъ отецъ всѣ знали, какъ души христіанскія просвѣщати. Соль земли и свѣтъ міру. 13) А священническому и иноческому чину отъ пьянства трезвитеся и сквернословія отнюдь бы не держатися не токмо въ церкви, но и въ міру; на нихъ многіе люди соблазняются“. (Чт. общ. ист. и древн. 1894 г., кн. IV, статья: Дѣяніе моск. собора 1649 года, стр. 48—49).

весь материалъ необходимый для настоящаго освѣщенія и составленія правильнаго соборнаго сужденія о всей дѣятельности и поступкахъ бывшаго патріарха Никона. Но этого мало. „А во время того собора указалъ великій государь соборное дѣло вѣдать своимъ государевымъ богомольцамъ: ростовскому митрополиту Іонѣ, да рязанскому архіепископу Иларіону, да своимъ государевымъ бояромъ: боярину князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, да боярину Петру Михаиловичу Салтыкову, да думному дворянину Прокофью Кузмичу Елизарову, да думному дьяку Алмазу Иванову, да дьяку Ивану Голосову". Значитъ въ эту, вторую комиссію, которой поручалось „соборное дѣло вѣдать", вошла вся предсоборная комиссія съ присоединеніемъ къ ней нѣсколькихъ новыхъ лицъ: изъ духовныхъ—митрополита Іоны, изъ свѣтскихъ- боярина Одоевскаго и думнаго дьяка Алмаза Иванова. Эта вторая комиссія, предназначенная дѣйствовать уже во время самыхъ соборныхъ засѣданій, играла роль справочнаго и дѣлового бюро, которое хранило у себя весь ранѣе собранный для собора матеріалъ, передавало его въ соборныя засѣданія, давало собору нужныя справки, разъясненія, наблюдало за веденіемъ записей по соборнымъ преніямъ, приводило ихъ въ порядокъ и единство, и о всемъ, что происходило на соборѣ, докладывало государю, когда онъ самъ не присутствовалъ на соборныхъ засѣданіяхъ. Нельзя, въ данномъ, случаѣ, не обратить вниманіе на то важное обстоятельство, что обѣ комиссіи, какъ предсоборная, такъ и соборная, по составу своихъ членовъ смѣшаннаго характера, состоятъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, причемъ послѣдніе численно рѣшительно преобладаютъ надъ духовными. Само собою понятно, что какъ предсоборная такъ и соборная комиссіи находились въ непосредственномъ вѣдѣніи государя и руководствовались въ своей дѣятельности его непосредственными указаніями.

Такимъ образомъ весь матеріалъ для предназначеннаго того или другаго церковнаго собора, по распоряженію государя, собирался и разрабатывался заранѣе особою назначенною имъ для этого комиссіею, и затѣмъ поступалъ на соборъ въ формѣ царскихъ предложеній или вопросовъ, на которые соборъ и давалъ свои отвѣты. Значитъ, какъ самые вопросы, или точнѣе предметы, которые долженъ былъ раз-

сматривать и обсуждать соборъ, опредѣлялись не имъ, а исключительно государемъ, который вѣроятно предварительно совѣтывался обо всемъ съ митрополитомъ, а потомъ патріархомъ; точно такъ же царскими же вопросами и предложеніями создавались и тѣ опредѣленныя рамки, только въ предѣлахъ которыхъ и могла двигаться вся соборная дѣятельность, не имѣвшая права переходить за установленныя для нея царемъ границы, или вносить отъ себя что-либо новое, чего не давалось и не предусматривалось въ царскихъ вопросахъ и предложеніяхъ,—дѣло собора было отвѣчать на предложенные вопросы, а не ставить ихъ отъ себя.

Когда всѣ подготовительныя работы къ предстоящему собору были закончены, царь открывалъ соборъ и произносилъ на немъ рѣчь, въ которой указывалъ на причины собранія собора, на главный предметъ и конечную цѣль соборныхъ занятій. Нѣкоторыя изъ дошедшихъ до насъ царскихъ рѣчей къ соборамъ очень характерны въ томъ отношеніи, что онѣ имѣютъ видъ поученій и назиданій отцамъ собора, выражаютъ открытое стремленіе государей побудить своихъ богомольцевъ стоять на высотѣ своего церковнаго призванія, воодушевить ихъ дѣйствовать безъ лѣности, безъ угодничества и уклончивости, руководствуясь только истиною, только опираясь на находящіяся въ ихъ распоряженіи церковныя правила и узаконенія, руководственное значеніе которыхъ признаетъ православная церковь.

На Стоглавомъ соборѣ царь въ первой своей—устной рѣчи, говорилъ: „не обълѣнитесь изрещи слово къ благочестію единомысленно о православной нашей христіанской вѣрѣ, и о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквахъ, и о нашемъ благочестивомъ царствіи, и о устроеніи всего православнаго христіанства, зѣло бо желаю и срадуются и согласую со служебенъ съ вами быти, и вѣрѣ поборникъ“. Во второй своей—письменной рѣчи, которую царь передалъ собору, онъ между прочимъ взываетъ: „Бога ради и пречистыя Богородицы, и всѣхъ святыхъ ради, потружайтеся, во еже исправити истинная и непорочная наша христіаньская вѣра, иже отъ божественнаго писанія во исправленіе церковному благочинію и царскому благозаконію и всякому земскому строенію, и нашимъ единороднымъ и безсмертнымъ душамъ на просвѣщеніе и на оживленіе и на утверженіе истинныя

православныя христіанскія вѣры“. И обращаясь особенно къ пастырямъ церкви, царь говоритъ: „вы же, отцы наши—пастыри и учители, внидите въ чувства ваша, прося у Бога помощи, изтрезвите умъ вашъ и просвѣтитеся во всякихъ богодухновенныхъ обычаяхъ, яко же предаде вамъ Господь“. И затѣмъ, прося отцовъ собора научать и просвѣщать на всякое благочестіе его—царя, князей, бояръ и все православное христіанство „нелѣностно и тщательно“, говоритъ: „прежде убо вы сами—пастыріе и учителіе извѣстите себе и утвердитеся, и умножите данный вамъ отъ Бога талантъ... Потружайтесь о истиннѣй и непорочнѣй православной христіанстѣй вѣрѣ, и утвердите и изъясните, яко жъ предаша вамъ святіи отцы по божественнымъ правиломъ; и не токмо, глаголю вамъ, потрудитеся, но и постраждете за имя Христово, яко жъ они, божественніи мужіе, не токмо бо за имя Того страдаху, но и за образъ“. Въ заключеніе царь говоритъ: „азъ же вкупѣ единодушно всегда есмь съ вами исправляти и утверждати, яко наставитъ насъ Духъ святый“ и заявляетъ, что—пастыри безъ страха должны воспрещать и ему—царю, если онъ явится въ чемъ ослушникомъ божественныхъ правилъ.—Характеръ приведенной рѣчи царя къ собору— учительно - назидательный относительно отцовъ собора, самый ея тонъ, показываетъ, что царь чувствовалъ и сознавалъ, что именно онъ есть верховный управитель не только дѣлъ государственныхъ, но и церковныхъ, и что его „царскіе богомольцы“ нуждаются въ его царскомъ поощреніи и наставленіи въ дѣлѣ церковнаго устроительства.

Въ 1660 году царь собралъ соборъ по дѣлу отреченія Никона патріарха и, разсказываетъ соборное дѣяніе, „февраля въ 16 день предсташа весь преосвященный соборъ предъ лицомъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, и слыша отъ святыхъ устъ его веліе попеченіе, зане святая соборная церковь пастыря и жениха не имѣетъ, да преосвященный соборъ о семъ крѣпко и единодушно праведнѣ, не имѣя кто ненависти и тщетныя любви, по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, разсуждаютъ, памятуя кійждо страшный судъ и воздаяніе комуждо по дѣломъ его... И въ нынѣшній же настоящій 168 годъ, февраля въ 27 день, говоритъ тоже соборное дѣяніе, по указу

великаго государя.... преосвященный соборъ о отреченіи патріаршества святѣйшаго патріарха Никона правильной выписки слушали, и по выпискѣ правилнѣ разсуждали, бояся кійждо страшнаго суда Божія, и помня великаго государя мудрѣйшее повелѣніе вышеписанное, крѣпцѣ смотриша, да не како неправильнѣ управленіе сіе совершиться имать"[1]. Опять царь обращается къ членамъ собора съ назиданіемъ, чтобы они обсудили предложенное имъ дѣло справедливо, по божественнымъ правиламъ, не увлекаясь, при рѣшеніи его, личной ненавистію и пристрастіемъ, памятуя каждый страшный судъ и воздаяніе на немъ каждому по дѣломъ его. И члены собора сами свидѣтельствуютъ, что они всячески старались рѣшить дѣло справедливо, „боялся кійждо страшнаго суда Божія и помня великаго государя премудрѣйшее повелѣніе вышеписанное", чѣмъ отцы собора какъ будто даютъ понять, что „премудрѣйшее повелѣніе государя" о справедливости и безпристрастіи соборныхъ рѣшеній было для нихъ далеко не лишнимъ, такъ какъ памятованіе объ немъ было для нихъ однимъ изъ мотивовъ рѣшить дѣло безпристрастно.

Открывая соборъ 1666 года царь въ своей рѣчи къ собору между прочимъ говорилъ: „молимъ убо вы (отцовъ собора) и увѣщаемъ, яко да со всякимъ тщаніемъ прилежите о семъ дѣлѣ Божіи, во ежебы намъ о непопеченіи, вамъ же о нерадѣніи и небреженіи, въ страшный день отмщенія Судіи нелицемѣрному слова не воздати. Се мы засвидѣтельствуемъ безначально живущаго и безконечно царствующаго, яко готови есмы вся наша и самыхъ насъ положити на побореніе по церкви Божіи; вы точію, о дѣлателіе нивы Христовы, небреженіемъ отягчени не будите"[2]. И здѣсь царь убѣждаетъ отцовъ собора необлѣниться, не быть небрежными и нерадивыми къ дѣлу Божію, показать въ немъ тщаніе и ревность; а про себя заявляетъ, что готовъ всего себя отдать „на побораніе по церкве Божіи".

Такимъ образомъ всѣ рѣчи государей къ отцамъ соборовъ въ извѣстной степени напоминаютъ собою рѣчи тѣхъ полководцевъ, которые, передъ битвой съ непріятелемъ, стараются

---

1) Дѣло о патріар. Никонѣ, стр. 53 и 62.

2) Матер. для ист. раск. т. II, стр. 71.

воодушевить своихъ соратниковъ, поднять въ нихъ мужество и отвагу, возбудить въ нихъ готовность всѣмъ пожертвовать ради побѣды; цари на соборахъ это—полководцы, отцы соборовъ—ихъ соратники.

Въ какомъ отношеніи царь находился къ соборнымъ засѣданіямъ и ко всему происходившему на соборѣ, это съ достаточною ясностію можно видѣть изъ дѣяній нѣкоторыхъ соборовъ, о которыхъ до насъ дошли болѣе подробныя свѣдѣнія.

На соборѣ 1660 года, объ оставленіи каѳедры Никономъ царь, какъ мы видѣли, призвалъ къ себѣ во дворецъ архіереевъ и другихъ членовъ собора, поучалъ ихъ и внушалъ разсмотрѣть и рѣшить предложенное имъ дѣло съ полнымъ безпристрастіемъ. Выслушавъ это „мудрѣйшее повелѣніе" государя, отцы собора оставили дворецъ и направились въ патріаршую крестовую палату, гдѣ и происходили соборныя засѣданія. По повелѣнію государя сюда явился бояринъ Петръ Михаиловичъ Салтыковъ, исполнявшій на соборѣ роль нынѣшняго оберъ-прокурора Св. Синода. Этотъ царскій „синклитикъ" „принесъ на соборъ сказки писмянные", въ которыхъ заключались показанія всѣхъ тѣхъ лицъ, какія были свидѣтелями оставленія Никономъ патріаршей каѳедры, послѣ извѣстной его службы въ Успенскомъ соборѣ. Всѣ эти письменныя показанія были ранѣе, по повелѣнію государя, отобраны отъ нихъ. Соборъ „сказокъ слушавъ" и провѣривъ ихъ личными показаніями свидѣтелей, которые нарочно были вызваны на соборъ, пришелъ къ заключенію, „что святѣйшій патріархъ Никонъ оставилъ свой патріаршій престолъ своею волею". Съ этимъ заключеніемъ соборъ отправилъ для доклада государю боярина Салтыкова. Тотъ, доложивъ дѣло государю, „пришедъ на соборъ сказалъ, что великій государь... указалъ преосвященному собору выписать изъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ о отшествіи бывшаго патріарха Никона, а у выписки указалъ великій государь быть преосвященному архіепископу Иларіону рязанскому и муромскому, и преосвященному Макарію архіепископу псковскому и изборскому, Чудова монастыря архимандриту Павлу, Александрова монастыря Свирскаго игумену Симону". Согласно приказанію государя соборъ назначилъ указанныхъ ему лицъ для выписки правилъ. Сдѣлан-

ныя выписки правилъ представлены были потомъ на благоусмотрѣніе государя, причемъ соборъ свидѣтельствуетъ, что „сія вся правила и предреченная свидѣтельства трикраты предлагахомъ предъ лицемъ великаго государя въ его царскихъ палатахъ“ т. е. царь, очевидно, считалъ представляемыя ему выписки правилъ недостаточными и три раза возвращалъ ихъ собору для дополненій. Но не смотря на дополненія, государь всетаки находилъ и теперь выписки правилъ соборомъ не вполнѣ удовлетворительными, и указалъ собору на средство достигнуть по этому дѣлу болѣе удовлетворительныхъ результатовъ. „Онъ, великій государь, говоритъ соборное дѣяніе, правилъ святыхъ отецъ и свидѣтельскихъ отвѣтовъ слушавъ, указалъ пригласить обрѣтшихся въ Москвѣ греческихъ архіереевъ.. и выписать имъ изъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ, и быти имъ для свидѣтельства на соборѣ“; въ переводчики къ греческимъ іерархамъ назначенъ былъ извѣстный Епифаній Славинецкій. Такимъ образомъ составъ собора былъ усиленъ включеніемъ въ него, по повелѣнію государя, новыхъ членовъ—трехъ находившихся тогда въ Москвѣ греческихъ архіереевъ, которые должны были сдѣлать выписки правилъ изъ греческихъ книгъ, что дѣйствительно ими и было исполнено. Тогда „паки преосвященный соборъ предстахомъ предъ лицемъ великаго государя царя“, и опять представилъ ему выписки изъ правилъ, сдѣланныя и русскими и греческими архіереями, какъ вполнѣ согласныя между собою въ томъ, что Никонъ по правиламъ долженъ быть лишенъ архіерейства и самаго священства, и что на его мѣсто слѣдуетъ немедленно поставить новаго патріарха. Это рѣшеніе собора государь, говоритъ соборное дѣяніе, „разсуждая премудре, благоразсуднѣ и праведнѣ съ своимъ царскимъ синклитомъ“ т. е. обсудивъ его съ своею боярскою думою, нашелъ правильнымъ, и потому „повелѣ тако быти... и соборное сіе писаніе совершити“ т. е. окончательно написать его. Когда оно было наконецъ написано и представлено на благоусмотрѣніе государя, онъ исправилъ его своею рукою (почему оно и сохранило помѣту: „правлено рукою государя“) и затѣмъ повелѣлъ „соборное сіе писаніе совершити и руками всему освященному собору подкрѣпити въ соборной и апостольской церкви при себе, великомъ государѣ и великомъ

князѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцѣ, и при своемъ царскомъ синклитѣ“ [1]).

Въ 1660 году собранъ былъ и другой соборъ по поводу обвиненій, взведенныхъ суздальскимъ попомъ Никитою на суздальскаго архіепископа Стефана, о чемъ ранѣе, по приказанію государя, произведенъ былъ на мѣстѣ розыскъ и собраны были „обыскныя рѣчи“. Теперь на соборъ великій государь, говоритъ соборное дѣяніе, „прислалъ къ намъ, преосвященному собору, обыскныя рѣчи съ бояриномъ съ Петромъ Михаиловичемъ Салтыковымъ, да съ думнымъ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ, чтобъ намъ по тѣмъ обыскнымъ рѣчамъ правильно объ этомъ архіепископѣ Стефанѣ поразсудить, и у того дѣла великій государь указалъ съ нами, архіереями, быть боярину своему Петру Михаиловичу Салтыкову, да думному діаку Алмазу Иванову. И тѣхъ обыскныхъ рѣчей мы соборнѣ съ бояриномъ и діакомъ слушали и по тѣмъ обыскамъ и рѣчамъ познали“... Здѣсь особенно характерно то обстоятельство, что на соборномъ судѣ надъ архіепископомъ, наряду съ архіереями, какъ полноправные члены собора, и значитъ, какъ судьи архіепископа, были и міряне: царскій бояринъ и дьякъ.

Изъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ слѣдуетъ, что всѣ соборныя засѣданія происходили подъ постояннымъ наблюденіемъ государя, что когда онъ самъ не присутствовалъ на соборныхъ засѣданіяхъ, то посылалъ на соборъ своихъ довѣренныхъ бояръ, думныхъ дворянъ и дьяковъ; что государю докладывалось о всякомъ рѣшеніи и заключеніи, къ какому приходилъ соборъ по тому или другому вопросу; что соборъ среди своихъ засѣданій требовалъ отъ царя дальнѣйшихъ указаній и распоряженій для веденія соборныхъ дѣлъ, и, какъ скоро получалъ ихъ, сейчасъ же приводилъ въ исполненіе; что посылаемые царемъ на соборъ его бояре, думные люди и дьяки, не просто только присутствовали на соборныхъ засѣданіяхъ, но и принимали въ нихъ непосредственное дѣятельное участіе, о чемъ прямо свидѣтельствуютъ сами присутствовавшіе на соборѣ архіереи, когда въ своихъ соборныхъ дѣяніяхъ заявляютъ, что

---

1) Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 53—111. Гиббенетъ, т. I, стр. 180—220.

„тѣхъ обыскныхъ рѣчей мы (т. е. архіереи) соборнѣ съ бояриномъ и діакомъ слушали... и познали“. Не трудно видѣть также, что царскіе сиклитики, какъ довѣренныя лица государя, играли на соборахъ очень видную и вліятельную роль, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они были главною пружиною, двигавшею соборныя дѣла въ нужномъ опредѣленномъ направленіи, такъ какъ за ними всегда стоялъ самъ великій государь. Да и кромѣ того, имъ придавало необходимо особую силу на соборахъ ихъ предварительное близкое знакомство съ предметами соборныхъ засѣданій, какого никакъ не могъ имѣть случайно вызванный въ Москву, для присутствія на соборѣ, заурядный провинціальный архіерей.

Что касается самыхъ соборныхъ постановленій и рѣшеній, то и онѣ составлялись по большей части въ духѣ желаній государя, и иногда въ этомъ отношеніи дѣло заходило такъ далеко, что, изъ угожденія предъ царемъ, соборъ дѣлалъ постановленія, рѣшительно несогласныя съ совѣстію и убѣжденіями отцовъ собора. Вотъ факты.

Въ 1572 году царь Иванъ Васильевичъ собралъ соборъ изъ архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ и всего освященнаго собора, и просилъ разрѣшить ему вступить въ четвертый бракъ, какъ церковно-законный. Соборъ отвѣтилъ на это незаконное, антицерковное требованіе царя, согласіемъ и постарался подыскать такія каноническія основанія, которыя будто бы дозволяютъ, при извѣстныхъ условіяхъ, разрѣшить царю четвертый бракъ, какъ церковно-законный. А между тѣмъ еще очень недавно,—тому только двадцать лѣта назадъ, Стоглавый соборъ, подъ предсѣдательствомъ того же самаго царя постановилъ, чтобы четвертаго брака недопускать ни подъ какимъ видомъ, и чтобы навсегда и незыблемо утвердить это постановленіе, ссылался на слова Григорія Богослова: „первый рече (Григорій Богословъ) бракъ — законъ, второй—прощеніе, третій—законопреступникъ, четвертый — нечестіе, понеже свинское есть житіе“ [1]). И это „свинское житіе“ теперь приходилось собору признать публично житіемъ церковно-законнымъ и допустимымъ для благочестивѣйшаго православнаго государя. Правда соборъ 1572 года въ своемъ разрѣшеніи государю

---

[1]) Стоглавъ, стр. 119—120. Изд. брат. св. Петра.

вступить въ четвертый бракъ, какъ церковно-законный, сдѣлалъ такую прибавку: „а прочіе человѣцы отъ мірскихъ, царьскаго синклита и до простыхъ, никакоже да не дерзнетъ таковая сотворити—четвертому браку сочетатися; аще кто гордостію дмяся или отъ неразумія, дерзнетъ таковая сотворити, пригрознымъ клятвамъ да будетъ таковый за дерзость по священнымъ правиломъ проклятъ“ [1]). Но эта приписка служитъ только еще къ большему обличенію малодушія и угодничества отцовъ собора 1572 года, которые очевидно вполнѣ сознательно, только ради страха предъ царемъ, нарушили ясные, вполнѣ опредѣленные, ими самими признаваемые обязательными для всѣхъ, церковные законы о не допустимости для всѣхъ православныхъ четвертаго брака [2]).

Лжедмитрій желалъ жениться на католичкѣ Маріи Мнишекъ, которая, чтобы стать русскою царицею, должна была принять православіе. По тогдашнимъ русскимъ понятіямъ и существовавшей у насъ церковной практикѣ, католическое крещеніе не признавалось истиннымъ крещеніемъ, и всѣхъ католиковъ, обращавшихся въ православіе, у насъ обязательно перекрещивали, почему и Марія Мнишекъ должна была подвергнуться перекрещенію. Понятно, что она ни подъ какимъ видомъ не могла согласиться на это, т. е. признать себя доселѣ некрещенной. Чтобы добиться ея присоединенія къ православію не перекрещиваніемъ, а только чрезъ миропомазаніе, Лжедмитрій поступаетъ такимъ образомъ; онъ заставляетъ русскихъ епископовъ поставить въ патріархи тогдашняго рязанскаго архіепископа грека Игна-

---

[1]) А. Ц. 1, № 284, стр. 331.

[2]) Нельзя думать, чтобы отцы собора 1572 года считали возможнымъ изъ общаго правила о недопустимости четвертаго брака дѣлать исключеніе въ пользу государей, такъ какъ Стоглавъ, который имъ конечно хорошо былъ извѣстенъ, сказавъ о четвертомъ бракѣ, какъ о „свинскомъ житіи“, сейчасъ продолжаетъ: „премудрый царь Левъ и къ четвертому браку совокупилъ се бяше, и во отлученіе впаде отъ Николы патріарха, ему жъ много моляшесь царь, еже разрѣшити его отъ таковаго связанія. И яко онъ не умоленъ бысть, отъ церкви его изгна и внего паки мѣсто Евѳимья, мужа освященна, постави на патріаршество. И сему много моляшеся, еже разрѣшити его отъ таковаго связанія,— не токмо разрѣши его, но и отвержена и не прощена сотвори ради четвертаго брака, съ множайшими святительми возбранивъ“.

-тія. Нужно имѣть въ виду, что тогдашняя греческая церковь присоединяла католиковъ къ православію чрезъ міропомазаніе, а перекрещиванія ихъ, какъ дѣйствія канонически неправильнаго, не допускала. Значитъ и грекъ Игнатій считалъ единственно правильнымъ присоединеніе Мнишекъ къ православію чрезъ миропомазаніе, а не перекрещиваніе. Ради именно этого Лжедмитрій поставилъ его въ патріархи, т. е. чтобы онъ, какъ патріархъ, заставилъ русскихъ епископовъ, въ дѣлѣ присоединенія Марины къ православію, слѣдовать не русской тогдашней, а греческой церковной практикѣ. И дѣйствительно, когда Марина пріѣхала въ Москву, Лжедмитрій собралъ соборъ изъ епископовъ, на которомъ „вмѣняетъ ей (Маринѣ), преокаянный, латынское богопротивное крещеніе во истинное святое христіанское купельное порожденіе". На соборѣ грекъ патріархъ Игнатій, придерживаясь греческой тогдашней практики, отрицалъ законность и нужду перекрещиванія Марины. По одному современному событіямъ сказанію „не многи поистине" сначало было заявили на соборѣ, отстаивая русскую церковную практику, что Марину слѣдуетъ крестить вновь. Но другіе—большинство изъ человѣкоугодія, изъ за слабости къ мірской славѣ „на обою ногу болѣніемъ хромлюще, прельстишася; купножъ не пастырски, но наемнически, и ужаснушася, воли его быти повинувшеся, попустиша. Зряще то и первыи умолкоша, яко словеса беззаконныхъ премогоша, и вси даша ему плещи" [1]). Такимъ образомъ епископы единственно, какъ объясняетъ современный событіямъ бытописатель, изъ человѣкоугодничества, изъ слабости къ славѣ мірской, изъ страха предъ царемъ, отказались на соборѣ, вопреки своему убѣжденію, вопреки существовавшей тогда у насъ церковной практикѣ, отъ перекрещиванія Марины и присоединили ее къ православію чрезъ миропомазаніе.

Царь Алексѣй Михаиловичъ былъ горячимъ, убѣжденнымъ сторонникомъ единогласія въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Онъ вѣрилъ, что отъ многогласія, тогда у насъ всюду господствовавшаго, церковныя службы теряютъ всякую на-

---

[1]) Временникъ, рукопись Флорищевой пустыни, № 108—682, л. 165 об. и 166.

зидательность, спасительность и полезность для вѣрующихъ, и что такимъ образомъ многогласіемъ разрушается благочестіе на Руси. Въ виду этого 11-го февраля 1649 года онъ собралъ у себя „въ середней“ соборъ, на которомъ долженъ былъ обсуждаться и рѣшаться вопросъ о введеніи единогласія вмѣсто прежняго многогласія. На этомъ соборѣ, кромѣ патріарха, присутствовали: два митрополита, три архіепископа, одинъ епископъ, пять архимандритовъ, семь игуменовъ, десять протопоповъ и освященный соборъ. Вопреки ожиданіямъ и намѣреніямъ царя, соборъ порѣшилъ остаться при прежнемъ многогласіи, что и подкрѣпилъ своими подписями подъ соборными дѣяніями. Голосъ представителей церкви по данному чисто церковному вопросу сказался, такимъ образомъ, ясно и опредѣленно, но за то онъ былъ не согласенъ съ убѣжденіями и намѣреніями царя, что и погубило соборъ. Царь не утвердилъ состоявшагося соборнаго постановленія о многогласіи въ церковномъ пѣніи и чтеніи, такъ что оно, не смотря на всю свою формально-церковную правильность, не получило никакой практической силы и значенія, не стало закономъ. Но этого мало. Чрезъ два года царь заставилъ того же патріарха Іосифа снова пересмотрѣть вопросъ на новомъ соборѣ и рѣшить его такъ, какъ желалъ того царь. И дѣйствительно на соборѣ 1651 года патріархъ Іосифъ, вопреки своему соборному постановленію въ 1649 году, рѣшилъ уничтожить многогласіе и призналъ для всѣхъ обязательнымъ единогласіе. Это новое соборное постановленіе было признано царемъ и потому стало закономъ.—Очевидно воля и желанія государя царили въ соборныхъ рѣшеніяхъ и по чисто церковнымъ вопросамъ.

Всѣ соборныя обсужденія, мнѣнія и рѣчи записывались на соборахъ особыми лицами и, на основаніи этихъ записей, составлялись потомъ такъ называемыя „соборныя дѣянія“. Іоаннъ Нероновъ заявлялъ на соборѣ: „азъ же говорилъ Андреану протопопу: что ты, братъ Андреяне, мои рѣчи пишешь всѣ: а что вы говорите съ патріархомъ всякія неподобныя рѣчи, и тѣхъ не единой рѣчи не пишешь?“ Въ постановленіи собора 1660 года о суздальскомъ архіепископѣ Стефанѣ замѣчено: „а приписалъ (т. е. писалъ соборное постановленіе) смиренный Іларіонъ, архіепископъ рязанскій

и муромскій, по приговору всего священнаго собора“ т. е. Иларіонъ рязанскій былъ избранъ соборомъ своимъ секретаремъ и велъ всѣ соборныя записи. На соборѣ 1666 года, судившемъ Никона, было нѣсколько человѣкъ, которые записывали, что дѣлалось и говорилось на соборѣ. Нѣсколько такихъ черновыхъ записей дошло и до насъ. Записи происходившаго во время соборныхъ засѣданій составляли тотъ матеріалъ, изъ обработки котораго потомъ составлялись оффиціальныя соборныя дѣянія. Эту обработку соборныхъ матеріаловъ царь поручалъ особымъ лицамъ. Алексѣй Михайловичъ, напримѣръ, поручалъ это дѣло то Епифанію Славинецкому, то Симеону Полоцкому. Составленныя такимъ образомъ соборныя дѣянія представлялись на предварительное разсмотрѣніе и одобреніе государя, который иногда дѣлалъ въ нихъ поправки. Такъ, на дѣяніяхъ собора 1660 года имѣется помѣта: „правлено рукою государя“. Иногда государь вычеркивалъ изъ соборныхъ дѣяній цѣлыя соборныя засѣданія, трактовавшія о такихъ предметахъ, обсужденіе которыхъ царь считалъ неумѣстнымъ, а публикацію о нихъ въ соборныхъ дѣяніяхъ совсѣмъ неудобною. Такъ, въ соборныхъ дѣяніяхъ 1667 года государемъ совсѣмъ вычеркнуты были соборныя пренія о власти царской и патріаршей.

Когда соборное дѣяніе, просмотренное и исправленное государемъ, согласно его желаніямъ и цѣлямъ, получало свой окончательный оффиціальный видъ, на основаніи его царь „учинялъ опредѣленіе“ т. е. соборнымъ постановленіямъ придавалъ форму закона, обязательнаго для всѣхъ, причемъ нерѣдко, въ формѣ указовъ, самъ разсылалъ соборныя опредѣленія въ разныя учрежденія.

Иногда соборныя постановленія получали силу закона и приводились въ исполненіе не иначе, какъ только послѣ того, какъ онѣ проходили чрезъ боярскую думу, на разсмотрѣніе и утвержденіе которой передавалъ ихъ царь, прежде чѣмъ утвердить ихъ окончательно. Такъ въ дѣяніяхъ собора 1580 года, запретившаго архіереямъ и монастырямъ пріобрѣтать новыя земли, говорится: „а которое мѣсто убогое, земли будетъ мало, или не будетъ, и онъ (монастырь) бьетъ челомъ государю, и государь съ митрополитомъ соборнѣ и съ бояры приговоря, и устроитъ тотъ монастырь землею, какъ будетъ пригоже“, т. е. соборный приговоръ предполагается

приводить въ исполненіе только послѣ того, какъ онъ пройдетъ чрезъ боярскую думу [1]).—Еще въ 1551 году Стоглавый соборъ постановилъ повсюду учредить должности поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ. Но только въ 1594 году царь Өедоръ Ивановичъ „поговоря съ отцомъ своимъ и богомольцомъ святѣйшимъ Іовомъ патріархомъ московскимъ и всея Русіи, приговоря съ своими государевыми боляры, а велѣлъ государь... въ своемъ государствѣ—царствующемъ градѣ Москвѣ учинити старостъ поповскихъ и десятскихъ для церковнаго благочинія и всякихъ ради потребъ церковныхъ“ [2]). Опять постановленіе церковнаго собора приводится въ исполненіе только послѣ приговора объ этомъ боярской думы.—Въ 1651 году соборъ постановилъ во всѣхъ церквахъ ввести единогласное пѣніе и чтеніе. Но постановленію этого собора рѣшительно воспротивились нѣкоторые московскіе священники думавшіе, что соборное постановленіе о единогласіи для нихъ не обязательно, не имѣетъ силы закона, такъ какъ на соборѣ не было бояръ и окольничихъ, и оно не проходило чрезъ боярскую думу. „Лукинскій попъ Сава съ товарищи говорилъ такія рѣчи: мнѣ-де къ выбору, который выборъ о единогласіи, руки не прикладывать, напередъ бы де велѣли руки прикладывать о единогласіи бояромъ и окольничимъ: „любо-де имъ будетъ единогласіе?“ [3]). Царь Алексѣй Михаиловичъ это требованіе московскихъ приходскихъ священниковъ о томъ, чтобы постановленіе церковнаго собора сначала прошло чрезъ боярскую думу, а потомъ уже проводилось въ исполненіи какъ законъ, нашелъ вполнѣ справедливымъ, и потому соборное постановленіе о единогласіи провелъ чрезъ боярскую думу. Въ своей грамотѣ отъ 25 мая 1651 г. въ Сійскій монастырь, игумену Өеодосію, царь пишетъ, что онъ, „совѣтовавъ“ съ патріархомъ, архіереями, архимандритами, игуменами, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ „и со всѣмъ нашимъ сигклитомъ“, что онъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ „и съ нашимъ сигклитомъ уложили“, чтобы пѣть во святыхъ церквахъ единогласно, чинно и не мятежно, и чтобы всѣ не-

---

[1]) Собр. госуд. гр. и дог. т. I, стр. 585.

[2]) А. Э. т. I, № 360.

[3]) Записки рус. археол. общ. т. II, стр. 394—392.

уклонно слѣдовали сему нашему государьскому и отца нашего великаго господина святѣйшаго Іосифа патріарха московскаго и всея Русіи и всего освященнаго собора „и нашего сигклита соборному уложенію" [1]). Это неоднократное упоминаніе въ царской грамотѣ, вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ, и „царскаго сигклита", заявившаго свое согласіе на введеніе единогласія, сдѣлано государемъ конечно не просто: оно показываетъ, что въ виду требованія московскаго приходскаго духовенства, чтобы „къ выбору о единогласіи напередъ приложили руки бояре и окольничіи: любо-ли де имъ будетъ единогласіе?"—царь передалъ соборное рѣшеніе о единогласіи на утвержденіе своей боярской думы, которая вполнѣ согласилась по вопросу о единогласіи съ состоявшимся ранѣе соборнымъ рѣшеніемъ.—Въ 1656 году, въ октябрѣ, патріархъ Никонъ, съ согласія государя, собралъ у себя соборъ, который постановилъ открыть новыя архіерейскія каѳедры въ Смоленскѣ и Вяткѣ, и на первую перевести суздальскаго архіепископа Филарета, а на вторую Коломенскаго епископа Александра [2])". Между тѣмъ ровно черезъ годъ, въ 1657 году, тоже въ октябрѣ, государь „совѣтовалъ со отцемъ своимъ и богомольцемъ святѣйшимъ Никономъ, патріархомъ московскимъ и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, и съ митрополиты, и съ архіепископы, и епископы, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и говорилъ съ своими государевыми бояры, и съ окольничими, и думными людми, чтобъ устроити по мѣстомъ властей: въ Бѣлгородѣ митрополита, въ Смоленскѣ да во Мстиславлѣ архіепископа, на Вяткѣ да въ Великой Перми епископа. И указалъ государь и патріархъ и бояре приговорили: перевести въ Бѣлгородъ митрополита крутицкаго Питирима, въ Смоленскъ архіепископа суздальскаго Филарета, на Вятку епископа Коломенскаго Александра [3]). Очевидно, постановленія одного церковнаго собора 1656 года объ открытіи новыхъ архіерейскихъ каѳедръ было еще недостаточно, нужно было потомъ перенести дѣло въ боярскую думу и рѣшить его окончательно уже въ слѣдующемъ 1657 году по указу госу-

---

[1]) А. Э. т. IV, № 327.
[2]) Матер. для ист. раск. т. I, стр. 9.
[3]) Дворцовые разряды, дополн. къ III тому, стр. 110.

даря и по приговору бояръ.—Когда въ 1660 г. соборъ представилъ государю свое рѣшеніе, что Никонъ не можетъ болѣе оставаться патріархомъ и на его мѣсто немедленно слѣдуетъ избрать другое лицо, то говоритъ соборное дѣяніе, „онъ великій государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, разсуждая премудре, благоразсуднѣ и праведнѣ съ своимъ царскимъ сигклитомъ, повелѣ тако быти... и соборное сіе писаніе совершити и руками всему освященному собору подкрѣпити въ соборной и апостольской церкви при себѣ, великомъ государѣ... и при своемъ царскомъ сигклитѣ". Очевидно соборное рѣшеніе 1660 г. царь перенесъ на разсмотрѣніе боярской думы и только послѣ того, какъ съ своимъ царскимъ сигклитомъ „премудре, благоразсуднѣ и праведнѣ" обсудилъ представленное ему соборное дѣяніе, повелѣлъ его совершить т. е. написать окончательно, а членамъ собора приложить къ нему свои руки въ присутствіи его, государя, и всего царскаго сигклита.

Вообще нужно признать, что боярская дума въ церковныхъ дѣлахъ играла болѣе видную роль, нежели обыкновенно думаютъ, такъ какъ она то входила въ составъ церковныхъ соборовъ, то окончательно утверждала состоявшіяся постановленія, тѣмъ болѣе, что царь и о всякихъ вообще церковныхъ дѣлахъ совѣтовался съ своими боярами. По поводу, напримѣръ, неожиданнаго пріѣзда въ Успенскій соборъ Никона и принятія у него благословенія ростовскимъ митрополитомъ Іоною, государь „совѣтовавъ со властьми, а съ бояры поговоря" указалъ о пріѣздѣ Никона и принятіи отъ него благословенія Іоною, послать къ архіереямъ грамоты, приглашавшія ихъ въ Москву на соборъ. Потому же поводу царская грамота говоритъ: „и посовѣтовавъ съ освященнымъ соборомъ, и поговоря съ нашими, великаго государя, бояры, посылали въ соборную церковь". Или: „и мы, великій государь, посовѣтовавъ со властьми, и съ бояры нашими поговоря, указали ему, Никону, сказать" [1]).

Если, такимъ образомъ, царь являлся иниціаторомъ всѣхъ церковныхъ соборовъ XVI и XVII столѣтій, и безъ его воли и согласія они не могли состояться; если онъ подготовлялъ

---

[1]) Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 164, 166, 167.

напередъ всѣ матеріалы, которые должны были быть предметомъ соборныхъ обсужденій и рѣшеній; если онъ опредѣлялъ сколько лицъ и какія именно должны присутствовать на соборныхъ засѣданіяхъ, слѣдилъ за дѣятельностію послѣднихъ, давалъ имъ то или другое направленіе; если онъ исправлялъ и даже видоизмѣнялъ самыя соборныя рѣшенія по своимъ видамъ и цѣлямъ, иногда передавалъ ихъ на окончательное утвержденіе боярской думы; если всякое постановленіе церковнаго собора, чтобы получить силу обязательнаго закона, нуждалось въ утвержденіи царя, который всегда могъ не признать состоявшагося постановленія церковнаго собора и оно тогда уже не имѣло никакого практическаго значенія; то самъ собою возникаетъ вопросъ: что же такое были наши церковные соборы XVI и XVII столѣтій?

Наши церковные соборы XVI и XVII столѣтій не были какими-либо самостоятельными, автономными церковными учрежденіями, которымъ бы принадлежала инициатива своихъ собраній, самостоятельное опредѣленіе предметовъ своихъ занятій, задачъ и цѣлей, какія они хотѣли бы преслѣдовать, и которые имѣли бы право свободно и самостоятельно постановлять свои рѣшенія, какъ обязательныя для всѣхъ своихъ пасомыхъ.

Наши церковные московскіе соборы XVI и XVII столѣтій были только простыми совѣщательными учрежденіями при особѣ государя, они были только органами царскаго законодательства по дѣламъ церковнымъ. Единственнымъ источникомъ всякаго закона, какъ государственнаго, такъ и церковнаго, былъ у насъ царь, который государственные законы издавалъ „поговоря“ съ своими боярами т. е. съ боярскою думою; церковные законы издавалъ „посовѣтывавшись“ съ своими царскими богомольцами: патріархами и другими архіереями, архимандритами, игуменами и со всѣмъ освященнымъ соборомъ. Различіе между боярскою думою и освященнымъ соборомъ заключалось въ томъ, что боярская дума была постояннымъ, непрерывно дѣйствующимъ при государѣ учрежденіемъ, тогда какъ церковные соборы созывались только на время, для обсужденія и рѣшенія вопросовъ вновь возникавшихъ и чрезвычайныхъ, такъ какъ обычное теченіе церковныхъ дѣлъ регулировалось обычною патріаршею и

архіерейскою епархіальною властію. Если боярская дума занималась почти исключительно разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ дѣлъ государственныхъ, то церковные соборы занимались разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ дѣлъ спеціально церковныхъ. Но такъ какъ дѣла государственныя и церковныя въ тогдашней жизни были тѣсно связаны между собою, и такъ какъ въ боярской думѣ и на церковныхъ соборахъ предсѣдательствовалъ одинъ и тотъ же государь, то онъ, при рѣшеніи важныхъ государственныхъ дѣлъ, призывалъ на совѣтъ въ боярскую думу своихъ государевыхъ богомольцевъ, а на церковные соборы своихъ думныхъ людей, или же передавалъ постановленія церковныхъ соборовъ на утвержденіе боярской думы.

Такъ какъ церковные соборы были только совѣщательными учрежденіями при государѣ, съ которыми государь совѣтывался по дѣламъ церковнымъ, то этимъ вполнѣ опредѣляется весь существенный характеръ дѣятельности соборовъ. Московскіе государи были глубоко благочестивы, всецѣло преданы церкви, они всячески старались и заботились, чтобы ихъ подданные строго хранили благочестіе, соблюдали всѣ церковные уставы, выполняли всѣ церковныя требованія и предписанія. Въ упадкѣ благочестія, въ несоблюденіи церковныхъ признанныхъ порядковъ и требованій, они видѣли не только нарушеніе правилъ вѣры и благочестія, но и пагубное потрясеніе коренныхъ основъ всей жизни государственной, которая правильно-нормально можетъ существовать и развиваться только при правильной нормальной церковной жизни,—при процвѣтаніи въ народѣ правой вѣры, истиннаго благочестія. Въ виду этого государи, созывая церковный соборъ и предлагая на обсужденіе его тѣ или другіе вопросы, ставили отцамъ собора первою и непремѣнною обязанностію, чтобы вопросы были разсматриваемы и рѣшаемы на соборѣ, какъ этого требуетъ божественный законъ т. е. правила св. апостолъ, св. отецъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, церковные уставы и другія признаваемыя церковію узаконенія. Соборъ всѣ свои постановленія обязательно долженъ былъ обосновать на этихъ указанныхъ основахъ, обязательно долженъ былъ такъ или иначе подвести ихъ подъ принятыя церковныя нормы и правила, чтобы такимъ образомъ ничѣмъ не нарушить бо-

жественнаго закона. Въ такой постановкѣ, въ такомъ веденіи дѣла и заключалась собственно задача церковнаго собора. Какъ скоро соборъ это сдѣлалъ, т. е. показалъ, что его обсужденія и рѣшенія вопроса дѣйствительны основаны на божественномъ законѣ, вполнѣ согласны съ нимъ, а не есть результатъ личнаго усмотрѣнія, домышленія или творчества отцовъ собора,—роль собора была кончена, онъ выполнилъ свое назначеніе, и отъ государя уже зависѣло далѣе придать или не придать рѣшеніямъ собора окончательную форму обязательнаго закона, почему, напримѣръ, Стоглавый соборъ въ своихъ постановленіяхъ выражается о себѣ: „по данной намъ отъ Бога власти и царскимъ совѣтомъ соборнѣ повелѣхомъ“, такъ что одна данная отъ Бога власть, безъ царскаго совѣта, не могла составить соборнаго повелѣнія. Въ виду этаго наши русскіе соборы никогда не употребляли въ своихъ постановленіяхъ формулы: „изволися Духу Святому и намъ“. Правда было въ этомъ отношеніи одно исключеніе. Когда ярославскій митрополитъ Іона принялъ, въ 1664 году, отъ Никона благословеніе въ Успенскомъ соборѣ, царь поэтому случаю немедленно созвалъ тогда изъ бывшихъ въ Москвѣ архіереевъ соборъ: Павла митрополита сарскаго, Паисія газскаго, Козмы амасійскаго, Макарія гревенскаго, Θеодосія сербскаго и Нектарія архіепископа погоянинскаго. Этотъ соборъ свое поставленіе формулировалъ: „обаче убо изволися Духу Святому и намъ, нѣкое снисхожденіе сотворити“... Тотъ же соборъ, разрѣшая царю принимать благословеніе отъ ростовскаго митрополита Іоны, выражается: „суди же Духъ Святый и мы, яко мочно есть“ [1])... Но не трудно видѣть, что на этомъ соборѣ, изъ шести присутствовавшихъ архіереевъ, русскій былъ только одинъ, а остальные пять всѣ иностранцы, которые и употребляли несвойственную русскимъ соборамъ формулу: „изволися Духу Святому и намъ“, „суди Духъ Святый и мы“. Русскіе архіереи отлично знали, что они призывались царемъ на соборъ не для того, чтобы рѣшать на немъ дѣла по вдохновенію или, что имъ „изволися“, а только на основаніи точнаго и опредѣленнаго божественнаго закона, ни отступать отъ котораго, ни видоизмѣнять его, ни тѣмъ болѣе передѣлывать,

---

[1]) Стоглавъ, стр. 78. Изд. брат. Св. Петра. Дѣло о Никонѣ, стр. 162—163.

они не имѣли никакого права; они хорошо знали, что относительно соборныхъ постановленій все рѣшитъ въ концѣ воля и усмотрѣніе благочестивѣйшаго государя, а не ихъ вдохновеніе. Поэтому, конечно, и самымъ постановленіямъ нашимъ церковныхъ соборовъ никогда не придавалось характера непогрѣшимости и неизмѣняемости, въ нихъ не видѣли акта непосредственнаго дѣйствія Св. Духа, а обычныя церковно-государственныя постановленія, опиравшіяся и находившія свое оправданіе въ божественномъ законѣ.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что наши церковные соборы представляли изъ себя, такъ сказать, собраніе свѣдущихъ людей или экспертовъ по вопросамъ церковнымъ, объясняется почему государи, призывая архіереевъ на соборъ, не только, иногда предписывали имъ являться съ искусными т. е. болѣе свѣдущими и образованными иноками [1]), но и сами заботились и предпринимали мѣры, чтобы на соборѣ были люди свѣдующіе въ дѣлахъ вѣры, благочестія, въ знаніи и толкованіи церковныхъ правилъ и постановленій, люди могущіе дать собору нужныя разъясненія и указанія отъ божественнаго закона. Такъ въ 1554 году царь Иванъ Васильевичъ пишетъ нарочитое посланіе къ Максиму греку, приглашая его явиться въ Москву на соборъ, собранный на Матвѣя Башкина. „Да будеши и ты, пишетъ царь Максиму, поборникъ по православіи, яко же первіи богоносніи отцы, такожъ и ты покажешися благочестію ревнитель, и тая жъ тя небесныя обители пріимутъ, яже и онѣхъ, иже подвизавшеся за благочестіе... Явись симъ (древнимъ св. отцамъ) споспѣшникъ и ревнитель по благочестіи, и данный ти отъ Бога талантъ умножи, и ко мнѣ писаніе пришли на нынѣшнее злодѣйство“ [2]). Царь Алексѣй Михаиловичъ пригласилъ на соборъ 1660 года извѣстнаго ученаго Епифанія Славинецкаго, поручилъ ему составленіе соборнаго дѣянія вмѣстѣ съ провѣркою правильности ссылокъ собора на тѣ или другія церковныя правила. И когда Епифаній доложилъ государю, что ссылки бывшихъ на соборѣ греческихъ архіереевъ на греческія правила несправедливы, въ чемъ онъ убѣдился сличивъ текстъ правила, приведеннаго греческими

---

[1]) А. Э. т. IV, № 140.
[2]) А. И. т. I, № 161.

архіереями, съ подлинникомъ, въ которомъ это правило читается иначе, государь придалъ заявленію ученаго Епифанія такое значеніе, что не утвердилъ дѣяній собора 1660 года и перенесъ дѣло о Никонѣ на разсмотрѣніе другаго — большаго Собора.—На соборъ 1667 года государь пригласилъ извѣстнаго Симеона Полоцкаго, которому и поручилъ составить самое соборное дѣяніе. Царь сильно также дорожилъ Паисіемъ Лигаридомъ и часто приглашалъ его на соборы и именно потому, что видѣлъ въ немъ человѣка свѣдущаго, ученаго, научными знаніями котораго по церковнымъ предметамъ онъ можетъ воспользоваться для своихъ цѣлей, что и было въ дѣйствительности. Эти лица, какъ люди научно-образованные, несомнѣнно имѣли на соборахъ очень большое и дѣйствительное вліяніе, къ ихъ голосу и заявленіямъ прислушивались царь и всѣ члены собора, такъ что на направленіе и характеръ соборной дѣятельности они могли имѣть очень сильное вліяніе, тѣмъ болѣе что отъ нихъ, отъ ихъ научнаго и литературнаго таланта, иногда очень много зависѣло и самое составленіе соборнаго дѣянія въ томъ или другомъ видѣ.

Такимъ образомъ, если по самой идеѣ церковнаго собора его главными строителями и дѣятелями должны бы быть прежде всего епископы, какъ носители высшей іерархической благодати, высшей церковной власти и какъ представители всѣхъ пасомыхъ, то въ дѣйствительности это дѣло стояло у насъ далеко не такъ. Въ дѣйствительности нашимъ архіереямъ на соборахъ XVI и XVII столѣтій принадлежала самая скромная, малодѣятельная и маловліятельная роль. Они являлись на соборъ вовсе не потому, что у нихъ самихъ, или въ средѣ ихъ паствы, назрѣвала настоятельная потребность соборно обсудить и порѣшить тѣ или другіе выдвинутые жизнію церковные вопросы, а единственно потому, что явиться на соборъ имъ приказывалъ царь, и они не смѣли ослушаться его приказанія, такъ что они являлись на соборъ только въ силу своего оффиціальнаго положенія, а не по своимъ внутреннимъ влеченіямъ и убѣжденіямъ, или какъ представители голоса, нуждъ и интересовъ своей паствы. Являясь изъ своихъ епархій на соборъ, они совсѣмъ не были подготовлены къ рѣшенію соборныхъ вопросовъ, которые ранѣе не были имъ извѣстны, а если и

были извѣстны, то въ самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ. На соборѣ имъ давался уже готовый, опредѣленный и болѣе или менѣе обработанный предсоборною коммиссіею матеріалъ, надъ которымъ и только въ предѣлахъ котораго они могли оперировать во время соборныхъ засѣданій, при чемъ въ работахъ ими руководили лица, ранѣе назначенныя царемъ и несравненно лучше и больше ихъ знавшія все относившееся къ предмету соборныхъ обсужденій. Они не смѣли возбуждать на соборѣ какихъ либо новыхъ—своихъ вопросовъ, не смѣли расширять и рамки тѣхъ вопросовъ, которые имъ были поставлены; ихъ разсужденія должны были вращаться только въ тѣхъ предѣлахъ, какіе строго и опредѣленно были указаны заранѣе царемъ. О каждомъ своемъ рѣшеніи и постановленіи по тому или другому вопросу они должны были доносить царю и отъ него ждать дальнѣйшихъ указаній и распоряженій, такъ что вся ихъ соборная дѣятельность совершалась подъ постояннымъ бдительнымъ контролемъ государя, или поставленныхъ имъ для этаго нарочитыхъ лицъ. Дѣлая тѣ или другія соборныя постановленія и рѣшенія, архіереи не имѣли въ то же время полной увѣренности, что ихъ соборныя постановленія получатъ силу закона, будутъ проведены въ жизнь, такъ какъ это зависѣло исключительно отъ воли и усмотрѣнія государя, который могъ видоизмѣнить соборныя постановленія и даже совсѣмъ не согласиться съ ними, не одобрить ихъ и не утвердить, и тогда они уже не имѣли никакой дѣйствительной силы и значенія,—собора тогда какъ бы и не существовало.

При указанныхъ условіяхъ конечно не возможно ожидать, чтобы наши іерархи могли проявить на соборахъ какую-либо свою иниціативу; свое личное отношеніе къ современному имъ положенію церковныхъ дѣлъ, — стѣсненные во всемъ и со всѣхъ сторонъ, они по необходимости двигались только по указанному имъ пути, казенно-канцелярски дѣлали порученное имъ дѣло; присутствуя на соборѣ, они только отбывали лежавшую на нихъ неизбѣжную повинность, а не дѣлали здѣсь своего личнаго, сердечнаго, живого дѣла. И нельзя винить древне-русскихъ іерарховъ за ихъ всегдашнее пассивное отношеніе и подчиненіе свѣтской власти, за отсутствіе у нихъ иниціативы и самодѣятельности

въ дѣлахъ церковныхъ, въ ихъ отношеніяхъ къ управляемымъ и пасомымъ. Такими ихъ создала и выростила сама русская церковная жизнь.

Московскій митрополитъ Исидоръ грекъ, отправившійся изъ Москвы на Флорентійскій соборъ, принялъ тамъ, отъ лица русской церкви, унію и былъ вполнѣ увѣренъ, что этотъ его шагъ не встрѣтитъ себѣ серьезнаго противодѣйствія со стороны русскихъ епископовъ и со стороны великаго князя, ради его молодости. „Князь великій младъ есть, глаголалъ папѣ Исидоръ, а епископы некнижны суть, боятца мене, не смѣть имъ о томъ со мною глаголати“ [1]).

Увѣренность Исидора, что русскіе архіереи не рѣшатся возстать противъ уніи и пассивно пойдутъ въ этомъ дѣлѣ за нимъ — Исидоромъ митрополитомъ, имѣла основанія и оправдалась на дѣлѣ. Никоновская лѣтопись разсказываетъ, что Исидоръ, возвращаясь изъ Флоренціи, останавливался въ Будимѣ, и оттуда послалъ „своя писанія“ „на всю Русь православнаго христіанства“, въ которыхъ открыто рекомендовалъ всѣмъ православнымъ принимать унію, а себя прямо называлъ „легатосъ отъ ребра апостольскаго сѣдалища“. Въ Москвѣ, значитъ, очень хорошо знали, еще до возвращенія Исидора, объ отступленіи его отъ православія. Между тѣмъ Исидоръ чрезъ Кіевъ неспѣша направился въ Москву, вездѣ при своихъ службахъ на пути поминалъ папу, вездѣ открыто заявлялъ о своемъ соединеніи съ латинствомъ и о необходимости присоединенія къ уніи всей Руси. Въ 1441 году Исидоръ наконецъ прибылъ въ Москву на третьей недѣлѣ великаго поста, торжественно служилъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, поминалъ на службѣ папу, велѣлъ протодіакону торжественно прочесть грамоту о соединеніи съ латинами, и передалъ о томъ же особую грамоту папы Евгенія великому князю. Далѣе Никоновская лѣтопись повѣствуетъ слѣдующее: „достоитъ же удивитися разуму и великому смыслу великаго князя Василія Васильевича, понеже о семъ Исидорѣ митрополитѣ вси умолчаша—князи и бояре и иніи мнози; еще же паче и епископы русскія вси умолчаша и воздремаша и уснуша. Единъ же сей богомудрый и христолюбивый государь, великій князь Василій Васильевичъ,

---

[1]) Бычкова, Опис. рукоп. имп. публ. библ. ч. I. стр. 123—124.

позна Исидорову прелесть пагубную и, скоро обличивъ, посрами его, и вмѣсто пастыря и учителя, злымъ и губительнымъ волкомъ назва его. И тако вси епископы рустіи, иже быша въ то время тогда въ Москвѣ, возбудишася, князи и бояре и вельможи и множество христіянъ тогда воспомянувши и разумѣша законы греческія прежнія, и начаша глаголати святыми писаніи и звати Исидора еретикомъ. И тако князь великій Василій Васильевичъ возрадовался о согласіи епискуповъ своихъ, и князей и бояръ и всѣхъ православныхъ христіанъ" [1]). Точно также говоритъ и Степенная книга, что обличителемъ митрополита Исидора былъ одинъ великій князь, „понеже тогда вси умолчаша, нетокмо князи и боляре и прочіе людіе, наипаче же и епископы рустіи, яко воздремаша и уснуша". Только одинъ князь понялъ всю опасность для православія отъ дѣйствій Исидора и началъ противъ него дѣйствовать; за княземъ тогда потянулись и другіе, между ними и проснувшіеся епископы [2]).

Изъ приведеннаго лѣтописнаго разсказа слѣдуетъ, что если бы все дѣло веденія у насъ уніи зависѣло отъ однихъ только русскихъ епископовъ, какъ дѣло исключительно церковное, то въ виду того, что наши епископы „воздремаша и уснуша", латинская унія у насъ могла бы быть введена Исидоромъ. Единственнымъ сознательнымъ ея противникомъ на Москвѣ оказался великій князь, который энергично возсталъ противъ Исидора и уніи, разбудилъ спавшихъ епископовъ, рѣшившихся, наконецъ, помогать великому князю въ его усиліяхъ отстоять русское православіе отъ покушеній на него со стороны латинства. Чѣмъ же объяснить это странное, пассивное, безучастное отношеніе русскихъ архіереевъ даже къ такому важному и близкому для нихъ дѣлу, какъ перемѣна православія у насъ на латинскую унію?

Митрополитъ Исидоръ говорилъ, что русскіе епископы некнижны, боятся его митрополита и не могутъ, какъ некнижные, съ нимъ говорить, т. е. оспорить его, доказать ему ошибочность и незаконность его воззрѣній и дѣйствій. Но одна некнижность и необразованность тогдашнихъ русскихъ

---

[1]) Никоновская лѣтопись, ч. V, стр. 146—156.

[2]) Степенная книга, ч. II, стр. 11.

архіереевъ не объясняетъ однако дѣла. Настолько-то наши архіереи вѣроятно понимали, что имъ никакъ не слѣдуетъ измѣнять православію и замѣнять его латинствомъ; для этого вовсе и не требуется какой-нибудь особой книжности, и некнижный человѣкъ всегда можетъ постоять за свои вѣрованія, за свою родную старину. Ссылка митрополита Исидора на другое обстоятельство: „что русскіе архіереи боятца мене, несмѣть имъ со мною глаголати“, имѣетъ болѣе серьезное значеніе и скорѣе можетъ объяснить, почему „епископы рустіи яко воздремаша и уснуша“. Тутъ дѣло, по моему мнѣнію, заключалось въ слѣдующемъ:

Русскіе архіереи вообще, съ самаго начала введенія у насъ христіанства и до послѣдняго времени, какъ высшіе представители нашей церкви, никогда не имѣли собственной архипастырской иниціативы въ рѣшеніи церковныхъ дѣлъ; никогда у нихъ, и въ этой родной имъ сферѣ, не было никакого творчества на основаніи св. писанія, св. отцовъ и учителей церкви, и вообще на основаніи духа и разума православія и чисто мѣстныхъ религіозно-церковныхъ потребностей. Они всегда являлись и здѣсь только или сторонними зрителями совершеннаго другими, или пассивными оберегателями наличной церковной дѣйствительности, какая бы она ни была въ данное время. Это потому, что такъ ихъ воспитала, такъ ихъ пріучила относиться ко всякому встрѣчающемуся церковному дѣлу сама наша историческая церковная жизнь. Мы все церковное, до послѣднихъ мелочей, съ самаго начала у насъ христіанства, приняли отъ грековъ въ готовомъ видѣ, продолжали принимать отъ грековъ въ готовомъ видѣ все церковное и въ послѣдующее время. Если греческая церковь жила своею собственною творческою жизнію, если своимъ творчествомъ она создала извѣстныя церковныя формы, правила, постановленія, извѣстный строй и укладъ своей мѣстной церковной жизни, вносила въ него съ теченіемъ времени тѣ или другія измѣненія, вызываемыя новыми измѣнившимися условіями и потребностями своей исторически-культурной жизни: то наше русское дѣло было всегда не творить, подобно грекамъ, не создавать что-либо свое на почвѣ христіанско-церковной мѣстной русской жизни, а только подражать, копировать, цѣликомъ переносить къ себѣ готовое греческое. Этому особенно благопріятствовало то об-

стоятельство, что все наше церковное управленіе, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, было подчинено константинопольскому патріарху, и самые наши митрополиты были греки, которые въ глазахъ русскихъ являлись не только представителями высшей церковной власти, но и представителями высшей культуры, высшихъ христіанскихъ знаній, высшей опытности въ сферѣ христіанско-церковной жизни, и потому имѣли у насъ высшій непререкаемый церковный авторитетъ, предъ которымъ некнижные русскіе архіереи только преклонялись, только въ точности по возможности исполняли то, что предписывала, на что указывала и что вводила у насъ высшая власть митрополита-грека. Русскій архіерей зналъ, что за него уже все придумали, сдѣлали и создали другіе, высшіе его по знаніямъ и церковной опытности, и привыкъ самъ ни о чемъ церковномъ не думать творчески, не дѣлать въ церковной сферѣ ни одного самостоятельнаго шага, привыкъ во всемъ смотрѣть на митрополита, отъ него ждать приказаній, распоряженій, рѣшенія встрѣчающихся вопросовъ и недоумѣній. Съ другой стороны, на всю нашу церковную жизнь, на весь церковный строй, воспринятый нами въ готовомъ видѣ отъ грековъ, онъ исторически пріученъ былъ смотрѣть какъ на нѣчто совершенное, не терпящее никакихъ перемѣнъ, не допускающее никакого дальнѣйшаго движенія и развитія. Его архипастырская задача въ томъ именно и состоитъ, чтобы точно-рабски воспринимать это чужеземное готовое, вводить его безъ перемѣнъ въ русскую жизнь и не допускать въ ней никакихъ перемѣнъ, никакихъ отступленій отъ древне-греческаго образца. При возникновеніи у насъ своихъ церковныхъ вопросовъ, мы всегда брали только уже готовыя, болѣе или менѣе подходящія къ данному случаю, нормы, формулы, рѣшенія и постановленія древне-греческія и, съ своей стороны, употребляли всѣ усилія, чтобы какъ-нибудь подвести, подогнать живой русскій вопросъ подъ отжившую часто греческую формулу, и не успокоивались до тѣхъ поръ, пока не успѣвали такъ или иначе втиснуть русское живое церковное явленіе въ рамки греческой церковной старины. Дерзать отнестись къ русской жизни, къ ея своеобразнымъ запросамъ и требованіямъ само-стоятельно-творчески, руководствуясь духомъ и разумомъ православной церкви, а неподражательностію и рабскою ко-

пировкою, мы никогда не отваживались, какъ будто въ русской церкви не дѣйствуетъ тотъ же Духъ Святый, Который дѣйствовалъ въ древне-греческой церкви и помогалъ ей создавать свой церковный чинъ, уставъ, правила; какъ-будто Его просвѣщающее и вдохновляющее къ творческой дѣятельности воздѣйствіе закончилось, остановилось на старой Византіи и не можетъ уже открыть себя во всей силѣ въ самостоятельной творческой дѣятельности русской церкви. Мы даже всегда ставили и ставимъ себѣ въ особую чрезвычайную заслугу, что мы никогда ничего своего не производили и не производимъ во всю нашу историческую церковную жизнь, а только стараемся въ ней точно копировать то, что давали и даютъ намъ греки; мы сильно гордимся тѣмъ, что собственно русскаго во всемъ строѣ и порядкѣ всей нашей церковной жизни ничего нѣтъ, а все только принесенное въ готовомъ видѣ изъ старой благочестивой Византіи, и что отъ этого принесеннаго къ намъ мы никогда ни въ чемъ ни отступили ни на іоту. А все это необходимо убивало въ русскихъ архіереяхъ всякую иниціативу и самодѣятельность, дѣйствовало на ихъ энергію и творчество усыпляющимъ образомъ, такъ что они дѣйствительно могли быть „аки воздремаша и уснуша“ даже и въ то время, когда въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ ихъ присутствіи, торжественно провозглашалась унія съ латинствомъ.

Изъ сказаннаго понятнымъ становится, почему русскіе архіереи не проявили, по собственной иниціативѣ, никакого противодѣйствія уніатскимъ затѣямъ своего митрополита. Они видѣли въ Исидорѣ человѣка, облеченнаго властію надъ ними самимъ вселенскимъ константинопольскимъ патріархомъ, видѣли въ немъ не только человѣка умнаго и свѣдущаго во всѣхъ дѣлахъ церковныхъ, но и человѣка широко образованнаго, какимъ и былъ въ дѣйствительности Исидоръ, уже ранѣе знакомый и находившійся въ перепискѣ съ тогдашними итальянскими гуманистами, къ которымъ онъ примыкалъ по своему умственному направленію и симпатіямъ, и не придававшій, поэтому, особаго значенія вѣроисповѣднымъ разностямъ между католиками и православными. Бороться съ такимъ человѣкомъ, за которымъ стояли цареградскій патріархъ и самъ императоръ, русскіе архіереи не могли и думать, а потому они пассивно-безпре-

кословно оказывали ему привычное повиновеніе, не рѣшаясь возстать противъ него даже и тогда, когда онъ открыто сталъ вводить у насъ унію. И только когда противъ него вооружился великій князь, бывшіе въ это время въ Москвѣ архіереи, по выраженію лѣтописи, „возбудишася“, они „воспомянувши и разумѣша законы греческія прежнія“, стали теперь обличать Исидора и называть его еретикомъ. Великій князь, замѣчаетъ лѣтопись, „возрадовался о согласіи епископовъ“ дѣйствовать съ нимъ заодно противъ Исидора. Очевидно, великій князь сильно опасался, какъ бы русскіе епископы, при своей инертности, пассивности и трусливости, не остались въ этомъ дѣлѣ вѣрны старому, привычному для нихъ авторитету митрополита и не стали на его сторону противъ князя. Къ счастію этого не случилось; русскіе архіереи проснулись, или были разбужены, еще вовремя.

Наступаетъ, затѣмъ, въ нашей исторіи такой періодъ, когда русскіе митрополиты избираются уже только изъ русскихъ,—греки совсѣмъ перестаютъ принимать какое-либо непосредственное участіе въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ. Русскіе архіереи, теперь представленные самимъ себѣ, могли свободно проявлять свое національное церковное творчество и самодѣятельность. Этого однако не случилось, такъ какъ у русскихъ архіереевъ не было нужныхъ для творчества силъ и средствъ: русскіе епископы были попрежнему некнижны и во всемъ пассивны, а потому попрежнему продолжали жить только заимствованнымъ чужимъ, и попрежнему желали опираться въ церковныхъ дѣлахъ на чей-либо сторонній авторитетъ, подчиняться какому-либо стороннему водительству. Этотъ авторитетъ, высшій руководитель епископовъ въ рѣшеніи церковныхъ дѣлъ, скоро и явился въ лицѣ великихъ князей, а потомъ царей московскихъ, которые, какъ знатоки церковныхъ дѣлъ, считали одной изъ своихъ главныхъ обязанностей наблюдать за теченіемъ всей церковной жизни, направлять ее по своему усмотрѣнію, давать церковнымъ дѣламъ то или другое рѣшеніе, при чемъ архіереямъ приходилось только одобрять и исполнять царскія повелѣнія.

Кромѣ крайней пассивности и угодливости нашихъ древнерусскихъ архіереевъ предъ свѣтскою властію, въ ихъ соборной дѣятельности замѣчается еще одна характерная черта.

На нашихъ церковныхъ соборахъ поднимались иногда живые и важные потому времени вопросы, выдвигаемые настоятельными запросами самой жизни, стремленіями ея улучшить въ томъ или другомъ отношеніи. Такіе живые, имѣвшіе для всей общественной жизни особую важность вопросы, исходили однако или снизу—отъ какихъ либо уважаемыхъ старцевъ—иноковъ, или отъ представителей бѣлаго духовенства, или же сверху—отъ государя, но никогда они не исходили изъ архіерейской среды.

Такъ въ извѣстномъ письмѣ „о нелюбкахъ“ между заволжскими старцами и іосифлянами говорится, что уважаемые всѣми, и самимъ великимъ княземъ, старцы—Паисій Ярославовъ и его ученикъ Нилъ Сорскій, присутствовавшіе на соборѣ о вдовыхъ попахъ и дьяконахъ, когда соборъ покончилъ съ этимъ вопросомъ, внесли отъ себя предложеніе, чтобы монастыри не владѣли селами. „И егда совершися соборъ о вдовыхъ попѣхъ и діаконѣхъ, говоритъ письмо „о нелюбкахъ“, и нача старецъ Нилъ глаголати, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы чернцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ: а съ ними пустынники бѣлозерскіе. И сіе слышавъ игуменъ Іосифъ нача имъ вопреки глаголати“ [1]). Такимъ образомъ очень важный для того времени и очень живой вопросъ о правѣ монастырей владѣть крестьянами, такъ долго и сильно волновавшій потомъ тогдашнее общество, вызвавшій страстную борьбу и горячую литературную полемику, былъ возбужденъ на соборѣ извѣстными старцами, причемъ старцами же велась и вся дальнѣйшая борьба и полемика по данному вопросу. Архіереи, съ своей стороны, стали въ этомъ вопросѣ на сторону „стяжателей“ т. е. тѣхъ, которые защищали и отстаивали право монастырей владѣть крестьянами, хотя это требованіе находилось въ полномъ противорѣчіи съ идеею всецѣлаго монашескаго нестяжанія и отреченія отъ всего мірскаго, хотя владѣніе крестьянами дѣйствовало на всю монашескую жизнь самымъ вреднымъ и прямо разлагающимъ образомъ. Но этого мало. Тогдашніе іерархи не только не стали на сторону идей преп. Нила Сорскаго, какъ бы имъ слѣдовало, но даже открыли рѣшительное преслѣдованіе монаховъ не-

---

[1]) Приб. къ твор. св. отцовъ, т. X, стр. 505.

стяжателей и ихъ сторонниковъ, всячески усиливаясь представить ихъ чуть не еретиками, и это единственно потому, что и сами архіереи въ обиліи тогда владѣли крестьянами. Такимъ образомь своихъ дѣйствій въ данномъ вопросѣ тогдашніе іерархи ясно показали, что для нихъ личные матеріальные интересы были выше и важнѣе правильной, нормальной постановки жизни тогдашняго монашества, къ чему стремился преп. Нилъ Сорскій и его послѣдователи.

На томъ же соборѣ 1503 года, который рѣшалъ вопросъ о вдовыхъ священникахъ и дьяконахъ, былъ выслушанъ протестъ ростовскаго вдоваго священника Георгія Скрипицы, въ которомъ онъ горячо возставалъ противъ приговора собора, запретившаго всѣмъ вдовымъ священникамъ и дьяконамъ, безъ различія ихъ жизни и поведенія, священнодѣйствовать, исключая того случая, когда они примутъ иноческое постриженіе и тогда имъ разрѣшалось отправлять церковныя службы въ монастыряхъ. „Вы осудили, говорилъ Скрипица, присутствовавшимъ на соборѣ іерархамъ, всѣхъ іереевъ и дьяконовъ, настоящихъ и будущихъ, за смерть ихъ женъ; но въ смерти они неповинны, смерть наводитъ Богъ... Вы положили въ церкви вѣчную вражду между собою и священниками: какъ же дерзаете входить въ святой алтарь?.. Зачѣмъ вы смѣшали добрыхъ съ злыми, и не разлучивъ злыхъ отъ праведныхъ, велите постригаться въ монашество, чтобы священнодѣйствовать?.. И вашему собору кто не подивится, кто не посмѣется въ чужихъ земляхъ, услышавъ, что іереямъ и діаконамъ, по смерти женъ, запрещено служить?.. Вы говорите: мы совершили то ради благочестія, очищая церковь, такъ какъ попы вмѣсто женъ держатъ наложницъ. Но разсудите, отъ кого то зло сталось въ нашей землѣ; не отъ вашего-ли нерадѣнія, что вы злыхъ не казнили, не отлучали отъ священства? Господа священноначальницы, смѣло заявлялъ Скрипица, благословно ни вы сами, ни священники избранными, не дозираете священникомъ, а во грады и села не посылаете опытовати, какъ кто пасетъ церковь Божію; назираете священниковъ по царскому чину земнаго царя: боляры и дворецкими, недѣльщики, тіуны и доводчики, своихъ дѣля прибытковъ, а не по достоянію святительскому. Апостолъ пишетъ: служащіи олтарю, со алтаремъ содѣлаются. И вамъ достоитъ пасти цер-

ковь священниками богобоязневыми, а не мірскимъ воинствомъ“ [1]). Этотъ горячій и вполнѣ справедливый по существу протестъ священника Георгія Скрипицы противъ постановленія собора, незаконно запретившаго всѣмъ безъ исключенія вдовымъ священникамъ и дьяконамъ священнодѣйствовать, его вполнѣ справедливое указаніе на крайнюю ненормальность тогдашняго епархіальнаго управленія, которое архіереи, ради своихъ матеріальныхъ выгодъ, вели исключительно чрезъ своихъ свѣтскихъ служилыхъ людей,—не былъ принятъ однако во вниманіе архіереями, которые отнеслись къ нему совершенно индеферентно, не придавъ ему никакого значенія, хотя этотъ протестъ былъ, очевидно, воплемъ отчаянія людей несправедливо обиженныхъ и постоянно притѣсняемыхъ.

И такъ, въ древне-русскихъ архіереяхъ XVI и XVII столѣтій, какъ дѣятеляхъ на церковныхъ соборахъ, мы видимъ полную безличность и крайнюю угодливость предъ государственною властію, каторая создавъ имъ по правамъ, власти и экономическому положенію исключительно привилегированное положеніе въ государствѣ, сдѣлавъ ихъ богатыми, важными и властными государственными сановниками, взамѣнъ этого требовала отъ нихъ полнаго послушанія себѣ, ревностнаго безпрекословнаго служенія своимъ видамъ и цѣлямъ. Древне-русскіе архіереи, при такихъ условіяхъ, необходимо и неизбѣжно сдѣлались, и на церковныхъ соборахъ, только простыми орудіями въ рукахъ свѣтской власти, проводили въ жизнь только то, что приказывала имъ государственная власть даннаго времени. Понятно также, что архіереи-сановники никогда и не думали являться на церковные соборы съ какими либо своими протестами, планами, запросами, вытекавшими изъ ихъ положенія какъ архипастырей церкви, и въ чемъ либо несогласными съ видами и цѣлями свѣтскаго правительства, милостью и благоволеніемъ котораго опредѣлялось ихъ особое положеніе.

Но если наши патріархи и всѣ вообще архіереи древней Руси, со времени возникновенія сильнаго московскаго царства, во всемъ, всегда и всецѣло зависѣли отъ государственной власти, то всетаки, несмотря на это, ихъ вліяніе въ то

---

[1]) Чтен. общ. ист. и древн. 1848 г. № 6, смѣсь, стр. 48.

время, какъ верховныхъ представителей церкви, несомнѣнно было гораздо сильнѣе и замѣтнѣе на всю нашу общественную жизнь, чѣмъ въ послѣдующій синодальный періодъ. Особенно въ лицѣ патріарховъ наша церковь пользовалась тогда со стороны свѣтской власти большимъ почетомъ, вниманіемъ и уваженіемъ, чѣмъ это было послѣ учрежденія св. Синода. Но это явленіе, которое обыкновенно приписываютъ самому факту существованія у насъ патріаршества, объясняется однако совершенно другими обстоятельствами, къ которымъ существованіе или несуществованіе у насъ патріаршества, не имѣло собственно никакого прямого отношенія. Дѣло тутъ заключалось единственно въ слѣдующемъ: наши государи московской Руси были обыкновенно завзятыми, истинными церковниками, воспитывавшимися на неопустительномъ посѣщеніи разныхъ церковныхъ службъ, на строгомъ соблюденіи во всемъ, начиная съ своей обыденной домашней обстановки, церковнаго устава, разныхъ церковныхъ постановленій и требованій. Они обучались, какъ и всѣ тогда, по псалтири, прочитывали, въ видахъ своего развитія и обогащенія знаніями, извѣстный кругъ церковно-богослужебныхъ и церковно-учительныхъ книгъ, сборники изъ св. отцовъ и учителей церкви, разныя житія святыхъ, благочестиво-назидательныя сказанія и хронографы, благодаря чему благочестивые московскіе государи нерѣдко были хорошими начетчиками, знали церковный уставъ и всѣ церковныя службы со всѣми ихъ малѣйшими особенностями не хуже любаго архіерея и, въ концѣ концевъ, какъ знатоки и горячіе любители всего церковнаго, которое всегда было для нихъ самымъ близкимъ и дорогимъ, въ высшей степени интересовались всѣми малѣйшими подробностями церковной жизни, обязательно вмѣшиваясь въ ея ходъ и событія. Вопросы о хожденіи посолонь, о сугубой и трегубой аллилуіи, о церковныхъ звонахъ, о единогласіи или многогласіи въ церковномъ пѣніи, о сложеніи тѣхъ или другихъ перстовъ для крестнаго знаменія и т. под.,—все это для нашихъ московскихъ государей были настолько живые, близко затрогивающіе ихъ вопросы, что они интересовались ими никакъ не менѣе вопросовъ чисто государственныхъ, и потому принимали въ ихъ рѣшеніи самое горячее и дѣятельное участіе, такъ что иногда очень трудно бываетъ провести

точную грань: гдѣ былъ царь и гдѣ былъ архіерей, гдѣ было дѣло государственное и гдѣ церковное. Но если церковная жизнь, съ ея спеціальными требованіями и уставами, имѣла для московскихъ государей доминирующее значеніе, то вполнѣ естественно было, что и высшій представитель этой жизни, сначала митрополитъ, а потомъ патріархъ, обязательно долженъ былъ занимать тогда, безотносительно къ носимому имъ титулу, очень видное, почетнее и, при тактѣ и умѣньи, очень вліятельное положеніе при царскомъ дворѣ, тѣмъ болѣе, что и всѣ окружающія царя и близкія къ нему лица стояли на томъ же самомъ уровнѣ пониманія и интересовъ, всѣ то же были болѣе или менѣе убѣжденными и искренними церковниками.

Если древне-русскій царь — церковникъ постоянно чувствовалъ потребность и нужду имѣть около себя близкое ему духовное лицо: патріарха-ли, духовника-ли, или кого либо изъ другихъ духовныхъ, чтобы полнѣе удовлетворять свои религіозно-церковныя потребности, посовѣтываться съ нимъ о разныхъ дѣлахъ, побесѣдовать объ одинаково интересующихъ обоихъ церковныхъ и душеспасительныхъ предметахъ и т. п.; то со времени императора Петра 1-го обстоятельства рѣзко измѣнились. Наши государи стали воспитываться уже совершенно иначе, нежели ихъ московскіе предшественники, а вслѣдствіе этого у нихъ образовался на все иной кругъ воззрѣній, иное пониманіе окружающаго, иные вкусы, интересы и потребности, очень далекіе отъ прежнихъ, при чемъ и прежняя древне-русская церковность необходимо все болѣе и болѣе отодвигалась на задній планъ, а вмѣстѣ съ нею отдалялись отъ царскаго дворца и ея представители, скоро и совсѣмъ забывшіе прежнюю торную, ранѣе всегда открытую для нихъ, дорогу во дворецъ.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго нами оказывается, что въ древней Руси, со времени образованія у насъ сильнаго московскаго царства, наши государи всегда и всецѣло держали церковную власть въ своемъ полномъ подчиненіи и распоряженіи въ лицѣ ея высшихъ представителей—сначала митрополитовъ, а потомъ патріарховъ, а также въ лицѣ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ и самыхъ церковныхъ соборовъ. Такой порядокъ дѣлъ всѣми признавался тогда правымъ, законнымъ и нормальнымъ, вполнѣ сросся съ нашею

жизнію, съ представленіемъ о царѣ и его отношеніи къ церкви, такъ что иного отношенія между церковью и государствомъ у насъ и не представляли. Только Никонъ такія отношенія власти государственной къ власти церковной находилъ неправыми, незаконными, несогласными съ божественными законами, почему онъ и поставилъ главною задачею своего патріаршества уничтожить эти ненормальныя отношенія между церковью и государствомъ и замѣнить ихъ новыми, согласными съ святыми, божественными законами. Какъ Никонъ выполнилъ эту задачу, для осуществленія которой онъ только и рѣшился принять санъ московскаго патріарха, увидимъ изъ послѣдующаго.

ГЛАВА III.

Патріархъ Никонъ—великій государь.

Особыя обстоятельства, при какихъ Никонъ поставленъ былъ въ патріархи. Стремленіе Никона возвысить патріаршую власть. Взглядъ Никона на отношеніе царя и патріарха. Какимъ образомъ патріархъ Никонъ сдѣлался великимъ государемъ. Его отношенія, какъ великаго государя, къ боярамъ, самому царю, къ архіереямъ и низшему духовенству. Характеръ его епархіальнаго управленія. Постройка Никономъ новыхъ своихъ собственныхъ монастырей какъ мѣра сосредоточить въ своихъ рукахъ огромныя земельныя имущества и тѣмъ создать для себя богатыя, ни отъ кого независимыя обширныя владѣнія. Общія замѣчанія о характерѣ великаго государствованія Никона.

25 іюля 1652 года новгородскій митрополитъ Никонъ, по выбору государя, былъ поставленъ въ московскіе патріархи.

Поставленіе Никона въ патріархи сопровождалось однимъ очень характернымъ и знаменательнымъ эпизодомъ. 22-го іюля государь, послѣ формальнаго избранія соборомъ въ патріархи Никона, послалъ за нимъ на новгородское московское подворье, гдѣ Никонъ тогда находился, депутацію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, звать его въ соборную церковь т. е. въ Успенскій соборъ, въ которомъ ожидали нареченнаго патріарха: царь, бояре, всѣ духовныя власти и народъ. Никонъ отказался идти. Еще нѣсколько разъ посылали за нимъ, но результатъ былъ тотъ же: Никонъ рѣшительно отказывался идти въ соборъ. Въ виду такого упорства Никона, царь послалъ за нимъ своихъ знатнѣйшихъ бояръ и приказалъ имъ привести Никона, хотя бы и противъ его воли, въ Успенскій соборъ. Никонъ явился. Царь, разсказываетъ объ этомъ самъ Никонъ, „со всѣмъ народомъ молиша насъ много, яко да будемъ патріархомъ московскимъ и всеа Русіи“. Никонъ, на мольбы царя и народа, отвѣчалъ

отказомъ, называя себя смиреннымъ, неразумнымъ, не могущимъ пасти стадо словесныхъ овецъ Христовыхъ. Тогда царь, по разсказу Никона, „приклонися къ земли и припадаше со всѣмъ народомъ, со слезами молиша насъ, яко да будемъ — начало пастыремъ“. Никонъ наконецъ уступилъ мольбамъ царя и народа, согласился быть патріархамъ, но только при извѣстныхъ условіяхъ. Онъ обратился къ царю, боярамъ, присутствовавшимъ въ соборѣ іерархомъ и всему народу съ особою—необычною рѣчью, въ которой заявлялъ, что мы—русскіе „святое евангеліе и вѣщанія святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и всѣхъ вселенскихъ семи соборовъ, святыхъ отецъ правила и царскія законы и церковные догматы отъ православныхъ греческихъ церквей и святыхъ вселенскихъ патріарховъ пріяхомъ“, почему и называемся христіанами. Но на дѣлѣ мы не исполняемъ: ни заповѣдей евангельскихъ, ни правилъ св. апостоловъ и святыхъ отецъ, ни законовъ благочестивыхъ греческихъ царей. Въ виду этого, говорилъ Никонъ, если хотите, чтобы я былъ у васъ патріархомъ, „то дадите слово ваше и сотворите обѣтъ во святой соборной и апостольской церкви предъ Господомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и предъ святымъ евангеліемъ, и предъ пречистою Богородицею, и предъ святыми его ангелы, и предъ всѣми святыми: держать будете евангельскіе Христовы догматы, и правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и благочестивыхъ царей законы сохраните. Аще обѣщаете ся неложно, *и насъ послушати во всѣмъ, яко начальника и пастыря и отца краснѣйшаго*, елико вамъ возвѣщать буду о догматѣхъ Божіихъ и о правилѣхъ, и сего ради, по желанію и прошенію вашему, не могу отрекатися отъ великаго архіерейства“. Эта необычная рѣчь Никона, по его словамъ, „усердно и съ любовію“ принята была царемъ, боярами и всѣмъ освященнымъ соборомъ и они, замѣчаетъ Никонъ, „предъ святымъ евангеліемъ и предъ святыми и многочудесными иконами вся, елика глаголахомъ, обѣщашася сохранити непреложно“. И только послѣ этого Никонъ окончательно выразилъ согласіе быть патріархомъ московскимъ и всея Руси [1]).

И такъ, Никонъ былъ поставленъ въ патріархи при осо-

---

[1]) Зап. рус. арх. общ. II, 482 и 513.

быхъ, исключительныхъ обстоятельствахъ: онъ заставилъ царя, бояръ, освященный соборъ и весь народъ дать публичную, торжественную клятву „послушати во всемъ“ новаго патріарха, „яко начальника и пастыря и отца краснѣйшаго“, и только подъ этимъ условіемъ согласился сдѣлаться патріархомъ. Такъ поступить Никонъ считалъ нужнымъ, очевидно, имѣя въ виду какія-то свои особыя цѣли. Думать, что при этомъ онъ имѣлъ въ виду предстоящую ему церковно-реформаторскую дѣятельность было бы несправедливо, хотя бы уже потому, что въ своей реформаторской дѣятельности онъ долженъ былъ только выполнять, какъ мы знаемъ, уже готовую въ общемъ программу, ранѣе намѣченную царемъ, въ виду чего ему странно было бы заставлять царя давать клятву, что онъ не будетъ противиться церковнореформаторской дѣятельности Никона. Точно также ему незачѣмъ было заставлять клясться и бояръ, которые всегда шли за царемъ и никогда не имѣли особой охоты вмѣшиваться въ церковныя дѣла, особенно когда это было бы непріятно царю, какъ иниціатору церковной реформы. Съ другой стороны, и самъ Никонъ свои требованія, предъявленныя имъ при его постановленіи въ патріархи, никогда потомъ не приводилъ въ связь съ своею церковно-реформаторскою дѣятельностію, хотя впослѣдствіи и часто указывалъ на приведенныя особыя обстоятельства своего избранія въ патріархи въ видахъ подчеркнуть съ теченіемъ времени обнаружившееся будто бы непослушаніе ему царя и бояръ, нарушеніе ими заповѣдей Божіихъ, правилъ св. апостолъ и св. отецъ, почему онъ будто бы и оставилъ потомъ патріаршество. Значитъ у Никона, когда онъ бралъ клятву съ царя и бояръ, а также съ освященнаго собора и народа, что они будутъ послушны ему—Никону патріарху, была въ этомъ случаѣ своя особая цѣль, о которой царь и не подозрѣвалъ, хотя его—царя Никонъ главнымъ образомъ и имѣлъ въ виду, когда бралъ со всѣхъ клятву о послушаніи. Эта особая цѣль Никона заключалась въ слѣдующемъ: указанныя нами выше отношенія свѣтской государственной власти къ духовной Никонъ находилъ неправильными, противорѣчащими заповѣдямъ Божіимъ, правиламъ св. апостолъ и св. отецъ, и потому нетерпимыми въ истинно православномъ царствѣ, какимъ было царство московское. Никонъ рѣшилъ,

какъ патріархъ, реформировать исторически сложившіяся у насъ отношенія свѣтской власти къ духовной въ томъ смыслѣ, чтобы, въ лицѣ главнымъ образомъ патріарха, освободить духовную власть отъ всецѣлаго подчиненія ея власти свѣтской, поставить власть патріарха во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ и управленіи независимо отъ подавляющей ее царской власти, сдѣлать ее въ церковной области совершенно автономною и даже больше: поставить ее выше царской власти во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ. Вотъ собственно почему, при своемъ избраніи на патріаршество, Никонъ и требовалъ, чтобы царь, бояре и весь народъ дали ему публичную торжественную клятву, что они будутъ соблюдать всѣ заповѣди Божіи, всѣ церковныя правила и законы и по всѣмъ дѣламъ вѣры и церкви будутъ слушать его, Никона, „яко начальника и пастыря и отца краснѣйшаго.“

Замыселъ Никона—коренныхъ образомъ измѣнить исторически сложившіяся у насъ отношенія свѣтской власти къ духовной, въ смыслѣ освобожденія послѣдней изъ подъ зависимости и гнета первой, сдѣлать русскую церковь, какъ религіозно-нравственное по существу учрежденіе, независимою отъ государственной политики, государственныхъ интересовъ и цѣлей, очень неодинаковыхъ въ разное время и часто очень несогласныхъ съ задачами и цѣлями истинной церкви Христовой,—проявился еще до его патріаршества, когда онъ былъ новгородскимъ митрополитомъ. Это сказалось въ фактѣ перенесенія Никономъ мощей св. митрополита Филиппа, замученнаго царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, изъ Соловецкаго монастыря въ Москву, при чемъ Никонъ имѣлъ въ виду заставить свѣтскую власть публично и всенародно покаяться въ тѣхъ притѣсненіяхъ и оскорбленіяхъ, какія она нанесла власти духовной въ лицѣ св. митрополита Филиппа. Это какъ нельзя болѣе подтверждается характеромъ молебной царской грамоты къ мощамъ св. Филиппа, въ которой царь желаетъ пришествія святителя въ Москву и потому, „чтобы разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего, царя и великаго князя Іоанна, совершенное противъ тебя неразсудно завистію и несдержанною яростію“. Въ то же время царь Алексѣй Михайловичъ торжественно заявляетъ въ своемъ молебномъ посланіи: „преклоняю санъ свой царскій за согрѣшившаго противъ тебя, да отпустишь

ему согрѣшеніе своимъ къ намъ пришествіемъ, да уничтожится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе; пусть всѣ увѣрятся, что ты примирился съ нимъ. Умоляю тебя, и честь моего царства преклоняю предъ честными твоими мощами, повергаю къ моленію всю мою власть, приди и прости оскорбившаго тебя напрасно... Оправдалось на тебѣ евангельское слово, за которое ты пострадалъ, что всякое царство, раздѣлившееся на ся, нестанетъ; и теперь у насъ нѣтъ прекословящихъ тебѣ, нѣтъ нынѣ въ твоей паствѣ никакого раздѣленія“ [1]). Впослѣдствіи, на соборѣ 1666 года, въ присутствіи восточныхъ патріарховъ, когда прочтено было изъ грамоты Никона къ Константинопольскому патріарху Діонисію слѣдующее мѣсто: „посыланъ де онъ, Никонъ патріархъ, въ Соловецкій монастырь для мощей Филиппа митрополита, его же мучи царь Иванъ неправедно“,— то царь по этому поводу сдѣлалъ заявленіе: „для чего онъ, Никонъ, такое безчестіе и укоризну блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи написалъ?“ [2]). На этотъ вопросъ царя Никонъ ничего не отвѣтилъ. Очевидно тѣ мѣста молебной грамоты царя къ мощамъ митрополита Филиппа, въ которыхъ говорится, что царь Иванъ Васильевичъ поступалъ съ митрополитомъ Филиппомъ неразсудно, руководствуясь „завистію и несдержанной яростію“, признавались Алексѣемъ Михайловичемъ оскорбительными для его царственнаго прадѣда и, очевидно, написаны были, или редактированы, Никономъ, какъ и тѣ мѣста, гдѣ царь заявляетъ, что онъ преклоняетъ предъ святителемъ свой царскій санъ, повергаетъ къ моленію всю свою царскую власть, только бы его царственный прадѣдъ получилъ за свои согрѣшенія и напрасныя оскорбленія святителя прощеніе отъ него. Тенденція Никона въ этомъ дѣлѣ очевидна: возвысить духовную власть на счетъ свѣтской. Значитъ Никонъ, вступая на патріаршій престолъ, имѣлъ уже въ виду преслѣдовать въ своей патріаршей дѣятельности опредѣленную цѣль: измѣнить существовавшія у насъ ранѣе отношенія между свѣтскою и духовною властію въ смыслѣ возвышенія послѣдней надъ первою.

[1]) Собр. госуд. грам. и догов. т. III, № 147, стр. 471.

[2]) Гиб. II, 1012.

Исходною точкою для выступленія Никона въ качествѣ горячаго и энергичнаго сторонника возвышенія духовной власти въ государствѣ, въ видахъ ея полной самостоятельности и независимости отъ власти свѣтской—государственной, служилъ особый вглядъ, какой Никонъ имѣлъ на царя и патріарха и на ихъ взаимныя отношенія. Этотъ взглядъ Никона изложенъ, во всеобщее свѣдѣніе, въ напечатанномъ, по его благословенію, предисловіи къ служебнику 1655 года, гдѣ заявляется, что Богъ даровалъ Россіи „два великія дара"—царя и патріарха, которыми все строится, какъ въ церкви такъ и въ государствѣ. Въ виду этого всѣ православные русскіе торжественно приглашаются: „должно убо всѣмъ, повсюду обитающимъ, православнымъ народомъ восхвалити же и прославити Бога, яко избра въ начальство и снабдѣніе людемъ своимъ *сію премудрую двоицу*: великаго государя царя Алексѣя Михайловича *и великаго государя* святѣйшаго Никона патріарха, иже... праведно и подобно *преданные имъ грады* украшаютъ, къ симъ судъ праведенъ... храняще, *всѣмъ всюду сущимъ подъ ними* тоже творити повелѣша... Тѣмъ же благословенъ Богъ, въ Троицѣ святѣй славимый, таковыхъ *великихъ государей* въ начальство людей своихъ избравый! Да дастъ же имъ, государемъ, по пророку, желаніе сердецъ ихъ... яко да *подъ единымъ ихъ государскимъ повелѣніемъ* вси, повсюду, православніи народи живуще, утѣшительными пѣсньми славити имутъ воздвигшаго ихъ истиннаго Бога нашего".

Свой общій теоретическій взглядъ на отношеніе между духовною и свѣтскою властію Никонъ излагаетъ въ своемъ двадцать четвертомъ отвѣтѣ на вопросы Стрешнева и отвѣты на нихъ Паисія Лигарида. Никонъ пишетъ: „древніи уставы гречестія повѣдаютъ сице: два меча владычествовати,—иже есть духовный и мірскій, во предстательство людей своихъ,—Господь Христосъ въ церкви утвердилъ; владычества, духовное и мірское, тѣми двѣма мечами содержится. Который изъ нихъ вышній и достойнѣйшій,—едины разумѣютъ тако, еже бы царь вышній былъ, ниже архіерей. Тыя мнѣнія своего тако подкрѣпляютъ: первое, яко царство ни отъ кого онаго исходитъ, токмо отъ Господа Бога; второе, егда бъ архіерей имѣлъ быти вышши, нежели царь, тогда бы и начатки шли отъ него, отъ архіерея, чего не бываетъ", царь—

„мечь во представительство закона, правды, вдовъ и сиротъ, имъ же и судити всякія вещи можетъ, чего архіереови неблагоизволено. Нѣцыи тако утверждаютъ, яко архіерей вышши есть неже царь. Тое убо толкуютъ сице: яко Господь Богъ архіерею великому даде обое владычества: и міра сего и духовнаго. Судится (это видится) въ томъ, яко Господь І. Христосъ святымъ апостоламъ рекъ: аже кого свяжите на земли, будутъ связаны на небеси, и сіе восхотѣ распространити на всѣ тыя намѣстники и глаголаше же: яко архіереови дана есть власть на небеси, яже есть достойнѣйша, нежели (власть) міра. Изъ сего уже извѣстнѣйша: архіерей вышши имать быти надъ симъ (царскою властію), яко архіерей во время меча и суда мірскихъ потребовать можетъ то творити, что царь обыклъ творити, творить законы православными (т. е. архіерей наблюдаетъ, чтобы царь все дѣлалъ по православнымъ законамъ). Еще къ тому сице: еже царя архіерей поставляетъ, и мощенъ его связати по заповѣдямъ Божіимъ. Аще бо священницы, имъ же царіе исповѣдуетъ грѣхи своя и нарицаютъ ихъ отцемъ духовнымъ, могутъ вязати; колми паче архіерей великій, иже надъ священникомъ, царевымъ духовникомъ, власть имѣя, долженъ есть царя вязати, царь убо, при помазаніи на царство, долженъ исповѣдати ся: правду распространити, неправду же сокрушити". Архіерей „для лучшаго исправленія" требуетъ отъ царя дѣйствій согласныхъ съ божественнымъ закономъ, и если царь не послушаетъ въ этомъ архіерея, „архіерею возможно быти противу его запрещати, не яко противу царя, но яко противу изступленнаго (отступившаго) отъ закона". Далѣе Никонъ говоритъ, что Константинъ Великій далъ папѣ Сильвестру всѣ папскія регаліи, власть, Римъ со всею областью въ управленіе, а самъ переселился въ Константинополь. Отсюда произошло, „еже та два меча христіанскаго царства между двѣмы особы раздѣлишася, еже есть—при архіерействѣ мечь духовный, при царѣ же—мечь мірской уставися". На вопросъ кто же изъ нихъ выше? Никонъ говоритъ, что „разное послышаніе людей: пріимемъ первое разумѣніе ученыхъ въ законѣ духовномъ, яже утверждаютъ, яко власть царская имать быти повинна власти архіерейской, ей поручи Господь Богъ ключи царства небеснаго и далъ ей силу на земли вязати и рѣшити; къ сему же: архіерейская власть духов-

ная, царская же міра сего дана есть ему; и вещи власти небесныя, сирѣчь духовныя, преизряднѣйше суть, нежели міра сего или временныя. Сего ради яснѣйше: царь имать быти менѣе архіерея и ему въ повиновеніи, зане и сіе глаголю: яко духовенство есть людіе избранніи и помазани Духомъ святымъ. Аще ли вси христіане архіереемъ послушни быти повинни, кольми паче той, который въ послушаніе архіереомъ иные непокоряющееся мечемъ приводитъ, повиненъ есть послушаніе имѣти". Но, говоритъ затѣмъ Никонъ, оставимъ объ этомъ дальнѣйшія разсужденія „и приступимъ къ сему: какъ бы тое себѣ противное разумѣніе (т. е. два несогласныхъ взгляда) соединити и власть коегождо истинно показати и тако замкненіе противурѣчія будетъ. Господь Богъ всесильный егда небо и землю сотворилъ, тогда два свѣтила—солнце и мѣсяцъ на немъ (небѣ) ходяще, на земли свѣтити повелѣ: солнце намъ показа власть архіерейскую, мѣсяцъ же показа власть царскую, ибо солнце вящи свѣтитъ во дни, яко архіерей душамъ, меньшее же свѣтило—въ нощи еже есть тѣлу; яко же мѣсяцъ емлетъ себѣ свѣтъ отъ солнца и егда далѣ отъ него отступаетъ, тѣмъ совершеннѣйши свѣтъ имать, такожде и царь: поемлетъ посвященіе, помазаніе и вѣнчаніе отъ архіерея, отъ его же абіе воиспріимать уже имать свое совершенное свѣтило, еже есть: истиннѣйшую силу и власть. Таковое есть то разнство между тѣми двумя лицами во всемъ христіанствѣ, яковая есть между солнцемъ и луною, ибо архіерейская власть во дни, еже есть надъ душами, царская же власть въ вещахъ міра сего, и сія власть еже есть: мечь царскій имать готовъ быти на непріятели вѣры православныя; если того архіерейство и все духовенство потребуетъ, еже ихъ обороняти отъ всякія неправды и отъ насилованія, то мірстіи повинны убо духовнымъ: мірстій (требуетъ) для душевнаго избавленія, мірскихъ—духовніи для обороны потребуютъ, и тако нѣсть въ томъ одинъ другаго вышши, но кійждо имать власть отъ Бога... Въ вещахъ духовныхъ, належащихъ всѣхъ, архіерей великій вышши царя, и кійждо человѣкъ православный архіереови послушаніемъ повиненъ, понеже онъ есть отецъ нашъ въ вѣрѣ православной, ему же ввѣрена православная церковь" [1]). Обращаясь къ Паисію Лигариду Никонъ пи-

[1]) Рукоп. нашей академіи № 218, л. л. 225—227 об.

шетъ: „послушай апостола Павла къ Тимофею пишуща: старцу не твори пакости, но утѣшай, яко же отца, юношу—яко брата. Почему апостолъ различное положи старцу и юнымъ? *Патріархъ есть образъ живъ Христовъ и одушевленъ*, дѣлесы и словесы въ себѣ живописуя истину“. Въ другомъ мѣстѣ Никонъ говоритъ: *первый архіерей* (т. е. патріархъ) *во образъ Христовъ*, а митрополиты и архіепископы и епископы во образъ учениковъ и апостоловъ“. Государю Никонъ пишетъ: „молимъ твое благородіе на насъ, богомольцовъ, не послушати клеветы отъ лихихъ человѣкъ *и не прикасатися намъ, помазанникомъ Божіимъ, судомъ и управою чрезъ каноны*“ [1]).

Такимъ образомъ, въ приведенныхъ нами разсужденіяхъ Никона онъ ставитъ патріарха если уже не всецѣло выше царя, то никакъ и не ниже, а по крайней мѣрѣ рядомъ, признаетъ, что только при равно-совмѣстной дѣятельности этихъ двухъ силъ—царя и патріарха и могутъ правильно строиться дѣла какъ церковныя—дѣла вѣры и благочестія, такъ и дѣла государственныя, такъ какъ самыя царства процвѣтаютъ только тогда, когда духовная и свѣтская власть дѣйствуютъ дружно и совмѣстно, не подавляя одна другую. И это понятно. Если власть царская имѣетъ божественное происхожденіе, то тѣмъ болѣе такое происхожденіе имѣетъ власть духовная—патріаршая. Поэтому патріархъ, этотъ, по представленію Никона, живой образъ самого Христа, этотъ истинный помазанникъ Божій, по своему общественному значенію и достоинству не только не уступаетъ царю, но въ нѣкоторомъ отношеніи даже и превосходитъ его, именно: сфера, въ которой дѣйствуетъ патріархъ, по самой своей природѣ, много выше и значимѣе, чѣмъ сфера дѣятельности царя: тамъ духъ, здѣсь тѣло, тамъ средства и мѣры духовныя, святыя, благодатныя, здѣсь—матеріальныя, мірскія, часто грубыя и насильственныя.

Теперь посмотримъ, какимъ путемъ пошелъ Никонъ къ главной, завѣтной цѣли своего патріаршества: сдѣлать въ церковной сферѣ патріаршую власть совершенно независимой отъ власти свѣтской, поставить патріарха рядомъ съ

---

[1]) Ibid. л. 110 об. Гиб. I, 191; II, 516.

царемъ, какъ равную, если только не большую чѣмъ царь величину.

Такъ какъ у насъ и въ церкви и въ государствѣ все зависѣло ранѣе отъ одного государя, его личной воли и усмотрѣнія, то Никону, для достиженія его цѣли, естественно прежде всего, приходилось обратить вниманіе на государя, нужно было прежде всего, если онъ дѣйствительно хотѣлъ достигнуть своей цѣли, подчинить своему вліянію и своей волѣ государя, чтобы потомъ, опираясь на его помощь и содѣйствіе, совершить нужный, задуманный имъ переворотъ. Это удалось сдѣлать Никону очень скоро и успѣшно. Еще очень молодой, въ высшей степени благочестивый, относительно мягкій и по самой своей молодости довѣрчивый и увлекающійся Алексѣй Михаиловичъ вполнѣ подчинился Никону, какъ выдающемуся по своимъ качествамъ и свойствамъ человѣку, способному и могущему все привести въ лучшій и совершеннѣйшій порядокъ. Молодой царь несомнѣнно сильно идеализировалъ въ своемъ юношескомъ представленіи Никона, увлекался имъ и преклонялся предъ нимъ, какъ предъ своимъ идеаломъ. Не замѣчая дѣйствительныхъ неприглядныхъ качествъ Никона, — его гордой, крайне властной и деспотичной натуры, его громаднаго самолюбія и честолюбія, его всегдашней жесткости, нерѣдко переходившей въ жестокость относительно подчиненныхъ ему, думая, что окружающія его—царя неправильно понимаютъ и цѣнятъ Никона, Алексѣй Михаиловичъ всецѣло подчинился Никону, какъ олицетворенію идеала истиннаго архипастыря и выдающагося государственнаго мужа. Никонъ, съ своей стороны, воспользовался указаннымъ особымъ отношеніемъ къ нему государя и немедленно и прежде всего устранилъ его отъ всякаго дѣятельнаго вмѣшательства въ церковныя дѣла. Царь передалъ веденіе ихъ всецѣло въ руки Никона, который теперь и сдѣлался единственнымъ самовластнымъ распорядителемъ и устроителемъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ.

Достигнувъ полной самостоятельности и независимости отъ свѣтской власти въ церковной сферѣ, сдѣлавшись въ ней единственнымъ безконтрольнымъ хозяиномъ, обративъ ея въ свой личный частно-владѣльческій удѣлъ, въ которомъ онъ распоряжался по своей волѣ и усмотрѣнію, при-

чемъ царь только подкрѣплялъ и одобрялъ его распоряженія, Никонъ на этомъ не остановился, а пошелъ далѣе по намѣченному имъ пути,—онъ скоро сталъ рядомъ съ царемъ, сталъ другимъ великимъ государемъ.

Самъ Никонъ на вопросъ: когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ получилъ титулъ великаго государя, въ одномъ случаѣ отвѣчаетъ такъ: „назвалъ (его великимъ государемъ) государь, да на немъ то Господь Богъ и взыщетъ, а гдѣ и когда назвалъ, азъ скажу. Какъ великій государь пришелъ изъ подъ Смоленска въ Вязьму, а мы пришли съ государынею царицею и съ царемъ царевичемъ и съ государынями царевнами въ Вязьму, и онъ, великій государь, со многимъ моленіемъ говорилъ намъ о семъ, чтобы писатись великимъ государемъ, а нашего изволенія на то не было. А что онъ о своемъ изволеніи раскаялся и всѣмъ порицаетъ насъ тѣмъ, яко мы такъ начали писати, Господь Богъ разсудитъ въ день судный по его рукописаннымъ грамотамъ, въ нихъ же есть писано то, и положены на престолъ Божій“ [1]).

Итакъ, по словамъ самого Никона, титулъ великаго государя данъ былъ ему царемъ, а его произволенія на это не было, такъ какъ онъ этого не только не искалъ, но и не желалъ, а если наконецъ и согласился принять титулъ великаго государя, то его принудилъ къ тому „многимъ моленіемъ“ царь, благодарный ему за то, что онъ спасъ царскую семью отъ моровой язвы. Это произошло, по словамъ Никона, 21 октября 1654 года въ городѣ Вязьмѣ, гдѣ находился тогда царь и куда прибылъ Никонъ съ спасенною имъ царскою семьею. Но это показаніе Никона: когда именно, по какому случаю и при какихъ обстоятельствахъ онъ получилъ титулъ великаго государя, во многомъ рѣшительно невѣрно, о чемъ говорятъ дошедшія до насъ несомнѣнныя документальныя данныя.

Уже въ томъ же 1652 году, когда Никонъ поставленъ былъ въ патріархи, нѣкоторые настоятели монастырей титуловали его въ своихъ грамотахъ великимъ государемъ [2]), а съ 1653 года этотъ титулъ усвояютъ ему и архіереи. Такъ, новгородскій митрополитъ Макарій въ своей грамотѣ, въ

---

[1]) Рукоп. нашей акад. № 218, л. 111 об.
[2]) Акт. эксп. IV, 330.

октябрѣ 1653 года, называетъ Никона великимъ государемъ [1]). Сибирскій архіепископъ Симеонъ, въ грамотѣ къ воеводѣ Мусину-Пушкину еще въ мартѣ 1654 года т. е. за полгода до свиданія царя въ Вязьмѣ съ Никономъ уже называетъ его великимъ государемъ [2]). Цѣлый земскій соборъ, бывшій въ октябрѣ 1653 года, въ своихъ оффиціальныхъ актахъ титулуетъ Никона великимъ государемъ [3]). Задолго до 21-го октября 1654 года называетъ Никона великимъ государемъ и самъ царь. Такъ 23 октября 1653 года, по поводу окончательнаго рѣшенія объявить войну польскому королю, царь, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, обращаясь съ рѣчью къ боярамъ, при чемъ присутствовалъ и Никонъ, говорилъ: „мы, великій государь царь... совѣтовавъ съ отцемъ своимъ и богомольцемъ, *великимъ государемъ*, святѣйшимъ Никономъ патріархомъ“ [4]). Великимъ государемъ царь титулуетъ Никона патріарха въ своей грамотѣ отъ 8-го декабря 1653 года и также и во многихъ другихъ еще до 21 октября 1654 года [5]). Но что главное: самъ Никонъ въ своихъ грамотахъ, еще за годъ слишкомъ до 21 октября 1654 года, когда будто бы государь умолилъ его принять нежелательный для него титулъ великаго государя, уже постоянно титулуетъ себя великимъ государемъ. Такъ, 19 августа 1653 года; въ грамотѣ къ архимандриту Иверскаго монастыря Іакову, Никонъ пишетъ: „отъ великаго государя, святѣйшаго Никона патріарха Московскаго и всея Русіи“..., и затѣмъ уже во всѣхъ послѣдующихъ грамотахъ онъ неизмѣнно называетъ себя великимъ государемъ. А такихъ грамотъ къ архимандритамъ Иверскаго монастыря за 1653 годъ и за 1654 годъ до октября мѣсяца, до насъ дошло не одна, двѣ или три, а болѣе двадцати [6]). Даже въ грамотахъ къ царскимъ воеводамъ, еще ранѣе 21 октября 1654 года, Никонъ титуловалъ себя великимъ государемъ. Такъ 9-го іюля 1654 года Никонъ пишетъ: „отъ великаго государя, святѣй-

---

[1]) Акты Иверскаго Святоозерскаго монастыря № 20.

[2]) Собр. госуд. пр. и дог. III. № 169.

[3]) Ibid. № 157.

[4]) Дворц. разр. III, 378.

[5]) Описаніе Воскресенскаго монастыря—Леонида, стр. 611. Акты Иверскаго монастыря, №№ 29, 38, 44, 45, 46, 47, 49, и 51.

[6]) Ак. Ивер. мон. №№ 16—19, 21—28, 30, 32, 34—37, 39—43, 48.

шаго Никона патріарха... на Вологду воеводѣ князю Ивану Тимоѳѣевичу Ухтомскому"... Или: „благословеніе великаго государя святѣйшаго Никона патріарха... въ Путивль воеводѣ и боярину Никитѣ Алексѣевичу Зюзину... Мы, великій государь, святѣйшій патріархъ, указали"... [1]).

Такимъ образомъ Никонъ говоритъ рѣшительно несправедливо, что будто бы титулъ великаго государя данъ ему царемъ 21 октября 1654 года въ Вязьмѣ и вопреки его личному желанію, такъ какъ въ дѣйствительности самъ Никонъ уже съ августа 1653 года въ оффиціальныхъ своихъ грамотахъ титуловалъ себя великимъ государемъ, этотъ титулъ еще въ 1653 году усвояли ему и царь, и архіереи, и бояре, и другія лица. Нельзя здѣсь не замѣтить и того, что Никонъ, за его услугу царской семьѣ, которую онъ спасъ отъ моровой язвы, былъ награжденъ царемъ, какъ это хорошо извѣстно, не титуломъ великаго государя, а пожалованіемъ въ устрояемый Никономъ Иверскій монастырь пригорода Холма въ вотчину съ приписанными къ нему деревнями, крестьянами, пустошами, и со всѣми угодьями, и что эта новая милость царя оказана была Никону въ Вязьмѣ и именно въ благодарность за его услугу царской семьѣ въ моровое повѣтріе, какъ это и обозначено въ самой царской жалованной грамотѣ [2]). Но, въ такомъ случаѣ, когда же, какимъ образомъ, въ силу какихъ обстоятельствъ Никонъ могъ усвоить себѣ титулъ великаго государя, а царь не только этому не воспротивился, но и самъ сталъ титуловать его великимъ государемъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ необходимо обратить вниманіе на нѣкоторыя особыя черты въ дѣятельности Никона, когда онъ былъ еще новоспасскимъ московскимъ архимандритомъ, затѣмъ новгородскимъ митрополитомъ и, наконецъ, московскимъ патріархомъ.

Никонъ, будучи московскимъ новоспасскимъ архимандритомъ, принималъ, съ разрѣшенія государя, челобитныя къ царю и доводилъ ихъ до его свѣдѣнія. Это были жалобы бѣдныхъ и обиженныхъ на всякія неправды, волокиты, хищенія и другія беззаконія сильныхъ міра сего. Никонъ разбиралъ эти жалобы, докладывалъ ихъ царю и, если нахо-

---

[1]) Ак. эксп. IV, № 71. Зап. рус. арх. общ. II, 584.

[2]) Акты Ивер. мон. № 53.

дилъ нужнымъ и справедливымъ, предлагалъ государю отмѣнять разныя состоявшіяся по разнымъ дѣламъ находимыя имъ несправедливыми рѣшенія и замѣнять ихъ другими болѣе справедливыми. Очевидно онъ встрѣчалъ, при такой дѣятельности, массу всякихъ неправдъ, какъ со стороны отдѣльныхъ властныхъ лицъ, такъ и со стороны цѣлыхъ учрежденій и, по возможности, старался исправить и уничтожить производимый ими вредъ, и такимъ образомъ невольно сдѣлался контролеромъ дѣйствій и распоряженій разныхъ правительственныхъ лицъ и учрежденій, невольно сталъ входить во вкусъ вмѣшиваться въ государственно-общественныя дѣла, въ видахъ обличенія и исправленія встрѣчающихся въ нихъ неправдъ и беззаконій. Царю эта роль Никона, какъ заступника предъ нимъ всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ, какъ обличителя неправдъ и беззаконій разныхъ правительственныхъ учрежденій и лицъ, очень нравилась и онъ поощрялъ Никона къ такой дѣятельности, относясь къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Сдѣлавшись новгородскимъ митрополитомъ Никонъ получаетъ отъ царя формальное право наблюдать за правильностію и законностію дѣйствій мѣстныхъ воеводъ и другихъ органовъ суда и управленія и о всемъ доносить государю, благодаря чему онъ становится правомочнымъ властнымъ контролеромъ государственныхъ учрежденій и лицъ въ Новгородѣ. Въ Новгородѣ же Никонъ съ успѣхомъ выступаетъ и какъ выдающійся политическій дѣятель. Въ это время въ Новгородѣ вспыхнулъ мятежъ, ранѣе начавшійся въ Псковѣ. Новгородскій воевода князь Хилковъ совсѣмъ растерялся и бунтовщики составили изъ себя свое правительство. Когда толпа бунтовавшихъ пришла къ Никону, онъ вышелъ къ ней и сталъ уговаривать прекратить бунтъ. „Но они, разсказываетъ самъ Никонъ въ письмѣ къ царю, меня ухватили со всякимъ безчиніемъ, ослопомъ въ грудь ударили и грудь разшибли, по бокамъ били кулаками и камнями, держа ихъ въ рукахъ, и повели было меня въ земскую избу“. Но дорогой Никону удалось уговорить ихъ отпустить его, такъ какъ ему нужно было служить литургію, на что мятежники наконецъ и согласились. Когда мятежъ въ Новгородѣ стихъ, Никонъ всячески старался успокоить взволнованную общину, ходатайствовалъ за нее предъ царемъ и совѣтывалъ ему простить

виновныхъ. „Милостивый государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ! писалъ Никонъ, уподобись милостивому и человѣколюбивому Богу! Какъ будутъ тебѣ о своихъ винахъ бить челомъ, прости; а я, уговоривая ихъ, въ твоей милости ручался, а если бъ не такъ уговаривалъ, то бы всѣ отчаялись за свое плутовство и на большее бы худо вдались. Ко мнѣ всѣмъ городомъ приходили не по одинъ день и прощенія просили, что меня били и безчестили и били на меня челомъ ложно". Царь, съ своей стороны, восторженно восхваляя Никона за его подвигъ, выражалъ желаніе, чтобы Никонъ въ этомъ дѣлѣ, „какъ началъ, такъ бы и совершалъ", причемъ особою грамотою Никону уполномочивалъ его вести дѣло успокоенія новгородцевъ вмѣстѣ съ воеводою, причемъ послѣдній ничего не долженъ былъ дѣлать безъ совѣта съ Никономъ, вслѣдствіе чего всѣ дѣла по поводу возмущенія въ Новородѣ перешли въ руки Никона, какъ полномочнаго министра государя. Присланный на мѣсто Хилкова воеводою — Хованскій во всемъ соглашался съ Никономъ и дѣйствовалъ по его указаніямъ, такъ что когда изъ Москвы стали выражать неудовольствіе на медленность Хованскаго, Никонъ энергично вступился за него и въ письмѣ къ царю прямо заявлялъ: „да я ему (Хованскому) говорилъ, чтобъ тѣмъ дѣломъ промышлять не вскорѣ, съ большимъ разсмотрѣніемъ, что бъ твое дѣло всякое сыскалось впрямь; отъ этого дѣло и шло медленно, а не по боярскому нерадѣнію... Работалъ тебѣ онъ (Хованскій) тихимъ обычаемъ, невдругъ, чтобъ не ожесточились, а что промедлилось, и въ томъ твоему государеву дѣлу порухи нѣтъ".

Умный, тактичный и мужественный образъ дѣйствій митрополита Никона производилъ сильное впечатлѣніе на Алексѣя Михаиловича: онъ увидѣлъ въ Никонѣ не только выдающагося архипастыря церкви, но и мужа государственнаго, человѣка, способнаго найтись въ запутанныхъ политическихъ дѣлахъ, вести ихъ по правильному пути и потому сталъ видѣть и признавать въ Никонѣ выдающагося государственнаго мужа, прислушиваться къ мнѣнію котораго въ государственныхъ дѣлахъ дѣло далеко не лишнее. Въ грамотѣ къ псковскому архіепископу Макарію царь уже прямо ставитъ ему въ образецъ Никона, такъ какъ возмутившіеся

новгородцы „въ познаніе пришли“ благодаря именно радѣнію митрополита Никона и службѣ Хованскаго“. Съ своей стороны и Никонъ уже не ограничивался приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ только въ своемъ городѣ, но посылалъ увѣщевать отъ себя и псковичей, возмущеніе которыхъ продолжалось съ особою силою, причемъ Никонъ настойчиво совѣтывалъ государю милостиво и снисходительно отнестись даже къ главарямъ псковскаго возмущенія. Никонъ писалъ государю: „вели, государь, и тѣмъ четыремъ человѣкамъ (главнымъ дѣятелямъ псковскаго возмущенія), пущимъ ворамъ, вмѣсто смерти животъ дать, чтобъ великому Новгороду и его уѣзду въ конечномъ разореньи не быть. А тѣмъ промысломъ (военною бывшею тогда подъ Псковомъ силою) Пскова невзять: которые люди подъ Псковомъ, и тѣхъ придется потерять, а Новгороду отъ подводъ и ратныхъ людей будетъ запустѣнье“ [1]).

Такъ Никонъ выдвинулся, особенно въ мнѣніи царя, не только какъ незаурядный церковный іерархъ, но и какъ выдающійся государственный дѣятель, способный съ самопожертвованіемъ, энергіею и тактомъ устраивать запутанныя государственныя дѣла. Естественно поэтому было, что Алексѣй Михаиловичъ постарался не только поставить Никона патріархомъ на мѣсто умершаго Іосифа, но и еще тѣснѣе приблизить къ себѣ, какъ своего довѣреннаго и умнаго совѣтчика по всѣмъ дѣламъ государственнымъ. Эта особая близость Никона къ царю, это его видимое всѣмъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ государственныхъ и подало конечно поводъ называть его не только патріархомъ, но и великимъ государемъ, т. е. этимъ титуломъ (ранѣе патріарховъ обыкновенно титуловали: „великій господинъ“) оттѣнить особое его положеніе, занятое имъ въ государственномъ управленіи. Никонъ не останавливалъ тѣхъ, кто желалъ его титуловать великимъ государемъ, почему этотъ титулъ сталъ прилагаться къ нему все чаще и чаще. Государь не только не препятствовалъ этому, но и самъ сталъ называть Никона, какъ и другіе, великимъ государемъ, такъ какъ всячески желалъ почтить и поставить на особую высоту своего обожаемаго „собиннаго друга“. Никонъ принималъ это прекло-

[1]) Соловьева, Ист. Рос. т. X, стр. 176—200.

неніе предъ нимъ какъ должное, справедливое и законное, почему уже чрезъ годъ, по своемъ вступленіи на патріаршую каѳедру, онъ спокойно самъ себя титулуетъ великимъ государемъ.

Значитъ, титулъ великаго государя былъ усвоенъ патріарху Никону не въ силу какаго нибудь формальнаго акта, указа, особаго царскаго распоряженія, а вошелъ въ употребленіе постепенно, самъ собою: сначала нѣкоторыя отдѣльныя лица, желавшія угодить, понравиться всемогущему патріарху, стали въ своихъ обращеніяхъ къ нему называть его не великимъ господиномъ, а великимъ государемъ. Вслѣдъ за ними и всѣ другіе видя, что это очень нравится Никону, стали употреблять тотъ же титулъ, тѣмъ болѣе, что и самымъ высокопоставленнымъ и родовитымъ боярамъ приходилось заискивать предъ всемогущимъ и, въ то же время, очень грознымъ царскимъ любимцемъ. Что касается царя Алексѣя Михаиловича, который сначала не препятствовалъ, а потомъ и самъ сталъ называть Никона великимъ государемъ, то въ этомъ актѣ онъ видѣлъ, вѣроятно, уже не одну только внѣшнюю почесть, а и нѣчто большее и существенное. Онъ нашелъ въ Никонѣ человѣка, который мужественно стоитъ за правду, за законъ, за всѣхъ бѣдныхъ и обиженныхъ, онъ нашелъ въ немъ очень энергичнаго и сообразительнаго дѣятеля по дѣламъ государственнымъ, не исключая и дѣлъ политическихъ, и потому, усвояя ему титулъ великаго государя, тѣмъ самымъ хотѣлъ открыть Никону прямой путь къ воздѣйствію на ходъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ, хотѣлъ, чтобы въ правительственной дѣятельности Никонъ всегда былъ рядомъ съ царемъ, какъ его всегдашній и ближайшій помощникъ и совѣтникъ и, въ извѣстномъ отношеніи, соправитель, мнѣніями и совѣтами котораго онъ всегда особенно дорожилъ. Поэтому вполнѣ было естественно, что когда царь, по случаю войны, надолго оставилъ Москву, онъ вмѣсто себя, правителемъ государства оставилъ, казалось ему, второе его ego—втораго великаго государя, святѣйшаго Никона патріарха.

Никонъ такъ дѣйствительно и понялъ свое положеніе „великаго государя“ и въ отсутствіи царя, продолжавшагося съ небольшими перерывами два года, онъ сталъ дѣйствительнымъ полновластнымъ правителемъ не только церкви, но

и государства: его слово, приказъ, какъ слово и приказъ дѣйствительнаго великаго государя, имѣло для всѣхъ обязательную силу, предъ нимъ, какъ настоящимъ царемъ, преклонялось все. Знатнѣйшіе бояре, представители разныхъ отраслей государственнаго управленія, должны были являться къ нему съ своими докладами, выслушавъ которые, Никонъ клалъ на нихъ свои резолюціи. Въ случаѣ какихъ либо сомнѣній или недоумѣній Никонъ обращался въ разные государственные приказы за справками, которыя обязательно ему посылались и отъ него уже потомъ зависѣло дать дѣлу тотъ или другой ходъ, привести его къ такому или иному рѣшенію. Словомъ все въ государствѣ зависѣло теперь отъ всемогущаго патріарха, отъ его воли и усмотрѣнія. Павелъ Алепскій, описывая свой пріѣздъ въ Сѣвскъ, на пути въ Москву, замѣчаетъ, „что отъ вельможъ—воеводъ и всѣхъ другихъ лицъ они постоянно слышали особыя похвалы своему патріарху, котораго имя не сходитъ у нихъ съ языка, такъ что они, кажется, любятъ его, какъ Христа. Всѣ боятся его и, бывало, постоянно просятъ нашего владыку, чтобъ онъ похвалилъ ихъ предъ патріархомъ, когда съ нимъ свидится, ибо тотъ съ царемъ одно“ [1]). Главный воевода русскихъ войскъ, отправлявшихся на войну съ поляками (въ 1654 году), князь Трубецкой, въ своей отвѣтной прощальной предъ отходомъ въ походъ рѣчи говорилъ обращаясь къ Никону: „если же въ безхитростіи или въ неудомѣніи нашемъ преступленіе учинится, молимъ тебя, пресвѣтлѣйшій владыка, о заступленіи и помощи“ [2]).

Никонъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ войнѣ съ поляками. Несомнѣнно онъ энергично настаивалъ предъ царемъ о принятіи Хмельницкаго въ подданство Россіи и на необходимости энергичныхъ военныхъ дѣйствій противъ поляковъ. Въ „всенародномъ прошеніи царю“ объ избраніи на мѣсто Никона новаго патріарха, говорится: „поостривъ убо тебе архіерей непреподобный (т. е. Никонъ) чрезъ волю Божію ко брани, гнѣвъ отъ Бога привлече на всю Росію, забывъ пророка вопіюща, паче же и моляща Бога на таковыя: разруши, рече, языки, хотящая бранемъ“ [3]). На

---

1) Мурк. вып. II, 122.
2) Соловьевъ, X, 361.
3) Матер. VII, 52.

то же указываетъ и самъ Алексѣй Михаиловичъ, когда, 23 октября 1653 года, въ Успенскомъ соборѣ торжественно заявилъ, что онъ „посовѣтовавшись съ отцомъ, съ великимъ государемъ святѣйшимъ Никономъ патріархомъ“, рѣшилъ идти войною на недруга своего—польскаго короля. Никонъ, вмѣстѣ съ царемъ, отпуская воеводъ на войну, служилъ за нихъ въ Успенскомъ соборѣ особый молебенъ, на которомъ поименно перечислилъ всѣхъ начальниковъ, и въ особой рѣчи воодушевлялъ ихъ на предстоящій имъ ратный подвигъ. Когда отправлявшіеся на войну войска проходили Кремлемъ, Никонъ самъ кропилъ ихъ святою водою и снова въ рѣчи къ воеводамъ воодушевлялъ ихъ къ усердному исполненію ихъ ратнаго долга въ надеждѣ на помощь Господа Бога и пресв. Богородицы. Самъ Хмельницій смотрѣлъ на Никона, какъ на главное лицо, воодушевившее царя на борьбу съ поляками, какъ на своего личнаго сторонника и заступника. Не задолго до своей смерти Хмельницкій, уже сильно больной и не могшій сидѣть, когда пришли къ нему наши послы, всталъ однако съ постели и, поддерживаемый слугами, пилъ за здоровье государя, его семьи и за патріарха Никона—„милостиваго заступника и ходатая“ [1]).

Никонъ не ограничивался однако только нравственнымъ воздѣйстіемъ на царя и окружающихъ его лицъ въ видахъ воодушевить ихъ на борьбу съ поляками, но и принималъ дѣятельное участіе въ самомъ ходѣ военныхъ дѣйствій, всячески стараясь содѣйствовать ихъ успѣху. Такъ, во время приготовленія къ походу Никонъ изъ своихъ патріаршихъ средствъ, какъ онъ выражается въ письмѣ къ царю, „тебѣ, великому государю, 10,000 челомъ ударилъ на подъемъ ратнымъ“ [2]). По распоряженію Никона съ монастырей собирался и отсылался въ армію хлѣбъ, собирали съ монастырей и архіереевъ подводы для арміи, лошадей, и все это Никонъ отсылалъ въ армію при своихъ письмахъ къ государю. Опись посланнаго Никономъ въ армію дошла и до насъ [3]). Кромѣ того Никонъ строилъ боевые топорки, бердыши, длинныя пищали для пѣхоты, посылалъ ратныхъ людей къ Динабургу

---

[1]) Соловьевъ, X, 355—361, 439.

[2]) Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 11.

[3]) Зап. рус. археол. общ. II, 591—593.

и въ другія мѣста. Тщательно наблюдая за ходомъ военныхъ дѣйствій Никонъ посылалъ царю въ дѣйствующую армію свое благословеніе и одобреніе, высказывалъ свое мнѣніе гдѣ и какъ войску нужно дѣйствовать. Такъ, о Василевичѣ и Поклонскомъ (шляхтичахъ), бывшихъ сначала сторонниками подчиненія царю, а потомъ ему измѣнившихъ, пишетъ, „что ихъ проклинать невозможно“. Царь завязалъ переговоры съ литовскимъ гетманомъ Радзивиломъ, перешедшимъ на сторону шведскаго короля, въ видахъ убѣдить его подчиниться царю. По этому случаю Никонъ писалъ царю, „чтобъ Радзивила не призывать, а ево и такъ Богъ предастъ.“ Посылалъ царю благословеніе идти походомъ на Минскъ и Вильну, писалъ царю, чтобъ за нимъ не только была Вильна, но чтобы онъ добывалъ себѣ и Варшаву и Краковъ и всю Польшу; прислалъ ему благословеніе „писатца великимъ княземъ литовскимъ“, писалъ государю, что онъ — Никонъ послалъ въ полкъ къ Петру Потемкину донскихъ казаковъ съ тѣмъ, чтобы они моремъ напали на Стокгольмъ и другія мѣста, въ видахъ заставить шведовъ оставить прибалтійскій край; давалъ царю совѣтъ, „чтобъ Трубецкой воевать началъ поранѣе“. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что Никонъ очень усердно и добросовѣстно исполнялъ, даже въ военномъ отношеніи, свои обязанности великаго государя, что онъ, какъ человѣкъ пылкій и увлекающійся, уже мечталъ о завоеваніи и присоединеніи къ Москвѣ всей Польши, о возможности морскаго похода донскихъ казаковъ на Стокгольмъ и разныя побережныя мѣста Швеціи, о закрѣпленіи за государемъ титула великаго князя литовскаго, сильно заботился о поддержаніи боеваго пыла и увѣренности въ побѣдѣ среди арміи, которой онъ посылалъ не только свои спеціальныя патріаршія благословенія, но нарочно послалъ и животворящій крестъ.

Какъ настоящій великій государь Никовъ даже входилъ лично отъ себя въ сношенія, хотя и по своимъ дѣламъ, съ иностранными владѣтельными особами и представителями иностранныхъ православныхъ церквей, титулуя себя, какъ и царь, въ грамотахъ къ нимъ, великимъ государемъ. Такъ въ грамотѣ къ валахскому воеводѣ Стефану (1-го Дек. 1657 г.) онъ титулуетъ себя: „Никонъ, *Божіею милостію великій господинъ и государь*, архіепископъ царствующаго града

Москвы и всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи и всеа сѣверныя страны и поморіа и многихъ государствъ патріархъ". Также титулуетъ онъ себя и въ грамотахъ къ мутьянскому владѣтелю Константину, къ молдавскому митрополиту Гедеону и къ угро-влохійскому митрополиту Стефану. Въ другой грамотѣ къ молдавскому владѣтелю Стефану, отвѣчая на грамоту къ нему послѣдняго, пишетъ: „и мы *великій государь и архипастырь*, васъ извѣщаемъ, яко великій государь... его царское величество, *и мы великій государь*, не точію васъ, но и не единаго отъ православныхъ суетными надеждами питати необыкохомъ"... Грамоты въ концѣ имѣютъ такую дату: „Данъ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ дому преславныя Царицы—Богородицы, въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1657, мѣсяца декабря дня і-го" [1]).

Такъ Никонъ достигъ самымъ блестящимъ образомъ своей ближайшей цѣли. Онъ сдѣлался не только самостоятельнымъ, независимымъ отъ свѣтской власти церковнымъ правителомъ, но, рядомъ съ царемъ, вторымъ великимъ государемъ, имѣвшимъ прямое вліяніе на весь ходъ дѣлъ государственныхъ, которыя отъ него зависѣли почти столько же, сколько и отъ перваго—дѣйствительнаго государя, такъ какъ послѣдній во всемъ полагался на своего „собиннаго друга", на все смотрѣлъ его глазами, подчинялся его авторитету и водительству. Какъ же Никонъ воспользовался своею необычайною громадною властію, какое употребленіе онъ сдѣлалъ изъ нея въ интересахъ освобожденія церкви отъ подчиненія ея государству, въ интересахъ улучшенія и возвышенія положенія духовенства какъ въ государствѣ такъ и въ обществѣ?

Въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію Никонъ пишетъ, что бояре несправедливо упрекали его въ томъ, что онъ будтобы самъ назвалъ себя великимъ государемъ и вступается во многія государственныя дѣла, почемуде онъ и отвѣчалъ на упреки бояръ слѣдующее: „ниже величанія мы восхотѣхомъ, ниже великимъ государемъ назвахомся собою, *ниже въ царскія дѣла вступахомъ*, токмо аще о правдѣ какой глаголахомъ, или отъ бѣды кого избавихомъ,—

---

[1]) Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 429—438.

и сего ради мы архіереи бываемъ“ [1]), т. е. Никонъ, вопреки правдѣ, увѣряетъ константинопольскаго патріарха, что будто бы все его вмѣшательство въ государственныя дѣла состояло только въ томъ, что онъ о правдѣ какой говорилъ государю, или кого отъ бѣды избавлялъ, но не болѣе. Въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, дѣло стояло совсѣмъ не такъ: Никонъ вступался во всѣ государственныя дѣла, стремился руководить ими и дѣйствовалъ въ нихъ какъ настоящій великій государь. Въ какомъ духѣ и направленіи Никонъ проявлялъ свое государствованіе въ дѣлахъ государственныхъ, и какъ на это смотрѣли современные ему государственные дѣятели, это видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ словъ донесенія государю бояръ Одоевскаго и Стрешнева и дьяка Алмаза Иванова, посланныхъ государемъ къ Никону въ Воскресенскій монастырь въ іюлѣ 1663 года по дѣлу Бабарыкина: „неправды всякія учалъ чинить онъ, Никонъ, будучи на патріаршествѣ, преобидя Божіи законы: учалъ вступаться въ ваши государевы во всякія царственныя дѣла и въ градскіе суды, и учалъ писаться великимъ государемъ, и памяти указныя въ приказы отъ себя посылалъ и дѣла всякія, безъ вашего великаго государя указа, изъ приказовъ ималъ, и учалъ многимъ людямъ чинить обиды: вотчины отнимать, и людей и крестьянъ бѣглыхъ принимать и всякія обиды чинить, и тебѣ, великому государю, о тѣхъ его обидахъ многое челобитье. И то онъ дѣлалъ не архіерейски, противно преданія святыхъ отецъ“ [2]).

Какъ великій государь святѣйшій патріархъ Никонъ держалъ себя по отношенію къ самымъ знатнымъ и родовитымъ боярамъ, стоявшимъ во главѣ разныхъ правительственныхъ учрежденій, это мы хорошо знаемъ изъ словъ современника-очевидца правительственной государственной дѣятельности Никона. Діаконъ Павелъ Алепскій, какъ очевидецъ, разсказываетъ слѣдующее: „бояре прежде входили къ патріарху безъ доклада привратниковъ; онъ выходилъ имъ навстрѣчу и при уходѣ шелъ ихъ провожать. Теперь же, какъ мы видѣли собственными глазами, министры царя и его приближенные сидятъ долгое время у наружныхъ дверей, пока

---

1) Зап. рус. археол. общ. II, 516.

2) Собр. госуд. гр. и дог. IV, №№ 34 и 35, стр. 129.

Никонъ не дозволитъ имъ войти; они входятъ съ чрезвычайною робостію и страхомъ, причемъ, до самаго окончанія своего дѣла, стоятъ на ногахъ, а когда затѣмъ уходятъ, Никонъ продолжаетъ сидѣть“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Павелъ Алепскій говоритъ: „предъ своимъ отъѣздомъ (на войну) царь поставилъ на мѣсто себя полномочнаго намѣстника и нѣсколькихъ министровъ. Изъ нихъ на каждаго возложено одно дѣло; высшее же рѣшеніе принадлежитъ намѣстнику. Наблюдателемъ надъ всѣми онъ поставилъ патріарха: ни одно дѣло, важное или незначительное, не дѣлается иначе, какъ съ его совѣта и по докладѣ ему министрами каждое утро. Обыкновенно ежедневно, рано по утру, министры являлись въ приказъ... Всѣ министры, собравшись въ диванѣ, (оставались тамъ), пока не прозвонитъ колоколъ патріарха: обыкновенно дверь у патріарха всегда бываетъ заперта, отъ одной службы до другой, и охраняется привратниками, пока не прозвонитъ колоколъ; тогда патріархъ выходитъ во внѣшій диванъ. Бояре стояли у его дверей на сильномъ холодѣ, пока патріархъ не приказывалъ ихъ впустить. Такъ мы видали ихъ своими глазами, ибо нашъ владыка патріархъ, во все время отсутствія царя, ежедневно отправлялся къ патріарху Никону узнавать отъ него о здоровьи царя и какія получены извѣстія. Когда позволеніе было испрошено и нашъ владыка входилъ къ нему... они садились для бесѣды, и толмачъ переводилъ ихъ рѣчи, пока не кончатъ. А бояре въ это время сидѣли наружѣ, пока патріархъ не позволитъ имъ войти. При входѣ ихъ, онъ оборачивался къ иконамъ, читалъ про себя *Достойно есть*, при чемъ всѣ они дѣлали земной поклонъ и оставались съ непокрытою головой до самаго ухода. Каждый изъ нихъ, приблизившись, кланялся ему до земли, подходилъ подъ благословеніе и, въ заключеніе, вторично дѣлалъ земной поклонъ. Такъ подходили всѣ подъ благословеніе, даже ихъ маленькія дѣти поступали точно также. Патріархъ разговаривалъ съ ними стоя, при чемъ они докладывали ему всѣ текущія дѣла, на кои онъ давалъ отвѣтъ, приказывая имъ, что должно дѣлать. Какъ намъ случалось видать, государственные вельможи вообще не чувствуютъ особеннаго страха предъ царемъ и не боятся его, а навѣрно патріарха больше боятся. Предшественники патріарха Никона никогда не

занимались государственными дѣлами, но этотъ патріархъ, благодаря своему проницательному, острому уму и знаніямъ, искусенъ во всѣхъ отрасляхъ дѣлъ духовныхъ, государственныхъ и мірскихъ, такъ какъ онъ былъ женатъ и на опытѣ ознакомился съ мірскими дѣлами. По окончаніи пріема, патріархъ опять оборачивался къ иконамъ, пѣлъ вторично *Достойно есть*, и, обернувшись, благословлялъ бояръ и отпускалъ ихъ" [1]. Понятно, что гордые своею породою и чванливые московскіе бояре кровно оскорблялись властнымъ, надмѣннымъ обращеніемъ съ ними Никона, но до поры до времени принуждены были скрывать свои истинныя чувства къ нему, даже принуждены были всячески заискивать, добиваться милости и вниманія со стороны сына мужика, такъ какъ расположеніе или нерасположеніе Никона тогда значило для нихъ слишкомъ много.

Крайне высокое и преувеличенное представленіе о себѣ, какъ настоящемъ, дѣйствительномъ великомъ государѣ Никонъ проявилъ не только властнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла государственныя, въ высокомѣрномъ отношеніи къ тогдашнему родовитому правящему боярству, но, какъ замѣчали современники-очевидцы, и къ самому царю Алексѣю Михаиловичу, котораго патріархъ Никонъ сталъ замѣтно затѣнять собою и даже, будто бы, иногда дозволялъ себѣ прямо неуважительные и пренебрежительные отзывы о царѣ. Въ росписи спорныхъ рѣчей Іоанна Неронова съ патріархомъ Никономъ, поданной государю и, вѣроятно, для него написанной, приводятся такія рѣчи Неронова: „было и о благочестивомъ царѣ у патріарха слово: мнѣ-де и царская помощь негодна и не надобна, да таки-де на нее и плюю и сморкаю". Въ посланіи къ царю отъ 27 февраля 1654 года изъ Спасо-каменнаго монастыря Нероновъ пишетъ: „слышахъ, о благочестивый царю, и твое величество отъ него, владыки (Никона), охуждаемо, и испоругаемо, и ни во чтоже поставляемо". Во время примиренія съ Никономъ Нероновъ въ глаза говорилъ ему: „дивлюся,—государевы царевы власти уже не слышать; отъ тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники паче царевыхъ, всѣмъ страшны, и никтоже смѣетъ съ ними глаголати что, аще силою тѣ озлобляеми тѣми. Затвержено

---

[1]) Мурк. вып. III, стр. 47, 158—159.

у нихъ: знаете ли патріарха!“ И государю Нероновъ прямо говорилъ, при встрѣчѣ съ нимъ: „доколѣ, государь, тебѣ терпѣть такову Божію врагу? Смутилъ всю русскую землю и твою царскую честь попралъ, и уже твоей власти на слышать,—отъ него, врага, всѣмъ страхъ“. Дьяконъ Ѳедоръ въ челобитной государю пишетъ: „а о томъ, государь, что у Никона патріарха слышалъ азъ поносныя слова на тебя, царя,—о томъ скажу, ково ты, государь, зная, пришлешь, или самъ спросишь“ [1]). Грекъ архіепископъ, проживавшій въ Москвѣ, отражая, конечно, тогдашнія ходячія московскія воззрѣнія на Никона, пишетъ государю: „отъ гордости является, державнѣйшій царю, яко побѣждашася зѣло и господинъ Никонъ, и просяше грамоты отъ царствія твоего пребеззаконныя на возвышеніе нелѣпое свое... Не устраши его страхъ Соломона, глаголюща: не гордися предъ царемъ... Не слуша Златоуста глаголюща: иже не слушаетъ царя, Богу борется. И еще тому глаголющу: ничтоже бо еще прогнѣваетъ Бога, якоже еже паче чести почитатися, но ослѣпи его гордость, возлюби бо паче славу человѣческую, нежели славу Божію, вся бо дѣла творяше воеже видѣтися отъ человѣковъ. Любяше бо первосѣданіе въ вечерахъ и первовозлеганіе и зватися отъ человѣкъ равви“. Паисій Лигаридъ, въ своемъ посланіи къ Никону отъ 21 іюля 1662 г. пишетъ, что царь показывалъ предъ нимъ, Никономъ, столько смиренія, почтенія и благоговѣнія, „что многащи отъ синклита свѣтлѣйшимъ начальникомъ блазнитися, толикимъ нижайшимъ смиреніемъ отъ церковнаго достоинства“ [2]).

Такимъ образомъ Никонъ въ своей дѣятельности стремился быть настоящимъ великимъ государемъ, и нѣкоторое время дѣйствительно былъ имъ, самостоятельно управляя государствомъ въ теченіе двухъ лѣтъ, когда царь былъ на войнѣ съ поляками. Но государствованіе Никона было такого характера, что онъ вызвалъ къ себѣ величайшее раздраженіе и ненависть среди тогдашняго высшаго правящаго боярскаго класса, кровно обиженнаго гордымъ, высокомѣрнымъ отношеніемъ къ нему духовнаго великаго государя—патріарха. Съ теченіемъ времени характеръ государствованія

---

[1]) Матер. I, 44, 60, 158. VI, 44.

[2]) Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 82—83. Гиб. I, 239.

Никона вызвалъ полное разочарованіе въ своемъ „собинномъ другѣ“ и у самаго государя, который въ концѣ увидѣлъ и убѣдился, что Никонъ въ дѣйствительности вовсе не таковъ, какимъ онъ представлялъ его себѣ ранѣе, что онъ, царь, сдѣлалъ большую, серьезную ошибку, признавъ патріарха Никона великимъ государемъ, что это ведетъ только къ разнымъ неудовольствіямъ и даже смутамъ, къ умаленію престижа самой царской власти, не принося въ то же время никакой дѣйствительной пользы государству и обществу. Въ виду этого государь велѣлъ сказать Никону, чтобы онъ больше не назывался великимъ государемъ и что впредь такимъ онъ больше почитать его не будетъ. Значитъ, государствованіе Никона не только не привело въ концѣ къ возвышенію духовной власти надъ свѣтскою—государственною, а какъ разъ наоборотъ: оно всюду въ государственной сферѣ возбудило и укрѣпило сознаніе, что существованіе у насъ рядомъ двухъ великихъ государей—свѣтскаго и духовнаго, для правильнаго, здороваго государственнаго и общественнаго развитія, дѣло рѣшительно вредное и потому вовсе нежелательное, что въ интересахъ государства и общества всегда слѣдуетъ имѣть только единаго свѣтскаго великаго государя, а патріарха имѣть только какъ вполнѣ подчиненное и во всемъ рѣшительно отъ царя зависимое лицо, какъ это и было ранѣе до патріаршества Никона.

Если Никонъ, какъ великій государь, затѣнялъ собою самого царя, если онъ съ самыми родовитыми и высокопоставленными московскими боярами держалъ себя очень властно и высокомѣрно, требовалъ отъ нихъ послушанія себѣ, подчиненія и почтенія, заставлялъ ихъ часами дожидаться на крыльцѣ у себя, не дозволялъ имъ садиться при себѣ, и какъ должное принималъ ихъ земные поклоны предъ нимъ, чѣмъ онъ крайне вооружилъ ихъ противъ себя, создалъ изъ нихъ себѣ непримиримыхъ враговъ; то, можетъ быть, онъ совсѣмъ иначе относился къ своимъ собратьямъ архіереямъ и всему духовенству, старался сблизить и объединить ихъ съ собою, старался поднять и возвысить ихъ самосознаніе, какъ представителей церкви, возвысить ихъ въ мнѣніи общества и государства, сдѣлать ихъ болѣе просвѣщенными и образованными и потому болѣе сильными, вліятельными и авторитетными въ обществѣ, чтобы самому

себѣ и своимъ идеямъ и планамъ найти въ нихъ надежную опору и поддержку противъ натиска и притязаній свѣтской власти? Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было, Никонъ поступалъ какъ разъ наоборотъ.

Сдѣлавшись великимъ государемъ, Никонъ крайне гордо и даже презрительно относился къ своимъ сослужителямъ и братьямъ архіереямъ, обидно и больно давая постоянно чувствовать имъ свою великую власть надъ ними и ихъ полную зависимость отъ него. Вятскій епископъ Александръ писалъ, что Никонъ, при своемъ поставленіи на патріаршество, далъ обѣщаніе: „братіи своей о св. Духѣ и сослужебникамъ всѣмъ: преосвященнымъ митрополитамъ, архіепископомъ и епископомъ патріаршества его—россійскаго царствія, любовь духовную имѣти, и яко братію тѣхъ почитати, и сице любити, яко же владыка нашъ Господь Христосъ возлюби своя ученики и апостолы... И по толицѣ обѣщаніи странно за рабы святительскій чинъ вмѣни и толико ругаяся, яко сошедшимся архіереомъ къ сѣннымъ дверемъ крестовыя палаты, на переднемъ крыльцѣ часа два или три сидѣти, и не единому даде слово рещи предъ собою, ниже молбы тѣхъ выслушавъ о исправленіи церковныхъ вещей, но странно поработи тѣхъ, и лютѣ нападалъ на братію свою, и страдати многихъ устрои и умиленнѣ плакати“ [1]. Стрешневъ, въ своихъ вопросахъ Паисію Лигариду, говоритъ: „Никонъ никогда не изволилъ называть архіереевъ братіею своею, но почиталъ ихъ вельми нижайшихъ для того, что отъ него были освященныя“. [2]) Даже болѣе. Никонъ дозволялъ себѣ по отношенію къ архіереямъ грубыя и прямо оскорбительныя выходки. Антіохійскій патріархъ Макарій на соборѣ 1666 года, какъ самовидѣцъ, показывалъ: „да онъде, Никонъ патріархъ, въ соборной церкви въ алтарѣ, во время литоргіи, съ нѣкоего архіерея снялъ шапку (митру) и бранилъ всячески за то, что кадило держалъ за кольца, а не за цѣпи“. Павелъ Алепскій разсказываетъ, что когда въ Москву прибылъ и представился Никону сербскій пекскій патріархъ Гавріилъ, то Никонъ *„сильно бранилъ его* (Гав-

---

[1]) Рукопись москов. Румянцевскаго музея, по описанію Востокова № 376. л. 245.

[2]) Матер. VII, 165.

ріила) и запретилъ ему даже произносить своими устами слово патріархъ (т. е. запретилъ ему называться въ Москвѣ патріархомъ). Сербскій архіепископъ видя, что патріархъ Никонъ распоряжается имъ *и кричитъ на него, какъ на одного изъ своихъ архіереевъ*, поспѣшилъ поскорѣе выѣхать изъ Россіи, хотя и пріѣхалъ въ нее въ видахъ остаться у русскихъ навсегда. Этого сербскаго патріарха, или, какъ Никонъ приказалъ титуловать его, архіепископа, въ селѣ Пушкинѣ побили крестьяне, принадлежавшіе патріарху, но Никонъ не далъ по этому дѣлу управы [1]).

Причина, почему Никонъ такъ пренебрежительно относился къ своимъ собратіямъ о св. Духѣ и сослужителямъ—архіереямъ, почему онъ не хотѣлъ ихъ признавать равными себѣ, заключалась прежде всего въ томъ, что Никонъ не признавалъ одинаковости и равенства архіерейскаго сана по самому его существу. По его словамъ: „патріархъ Христовъ образъ носитъ на себѣ, градстіи же епископи—по образу суть 12 апостолъ, сельстіи же по—70 апостолъ". Или, по его заявленію, „первый архіерей (т. е. патріархъ) во образъ Христовъ, а митрополиты, архіепископы и епископы во образъ учениковъ и апостоловъ". Но если, по другому выраженію Никона, „патріархъ есть образъ живъ Христовъ и одушевленъ", а другіе епископы образъ учениковъ Христа, то понятно, что какъ нѣтъ никакого равенства между Христомъ и его учениками, такъ не можетъ быть равенства между патріархомъ и другими епископами. Другое основаніе, почему Никонъ, рѣзко и рѣшительно выдѣлялъ себя, какъ нѣчто несравненно высшее, изъ ряда другихъ архіереевъ, заключается, по заявленію Никона, въ томъ, что большинство тогдашнихъ русскихъ епископовъ были его ставленниками и, какъ такіе, обязаны были всячески почитать его и оказывать ему безусловное послушаніе. Никонъ говорилъ, „что тогдашніе русскіе архіереи его поставленники многіе и имъ де его, патріарха, почитать доведется, и о почитаніи-де и всякомъ послушаніи и каковымъ имъ во святительствѣ быть,—давали ему на себя письма за своими руками". Онъ заявляетъ, что архіереи при поставленіи давали ему торжественное обѣщаніе: „аще что сотворитъ безъ нашего патрі-

---

[1]) Гиб. II, 1070—1071, 1076. Мурк. III, 24; IV, 156.

аршаго вѣдома, да будетъ лишенъ, безъ всякаго слова, всего священнаго сана". Значитъ, и по этой причинѣ признавать Никону другихъ архіереевъ братьями и равными себѣ—не приходилось,—онъ былъ не равенъ имъ, но „превысокій сравнительно съ ними, „отецъ отцовъ", „крайній святитель", какъ онъ самъ величаетъ себя, а всѣ другіе архіереи—только его подчиненные, которыхъ онъ въ любой моментъ властенъ лишить самаго сана „безъ всякаго слова" [1]). Но едва-ли не главною причиною, почему Никонъ такъ надменно и пренебрежительно относился къ русскимъ архіереямъ, было то характерное обстоятельство, что Никонъ имѣлъ о тогдашнихъ нашихъ іерархахъ самое невысокое представленіе, какъ относительно ихъ нравственныхъ качествъ и всего поведенія, такъ и относительно уровня ихъ умственнаго развитія и знаній и, особенно ихъ, отношеній къ свѣтской власти. Такъ Никонъ отзывался о псковскомъ архіепископѣ, что онъ „и старъ да глупъ", о новгородскомъ митрополитѣ, мѣстоблюстителѣ патріаршаго престола, говорилъ: „Питеримъ-де митрополитъ и того не знаетъ, по чему онъ человѣкъ". Въ письмѣ къ боярину Зюзину Никонъ выражается о тогдашнихъ архіереяхъ вообще: „не невѣсть твое благородіе, яко архіереи всѣ наше рукоположеніе, но не мнози по благословенію нашему служатъ Господеви, а иже не благословенъ, ничто-жъ разнствуетъ со отлученнымъ". Про судившихъ его на соборѣ 1660 года русскихъ архіереевъ Никонъ говоритъ, что за такое беззаконіе ихъ необходимо постигнетъ гнѣвъ Божій, да многихъ уже постигъ, „овій виномъ сгорѣлъ, инъ удавился, овъ инако, злопострадавъ, умре, якоже вси знаютъ о семъ". Въ іюлѣ 1663 года Никонъ говорилъ посланнымъ къ нему въ Воскресенскій монастырь, боярину Одоевскому и астраханскому архіепископу Іосифу: „а нынѣшніе архіереи, чтобъ имъ архіерейства не отбыть, поборають по неправдѣ... Нынѣшніе архіереи не хотятъ пострадать за истину, что бъ славы и чести архіерейства не отбыти". Въ другомъ случаѣ Никонъ заявляетъ: „нынѣ архіереи, оставя свое достояніе священническое, кланяются царемъ и князем, аки преобладающимъ, и о всемъ

---

1) Рукопись нашей академіи № 218, л. 163 об. 211 об. Гиб. I, 171—172, 191. 225.

спрашиваютъ и чести ищутъ". И это понятно. Царь велитъ избирать и поставлять въ архіереи только тѣхъ, „его жъ любитъ", почему всѣ такіе архіереи „не избрани отъ Бога и недостойны", они, по писанному: „оставя свѣтъ, возлюбили тьму, оставя правый путь, ходятъ во стезяхъ погибели, осуетишася въ помышленіяхъ своихъ". Въ письмѣ къ самому царю въ декабрѣ 1662 года, Никонъ говоритъ, что если требованія каноническихъ правилъ будутъ приложены къ русскимъ архіереямъ, „то мню, яко не единъ архіерей, или прествитеръ, останется достоинъ", но всѣ они „сами ся постыдятъ и осудятъ отъ святыхъ правилъ, зряще ихъ (правила)" [1]).

Если Никонъ, по словамъ вятскаго епископа Александра „святительскій санъ за рабы вмѣни" если онъ позволялъ себѣ и архіереевъ всячески ругать и кричать на нихъ; то уже по одному этому можно представить, какъ онъ относился къ низшему духовенству, которое тогда было относительно архіерея тяглымъ, податнымъ сословіемъ, обложеннымъ въ пользу архіерея и его многочисленныхъ свѣтскихъ чиновниковъ всевозможными податями и налогами, которые къ тому же архіереи предписывали собирать съ духовенства безъ всякія пощады. Священникъ былъ тогда предъ архіереемъ буквально во всѣхъ отношеніяхъ безправный и беззащитный человѣкъ: архіерей могъ дѣлать съ нимъ все, могъ всегда такъ или иначе распорядится имъ, не давая никому отчета за такія или иныя свои отношенія къ епархіальному духовенству. И не только самъ архіерей, но и его свѣтскіе чиновники дѣлали съ духовенствомъ все, что имъ угодно, такъ какъ бѣдному, забитому рядовому духовенству не у кого и негдѣ было найти на нихъ управы,—сами архіереи стояли на сторонѣ своихъ чиновниковъ. Особенно на бѣлое духовенство архіереи, какъ монахи, смотрѣли всегда съ извѣстнымъ пренебреженіемъ, какъ на людей плоти и міра, трактовали всегда его какъ что-то по самому существу, по самой своей природѣ, низшее, грубое и житейски-матеріальное по сравненію съ отрекшимися отъ всего житейскаго, мірскаго и матеріальнаго иноками, архіереи-иноки

---

[1]) Гиб. II, 494, 615. I, 254. Рукоп. нашей акад. № 218, л. 184 об. и л. 186 и об.

только терпѣли, только снисходили къ этому плотскому, мірскому духовенству ради плотскихъ, мірскихъ людей. Но Никонъ и въ этомъ отношеніи превзошелъ всѣхъ. Для него священникъ, какъ правомочный пастырь церкви, имѣющій и право и назначеніе чрезъ совершаемыя имъ таинства вести свою паству ко спасенію, есть что-то аномальное и самочинное. Никонъ по этому поводу разсуждаетъ, что слова Господа: *елика аще свяжете на земли, будетъ связано на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшена на небеси*, относятся только къ апостоламъ и ихъ преемникамъ-архіереямъ и ни къ кому болѣе,—никакъ не къ священникамъ. „Архіереомъ дадеся такая власть отъ Господа, говоритъ Никонъ, еже вязати и разрѣшати грѣхи, а не просто священникамъ, *яко же послѣдованіе въ молитвословіи показуетъ*. Но обаче, *аще и отъ обычая такое самочиніе привниде*, терпятъ царіе и князи священническое запрещеніе и разрѣшеніе, *правду мнятъ быти*, кольми паче подобаетъ архіереовъ слушати, а не судить. О нихъ же (архіереяхъ, а не-священникахъ) Господь рече: слушаяй васъ, Мене слушаетъ и т. д.“ Значитъ, всѣ пастырскія полномочія, какія Христосъ давалъ своимъ ученикамъ, Никонъ пріурочиваетъ только къ однимъ архіереямъ, а если послѣ пастырскія права и полномочія стали пріурочивать и къ священникамъ, то это явленіе въ дѣйствительности есть незаконное, есть только проявленіе самочинія. Или, напримѣръ, Никонъ, по поводу приводимаго противъ него правила: „аще кто досадитъ цареви, или князю безъ правды, аще есть причетникъ, да извержется, аще мірской человѣкъ, да отлучится“, заявляетъ: „здѣ реченіе св. апостолъ: аще кто досадитъ безъ правды, аще есть причетникъ, да извержется,—причетникъ, а не архіерей: ина бо слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ, рече апостолъ“, Значитъ, по мнѣнію Никона, священника, досаждающаго царю безъ правды, извергнуть можно, а архіерея никакъ нельзя, и это потому, что архіерей и священникъ есть двѣ несоизмѣримыя величины, которыя никакъ нельзя сопоставлять между собою [1]).

Но если между простымъ архіереемъ и священникомъ существуетъ такая громадная разница, что сопоставленіе

---

[1]) Акад. рук. № 218, л. 264. об.

ихъ между собою, какъ однородныхъ въ извѣстномъ отношеніи силъ, рѣшительно неправильно и незаконно; то между патріархомъ и обыкновеннымъ клиромъ конечно существуетъ уже неизмѣримое растояніе: это два церковныхъ полюса, не имѣющихъ непосредственныхъ точекъ соприкосновенія, изъ которыхъ одинъ весь постоянно внизу, а другой неизмѣнно вверху. Дѣйствительно священники, съ прочими членами клира, были, въ глазахъ патріарха Никона, такою ничтожною величиною, что онъ, стоявшій и въ церкви и въ государствѣ такъ необычно высоко, вовсе и не думалъ сколько нибудь заботиться и пещись о нихъ, а тѣмъ болѣе входить въ ихъ нужды, потребности, интересоваться ихъ положеніемъ среди паствы и т. под. Вятскій епископъ Александръ въ челобитной царю пишетъ: „проходилъ ли Никонъ своея паствы грады, бывъ въ митрополитахъ въ Новѣ-градѣ, тако же и въ патріархахъ—своея области градовъ, уча ко благочестію? всяко не проходилъ, точію благочестивыя священно-архимандриты и игумены, и протопопы и попы гонилъ, а послѣдующихъ воли его, міра сего мудрованіе имущихъ, любилъ, но и тѣмъ пакости многи творилъ“ [1]). Значитъ, по свидѣтельству вятскаго епископа Александра, Никонъ былъ очень небрежный и нерадивый, а въ то же время очень суровый, пристрастный и несправедливый епархіальный архіерей, при которомъ всему епархіальному духовенству жилось очень плохо, такъ какъ всѣ испытывали только его тяжелый гнетъ и несправедливости.

Никонъ постоянно настаивалъ на томъ, что мірскіе люди не могутъ судить духовныхъ лицъ въ Монастырскомъ приказѣ, основанномъ при Алексѣѣ Михаиловичѣ, за что Никонъ, по оставленіи патріаршей каѳедры, жестоко укорялъ и обличалъ царя. По этому поводу Паисій Лигаридъ, въ своихъ отвѣтахъ на вопросы Стрешнева, ставитъ Никону такой вопросъ: „учинилъ ли коли нибудь таковъ судъ Никонъ, сидѣлъ ли коли нибудь на своемъ судебномъ мѣстѣ, что бъ слушалъ жалобы и зависти чьей нибудь?“ И отвѣчаетъ на поставленный вопросъ: „николи! только онъ держалъ мірскихъ, которые судили въ его приказѣ, и челобитныя раздавалъ людемъ своего двора, и они нѣкогда прямое,

[1]) Матер. VII, 145.

кривымъ чинили, а кривое—прямымъ. Такъ ли дѣлаютъ судіи? такъ ли патріархи относятся къ сынамъ своимъ, которые (т. е. патріархи) суть отцы отцемъ?“ На поставленный вопросъ, Никонъ такъ отвѣчаетъ Паисію Лигариду: „а еже глаголишь, яко азъ николи же сидѣлъ на своемъ судебномъ мѣстѣ что бъ слушалъ жалобы и зависти чьей нибудь, только онъ держалъ мірскихъ, которые судили въ его приказахъ и челобитныя раздавалъ людемъ своего двора,—*и сіе не безъ правды*, еже мірскимъ людямъ—судіямъ быть подъ повелѣніемъ патріаршимъ. Сіе и у всѣхъ обрѣтается митрополитовъ и епископовъ въ Россіи, *обаче же патріаршескій урядъ по закону мірскихъ людей имѣть*, якоже и карѳагенскаго собора показуетъ правило 76-е: да не стужаютъ епископу, да будутъ мѣстницы“. А подъ мѣстницами разумѣются мірскія лица, съ согласія царей поставляемыя при епископахъ. „Мѣстницы же, говоритъ Никонъ, казнители суть церковніи, да противятся насилію и мучительству богатыхъ и отлицаютъ убогія отъ насилія ихъ. А епископы того ради не стужаемы бываютъ“ [1]).

Такъ Никонъ, отрицая право судить духовныхъ лицъ въ Монастырскомъ приказѣ, потому что тамъ судятъ мірскія лица, съ удивительной непослѣдовательностію самъ судъ надъ всѣмъ духовенствомъ патріаршей области передалъ въ руки своихъ мірскихъ служилыхъ людей, принадлежавшихъ къ патріаршему дому, такъ самъ онъ, по его собственному сознанію, дѣйствительно никогда не сидѣлъ на своемъ судебномъ мѣстѣ, уступивъ его своимъ свѣтскимъ чиновникамъ. Такой порядокъ—судить патріарху подчиненное ему духовенство чрезъ мірскихъ лицъ, Никонъ находилъ не только правильнымъ, оправдываемымъ установившимся въ русской архіерейской практикѣ обычаемъ, но даже согласнымъ съ соборными каноническими постановленіями, хотя въ это время царю уже подано было „Моленіе всего освященнаго собора, чтобъ патріаршимъ приказнымъ освященнаго чину не судить“ [2]), а чрезъ три—четыре года послѣ этого соборомъ 1667 года постановлено было, чтобы

---

[1]) Зап. рус. археол. общ. II, 456—459. Рукоп. нашей акад № 218, л. 459 об. 461.

[2]) Матер. I, 332.

архіерейскіе свѣтскіе чиновники совершенно устранены были отъ всякаго участія въ дѣлахъ епархіальнаго управленія и суда, такъ какъ это явленіе антиканонично,—судъ и управленіе епархіальными дѣлами могутъ совершаться только при участіи духовныхъ лицъ.—Понятно, что Никонъ въ дѣйствительности возставалъ противъ Монастырскаго приказа не потому собственно, что въ немъ судили мірскіе судьи, а единственно потому, что Монастырскій приказъ былъ строго государственнымъ учрежденіемъ, отъ патріарха ни въ чемъ независимымъ, а значитъ, по убѣжденію Никона, и не имѣвшимъ права судить духовныхъ лицъ, повинныхъ суду только патріарха и архіерея, хотя бы послѣдніе и судили духовенство чрезъ мірскихъ только лицъ.

Въ какомъ ужасномъ, невозможномъ положеніи находилось при Никонѣ управленіе громадной патріаршей областію, что въ ней творили его довѣренные свѣтскіе чиновники, которые вѣдали всѣмъ епархіальнымъ управленіемъ и судомъ, что приходилось отъ нихъ терпѣть и выносить особенно бѣдному сельскому забитому и беззащитному духовенству, это прекрасно видно изъ челобитной, написанной для государя, въ которой яркими чертами изображаются порядки, царившіе при Никонѣ въ патріархіи.

Челобитчики пишутъ государю: „Никонъ прежнія пошлины съ духовенства за рукоположеніе брать не велѣлъ, только новый порядокъ установилъ: ставленникамъ велѣлъ привозить отписки отъ десятильниковъ и отъ поповскихъ старостъ, гдѣ кто въ какой десятинѣ живетъ; за такою отпискою пройдетъ недѣли по двѣ и по четыре, да харчу станетъ рубль и два; пріѣдетъ съ отпискою къ Москвѣ и живетъ здѣсь недѣль по 15 и по 30, и становится поповство рублей по пяти и по шести, кромѣ своего харчу, даютъ посулы архидіакону и дьякамъ; иные волочатся въ Москвѣ недѣль 10 и больше, да отошлетъ ставиться въ Казань. Иные ставленники пропадаютъ и безвѣстно животъ свой мучатъ въ Москвѣ, къ слушанью ходятъ, да насилу недѣли въ двѣ дождутся слушанья, ждутъ часу до пятаго и до шестаго ночи, зимнею порою побредетъ иной ночью къ себѣ на подворье да и пропадетъ безъ вѣсти, а нигдѣ на патріарховѣ дворѣ пускать не велѣно. При прежнихъ патріархахъ, кромѣ Іосифа, ставленники всѣ ночевали въ хлѣбнѣ, а при Іоасафѣ

патріархѣ ставленники зимнею порою всѣ дожидались въ крестовой, а ночевали въ хлѣбнѣ безденежно; а нынѣ и въ сѣняхъ не велятъ стоять, зимою мучатся на крыльцѣ. При прежнихъ святителяхъ до самыхъ крестовыхъ сѣней и къ казначею, и къ ризничему, и въ казенный приказъ, рано и поздно, ходить было невозбранно; а нынѣ у святителя устроено подобно адову подписанію, страшно приблизиться и ко вратамъ, потому что однѣ ворота и тѣ постоянно заперты. Священники и не смѣютъ ходить въ церковь къ благословенію, не то что о невѣдомыхъ вещахъ допросить, только всегда, во всякое время невозбранно ходятъ къ благословенію женки да дѣвки: тѣмъ нынѣ время и челобитныя отъ нихъ принимаетъ невозбранно. Нынѣ въ Москвѣ вдовые попы служатъ: или они святы стали? или объ нихъ знаменіе съ небеси было? а бѣднымъ сельскимъ запрещено, иной останется съ сиротами, съ пятью, шестью и больше, сами и землю пашутъ. Патріаршая область огромная: иныя мѣста верстъ на 800 отъ Москвы, и прежде попы отсюда ставились у ближнихъ архіереевъ; патріархъ Іосифъ это запретилъ, желая собрать себѣ имѣніе: и теперь такъ остается. Іосифъ же попамъ перехожихъ грамотъ давать не велѣлъ по городамъ съ десятильническихъ дворовъ, а велѣлъ давать на Москвѣ изъ казеннаго приказа, хотя обогатить дьяка своего Ивана Кокошилова да подъячихъ. Перехожая становилась иному беззаступному попу рублей по 6, 7, 10 и 15, кромѣ своего харчу; волочились недѣль по 20 и 30, а иной бѣдный человѣкъ поживетъ въ Москвѣ недѣль 10 и больше, да проѣстъ рублей 5, 6 и больше, и уѣдетъ безъ перехожей; многіе по два и по три раза для перехожихъ въ Москву пріѣзжали, а безъ нихъ попадьи и дѣти ихъ скитаются межъ дворовъ. Святитель Никонъ всего этого очень держится, а въ правилахъ написано отъ церкви къ церкви не переходить. И священники отнюдь изъ воли отъ церкви къ церкви не преходятъ, изо ста не найдется пяти человѣкъ поповъ, которые бы переходили изъ воли—безъ гоненія, всѣ переходятъ рыдая и плача, потому что поповъ и дьяконовъ по боярскимъ и дворянскимъ вотчинамъ въ колоды и цѣпи сажаютъ, бьютъ и отъ церкви отсылаютъ. Хотя которому попу и бить челомъ тебѣ, государю, но за тѣмъ ходить будетъ полгода или годъ, да попъ или дьяконъ насилу

правъ будетъ, потому что и въ приказъ даромъ сторожа никакими мѣрами не пустятъ, а къ подьячему или дьяку и поминать нечего. Когда было у патріарха приказано въ казнѣ Ивану Кокошилову, то людямъ его раздавали по полтинѣ и по рублю, а самому рублей по 5 и по 6 деньгами, кромѣ гостинцевъ, меду и рыбы, да еще бы рыба была живая, да женѣ его переносятъ гостинцевъ мыломъ и ягодами на рубль и больше, а если не дать людямъ, никакими мѣрами на дворъ не пустятъ. Если и придется кому заплатить за безчестье попа и дьякона, то бояться нечего, потому что, по благому совѣту бояръ твоихъ, безчестье положено очень тяжкое мордвину, черемису, попу—пять рублей, да четвертая собака—пять же рублей! И нынѣ похвальное слово у небоящихся Бога дворянъ и боярскихъ людей: бей попа что собаку, лишь бы живъ былъ, да кинь пять рублей? Иноземцы удивляются, а иные плачутъ, что такъ обезчещенъ чинъ церковный! Года два тому назадъ новаго города Корсуня протопопъ пріѣзжалъ съ святительскою казною, дьяку Ивану Кокошилову, и женѣ его, и людямъ рублей по 10 перешло отъ него и казну приняли; надобно было взять отъ него еще отписи, онъ тутъ денегъ не далъ и за то волочился многое время и, не хотя умереть голодною смертію, голову свою закабалилъ въ десяти рубляхъ, да женѣ дьяка отнесъ, и она у него взяла. Въ это время, по твоему указу, битъ кнутомъ за посулъ Крапоткинъ; дьякъ испугался, чтобъ протопопъ не сталъ бить на него челомъ, да и скажи патріарху, какъ будто протопопъ подкинулъ женѣ его 10 рублей, и патріархъ приказалъ его же, протопопа, посадить на цѣпь и, муча его въ разрядѣ долгое время, въ ссылку сослать велѣлъ, а воръ по старому живетъ да воруетъ. А того отнюдь не бываетъ, чтобъ старосту поповскаго, пріѣхавшаго съ доходами, взять къ себѣ въ крестовую да распросить о всякихъ мѣрахъ. При прежнихъ патріархахъ, изъ которой десятины пріѣдетъ староста поповскій, сперва будетъ у патріарха въ крестовой у благословенія, святитель его пожалуетъ, велитъ кормить и приказываетъ дьяку казну принимать не задерживая, и отдача тогда становилась съ большой десятины рубля три и четыре дьяку, а подъячему рубля два или три, да проживетъ въ Москвѣ за отдачею 10 дней, много двѣ недѣли, да всякій день приходитъ къ

святителю и святитель распрашиваетъ о всякихъ мѣрахъ и подачами жалуетъ мало не всякій день. А нынѣ, за свои согрѣшенія, всего того лишились. Да онъ же, святитель, велѣлъ во всей области переписать въ городахъ и уѣздахъ и данью обложилъ вновь, да въ окладѣ же велѣлъ положить съ попова двора по 8 денегъ, съ дьяконова по алтыну, съ дьячкова, пономарева и просвирнина по грошу, съ нищенскаго по двѣ деньги, съ четверти земли по 6 денегъ, съ копны сѣна по двѣ деньги. Татарскимъ абызамъ жить гораздо лучше! Никонъ же велѣлъ собрать во всемъ государствѣ съ церквей лошадей, да челомъ ударилъ государю (въ 1655 году), да и тутъ лошадей съ 400 или съ 500 разослалъ по своимъ вотчинамъ. Видишь-ли, свѣтъ премилостивый, что онъ возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко. Есть ли обычай святителямъ бранныя потребы строить? Сей же святитель принялъ власть строить вмѣсто евангелія—бердыши, вмѣсто креста—топорки тебѣ на помощь, на бранныя потребы“ [1]).

Приведенная челобитная есть крикъ отчаянія бѣднаго, безправнаго, въ конецъ забитаго и нерѣдко просто нищаго и голоднаго сельскаго духовенства, отъ котораго его архипастырь, любившій „стоять высоко, ѣздить широко“, отгородилъ себя цѣлою неприступною стѣною, чтобы не имѣть съ нимъ никакихъ непосредственныхъ сношеній, чтобы жалкое, нищее сельское духовенство не смущало его высокаго покоя указаніемъ на свое тяжелое, во многихъ отношеніяхъ невозможное положеніе, чтобы оно не потребовало отъ него отечески-архипастырскихъ заботъ и попеченій о немъ, о его вопіющихъ нуждахъ, лѣченія разъѣдающихъ его язвъ. Слишкомъ ничтожно, слишкомъ мелко было для Никона—великаго государя заботиться и заниматься приведеніемъ въ порядокъ, внесеніемъ правды и справедливости, уничтоженіемъ крайняго взяточничества, въ своемъ епархіальномъ управленіи; свое время, трудъ и энергію онъ затрачивалъ на контроль надъ государственными дѣятелями и учрежденіями, къ которымъ онъ, своими заботами и попеченіями, стремился привить правду и справедливость, причемъ онъ непрочь былъ обличить и самого царя, если бы увидѣлъ,

---

[1]) Соловьева: Ист. Рос. XI, стр. 289—292. Сн. Гиб. 422—428.

что тотъ въ чемъ-либо уклоняется отъ правды и истины— это онъ считалъ своею священною архипастырскою обязанностію. Обращать же вниманіе на взяточничество, на невыносимую волокиту и всевозможныя беззаконія въ своихъ собственныхъ патріаршихъ учрежденіяхъ и въ управленіи своею патріаршею областію, Никонъ, постоянно занятый высокими и широкими общецерковными и общегосударственными дѣлами и вопросами, не имѣлъ ни времени, ни охоты, а потому его личное епархіальное управленіе страдало самыми вопіющими недостатками и злоупотребленіями, которые дѣлали крайне тяжелою жизнь всего подвѣдомственнаго ему духовенства.

Если Никонъ не обращалъ вниманія на злоупотребленія, царившія въ его управленіи патріаршею областію и нисколько не заботился объ ихъ уничтоженіи, о замѣнѣ невозможныхъ и нетерпимыхъ порядковъ болѣе лучшими и сколько нибудь сносными, за то онъ крайне строго и сурово каралъ всѣхъ тѣхъ подчиненныхъ ему лицъ, которыя совершали, по его мнѣнію, какой-либо проступокъ,—къ такимъ лицамъ онъ буквально былъ безпощаденъ и просто жестокъ. О суровости Никона, доходившей до жестокости въ расправѣ съ подчиненными ему лицами, имѣется цѣлый рядъ современныхъ свидѣтелей, не исключая признаній и самаго Никона. Мы не разъ уже приводили характерное заявленіе Неронова самому Никону: „кая честь тебѣ, владыка святый, что всякому еси страшенъ и, другъ другу грозя, глаголютъ: знаете-ли кто ты? звѣрь ли лютый, левъ, или медвѣдь, или волкъ?“ Дьяконъ Ѳедоръ въ челобитной государю пишетъ: „не вѣрь, государь, одному Никону, патріарху бывшему: мучительски вся творилъ,—не смѣлъ никто съ нимъ слова молвить,—яко левъ восхищая и рыкая. И нынѣ кажется ученикъ быти Христовъ, ноги умываетъ водою: а инымъ тѣ же ноги ломаетъ дубиною, а инымъ кнутомъ кожу одираетъ. Христосъ Спасъ нашъ тако не творяше, Ему же онъ будто подобится, лстя вездѣ. Спасъ нашъ, смиренія намъ образъ дая, Самъ битъ былъ, а никово не билъ“. Въ одномъ современномъ обличеніи Никона говорится: „кому Спасъ нашъ Христосъ рече: аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный? И паки: любите враги ваша, добро творите нена-

видящимъ васъ, благословите клянущихъ вы и молитеся за творящихъ вамъ обиду? Рцы ми, о Никоне, есть-ли ти часть въ Христовыхъ сихъ словесѣхъ? И почто преобидиша та? Или, вправду реку, ни отъ кого бо пріобиженъ, но самъ всѣхъ попреобидѣлъ еси. Извѣстно сказати имать святая твоя совѣсть, яко сія воистину сице... О тебѣ блазнятся мнози и смущаются, зане архіерею ти бывшу, а милости плодовъ неимущу". Во всенародномъ прошеніи, поданномъ государю, говорится: „глаголющая ему (Никону) правду— умучи, и священнаго чина и холопей твоихъ—насъ, и сиротъ. И клеветалъ тебѣ на когождо, заточеніемъ и великими ругательствы облагаше, и насиловаше властію твоею государевою", Павелъ Алепскій о характерѣ управленія Никона говоритъ слѣдующее: „Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, немедленно сослалъ въ заточеніе въ Сибирь трехъ протопоповъ съ ихъ женами и дѣтьми, изъ коихъ одинъ былъ царскимъ протопопомъ. Послѣдній занималъ такое положеніе, что могъ наказывать, заключать въ тюрьму и налагать оковы на священниковъ безъ дозволенія прежнихъ патріарховъ. Когда это произошло, водворился миръ и всѣ стали бояться Никона. Онъ доселѣ великій тиранъ по отношенію къ архіереямъ, архимандритамъ и всему священническому чину, даже къ государственнымъ сановникамъ. Онъ ни за кого не принимаетъ ходатайства. Онъ-то заточилъ епископа Коломны и рукоположилъ туда впослѣдствіи другого. Прослышавъ о чьемъ нибудь проступкѣ, даже объ опьяненіи, онъ немедленно того заточаетъ, ибо его стрѣльцы постоянно рыщутъ по городу и какъ только увидятъ священника или монаха пьянымъ, сажаютъ его въ тюрьму, подвергая всяческому униженію. Оттого намъ приходилось видать тюрьмы, переполненныя такими людьми, кои находятся въ самомъ скверномъ положеніи, будучи окованы цѣпями по шеѣ и съ большими колодками на ногахъ". Въ другой разъ тотъ же Павелъ Алепскій говоритъ: „отъ того отступился Богъ и тотъ навлекъ на себя Его гнѣвъ, кто совершилъ проступокъ и провинился предъ патріархомъ: пьянствовалъ или былъ лѣнивъ въ молитвѣ, ибо таковаго патріархъ немедленно ссылаетъ въ заточеніе. Въ прежнее время сибирскіе монастыри были пусты, но Никонъ, въ свое управленіе, переполнилъ ихъ злополучными настоятелями монастырей, священ-

никами и монахами. Если священникъ провинился, патріархъ тотчасъ снимаетъ съ него колпакъ (скуѳью): это значитъ, что онъ лишенъ священническаго сана. Бываетъ, что онъ самъ сжалится надъ нимъ и проститъ его, но ходатайства ни за кого не принимаетъ, и, кромѣ царя, никто не осмѣливается явиться предъ нимъ заступникомъ. Разгнѣвавшись на многихъ священниковъ, онъ по справедливости сбрилъ имъ волосы и отправилъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми въ ссылку, чтобы тамъ они окончили свою жизнь въ злополучіи. Такою строгостью онъ всѣхъ устрашилъ, и его слово стало рѣшающимъ“ [1]).

Какъ Никонъ расправлялся съ провинившимися передъ нимъ лицами, это видно изъ расправы его съ коломенскимъ епископомъ Павломъ, а также и изъ многихъ другихъ случаевъ. При посѣщеніи Троицкой лавры, разсказываетъ Павелъ Алепскій, „мы увидѣли въ монастырѣ новую деревянную келью съ однимъ только отверстіемъ, безъ дверей; въ ней заключены три человѣка. Мы освѣдомились о нихъ и намъ сказали, что это бывшіе дьяконы, которые, когда умерли ихъ жены во время язвы, оставили дьяконство и женились на другихъ. Патріархъ Никонъ, услышавъ о нихъ, немедленно заключилъ ихъ въ оковы и прислалъ сюда, приказавъ построить для ихъ заключенія этотъ домъ. Имъ не даютъ пищи, дабы они умерли отъ лишеній. Когда мы смотрѣли на нихъ, они громко зарыдали, такъ что сердце у насъ разрывалось, и подали нашему учителю просьбу о дозволеніи постричься въ монахи, въ надеждѣ, что патріархъ избавитъ ихъ отъ злой смерти, которая имъ угрожала. Впослѣдствіи, по ходатайству нашего учителя за нихъ, патріархъ ихъ освободилъ“. Въ 1664 году Никонъ пишетъ архимандриту Иверскаго монастыря Филоѳею: „а изъ Торжку Рождествена монастыря строителя іеромонаха Герасима, за его безчиніе, посмиреть: бить шелепы на соборѣ нещадно, чтобъ инымъ такъ плутать и безчинствовать (было) неповадно“. Въ 1666 году, тому же архимандриту, Никонъ пишетъ: „изъ Лисья монастыря взять старца Филарета въ Иверскій монастырь и посмирить бы ево вамъ шелепами, и велѣть держать въ черной службѣ“. Въ томъ же году Ни-

[1]) Матер. VI, 37. VII, 52, 107—108 и 110. Мурк. вып. III, 47, 162.

конъ приказываетъ архимандриту: „старца Діодора палками смирять гораздо, да посадить въ тюрьму накрѣпко“. На допросахъ обвиняемыхъ Никонъ пускалъ въ ходъ плети и пытки. По показанію одного изъ допрашиваемыхъ, „онъ на пыткѣ висѣлъ съ часа два и тряска была... и патріархъ-де велѣлъ ево и огнемъ жечь“. Другой показывалъ: „патріархъ де велѣлъ ево бить дубьемъ въ монастырѣ у воротъ, а самъ смотрѣлъ съ крыльца, и сослалъ ево въ Крестный монастырь съ женою и дѣтьми, а въ дорогѣ по селамъ монастырскимъ—въ селѣ Завидовѣ и иныхъ, велѣлъ ево бить по ногамъ дубьемъ же“. Даже съ женщинами Никонъ не церемонился: „патріархъ велѣлъ женокъ бить: Өедорову жену плетьми, а слесареву жену—кнутомъ“. Недаромъ, конечно, отъ 9 декабря 1666 года наводились справки „тихимъ обычаемъ, чтобъ нешумно: кому бывшій Никонъ патріархъ, будучи въ Воскресенскомъ, Иверскомъ и въ Крестномъ монастырехъ, старцомъ, служебникомъ и крестьяномъ и стороннимъ людямъ чинилъ градцкое наказанье: велѣлъ бить кнутьемъ, и руки и ноги ломать, или пытать и казньми градцкими казнить, и кого имяны, и нынѣ гдѣ тѣ люди, и нѣтъ ли кого изъ тѣхъ людей, пытанныхъ или казненныхъ, въ мертвыхъ“. Уже одна возможность со стороны правительства, хотя бы „тихимъ обычаемъ и не шумно“ наводить о Никонѣ подобныя ужасныя справки,—достаточно говоритъ сама за себя. Впрочемъ, даже въ соборномъ приговорѣ 1666 года о низложеніи Никона, отцы собора сочли нужнымъ заявить, что Никонъ „отца своего духовнаго велѣлъ безъ милости бити, даже обезвѣчену ему на ногу быти, яко же сами язвы его видѣхомъ“ [1]).

Никонъ жестоко расправлялся съ провинившимися въ чемъ либо предъ нимъ лицами, подвергая ихъ всякимъ пыткамъ и истязаніямъ, но это было еще не все. По его собственному заявленію случалось и такъ, что онъ, патріархъ, и собственноручно билъ разныхъ виновныхъ лицъ, и иногда билъ ихъ въ церкви и даже въ алтарѣ. Что особенно характерно, такъ это то, что такую личную кулачную расправу, и даже въ алтарѣ, Никонъ считалъ вполнѣ за-

---

[1]) Мурк. вып. IV, 37. Акты Иверскаго мон. №№ 176, 224, 225. Гиб. П. 965, 968, 969, 1096. Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 301.

конною и приличною для патріарха, какъ будто бы основывающуюся на примѣрѣ самаго Христа, на правилахъ св. апостолъ и св. отецъ. Отвѣчая на обвиненія Паисія Лигарида, Никонъ пишетъ: „а еже бывшу ми на Москвѣ, яко же совопросникъ глаголетъ, подобаетъ-ли архіерею бити и ударяти и въ ссылку сослати, что все дѣлалъ Никонъ,—и на то есть правила св. отецъ и законы царскіе, которые церковь святая пріемлетъ за едино со апостольскими правилами“, и затѣмъ приводитъ по Кормчей выписку изъ законовъ Юстиніана, изъ правилъ двухъ помѣстныхъ соборовъ и дѣлаетъ такой выводъ: „видѣлъ-ли, отвѣтотворче, управленіе святыхъ и богоносныхъ отецъ,—тако и у насъ бысть съ царскимъ совѣтомъ—мѣстницы на то, кому доведется какое наказаніе. И еже въ церкви смиряли мы овогда, а иногда рукою по-малу, того не отрицаемся творить и нынѣ врагомъ и безстрашнымъ людямъ по образу Христову и по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ. Не погрѣшитъ истины и нынѣ, яко кто веземъ бичъ изгонитъ изъ церкви соборной прелюбы творящихъ и прочая беззаконія“ [1]).

Конечно, жестокость Никона къ подчиненнымъ можно объяснять такъ называемымъ духомъ времени, — время было жестокое, тогда всѣ такъ поступали. Но несомнѣнно и то, что въ указанныхъ поступкахъ Никона совсѣмъ отсутствовалъ духъ истиннаго христіанскаго архипастырства. Это и тогда хорошо видѣли и понимали, несмотря на духъ времени, многія лица, которыя вовсе не допускали той мысли, чтобъ жестокія дѣйствія Никона были законны и справедливы, могли быть свойственны главѣ архипастырей русской церкви, могли быть терпимы въ церкви Христовой. Напротивъ, поведеніе Никона и тогда очень многихъ возмущало, какъ зазорное и нетерпимое для истиннаго архипастыря церкви. Именно, въ виду несогласія поведенія и поступковъ Никона съ представленіемъ объ истинномъ архипастырствѣ русскіе архіереи и подавали царю челобитную, въ которой указывали ему, имѣя въ виду Никона, каковъ долженъ быть его преемникъ, въ какихъ отношеніяхъ онъ долженъ находиться къ другимъ архіереямъ и какими качествами онъ

---

[1]) Рукоп. нашей акад. № 218, л. 173 и 174.

долженъ обладать, чтобы быть истиннымъ архипастыремъ церкви, а не такимъ, какимъ былъ Никонъ. „Царствующаго града перваго сѣдалища епископа, говорится въ челобитной царю отъ лица архіереевъ, рекше патріарха, избирати (государь благоволи: священное писаніе протолковати могуща и разумѣюща все божественное писаніе со испытаніемъ, и священныя правила св. апостолъ и св. отецъ извѣстно вѣдуща, въ лѣтѣхъ же совершенна суща и добродѣтельми и крайнимъ смиренномудріемъ цвѣтуща; своея же воли исправити догматы неимуща, но совѣтомъ, а недерзостно исправляюща; ревнителя же о благочестіи и нестыдящася лицъ; многолѣтна въ черчечествѣ суща и въ послушаніи, во еже обрѣзать своя ему воля крѣпко обучившася: красота бо старцевъ—со смиренномудріемъ высокое житіе, а не своя воля; архіерею бо совѣтливу подобаетъ быти и ничто же дерзостію творити, да не многимъ соблазнъ и претыканіе будетъ: во мнозѣ бо совѣтѣ спасеніе бываетъ“ [1]). Очевидно, объяснять темныя стороны, такъ сильно проявившіяся въ управленіи Никона суровымъ и жестокимъ духомъ времени, было бы несправедливо, а ихъ приходится отнести главнымъ образомъ, какъ это и дѣлали современники Никона, на счетъ его личнаго характера и его личныхъ качествъ.

Если Никонъ, какъ патріархъ и великій государь не былъ хорошимъ, добрымъ и заботливымъ о подчиненныхъ правителемъ, если его подчиненнымъ всѣхъ ранговъ и положеній приходилось очень много терпѣть и страдать отъ его суроваго и раздражительнаго характера, отъ его гордаго и высокомѣрнаго обращенія со всѣми, то, съ другой стороны. Никонъ оказался самымъ заботливымъ хозяиномъ—скопидомомъ, который употреблялъ всѣ усилія, пускалъ въ ходъ всѣ преимущества своего исключительнаго положенія въ церкви и государствѣ, чтобы только какъ можно больше пріобрѣсти себѣ всякихъ матеріальныхъ средствъ и выгодъ, сосредоточить въ своихъ рукахъ возможно обширныя и доходныя земельныя владѣнія и скопить у себя значительныя сокровища.

Павелъ Алепскій сообщаетъ, что Никонъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на царя, постарался увеличить свои земель-

---

1) Матер. VII, 127, 136, 146—147.

ныя владѣнія, сравнительно съ владѣніями своихъ предшественниковъ патріарховъ, и дѣйствительно довелъ ихъ до громадныхъ размѣровъ, такъ что сдѣлался богатѣйшимъ человѣкомъ послѣ царя. „Этотъ патріархъ, говоритъ Павелъ, имѣетъ большое вліяніе на царя, и потому, въ то время какъ прежде было пожаловано отъ царя патріархіи угодье 10,000 крестьянскихъ домовъ, Никонъ довелъ ихъ число до 25,000, ибо, всякій разъ, какъ умираетъ кто-либо изъ бояръ, патріархъ является къ царю и выпрашиваетъ себѣ часть крестьянъ и имѣній умершаго. Онъ взялъ также себѣ во владѣніе много озеръ, кои приносятъ ему большой доходъ отъ соли и рыбы... Патріархъ Никонъ взялъ себѣ половину дохода монаховъ, такъ что его ежедневный доходъ составляетъ, говорятъ, 20,000 рублей. Доходъ его съ церквей этого города (Москвы) и окрестностей составляетъ 14,000 рублей въ годъ; со всякой церкви (взимается), по числу ея прихожанъ, съ самой бѣдной—рубль“ [1]). Павелъ Алепскій преувеличиваетъ дѣло. Но другіе, современники—русскіе, болѣе его освѣдомленные и понимающіе дѣло, въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что Никонъ дѣйствительно, пользуясь своею громадною, исключительною властію не только въ церкви, но и въ государствѣ, постарался разными средствами сосредоточить въ своихъ рукахъ огромныя земельныя владѣнія. Особенно обиженный и обобранный Никономъ бывшій коломенскій, а потомъ вятскій епископъ Александръ въ челобитной государю сильно обличаетъ Никона. Онъ пишетъ: „не въ пустыняхъ разжился (Никонъ) вещми вѣка сего, властне взятъ патріаршаго дома казну и другихъ епископій, и всего царствующаго града Москвы и другихъ городовъ выморныхъ домовъ животы; едва и твоей государевой царевѣ казнѣ не коснулся-ли. Великимъ бо обозомъ отъ царствующаго града изыде въ свой новый Іерусалимъ и урядствомъ дивнымъ, и ни неволею гонимъ, разоряя бо и грабя пустынныя мѣста, казну тѣхъ къ себѣ присовокупилъ... О сихъ воистину дивимся, благочестивый царю, яко будучи онъ, Никонъ, годъ и два мѣсяца недостатокъ харчевъ терпѣлъ, и отъ скудости въ другій свой монастырь и въ третій отшедъ, который на морѣ. Но и въ скудости до трехсотъ

---

[1]) Мурк. вып. III, 161.

подводъ запасы имѣлъ, и еслибы свидѣтельствовать истинными свидѣтельствы путь онаго, имже идяше, подобно рещи: яко огнь хожденіе того, убогихъ домы пожигая грабленіемъ... Вправду онъ, Никонъ, святыя Божія монастыри до большаго убожества привелъ, строя свой новый Іерусалимъ и другіе два монастыря, многимъ скорбь и безчисленную пакость содѣя". Въ всенародномъ прошеніи, поданномъ государю, говорится: „толикая зданія каменнаго строенія вновь обители начатъ строити, древняя же пустынная мѣста раззоривъ, въ потребу на славу Христову созданныя. Сими убо, о колико скорби люди Божія и святымъ мѣстомъ пакость не малу сотвори". Въ одномъ современномъ обличеніи Никона говорится: „которой образъ показалъ еси, о Никоне, ввѣренному ти стаду, и како пользовавшеся отъ тебе и каковы плоды милости показалъ еси? Се ли милости плоды: яко грады и насады и обозы строя, многихъ плакати сотворилъ еси? Сице и мнимый твои Іерусалимъ съ другими двѣма обительми строя, епископію и множество пустынныхъ мѣстъ раззорилъ еси, чрезъ правила св. апостолъ и св. отецъ". Дьяконъ Ѳедоръ пишетъ: „яко пса изнаша его (Никона) земныхъ ради, а не духовныхъ,—за землю и за вотчины, а не за Христа и за церковь. И вси они своихъ си ищутъ, а не яже Христа Іисуса, по апостолу. Похищаяй бо тотъ волкъ, Никонъ, яко разбойникъ грабя себѣ и святыхъ монастырей села и вотчины, и у князей такожде отъемля всяко и къ своимъ прилагая. И многіе князи ослезилъ, и монастыри оскорбилъ и разорилъ, и простыхъ крестьянъ тяжкими труды умучилъ" [1]).

Такимъ образомъ современники единогласно заявляютъ, что Никонъ, будучи патріархомъ, свою громадную церковную власть, свое исключительное положеніе въ государствѣ, свое вліяніе на царя, употребилъ какъ средство скопленія въ своихъ рукахъ громадныхъ имуществъ, которыя онъ пріобрѣталъ всякими способами, будто-бы даже раззоряя, въ интересахъ наживы, старыя монастыри и пустыни, заставляя плакать князей и бояръ, земли которыхъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, онъ присвоивалъ себѣ, или имъ построеннымъ монастырямъ. Нѣкоторые современники, какъ

---

[1]) Матер. VII, 52—53, 109, 120—123, 131. VI, 301.

мы видѣли, даже выражаютъ ту мысль, что Никонъ и самаго патріаршества былъ лишенъ въ дѣйствительности вовсе не за церковь, или за что либо духовное, а за землю и за вотчины, которыя онъ такъ неразборчиво пріобрѣталъ. Выходило, по ихъ представленію, какъ будто такъ, что хищническая политика Никона, грозила въ дальнѣйшемъ чрезмѣрнымъ увеличеніемъ патріаршихъ владѣній, раззореніемъ слишкомъ многимъ, и потому по этой только причинѣ Никона необходимо было удалить съ патріаршей каѳедры. Были-ли какія либо дѣйствительныя основанія современникамъ такъ смотрѣть на дѣло? Были.

Никонъ, какъ патріархъ, наслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ обширныя земельныя владѣнія, съ населяющими ихъ многочисленными крестьянами, которыми онъ управлялъ независимо отъ какаго бы то ни было вмѣшательства государственныхъ чиновниковъ, такъ что въ своихъ земляхъ онъ являлся вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ управителемъ. Но принадлежащими патріаршей каѳедрѣ обширными земельными владѣніями Никонъ не довольствовался, а употреблялъ всѣ средства еще болѣе увеличить ихъ. Въ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича, подъ которымъ подписался и Никонъ, запрещалось патріарху и архіереямъ вновь увеличивать ихъ земельныя имущества. Но Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, вопреки закону, пользуясь своимъ вліяніемъ на царя, постоянно выпрашивалъ у него новыя вотчины, помѣстья и всякія угодья, и царь не отказывалъ этимъ противозаконнымъ домогательствамъ своего любимца, такъ что патріаршія владѣнія все болѣе увеличивались. Но этого мало. Никонъ построилъ три новыхъ монастыря: Воскресенскій (Новый Іерусалимъ), Иверскій и Крестовый (Ставросъ), которые не были приписаны къ патріаршей каѳедрѣ, а составляли личную собственность самаго Никона, который поставилъ своею задачею эти три монастыря сдѣлать, по возможности, самыми богатыми въ ряду другихъ русскихъ монастырей. Онъ просилъ государя и тотъ надѣляетъ отъ себя Никоновскіе монастыри землями, селами, деревнями, пустошами, разными угодьями, озерами и рѣчными рыбными ловлями, соляными варницами съ солянымъ заводомъ, амбарами, дворомъ и пр. Въ самой Москвѣ царь даритъ Иверскому монастырю подворье въ центрѣ города, а самъ Никонъ жертвуетъ

своему Воскресенскому монастырю безприходную московскую церковь—Воскресенія въ Панѣхъ, съ принадлежащею ей землею и лавками, чтобы построить здѣсь подворье Воскресенскаго монастыря. Никонъ, какъ патріархъ, располагая огромными суммами, покупаетъ у разныхъ лицъ и земли и помѣстья на свое имя и на имя своихъ монастырей, владѣнія которыхъ, благодаря всему этому, стали очень велики. Но и этимъ Никонъ неудовольствовался. Къ тремъ построеннымъ имъ монастырямъ, съ разрѣшенія государя, приписано было изъ разныхъ епархій 14 старыхъ монастырей и пустынь со всѣми ихъ землями, угодьями, крестьянами и принадлежащими имъ капиталами. Всѣ крестьяне закрытой Никономъ коломенской епархіи были приписаны къ Воскресенскому Никонову монастырю. Однихъ приходскихъ церквей на приписныхъ къ никоновскимъ монастырямъ земляхъ было до 50. Кромѣ того Никонъ, сооружая свой Крестный монастырь, обратился съ окружною грамотою ко всѣмъ православнымъ, приглашая ихъ дѣлать отъ себя пожертвованія на сооруженіе святой обители и, вѣроятно, на призывъ своего архипастыря отозвались тогда очень и очень многіе, тѣмъ болѣе что Никонъ въ то время въ своихъ властныхъ рукахъ держалъ милость и гнѣвъ не только относительно лицъ духовныхъ, но и свѣтскихъ. Жертвовать на монастыри всемогущаго патріарха было тогда для многихъ обязательно, а для нѣкоторыхъ дѣломъ и небезвыгоднымъ и очень политичнымъ. Даже тѣ архіереи, у которыхъ Никонъ отобралъ монастыри со всѣми ихъ землями и всякимъ другимъ имуществомъ, которые такимъ образомъ лишались части своихъ доходовъ, въ то время молчали и не смѣли возстать на защиту своихъ правъ, такъ какъ всѣ знали, какъ страшенъ и безпощаденъ бываетъ патріархъ къ тѣмъ лицамъ, которыя безусловно и безропотно не подчиняются его волѣ и распоряженіямъ, какаго бы рода онѣ ни были [1]).

---

[1]) По сдѣланному нами подсчету Никонъ затратилъ на покупку для своихъ монастырей и вотчинъ на тогдашнія деньги 43,812 р. т. е. на современныя деньги болѣе 800 тысячъ рублей. Когда, гдѣ и по чемъ куплены Никономъ села, деревни и пустоши, что именно, когда и гдѣ изъ земель и угодьевъ жертвовалъ монастырямъ царь, что поступало въ монастыри по вкладамъ и духовнымъ завѣщаніямъ, можно находить достаточныя данныя въ сочиненіи архимандрита Леонида 1876 года: Истори-

Кромѣ земель и всевозможныхъ угодій Никонъ снабжалъ свои монастыри и разными огромной цѣнности предметами для церковно-религіознаго употребленія. Такъ въ свой Иверскій монастырь онъ послалъ икону Иверской Божіей Матери, писанную на Аѳонѣ, или копію съ нея, причемъ онъ украсилъ ея ризою, которую осыпалъ драгоцѣнными камнями, такъ что вся икона, по словамъ самого Никона, стоила 14,000 рублей тогдашнихъ, что при переводѣ на современныя деньги (принимая рубль половины XVII вѣка около двадцати нынѣшнихъ) будетъ равняться не менѣе 250,000 р. т. е. четверти милліона. Понятно, что въ гармоніи съ этимъ приношеніемъ исключительной цѣнности, была устроена, конечно, вся церковная утварь, церковныя облаченія и проч., такъ что Никонъ въ видѣ тѣхъ или другихъ предметовъ церковнаго употребленія вкладывалъ въ свои монастыри огромныя суммы. Вотъ что говоритъ объ Иверскомъ монастырѣ Павелъ Алепскій, посѣтившій его вмѣстѣ съ антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ въ то время, когда еще только что выстроенъ былъ вчернѣ монастырскій соборъ. „Обозрѣвали, пишетъ онъ, большую каменную церковь, которую выстроили въ это лѣто каменьщики, коихъ было болѣе трехсотъ. Она красивѣе, обширнѣе и выше соборной церкви въ Москвѣ. Церковь еще не была покрыта крышей. Вокругъ нея выкопаны огромныя основанія для подваловъ и хранилищъ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ, для келлій и пр. Теперь у нихъ заготовлено болѣе 500,000 кирпичей для возведенія окружной стѣны. Ризница монастырская въ настоящее время деревянная. Царь далъ монастырю для охраны двѣсти стрѣльцовъ, а патріархъ прислалъ недавно множество ружей, пороху и броней. Патріархъ такъ восхищается этимъ монастыремъ, что выписалъ для него изъ франкскихъ земель люстру т. е. большой поліелей, изъ желтой мѣди, величиною съ большое дерево, съ цвѣтами, птицами и неописуемыми диковинками, цѣною въ 900 динаровъ (рублей). Онъ купилъ недавно около шестидесяти деревень съ крестьянами за 60,000 динаровъ и пожертвовалъ ихъ монастырю, сверхъ многихъ деревень, принадлежавшихъ патріархіи, а также нѣ-

———

ческое описаніе ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря, стр. 505—524.

сколько монастырей — метоховъ. Говорятъ, что постройка этаго монастыря обойдется ему деньгами болѣе милліона. Онъ далъ въ угодье монастырю 180 рыбныхъ озеръ, которыя, по словамъ настоятеля, даютъ монастырю ежегоднаго дохода болѣе 20,000 динаровъ, и 80 соляныхъ озеръ для добыванія соли“ [1]). Признаемъ, что цифры у Павла Алепскаго значительно преувеличены, всетаки его свидѣтельство показываетъ, что устрояемые Никономъ монастыри поражали и иностранцевъ своею относительною роскошью, обширностью и богатствомъ своихъ владѣній.

Такъ Никонъ изъ трехъ своихъ монастырей, съ четырнадцатью приписными къ нимъ монастырями, со множествомъ принадлежащихъ имъ селъ, деревень, пустошей, озеръ, разныхъ угодій и т. п., образовалъ лично для себя довольно обширный удѣлъ, въ которомъ онъ былъ самовластнымъ хозяиномъ и управителемъ. Онъ набиралъ иноковъ въ свои монастыри сколько считалъ нужнымъ, самъ избиралъ настоятелей и другихъ монастырскихъ властей, онъ посвящалъ иноковъ въ діаконы, іеромонахи, архимандриты, онъ ставилъ священниковъ и весь причтъ во всѣ свои пятьдесятъ приходскихъ церквей. Весь судъ, право наградъ и наказаній, какъ надъ всѣми иноками, такъ и надъ всѣми приходскими причтами, принадлежали Никону. Вся хозяйственно-экономическая сторона всѣхъ монастырей, точно также находилась въ полномъ распоряженіи Никона: онъ былъ единственнымъ собственникомъ всѣхъ доходовъ, распредѣлителемъ расходовъ, онъ облагалъ тѣми или другими налогами и работами крестьянъ, творилъ надъ ними, чрезъ своихъ уполномоченныхъ лицъ, судъ и всякую расправу,— иного суда, иной расправы, кромѣ воли и усмотрѣнія Никона, его иноки и крестьяне не имѣли, такъ какъ представители государственной власти не имѣли права вмѣшиваться въ управленіе Никона. Значитъ, изъ своихъ монастырей и всего къ нимъ принадлежащаго Никонъ создалъ для себя особое, самостоятельное владѣніе, где онъ былъ

---

[1]) Мурк. вып. IV, стр. 63. Бѣднѣйшій изъ основанныхъ Никономъ монастырей, Крестовый, построенный въ 1656 году, уже въ 1661 году т. е. спустя только четыре года послѣ своего основанія имѣлъ у себя вовладѣніи 819 крестьянскихъ дворовъ.

вполнѣ независимымъ правителемъ—маленькимъ царькомъ, не признающимъ никакой другой власти, кромѣ своей.

Патріархъ Никонъ, сдѣлавшись богатѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи, независимымъ правителемъ въ своихъ владѣніяхъ, въ тоже время удержалъ однако всѣ типическія черты стараго инока—попрошайки, который всюду и всѣмъ жалуется на скудость и убожество своей обители, который всюду и у всѣхъ постоянно проситъ, всѣмъ доказываетъ, что жертвовать на святую обитель есть самое святое, богоугодное и спасительное дѣло для каждаго, что такими возможно щедрыми даяніями на обитель, каждый, въ лицѣ ея братіи, пріобрѣтаетъ цѣлый сонмъ неустанныхъ богомольцевъ, которые своими молитвами и содѣваютъ тароватому жертвователю вѣчное спасеніе. При этомъ иноки-попрошайки обыкновенно заявляютъ, что они вѣдь просятъ не себѣ лично, а на обитель, что лично-то имъ пожалуй и ничего не нужно, а нужно ихъ обители, которая безъ мірскихъ даяній совсемъ не можетъ существовать, что все ими пріобрѣтенное отъ мірскихъ дѣлается не ихъ личною собственностію, а собственностію святой обители, которая есть Божія, а значитъ и все, что жертвуется на обитель, жертвуется самому Богу,—иноки же только временно пользуются, во славу Божію, пожертвованнымъ. И какъ бы ни была богата обитель, какими бы огромными средствами ни располагала она, такого типа инокамъ все кажется, что они бѣдны и скудны, что имѣющагося у нихъ мало, что нужно просить, пріобрѣтать еще и еще. Къ такому типу вѣчныхъ попрошаекъ, постоянно жалующихся на скудость и бѣдность своей обители, принадлежалъ и Никонъ патріархъ. Его обители были очень богаты, для того времени даже роскошны, и однако въ другихъ отношеніяхъ крайне гордый и надменный Никонъ, желавшій и пытавшійся унизить царство, чтобы на счетъ его униженія возвысить священство т. е. себя—патріарха,—не считалъ для себя унизительнымъ притворяться крайнимъ бѣднякомъ, чуть не умирающимъ съ голоду, свои богатые монастыри выдавать за крайне скудные, во всемъ нуждающіеся, не считалъ для себя унизительнымъ просить у царя, и въ то именно время, когда онъ всячески и всюду поносилъ его и безчестилъ, разныхъ подачекъ и милостей. Въ письмѣ къ Паисію Лигариду изъ Воскресенскаго монастыря

Никонъ жалуется: „и оскудѣхомъ потребами, яже суть къ жизни нашей“. Въ письмахъ государю Никонъ, послѣ оставленія имъ патріаршей каѳедры, пишетъ за разное время: „бьемъ челомъ и плачется вамъ государевъ богомолецъ Никонъ патріархъ“ отъ лица братіи своихъ монастырей, „чтобъ намъ, богомольцомъ вашимъ, *со всякой нужды и недостатковъ голодомъ не помереть и врознь не разбрестися*“, такъ какъ, поясняетъ Никонъ царю осносительно Воскресенскаго монастыря, „у насъ мѣсто пустое и всѣмъ скудное, а братство не малое, *съ нужею питаемся*“. Никонъ заявляетъ въ челобитной государю: „смилуйся о мнѣ, богомольцѣ своемъ, *нищемъ и скудномъ, пачежъ алчнымъ*, и не помяни моей къ себѣ, великому государю, досады, помилуй своею милостію для моихъ смиренныхъ и убогихъ къ Богу молитвъ и прежнія работишки, якожъ вѣсть твое благородіе... А мнѣ, убогому богомольцу вашему, та ваша государева милость велика, только у меня и есть такихъ рыбныхъ ловель на обиходъ, *что рыбокъ десятокъ или болши*, котораго году Богъ подастъ, тѣмя я, богомолецъ вашъ, самъ питаюся и пріѣзжихъ добрыхъ людей—гостей и богольцевъ потчиваемъ“. Или плачется царю: „нынѣ мнѣ, богомольцу вашему, *прожить* будетъ въ вашемъ государевомъ богомольѣ, въ Крестномъ монастырѣ, *нечѣмъ; ѣдучи дорогою оскудалъ*, а съ крестьянишекъ взять нечего, скудны велми“. Въ челобитной царю Никонъ съ отчаяніемъ заявляетъ: „мы, богомольцы твои, *помираемъ голодною смертію*, хлѣба купить стало не на что и монастырское всякое строеніе стало въ недостройкѣ“. Въ другой челобитной опять проситъ царя о помощи, „чтобъ намъ богомольцамъ твоимъ, *голодною смертію не* помереть и отъ скудости хлѣбныя врознь не разбрестись“. Или пишетъ царю: „я, богомолецъ, живу въ Воскресенскомъ монастырѣ, *и прискудали до конца, хлѣба и денегъ нѣтъ*, и что было рухлядишка всякаго и скота, то продали и издержали на монастырскіе расходы, *а впредь прожить стало нечѣмъ*“. Одно свое письмо государю изъ Воскресенскаго монастыря Никонъ заключаетъ такимъ заявленіемъ: „множая бы сего писалъ, *да скудость возбрани, зане не имѣю бумаги*“ [1]).

---

[1]) Гиб. I, 224. II, 591, 648. Зап. рус. археол. общ. II, 619, 619, 622—624 638, 958—659.

Никонъ очень любилъ созданные имъ монастыри, гордился ими и очень былъ доволенъ, когда ихъ посѣщали иностранцы. И дѣйствительно въ Воскресенскій монастырь, для его обозрѣнія, иногда пріѣзжали иностранцы, служивые и торговые люди, съ женами и дѣтьми. Ихъ ласково принимали въ монастырѣ, показывали имъ всѣ монастырскія постройки, давали довольное монастырское содержаніе. Никонъ охотно давалъ въ своихъ монастыряхъ и постоянный пріютъ разнымъ выходцамъ—иноземцамъ: грекамъ, литовцамъ, крещеннымъ евреямъ. Но, понятно, Никонъ особенно заботился о томъ, чтобы его монастыри производили хорошее впечатлѣніе на царя, котораго онъ приглашалъ посѣщать ихъ. Въ 1657 году Никонъ ждалъ пріѣзда въ свой Иверскій монастырь государя. По этому случаю онъ пишетъ властямъ Иверскаго монастыря: „а съ сосѣдьми бы вамъ и съ окольными людьми одноконечно жить безсорно и безмятежно; а будетъ есть у васъ съ кѣмъ ссора, и вамъ бы съ тѣми людьми какъ нибудь сдѣлаться, чтобъ при государскомъ путешествіи ни отъ котораго на васъ челобитья не было, чтобъ вамъ отъ царскаго величества на себя въ томъ кручины и гнѣву не навесть и огласки бъ въ томъ лихія не было, чтобъ всякъ родъ васъ благословилъ, а не клялъ“. Въ тоже время Никонъ пишетъ наставленіе Иверскому архимандриту Діонисію, что ему нужно сдѣлать, что бы монастырь, при пріѣздѣ царя, произвелъ на него хорошее впечатлѣніе. Между прочимъ онъ пишетъ: „въ соборной каменной церкве убрать образы и всякую утварь стройно и чинно, со всякимъ усердіемъ, чтобъ было дивно и стройно... Все въ церкви убрать изрядно и дивно, чтобъ къ царскому и нашему пришествію пристойно было и въ подивленіе всѣмъ зрящимъ... Выбрати бъ вамъ изъ братьи по портесу пѣвцовъ добрыхъ и красногласныхъ... Все бъ у васъ въ монастырѣ было чисто, пригоже и стройно, и кельи бъ такожe всѣ были стройны и совсѣмъ уряжены, и въ кельяхъ бы было убрано... Да о томъ бы вамъ порадѣть, *что бъ пустынниковъ поумножить, человѣкъ бы хотя до десятка.* Суды бъ большие и карбасы велѣть нынѣ поставить у монастыря, на примѣтномъ мѣстѣ, чтобъ посмотрѣть было хорошо. Да вамъ же бы, Иверскаго монастыря изъ братьи, избрать 12 братовъ, предъ царемъ и предъ нами орацію говорить—краткую

и богословную и похвальную, за его къ вамъ царское посѣщеніе, и намъ, великому государю, орацію изготовить потому жъ. Да убрать младенцевъ дванадесять же, или множае, колько обращется, и выучить таможъ къ царскому и къ нашему пришествію орацію говорить, краткую и богословную и похвальную; тако жъ бы изготовить вамъ орацію къ царскому и нашему изъ Иверскаго монастыря отшествію, и убрать тѣхъ младенцовъ такъ же хорошенько по обычаю, какъ у епископовъ свѣщеносцы бываютъ, золотыми или иными какими платны мочно, что бъ было вельми дивно" [1]).

Нужно отдать Никону справедливость, что онъ не только любилъ монастыри своего строенія, но и заботился о хорошемъ содержаніи братіи и, что особенно важно,—заботился о монастырскихъ рабочихъ и крестьянахъ, что бы ихъ ни въ чемъ не обижали, не притѣсняли, не обсчитывали и не обманывали, что бы монахи всячески заботились объ ихъ благополучіи, были къ нимъ снисходительны даже при собираніи съ нихъ оброковъ и податей, сообразуясь въ этихъ случаяхъ съ крестьянскою нуждою. Въ 1653 году Никонъ пишетъ строителю Иверскаго монастыря: „да я жъ слышалъ что де скорбятъ крестьяне и плотники, могорца мало даешь: и тебѣ бъ отнюдь не оскорблять наймомъ никакихъ наймитовъ и даромъ бы немного нудить... Бога ради буди милостивъ ко братьѣ, и ко крестьяномъ, и ко всѣмъ живущимъ во святой обители". Въ другой грамотѣ того же года предписываетъ настоятелю: „братью кормить довольно и давать братьѣ платье нескудно". Въ томъ же году опять пишетъ настоятелю: „наймомъ бы тебѣ, Бога ради, работниковъ не оскорблять. А только денегъ не будетъ, и тебѣ бъ по деньги прислать къ намъ къ Москвѣ. А рыбные бы ловли отдать какъ мошно, что бъ и крестьяномъ не скорбно было. Въ 1654 году пишетъ: „а одноличнo бъ вамъ плотникомъ давати наемъ, по нашему указу, сполна безъ убавки, чтобъ плотниковъ отъ дѣла не отгонять и монастырскаго строенія не остановить". Въ томъ же году: „а за работу имъ—крестьяномъ давать по достоинству. А братію, Бога ради, берегите и покойте, якоже присныхъ своихъ чадъ". Въ 1661 году Никонъ пишетъ властямъ Иверскаго монастыря: „и вамъ

[1]) Акты Иверскаго монастыря № 98.

бы, для ради крестьянскія скудости и хлѣбнаго недороду и воденого потопленія, нынѣшняго 169 году, *въ оброкъ польготить*, тысячу рублевъ имъ (крестьянамъ) отпустить: и которые погосты водою понимаетъ и хлѣбъ затопаетъ, и съ тѣхъ погостовъ, по разсмотрѣнію, что было довелось имъ дать въ пять сотъ четьи, на нынѣшней на 169 годъ не имать... А будетъ вамъ понадобится взять въ монастырь у нихъ—крестьянъ работниковъ, или плотниковъ, или подводы, и вамъ бы зачитать въ тотъ же оброкъ въ три тысячи рублевъ, и впредь бы у насъ о томъ было вѣрно и постоятельно и крестьяномъ не наложно. А будетъ, волею Божіею, котораго года учинится у ихъ, крестьянъ, хлѣбный недородъ и водное потопленіе и вамъ бы потому жъ дѣлать, боясь Бога, по разсмотрѣнію". [1]).

Итакъ Никонъ, сдѣлавшись рядомъ съ царемъ великимъ государемъ, почти полновластнымъ диктаторомъ и въ церкви и въ государствѣ, употребилъ свою громадную власть и силу только на то, чтобы дать всѣмъ почувствовать, и иногда очень больно и обидно, свое чрезвычайное могущество, чтобы отъ всѣхъ требовать послушанія и подчиненія своей волѣ, которая должна была царить всюду и надъ всѣми. Въ тоже время Никонъ вовсе не думалъ употребить, съ своей стороны, какія либо усилія и мѣры перестроить существовавшія церковныя порядки и отношенія въ томъ направленіи, чтобы потомъ, санкціонировавъ ихъ, онъ могъ, опираясь на нихъ, увѣренно и успѣшно проводить свою политику освобожденія церкви отъ порабощенія ея государствомъ. Никонъ, борясь за свободу церкви, вовсе однако не думалъ признавать даже за высшими представителями и правителями церкви—епископами возможно независимый и автономный характеръ въ веденіи и рѣшеніи ими церковныхъ дѣлъ, вовсе не думалъ и не заботился нравственно и умственно поднять тогдашнее темное рядовое духовенство, создать изъ него болѣе культурное сословіе, которое-бы, опираясь на свой религіозно-нравственный авторитетъ, на свое высшее умственное развитіе, просвѣщающимъ и облагораживающимъ образомъ могло дѣйствовать на тогдашнее грубое и невѣжественное русское общество и ради этого занять въ немъ болѣе высокое, по-

---

1) Ibid. №№ 21, 26, 27, 35, 36, 141.

четное и вліятельное положеніе, нежели какое оно занимало тогда въ дѣйствительности. Словомъ, Никонъ, въ своихъ стремленіяхъ къ созданію независимости церкви отъ государства, вовсе не думалъ находить точку опоры въ своихъ сослужителяхъ—епископахъ, а тѣмъ болѣе въ низшемъ подчиненномъ ему духовенствѣ, вовсе не думалъ пробуждать, развивать и укрѣплять въ нихъ идей и стремленій къ церковной свободѣ и автономіи, чтобы опереться потомъ на духовенство и найти въ немъ дѣятельныхъ и энергичныхъ помощниковъ въ борьбѣ за независимость церкви. Никонъ, въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ какъ разъ наоборотъ. Онъ не возвышалъ, а всячески принижалъ своихъ собратій—архіереевъ: заставлялъ ихъ на холодѣ, на виду у всѣхъ, по нѣскольку часовъ стоять на своемъ крыльцѣ въ ожиданіи, когда патріархъ соблаговолитъ принять ихъ, требовалъ отъ нихъ рабской покорности себѣ во всемъ, дозволялъ себѣ кричать на нихъ, ругать ихъ даже въ олтарѣ, за малѣйшее несогласіе съ нимъ отправлять ихъ въ тяжелую ссылку, какъ это было съ епископомъ Павломъ коломенскимъ. Съ низшимъ духовенствомъ Никонъ еще менѣе церемонился: запрещенія, ссылки, заточенія, цѣпи, личная кулачная расправа были у грознаго патріарха обычнымъ явленіемъ въ его отношеніяхъ къ рядовому духовенству. Положеніе духовенства въ патріаршество Никона, этого борца за независимость церковной власти отъ государственной, во всѣхъ отношеніяхъ оказалось тяжелѣе и приниженнѣе, нежели при его предшественникахъ, вслѣдствіе чего духовенство не только не было помощникомъ Никону, не только не сочувствовало его домогательствамъ на большую свободу его дѣйствій, хотя бы и въ церковной сферѣ, но и обращалось съ особыми челобитными къ свѣтской государственной власти—царю, чтобы у него найти себѣ защиту отъ суроваго, самовластнаго, слишкомъ скораго на безпощадную расправу патріарха. Когда Никонъ оставилъ патріаршую каѳедру, все духовенство облегченно вздохнуло и настаивало предъ свѣтскою властію—государемъ, чтобы Никонъ ни подъ какимъ видомъ не былъ возвращенъ на патріаршество, и чтобы на его мѣсто поскорѣе былъ избранъ новый патріархъ, только инаго характера и закала, чѣмъ Никонъ. Такъ духовенство поступало потому, что Никонъ желалъ независимости духов-

ной власти отъ свѣтской исключительно въ видахъ возвышенія и возвеличенія одной только патріаршей власти, онъ ставилъ и велъ это дѣло такъ, чтобы патріархъ былъ совершенно независимъ отъ царя, но чтобы вся церковная жизнь, до послѣднихъ мелочей, все духовенство, начиная съ архіерея и кончая послѣднимъ причетникомъ, во всемъ и всегда безусловно зависѣли отъ одного только патріарха, отъ его воли и усмотрѣнія, во всемъ бы оказывали ему полное послушаніе и повиновеніе, чтобы всякое распоряженіе патріарха, всякое его желаніе было въ глазахъ духовенства свято, непререкаемо, имѣло обязательную силу закона; источникъ всякаго права для духовенства—это воля и усмотрѣніе святѣйшаго патріарха, такъ какъ внѣ патріарха для него нѣтъ никакой другой власти, никакого другого права, единственно патріархъ есть его безконтрольный владыка, судья и управитель. Вполнѣ естественно было, что духовенство вовсе не желало имѣть патріарха съ такимъ характеромъ власти, и потому не только не сочувствовало Никону, но открыто и энергично возставало противъ него и въ царѣ всегда видѣло противовѣсъ чрезмѣрнымъ притязаніямъ патріаршей власти.

IV.

Священство выше царства.

Взглядъ Никона на священство какъ высшее царства по самому своему существу и происхожденію. Священство настолько выше царства, насколько небо отъ земли—архіерей равночестенъ самому Богу. Патріархъ есть единственный верховный управитель всей церкви, совершенно независимый отъ царя и, въ то же время, онъ есть высшій контролеръ всей жизни государственной и общественной. По заявленію Никона царь Алексѣй Михаиловичъ всячески гонитъ и преслѣдуетъ Никона, всѣхъ архіереевъ и духовныхъ, онъ ограбилъ русскую церковь, овладѣлъ и распоряжается всѣмъ церковнымъ, угнетаетъ и разоряетъ весь народъ. Нападки Никона на Уложеніе и его составителя боярина Одоевскаго. Предложеніе духовнымъ отвергнуть Уложеніе и не признавать надъ собою мірскаго суда. Отрицательное отношеніе Никона къ тогдашней русской церковной іерархіи и самой русской церкви и признаніе имъ наступленія временъ антихриста. Общія замѣчанія о борьбѣ Никона съ царскою властью.

Царь Алексѣй Михаиловичъ имѣлъ самое высокое представленіе о своей царской власти, о своемъ царскомъ достоинствѣ, считалъ себя прямымъ отображеніемъ на землѣ Царя небеснаго, отъ котораго онъ отличается только тѣмъ, что онъ, въ противоположность Царю небесному, есть *тлѣнный царь*; онъ признавалъ себя намѣстникомъ самого Бога на землѣ, призваннымъ Господомъ управлять не только дѣлами государства, но и заботиться о всѣхъ дѣлахъ вѣры и благочестія, наблюдать за правильнымъ ходомъ и направленіемъ всѣхъ вообще церковныхъ дѣлъ, которыя обязательно должны находиться подъ его высшимъ царственнымъ водительствомъ и руководствомъ. Поэтому Алексѣй Михаиловичъ, признавъ за Никономъ титулъ великаго государя, вовсе не думалъ этимъ отказываться отъ какихъ-либо верховныхъ своихъ правъ въ церкви, а тѣмъ болѣе въ госу-

дарствѣ, въ пользу патріарха, вовсе не думалъ признавать его дѣйствительно равноправнымъ себѣ,—настоящимъ дѣйствительнымъ государемъ, который имѣетъ право высшаго хотя бы и духовно-церковнаго контроля надъ самою царскою властію, можетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, выражать ей порицанія, не соглашаться съ нею и даже налагать свое veto на нѣкоторыя ея распоряженія. Алексѣй Михаиловичъ могъ Никона, какъ своего „собиннаго друга", по особому довѣрію и расположенію къ нему лично, надѣлить особыми исключительными правами, но онъ вовсе не думалъ усвоять этихъ правъ Никону, какъ законной принадлежности его патріаршаго сана. Никонъ же смотрѣлъ на дѣло совершенно иначе. Коренная ошибка Никона въ томъ именно и заключалась, что онъ свое особое, исключительное положеніе въ государствѣ, созданное юношескимъ увлеченіемъ очень молодого и очень благочестиваго царя, принялъ какъ законно принадлежащее его патріаршескому сану, какъ законное и неотъемлемое его патріаршее право. Никонъ не понялъ, что его положеніе великаго государя въ дѣйствительности не имѣетъ подъ собою никакой иной реальной и законной почвы, кромѣ увлеченія и каприза молодого царя, что при малѣйшемъ неудовольствіи на него царя, его исключительно высокое положеніе въ государствѣ неминуемо должно кончиться, что онъ, въ существѣ дѣла, только обыкновенный случайный временщикъ,—не болѣе. Никонъ всегда долженъ былъ понимать и хорошо помнить, что его близкія личныя отношенія къ царю, на которыхъ исключительно покоилось все его положеніе въ государствѣ, могутъ измѣниться, почему ему нужно было вести себя въ высшей степени осторожно, сдержанно, тактично, не давая чувствовать другимъ своей особой силы и власти. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, Никонъ дѣйствовалъ совершенно наоборотъ. Своимъ надменнымъ, властнымъ поведеніемъ онъ оскорблялъ бояръ, архіереевъ и всѣхъ; пользуясь своимъ подавляющимъ вліяніемъ на царя, онъ не желалъ уступать и ему, требовалъ и отъ него подчиненія себѣ. Это необходимо повело къ тому, что когда въ представленіи Алексѣя Михаиловича идеализированный имъ ранѣе Никонъ, созданный его юношескимъ воображеніемъ, замѣнился потомъ мало симпатичнымъ, настоящимъ реальнымъ Никономъ, онъ

сильно охладѣлъ къ предмету своихъ юношескихъ увлеченій и сталъ измѣнять свои сердечныя близкія отношенія къ нему на болѣе холодныя и сдержанныя. Естественно, что бояре, и всѣ другіе противники Никона, всячески постарались усилить и укрѣпить эти новыя отношенія царя къ его прежнему любимцу. Никонъ замѣтилъ перемѣну къ нему въ отношеніяхъ царя. Но вмѣсто того, чтобы постараться смягчить появившуюся въ отношеніи къ нему холодность царя уступчивостью, сдержанностію и тактичнымъ истинно-архипастырскимъ поведеніемъ, Никонъ воспылалъ великимъ гнѣвомъ на царя, увидѣлъ въ его охлажденіи измѣну ему—Никону и рѣшился отомстить царю. Никонъ былъ такъ болѣзненно самолюбивъ, такъ высоко ставилъ и цѣнилъ себя, такъ былъ избалованъ всегдашнимъ вниманіемъ и предупредительностію къ нему царя, немедленно исполнявшаго всякія его требованія, что когда Хитрово ударилъ его человѣка, а царь не поспѣшилъ сейчасъ же удовлетворить жалобу Никона, онъ счелъ себя кровно обиженнымъ царемъ, и чтобы сильнѣе и больнѣе дать ему почувствовать свою обиду, рѣшился неожиданно оставить публично патріаршій престолъ въ увѣренности, что царь никакъ не рѣшится разстаться съ нимъ и онъ такимъ смѣлымъ и шумливымъ шагомъ только возстановитъ въ прежнемъ блескѣ свои пошатнувшіяся близкія отношенія къ царю. Но Никонъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Царь вовсе не думалъ снова возвращать его на патріаршую каѳедру и, не смотря на всѣ старанія Никона, болѣе не хотѣлъ имѣть его патріархомъ. Тогда обманувшійся и крайне раздраженный своимъ пораженіемъ Никонъ, рѣшилъ доказать всѣмъ, что то особо высокое положеніе, какое онъ занималъ, будучи патріархомъ, вовсе не было слѣдствіемъ какой-то милости и расположенія царя, но простымъ естественнымъ выраженіемъ того положенія, какое патріархъ всегда долженъ занимать въ церкви и государствѣ на основаніи ученія самого Христа, на основаніи правилъ св. апостоловъ, св. отцовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, а также благочестивыхъ греческихъ царей, и что къ этому положенію патріарха милость и немилость царя не имѣютъ никакого отношенія. Словомъ, Никонъ, ранѣе пользовавшійся своимъ особымъ положеніемъ чисто фактически и ранѣе вовсе не думавшій о какомъ либо его

юридическомъ обосновании и оправданіи, рѣшилъ, послѣ оставленія имъ патріаршей каѳедры, подвести подъ свое великое государствованіе теоретически-правовую основу, доказать его правильность и необходимость, какъ явленія вполнѣ законнаго и истинно-христіанскаго.

Свои воззрѣнія на отношеніе царства и священства Никонъ, послѣ оставленія имъ патріаршей каѳедры, выразилъ по преимуществу въ своемъ обширномъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Возраженіе или разореніе смиреннаго Никона, Божіею милостію патріарха, противо вопросовъ боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисію Лигаридіусу и на отвѣты Паисеовы“. Приводимъ изъ этого сочиненія рядъ выдержекъ, которыя вполнѣ выясняютъ взглядъ Никона на интересующій насъ вопросъ.

„Хощеши-ли навыкнути, говоритъ Никонъ, имѣя въ виду Паисія Лигарида, яко священство и самаго царства честнѣйшии и большии есть начальство, и да не багряницу речеши ми, ниже діадиму, ниже ризы златы—сѣнь бо все она и весныхъ цвѣтовъ худѣйша: всяка бо слава человѣчья, рече, яко цвѣтъ травный, аще и самую речеши царскую багряницу, не убо ми сія глаголи. Но аща хощеши іерейское ко царю разнство видѣти, яже комуждо данныя власти, истязуй, и множаѣ отъ царя высочайше узрѣши іереа сѣдяща. Аще бо и честенъ вамъ престолъ царскій является отъ приложныхъ ему каменій и обдержаща и злата, долженъ есть судитися яко царь, но обаче яже на земли получилъ есть строительствовати, и множае сія власти не имать ничтоже. Священства же престолъ на небеси посаженъ есть: кто си глаголетъ?—самъ небесный Царь: елика бо аще свяжете на земли, будутъ связани на небесѣхъ,—что сея равно убо будетъ чести?—отъ земли начало суда пріемлетъ небо: понеже судія на земли осудитъ, владыка бо послѣдуетъ рабу, и яже убо сей осудитъ, сія Онъ горѣ утверждаетъ, и между Бога и человѣческаго естества стоитъ священникъ, яже отнюду чести сводя къ намъ, яже отъ насъ мольбы возводя, тамо гнѣвающась, того ко общему примиривая естеству приразившаяся, насъ исхищая отъ того руку. Сего ради и царіе помазуются отъ священническую руку, а не священники отъ царствія руки, и самую царскую главу подъ священниковы руцѣ принося полагаетъ Богъ, наказуя насъ, *яко сей она*

больши есть властникъ, меньшее бо отъ большаго благословляется Христосъ глаголетъ: дадеся имъ всяка власть на небеси и на земли оставляти грѣхи; и паки рече: его же свяжеши на земли, будетъ связанъ на небеси,—кому же таковая власть дана есть? Слышалъ еси: яко святымъ апостоламъ и, по нихъ, преемникомъ тѣхъ,—архіереомъ, а не царемъ. Царь здѣшнимъ ввѣренъ есть, а азъ небеснымъ; царь тѣлесѣмъ ввѣряемъ есть, іерей же душамъ; царь долги имѣніямъ оставляетъ, священникъ же долги согрѣшеніямъ; онъ принуждаетъ, а сей и утѣшаетъ; онъ нужею, сей же совѣтомъ; онъ оружія чувствена имать, а сей духовная; онъ брань имать къ сопостатамъ, сей же къ началомъ и міродержателямъ тмы вѣка сего, и сего ради: *священство царства преболѣ есть*". Указывая на гибель Дафана, Авирона и Корея, хотѣвшихъ восхитить священническія права Аарона, и затѣмъ на отверженіе Богомъ царя Саула, Никонъ обращается къ Лигариду: „видѣши, отвѣтотворче, глаголъ Божій, а не человѣчь: яко властелина тя поставихъ (слова Самуила къ Саулу отъ лица Божія) хоругви колѣна израилева, а не жертвы и всесожженія приносити, являя: *яко священство болши есть царства*, и еже пожелалъ (Саулъ) большее (священства), сущее свое погубилъ. Но мы уже выше сихъ написали, яко священство болѣе есть царства, *почто предваряеши царствомъ (священство)?* Увѣждь изъ вышеписанныхъ, яко и царіе предпочитали священство, горѣ сидящее на небеси. Но понимаеше-ли хотящихъ обезчестить священство Дафана и Авирона, что случися тѣмъ? и паки: Саулъ и Озія, паче достоянія своего поискавше, и еже имѣвше, погубиша. Како убо глаголеши совопросниче, яко царь вручилъ Никону досматривать всякихъ судебъ церковныхъ, не виде въ вышеписанныхъ, яко не отъ царей начальство священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются, тѣмъ же явлено есть множество, *яко священство царства преболѣе есть.* Хочеши-ли истину навыкнути, яко и самъ той діадемой украшаяйся, священнической власти повиненъ, и его (царя) кто свяжетъ по правдѣ на земли, будетъ связанъ на небеси. А его же царь свяжетъ временно, или убіетъ, имать о семъ отвѣтъ предъ Господомъ Богомъ, который научилъ не боятися отъ убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убити; но боятися подобаетъ могущаго душу и тѣло погубити въ геенѣ огнен-

нѣй. Что есть благотвореніе государево? Се ли есть, аще восхити на себя чинъ священства, ино бо есть священства чинъ и ино царства, яко же выше писахомъ много, но и нынѣ еще глаголемъ, *яко священство болѣ есть царства: священство отъ Бога есть, отъ священства же царства помазаніе* [1]).

Затѣмъ Никонъ подробно говоритъ объ учрежденіи ветхозавѣтнаго священства и потомъ новозавѣтнаго, о распространеніи по разнымъ странамъ христіанства, вмѣстѣ съ которымъ всюду распространялась и церковная іерархія, разсказываетъ какъ она возникла на Руси, и изъ всего имъ сказаннаго дѣлаетъ такое заключеніе, „что священство не отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но отъ самого Бога, и древнее и нынѣшнее, а не отъ царей, *но паче отъ священства царство произыде и нынѣ есть*, яко жъ уставъ царскаго поставленія свидѣтельствуетъ. *Священство всюду пречестнѣйше есть царства*, якоже выше назнаменахъ отъ божественнаго писанія, и нынѣ паки речемъ: *царство аще и отъ Бога дадеся въ міръ, но во гнѣвѣ Божіи и чрезъ священство помазуется чувственнымъ елеомъ, священства же помазаніе св. Духомъ непосредственнѣ*. Коликія дарованія архіереи имутъ отъ благодати св. Духа, священное слово показа, *яко архіереи подобники Божія*. Почто Божіихъ подобниковъ порицаеши, и на величествіи Божія престола сидящихъ унижаеши, и пастыря словеснымъ овцамъ отбѣгаеши, наставника слѣпымъ—отреваешися? *Власть священства толико гражданскія лучши есть, елико земли небо, паче же много вящше:* наше бо, рече, житіе на небесѣхъ и животъ нашъ тамо сокровенъ со духомъ въ Бозѣ, и почести тамо и теченіе о сущихъ тамо вѣнцѣхъ, ниже бо раззоряется по скончаніи сей животъ, но тогда сіяетъ больше. *Сего ради не точію князей и мѣстныхъ, но и самихъ, иже діадимою обложенныхъ, большую пріяша честь, имущія сію власть* аки въ большихъ и надъ большими претворяюще человѣки... *Яко же капля дождя отъ великія тучи*, то есть земля отъ небеси мѣрится, *тако и царство меньшится отъ священства*.., Ты, лицемѣре, како глаголеши чрезъ Божія заповѣди: почитати (царю) и не почитати (Никона и архіереевъ вообще) на воли есть царевѣ,—гдѣ есть то пи-

---

[1]) Рукопись нашей академіи № 218, л.л. 142 об.—144, 182, 206.

сано? Новозаконіе бѣсовское вводиши, а не отъ закона Божія. *Господь равночестна себѣ архіерея почте* глаголя: слушаяй васъ, мене слушаетъ, и отметаяйся васъ, мене отметается. Ты, малоумный, Божію благодать хулишь, данную намъ св. Духомъ, и низводиши насъ покарятися царемъ, яко же и Новохудоносору и образу златому". Никонъ, посланнымъ къ нему отъ царя въ Воскресенскій монастырь, говорилъ: „да почто самъ царь поповы руки цѣлуетъ, которые нами посвящены, и, ко благословенію приходя, и самъ главу свою преклоняетъ; и мы тому чудимся, почто царь архіереомъ и ереомъ нудитъ руки своя цѣловать, не суть архіерей, ни іерей. Аще и ему, государю, *за премногую его гордость мнится священство менши царства*, познаетъ тогда различіе царства и священства, егда познани будемъ отъ нелицемѣрнаго судіи, Христа и Бога нашего". Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ государю Никонъ пишетъ: „откуду ты такое дерзновеніе пріялъ, еже сыскивати о насъ и судити насъ? Которые жъ тебѣ законы Божія велятъ обладати нами, божіими рабы? Недовольно ли ти бысть царствія міра сего люди разсуждати въ правду и не о семъ прилежиши; а еже повелѣніе твое, написанное въ наказѣ, взять крестьянъ Воскресенскаго монастыря, по какимъ то уставамъ? Надѣюсь, аще и поищеши, не обрящеши, развѣ беззаконія и писанія? Послушай же Господа ради, что бысть древле за такое продерзаніе... Горе тѣмъ, иже по убіеніи имутъ быть ввержени въ дебрь огненную; того боятися надобно, иже нынѣ славою міра сего превозносятся и гордятся, *аки безсмертни и аки боги славятся отъ человѣкъ безумныхъ*, въ сладость пріемлютъ таковыя безумныя глаголы: *ты Богъ земной*. Насъ же священное писаніе учитъ: Богъ нашъ на небеси и на земли вся, елико восхотѣ, сотвори. Таковыми безумными глаголы Новохудоносоръ, царь вавилонскій, усладився царства лишися" [1]).

Никонъ проводитъ ту характерную для его воззрѣній мысль, что царства процвѣтаютъ и стоятъ твердо только до тѣхъ поръ, пока въ нихъ почитается архіерейство. Какъ же скоро архіереевъ начинаютъ не почитать, то съ государствами происходятъ страшныя катастрофы и, въ концѣ, если

[1]) ibid. л. 213—215. Зап. рус. археол. общ. II, 542—543.

государство не исправится въ этомъ отношенiи, оно окончательно погибаетъ, какъ это показываетъ примѣръ Грецiи, какъ этому учитъ и наша собственная исторiя, когда у насъ низвели патрiарха Iова и еще при его жизни незаконно поставили новаго патрiарха—Гермогена, вслѣдствiе чего наступило у насъ страшное смутное время, едва окончательно не сгубившее московское царство. Это происходитъ потому, что по представленiю Никона все христiанство, вся Христова церковь заключается собственно въ высокочтимомъ и всѣми, особенно царствомъ, ублажаемомъ архiерействѣ и, по преимуществу, въ патрiархѣ—отцѣ и начальникѣ самихъ архiереевъ, такъ какъ патрiархъ есть живой и одушевленный образъ Христа. Само собою понятно, что такъ высоко самимъ Богомъ поставленное священство, а тѣмъ болѣе глава священства—патрiархъ, никакъ не можетъ быть подчинено царству, а только Богу и божественнымъ законамъ. Послѣднiе, какъ Божественные, святы, неизмѣнны, вѣчны, обязательны для всѣхъ и вовсе не зависятъ отъ царства и потому: передѣлывать, измѣнять, въ чемъ либо нарушать ихъ и отступать отъ нихъ царство не можетъ, оно должно имъ, и ихъ представителю и охранителю—патрiарху, подчиняться безусловно, такъ какъ противленiе имъ есть противленiе волѣ Божiей, великое нечестiе, величайшее зло, влекущее за собою гибель самаго государства. Патрiархъ, какъ высшiй представитель и охранитель всего божественнаго не только въ церкви, но и въ государствѣ, есть, поэтому, обязательный контролеръ и всей государственной жизни, правильное, нормальное теченiе которой всегда зависитъ отъ проникновенiя ея и вѣрнаго соблюденiя въ ней божественныхъ законовъ. Поэтому, патрiарху обличать царя по правдѣ, досаждать ему изъ за правды, всегда слѣдуетъ, такъ какъ, говоритъ Никонъ, „по правдѣ кто обличаетъ царя, нѣсть муки достоинъ... Многъ ликъ у Господа собранъ зло пострадавшихъ обличенiя ради неподобныхъ дѣлъ царскихъ“. [1]) И Никонъ, какъ высшiй охранитель божественныхъ законовъ, какъ правомочный контролеръ всей государственной жизни, поскольку она является согласною или несогласною съ божественными законами, какъ поставленный самимъ Богомъ

[1]) Акад. рукоп. № 218, л. 183. Гиб. II, 587.

безстрашный обличитель неправдъ „и неподобныхъ дѣлъ царскихъ“, обращаетъ свое вниманіе на положеніе тогдашней церковной и государственной жизни, особенно съ точки зрѣнія ихъ взаимныхъ отношеній, и разсматриваетъ, насколько онѣ были вѣрны божественнымъ законамъ и велѣніямъ. Это разсмотрѣніе приводитъ его къ самымъ печальнымъ и неутѣшительнымъ выводамъ.

Прежде всего Никонъ заявляетъ, что онъ потому именно оставилъ патріаршій престолъ, что государь пересталъ повиноваться церкви и сталъ несправедливъ къ ея представителю—Никону, котораго онъ теперь всячески гонитъ и преслѣдуетъ. „Елико онъ, великій государь царь, пишетъ Никонъ, поелико возможно пребывалъ въ своемъ обѣщаніи, повинуяся святѣй церкви, и мы терпѣли; егда же онъ, великій государь, измѣнился отъ своего обѣщанія и на насъ гнѣвъ положилъ неправедно, яко же вѣсть Господь, и мы, помня свое обѣщаніе о храненіи заповѣдей Божіихъ“, оставили престолъ патріаршій съ тѣмъ, „пусть ему, государю, просторнѣе безъ меня (будетъ), а то, на меня гнѣваяся, къ церкви не ходитъ... А всесвятѣй велицѣй церкви обидъ много стало, и божественныхъ заповѣдей Христовыхъ и св. апостолъ и св. отецъ правилъ, какъ обѣщалъ (царь) на нашемъ поставленіи, не почалъ соблюдать. А мы, на избраніи своего патріаршества, и сами обѣщали, съ клятвою и съ подписаніемъ руки своея, Божія заповѣди и св. апостолъ и св. отецъ хранити“.

И послѣ оставленія Никономъ патріаршей каѳедры царь однако продолжалъ всячески преслѣдовать его. Никонъ пишетъ: „зриши-ли коликъ подвигъ, коликое тщаніе показуетъ отъ великаго гнѣва на мя царь: кто-бы какову лжу не сказалъ кто, самъ, чрезъ вся святыя Божія заповѣди и апостольскія и отеческія правила, по всей Россіи сыскиваетъ съ большимъ страхомъ и прещеніемъ о невѣдомыхъ нашихъ, и бысть самъ судія и истецъ, весь на себя судъ и отправленіе христіанское взялъ. Глаголетъ царь, что мы ево (Никона) не гонили съ престола,—но яко же тогда, егда засвидѣтельствовалъ предъ Богомъ и Отцемъ и Господомъ нашимъ и святымъ и животворящимъ Духомъ о неправдахъ его государевыхъ и о напрасномъ гнѣвѣ невинно на мя во святѣй велицѣй церкви, и отъ тѣхъ временъ не престая

гонитъ; ему кажется легко, что волю далъ всякому неправеднику злословити, елико кто хощетъ и умѣетъ, а намъ же отъ злодѣевъ смерть приходитъ... что же больше гоненія сего, еже всѣхъ архіереовъ, архимандритовъ и игуменовъ созвавъ по нашемъ отхожденіи, самъ и гонителю и истецъ бысть; все, елико ему, государю годно, собравъ написа, сказки готовыя присла на соборъ и всѣхъ своею милостію и жалованьемъ, иныхъ же страхомъ, всѣхъ къ своему государеву хотѣнію принуди, ихже души согрѣшившія, взыщетъ на немъ Господь Богъ. И потомъ, кто о чемъ ложно не побьетъ челомъ, все съ выговоры государь посылаетъ, аки ко осужденному, своихъ государевыхъ думныхъ, и ко всѣмъ велитъ понужи самому въ судъ приходити о всякихъ дѣлахъ случившихся, чево и надъ попомъ не предстоитъ дѣлать. И елицы добрыя боголюбцы посѣщали насъ бѣдности нашей Бога ради, или которыя добрыя люди, видя наше бѣдное житіе, попечалится или поскорбитъ словомъ, а ему, великому государю, вѣдомо учинится, тѣхъ всѣхъ—овѣхъ въ заточеніе посла, овѣхъ иними страхи обложи и прещенми лютыми, а царское дѣло таково, аще и надъ единымъ человѣкомъ что сотворитъ, всѣ того ради устрашатся". Преслѣдуя Никона, царь оказывается крайне неблагодарнымъ къ нему. „Воспомянулъ бы, государь, пишетъ Никонъ, и нашу къ нимъ, государемъ работу, и молитвы и слезы, яко же есть вѣдомо имъ, государемъ, по два моры, и превративъ свое къ намъ немилосердіе въ прежнюю любовь, и иже совѣтующимъ на мя злое, сотворилъ бы яко же и Аману... Намъ царское величество за многія наши труды малое нѣкое подаяніе даде,—*недостойно его подаяніе нашихъ трудовъ и болѣзней!* Но и се мы у себя ничтоже удержахомъ къ своимъ прихотѣмъ, но все Господеви возложихомъ, яко свидѣтельствуютъ вещи". Причина гоненій на Никона и ненависти къ нему царя заключается въ томъ, что *„государь восхитилъ церковь и достояніе ея все въ свою область беззаконно,* того ради и насъ ненавидитъ, яко же прелюбодѣй никогда можетъ любити законнаго мужа, но присно помышляетъ о немъ злое" [1]).

Царь гонитъ и преслѣдуетъ не только Никона, но и дру-

---

[1]) Акад. рукоп. № 218, л. л. 128 аб., 136 аб. 137, 184.

гихъ архіереевъ и всѣхъ вообще духовныхъ, надъ которыми онъ беззаконно присвоилъ себѣ право ставить ихъ, судить, облагать даньми, такъ что царь обладаетъ теперь и правитъ всѣмъ церковнымъ, всею церковію. Въ виду этого Никонъ пишетъ. „аще бы кто видѣлъ царя въ царскихъ священствуя—литургію служа, или иная священству достойная творя, кто бы то могъ глаголати, яко и въ правду достойно есть, аще неизумленный умомъ: како же ты глаголеши, отвѣтотворче, яко радѣніе царю есть радѣніе церковное? Егда глава есть церкви царь? Ни, но глава есть Христосъ, яко же пишетъ апостолъ. Царь не есть, ни быти можетъ глава церкви, но яко единъ отъ удъ, и сего ради ничтоже можетъ дѣйствовати во церкви, ниже послѣдняго чтеца чинъ. А что нынѣ чрезъ волю Божію дѣйствуетъ, насильствомъ церкви Божіи насильствуетъ, и вся, яже ихъ, отъемлетъ, архіереевъ, архимандритовъ, и весь священный чинъ судитъ, имать самъ судимъ быти отъ нелицемѣрнаго судіи Христа. Гдѣ есть Христово слово, да власть имать надъ церковію?.. Дивно есть како человѣколюбіе Божіе терпитъ, еже нынѣ не точію самъ царь самъ святительства на ся воспринялъ, но и вси, во власти его сущіи, то творятъ... Азъ предъ Богомъ о семъ извѣтъ творя во святѣй церкви, яко много любодѣйства царь, яко же и нынѣ отъ всѣхъ видится, како любодѣйствуетъ святою церковію, всѣми церковными уставы и вещми... *Православніи царіе священство предпочитали паче царства, а не какъ нынѣ*, еже въ лицо намъ говорятъ, понося: царь-де единъ великъ, а васъ де много: не тотъ-де патріархъ,—ино чернцовъ много у государя, а чернцы — раби Божіи и богомольцы царскіи, а не раби, еже нынѣ архіереи и монастыри принуждены царскимъ величествомъ во все злое мірское дѣло и тягло и воинствовать яко и простымъ человѣкомъ... Царь церковію обладаетъ, священными вещами богатится и питается, славится въ нихъ, яко вси церковницы: митрополиты, архіепископы и епископы, священницы и всѣ причетницы покоряются, работаютъ, оброки даютъ, воюютъ,—судомъ, пошлинами владѣютъ... Глаголеши, совопросниче, яко тишайшій государь нашъ и всесчастливый царь вручилъ Никону, чтобъ досматривалъ всякихъ судебъ церковныхъ: вручилъ Никону не царь досматривати судебъ церковныхъ, вручила Никону

благодать св. Духа, *но царь тую уничижи и св. Духа благодать обезчести и немощну ту сотвори,* яко безъ царскаго указу не можетъ быть нынѣ поставленъ есть сего или иного архимандрита, игумена, или пресвитера и прочихъ по благодати святаго Духа; и по указу великаго государя и прочее; такожде: удавленнаго или убитаго погребати, или молитва во грѣсѣ рожденному дати,—все по государеву указу... *Архіерейство государь не почелъ, но и обезчестилъ тако, что невозможно и писати, безчестнѣе и поганыхъ царей о безчестилъ*". Въ письмѣ къ государю Никонъ пишетъ: „всѣмъ архіерейскимъ рука твоя обладаетъ: и судомъ и достояніемъ; страшно молвить, обаче терпѣть невозможно, еже нами слышится, яко по твоему указу и владыкъ посвящаютъ и архимандритовъ и игуменовъ и поповъ поставляютъ, и въ ставленныхъ грамотахъ пишутъ равночестна и св. Духу, аще по благодати и по указу великаго государя. Недоволенъ св. Духъ посвятити безъ твоего указу; да кто больши сего, да Богъ тебѣ терпитъ, пишетъ бо: аще кто на святаго Духа хулитъ, не имать оставленія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій;—и аще се не устрашило тя есть, да что можетъ, что уже не прощенія еси своимъ дерзновеніемъ достоинъ сотворился". Вообще, по словамъ Никона, царь „самъ на ся чинъ святительскій и власть церковную восприялъ, чрезъ божественные уставы и чрезъ свою клятву, еже трегубо клялся: ово во крещеніи, ово въ царское поставленіе, ово въ Никоново патріарха поставленіе, еже не мудрствовати паче, еже подобаетъ благочестивымъ царемъ". Въ виду этого Никонъ съ гнѣвомъ обращается къ Лигариду: „откуду ты такой гнилой законъ взялъ, еже царемъ церковная правити?.. Подобаетъ комужно своя мѣра знати, а не восхищати на сущія своя: ниже се строеніе церкви, но паче гоненіе... Покажи извѣстно, не отъ своихъ гнилыхъ произношеній, но отъ божественнаго писанія, гдѣ есть такіе законы, да царіе въ церковныхъ преданіяхъ и уставахъ исправляютъ и повелѣваютъ, яко же ты глаголеши... Аще мнитъ царь, яко добро творитъ владѣя и повелѣвая во священныхъ уставахъ, не чудеся, что Богъ терпитъ на большее и лютѣйшее отмщеніе... Да гдѣ есть законъ и воля Божія, еже царемъ или вельможемъ его судити архіереевъ и прочій священный чинъ и достояніе ихъ? Да гдѣ есть законъ таковъ и запо-

вѣдь, еже бы царемъ владѣти архіереи и прочіимъ священнымъ причтомъ"? [1]).

Царь Алексѣй Михаиловичъ, по мнѣнію Никона, не только „чинъ святительскій и власть церковную воспріялъ на ся", но и захватилъ себѣ все церковное достояніе, или, по выраженію Никона, „обнищалъ и ограбилъ св. церковь". „Все царское величество чрезъ божественныя законы, вышеписанныя здѣ, олихоимствова, и не имѣетъ святая великая церковь нѣкотораго причастія въ Москвѣ, яко же прежде при прежнихъ царѣхъ и великихъ князѣхъ имѣла, но есть пуста всякаго перваго своего достоянія, яко вдова осиротѣвше... О себѣ не изволилъ государь (обличая Никона) праведно разсмотрѣть, колико у святѣй велицѣй церкви пресвятыя Богородицы поималъ отчинъ, людей и прочихъ всѣхъ домовыхъ потребъ: хлѣба, рыбы, денегъ, лошадей и прочихъ потребъ, вмѣсто великаго приношенія за помазаніе на царство. Також де и отъ прочихъ святыхъ церквей и монастырей поимано елико отчинъ, и людей, и денегъ, и хлѣба, и лошадей, и кто-то можетъ исчислить; а ему, великому государю, святая великая соборная и апостольская церковь, и прочія святыя церкви, и святыя монастыри, ни чѣмъ неповинны и никакими данми, развѣе, по завѣщанію св. апостолъ, молитвою и честію... Велми возлюбилъ царь духовную свою матерь-церковь Божію, только не такою любовью, яковою любовію возлюби Христосъ, иже себѣ предаетъ за ню, на себе тую обручи; и елико насъ нищихъ отъ сосецъ своихъ питала, себѣ (царь) пищу сотвори и сущимъ съ собою. Царь сего ради возлюби церковь, яко же Давидъ Уріеву жену Вирсавію, и тѣшится харчемъ ея со всѣмъ домомъ... Царь ничтоже принесе Господеви и святѣй велицѣй церкви что-либо достойно, но яко сиру ту обезчести, и обнажи всѣхъ добрыхъ яко вдову всей божественной чести, ею же Богъ почте, яко же зрится отъ всѣхъ, лишена всѣхъ благихъ движимыхъ и недвижимыхъ... Все, елико собранное прежде насъ архіереи, движимыя и недвижимыя вещи въ патріархіи, безъ всякаго страха Божія въ потребы свои и сущимъ съ собою царь усвоилъ, все чрезъ божественныя законы и за-

---

[1]) Акад. рукоп. № 218. л. л. 142—143, 174, 193—194, 203 об. Зап. русск. археол. общ. т. II, стр. 546.

повѣди онасилова и поработи. Царское величество правило (приносить даръ Богу) не сохраняетъ, неточію что приносить создавшему его Богу, по нѣкоему преданію древнихъ отцовъ, но и прежде данное святѣй велицѣй церкви благочестивыми, прежде бывшими цари и великими князи, все усвоилъ въ свои потребы, движимыя и недвижимыя вещи, о нихъ же писано есть выше... Самъ (царь) вся сущая ея (церкви) въ домъ свой посилова, еже чада церковная и нищіи питашеся, злымъ человѣкомъ емля, истощеваетъ: сокольникомъ и псарямъ, и прочимъ неблагодарнымъ злодѣемъ, иже угодная ему творятъ, яко же и при патріарсѣхъ, елико нужнѣйшихъ на церковный обиходъ и на нищихъ потребу изобиловаше малые остатки, къ нему же въ руцѣ отхождаху". И далѣе Никонъ, въ обличеніе лихоимства царя рисуетъ такую характерную бытовую картину: „уставъ положенъ, не вѣмъ по какимъ законамъ, еже празднуютъ патріарси Успенія пресвятыя владычицы нашея Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи, и недѣлю Ваія и преставленіе святаго Петра митрополита московскаго и всея Россіи чудотворца, и во таковые три праздники призывается, отъ патріарха и отъ всего священнаго собора, царь и со всѣмъ синклитомъ на праздники и, по совершеніи святаго праздника, зоветъ патріархъ царя хлѣба ѣсть, и по яденіи хлѣба подноситъ патріархъ царю великіе дары отъ останковъ церковныхъ вещей. И царь преемлетъ тѣ дары, отсылаетъ во свою царскую казну,—въ томъ всѣ останки церковныхъ оброковъ скончаваются отъ года до года. А лѣпо было на таковые великіе три праздники самому царю, и царицѣ, и царевичемъ, и царевнамъ, и княземъ и бояромъ, и всѣмъ вельможамъ, и всѣмъ людямъ приносити дары, по писанному: да не явишися тощь предъ Господомъ Богомъ твоимъ... Они же, претворше сіе божественное повелѣніе на ся, вси сошедшеся въ праздникъ въ церковь Господню, ничто же приносяще даровъ Господеви, и по совершеніи святыя литургіи, у патріарха напитавшеся довольно и пріемше дары, отходятъ въ домы своя, радующеся и веселящеся, ничто же благо предъ Господемъ сотворше, или дары принесше, но сами, аки оброкъ埋 вземше отъ божественнаго наслѣдія. Кого таковіи пощадятъ, Бога не щадяще и достояніе Господне, и глаголютъ: патріархъ симъ и симъ благословилъ сего и

оного. А неблагодарніи людіе, вѣдая обычное патріарху къ празднику пристроеніе, сугубые и трегубые цѣны емлютъ за серебряные сосуды, за соболи, и за золотые бархаты, и атласы, и за камки и прочіе потребы. И по что таковымъ въ храмъ Божій приходити,—сами не приносятъ ничтоже, но и собранное истощаютъ. И слышано есть выше сего, колико зло есть обида, а се ли не обида, ей, обида есть, и не мала святѣй велицѣй церкви. Понеже отъ боязни и страха, не можетъ сего патріархъ преложить, аки Божія устава или обѣта". Даже всѣ лучшія личныя вещи Никона, оставленныя имъ въ Москвѣ, послѣ оставленія имъ патріаршей каѳедры, государь, будто бы, присвоилъ себѣ. Никонъ говорилъ посланнымъ къ нему отъ царя въ Воскресенскій монастырь: „а келейную-де ево рухлядь всю, по указу великаго государя, бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой съ товарищи перебирали, и пересматривали, и переписывали *и исъ той ево келейные рухледи лутчее все изволилъ великій государь взять на себя, государя*". Въ письмѣ къ самому царю Никонъ пишетъ: „повсюду своимъ насиліемъ по святымъ митрополіямъ и епископіямъ и святымъ монастыремъ, безъ всякаго совѣта и благословенія, насиліемъ вещи движимыя и недвижимыя емлеши нещадно... А отъ твоихъ началъ царства граматы (жалованныя церкви) всѣ упразднены и церкви Божіей и святымъ монастыремъ данное въ наслѣдіе вѣчное недвижимыя вещи, слободы, села, озера, варницы соляныя, лѣса многія, поотнялъ и причастника себѣ Бога не сотворилъ еси. Сего ради и Богъ остави тя и остави ти имать, аще не покаяшися и не возвратиши взятое отъ Божіихъ церквей, паки и грамотъ, еже прежде тебя бывшихъ, во святыхъ церквахъ и во святыхъ монастырѣхъ не утвердиши и отъ восхищенія святыхъ вещей не удержишися... Твоя воля всему прикоснуся, еже нами слышится о хлѣбѣ, и деньгахъ, и о соли, и о вотчинахъ, дѣеши безъ страха Божія, и ни чимъ же насъ лучше сотворилъ еси поселянъ, или мірскихъ воинъ. Въ латинскихъ ересяхъ написано, яко и сами ихъ архіереи на войну отпускаютъ и сами ходятъ,— и мы до тѣхъ дней дожили, что уже воюемъ, яко и мірстіи человѣцы. Доколѣ уже насъ самѣхъ твое благородіе не пошлешь на войну? „Въ томъ же письмѣ къ царю Никонъ пишетъ, что будто бы явившійся ему святой митрополитъ

Петръ, говорилъ ему: „брате Никоне, говори царю, почто онъ святую и великую церковь преобидѣлъ, иже нами собранныя святыя недвижимыя вещи восхитилъ безстрашіемъ, и нѣсть ему на пользу се, но рцы ему, да возвратитъ паки, яко гнѣвъ Божій того ради навелъ на ся: дважды мору бывшу и колько тысящь изомроша и запустѣша, и сущихъ нынѣ не имать предъ враги своими стати“. Даже предъ константинопольскимъ патріархомъ Никонъ счелъ возможнымъ обвинять царя въ захватѣ церковной власти и церковныхъ имуществъ: „нынѣ бываетъ, писалъ онъ патріарху, вся царскимъ хотѣніемъ: егда хощетъ кто дьяконъ, или пресвитеръ, или игуменъ, или архимандритъ поставлятися, тогда пишетъ челобитную царскому величеству и проситъ повелѣнія, чтобы хиротонисали его митрополитъ, или архіепископъ, и царскимъ повелѣніемъ на той челобитной подпишутъ: по указу государя царя его поставити попомъ, или діакономъ, или инаго какого чину, кто во что поставляется. И сице хиротонисаютъ ихъ царскимъ словомъ. И егда митрополитъ, или архіепископъ, или епископъ хиротонисаетъ, тогда дадутъ наставленную грамоту и пишутъ: хиротонисася діаконъ или попъ повелѣніемъ государя царя, а не по заповѣди Божіи и не по правиломъ св. апостолъ и св. отецъ. И егда повелитъ царь быти собору, тогда бываетъ; и ково велитъ избрати и поставити архіереемъ,—избираютъ и поставляютъ; и ково велитъ судити и обсуждати, и они судятъ и обсуждаютъ и отлучаютъ. И вся елика суть во епархіи патріаршаго имѣнія, царское величество на свои протори емлетъ, и гдѣ велитъ, даютъ безчинно. Сице и отъ митрополичихъ епархій, и отъ архіепископлихъ и епископлихъ, и честныхъ и великихъ монастырей имѣнія, по повелѣнію его, емлютъ, и людей на службу, и хлѣбъ и деньги повелѣніемъ своимъ велитъ взять и возмутъ немилостиво и дани тяжки. И сице весь родъ христіанскій утягчи данми сугубо и трегубо и вящше и нѣчто бываетъ на пользу“ [1]).

Вообще, анализируя отношенія царя къ церкви, къ церковнымъ правиламъ и постановленіямъ, къ самому слову Божію, Никонъ считаетъ возможнымъ и справедливымъ на-

---

[1]) Акад. рукоп. л.л. 126 об. 127, 137, 150, 183, 252—253, 256, 468—469. Зап. рук. арх. общ. II, 526—527, 546—551, 561. Гиб. II, 512, 514.

рисовать такую картину: „Государь царь привилегіи (ранѣе данныя церкви) разори и церкви одолѣ и сотвори ю (церковь) себѣ повинитися... Царское величество и ключь у Петра и прочихъ апостоловъ и по нихъ наслѣдникъ тѣмъ, отъятъ, и еже свяжутъ,—и владыка Христосъ Богъ не разрѣшитъ на небеси, а государь царь то разрѣшаетъ на земли и на небеси. А еже аще разрѣшиши, рече, на земли, будетъ разрѣшено на небеси, а государь царь то вяжетъ на земли! И паки дуну Господь на святыя своя ученики и апостолы, глаголя: пріимите Духъ святъ, имъ же отпустите грѣхи, отпустятся, а имъ же держите, держатся,—государь царь, не пріемъ св. Духа благодати, оставляетъ грѣхи, и держитъ, имъ же хощетъ, властію міра сего, а не по благодати оставляетъ грѣхи. Господу глаголющу: аще вы пребудете въ словеси моемъ, воистину ученицы мои будете,—государь царь не точію самъ пребываетъ (вѣренъ словамъ Господа), но и пребывающихъ ненавидитъ. Паки Господу глаголющу: аминь, аминь глаголю вамъ, вѣруяй въ мя, дѣла яже творю, и той творитъ и болша сихъ сотворитъ,—государь царь не точію самъ не соблюдаетъ, но и творящихъ ненавидитъ и гонитъ. Господу глаголющу: аще любите мя, заповѣди мои соблюдете,—государь царь не точію самъ не соблюдаетъ, но и соблюдающихъ не любитъ. Господу глаголющу: не любяй мя и словесъ моихъ не соблюдаетъ,—государь царь и ругающихся (словомъ Господа) лобзаетъ. Господу глаголющу: миръ вамъ оставляю, вамъ миръ мой даю вамъ,—государь царь миръ Божій не точію не пріемлетъ самъ, но приносящихъ гонитъ изъ града своего. Господу глаголющу: аще бысте меня любили, возрадовалися бысте убо,—государь царь не точію радуется, еже любити Господа, но и радующимся плакати творитъ. Господу глаголющу: си есть заповѣдь моя, да любите другъ друга, якоже азъ возлюбихъ вы,—государь царь самъ не любитъ и инемъ возбраняетъ любить другъ друга. Господу глаголющу: больше сія любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя, вы друзи мои есте, аще творите, елико аще заповѣдаю вамъ,—государь царь не точію благоволитъ душу свою положити за други своя, но и хотящимъ хощетъ самъ душу отъяти, и ниже братіею кого-либо именовать отъ меньшихъ подданныхъ своихъ, но и отца, иногда называя и

пиша своею рукою, простому человѣку уподобилъ за злобу свою—Никономъ зоветъ и ниже патріархомъ именуетъ, и яко раба подъ оброки себѣ сотворилъ; и не мене—худаго раба Божія, но и Господа моего І. Христа поработилъ себѣ: все, еже Господу нашему І. Христу данное въ вѣчное наслѣдіе святѣй церкви его, себѣ усвоилъ и людемъ своимъ, о немъ судъ имѣетъ отъ Самаго Господа Бога, по дѣломъ руку своею пріимутъ. Аще возмнитъ кому жестоко слово сіе, мы не отречемся показати отъ писанія на иномъ мѣстѣ".

Такое отрицательное отношеніе царя къ церкви, къ заповѣдямъ Божіимъ и ко всѣмъ вообще законамъ и правиламъ церковнымъ Никонъ объясняетъ слѣдующимъ: „всѣмъ всюду вѣдомо, яко царь не любитъ Господа, понеже не хранитъ заповѣди его, ниже есть ученикъ Христовъ, *понеже не любитъ насъ*, Господу свидѣтельствующу: не любяй мя, словесъ моихъ не соблюдаетъ... Не вѣмъ, что либо царское величество дѣлаетъ отъ евангельскихъ заповѣдей, но своя человѣческія всюду предпочелъ паче Христовыхъ; а еже бы самому государю хранити святыя Божія заповѣди,—не вѣмъ... И аще бы государь царь *любилъ Бога, любилъ убо мене*... А то правда, что *царское величество* расширился надъ церковію чрезъ вся божественныя законы своимъ достоинствомъ, а не закономъ коимъ либо Божіимъ, и не до сего точію ста, но и *на самаго Бога возгордѣ широтою орла... Не на меня единаго вознесеся (царь), но и на самаго Бога и законъ*". Въ виду этого Никонъ въ своемъ письмѣ къ царю грозитъ ему: „на тя отъ всѣхъ родовъ имутъ собратися: первіе, св. Духъ, яко обезчестилъ еси и недовольна ту силу и благодать сотворилъ еси безъ твоего указу; второе, святіи апостоли, иже имутъ сѣсти на обою надесяти престолѣхъ, еже чрезъ правила ихъ дерзаеши повелѣніемъ своимъ; къ тому же лики святыхъ седьми вселенскихъ соборовъ и прочихъ св. отецъ, еже исправили и утвердили не преступати, со страшнымъ запрещеніемъ, еже аще кто убавитъ или прибавитъ и прочее; тако же и благочестивые царіе и великія князи, иже уставили и укрѣпили православныя преданныя законы, еже имутъ святыя церкви на вспоможеніе ко святыхъ апостолъ и св. отецъ правиломъ, еже твоя повелѣнія разори и ни во чтожъ вмѣни".

Отъ неправдъ и насилій царя не только „мати его святая великая соборная церковь, которая породила его водою и

Духомъ и хризмою на царство помаза, обидима плачетъ, яко сирота послѣдняя и яко вдова обругана“, но страдаетъ и весь православный русскій народъ. „Государь царь за едино слово, аще кто о правдѣ молвитъ, языки рѣжетъ, и руки и ноги отсѣкаетъ, въ заточеніе невозвратное посылаетъ, забывъ смертный часъ, аки безсмертенъ и не чая будущаго суда Божія“. Въ грамотѣ константинопольскому патріарху Никонъ пишетъ: „и весь родъ христіанскій утягчи (царь) данми сугубо и трегубо и вящше и ничто бываетъ въ пользу“. Въ письмѣ къ самому царю Никонъ пишетъ: „ты всѣмъ проповѣдуешь постити, а нынѣ и невѣдомо кто не постится; скудости ради хлѣбныя во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся и ѣсть нечево: и нѣсть, кто бы помилованъ былъ, но отъ начала царствія твоего вси купно отписаны давидскимъ беззаконнымъ отписаніемъ: нищіе и маломощные, слѣпыя, хромыя, вдовицы и черницы, и вси данми обложены тяжкими и неудобь искусными,—вездѣ плачь и сокрушеніе, вездѣ стенаніе и воздыханіе, и нѣсть никого веселящася во днехъ сихъ“ [1]).

Послѣ царя съ особою силою и ожесточеніемъ Никонъ нападаетъ на Уложеніе и его главнаго составителя боярина Одоевскаго. Царь и патріархъ Іосифъ, заявляетъ Никонъ, приказывая боярину Одоевскому составить Уложеніе, не имѣли въ виду „новыя законы вводити“, а „онъ, князь Никита, человѣкъ прегордый, страху Божія въ сердцы не имѣетъ и божественнаго писанія и правилъ св. апостолъ и св. отецъ ниже читаетъ, ниже разумѣетъ, и жити въ нихъ не хощетъ и живущихъ въ нихъ ненавидитъ, яко враговъ сущихъ, самъ быхъ врагъ всякой истинѣ. А товарищи его люди простые и божественнаго писанія невѣдущіи, а діаки вѣдомыя враги Божія и дневныя разбойники, безъ всякія боязни въ день людей Божіихъ губятъ“. Если таковы составители, то таковы, понятно, и составленные ими законы. Одоевскій заявляетъ, что онъ составилъ Уложеніе „выписавъ изъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ, и изъ градскихъ законовъ греческихъ царей, и изъ старыхъ судебниковъ прежнихъ великихъ государей“, и то онъ, заявляетъ Никонъ,

---

[1]) Рукопись Бѣляева, л.л. 180—181, 136, 212, 415. Зап. рус. археол. общ. I, 460, 473, 547, 550.

„солгалъ: изъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ и благочестивыхъ царей градскихъ законовъ ничего не выписывалъ, якожъ и сама та Уложенная беззаконная книга свидѣтельствуетъ беззаконіе ихъ. О самомъ Уложеніи Никонъ не стѣсняясь выражается: „како же ты, списателю неправедный (т. е. Одоевскій) не убоялся Господа Бога свята обезчестити, глаголя: судъ царя и великаго князя и прочее беззаконіе; кто еси ты чрезъ божественныя законы и св. апостолъ и св. отецъ правила смѣлъ дерзнути *новыя бѣсовскія законы написати, яко новый Лютеръ?*" „Разсмотри, богоборче и истиноборче, повсюду писанія свидѣтельствы писаное, а не безъ свидѣтельства, яко же ты самоумне написалъ Уложенную книгу безъ всякаго свидѣтельства". „Тебе же кто ублажитъ или избавитъ суда Божія, весь евангельскій законъ и заповѣди раззорившаго, но горе тебѣ, второе распинающему Христа, уне бы тебѣ не родитися, Богу свидѣтельствующу: отраднѣе быти Содому и Гомору и пр." „Ты, князь Никита, новый законъ написалъ, *совѣтомъ антихриста—учителя своего*, статья 84: а будетъ которому архимандриту, или игумену и прочимъ, за чье безчестье платить будетъ нечѣмъ, и на нихъ тѣмъ людямъ править безчестье нещадно до тѣхъ мѣстъ, какъ они съ истцы учинятъ сдѣлку, или какъ въ томъ съ истцомъ своимъ добьютъ челомъ: не суть-ли дьявольскій се законъ? Ей самаго антихриста, дабы никто не смѣлъ тяжести ради Уложенья никому о правдѣ слова Божія проповѣдати, по писанному: не обличай безумныхъ, да не возненавидитъ тя и пр.". „Ты, и послѣдующіе твоему проклятому законоположенію, смертію умерли". Самая мысль, что законы, касающіеся духовенства, пишутся мірскимъ лицомъ, возбуждаетъ въ Никонѣ негодованіе: „ты (Одоевскій) нѣси архіерей, ни іерей, почто на церковь неистовствуеши, судомъ властію прелюбы твориши? что убо себе твориши пастыря, овца сущи? что бываеши глава, нога сый? слѣпъ сый, почто руководствовати нудишися? грѣшенъ сый, почто оправдати мнишися? гнушая идолъ,—святая крадеши? иже въ законѣ хвалишися, преступленіемъ закона Бога безчествуеши, имя Божіе вами хулится" [1]).

Если въ Уложеніи были написаны „новые бѣсовскіе за-

---

[1]) Рукоп. Бѣляева, л.л. 280, 281, 344, 351, 354, 361.

коны" „совѣтомъ антихриста", учителя составителя законовъ, то слѣдовать имъ и подчиняться имъ, признавать, на основаніи ихъ, мірской-царскій судъ надъ духовенствомъ, въ лицѣ Монастырскаго приказа, очевидно, никакъ не слѣдуетъ. Указывая на примѣры святыхъ, особенно Златоуста, потерпѣвшихъ отъ несправедливостей царской власти, Никонъ пишетъ, обращаясь къ Лигариду: „видилъ-ли еси, совопросниче, мужество святыхъ и приснопамятныхъ великихъ отецъ нашихъ, како не точію сами подъ судъ царей не приходили, но и царей беззаконныя суды исправляли и обличали, аще и множицею муками и смертію претили, но невозмогоша тѣмъ устрашити: изволиша правды ради умрети, нежели беззаконенъ судъ пріяти". Никонъ идетъ и далѣе: онъ рѣшительно приглашаетъ всѣхъ духовныхъ лицъ, буде ихъ позовутъ въ мірской судъ, не только не слушать судей, но открыто „поплевать и проклясть велѣнія ихъ и законы". Написано въ 10 главѣ, въ 106 статьѣ, пишетъ Никонъ: „а будетъ кто-нибудь пришедъ въ который приказъ къ суду, или для иного какого дѣла, судью обезчеститъ непригожимъ словомъ, о сыщется про то допряма, и того за государеву пеню бити кнутомъ, а судьѣ велѣть на немъ доправити безчестье. И въ 142 статьѣ, въ 10—же главѣ: будетъ кто наказную или приставную память, или государевы грамоты отыметъ и издеретъ, и тѣмъ онъ приказныхъ людей, отъ которыхъ тотъ приставъ посланъ будетъ, обезчеститъ, а сыщется про то допряма, и такова непослушника— за государеву грамоту бити кнутомъ и посадити въ тюрьму на три мѣсяца. И аще бы принужденъ былъ кто священнаго чину: патріархъ, или митрополитъ, или архіепископъ, или епископъ, или архимандритъ, или игуменъ, или священникъ, или діаконъ, даже до послѣднихъ причетникъ, по твоимъ беззаконнымъ законамъ въ судищи не точію послушалъ бы, но и поплевалъ, и про судью беззаконнаго и законъ, яко же отроцы повелѣнію цареву не точію понудишася, но и оплеваху, такожде и прочіи святіи мученицы и исповѣдницы, о нихже слышимъ въ повсемѣстномъ воспоминаніи въ книгѣ Прологъ, како храбски потщася, влекоми на судища, не точію повинушася, но и оплеваша и прокляша беззаконіе ихъ,—*тако и нынѣ, аще кто* за святый евангельскій законъ и за заповѣди Христовы и св. апо-

столъ и св. отецъ каноны станетъ и мужески подвигнется, якоже и первіи подвижницы, не точію судіи послушаетъ, но и *оплюетъ и проклянетъ велѣніе его и законъ, такожде и у пристава наказную и приставную память аще кто отъиметъ и издеретъ и поплюетъ и потопчетъ, не погрѣшитъ таковой спасенія, яко же и первомученицы*" [1]).

Никонъ не ограничился однако тѣмъ, что возводилъ тяжкія обвиненія на царя, всю вообще государственную власть, на тогдашнее государственное законодательство и государственныя учрежденія, отрицалъ ихъ какъ проявленіе беззаконія и нечестія, но, что особенно характерно для Никона, онъ, послѣ оставленія имъ патріаршей каѳедры, отрицательно отнесся и ко всей русской церковной іерархіи и даже всей вообще тогдашней русской церкви. „Нынѣ, пишетъ онъ, Богъ терпитъ такому беззаконію царя, что чрезъ божественныя уставы избираетъ (въ архіереи и другія важныя церковныя должности), его же любитъ, и ставити повелѣваетъ,—*вси ти не избрани отъ Бога и недостойны;* за всѣхъ же отвѣтъ имать дати государь царь предъ Господомъ Богомъ: како можетъ что дати, его же самъ не имѣетъ?" По поводу назначенія крутицкаго митрополита Питирима завѣдующимъ патріаршею каѳедрою, что впрочемъ сдѣлано было съ согласія и одобренія самого Никона, онъ заявляетъ: царь безъ собора назначилъ Питирима завѣдывать патріаршею каѳедрою, а правила вселенскихъ соборовъ прямо говорятъ, что архіерей, получившій власть отъ князя т. е. отъ мірской власти—извергается; а по правиламъ св. апостолъ „со отлученными и отверженными моляйся и той отлученъ и отверженъ да будетъ". Отсюда Никонъ дѣлаетъ такой выводъ: „вси отъ него (Питирима) поставленніи пресвитеры и діакони и прочіи причетницы чужды священія. И елицы отъ тѣхъ крещени, ниже христіане нарицати тоже лѣто есть. Такожде и вси, елицы ему пріобщишася: митрополиты, архіепископы, епископы и прочіи священнаго чина, и мірстіи люди, кто-нибудь, по святымъ правиломъ извержени и отлучени". Указывая на правила соборовъ, Никонъ пишетъ: „мірскаго суда у царя просяй—не епископъ. Такожде и прочіи священнаго чина, оставивше церковные суды, къ

---

[1]) Рукоп. Бѣляева, л.л. 254, 353.

мірскимъ судіямъ прибѣгнутъ, аще и оправдани будутъ—извергнутся. И елицы нынѣ митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты, игумены, священницы и діаконы, и прочіи причетницы церковніи, чрезъ божественныя правила подъ судъ царскій и прочихъ мірскихъ людей ходятъ: митрополиты уже нѣсть къ тому достойни именоватися митрополитами, такожъ и архіепископы, даже и до послѣднихъ, аще и въ чину себе сочетаваютъ и священныхъ одеждъ лѣпотами (украшенными) являются, яко митрополиты и архіепископы и прочіи,—по святымъ божественнымъ канонамъ извержены суть; тѣмъ же: и елика священтъ—не освящени суть, елико благословляютъ—не благословени суть, ибо отъ тѣхъ крещени—не крещени, и поставлени—не причетницы... *И такова ради беззаконія все упразднилося святительство и священство и христіанство—отъ мала и до велика*". Въ другой разъ Никонъ замѣчаетъ, что если требованія церковныхъ правилъ и законовъ приложить къ тогдашнимъ духовнымъ, „мню, говоритъ онъ, яко не одинъ архіерей, или пресвитеръ, останется достоинъ, яко же мы вѣмы". Не только архіереи и все духовенство на Руси, по мнѣнію Никона, послѣ оставленія имъ патріаршества, стало болѣе чѣмъ сомнительно, но и самые храмы Божіи теперь уже не настоящіе храмы. Онъ пишетъ: „како же храмъ Господень, иже подъ властію царя и сущихъ подъ нимъ, и еже хотятъ—дѣлаютъ и повелѣваютъ? То уже не Божій храмъ таковый, но онѣхъ домъ, иже власть имѣютъ надъ нимъ. Аще бы былъ храмъ Господень, никто же бы, за страхъ Божій, владѣлъ илиималъ что отъ сущихъ его". По заявленію Никона, въ февралѣ 1663 года, посланнымъ къ нему отъ государя въ Воскресенскій монастырь, „въ соборной церкви нынѣ нѣсть пѣнія (т. е. въ Успенскомъ московскомъ соборѣ нѣтъ настоящаго богослуженія) и соборная церковь нынѣ учинена вертепъ или пещера, потому нынѣ-де вдовствуетъ, а будетъ и патріархъ новой будетъ, и она будетъ прелюбодѣица", такъ какъ онъ оставилъ патріаршій престолъ ради неправдъ и гоненій государя. Самые церковные соборы, какіе не разъ были собираемы у насъ послѣ удаленія Никона съ патріаршей каѳедры для устройства текущихъ дѣлъ и, особенно, по дѣлу самого Никона, онъ называетъ, какъ собираемые царемъ, на что послѣдній не имѣетъ никакого права, или

сонмищемъ іудейскимъ, или сонмищемъ бѣсовскимъ. Никонъ даже заподозрилъ оставленную имъ русскую церковь въ соединеніи съ латинствомъ. Въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію онъ говоритъ, что на Москвѣ царемъ созванъ соборъ, на которомъ, по приказу государя, предсѣдательствовалъ латынникъ—газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, поставившій крутицкаго митрополита въ новгородскіе, чудовскаго архимандрита въ митрополиты и епископовъ въ иныя епархіи. „И отъ сего беззаконнаго собора, пишетъ Никонъ Діонисію, преста на Руси соединеніе святыя восточныя церкви, и отъ благословенія вашего отлучишася“ [1]).

На вопросъ: что же теперь сталось съ православнымъ благочестивымъ московскимъ царствомъ? Никонъ, подобно первымъ защитникамъ старообрядчества, довольно рѣшительно заявляетъ, что, судя по всему, на Руси наступаютъ времена антихриста. „Явѣ есть нынѣ всякому, пишетъ онъ, точно умъ имущему разумѣти, яко время то (пришествія антихриста) есть, по дѣянію нынѣшнему; что беззаконнѣе, еже царю архіереевъ судити? Не Богомъ данную власть взялъ на ся царь“. „Нынѣ многи антихристы есть—Крутицкій митрополитъ и прочіи подобни ему... духъ лестчь—газскій митрополитъ и иные подобніи ему“. Никонъ при этомъ замѣчаетъ, что власть антихриста, по слову Іоанна Богослова, будетъ не чувственная и видимая, она проявляется въ томъ, „что чрезъ божественныя заповѣди мірскія власти начнутъ владѣти церковнымъ... (антихристъ) повелитъ себѣ кланятися нечувственно, но якоже нынѣ архіереи, оставя свое достояніе священническое и честь, кланяются царемъ и княземъ, аки преобладающимъ, и о всемъ тѣхъ спрашиваются и чести ищутъ и сподобляются, по писанному: оставя прямой путь, ходятъ во стезяхъ погибели“. И въ письмѣ къ Зюзину Никонъ заявляетъ, что по всѣмъ признакамъ теперь наступаютъ времена антихриста, „что нынѣ антихристи мнози быша, и отъ сего разумѣемъ, яко послѣдній часъ есть“ [2]).

Такимъ образомъ, патріархъ Никонъ рѣшительно и смѣло

---

[1]) Акад. рукоп. № 218, л.л. 184 об., 335, 421, 427, 451. Зап. рус. археол. общ. II, 526, 559.

[2]) Рукоп. Бѣляева, л. 170. Гиб. II, 600.

заявилъ, что священство выше царства на столько, „елико земли небо“, что свѣтская власть не имѣетъ никакихъ верховныхъ правъ надъ лицами духовными, не можетъ судить ихъ и управлять ими, такъ какъ церковь есть вполнѣ самостоятельное и независимое отъ государства учрежденіе, которое имѣетъ свои собственные божественнаго происхожденія законы и постановленія, свои собственные органы для управленія и суда, и что всякое вмѣшательство въ церковную жизнь со стороны мірской—государственной власти, всякая ея попытка подчинить себѣ церковь, есть незаконное и прямо преступное посягательство, гибельное и для самаго государства, почему противъ такихъ посягательствъ всячески и рѣшительно должны бороться всѣ архипастыри церкви,—эти стражи и охранители правъ церкви. Этого мало. Церковь во всѣхъ отношеніяхъ не только должна быть безусловно независима отъ всякаго вмѣшательства въ ея дѣла государства, но ея высшій представитель—патріархъ имѣетъ неотъемлемое право и обязанность контролировать всю государственную и общественную жизнь, чтобы она строилась и шла согласно съ божественными, вѣчными и неизмѣнными законами и правилами церкви, что всякое нарушеніе ихъ, всякое уклоненіе отъ нихъ должно встрѣчать со стороны патріарха обличенія, не стѣсняясь тѣмъ обстоятельствомъ, если эти обличенія будутъ направлены и на личность самого царя. Такъ поступать патріархъ долженъ не только въ интересахъ церкви, но и въ интересахъ самого царя и управляемаго имъ государства, такъ какъ отъ пренебреженія царями божественныхъ церковныхъ законовъ происходятъ въ государствахъ всякія смуты и бѣды и, въ концѣ, самыя царства падаютъ окончательно. Никонъ, слѣдовательно, явился рѣшительнымъ и горячимъ борцомъ за самостоятельность церкви, за ея независимость отъ притязаній свѣтской власти, обличителемъ злоупотребленій послѣдней, насколько она насильственно врывалась въ церковную жизнь и стремилась во всемъ подчинить ее себѣ, поскольку она въ своемъ строѣ и всемъ характерѣ своей жизни являлась нарушительницею божественныхъ законовъ и велѣній. Такимъ, по крайней мѣрѣ, Никонъ представлялся самому себѣ и усиленно желалъ, чтобы и другіе такъ смотрѣли на него, т. е. какъ на поборника самостоятельности церкви противъ незаконныхъ

притязаній свѣтской власти, какъ на страдальца, терпящаго гоненія, всякія неправды и преслѣдованія отъ свѣтской власти именно за его стойкость въ огражденіи попираемыхъ свѣтскою властію правъ церкви.

Возможно, что воззрѣнія Никона на церковь, какъ на самостоятельное, независимое отъ царства учрежденіе, имѣющее право на жизнь по своимъ собственнымъ законамъ, которыми оно никакъ не должно поступаться предъ свѣтскою государственною властію, еще могли бы имѣть нѣкоторое значеніе, если бы онѣ изложены были спокойно, безпристрастно и притомъ съ очень значительными ограниченіями въ виду тѣхъ историческихъ, вѣками сложившихся отношеній церкви къ государству, какія нельзя не принимать во вниманіе при рѣшеніи затронутыхъ Никономъ вопросовъ. Но именно въ томъ видѣ, какъ эти воззрѣнія были изложены Никономъ, онѣ не могли имѣть особенно важнаго и серьезнаго значенія: не Никону, человѣку увлеченій и крайностей, плохо знавшему и ни въ чемъ не соблюдавшему мѣру, человѣку съ болѣзненно развитымъ самолюбіемъ, вездѣ и всюду ставившимъ на первомъ планѣ свое личное я и съ точки зрѣнія личнаго положенія и личныхъ интересовъ смотрѣвшаго на всѣ происходившія вокругъ его событія,—было браться за рѣшеніе такого сложнаго и щекотливаго вопроса, какъ вопросъ объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ. Будь церковь при Никонѣ дѣйствительно низведена на степень зауряднаго государственнаго учрежденія, во всемъ зависящаго отъ свѣтскихъ властей, предъ которыми духовныя власти ничего не значатъ, и тогда бы протестъ Никона не поправилъ дѣла.

Никонъ, какъ мы видѣли, настаивалъ не только на томъ, что церковь независима отъ государства, что духовная власть не подчинена свѣтской, но что священство выше царства: священство—это душа, царство—тѣло. Какъ душа есть высшее въ жизни человѣка начало, руководящее и регулирующее жизнь тѣла, такъ духовная власть, какъ высшее начало, должна руководить свѣтскою властію, которая, какъ низшая, обязана слушаться и подчиняться власти духовной, во всемъ сообразоваться съ ея требованіями и указаніями, такъ какъ законы и правила церкви, по самому своему происхожденію и всему характеру, святы, непогрѣшимы, неизмѣняемы и

потому они должны быть всегда незыблемою уряжающею основою не только для церкви, но и для государства. Поэтому Никонъ считалъ себя вправѣ „о проклятой книгѣ (т. е. Уложеніи) многажды глаголать царскому величеству, чтобъ искоренить ее“, считалъ себя въ правѣ публично и смѣло обличать и укорять царя за его вмѣшательство въ дѣла церковныя, указывать ему на тѣ гибельныя для него и государства послѣдствія, которыя могутъ отсюда произойти и уже происходятъ.

Никонъ завѣряетъ, что духовная власть на Руси крайне принижена свѣтскою, которая владѣетъ и распоряжается всѣмъ духовнымъ и что церковь порабощена была именно царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, который, вопреки всѣмъ церковнымъ правиламъ и постановленіямъ, присвоилъ себѣ право церковнаго управленія и суда, право владѣть и обогащаться церковными имуществами, такъ что вся тяжкая вина, вся тяжкая отвѣтственность за угнетенное, приниженное положеніе церкви на Руси падаетъ, по его увѣреніямъ, исключительно на царя Алексѣя Михаиловича. Но если бы Никонъ и дѣйствительно былъ правъ, когда заявлялъ, что церковь находится на Руси въ положеніи обобранной и всѣми притѣсняемой беззащитной вдовицы, то и въ такомъ случаѣ съ его стороны было несправедливо всю отвѣтственность за это возлагать только на царя Алексѣя Михаиловича. Такія отношенія свѣтской власти къ духовной, пусть онѣ дѣйствительно существовали, сложились, какъ мы видѣли, не вдругъ, но мало по-малу въ теченіи вѣковъ и, какъ сложившіяся исторически, всѣми признавались доселѣ вполнѣ правильными и нормальными. Завѣренія Никона, что именно только царь Алексѣй Михаиловичъ всячески преобидѣлъ святую церковь, что только онъ началъ, подъ конецъ патріаршества Никона, насильственно вмѣшиваться въ церковныя дѣла и управлять ими, какъ верховный архіерей, и что онъ дѣлалъ все это изъ присущей ему гордости, потому что онъ „и на самого Бога возгордѣ широтою орла“,—настолько были мало согласны съ личнымъ характеромъ благочестивѣйшаго изъ государей Алексѣя Михаиловича и съ указанною нами исторической дѣйствительностію, что это невольно чувствовалъ самъ Никонъ. Онъ, вопреки правдѣ, принужденъ былъ увѣрять всѣхъ въ томъ,

что царь Алексѣй Михаиловичъ въ дѣйствительности будто бы вовсе не былъ благочестивъ, что онъ—будто бы не любилъ Бога, не хранитъ Его заповѣдей, не есть ученикъ Христовъ и что въ немъ вообще мало христіанства. Понятно само собою, что такими обвиненіями, взводимыми на благочестивѣйшаго царя, Никонъ не только не помогалъ защищаемому имъ дѣлу, но и прямо вредилъ ему: слишкомъ уже ясно въ его обвиненіяхъ проглядывало нежеланіе посмотрѣть на дѣло спокойно, безпристрастно, правдиво, безъотносительно къ своему личному положенію и интересамъ. Къ тому же, и самый протестъ Никона явился у него только послѣ удаленія съ каѳедры и послѣ того, какъ онъ окончательно убѣдился, что свѣтская власть вовсе не думаетъ снова возвращать его на оставленный имъ патріаршій престолъ. Въ виду этого протестъ Никона, какъ человѣка, руководившагося, въ этомъ случаѣ, личными побужденіями и интересами, не могъ имѣть той силы и того значенія, какое онъ имѣлъ бы, если бы былъ написанъ болѣе спокойно, обдуманно и безпристрастно, и если бы онъ исходилъ при этомъ отъ человѣка, практически вовсе не заинтересованнаго въ такомъ или иномъ рѣшеніи возбужденнаго вопроса и потому ратующаго не за себя лично, не за свое личное положеніе и интересы, но за интересы церкви, за права и интересы всего государства вообще.

Нельзя не признать и того, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ протестъ Никона принималъ иногда характеръ открытаго возмущенія противъ существующихъ и всѣми признаваемыхъ государственныхъ законовъ и учрежденій. Законы Уложенія были признаваемы обязательными для всѣхъ лицъ и учрежденій государства не только свѣтскою властію, но и духовною, такъ какъ подъ ними подписались: патріархъ Іосифъ, архіереи и разныя духовныя лица, между которыми была, что особенно характерно, и подпись самого Никона, тогда еще архимандрита. Изданные въ Уложеніи законы имѣли силу и обязательность при патріархѣ Іосифѣ, во время патріаршества Никона, не были отмѣнены и послѣ его удаленія съ патріаршей каѳедры. А между тѣмъ Никонъ, оставивъ патріаршій престолъ и раздраженный тѣмъ, что царь не приглашаетъ его снова стать патріархомъ, открыто и вслухъ всѣхъ сталъ называть Уложеніе „проклятою кни-

гою“, законы Уложенія „бѣсовскими, составленными по совѣту антихриста“, сталъ приглашать всѣхъ духовныхъ лицъ не подчиняться законамъ Уложенія и не повиноваться имъ. Но этого мало. Никонъ совѣтуетъ всѣмъ духовнымъ, когда ихъ, согласно Уложенію, позовутъ на судъ мірскіе судьи, не слушать ихъ, но поплевать и проклясть велѣніе ихъ и законъ, а наказную и приставную память отнять у пристава, изодрать ее, поплевать и потоптать. Это былъ, очевидно, открытый призывъ къ неповиновенію существующимъ государственнымъ законамъ и учрежденіямъ, призывъ, исходившій притомъ отъ человѣка, который еще законно носилъ титулъ московскаго патріарха, и постоянно ссылался на слова Спасителя: *„слушаяй васъ, Мене слушаетъ...“*

Наконецъ Никонъ не удержался не только отъ крайне несдержанныхъ и рѣзкихъ нападокъ на свѣтскую государственную власть, но онъ сталъ открыто порицать и самую русскую церковь, которая, послѣ оставленія имъ патріаршества, въ лицѣ высшей своей іерархіи, лишилась будто бы настоящаго законнаго епископства, а вмѣстѣ и священства, и потому въ концѣ потеряла свой строго православный характеръ и даже, ради Паисія Лигарида соединилась съ латинствомъ, такъ что на Руси уже наступили, будто бы, времена антихриста. Дальше этого Никону идти было уже некуда.

Изъ сказаннаго мною понятнымъ становится, почему Никонъ, разъ оставивъ патріаршую каѳедру, уже никогда не могъ болѣе возвратиться на нее, не смотря на хлопоты объ этомъ русскихъ друзей Никона, въ родѣ Зюзина, не смотря на усилія нѣкоторыхъ преданныхъ ему грековъ и даже на совѣты царю въ этомъ смыслѣ со стороны іерусалимскаго патріарха Нектарія.—Напрасно думаютъ нежеланіе царя возстановить Никона на патріаршей каѳедрѣ объяснить только происками и интригами враговъ Никона, ненавистію къ нему бояръ и вообще лицъ, чѣмъ-либо имъ оскорбленныхъ—въ дѣйствительности причина паденія и окончательнаго осужденія Никона лежала глубже: она заключалась въ тѣхъ воззрѣніяхъ Никона на относительное достоинство священства и царства, какія онъ такъ откровенно—рѣзко высказалъ послѣ удаленія съ патріаршей каѳедры. Конечное осужденіе Никона сдѣлалось прямо государственной необходимостью, этого

требовали интересы верховной государственной власти, безотносительно къ церковной реформаторской дѣятельности Никона, къ тѣмъ симпатіямъ и антипатіямъ, какія питали къ нему тѣ или другія лица. Если ранѣе въ необыкновенно высокомъ и властномъ положеніи Никона патріарха не только относительно дѣлъ церковныхъ, но и гражданскихъ, могли видѣть явленіе чисто временное и случайное, зависящее единственно отъ особаго расположенія государя къ патріарху, причемъ положеніе Никона приравнивалось къ положенію обычнаго и заурядного временщика; то послѣ появленія его отвѣтовъ на сочиненіе Паисія Лигарида, дѣло получало совсѣмъ иной видъ. Никонъ употребилъ въ своихъ отвѣтахъ всѣ усилія доказать, что то необыкновенно высокое и независимое положеніе, какое онъ, будучи патріархомъ, занималъ относительно свѣтской власти, вовсе не было случайнымъ, зависящимъ отъ такого или иного расположенія къ нему царя; но что оно принадлежало ему, какъ главѣ церкви, по праву, такъ какъ священство, по самому своему существу, по самой своей природѣ, выше царства и притомъ выше настолько, насколько небо выше земли, что всякая попытка со стороны свѣтской власти подчинить себѣ духовную власть и поставить ее въ зависимость отъ себя, есть явленіе незаконное и даже преступное, за которое свѣтская власть должна подвергнутся тяжкой отвѣтственности. Такимъ образомъ, съ возвращеніемъ или невозвращеніемъ Никона на патріаршій престолъ тѣсно связанъ былъ принципіальный вопросъ объ отношеніи царской власти къ патріаршей. Возстановить Никона на патріаршемъ престолѣ, значило признать въ извѣстной мѣрѣ справедливость и законность высказанныхъ имъ притязаній, значило бы, рядомъ съ однимъ великимъ государемъ, признать законность существованія и другого великаго государя—духовнаго, причемъ духовный великій государь, пользуясь полной самостоятельностію и независимостію въ церковной сферѣ, во имя сохраненія божественныхъ заповѣдей, церковныхъ правилъ и постановленій, во имя служенія высшей божественной правдѣ, заявилъ бы притязаніе контролировать всѣ дѣйствія и распоряженія свѣтскаго великаго государя и, при случаѣ, налагать на нихъ свое veto, если бы нашелъ въ нихъ, что-нибудь несогласное съ существую-

щими церковными правилами и постановленіями и съ градскими законами благочестивыхъ греческихъ царей. Понятно само собою, что государь, не отказавшись отъ прерогативъ своей власти, никакъ не могъ признать правильнымъ взглядъ Никона на отношеніе свѣтской власти къ духовной, а слѣдовательно, никакъ не могъ согласиться и на возстановленіе Никона на патріаршій престолъ. Значитъ, Никонъ неминуемо долженъ былъ подвергнуться конечному осужденію и низверженію потому главнымъ образомъ, что въ его лицѣ осуждались, какъ незаконныя и очень вредныя, тѣ притязанія духовной власти на особое, исключительное положеніе въ государствѣ, за которыя такъ горячо и настойчиво ратовалъ Никонъ послѣ оставленія имъ патріаршей каѳедры, — личныя же отношенія и счеты имѣли во всемъ этомъ дѣлѣ только побочное, а не рѣшающее значеніе.

ГЛАВА V.

Пренія на соборѣ 1667 года между русскими и греческими іерархами о власти царской и патріаршей и рѣшеніе этого вопроса.

Существованіе у насъ такъ называемыхъ „свободныхъ архіереевъ". Свободный архіерей—новгородскій митрополитъ Кипріанъ, какъ предшественникъ Никона и послѣдующихъ свободныхъ архіереевъ. Обращеніе московскаго правительства къ восточнымъ патріархамъ съ просьбою разрѣшить вопросъ о власти царской и патріаршей. Рѣшеніе этого вопроса четырьмя восточными патріархами и неудовольствіе русскихъ архіереевъ на это рѣшеніе. На соборѣ 1667 года русскіе архіереи снова возбуждаютъ вопросъ объ отношеніи власти свѣтской и духовной. Соборныя пренія по этому вопросу между русскими и греческими архіереями. Соборное рѣшеніе вопроса.

Повидимому, приписывать воззрѣніямъ Никона на отношеніе царства къ священству особенно важное значеніе не слѣдуетъ, такъ какъ онѣ не имѣли у насъ подъ собою никакой твердой, исторически образовавшейся, почвы, и потому самому не могли имѣть никакого практическаго значенія. Казалось, что въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ указанныя воззрѣнія Никона не только не могли встрѣтить себѣ ниоткуда сочувствія и поддержки, а наоборотъ—должны были вызвать къ себѣ у всѣхъ прямо отрицательныя и даже враждебныя отношенія, такъ какъ слишкомъ уже расходились съ обычными у насъ исторически сложившимися и всѣми, казалось, раздѣляемыми воззрѣніями на отношеніе царя къ церкви и всѣмъ церковнымъ дѣламъ, воззрѣніями, совершенно противоположными тѣмъ, какія высказывалъ Никонъ. Но дѣйствительность показала иное. У Никона нашлись сторонники и послѣдователи, которые вполнѣ раздѣляли его воззрѣнія на отношеніе священства къ царству, которые пытались отстоять ихъ, какъ вполнѣ правыя, и

перенесли этотъ вопросъ на соборное обсужденіе. Кто были эти неожиданные сторонники и приверженцы взглядовъ Никона на свѣтскую и духовную власть, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, какъ они повели свое дѣло, сейчасъ увидимъ.

Поддьякъ Ѳедоръ Трофимовъ подалъ „Роспись вкратцѣ, чѣмъ Никонъ патріархъ *съ товарищи* на царскую державу возгордились и его царскій чинъ и власть и обдержаніе себѣ похищаютъ“, и въ этой росписи прямо указываетъ, кто именно были сторонники Никона, раздѣлявшіе его взглядъ, что священство выше царства.

Прежде всего Трофимовъ пишетъ про самаго Никона: „римскій убо папа, егда умысли царскую власть себѣ похитити, прежъ сего митру на себя возложи и панагію другую наложи, и видѣ умыслъ не обличенъ, и въ томъ пребысть немалое время; и посемъ умысли съ совѣтники своими, и кесаря Генриха подаяніемъ сокромента уморилъ, и тако все царское обдержаніе на себя восхити. Въ сіе убо Никонъ, яко волкъ во овчюю кожу, облеченъ, митру на главѣ нося и панагію другую на себя налагая, и совѣтникомъ своимъ повелѣвая такожь: се убо неменьшее похищеніе царскаго чина и власти. А еже обѣма рукама благословляти, то являетъ всеобдержаніе людское. Онъ же, Никонъ, дмяся своею гордостію, поставилъ Крестовую церковь выше соборныя церкви; тутъ же сдѣлалъ себѣ свѣтлицы и чердаки: и то явное его на царскую державу возгорженіе. Еще къ тому себѣ сдѣлалъ колесницы повапленны и позлащены: а того у прежнихъ святыхъ пастырей не бывало. Святый Кириллъ глаголетъ: аще кто здѣ паче всѣхъ на земли возносится, блюдися его, сей бо есть духъ антихристовъ“.

Дѣйствительно, Никонъ даже по внѣшней обстановкѣ старался по возможности приближаться къ великому государю. Онъ построилъ себѣ въ Кремлѣ новыя патріаршія хоромы, по тому времени очень роскошныя, съ разными переходами и вышками, держалъ богатыя кареты для выѣздовъ, во время которыхъ его окружала толпа его дворовыхъ, служилыхъ людей. Его патріаршія церковныя облаченія, сдѣланныя по греческому образцу, были очень многочислены и необыкновенно богаты и роскошны, его митра, называемая короною, въ которой онъ нерѣдко служилъ, была сдѣлана по образцу царской короны, подъ ноги ему подстилался коверъ съ

вышитымъ на немъ двоеглавымъ орломъ, при всѣхъ выходахъ и въ самомъ служеніи его, какъ и государя, поддерживали подъ руки, на себя онъ возлагалъ вмѣсто одной двѣ панагіи и т. под. Даже по оставленіи Никономъ патріаршей каѳедры, проживая въ Воскресенскомъ монастырѣ, онъ однако не оставилъ нѣкоторыхъ замашекъ походить во внѣшней обстановкѣ на великаго государя. 23 іюля 1663 года посланные къ Никону въ Воскресенскій монастырь говорили ему, по приказу государя, что находящіеся въ его монастырѣ стрѣльцы будутъ замѣнены другими, „потому что посланы они были въ тотъ Воскресенскій монастырь для всякаго обереганья, и они, будучи въ томъ монастырѣ, плутали, предъ нимъ, бывшимъ п-хомъ, ходили съ батошками, противъ того жъ, *какъ бываетъ чинъ предъ великимъ государемъ, предъ его царскимъ величествомъ*; и имъ было ходити такъ, а ему, бывшему патріарху, заставливать ихъ предъ собою ходить съ батошками, не довелось. И великій государь, вѣдая про то, къ нему, бывшему патріарху Никону, выговаривать о томъ не посылалъ". Къ этому посланные государя добавили, что онъ, Никонъ, „вмѣсто благословенія велитъ себя въ руки цѣловать, и то онъ дѣлалъ не по правиламъ св. отцевъ" (т. е. Никонъ устроялъ такое же цѣлованіе своей руки, какое обычно бывало на царскихъ пріемахъ). На эти обвиненія Никонъ отвѣчалъ: „онъ стрѣльцомъ съ батошками ходить предъ собою не заставливалъ, а ходили они предъ нимъ собою, почитая его архіерейство; а къ рукѣ велѣлъ онъ ходить для того, что то ихъ архіерейское давное и правиламъ св. отецъ въ томъ противности никакіе нѣтъ". На соборѣ 1666 года, во время суда надъ Никономъ, восточные патріархи спрашивали Никона: „для чего онъ клобукъ черной съ херувимомъ носитъ и двѣ панагѣи? И Никонъ патріархъ говорилъ: черные клобуки носятъ греческіе патріархи, онъ де отъ нихъ то взялъ, а херувимъ де на клобукѣ для того носитъ: у московскихъ де патріарховъ на бѣлыхъ клобукахъ херувимы и онъ де для того носитъ; а панагѣи двѣ для того носитъ: съ одною де панагѣею съ патріаршества отшелъ, а другая де, крестъ, въ помощь себѣ носитъ" [1]).

---

[1]) Гиб. II, 623, 626, 1075.

Епархіальные владыки, съ своей стороны, подражали патріархамъ и тоже старались, по самой внѣшней своей обстановкѣ, выдвинуться изъ ряда мѣстныхъ государственныхъ сановниковъ и стать выше ихъ, усиливались придать по возможности всему управленію епархіею независимый отъ свѣтской власти церковно-автономный характеръ. Поддьякъ Ѳедоръ Трофимовъ, въ своей „росписи вкратцѣ, чѣмъ Никонъ патріархъ съ товарищи на царскую державу возгордились и его царскій чинъ и власть и обдержаніе себѣ похищаютъ“, пишетъ: „патріархъ Никонъ и власти пишутся и называются *великими государями и свободными архіереями: мы де суду царскому не подлежимъ*, судитъ де намъ отецъ нашъ патріархъ. Они-жъ во своихъ паствахъ поставляютъ архимандритовъ и игуменовъ и протопоповъ *самовольствомъ*, кто имъ годенъ, *безъ указу великаго государя*; потому они называются *свободными; а что они царскому суду не подлежатъ, и то есть свобода жь*. А что ихъ судити патріарху: подобно сему, еже глаголетъ Господь: аще сатана сатану изгонитъ, на ся раздѣлился есть. Яко же Богъ единъ судитъ всѣмъ, тако и всеобдержай царь; и аще Богъ изволитъ *и великій государь тое ихъ гордость сломитъ и подъ свою высокую руку и подъ судъ подклонитъ*, то все благочестіе исправится. Они бо, ради свободнаго житія, законы превращаютъ, и уставы преданныя имъ прелагаютъ, и отъ вѣры отступаютъ, а православіе съ еретичествомъ соединяютъ“. Трифоновъ, въ своей „росписи“ указываетъ и на нѣкоторыхъ современныхъ ему епархіальныхъ владыкъ, которые возгордились на царскую державу. Онъ пишетъ: „во 173 (1665) году, по твоему, великаго государя, указу, пріѣхалъ, въ Сибирь, въ Тобольскъ, архіепископъ Корнилей, великаго поста въ третью субботу: и во всю святую недѣлю Пасхи, какъ пойдетъ онъ изъ кельи въ церковь, или изъ церкви въ келью, къ вечернѣ и къ заутрени и ко обѣдни, и покамѣстъ онъ идетъ въ церковь, или въ келью, и въ то время звонятъ, а передъ нимъ идутъ со свѣщами съ выходными, съ большими, съ подсвѣчники, а подьяки предъ нимъ идутъ въ стихаряхъ и поютъ органнымъ согласіемъ, теререки; а тѣ ихъ теререки допряма вѣдомо, что римскаго костела, ко органомъ приплясныя стихи, или вмѣсто домры и гудковъ на игрыщи; а звоновъ къ выходомъ у прежнихъ пастыревъ не бывало, *только звоны бы-*

ваютъ царева ради прихода и исхода. И то ихъ на царскую державу гордость... Онъ же, Корнилей, здѣлалъ себѣ корету повапленную, и гдѣ ему ѣхати пять верстъ, и ради колесницы ѣздитъ околнею дорогою двадцать верстъ со многими оруженосцы... Онъ же, Корнилей, на литургіи на переносѣ, какъ принимая святая въ царскихъ дверяхъ, и къ западу зря, поминаетъ государя царя и царицу, и царевичей и царевенъ, а направую сторону обратився глаголетъ: да помянетъ Господь Богъ благородіе ваше, благочестивыхъ князей и бояръ и прочая: и то его мудрованіе царскому благородію пониженіе". Про другаго современнаго владыку Трифоновъ пишетъ: „и въ нынѣшнемъ во 174-мъ году, октября въ 1 день, по указу великаго государя, волокся я, нищій, къ Москвѣ изъ Сибири, за приставомъ, и въ Казани будучи, по упросу, бродилъ я, нищій, къ митрополиту Лаврентею для милостыни; а въ то время онъ, митрополитъ, возсѣлъ на колесницу позлащенну, а передъ нимъ сѣлъ невѣдомо какова чина старецъ, и сказали, что онъ поѣхалъ къ празднику служить, и говорятъ тутошніе люди: прежнія де власти къ празднику на колесницѣ не ѣзживали, ходили де со кресты. А какъ онъ съ двора поѣхалъ, и предъ нимъ понесли посохъ со зміею двоеглавою, а за нимъ ѣдутъ на конѣхъ многіе люди. А покамѣстъ онъ изъ города выѣхалъ, и въ то время въ соборѣ все звонили. Комилавка и клобукъ на немъ не по старому, какъ прежніе святители нашивали. Рукою осѣняетъ странно нѣкако: и то есть гордость и отеческому преданію нарушеніе... Онъ же, митрополитъ, здѣлалъ переходы каменныя черезъ святыя ворота, кругъ колокольни, и довелъ до соборныя церкви къ западнымъ дверямъ: и тѣ его каменныя переходы и свѣтлица съ чердакомъ явная гордость къ царской державѣ и высости, потому что прежніе пастыри переходовъ каменныхъ и деревянныхъ къ соборной церкви не дѣловали". И еще о двухъ владыкахъ Трофимовъ пишетъ: „октября въ 15 день прибродилъ я, нищій, въ Макарьеву обитель, что на Желтыхъ пескахъ: и въ той обители строятъ двои свѣтлицы брусовыя, одна усовая со многими окошками, одна архіепископу рязанскому Ларіону, а другая сибирскому Симеону: и то явно, яко не смиренія ради Христова они въ монастыри отходятъ. Все то по совѣту отца своего Ни-

кона творятъ, дабы ихъ съ честію на высшую степень возведутъ" [1]).

Изъ приведенныхъ сейчасъ заявленій видно, что, по наблюденіямъ нѣкоторыхъ лицъ, вмѣстѣ съ Никономъ и епархіальные владыки „на царскую державу возгордились", что эти—„свободные архіереи" не хотѣли, по примѣру Никона, подчиняться царскому суду, не хотѣли допускать со стороны свѣтской власти вмѣшательства въ церковно епархіальныя дѣла и всячески старались во внѣшней своей обстановкѣ и всѣмъ своимъ поведеніемъ показать свою особую „высость".

Справедливость требуетъ сказать, что указанное стремленіе епархіальныхъ владыкъ къ „высости", „къ возгорженію на царскую державу", и всякому вообще внѣшнему превозношенію, проявлялось у нихъ и ранѣе Никона. Очень характерный въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ собою новгородскій митрополитъ Кипріанъ, занимавшій новгородскую каѳедру только за шестнадцать лѣтъ до Никона и во многомъ бывшій какъ бы прямымъ предшественникомъ Никона, который только сознательнѣе, шире и всестороннѣе проводилъ въ жизнь то, чему начало полагалъ Кипріанъ. О „неправдахъ и непригожихъ рѣчахъ" митрополита новгородскаго Кипріана (1627—1633 г.г.) до насъ дошла довольно обширная современная записка, представляющая изъ себя рядъ донесеній царю Михаилу Ѳеодоровичу о словахъ и дѣйствіяхъ митрополита Кипріана [2]).

Митрополитъ Кипріанъ, повидимому, признавалъ, подобно Никону, теорію, что священство выше царства, что онъ, митрополитъ, какъ духовный владыка, независимъ отъ государя и неподчиненъ ему наравнѣ съ другими государственными сановниками и что онъ, какъ автономный епархіальный архіерей, не обязанъ во всемъ подчиняться и своему непосредственному начальнику—патріарху, а можетъ, въ нѣкоторыхъ церковныхъ дѣлахъ и порядкахъ, распоряжаться въ своей епархіи самостоятельно, руководствуясь своимъ личнымъ владычнымъ усмотрѣніемъ. Свои особыя

---

[1]) Матер. для ист. раск. IV, 189—297.

[2]) Она напечатана А. Н. Зерцаловымъ въ Чт. общ. ист. и древн. 1896 г. кн. I.

воззрѣнія на отношеніе между свѣтскою и духовною властію и на свое отношеніе къ власти патріаршей митрополитъ Кипріанъ выражалъ въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ.

Изъ Новгорода царю доносили: „ко государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Россіи въ челобитныхъ митрополитъ о своихъ домовыхъ дѣлахъ, гдѣ ему довелось къ государю въ челобитныхъ самому писаться, *и онъ своею гордостію самъ не пишется, а пишетъ съ гордости въ челобитныхъ въ свое мѣсто своихъ стряпчихъ*, и та его челобитная есть съ выпискою о его митрополичихъ о домовыхъ дѣлахъ; а въ выпискѣ объявилось имянно, что билъ челомъ государю, вмѣсто митрополита, стряпчій его на наугородскіе монастыри и на посадскіе церкви ложно"... Въ 1630 году митрополиту Кипріану прислана была государева грамота, въ которой ему запрещалось архимандритовъ, игумовъ съ братіею, монастырскихъ слугъ и крестьянъ „ни въ какихъ управныхъ дѣлахъ вѣдать, и въ степенныя и чудотворныя мѣста игуменовъ и строителей ставить и посылать, и въ управныхъ дѣлахъ приставовъ по нихъ намъ посылать, и судить, и управу чинить". Митрополитъ сначала было уступилъ царскому указу, но, спустя не многое время, „учалъ митрополитъ приказывать по игуменовъ, и по строителевъ съ братьею, и по слугъ, и по крестьянъ по челобитнымъ во всякихъ управныхъ дѣлахъ приставовъ посылать и, ставя ихъ въ приказъ, судить и управу межъ ими по прежнему чинить". Въ 1632 году отъ государя прислана была грамота къ митрополиту съ извѣщеніемъ, что съ поляками начата война, ради чего митрополиту приказывалось пѣть молебны въ соборной церкви „по вся дни по двѣ статьи въ день, и молить Бога о одолѣніи и о побѣдѣ на враги". Но митрополитъ пѣлъ въ соборѣ молебны „только недѣли съ три или четыре, *да и престалъ*, самъ къ молебнамъ не облачается и не поетъ,... государской указъ презрѣлъ".

Какъ независимо—самоуправно дѣйствовалъ митрополитъ Кипріанъ, это видно изъ слѣдующаго. По указу государя велѣно было всѣмъ новгородцамъ, съ посадомъ, и уѣзду, со всѣми пятинами, новгородскимъ стрѣльцамъ и казакамъ, выкопать новый большой ровъ на Софійской сторонѣ, причемъ, при раскладкѣ работы, на дома митрополичихъ кресть-

янъ приходилось выкопать всего 56 сажень. Всѣ другіе выполнили свои работы еще лѣтомъ, въ хорошую пору, только митрополичьи крестьяне, мѣшая другимъ, затянули свои работы до осени и заморозковъ, такъ какъ митрополитъ посылалъ на работы менѣе 20 и 15 человѣкъ, когда другіе высылали на работы человѣкъ по 90 и по 100. Когда приставленные наблюдать за работами стрѣлецкіе сотники говорили, чтобы митрополичьи дѣти боярскіе прибавили людей на работу, послѣдніе заносчиво говорили: „намъ де не указывай, *государь де митрополитъ велѣлъ вамъ кости выломать*, будетъ це станете митрополичими людьми нарежать, и намъ указывать". Или, напримѣръ, велѣно было переписать во всѣхъ слободахъ, также въ митрополичьихъ и монастырскихъ, плотниковъ для государева дѣла, что поручено было сдѣлать дворянину Михаилу Трусову. Когда тотъ хотѣлъ приступить къ выполненію возложенной на него обязанности, „митрополичъ стряпчій Петръ Ауловъ говорилъ Михайлу Трусову: въ государевы де митрополичи слободы отнюдь не суйся переписывать. А Михайло Трусовъ ходилъ въ соборную церковь къ митрополиту и государевъ указъ сказывалъ, что ему плотниковъ въ его митрополичихъ слободахъ и за всякими людьми для государева городоваго дѣла велѣно переписать. И митрополитъ ему отказалъ: *до моихъ де тебѣ слободъ дѣла нѣтъ, у меня де на дворѣ своего дѣла много, и въ свои митрополичьи слободы плотниковъ переписывать не пустилъ, государеву указу сталъ противенъ*".— Изъ за шведскаго рубежа къ намъ приходили перебежчики и поселялись у насъ на земляхъ разныхъ лицъ, между прочимъ и митрополичихъ. Шведское правительство жаловалось на это русскому и государь приказалъ переписать всѣхъ перебежчиковъ, чтобы возвратить ихъ, согласно требованію шведскаго правительства, за рубежъ. Но, говорится въ донесеніи царю, „въ митрополичи вотчины для перебежчиковъ не посылано ни одного для того, *что митрополитъ государевыхъ указовъ не слушаетъ, и въ свои вотчины ни для какихъ государевыхъ дѣлъ посылать не велитъ*". Кромѣ того митрополитъ захватывалъ для своихъ крестьянъ дворцовыя пустоши и его крестьяне всячески обижали сосѣднихъ дворцовыхъ крестьянъ, почему въ донесеніи государю писалось: „а преже сего, государь, у насъ въ твоихъ государевыхъ въ дворцо-

выхъ селехъ митрополиты пустошей не отнимывали и сѣнъ не кашивали, а митрополичи крестьяне тутъ не живали, и дворовъ себѣ не ставили и никакими угодьями не владѣли; а нынѣ, государь, отъ тѣхъ митрополичихъ крестьянъ твои государевы дворцовые крестьяне, отъ ихъ насильства, бредутъ розно, что угодья всѣ у насъ отняты".

Одною изъ самыхъ большихъ и особенно чувствительныхъ непріятностей для нашихъ древне-русскихъ духовныхъ владыкъ было то обстоятельство, что наши государи, по крайней мѣрѣ со времени Стоглаваго собора, назначали ко всѣмъ архіереямъ, не исключая и патріарха, изъ своихъ служилыхъ людей: бояръ, вѣдавшихъ всѣ судебныя епархіальныя дѣла, кромѣ чисто духовныхъ, дворецкихъ, завѣдывавшихъ всѣмъ епархіальнымъ хозяйствомъ, и дьяковъ, вѣдавшихъ все письменное производство при архіерейскомъ управленіи. Вполнѣ естественно было, что архіерейскіе бояринъ, дворецкій и дьякъ, назначаемые государемъ, ему давшіе отчетъ въ своей дѣятельности, и только имъ, а не архіереемъ увольняемые отъ своей должности, были въ существѣ дѣла органами постояннаго государственнаго контроля надъ всѣмъ епархіальнымъ архіерейскимъ управленіемъ и потому всегда были очень непріятны для архіереевъ. Только въ видѣ особой милости государи допускали иногда нѣкоторымъ владыкамъ избирать указанныхъ архіерейскихъ свѣтскихъ чиновниковъ по своему усмотрѣнію. Митрополитъ Кипріанъ рѣшительно игнорировалъ назначенныхъ къ нему государемъ свѣтскихъ чиновниковъ, старался по возможности отстранить ихъ отъ всякаго дѣятельнаго участія въ епархіальномъ управленіи. Государю доносили, что ранѣе „они, государевы даные бояринъ и дворецкой и дьякъ, весь Софійскій домъ вѣдали во всемъ, а сверхъ того промежъ митрополитовъ изъ государевыхъ приказовъ бояре и воеводы и дьяки тотъ Софійскій домъ вѣдали, денежную и всякую казну, и запасы, и всякій животъ переписывали для того, чтобъ церковной и домовой казнѣ никакой истери впередъ не быть, и въ тѣ поры церковной и домовой казнѣ изъ году въ годъ прибывало потому, что береженье и крѣпость ей и правда въ дѣлахъ великая была". Такое положеніе дѣлъ совсѣмъ измѣнилось съ тѣхъ поръ, „какъ учали въ Софійскомъ дому *государевыхъ даныхъ приказныхъ людей не любить*

для того, что при нихъ невольно самовольству быть, въ дѣлахъ корыстоваться, и не учали бояря и воеводы и дьяки Софійской церковной и домовой казнѣ денегъ, и хлѣба и всякихъ запасовъ, и живота промежъ митрополитовъ переписывать и сыскивать противъ прежнихъ книгъ, и учали—*митрополичъ родъ и племя съ совѣтники—своими семьями и заговоры, Софійскимъ домомъ владѣть безъ государевыхъ даныхъ приказныхъ людей,* и съ тѣхъ мѣстъ учали великіе истери казнѣ, и мятежи и многія неправды въ дѣлахъ быть, и многимъ людямъ обида, и продажа и убивство начало быть для бездѣльной корысти".

Съ мѣстными государственными сановниками митрополитъ Кипріанъ обращался всегда гордо и высокомѣрно, стараясь характеромъ своихъ сношеній съ ними подчеркнуть ту мысль, что онъ, духовный владыка, во всѣхъ отношеніяхъ выше и почетнѣе чѣмъ они—мірскіе властелины, что онъ, въ отношеніи къ нимъ, приравниваетъ себя къ государю, и потому можетъ совершенно игнорировать ихъ власть, какъ низшую и даже подчиненную ему. Митрополитъ приказывалъ всѣмъ своимъ служащимъ титуловать себя не иначе, какъ „*государь митрополитъ*", такъ что его посланные, говоритъ донесеніе государю, „въ съѣзжей избѣ предъ бояриномъ и воеводы", приглашая ихъ за чѣмъ нибудь къ митрополиту, обыкновенно говорили такъ: „*государь митрополитъ* благословляетъ васъ къ себѣ въ келью идти". Государю про митрополита доносили еще и слѣдующее: „да у митрополита жъ Кипріана новая гордость, чего при прежнихъ митрополитахъ не бывало: какъ приходятъ къ нему, митрополиту, къ благословенью въ соборную церковь, или въ келью, государевы царевы и великаго князя Михаила Өеодоровича всея Россіи бояре и воеводы и дьяки и *онъ, митрополитъ, велитъ дворецкому своему предъ собою боярина и воеводъ и дьяковъ сказывать* (какъ это было на тогдашнихъ царскихъ пріемахъ) *и благословляетъ ихъ съ сказкою;* а при прежнихъ це при всѣхъ митрополитахъ такія сказки у митрополича благословенья государевымъ боярамъ и воеводамъ и дьякамъ не бывало, благословляли бояръ и воеводъ и дьяковъ прежніе митрополиты безъ сказки, рядовымъ обычаемъ".

Какъ иногда самоуправно и прямо жестоко „государь митрополитъ" расправлялся и съ посторонними, ему не под-

чиненными лицами, начиная съ дворянъ и кончая крестьянами, это видно изъ слѣдующаго донесенія царю: „да онъ же, митрополитъ, своею гордостію, безъ государева указу, дворянъ и всякихъ людей у себя въ крестовой, взявъ сильно, передъ собою бьетъ батоги и на цѣпь сажаетъ... А на предъ сего по совѣту, при бояринѣ князѣ Иванѣ Ивановичѣ Одоевскомъ, велѣлъ митрополитъ бить по торгомъ кнутьемъ государевыхъ наугородскихъ стрѣльцовъ одинадцати человѣкъ за то, что они стояли на караулѣ въ каменныхъ въ городовыхъ воротѣхъ, а въ тѣ ворота шла изъ города его митрополича невѣстка, вдова Марья, что нынѣ живетъ въ Молотковѣ монастырѣ, а передъ нею шелъ митрополичъ сынъ боярской Меркулъ Борзово, что нынѣ на Москвѣ въ стряпчихъ, и почалъ въ воротехъ стрѣльцовъ лаять и говорилъ де: для чего, мужики, не встанете? вѣдаете де, чья боярыня идетъ! И стрѣльцы противъ ему отказали,—что она митрополича невѣстка, а не боярыня, и противъ де ее намъ вставать ненадобе; и за то тѣ стрѣльцы, по митрополичу совѣту, за его невѣстку въ Великомъ Новѣгородѣ биты по торгомъ кнутомъ нещадно. Да въ нынѣшнемъ, во 141 году декабря въ 19 числѣ, велѣлъ митрополитъ изымать въ Новѣгородѣ государева дворцоваго села Ладоскаго порогу крестьянъ дву человѣкъ и, не водя ко государевымъ воеводамъ въ съѣзжую избу, велѣлъ привести къ себѣ на конюшенный дворъ и билъ батоги нещадно, и сажали на ледникъ за то, что тѣ государевы крестьяне побранились съ его митрополичи крестьяны“.

Очевидно государь митрополитъ Кипріанъ, въ качествѣ новгородскаго духовнаго владыки, чувствовалъ и сознавалъ себя какимъ-то удѣльнымъ князькомъ, какимъ-то самостоятельнымъ и полновластнымъ хозяиномъ и распорядителемъ въ своемъ удѣлѣ—епархіи, почему онъ очень неохотно встрѣчалъ всякое вмѣшательство въ его дѣла высшей свѣтской правительственной власти въ лицѣ государя-царя, и не всегда считалъ нужнымъ подчиняться ей и исполнять ея приказанія, а на государевыхъ служилыхъ людей, даже высшихъ ранговъ, каковы бояре, воеводы и дьяки, смотрѣлъ какъ на низшихъ себя, обязанныхъ ему, государю-митрополиту, всякимъ почтеніемъ и готовностію исполнять его требованія.

Такимъ же самостоятельнымъ въ своемъ удѣлѣ—епархіи

митрополитъ Кипріанъ чувствовалъ себя и относительно высшей духовной власти—патріарха. По крайней мѣрѣ къ нѣкоторымъ распоряженіямъ патріарха Кипріанъ относился явно пренебрежительно и даже при другихъ дозволялъ себѣ смѣяться надъ ними. Такъ, въ 1631 году Кипріану была прислана грамота патріарха Филарета Никитича, въ которой онъ повелѣвалъ ему, митрополиту Кипріану, „въ Петровъ постъ поститися недѣлю самому, громѣ субботы и Недѣли (т. е. воскресенья), ѣсти сухояденіе по одинова на день, и молитву Іисусову тайную творить въ церкви и въ кельѣ о побѣдѣ и одолѣніи на враговъ и супостатовъ, да и всѣмъ бы подъ его митрополичьею областію всему духовному чину... велѣлъ поститися и молитвы тайно творити такожде, яко жъ и самъ учнетъ поститися и молитвы творити въ церкви и въ кельѣ“. Эту патріаршую грамоту митрополитъ показывалъ въ соборѣ дьякамъ Шипулину и Первому Неронову и при этомъ „*говорилъ смѣясь:* прислана де ко мнѣ отъ патріарха грамота, велѣно поститься недѣлю, *и въ той де грамотѣ наврано ко мнѣ просто, что къ которому игумну можно де написать,* (то)—ко мнѣ, не такъ складнѣе того; азъ де самъ соборной и келейной чинъ знаю—старѣе всѣхъ—какъ поститься. *И той государевѣ грамотѣ смѣялся.* А послѣ того Петрова поста звалъ митрополитъ къ себѣ ѣсть боярина князя Юрья Яншеевича Сулешева, и ѣлъ бояринъ у митрополита въ задней кельѣ наединѣ, а съ нимъ былъ тутъ же дьякъ Первой Нероновъ. И послѣ того митрополича обѣда, на другой день, сидя бояринъ князь Юрьи Яншеевичъ въ съѣзжей избѣ наединѣ, и разговорился про митрополита, какъ у него пировалъ, и говорилъ дьяку Первому Неронову: помнишь ли де ты, какъ митрополитъ, сидя за столомъ говорилъ съ нами про грамоту, что къ нему прислана отъ государя патріарха о постѣ? Язъ-де и топере сидя дрожу, какъ онъ сбрѣдилъ и говорилъ: пишетъ де ко мнѣ патріархъ въ грамотѣ о постѣ, а написано де не знаючи невѣдомо што. И язъ де ему молылъ, что у государя патріарха многія дѣла государственныя, опроче такихъ дѣлъ, и ему, государю, на многѣ тое грамоты либо выслушать у дьяка не лучилось; и митрополитъ-де почалъ въ тѣ поры иную рѣчь говорить“.

Мало того, что митрополитъ Кипріанъ не слушалъ и не исполнялъ нѣкоторыхъ предписаній царя и патріарха, но

онъ дозволялъ еще себѣ свободно измѣнять мѣстную всѣми чтимую церковную старину, вводить перемѣны и даже новшества въ самое церковное богослуженіе. Царю доносили изъ Новгорода: „въ прошломъ въ 140 (1632) году, на праздникъ Успенія пресвятыя Богородицы, въ соборной церкви у Софіи премудрости Божіи, на обѣднѣ у митрополита была кутья съ кануномъ, *а прежде-де сего на тотъ великій праздникъ кутьи въ соборной церкви не бывало* для того, что о государскомъ многолѣтномъ здоровьѣ соборне Бога молятъ и воду святятъ, и къ нимъ, ко государемъ, къ Москвѣ отпущаютъ. А то-де митрополитъ Кипріанъ *учинилъ собою*, что пѣлъ про государское здоровье молебны велѣлъ въ соборную церковь кутью внесть. Да въ прошломъ же во 140 году, мая въ 4 день, на ангелъ великія государыни царевны Ирины Михайловны, пѣли въ соборѣ у Софіи премудрости Божіи вечерню съ литіею, а на вечерни митрополитъ все сидѣлъ, а на утрее на праздникъ *велѣлъ митрополитъ пѣть по своему чину*; начали пѣть вмѣсто псалма: Благослови душе моя Господа, канунъ праздничный, да по третьей и по шестой пѣсни чли статьи, а послѣ кануна пропѣли: Достойно есть, да была ектенья, а послѣ ектеньи начали заутреню—аккосы и псалмы; а на всенощномъ и на заутрени все митрополитъ въ церкви сидѣлъ. А въ прошломъ, во 139 году, на ангелъ великія государыни царевны Ирины Михайловны, митрополитъ Кипріанъ въ соборѣ не праздновалъ“.

Являясь и въ церковномъ отношеніи своего рода новаторомъ, приказывая въ собрoѣ пѣть церковныя службы „по своему чину“, отступавшему отъ обыкновеннаго ранѣе принятаго церковнаго уставнаго чина, митрополитъ Кипріанъ въ то же время всячески старался всѣ свои владычные выходы и служенія обставить особою внѣшнею помпою, которая бы для всѣхъ видимо и замѣтно выдѣляла его изъ ряда всѣхъ другихъ властей, наглядно показывала всѣмъ его особую владычную „высость“. Докладъ государю говоритъ по этому поводу: „а какъ онъ, митрополитъ, ходитъ въ соборную церковь, и его водятъ подъ руки по два старца—казначей его да келейникъ; а какъ лучитца ему облаченье, и къ его митрополичу мѣсту въ церкви выходятъ изъ алтаря по два дьякона въ стихаряхъ, и пришедчи къ его мѣсту, и поклонясь ему, пріимаютъ его подъ руки и поведутъ въ олтарь,

а коли митрополитъ служитъ и въ службѣ, гдѣ бываетъ митрополиту въ царскихъ дверяхъ каженье или свѣчею осѣненье, и въ тѣхъ во всѣхъ статьяхъ въ царскихъ дверяхъ держатъ его подъ руки по два дьякона; и какъ митрополитъ на каженье или на осѣненье поклонится, а тѣ два дьякона, которые его подъ руки держатъ, съ нимъ же поклонятся потому, что его держатъ подъ руки; а на вечерняхъ и на заутреняхъ въ церкви митрополитъ все сидитъ на своемъ мѣстѣ. А на дѣйствахъ, коли бываетъ лѣтопровожанье, и страшный судъ, и на воду со кресты ходъ, и какъ онъ, митрополитъ, станетъ на дѣйствѣ на мѣстѣ на рундукѣ на коврѣ, и въ тѣ поры его держатъ подъ руки по два дьякона, *а онъ руки подыметъ высоко и стоитъ съ большою гордостію;* да надъ нимъ же, митрополитомъ, держатъ подьяки *солнечникъ (зонтикъ), писанъ золотомъ съ разными красками.* А ѣздитъ онъ, митрополитъ, по праздникамъ на софійскую и торговую сторону и въ монастыри къ вечернямъ, и ко всенощнамъ, и къ обѣднямъ *во все лѣто на саняхъ,* а коли ходитъ со кресты въ ходы, *и надъ нимъ держатъ солнечникъ, а сани его за нимъ возятъ*".

Такимъ образомъ, митрополитъ Кипріанъ, съ одной стороны, являлся предшественникомъ Никона въ томъ отношеніи, что онъ очень рѣшительно отказывался признавать свѣтскую власть выше духовной, почему не всегда слушалъ и исполнялъ царскія повелѣнія, если находилъ ихъ въ чемъ либо несогласными съ своими интересами и правами какъ духовнаго владыки, государя—митрополита. Съ другой стороны, митрополитъ Кипріанъ былъ представителемъ тѣхъ епархіальныхъ архіереевъ, которые тяготились своею зависимостію отъ патріарха, желали придать своему епархіальному управленію автономный характеръ, независимый отъ постояннаго вмѣшательства въ епархіальныя дѣла патріарха, желали провести въ церковной жизни тотъ принципъ, что патріархъ не есть глава архіеревъ, не высшее и начальственное надъ ними лицо, *а только первый между равными,* и что, поэтому, каждый епархіальный архіерей есть такой же самостоятельный и независимый управитель въ своей епархіи, какъ и патріархъ въ своей области, — высшею инстанціей какъ для патріарха, такъ и для всякаго епархіальнаго архіерея, можетъ быть и есть только соборъ. Въ указанномъ

нами послѣднемъ направленіи митрополитъ Кипріанъ былъ предшественникомъ всѣхъ тѣхъ русскихъ епархіальныхъ архіереевъ, которые присутствовали и дѣйствовали на соборѣ 1667 года.

Русскіе епархіальные архіери, какъ мы знаемъ, крайне не любили патріарха Никона, видѣли въ немъ своего угнетателя и поработителя, и потому всячески желали и добивались его окончательнаго низверженія съ патріаршаго престола. Съ его низверженіемъ они расчитывали достигнуть большей самостоятельности и независимости въ управленіи своими епархіями, большей силы и вліянія на обще-церковныя дѣла, отъ которыхъ совершенно отстранилъ ихъ Никонъ, не терпѣвшій никакихъ совѣтовъ и указаній со стороны своихъ собратій о св. Духѣ. Но, съ другой стороны, открыто высказанное Никономъ ученіе, что священство выше царства, что свѣтская — государственная власть не должна вмѣшиваться въ дѣла церковныя, а слѣдовательно и въ епархіальныя, что надъ духовными владыками она не имѣетъ никакихъ верховныхъ правъ — эти воззрѣнія Никона какъ нельзя болѣе пришлись по душѣ русскимъ архіереямъ, которые рѣшительно и горячо стали въ этомъ отношеніи на сторону нелюбимаго ими Никона. Низвергнуть Никона, поработителя архіеревъ и, въ тоже время, доставить торжество его идеямъ,—что священство выше царства, — это значило бы для архіереевъ разомъ освободиться не только отъ подавляющаго ихъ преобладанія патріаршей власти, которой, въ лицѣ Никона, былъ бы данъ хорошій урокъ, но и отъ вмѣшательства въ ихъ епархіальныя дѣла государственной власти, которая, не менѣе патріаршей, очень сильно давала чувствовать себя каждому архіерею. Въ виду этого всѣ русскіе архіереи, по вопросу объ отношеніи царства къ священству, стали на сторону заявленныхъ Никономъ воззрѣній и рѣшились ихъ всячески отстаивать на предстоящемъ церковномъ соборѣ. Положеніе дѣлъ, въ указанномъ отношеніи, становилось настолько серьезнымъ, что со стороны высшаго свѣтскаго правительства, конечно хорошо освѣдомленнаго о настроенности русскихъ владыкъ, необходимо требовалось предпринять что либо рѣшительное, если только оно хотѣло остановить дальнѣйшее распространеніе идей Никона и дальнѣйшее возникновеніе „свободныхъ архіереевъ“, заяв-

лявшихъ, что они не признаютъ надъ собою царскаго суда, не желаютъ допускать государственную свѣтскую власть въ обще-церковныя и ихъ частныя епархіальныя дѣла. Очевидно свѣтскому правительству необходимо было противоставить воззрѣніямъ русскихъ архіереевъ на царство и священство воззрѣнія противоположныя, и при томъ такъ, что бы онѣ заявлены были тоже духовными властями, только болѣе авторитетными, чѣмъ Никонъ и русскіе владыки. Наше свѣтское правительство такъ и поступило.

Государь Алексѣй Михаиловичъ обратился на востокъ съ особою грамотою, въ которой онъ просилъ патріарховъ отвѣтить на предложенные въ царской грамотѣ вопросы. Восточные патріархи, соборно обсудивъ царскіе вопросы, прислали на нихъ свои письменные отвѣты, за своими собственноручными подписями. На первый вопросъ, предложенный въ царской грамотѣ: „что есть царь?" патріархи между прочимъ отвѣчали: „царю подобаетъ, да будетъ *глава и верхъ ко всемъ членамъ*, подчиненнымъ ему... Добрѣ разсуждати долженствуютъ царіе, *еже не дати своея чести инымъ, ниже новствовати въ твореніи благодѣяній по причинѣ: не даждь иному чести твоея, да не подвигнеши осъ на тя...* Царь есть господь всѣхъ подданныхъ своихъ, ожидающихъ отъ него дарованій и добротвореній, противныхъ паки—казни. А аще убо кто царю видится противенъ быти, *хотя есть и лице церковное, въ достоинствѣ вчиненное*, не безъ ума бо мечь носитъ, но въ похвалу добрѣ творящихъ, въ гожденіе же злѣ дѣлающимъ, ибо *мѣстникъ Божій есть*, и того ради въ писаніяхъ предадеся: царя чтите и о царѣ милися дѣйте". Второй вопросъ, предложенный государемъ на разрѣшеніе восточныхъ патріарховъ, былъ слѣдующій: „подобаетъ-ли всѣмъ, наипаче мѣсто держащу епископу или патріарше, подчинену быти и повиноватися царю, царскую власть держащему и ея употребляющему, во всякихъ гражданскихъ вещехъ и преніяхъ тако, во еже бы единому быти господину и начальнику, или ни? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ между прочимъ говорится: „*яко же Богъ есть на небеси повсемѣственнъ, то на земли суть по Бозѣ тій, иже держащій царскую власть и престолъ;* и якоже, иже несохранивый вѣры божественныя отъ общества вѣрныхъ изгнанствуя отвергается, подобнѣ иже вѣры къ царскому достоинству сотворенныя несохран-

шіи, лестно же и отай дѣлающіи, недостойни, намъ мнятся, еже христіанское имя на себѣ къ тому содержати, зане же бо помазанникъ Господень именуется и есть, иже царскимъ вѣнцемъ увѣнчанъ бяше“. Затѣмъ приводится исповѣданіе, какое давали греческіе патріархи своимъ императорамъ: „исповѣдую симъ писаніемъ моимъ, еже сохранити ми къ тебѣ, крѣпчайшему царю и повелителю, чистую вѣру и благохотѣніе, яко же долженствую то отъ естественнаго нѣкоего мановенія и отъ правильнаго долга тако, *во еже бы ми быти подъ повелительствомъ, и заповѣдію, и подъ маніемъ царскаго твоего достоинства, и противну противу всякому человѣку, противляющемуся сему моему крестному цѣлованію.* И по малѣхъ: сіе же крестное цѣлованіе, не точію къ царю, *но и къ царицѣ и къ ея сыномъ царевичемъ принадлежитъ*... И по малѣхъ: еже быти ми подъ изволеніемъ и прописаніемъ твоея царскія свѣтлости, *и еже дѣлати ми по благоизволеніи твоихъ царскихъ тако писаніемъ преданныхъ, яко же и кромѣ писаній изъявленныхъ*... Аще же откуду явится нѣкое сомнѣніе, *обѣщаю мя подлагати подъ судъ и его достойныя казни по предложенію и повелѣнію твоего царскаго престола*“. Приводя эти выдержки изъ 64 главы великаго Номоканона, патріархи дѣлаютъ такое заключеніе: „изъ нихъ же собирается: царя убо быти совершенна господа и единаго быти законодавца всѣхъ дѣлъ гражданскихъ; *патріарха же быти послушлива царю, яко поставленному на высочайшемъ достоинствѣ и отмстителю Божію,* ниже коимъ либо обычаемъ господствовати еже хотѣти или дѣяти въ вещехъ гражданскихъ, еже есть противно и пакостно царскому непщеванію... Творяща (патріархъ) противнѣ церковнымъ уставамъ или *противно царю,* неразсуднѣ и безумнѣ дѣюща, *и съ престола своего весьма быти извержительна и удалительна*“. Въ отвѣтѣ на пятый вопросъ говорится: „никто не имѣетъ толику свободу, да возможетъ противитися царскому повелѣнію, — законъ бо есть. Того ради, *аще кто и духовный предстатель, аще и патріархомъ его наречеши, или иной степени мужъ, сицевому (словесному) повелѣнію, или епистоліи, сопротивилъ бы ся, да страждетъ казнь, яко безправильное нѣчто сотворивый*“ [1]).

---

[1]) Гиб. II, стр. 671 и слѣд.

Такимъ образомъ, восточные патріархи, на предложенные имъ вопросы объ отношеніи власти свѣтской и духовной, или власти царской и патріаршей, отвѣтили совершенно противоположно Никону. Вопреки ему они признали, что царская власть выше духовной, такъ какъ царь есть намѣстникъ самаго Бога на землѣ, что патріархъ и всякій архіерей, наравнѣ со всѣми другими подданными, обязанъ царю безусловнымъ во всемъ повиновеніемъ, что всякое повелѣніе, идущее отъ царя, будетъ ли то письменное или словесное, „законъ есть", почему оно вполнѣ обязательно и для самого патріарха, который наравнѣ съ другими долженъ „полагать себя подъ судъ царскій" и наравнѣ съ другими подданными нести кару за всякое противленіе царскимъ повелѣніямъ.

Отвѣтъ восточныхъ патріарховъ для высшей свѣтской власти рѣшалъ вопросъ въ желательномъ для нея смыслѣ и окончательно, но не такъ посмотрѣли на дѣло русскіе свободолюбивые владыки.

Русскіе архіереи вовсе не желали согласиться съ предложеннымъ восточными патріархами рѣшеніемъ вопроса объ отношеніи свѣтской власти къ духовной, съ рѣшеніемъ, отдавшимъ архіереевъ по прежнему въ полное распоряженіе и подчиненіе свѣтской правительственной власти. Естественно было съ ихъ стороны попытаться снова подвергнуть этотъ вопросъ соборному обсужденію, въ видахъ добиться болѣе благопріятнаго для нихъ его рѣшенія. За это дѣло взялись, главнымъ образомъ, два архіерея, выдававшіеся своимъ умомъ, относительною образованностію, своимъ нерасположеніемъ лично къ Никону и, въ то же время, горячимъ сочувствіемъ къ его церковной реформѣ и къ его воззрѣніямъ на отношеніе между царствомъ и священствомъ. Оба эти архіерея въ то же время пользовались особымъ расположеніемъ и довѣріемъ государя и потому были самыми вліятельными среди другихъ архіереевъ. Это были—Павелъ, митрополитъ крутицкій и Иларіонъ, архіепископъ рязанскій. Такъ какъ въ концѣ 1666 года въ Москву прибыли два восточные патріарха, въ сопровожденіи другихъ восточныхъ іерархов̃ъ для соборнаго суда надъ Никономъ, то Павелъ и Иларіонъ рѣшились на смѣлое дѣло: рѣшились открыто поднять на соборѣ вопросъ о царской и патріаршей власти

съ тѣмъ, чтобы вновь соборно обсудить этотъ вопросъ и добиться иного его рѣшенія, нежели какое дано было ему на востокѣ въ патріаршихъ отвѣтахъ на царскіе вопросы, такъ какъ на востокѣ, при составленіи патріархами своихъ отвѣтовъ, вовсе не было представителей и защитниковъ того взгляда, что священство выше царства, почему вопросъ и былъ тамъ рѣшенъ, по ихъ мнѣнію, очень односторонне и потому неправильно.

По очень понятнымъ причинамъ соборныя пренія о власти свѣтской и духовной не вошли въ составъ оффиціальныхъ соборныхъ актовъ, которые вовсе умалчиваютъ объ этомъ крайне важномъ и характерномъ эпизодѣ изъ соборныхъ дѣяній 1667 года, какъ будто въ дѣйствительности его совсѣмъ и не было. Но за то объ этомъ событіи очень подробныя и обстоятельныя свѣденія сообщаетъ намъ игравшій на соборѣ роль адвоката царской власти газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, въ третьей части своего сочиненія о соборномъ судѣ надъ патріархомъ Никономъ. Дальнѣйшій разсказъ о соборныхъ преніяхъ по вопросу о власти царской и патріаршей будетъ лишь переводомъ изъ упомянутаго сочиненія Паисія Лигарида, сокращеннымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Паисій вдается въ ненужное, вовсе не идущее къ дѣлу многоглаголаніе [1]).

Паисій Лигаридъ разсказываетъ о соборныхъ засѣданіяхъ 1667 года, по интересующему насъ вопросу, слѣдующее:

14-го января (1667 года) собрались всѣ архіереи въ новомъ патріаршемъ домѣ по дѣлу о подписаніи низложенія Никона. При этомъ открылось несогласіе изъ-за нѣкоторыхъ реченій, помѣщенныхъ въ докладѣ и толкуемыхъ неправильно крутицкимъ Павломъ и рязанскимъ Ираріономъ, ко-

[1]) Сочиненіе газскаго митрополита Паисія Лигарида „О соборномъ судѣ надъ патріархомъ Никономъ“ написано имъ на греческомъ языкѣ и греческій его списокъ находится въ московской синодальной библіотекѣ № 469. Сочиненіе раздѣляется на три части, первыя двѣ части переведены на русскій языкъ съ сокращеніями. Рукопись этого перевода хранится въ нашей академической библіотекѣ. Но третья часть доселѣ остается безъ перевода и неизвѣстна ученымъ. Только митрополитъ Макарій, въ XII томѣ своей Исторіи русской церкви, сообщаетъ нѣкоторыя, впрочемъ самыя общія свѣдѣнія, заимствованныя изъ этой части сочиненія Паисія Лигарида, заслуживающей, особенно по интересующему насъ вопросу, полнаго вниманія.

торыхъ почитали столпами сего собора, и нѣкоторыми другими архіереями, имъ послѣдовавшими. Они рѣшительно отказались подписаться (разумѣется подъ осужденіемъ п. Никона), убоявшись страха, „идеже не бѣ страхъ,“ и превратно толкуя слова, что было весьма вредно для нихъ самихъ, по причинѣ ихъ несогласія и непокорливой дерзости и безстыдства. Тогда какъ всѣ другіе подписались, двое непокорныхъ отступили отъ нихъ, почему царь сильно разгнѣвался на нихъ, а особенно святѣйшіе (разумѣются присутствовавшіе на сооборѣ восточные патріархи—александрійскій Паисій и антіохійскій Макарій), были изумлены ихъ непокорностію и запальчивымъ прошеніемъ (содержаніе котораго Паисій передаетъ ниже). Такимъ образомъ соборъ разошелся не безъ волненія и назначено было съ особою тщательностію заняться въ своихъ келліяхъ изслѣдованіемъ этой главы патріаршаго опредѣленія и дать свое мнѣніе въ краткомъ видѣ, на письмѣ, чрезъ два дня.

Приблизился назначенный день, разсказываетъ Паисій (въ девятой главѣ), и всѣ архіереи, горя пламенной братской любовью, собрались въ новый патріаршій домъ. Предсѣдательствовали папа Паисій и патріархъ Макарій. Каждый принесъ на бумагѣ свой символъ (т. е. изложеніе своего мнѣнія по данному вопросу?) отъ своего богатства приношеніе для изслѣдованія важнаго вопроса, и были предложены на среду собранныя боголюбезнымъ тщаніемъ изреченія, которыя клонились къ чести и достоинству первосвященства, равно какъ были читаны и мѣста, говорящія въ пользу богодарованной власти царской и объясняющія ея преимущества.

Предложено было изъ втораго слова Златоустаго (въ русскомъ переводѣ оно значится третьимъ—Христ. Чтеніе 1831 г. ч. 42 стр. 7—11) слѣдующее мѣсто: „священнослуженіе совершается на землѣ—по чинуположенію небесному. Такъ и должно быть. Ибо не человѣкъ, не ангелъ, не архангелъ и не другой кто либо изъ сотворенныхъ, но самъ Утѣшитель учредилъ служеніе, и людей, еще облеченныхъ плотію, содѣлалъ представителями служенія ангеловъ. Посему совершитель сего служенія долженъ быть столько чистъ какъ бы онъ стоялъ на небѣ, посреди небесныхъ силъ... Когда видишь Господа закланнаго и предложеннаго въ жертву; свя-

щенника, предстоящаго сей жертвѣ и возносящаго молитвы; народъ же весь окропляемый ея драгоцѣнною кровію;—еще ли думаешь, что ты находишься между человѣками, и стоишь на землѣ; что не перенесся мгновенно на небеса, и отвергнувъ всѣ плотскія помышленія души, обнаженнымъ отъ всего земнаго духомъ и чистымъ умомъ не созерцаешь небесное? О чудо! о человѣколюбіе Божіе!—Сѣдящій со Отцемъ въ сей часъ объемлется руками всѣхъ; даетъ себя осязать и ощущать всѣмъ, кто только желаетъ... Предстоитъ священникъ, низводя не огонь, но св. Духа; возноситъ усердную молитву не о томъ, чтобы огнь ниспалъ съ неба и попалилъ предложенную ему снѣдь; но дабы благодать, низшедши на жертву, возжгла души людей и сдѣлала свѣтлѣйшими чистаго сребра... Еще живутъ и обращаются на землѣ; а поставлены распоряжаться небеснымъ, и получили власть, которой не далъ Богъ ни ангеламъ, ни архангеламъ. Ибо не имъ сказано: и елика аще разрѣшите, будетъ разрѣшена (Мѳ. 18, 18). И земные владыки имѣютъ власть связывать, но только тѣла. А тѣ узы связываютъ душу, проникаютъ небеса; и что священники опредѣляютъ на землѣ, то Богъ утверждаетъ на небѣ. Господь согласуется съ мнѣніемъ рабовъ своихъ! Что же другое онъ вручилъ имъ, какъ не всю духовную власть? Имъ же, говоритъ, отпустите грѣхи, отпустятся: имъ же держите, держатся (Іоанна 20, 23). Какая власть можетъ быть болѣе сей? Отецъ весь судъ отдалъ Сыну (Іоанна 5, 22). Теперь вижу, что Сынъ весь судъ сей предоставилъ священникамъ. Они возведены на такую степень власти, какъ будто уже переселены на небо, превознеслись надъ человѣческою природою и освободились отъ страстей нашихъ".

Выслушавъ это, соборъ воскликнулъ: „для чего же ты не привелъ положеннаго вначалѣ изреченія Златоустаго:—„священство, которое столько превосходнѣе всѣхъ другихъ достоинствъ, сколько духъ превосходнѣе тѣла?" Газскій отвѣчалъ: „это сдѣлано не съ хитростію, но златыя слова Златословеснаго учителя взяты вкратцѣ и только приведенъ изъ нихъ отрывокъ, который показался необходимымъ и полезнымъ". Всталъ Симеонъ Вологодскій и сказалъ: „вотъ слова Златоустаго яснѣе солнца утверждаютъ, что степень священства выше степени царскаго". Газскій (Паисій говоритъ

о себѣ въ третьемъ лицѣ и обыкновенно называетъ себя просто Газскимъ) отвѣчалъ: „надлежитъ напередъ узнать мысль (проникнуть въ мысль) сего великаго наставника, знать съ какою цѣлію онъ это говоритъ, и потомъ изслѣдовать слова, столь ясно и премудро раскрывающія, что въ духовныхъ дѣлахъ архіерей имѣетъ первенство и преимущество предъ царскимъ достоинствомъ. А это не противится патріаршему опредѣленію и словамъ, утверждающимъ согласно со мною, что царь имѣетъ первенство въ дѣлахъ гражданскихъ“ [1]). „Такъ, отвѣчалъ Симеонъ, но помни притчу Соломонову, поучающую всѣхъ, а въ настоящемъ случаѣ и духовныхъ, не обращаться на десно, и не уклоняться на шуе, но идти среднимъ путемъ, безошибочнымъ и царскимъ. Попомни, что и самъ ты архіерей и одинъ изъ князей христоименитаго народа. Посему долженъ болѣе поддерживать права архіереевъ, нежели превозносить на словахъ права державныхъ“. На это сказалъ Газскій: „я такъ говорю не по приверженности къ царю не по приверженности собственно къ Алексію, но право правлю слово истины, какъ герольдъ, несущій съ собою предсказаніе оракула... (Слѣдуютъ другія сравненія). Вникнемъ въ слова Златоустаго точнѣе. Первосвященство, говоритъ онъ, выше царской власти, какъ душа тѣла. Но какъ внѣшній человѣкъ, т. е. чувства, совершаютъ свои дѣйствія, такъ внутренній человѣкъ т. е. душа,—внутреннія дѣйствія. Подобнымъ образомъ архіерей занимается дѣлами церкви, а царь мірскими дѣлами государства,—каждый сохраняетъ при этомъ свои права, каждый обращается въ своей сферѣ.

Имѣете ли подъ руками другія свидѣтельства для яснѣйшаго утвержденія?—спросили архіереи.—Имѣемъ, отвѣчали патріархи, достаточно. Вотъ еще слова Златоустаго изъ шестаго слова о священствѣ: „а когда онъ, священникъ, призываетъ Святаго Духа и совершаетъ страшную жертву, такъ часто прикасаясь къ общему всѣмъ владыкѣ; тогда скажи мнѣ, гдѣ назначить ему мѣсто? Какой потребуемъ отъ него

---

[1]) Подъ „патріаршимъ опредѣленіемъ“ Паисій разумѣетъ патріаршіе отвѣты на вопросы о власти царской и патріаршей, привезенные въ Москву грекомъ іеродіакономъ Мелетіемъ и изъ которыхъ выше мы приводили нѣкоторыя извлеченія.

чистоты, какого благочестія? Ибо помысли, какія должны быть руки, служащія такому таинству? Каковъ долженъ быть языкъ, произносящій таковыя слова? Не всего-ли чище и святѣе должна быть душа, пріемлющая толикую силу Духа? Тогда и ангелы предстоятъ священнику, и все мѣсто жертвенника въ честь Возлежащаго на немъ, исполняется небесными силами. Въ семъ удостовѣряетъ самое дѣйствіе, совершаемое тогда. Но кромѣ сего я нѣкогда слышалъ отъ одного человѣка, что нѣкоторый пресвитеръ, мужъ удивительный, имѣвшій даръ духовныхъ видѣній, говорилъ ему, что онъ однажды, бывъ удостоенъ таковаго видѣнія, вдругъ узрѣлъ (сколько то ему возможно) сонмы ангеловъ, которые были облечены въ свѣтлыя одежды, окружали жертвенникъ и взирали долу, точно такъ, какъ бы воины, стоящіе въ присутствіи царя. Я вѣрю словамъ сего человѣка. Также и другой нѣкто разсказывалъ мнѣ (онъ не отъ другаго слышалъ, а удостоился самъ видѣть и слышать), что тѣхъ, которые должны отойти отъ сей жизни, если они причастились св. тайнамъ съ чистою совѣстью,—при отхожденіи ихъ, въ честь принятаго ими дара, окружаютъ ангелы и возносятъ на небо" [1]).

Суздальскій архіепископъ Стефанъ немедленно спросилъ: требую объясненія—для чего приведено это мѣсто?—Газскій отвѣчалъ: здѣсь Златоустый ясно показываетъ, какую чистоту долженъ имѣть священникъ, обходящій страшный оный жертвенникъ, на которомъ возсѣдаютъ многоочитіи силы, записывая въ книгѣ живота всяческая и т. под. (не идущее къ дѣлу).—Патріархи сказали: пусть будутъ приведены свидѣтельства и другихъ богоносныхъ отцевъ. И приведены слова епископа Кипрскаго Епифанія: ибо первое священство совершается въ необрѣзаніи Авелемъ, а также и слѣдующее за нимъ Ноемъ, и третье Мелхиседекомъ. И что Мелхиседекъ былъ человѣкъ, это открываетъ самъ святый апостолъ Божій въ посланіи, говоритъ же онъ такъ: непричитаемый же родомъ къ нимъ, одесятствова патріарха (Евр. 7, 6). Изнесе Аврааму хлѣбы и вино: и бяше священникъ Вышняго въ то время; онъ благослови Авраама и по-

---

[1]) Это мѣсто изъ Златоуста въ русск. переводѣ см. Христ. Чт. 1832 г. ч. 47 стр. 325—326.

лучилъ отъ него десятину (Быт. 14, 18—20). Ибо рабъ Божій долженъ былъ воздать честь священнику Вышняго... и т. д. [1]). „Газскій невопрошаемый всталъ и сказалъ: это мѣсто не идетъ къ разрѣшенію нашего недоумѣнія. Мы говоримъ не о преемствѣ, а о превосходствѣ между священникомъ и царемъ“.—Тогда приведены были слова того же Епифанія изъ его книгъ противъ ересей: „престолъ Давидовъ и царское сѣдалище есть священство во святой церкви; сіе то царское и первосвященническое достоинство, соединивъ во едино, Господь даровалъ святой церкви, перенеся въ нее престолъ Давидовъ непрестающій пребывать во вѣкъ; потому престолъ Давидовъ существованіе свое преемственно продолжалъ до самаго Христа, такъ какъ не оскудѣвали князья отъ Іуды, дондеже пришелъ Тотъ, кому отложено, и той, сказано, чаяніе языковъ (Быт. 49, 10). Ибо въ пришествіе Христово прекратились до самаго Христа бывшіе по преемству вождями князи отъ Іуды. Прекратился и непродолжался болѣе порядокъ, когда родился Христосъ въ Виѳлеемѣ іудейскомъ, при Александрѣ, происходившемъ изъ первосвященническаго и царскаго рода. Симъ то Александромъ, со временъ его и Саалины, называемой и Александрою, пресѣкся жребій царскій, при царѣ Иродѣ и Августѣ, самодержцѣ римскомъ. Этотъ Александръ, какъ одинъ изъ помазанниковъ и вождей, возложилъ на себя и вѣнецъ; потому что когда соединялись два колѣна и царское и священническое, разумѣю Іудино и Аароново и все Левіино, тогда происшедшіе отъ сихъ колѣнъ дѣлались царями и іереями. Ибо ничто не погрѣшило изъ загадокъ (таинственнаго смысла) св. Писанія. Но тогда наконецъ возложилъ на себя діадиму иноплеменный царь Иродъ, а не изъ потомковъ Давидовыхъ. А по паденіи царскаго престола и царское достоинство изъ плотскаго Іудина дома и изъ Іерусалима перенесено во Христѣ въ церковь. Водружается же престолъ во святѣй Божіей церкви во вѣки, имѣя достоинство по двоякому праву, и царскому и первосвященническому: по праву царскому отъ Господа нашего І. Христа—

---

[1]) Эти мѣста взяты изъ трактата св. Епифанія „о мелхиседекіанахъ“, см. русскій переводъ Твореній св. Отцовъ, т. 44. стр. 439, 437, (мѣста приводятся у Паисія не къ ряду) 441, 443, 446 и др.

двояко: и потому что Онъ по плоти отъ сѣмени Давида царя, и потому что, будучи тѣмъ, что Онъ есть, отъ вѣка большій еще царь по Божеству; по праву же священническому, потому что Онъ Архіерей и Первостоятель архіереевъ, послѣ того какъ вскорѣ поставленъ Іаковъ, именуемый братъ Господень, и апостолъ—первый епископъ, по естеству сынъ Іосифовъ, наименованіе же брата Господня получившій, потому что жилъ въ одномъ съ Нимъ семействѣ... Ибо пребываетъ престолъ Его, царствію Его не будетъ конца, возсядетъ на престолъ Давида, ни въ чемъ не измѣнивши царской власти Давида, но даровавъ ее слугамъ своимъ—архіереямъ вселенской церкви [1]).

Послѣ прочтенія сихъ мѣстъ соборъ сказалъ: отвѣчай Газскій епископъ: ни яснѣе ли солнца высказывается здѣсь искомое,—что престолъ святительскій выше всякаго другаго престола, а слѣдовательно и самаго царскаго достоинства“? Газскій отвѣчалъ: дайте мнѣ немного времени для разсмотрѣнія этого труднаго мѣста у св. Епифанія“. Архіереи отвѣчали: „свидѣтельствъ много, только отверзь врата твоего слуха“, и прочтено было изреченіе Григорія Богослова изъ его апологетики: „кто возмется, какъ глиняное какое издѣліе, изготовляемое въ одинъ день, образовать защитника истины, который долженъ стоять съ ангелами, славословить со архангелами, возносить жертвы на горній жертвенникъ, священнодѣйствовать со Христомъ, возсозидать созданіе, возстановлять образъ Божій, творить для горняго міра, и скажу болѣе—быть богомъ и творить богами. Знаю, чьи мы служители, гдѣ сами поставлены, и куда готовимъ другихъ [2]). Пребожественный Василій въ пятой молитвѣ елеосвященія молится такъ: „Господи Боже нашъ, вдохнувшій въ своихъ учениковъ и сказавшій: пріимите Духа святаго, иже меня смиреннаго и грѣшнаго и недостойнаго раба твоего—призвавый на превеличайшій степень священства и войти во внутренняя завѣсы и въ святая святыхъ и пр.“. Изъ этихъ свидѣтельствъ выводятся два заключенія: во-первыхъ то, что іерей есть богъ земной и по слову псалма:

---

[1]) Это мѣсто взято изъ трактата св. Епифанія „о назореяхъ“. Русск. переводъ при Твор. св. Отцевъ т. 42. стр. 204—207.

[2]) Твореніе Григорія Богослова въ русск. переводѣ т. 1. стр. 61—62.

Я сказалъ: вы боги есте и сыновья высочайшаго всѣ; во-вторыхъ, что высочайшій степень священства превосходитъ всякій другой степень на землѣ. Читано было наконецъ первое посланіе Григорія Двоеслова къ царю Льву Исаврянину, гдѣ онъ говоритъ: „вѣдаешь царь, что догматы святой церкви не царю принадлежатъ, но архіереямъ, которые безопасно имѣютъ догматствовать. Посему архіереямъ ввѣрены церкви и они не входятъ въ дѣла правленія народнаго. Пойми и замѣть это—воздерживаясь отъ народныхъ дѣлъ, т. е. отъ политическихъ; а цари подобно не должны (входить) въ дѣла церковныя, но заниматься ввѣренными имъ (т. е. гражданскими). Совѣщаніе же христолюбивыхъ царей и благочестивыхъ архіереевъ составляетъ единую силу, когда дѣла управляются съ миромъ и любовію.

При этомъ всѣ воскликнули: вотъ прекрасное разграниченіе, вотъ наилучшее толкованіе, вотъ мудрое объясненіе, отдѣляющее для каждаго свою область, какъ для царя, такъ и для архіерея.

Подобное тотъ же папа писалъ и во-второмъ посланіи къ Льву иконоборцу: ты написалъ: „я царь и священникъ, по сказанному въ святомъ откровеніи: сотворилъ есть насъ іереи и цари Богу“. И это цари предшествующіе тебѣ (приводимъ слова Григорія Двоеслова въ сокращеніи) показали словомъ и дѣломъ: Константинъ, Өеодосій, Валентинъ,—„эти цари благочестиво царствовали вмѣстѣ съ архіереями, единомысліемъ и совѣтомъ собирали соборы, изслѣдуя истину догматовъ, они устроили и украсили святыя церкви, эти суть священники и цари... Ты же съ тѣхъ поръ, какъ принялъ царское достоинство, найдя св. церкви изукрашенными лишилъ ихъ украшенія и опустошилъ... Ибо какъ не имѣетъ власти архіерей проникать во дворецъ и надѣвать знаки царскаго достоинства, и царь не можетъ войти въ церковь (если не захочетъ передвигать границы) и изрекать приговоры о духовенствѣ, и благословлять и налагать руки на символы св. таинствъ, и даже причащаться безъ іерея; но каждый изъ нихъ да пребываетъ въ томъ призваніи, къ какому призванъ Богомъ“.

Вотъ опять, сказали архіереи единодушно, римскій Григорій обличаетъ царя Исаврянина, только—только не приводя псалма, какъ онъ говоритъ противъ царей.—„Подлинно

такъ, сказали два вселенскіе патріарха. Когда царь еретикъ, справедливо онъ подвергается обличенію и осужденію, яко неповинующійся соборной церкви. Итакъ должно отличать благочестивыхъ царей отъ нечестивыхъ и невѣрныхъ, какъ различаютъ и іереевъ истинныхъ отъ ложныхъ, какъ и божественный Василій подтвердилъ въ письмѣ къ жителямъ Никополя". Но поелику день уже прошелъ, то главы о царѣ отложены до завтра. И такимъ образомъ собраніе разошлось съ благословеніемъ.

На утро собрались всѣ архіереи (десятая глава) въ новомъ патріаршемъ домѣ, въ намѣреніи предложить полезныя главы о христолюбивомъ царѣ. Прибыли и оба патріарха и начали говорить: поелику вчера предстоятель Газскій обѣщался намъ объяснить мѣсто изъ блаженнаго Епифанія, который говоритъ, что престолъ Давидовъ и престолъ царскій во св. Христовой церкви есть священство, то пусть объяснитъ онъ намъ это изреченіе. Послѣ того мы обратимся къ главамъ о христолюбивомъ царѣ.

Газскій, получивъ дозволеніе, началъ говорить: хотя сравненіе по большей части вызываетъ споры и ненависть вслѣдствіе различія человѣческихъ мыслей и мнѣній, однакоже, когда такое сравненіе дѣлается для объясненія и познанія точной истины, не только оно не бываетъ ненавистно и противно, но и весьма похвально. Сравненіе и сближеніе производится по нѣкоторымъ сходнымъ или подобнымъ чертамъ, а не вслѣдствіе полнаго тожества, иначе не могли-бы быть сравненія и сопоставленія. Такимъ образомъ кажется, что священство имѣетъ преимущество предъ земнымъ царскимъ достоинствомъ, по полнотѣ духовной власти. Такъ, никто не можетъ отпускать грѣхи, кромѣ единаго архіерея: кто можетъ отпускать грѣхи, воскликнули іудеи, кромѣ одного Бога, а Богомъ земнымъ называется архіерей, какъ разсуждаетъ въ постановленіяхъ апостольскихъ божественный Климентъ и съ нимъ эпонимъ богословія. Но въ благословеніи іерей выше царя, почему и Мелхиседекъ, будучи священникомъ Бога вышняго, благословилъ патріарха Авраама, а несомнѣнно, что худшее лучшимъ благословляется. Но относительно помазанія нѣтъ между ними различія, ибо оно обще обоимъ, какъ великій Кипріанъ, въ словѣ о помазаніи, говоритъ: нынѣ въ церкви совершается мѵро, въ ко-

торомъ смѣшивается съ елеемъ бальзамъ и чрезъ сіе ясно указывается единеніе архіерейскаго и царскаго достоинства и власти... Далѣе Паисій сравниваетъ царя и архіерея съ двумя свѣтилами великими, которые оба необходимы: два великихъ свѣтила поставилъ диміургъ всѣхъ боговъ (эта выдержка изъ стиховъ Григорія Богослова) на тверди небесной: одно свѣтящее днемъ; другое-же—для освѣщенія ночи, оба прекрасныя и полезныя для всякаго въ мірѣ произрожденія... По истинѣ свѣтиломъ свѣтилъ свѣтлѣйшимъ подобны архіерей и царь на тверди церкви, и когда оба правятъ право слово истины, то бываетъ общее удовольствіе и радость, когда же не право творятъ, подвергаясь наглядному затмѣнію, тогда плачь и стенаніе повсюду слышится... Затѣмъ Газскій переходитъ къ сравненію древняго духовенства съ современнымъ: прежде іереи были златые по нравамъ, хотя служили на деревянныхъ дискахъ и потирахъ, а нынѣ мы мѣдные и желѣзные, по словамъ и дѣламъ, хотя и совершаемъ таинство причащенія въ сосудахъ златыхъ и преукрашенныхъ. О какая перемѣна! Дай мнѣ архіерея, который бы стяжалъ ревность Фенееса, кротость Моvсея, ревность Иліи, и я предпочту его всякому Кесарю и Августу, надъ землею начальствующимъ. Но если между насъ являются не епископы, а *επίσκοτα* [1]), не митрополиты, а *μιαρόπολιται* [2]),—не добрѣ живущіе, отъ нихъ же первый есмь азъ окаянный, то какой намъ стыдъ! какого ожидать благоговѣнія?.. Посему царю надлежитъ казаться и быть выше другихъ, но предстоятели церкви должны быть свѣтильникомъ, поставленнымъ на золотомъ свѣщникѣ, чтобы быть видиму, какъ нѣкоторый Фаросъ и колоссъ свѣтящійся... Таковъ подобаетъ намъ архіерей: преподобенъ незлобивъ, не скверенъ [3]), свѣтлѣе и чище аміанта, который въ пламени огня не сгоралъ, но еще болѣе очищался. Если же окажется противнымъ тому (но я не позволю себѣ никого порицать), достаточно мнѣ указать на одного изъ многихъ, соборнѣ лишеннаго патріаршескаго достоинства и власти, разумѣю Никона, стоящаго внѣ священной ограды

---

1) Помрачители.
2) Преступные граждане.
3) Евр. 7, 26.

алтаря, вмѣсто мира бросилъ ножъ въ Христову церковь, царскаго и Давидова престола не слушая, какъ невнимательный къ слову архипастыря и великаго Учителя, глаголющему: вложи, Петръ, мечь твой въ ножны, едва удержавшему его и бывшихъ съ нимъ отъ стремленія къ убійству... Но, о вѣчно священный, Богомъ пособляемый государь нашъ, великій побѣдитель и вѣрнѣйшій защитникъ церкви, живи, какъ фениксъ, на многія лѣта, да будетъ тебѣ, какъ орля юность твоя, ты воистину архіерей и царь, яко подражаеши шедъ во слѣдъ и соревнуя великому Ѳеодосію, великому Юстиніану, христіаннѣйшему Константину, тебя да возставитъ Христосъ Богъ нашъ новаго Давида, по сердцу своему найдя, яко не далъ еси сна очамъ твоимъ и рѣсницамъ дремоты, дондеже богосоставленное сіе собраніе... собрала богомудрая твоя свѣтлость, послѣдуя боговѣщанному гласу, глаголющему (Матѳ. гл. 18): идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, Азъ ту есмь посредѣ ихъ. Положу вѣнецъ слову Моему... и слѣдуетъ моленіе „за христолюбиваго и свѣтлѣйшаго царя нашего, отъ Бога царство пріемшаго“, объ одоленіи на враговъ, „особенно же сарацынъ“, по грѣхамъ нашимъ нынѣ на насъ возставшихъ...

Всѣ, говоритъ далѣе Паисій, одобрили Его слова, особенно патріархи. Послѣ того велѣли предложить основанія царской власти у іудеевъ по св. Писанію. Читаны были изъ 1 книги царствъ 8, 4—22 [1]). Газскій послѣ того всталъ и сказалъ: „я

---

[1]) И собрашася мужи израилевы, и пріидоша къ Самуилу во Армафемъ и рѣша ему: се ты состарѣлся еси, сынове же твои не ходятъ по пути твоему; и нынѣ постави надъ нами царя, да судитъ ны, якоже и прочіи языки. И бысть лукавъ глаголъ предъ очима Самуиловыма, яко рѣша: даждь намъ царя, да судитъ ны. И помолися Самуилъ ко Господу, и рече Господь Самуилу: послушай гласъ людей, якоже глаголютъ къ тебѣ, яко не тебе уничтожиша, но мене уничтожиша, еже не царствовати ми надъ ними... И нынѣ послушай гласа ихъ: обаче засвидѣтельствуя засвидѣтельствуеши имъ, и возвѣстиши имъ правду цареву, иже царствовати будетъ надъ ними. И рече Самуилъ вся словеса Господня къ людемъ просящимъ отъ него царя и глагола имъ: сіе будетъ оправданіе царево, иже царствовати имать надъ вами: сыны ваша возметъ и поставитъ колесничники своя, и на кони всадитъ ихъ, и предтекущихъ предъ колесницами его; и поставитъ и себѣ сотники и тысящники и жателми жатвы своя, и обимутъ обиманіемъ огроздія его, и творити орудія воинская его, и орудія колесницъ его. И дщери ваша возметъ въ мvроварницы, и въ поварницы, и въ хлѣбницы. И села ваша, и винограды ваша и ма-

хочу быть истолкователемъ прочитаннаго, хочу изъяснить „оправданія“ единодержавной власти. И во-первыхъ замѣчаю, что царь не подлежитъ законамъ“. Доказательства для этого берутся Паисіемъ изъ Діона Кассія и изъ какого-то пиѳагорейскаго философа. Затѣмъ онъ указываетъ на дозволеніе Синедріона имѣть царю до 18 женъ и на то, что Соломонъ имѣлъ ихъ еще болѣе. „Теперь я понимаю, говоритъ онъ, почему цари народовъ не хотѣли часто показываться подданнымъ,—полагаю, по высочеству сана, какъ ассирійскій царь Артаксерксъ не только не хотѣлъ показываться, но и законъ немилостивый установилъ—подвергать смерти, казнить незванно вошедшаго къ нему“... Ссылается наконецъ на 105-ю Юстиніанову новеллу, гдѣ сказано: Царь царей Богъ подчинилъ царямъ самые законы, давъ въ царѣ одушевленный законъ людямъ, живущимъ подъ луною.

Читано было изъ второй книги Ездры 4, 1—12 [1]). Предъ

сличны ваша благія возметъ и дастъ рабомъ своимъ и сѣмена ваши и винограды ваша и одесятствуетъ, и дастъ рабомъ своимъ. И рабы ваша, и рабыни ваша, и стада ваша благая, и ослы ваша отъиметъ одесятствуетъ на дѣла своя. И пажити ваша одесятствуетъ, и вы будете ему рабы. И возопіетъ въ день онъ отъ лица царя вашего, его же избрасте себѣ и не услышитъ васъ Господь въ день онъ, яко вы сами избрасте себѣ царя. И не восхотѣша людіе послушати Самуила, и рѣша ему: ни, но царь да будетъ надъ нами, и будемъ мы якоже и вси человѣцы: и судити имать насъ царь нашъ, и изыдетъ предъ нами, и поборетъ побореніемъ о насъ. И слыша Самуилъ вся глаголы людей, и глагола я въ уши Господу. И рече Господь къ Самуилу: послушай гласа ихъ и постави имъ царя. И рече Самуилъ къ мужемъ Израилевымъ: да идетъ кійждо васъ въ свой градъ.

[1]) И нача вторый глаголати, рѣкій о крѣпости царстѣй: о мужіе! не премогаютъ ли человѣцы, землю и море обдержаща и вся, яже въ нихъ; царь же премогаетъ и господствуетъ всѣми и владычествуетъ ими, и все, еже речетъ имъ творятъ. Аще речетъ имъ творити брань ко другъ другу, творятъ; и аще послетъ ихъ на супостаты, и идутъ и истрываютъ горы и стѣны и столпы; убиваютъ и убиваеми бываютъ, и царева словесе не преступаютъ; аще же побѣдятъ, царю приносятъ вся, и елика аще пленятъ, и ина вся. И елицы не воюютъ, ниже ополчаются, но дѣлаютъ земли, паки, егда сѣютъ, зажинающе приносятъ цареви, и единъ другаго понуждающе, приносятъ дань царю. И той самъ единъ есмъ: аще речетъ отпустити, отпускаютъ; речетъ поразити, поразятъ; речетъ разорите, разорятъ; речетъ созидати, созидаютъ; речетъ посѣците, посѣкаютъ; речетъ насадити, насаждаютъ. И вси людіе его, и силы его слушаютъ единаго и къ симъ той возлежитъ, ястъ, и піетъ, и спитъ; тіи

началомъ сего чтенія Паисій замѣчаетъ, что приводятся слова изъ апокрифической книги, которой нѣтъ нынѣ на греческомъ (но въ дѣйствительности она есть на греческомъ, и считается первою Ездры); а по прочтеніи предложилъ свои замѣчанія о всевластныхъ распоряженіяхъ царей, указавъ изъ языческой исторіи на примѣръ Дарія персидскаго и изъ церковной исторіи на примѣръ Евдоксіи въ отношеніи къ Златоустому. Въ концѣ говоритъ: соборъ разошелся по нѣкоторымъ тайнымъ причинамъ, о которыхъ скажемъ сейчасъ ниже.

Вышеупомянутые два архіерея (Павелъ и Иларіонъ), разсказываетъ Паисій въ одиннадцатой главѣ, услышали о томъ, что было (на соборѣ) и пришли въ великій страхъ, какъ-бы не пострадать имъ жестоко за свою непокорность и дерзость. Поэтому, пришедши къ патріархамъ, почти въ глубокую полночь, подали имъ прошеніе, и умоляли ихъ на колѣняхъ быть ходатаями за нихъ предъ царемъ Алексѣмъ Михайловичемъ по поводу того, что они осмѣлились высказать въ одной темной бумагѣ, писанной не столько чернилами, сколько ядомъ змѣинымъ. Они говорили, что Златоустый еще сказалъ: священство выше царской власти. Въ подкрѣпленіе себѣ приводили и тотъ древній обычай, издревле употреблявшійся при хиротоніи архіерейской, что хиротонисаемый архіерей становится ногами на двуглаваго орла— римскій знакъ самодержавной власти. Приводили еще и то, что неприлично и даже преступно архіереямъ цѣловать десную руку царя, неимѣющаго на себѣ печати (т. е. неимѣющаго права благословлять знаменіемъ креста)?, о чемъ и Симеонъ Солунскій выражается съ великимъ прискорбіемъ (и затѣмъ приводится обширная выдержка изъ Симеона Солунскаго). Приводили еще и слова Арееы, митрополита Кесаріи Каппадокійскія изъ толкованія на 13-ю главу Апокалипсиса и т. под. „Вы, продолжали говорить архіереи патріархамъ,—вы, находясь подъ насильственнымъ владычествомъ христоненавистныхъ агарянъ, за свое терпѣніе и страданіе, несомнѣнно имѣете получить награду и вѣнецъ

же стрегутъ окрестъ его, и не могутъ отъити кійждо, творити дѣлъ своихъ, ниже преслушаютъ его. О мужіе! како не превозмогаетъ царь, его же тако слушаютъ; и умолча.

отъ праведнаго мздовоздаятеля и вѣнценосца Спасителя; а мы, несчастные и ублажаемые за то, что находимся въ самыхъ нѣдрахъ христіанства, терпимъ великую нужду въ своихъ епархіяхъ и всякія затрудненія; и много тяжкаго поневолѣ терпѣливо переносимъ отъ властей: но страшимся еще худшаго впереди, когда утверждено будетъ, что государство выше Церкви, хотя и не имѣемъ въ умѣ той мысли, чтобы пришлось намъ терпѣть такія несправедливости и оскорбленія въ благополучное царствованіе богохранимаго и добропобѣднаго царя нашего, государя Алексія Михайловича; боимся за будущее, опасаемся, чтобы послѣдующіе государи, не зная смысла патріаршаго постановленія, непогрѣшили, послѣдуя просто буквѣ, которая часто убиваетъ. Эти искаженія писанія и ложныя толкованія пришлыхъ переводчиковъ устрашаютъ насъ, незнакомыхъ съ греческимъ языкомъ. Посему, какъ врачи души безкорыстные, дайте намъ цѣлительныя лѣкарства, возливая елей и вино и т. п". Сіе и подобное содержало въ себѣ упомянутое прошеніе. Для прочтенія его приглашенъ былъ и Газскій. Прочитавъ его, онъ выразумѣлъ, и, сдѣлавъ движеніе головою, возопилъ: погибла ты, истина; господствуетъ нынѣ ложь; беретъ перевѣсъ осужденіе. Недостойны русскіе такого царя, преданнаго вѣрѣ христіанской, благочестивѣйшаго, имѣющаго жезлъ не желѣзный и тяжелый, но мягкій, орѣховый. Я самъ буду отвѣчать на это безумное и вредное писаніе... Боюсь осужденія раба скрывшаго талантъ... Потому что меня вселенскій патріархъ киръ Діонисій поставилъ истолкователемъ и поборникомъ... Спрашиваете, что изъ двухъ преимуществуетъ: священство или царство? отвѣчаю: въ нѣкоторомъ отношеніи должно отдать преимущество священству,— разумѣю дѣла духовныя; въ другомъ должно отдать честь царству, т. е., въ дѣлахъ гражданскихъ... Можно сказать: священство царствуетъ надъ дѣлами духовными; царство священноначальствуетъ надъ гражданскими... По истинѣ нашъ державнѣйшій царь, государь Алексій Михайловичъ, столько свѣдущъ въ дѣлахъ церковныхъ, что можно было бы подумать, будто цѣлую жизнь былъ архіереемъ, посвященъ во всѣ тайны іерархическаго служенія, отъ малыхъ ногтей воспитывался въ храмѣ, какъ Самуилъ. Почему не стыдясь возвѣщаемъ, что лобызаемъ щедродаровитую дес-

ницу такого царя. Да, да! Цѣлую и лобызаю руку, обогащающую странныхъ, пекущуюся о сиротахъ, руководствующую слѣпыхъ... Да, да! лобызаю десницу, помазанную благовоннымъ мѵромъ новой благодати, знаменанную печатію обрученія св. Духа, пишущую спасительныя заповѣди... Да, да! Лобызаю бранноносную руку, вооруженную, по слову ап. Павла, оружіемъ правды... подвизающуюся за благочестіе, украшенную благостію, позлащенную добродѣтелями... А ты, Богомъ почтенный царю Алексіе, воистину человѣкъ Божій, ты отнимаешь, а не простираешь десницу свою намъ архіереямъ; мы сами противъ воли твоей привлекаемъ ее къ себѣ и лобызаемъ, яко прещедрую помазанную десницу царя христіанства... Конечно зло насѣяно вездѣ... Но изъ того, что двое или трое державствующихъ нечествуютъ, неуважительно обращаются съ дѣлами архіерейства, не должно почитать и всѣхъ безпорядочными и беззаконными... Не къ безчестію, но къ благой похвалѣ полагается орелъ подъ ноги хиротонисуемаго архіерея. По праву становится онъ на него, когда возглашаетъ символъ, въ который мы крестились: этимъ онъ показываетъ, что будетъ твердъ въ вѣрѣ самодержца, что будетъ другомъ грековъ (?), что будетъ во всемъ покоренъ и послушенъ царю... Вы боитесь будущаго, чтобы, то есть, какой нибудь новый государь, сдѣлавшись самовластнымъ и соединяя самоуправство съ самозаконіемъ, не поработилъ церковь россійскую. Нѣтъ, нѣтъ. У добраго царя будетъ еще добрѣе сынъ, его наслѣдникъ... Онъ будетъ попечителемъ о васъ... наречется новымъ Константиномъ, будетъ царь и вмѣстѣ архіерей, какъ и преданный вѣрѣ Христовой великій Константинъ восхваляется у насъ на великой вечернѣ—іереемъ и царемъ. Да и у римлянъ, какъ и у египтянъ, царь соединялъ въ себѣ власть священства и царства, какъ поетъ латинскій Гомеръ—Виргилій...

Когда такимъ образомъ, разсказываетъ далѣе въ двѣнадцатой главѣ Паисій, снова возвращаясь къ соборнымъ засѣданіямъ, это было благоразсмотрѣно, съ разсвѣтомъ дня собрались архіереи, ничего не зная о томъ, что происходило ночью. Когда всѣ заняли свои мѣста, блаженнѣйшіе патріархи предложили вопросъ: не принесутъ ли они собору какого-либо словеснаго дара? Архіереи отвѣчали: по благо-

воленію вашего блаженнѣйшаго святительства, чувствуемъ себя въ затрудненіи, но имѣемъ весьма достаточный запасъ". Къ сожалѣнію Паисій не излагаетъ далѣе никакихъ рѣчей архіереевъ, а начинаетъ говорить про себя слѣдующее: „должно знать, что четыре вселенскіе патріарха весьма разумно постановили сіе различіе, что по дѣламъ гражданскимъ царь имѣетъ преимущество. Ибо мы нашли въ патріаршемъ александрійскомъ собраніи законовъ поводъ и первую причину, по которой послѣдовало это опредѣленіе. Хотите ли, чтобы этотъ списокъ предложенъ былъ публично? Пусть будетъ принесенъ, отвѣчали святѣйшіе патріархи, И списокъ былъ принесенъ и прочитано въ немъ слѣдующее:

Предпріемлющимъ отнынѣ заговоры, или собирающимъ скопища—анаѳема.

Содѣйствующимъ имъ и сообщникамъ ихъ въ отложеніи—анаѳема.

Совѣтующимъ и побуждающимъ къ тому же—анаѳема.

Вооружающимся на помощь имъ—анаѳема.

Пріемлющимъ ихъ къ покаянію, тогда какъ они не раскаяваются въ мятежѣ и не оставляютъ его—анаѳема.

Подобнымъ образомъ въ царствованіе Михаила (?) Комнина чинами государства и тогдашнимъ патріархомъ и соборомъ произнесена анаѳема, на замышляющихъ ковы или возстанія противъ сына его Алексія и содѣйствовавшихъ имъ. Подобное умыслилъ сдѣлать императоръ Михаилъ Палеологъ въ отношеніи къ сыну своему Андронику, благочестивому государю. Въ этомъ принимали участіе, какъ государственные чины, такъ и патріархъ Іосифъ, стяжавшій вѣнецъ исповѣдничества за истинное благочестіе, а равно и соборъ, бывшій при немъ. Всѣ они подвергли анаѳемѣ и страшнымъ проклятіямъ замышляющихъ заговоры и возстанія, чтобы низложить съ престола столпъ благочестія царя Божія Алексія (?)—При этомъ возсталъ Газскій и сказалъ: извѣстенъ законъ Юлія Кесаря, опредѣляющій, кого должно считать возмутителемъ и мятежникомъ. Онъ говоритъ, что мятежникъ тотъ, кто собираетъ скопище противъ царя, или замышляетъ что противъ него, или противъ сената; кто вступаетъ въ заговоръ, или знаетъ и не открываетъ тотчасъ же... (слѣдуютъ примѣры и выписки изъ зако-

новъ, раскрывающіе вопросъ о мятежникахъ и ихъ сообщникахъ). Выслушавъ все сіе русскіе архіереи сказали: „мы знаемъ, что подвергаются анаѳемѣ еретики, какъ напримѣръ въ недѣлю православія. Но что касается до заговорщиковъ и мятежниковъ, то не знаемъ и не читали нигдѣ, чтобы они были поражаемы молніею проклятія. Помнимъ слово Тарасія патріарха въ апологетической рѣчи: страшна анаѳема, потому что отлучаетъ человѣка отъ Бога, изгоняетъ изъ царства небеснаго, ведетъ въ тьму кромѣшную". „А развѣ не помните, возразилъ Газскій, слышанное, какъ патріаршествовавшій нѣкогда Михаилъ, съ согласія бывшаго тогда собора, подвергъ анаѳемѣ заговорщиковъ?—„Такъ, отвѣчали архіереи, но законно ли это дѣлается, мы не знаемъ и желаемъ видѣть яснѣйшее свидѣтельство".—„Что же, отвѣчалъ Газскій, Павелъ въ первомъ посланіи къ коринѳянамъ говоритъ: аще кто не любитъ Господа І. Христа, да будетъ анаѳема маранафа. Дѣлающіе злое, прибавилъ Паисій, не любятъ Господа..." Какъ? возразили русскіе архіереи, Никонъ говорилъ намъ иначе. Онъ говорилъ, что анаѳема и маранаѳа одно и то же.." (слѣдуетъ грубая выходка Паисія противъ Никона и объясненія „маранаѳа").—Что-жъ слѣдуетъ заключить изъ сего свидѣтельства? спросили русскіе архіереи.—„Газскій отвѣчалъ: кто не любитъ царя, тотъ не любитъ Господа І. Христа". Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ слова ап. Петра: Бога бойтесь, царя чтите, и говоритъ: „смотрите, смотрите, какъ послѣ Бога небеснаго, сейчасъ упоминается о земномъ, т. о царѣ. Слѣдовательно, кто не чтитъ царя, тотъ нечествуетъ противъ Бога... (Далѣе и еще приводитъ доказательства изъ св. Писанія въ подтвержденіе обязанности чтить и повиноваться царямъ, приводитъ и слова Икуменія и Августина; указываетъ на прошеніе о царѣ въ литургіи и на обычай ежедневно воспоминать въ молитвахъ имена царя, царицы и ихъ дѣтей, на свидѣтельство Григорія Богослова о Валентѣ, который самъ приносилъ дары къ алтарю и множество другихъ постороннихъ примѣровъ). Послѣ всего Паисій замѣчаетъ: „по симъ и подобнымъ причинамъ царь именуется Богомъ. И ты, богоподобный Алексій Михаиловичъ, имѣешь право на такое богоименованіе, яко украсившій пустыни новыми насажденіями... претворившій море, ярящееся волнами, на общую

пользу, и обветшавшую Москву, почти можно сказать, явившій въ новомъ видѣ...“ „Что скажете на это, произнесли патріархи, убѣдились-ли сказаннымъ, или еще желаете другихъ свидѣтельствъ?“ Всѣ они отвѣчали: „предовольно и сказаннаго“.—„Итакъ, заключили патріархи, да будетъ положенъ конецъ слову. Да будетъ признано заключеніе, что царь имѣетъ преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ въ церковныхъ, дабы такимъ образомъ сохранилось цѣлою и непоколебимою во вѣкъ стройность церковнаго учрежденія [1]). Всѣ

---

[1]) Нужно замѣтить, что патріархъ Паисій и Макарій, въ виду нежеланія русскихъ архіереевъ признать царскую власть рѣшительно высшею патріаршей во всѣхъ отношеніяхъ, что прямо заявлялось въ патріаршихъ свиткахъ на вопросы о власти царской и патріаршей, принуждены были писать особое объясненіе къ своему прежнему отвѣту о власти царской и патріаршей, чтобы сдѣлать его пріемлемымъ и для русскихъ архіереевъ. Патріархи писали на греческомъ языкѣ особую записку, въ которой они объясняли, какъ слѣдуетъ понимать вторую главу патріаршихъ отвѣтовъ о власти царской и патріаршей, такъ было смутившую русскихъ іерарховъ. Эта объяснительная записка патріарховъ говорила слѣдующее: „Во второй убо главѣ патріаршескихъ свитковъ обрѣтается: яко патріархъ да покорится царю во всѣхъ градцкихъ дѣлѣхъ и является о семъ, яко умоляется патріаршій санъ, обаче сораздѣленіемъ имать разумѣтися писанное въ сей главѣ. Зане яко ина убо суть церковная, догматцкая и правильная, ина же суть градцкая, внѣшняя и правная къ доброму правленію и исправѣ царствію. Ибо во внѣшняя, правная градцкая лѣпотствуетъ, яко патріархъ да не противится отнюдь царю, но да едино гласить и да едино мыслитъ, яко быти миръ и тихость въ царствіи и да не сѣются зизаніи (куколь) и соблазны, и будетъ двуначаліе, яко бы ино да хощетъ царь и ино патріархъ; яко же видится и въ хронографѣхъ, иже повѣствуютъ, яко многажды нѣкіи патріархи возмущаху царства и соблажняху. И сего ради ко строенію и ко цѣломудрію или и къ обузденію вопросиша державніи цари, и наипаче царь киръ Эммануилъ Комнинъ, иже царствова лѣтъ 37, да сотворитъ патріархъ на письмѣ повѣданіе (вѣру) къ царю ради вящщаго увѣренія и крѣпчайша въ будущія лѣта, еже сотвори киръ Михаилъ Кируларій патріархъ константинопольскій. Къ церковнымъ же, къ догматцкимъ и къ правильнымъ не имать отнюдь покоритися царю патріархъ, зане есть законъ одушевленъ и живый гласъ правилъ; сице читаемъ, яко и божественный Златоустъ обличи царицу Евдоксію о вдовицыцѣ винoградѣ, Германъ патріархъ иконоборца Ѳеоѳила ради святыхъ иконъ, и иніи многіи всесвятѣйшіе и премудрѣйшіе мужи обличаху съ дерзновеніемъ вельможныхъ и князей, наипаче медоточный и великій Амбросій преславнаго Ѳеодосія... (слово пропущено) пророку и царю Давиду глаголющу: и глаголахъ предъ цари и не стыдяхся. Сего убо ради та-

воскликнули: сіе есть мнѣніе богоносныхъ отецъ! такъ мыслимъ всѣ; да живетъ на многія лѣта добродѣтельный и не-

---

кими раздѣленьми престанетъ всякое сопротивленіе. Почто имать царь да покорится патріарху? И почто имать патріархъ, да покорится царю? Сія рѣчь, яко патріархъ да не вступитца въ царскіе вещи царскаго двора и да не отступитъ внѣ предѣлъ церковныхъ, яко же и царь имать, да хранитъ чинъ свой. Аще же не слышати будетъ оное (иже читаемъ въ ветхомъ писаніи о Озіи царѣ, иже взя кадильницу и кадити хотящу) не лѣть ти и есть кадити: вещь иже ниже подобаше ему отнюдь начинати. Два свѣтильника суть въ мірѣ: солнце и луна; обаче солнце да властвуетъ днемъ и луна да перевозсіяетъ нощь; и никогда солнце изыде отъ обычнаго чина своего, ниже луна перемѣни теченія своея и естество свое, но всегда любезно движутся и хранятъ предѣлы, иже творецъ всѣхъ положи имъ сопреодолѣніе и непреложное повелѣніе. Такимъ образомъ имать и патріархъ управитися съ царемъ и царь съ патріархомъ ради прелюбезнаго сего единомыслія и мира, иже обдержитъ вкупе земная вся и небесная, божественная жъ и человѣческая. Сіе глаголемъ, егда православствуютъ и правоправятъ слово истины единъ и другіи, сіи—рѣчь, царь и патріархъ, но егда царь будетъ еретикъ и неправоправитъ, тогда весьма подобаетъ патріарху противостояти ему и огласити его, сіирѣчь, поучати; и аще послушаетъ и уцѣломудритца, пріобрѣлъ душу цареву и пріиметъ мзду отъ трудовъ своихъ, яко иже и Павелъ противоста Петру, егда видя его нисходящимъ къ іудеомъ, иже хотяху хранити ветхой вкупѣ съ новымъ завѣтомъ непремѣнно, яже о вѣрѣ; имать убо, да обличится малые и великіе безъ непщеванія. Зане о душѣ есть вся бѣда. Иде царь Ираклій въ Персиду и остави патріарха Сергія въ Константинѣградѣ, который, аще и еретикъ бѣ, обаче вѣрной царствію ста; кольми паче имѣть патріархъ вѣренъ быти къ царю православному, иже тщатся расширити скиптры благочестія, иже поборется и о истинней и непорочной православной вѣрѣ. Таковъ убо царь, аще бо и пошлетъ къ патріарху, да пріидетъ къ нему, или да пойдетъ иногда ради душеполезнаго нѣкоего подлога (дѣла), долгъ имать вскорѣ двизатися, и да пріидетъ къ нему по его царскому повелѣнію, якожъ и царь Өеодосій малый писа къ святѣйшему Кирилу патріарху александрійскому и ко Іоанну Златоусту, абіе и оба послушаше повелѣніе царева, иже призваша ихъ пріити къ царствующему граду, и пріидоша, единъ живъ, а другой успшій. Якоже и христолюбивый и превеликій Константинъ повелѣ патріарху антіохійскому Евстаөію, да пойдетъ во Иверію и не преслуша повелѣнія царева блаженнѣйшій Евстаөій, но послуша его.—По такимъ убо дѣламъ и такимъ образомъ повинуются патріархи православнымъ самодержцемъ. И по подобію вышеписанныхъ и мы послушахомъ заповѣди твоего царскаго величества и пріидохъ нынѣ въ царствующій градъ Москву ради церковнаго исправленія и пользы. Богъ святый совершитъ желаніе богохранимаго царства твоего душеполезная и спасительная, буди, буди, ко общему заступленію и утвержденію, зане и мы ревности ради другъ

побѣдимый нашъ царь; да продлится на многія лѣта и ваша жизнь и благоденствіе, святѣйшіе и блаженнѣйшіе!

Двое архіереевъ, разсказываетъ Паисій въ тринадцатой главѣ, раскаялись, хотя и поздно, и подписались тайно подъ низложеніемъ Никона, со всѣми изъясненіями и дополненіями опредѣленій: но за это никто не воздалъ имъ благодарностію... 24 января, къ вечеру, собрались всѣ мы въ келліи патріарха александрійскаго Паисія (по причинѣ его болѣзни) и предложено было двумя блаженнѣйшими патріархами три немаловажные вопроса: во-первыхъ, какому наказанію подвергнуть того, кто обезчеститъ соборъ патріаршескій и при томъ многолюдный и совершенный? Во-вторыхъ, какому наказанію подлежитъ, если кто не окажетъ уваженія двумъ присутствующимъ вселенскимъ патріархамъ, ни во что поставитъ то, что они въ виду всѣхъ подписались? Въ-третьихъ, какому по правиламъ долженъ подвергнуться наказанію тотъ, кто явное оказываетъ непослушаніе и не вѣритъ царю христіаннѣйшему, который нарицаетъ церковь матерью своею и хочетъ ее прославить выше всякой почести и власти? Всѣ единогласно соборомъ отвѣчали, что таковые должны быть исправлены церковными епитиміями, что судъ и рѣшеніе патріарховъ не подлежитъ болѣе пересмотру, а если въ чемъ согласились четыре патріарха, то ихъ приговоры выше всякаго суда на землѣ. Послѣ сего и нѣкоторыхъ ради другихъ дѣлъ послали святѣйшіе за двумя непокорными и повинными архіереями, чтобы пришли они на соборъ. Спустя немного времени они явились и подо-

---

другопріятельныхъ святѣйшихъ патріарховъ преидохомъ горы и пучины, бѣдствующи въ неудобохотныхъ путехъ и чрезъ иноплеменныхъ языковъ, не токмо тѣлесно, но и душевно; точію да не преслушаемъ Божія суда и державнаго царства твоего пресвятаго повелѣнія". (Гиббенетъ, II 1039—1041).

Не трудно видѣть, что въ этой объяснительной запискѣ ко второй главѣ патріаршихъ отвѣтовъ на вопросы о власти царской и патріаршей, сдѣланы значительныя уступки въ пользу власти патріаршей, которая признается стоящею рядомъ съ царскою и имѣющей свой особый кругъ дѣятельности, куда власть царя не должна простираться и гдѣ совершенно самостоятельно и независимо распоряжается и дѣйствуетъ только одна духовная власть. Эта объяснительная записка патріарховъ и легла въ основу указаннаго соборнаго рѣшенія вопроса объ отношеніяхъ власти царской и патріаршей.

шедши съ намѣреніемъ цѣловать десницу патріаршую, были тотчасъ удержаны и неудостоены молитвы и благословенія. Тогда какъ другіе архіереи занимали свои мѣста по чину, всѣ они (πάντες, слѣдовательно не двое только?) были вопрошены: почему они, мнимiи столпи быти и будучи другихъ разумнѣе, явились столь непокорными, столь упорными? Тѣ начали оправдываться, приводя вины о грѣсѣхъ, но всуе трудилися, напрасно пустословили. Между прочимъ они сказали, что обмануты были дурнымъ переводомъ Паисія Газскаго; онъ нехорошо перевелъ сказанное въ опредѣленіи, что патріархъ подлежитъ власти царской, впрочемъ въ однихъ дѣлахъ гражданскихъ. Неразумное оправданіе! Газскій митрополитъ не есть царскій переводчикъ, но по снисхожденію занимается переводомъ и толкуетъ, впрочемъ не непосредственно, а при помощи латинскаго языка. Посему ни за какую погрѣшность въ переводѣ не отвѣчаетъ, если русскіе переводчики когда нибудь неточно передадутъ или истолкуютъ сообщенное имъ неправильно. Эти переводчики часто опускаютъ главное, не разумѣя перевести на другой языкъ трудное, почему и не суть точные передаватели чужихъ мыслей, но скорѣе предатели... Гнѣваются (упомянутые архіереи) и на то, что въ вышеупомянутомъ исповѣданіи патріарха киръ Михаила, поданномъ императору Михаилу, присоединяется и сіе: обѣщаюсь пребыть въ распоряженіи, волѣ и повелѣніи царства твоего такъ, что противъ всякаго противящагося настоящему моему клятвенному обѣщанію не только въ отношеніи къ царю, но и къ царицѣ и къ ихъ сыновьямъ, буду дѣйствовать клятвою, равно и въ отношеніи къ дщерямъ царскимъ и къ ихъ будущимъ супругамъ. Это, говорили архіереи, не только унизительно и неприлично, но и недостойно и чуждо патріаршеской власти. Ибо если архіерей и какой бы то ни было священникъ не можетъ давать клятвы, какъ же клянется здѣсь патріархъ вселенскій? Соборъ на это отвѣчалъ: чтобы клятвою утверждалась истина, нужны три условія: справедливость (право?), не ложность, благославная вина. Безъ котораго нибудь изъ сихъ трехъ условій клятва будетъ непозволительна, ложна, несмысленна: безъ истины—клятва будетъ ложна; безъ справедливости (права?)—незаконна; безъ достаточной причины—произвольна и неразсудительна (Слѣдуетъ затѣмъ объясне-

ніе, гдѣ приводятся образцы клятвы у язычниковъ, чтобы объяснить, почему Господь запретилъ клясться небомъ и вообще вещами сотворенными. Приводятся изъ В. и Н. Завѣта мѣста въ подтвержденіе важности и законности клятвы, но въ нихъ нигдѣ не говорится ничего о клятвѣ собственно духовныхъ лицъ). Затѣмъ предложили свои увѣщанія оба патріарха. Патріархъ антіохійскій Макарій говорилъ о послушаніи; александрійскій патріархъ Паисій, приведши 18 правило Халкидонскаго собора противъ скопищъ, внушалъ, что не вѣрить „царю христіаннѣйшему есть знакъ малодушія, чтобы не сказать неблагодарности“. „Святъ самодержавный нашъ“, говорилъ патріархъ и доказывалъ древними и новыми примѣрами, что царь можетъ именоваться святымъ, и заключилъ рѣчь словами: „тѣ никонствуютъ и папствуютъ, кто покушается уничижить царство и поднять на высоту священство“. Двое архіереевъ отъ стыда смотрѣли въ землю. Спустя довольно времени послѣ глубокаго молчанія, патріархи произнесли: идите, и оставайтесь праздны отъ всякаго священнодѣйствія: достаточно вамъ сей епитиміи... И они вышли изъ патріаршей келліи не безъ слезъ. А прочіи пришли въ страхъ отъ сего неожиданнаго наказанія и отъ тяжести сей епитиміи... Отсюда уразумѣли, что имѣютъ надъ собою начальниковъ и высшихъ предстоятелей и тѣ, которые уже съ давняго времени привыкли быть непокорными и совершенно непослушными, по причинѣ зазорнаго отсутствія Никона и послѣдовавшаго затѣмъ безчиннаго безначалія. А поелику митрополитъ Павелъ крутицкій былъ мѣстоблюстителемъ патріаршимъ, то на его мѣсто избранъ архангельскаго собора архіерей киръ Ѳеодосій (это былъ выѣхавшій на Русь сербскій митрополитъ, пристроившійся въ Москвѣ къ Архангельскому собору), который и управлялъ краткое время дѣлами патріаршескими, всѣмъ благоугождая Богу и людямъ [1]). По удаленіи вышесказанныхъ двухъ архі-

[1]) Это вполнѣ подтверждается слѣдующею современною событіямъ запискою въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Приходъ къ Москвѣ вселенскихъ патріарховъ“. „Того-жъ мѣсяца (Января 1667 г) въ 25 день, въ пятокъ, Павлу митрополиту отказано правленіе въ дому пречистыя Богородицы въ соборѣ и въ дому патріарховъ; а приказано Ѳеодосію митрополиту сербскому. Иларіону архіепископу рязанскому также отказано отъ службы, что и Павлу митрополиту, съ тѣмъ однако, что бъ оба изъ дворовъ

ереевъ, патріархи возгласили, что нужно всѣмъ готовиться къ будущему неукоризненному избранію новаго патріарха, и прилежно молиться, просить Бога, о дарованіи его...

Приведенныя нами выдержки изъ третьей части сочиненія Паисія Лигарида о соборномъ судѣ надъ патріархомъ Никономъ показываютъ, что далеко не одинъ Никонъ держался воззрѣній на священство, какъ на высшее царства, что не одинъ онъ готовъ былъ публично заявлять и всячески отстаивать эти воззрѣнія, но что и всѣ другіе русскіе архіереи вполнѣ сходились въ этомъ отношеніи съ Никономъ и никакъ не хотѣли признавать надъ собою, по крайней мѣрѣ въ церковныхъ и епархіальныхъ дѣлахъ, верховныхъ правъ свѣтской власти. Въ виду такого положенія дѣлъ, власть свѣтская принуждена была добывать благопріятное для нея рѣшеніе возникшаго вопроса о власти царской и патріаршей на востокѣ, такъ какъ она видѣла, что русскіе архіереи, если бы этотъ вопросъ отданъ былъ на ихъ разсмотрѣніе и обсужденіе, несомнѣнно отвѣтили бы на него въ духѣ Никона, т. е., что священство выше царства. Повидимому свѣтское правительство вполнѣ достигло своей цѣли: вопросъ былъ рѣшенъ восточными патріархами въ пользу безусловнаго преобладанія свѣтской власти надъ духовною, но русскіе архіереи нашли подобное рѣшеніе вопроса одностороннимъ, неправильнымъ и потому для себя необязательнымъ, они хотѣли, и дѣйствительно добились новаго пересмотра спорнаго вопроса. Свѣтская власть должна была допустить не только новое публичное, и потому очень непріятное для нея, разсмотрѣніе вопроса, но и иное его рѣшеніе, несогласное съ тѣмъ, какое ранѣе дали ему восточные патріархи. Несмотря на всѣ усилія Паисія Лигарида, на всю его изворотливость, на поддержку, какую онъ встрѣчалъ постоянно въ греческихъ іерархахъ и у самихъ предсѣдателей собора, восточныхъ патріарховъ,— благодаря дружнымъ усиліямъ, смѣлости и энергіи русскихъ архіереевъ, соборъ принужденъ былъ принять среднее, примиряющее крайности рѣшеніе, именно: соборъ постановилъ,

---

не выѣзжали", т. е. они были запрещены и на время даже находились подъ домашнимъ арестомъ (Рукопись Виѳанской духовной семинаріи № 2369, стр. 60).

что царь самостоятеленъ и независимъ въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ самостоятеленъ и независимъ въ дѣлахъ церковныхъ; и что ни одинъ изъ нихъ не долженъ вмѣшиваться въ область вѣдѣнія другаго.

Такимъ образомъ, состоявшимся соборнымъ рѣшеніемъ церковь признана была вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ отъ царства учрежденіемъ, которое имѣетъ своего самостоятельнаго, независимаго главу, свои собственные законы, свой самостоятельный судъ и свое собственное управленіе, такъ что всякая опека со стороны свѣтской власти, доселѣ тяготѣвшая надъ архіереями, всякое ея вмѣшательство въ общія церковныя и частныя епархіальныя дѣла, признаны были соборомъ незаконными. Понятно, что архіереи постарались немедленно приложить къ дѣлу провозглашенный соборомъ 1667 года принципъ о независимости духовной власти отъ свѣтской: по требованію собора ненавистный Никону и всѣмъ архіереямъ монастырскій приказъ былъ уничтоженъ, какъ учрежденіе, несогласное съ признаніемъ независимости духовенства отъ свѣтской власти, благодаря чему подсудность духовенства свѣтскимъ судьямъ была окончательно уничтожена. Вмѣстѣ съ Монастырскимъ приказомъ, по требованію собора, должны были прекратить свое существованіе и свѣтскіе архіерейскіе чиновники, назначаемые къ архіереямъ свѣтскою властію, и такъ сильно стѣснявшіе самостоятельность и независимость архіерейскаго епархіальнаго управленія. Съ этого времени все церковное управленіе должно было быть тщательно очищено отъ всѣхъ свѣтскихъ чиновниковъ, мѣсто которыхъ должны были занять исключительно лица духовнаго чина.

Очевидно, что русскіе архіереи достигли на соборѣ 1667 г., несмотря на все противодѣйствіе имъ греческихъ іерарховъ и особенно ихъ представителя Паисія Лигарида, очень важныхъ и существенныхъ для себя результатовъ, такъ что съ этихъ поръ русскіе архіереи могли, не стѣсняясь, публично выражать свои истинныя воззрѣнія на отношенія между властью свѣтской и духовной. Вотъ примѣръ. Чудовской архимандритъ Іоакимъ, впослѣдствіи патріархъ московскій, поставленный новгородскимъ митрополитомъ, въ 1672 году говорилъ своей паствѣ поученіе, въ которомъ онъ убѣждаетъ всѣхъ пасомыхъ подчиняться во всемъ власти, „понеже

безначаліе всюду зло есть, и погибели и крамолы и мятежа виновно“, и затѣмъ предъ своими пасомыми разсуждаетъ: „но убо власть есть сугуба: ова гражданская, ова же церковная. И внѣшній убо начальникъ грѣшащія емлетъ, вяжетъ, мучитъ и главосѣчетъ: разбойники, тати, прелюбодеи; духовный же начальникъ многимъ вящій его: грѣшащаго бо словомъ наказанія лучша творитъ, не главу, но недугъ отсѣцаетъ, изгоняетъ отъ таинъ и отъ церковныхъ оградъ, и оставивъ его и отъ злобы свободивъ, и душу отъ скверны омывъ и лучша бывша покаяніемъ нова изъ ветха человѣка содѣловаетъ. И елико разнствуетъ тѣло души, или, елико отстоитъ небо отъ земли, толико и паче много вядщше разнство и разстояніе внѣшнія власти и церковныя. Кто же власть церковная? Суть богопоставленніи архіереи и іереи, иже немощныя врачуютъ, иже мракомъ суетъ міра сего ослѣпшія, зарями богодухновенныхъ словесъ просвѣщаютъ, иже храмлющія лестною стезею самомнѣнія, путеводятъ правымъ шествіемъ истинныхъ церковныхъ догматъ ученія, иже имутъ ключи не земнаго нѣкоего града, но самаго небесе, иже царство небесное заключаютъ и отверзаютъ: елико бо аще свяжете на земли, будутъ связани на небеси, рече Христосъ, и елики же аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшенни на небеси. Сію и сицевую власть имущимъ, долженствуютъ подвластніи со всякимъ смиреніемъ и покореніемъ подчинятися“... [1]).

Такъ, во второй половинѣ XVII вѣка, архіереи и на соборахъ и въ своихъ поученіяхъ къ пасомымъ заявляли, что „духовный начальникъ много вящшій свѣтскаго“, что „елико разнствуетъ тѣло души, или, елико отстоитъ небо отъ земли, толико и паче много вящше разнство и разстояніе внѣшнія власти и церковныя“, что „церковную власть имущимъ, долженствуютъ подвластніи со всякимъ смиреніемъ и покореніемъ подчинятися“. Но такъ разсуждать пришлось однако недолго; скоро пришлось совсѣмъ измѣнить взгляды на отношеніе свѣтской власти къ духовной. Недаромъ русскіе архіереи, по словамъ Паисія Лигарида, заяв-

---

[1]) Непереплетенный рукописный сборникъ моск. синод. библ. № IV. То же слово Іоакима находится въ рукоп. сборникѣ Флорищевской пустыни № 121/695.

ляли въ Москвѣ восточнымъ патріархамъ—Паисію александрійскому и Макарію антіохійскому: „мы, говорили они, несчастные и ублажаемые за то, что находимся въ самыхъ нѣдрахъ христіанства, терпимъ великую нужду въ своихъ епархіяхъ и всякія затрудненія, и хотя много тяжкаго по неволѣ терпѣливо переносимъ отъ властей (свѣтскихъ): но страшимся еще худшаго впереди, когда утверждено будетъ, что государство выше церкви... Боимся за будущее, опасаемся, чтобы послѣдующіе государи, не зная смысла патріаршаго постановленія, не погрѣшили, послѣдуя просто буквѣ, которая часто убиваетъ“. И напрасно, въ отвѣтъ на эти опасенія русскихъ архіереевъ за свое будущее подчиненіе свѣтской власти, Паисій Лигаридъ утѣшалъ ихъ: „вы боитесь будущаго, говорилъ онъ русскимъ архіереямъ, чтобы какой-нибудь новый государь, сдѣлавшись самовластнымъ и соединяя самоуправство съ самозаконіемъ, не поработилъ церковь русскую. Нѣтъ, нѣтъ. У добраго царя будетъ еще добрѣе сынъ, его наслѣдникъ... Онъ будетъ попечителемъ о васъ... будетъ царь вмѣстѣ и архіерей“. Въ дѣйствительности предчувствіе русскихъ архіереевъ, относительно ожидавшаго ихъ тяжелаго будущаго, оказалось гораздо вѣрнѣе предсказаній Лигарида.

Петръ Великій, очевидно, хорошо зналъ тотъ эпизодъ изъ исторіи Никона, въ которомъ такъ рѣзко сказалось столкновеніе царской власти съ патріаршей, хорошо зналъ на чьей сторонѣ въ этомъ столкновеніи стояли русскіе архіереи по вопросу объ отношеніи свѣтской власти къ духовной, зналъ и то, какъ на соборѣ 1667 года, со стороны русскихъ архіереевъ, было выражено стремленіе утвердить то положеніе, что священство выше царства, и что соборъ 1667 года, несмотря на всѣ усилія присутствовавшихъ на немъ двухъ восточныхъ патріарховъ и другихъ греческихъ архіереевъ, принужденъ былъ признать, подъ давленіемъ русскихъ архіереевъ, самостоятельность и независимость духовной-патріаршей и архіерейской власти, относительно власти свѣтской. Петръ I-й находилъ такой порядокъ дѣлъ, при которомъ существуютъ независимые отъ свѣтской власти патріархъ и архіереи, которые „суду царскому не подлежатъ“, ненормальнымъ, несогласнымъ съ царскимъ самодержавіемъ и даже опаснымъ для государства. Онъ рѣшился вопросъ

объ отношеніяхъ свѣтской власти къ духовной перерѣшить снова съ тѣмъ, чтобы навсегда отнять у духовной власти всякую самостоятельность, подчинивъ ее во всемъ своей самодержавной волѣ. Такъ какъ главною опорою и центромъ для притязаній духовной власти на независимость отъ власти свѣтской служило патріаршество, то Петръ І-й и рѣшилъ, для достиженія своей цѣли, уничтожить на Руси самое патріаршество, мотивируя этотъ свой шагъ между прочимъ тѣмъ, что патріаршество очень вредно и даже прямо опасно для государства.

Въ духовномъ регламентѣ, по поводу уничтоженія у насъ патріаршества и замѣны его Духовнымъ Коллегіумомъ, между прочимъ говорится: „велико и сіе, что отъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но великаго высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковый правитель есть то вторый государь, самодержцу равносильный, или больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ тако умствовати обыклъ. Чтоже егда еще и плевелные властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хврастію огнь подложатъ? Тако простые сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря въ коемъ либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ, и за него поборствовати и бунтовати дерзаютъ... Чтоже когда еще и самъ пастырь, таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спать не похощетъ, изрещи трудно, коликое отсюду бѣдствіе бываетъ! И не вымыслы то далъ бы Богъ, чтобъ о семъ домышлятися только можно было, но самою вещію не единожды во многихъ государствахъ сіе показалося, вникнуть только во исторію константинопольскую, нижае іустиніановыхъ временъ, и много того покажется. Да и папа не инымъ способомъ толико превозмогъ, неточію государство римское полно пресѣче и себѣ великую часть похити, но и инныя государства едва не до крайняго разоренія не единожды потрясе. Да не воспомянутся подобные и у насъ

бывшіе замахи". Далѣе въ Духовномъ регламентѣ говорится, что „единъ самовластный пастырь" т. е. патріархъ, въ случаѣ проступка, можетъ не захотѣть „отъ подручныхъ себѣ епископовъ судитися" и принудить его къ тому очень трудно, въ виду людской молвы. „Отъ чего дѣется, говоритъ Духовный регламентъ, что на злого таковаго единовластителя нужда есть созывати соборъ селенскій, что и съ великаго всего отечества трудностію и съ немалымъ иждивеніемъ бываетъ и въ нынѣшнія времена (когда восточныя патріархи подъ игомъ турскимъ живутъ, и турки нашего государства вящше нежели прежде опасаются) отнюдь мнится быти невозможно".

Нетрудно видѣть, чѣмъ были вызваны эти разсужденія Духовнаго регламента объ опасности патріаршества для государства, о простомъ невѣжественномъ русскомъ народѣ, смотрящемъ на патріарха какъ на равнаго или даже какъ на высшаго, нежели Самодержецъ, о томъ, что духовный чинъ, по представленію многихъ, „есть другое и лучшее государство", что и у насъ со стороны духовной власти тоже бывали опасные для государства „замахи", что въ случаѣ проступка патріарха для суда надъ нимъ придется вызывать изъ Турціи восточныхъ патріарховъ, такъ какъ онъ не захочетъ подчиниться только суду своихъ епископовъ,— предъ глазами составителя Духовнаго регламента стояли тѣ именно событія, о которыхъ мы разсказали выше.

Патріаршество еще можно было уничтожить, но архіереевъ уничтожить было нельзя. Тутъ оставалось одно: поставить архіереевъ въ полную зависимость отъ свѣтской власти. Это именно и сдѣлалъ Петръ I-й.

Духовный регламентъ академически поучаетъ русскихъ архіереевъ: „вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своея, и невысоко бы о ней мыслилъ, и дѣло убо великое, но честь никаковая". Говоря затѣмъ, что епископы только орудія спасающей благодати Божіей, Духовный регламентъ замѣчаетъ: „сеже того ради предлагается, чтобъ укратити оную вельми жестокую епископовъ славу... Честь (епископовъ) умѣренная есть, а лишняя и, почитай, равно царская,—да не будетъ".

Практически--законодательнымъ путемъ Духовный регламентъ узаконяетъ у насъ, на мѣсто уничтоженнаго патріар-

шества, Духовный Коллегіумъ, члены котораго назначаются свѣтскою властію и въ обязательной для нихъ, предъ вступленіемъ въ Коллегіумъ, присягѣ заявляютъ: „исповѣдую же съ клятвою крайняго Судію Духовныя сея Коллегія быти Самого Всероссійскаго Монарха, Государя нашего Всемилостивѣйшаго“. Этому Духовному Коллегіуму, крайній судія котораго есть всероссійскій монархъ, и потому безусловно зависѣвшему отъ свѣтской власти, были во всемъ подчинены теперь всѣ епархіальные архіереи, устраненные не только отъ всякаго непосредственнаго участія въ общецерковныхъ дѣлахъ, но и въ управленіи своими епархіями обязанныя безусловнымъ подчиненіемъ Духовному Коллегіуму, верховнымъ главою котораго былъ царь, и въ которомъ изъ десяти присутствовавшихъ членовъ только трое были архіереи.

Всѣми этими мѣрами вопросъ объ отношеніи свѣтской власти къ духовной былъ теперь рѣшенъ весьма опредѣленно, хотя и не такъ, какъ онъ рѣшенъ былъ на соборѣ 1667 года. Если послѣ собора 1667 года русскіе архіереи, обращаясь къ паствѣ къ поученіемъ, говорили: „духовный начальникъ многимъ вящшій свѣтскаго“, „елико разнствуетъ тѣло души, или, елико отстоитъ небо отъ земли, толико и паче много вящшіе разнство и растояніе внѣшнія власти и церковныя“, то, послѣ реформы нашего высшаго церковнаго управленія Петромъ І-мъ, архіереи, касаясь вопроса о власти свѣтской и духовной, стали уже говорить объ этомъ совсѣмъ другимъ языкомъ; иныя мысли и чувства стали они теперь высказывать о свѣтской власти, нежели какія высказывали ранѣе.

ГЛАВА VI.

Участіе грековъ въ дѣлѣ патріарха Никона.

Соборъ 1660 года, собранный для избранія преемника Никону и рѣшенія вопроса, какъ быть съ самимъ Никономъ. Разногласія, обнаружившіяся на соборѣ 1660 года относительно Никона. Участіе греческихъ архіереевъ въ соборѣ 1660 г. Пріѣздъ въ Москву газскаго митрополита Паисія Лигарида и занятое имъ положеніе при московскомъ дворѣ. Отношенія Паисія Лигарида къ Никону и Никона къ Лигариду. Посылка на востокъ іеродіакона Мелетія грека съ приглашеніемъ восточныхъ патріарховъ прибыть въ Москву. Волненія по этому случаю и распри между греками въ Константинополѣ и Москвѣ. Неудачная попытка московскаго правительства добиться назначенія Паисія Лигарида экзархомъ восточныхъ патріарховъ въ Москвѣ для суда надъ Никономъ.

Удаленіе Никона съ патріаршаго престола и, въ то же время, его нежеланіе окончательно отказаться отъ патріаршества, поставило правительство въ очень затруднительное положеніе. Ему приходилось рѣшить два вопроса: можно-ли выбирать на мѣсто Никона новаго патріарха, когда прежній—Никонъ отъ патріаршества формально и письменно не отказывается, и какъ быть съ самимъ Никономъ? Для рѣшенія этихъ вопросовъ въ 1660 году государь созвалъ соборъ, на которомъ въ качествѣ членовъ присутствовало, судя по подписямъ подъ соборнымъ дѣяніемъ, 13 архіереевъ, къ которымъ присоединены были потомъ еще три греческихъ архіерея, такъ что всѣхъ ихъ было 16. Кромѣ того подъ соборнымъ дѣяніемъ подписалось 29 архимандритовъ, 13 игуменовъ, 5 протопоповъ и старецъ Епифаній Славинецкій. Конечно на соборѣ, помимо подписавшихся, было не мало и другихъ лицъ. Соборъ, значитъ, былъ очень многочисленный и разнообразный по своему составу. Продолжался онъ очень долго, именно: открытъ былъ 16 февраля, а закон-

чился 14 августа т. е. тянулся цѣлые полгода. Соборъ былъ открытъ самимъ государемъ въ золотой царской палатѣ въ присутствіи бояръ и всего царскаго синклита. Открывая соборъ, государь обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью, которая дошла до насъ въ собственноручномъ спискѣ царя Алексѣя Михаиловича: „отцы святіи, преосвященные митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты, игумены и протопопы! Изволеніемъ всесильнаго Бога, а нашихъ грѣхъ ради, святая восточная соборная и апостольская церковь, мать всѣхъ насъ, вдовствуетъ уже годъ и семь мѣсяцевъ, не имѣя жениха и пастыря, а бывшій женихъ ея и пастырь, святѣйшій патріархъ Никонъ, патріаршій престолъ оставилъ и находится въ дальнихъ странахъ, а какъ это было, и при оставленіи имъ патріаршества что происходило, все то видѣли: Питиримъ митрополитъ сарскій и падонскій, Михаилъ митрополитъ греческій, Іоасафъ архіепископъ тверской, архимандриты, игумены и протопопы, которые во время божественной литургіи были съ нимъ, патріархомъ, въ службѣ: у всѣхъ у нихъ взяты о томъ сказки, которыя и пришлемъ къ вамъ, святителямъ, и ко всему собору въ патріархію, съ бояриномъ нашимъ Петромъ Михайловичемъ Салтыковымъ. И вамъ бы, отцѣмъ святымъ, о святомъ Духѣ собравшимся, о томъ дѣлѣ разсуждать вправду по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ". — Слѣдующее засѣданіе собора, бывшее на другой день, происходило уже въ патріаршей крестовой палатѣ, царь на немъ не присутствовалъ, не было бояръ и синклита, а только духовныя лица, которыя въ послѣдовательномъ рядѣ соборныхъ засѣданій занялись разсмотрѣніемъ тѣхъ свидѣтельскихъ показаній, которыя ранѣе отобраны были отъ разныхъ лицъ, находившихся въ Успенскомъ соборѣ въ то время, когда Никонъ оставлялъ патріаршество. Всѣ представленныя сказки соборомъ сличались, провѣрялись, исправлялись на основаніи новыхъ показаній тѣхъ лицъ, которыя были въ Успенскомъ соборѣ при оставленіи Никономъ патріаршей каѳедры, а теперь находились на соборѣ и были подвергнуты новому допросу. Тщательно разобравшись въ показаніяхъ разныхъ лицъ, соборъ единодушно пришелъ къ заключенію: „святѣйшій патріархъ Никонъ оставилъ свой патріаршескій престолъ своею волею", о чемъ должно было государю чрезъ

боярина Петра Михаиловича Салтыкова, который, въ качествѣ представителя царской власти, присутствовалъ на соборѣ, какъ и на всѣхъ предыдущихъ и послѣдующихъ соборахъ, и игралъ на нихъ роль нынѣшняго оберъ-прокурора при св. Синодѣ. Государь, выслушавъ докладъ Салтыкова, приказалъ собору сдѣлать выписку изъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ, и на основаніи ихъ обсудить дѣло объ оставленіи Никономъ патріаршей каѳедры. Назначенная государемъ комиссія изъ архіепископовъ Маркелла вологодскаго, Иларіона рязанскаго, Макарія псковскаго, чудовскаго архимандрита Павла и игумена Свирскаго монастыря Симона, собрала подходящія къ случаю соборныя правила, толкованія на нихъ, а также подходящіе историческіе случаи и представила собранное на обсужденіе собора. „Преосвященный соборъ о отреченіи патріаршества святѣйшаго патріарха Никона правильной выписки слушали, и по выпискѣ правилнѣ разсуждали, бояся кійждо страшнаго суда Божія и помня великаго государя премудрейшее повелѣніе вышеписанное, крѣпцѣ смотриша, да не како неправилнѣ управленіе сіе составитися имать“. Принимая во вниманіе всѣ обстоятельства оставленія Никономъ патріаршаго престола и особенно то несомнѣнное обстоятельство, „что отречеся патріархъ Никонъ патріаршества своего и, потомъ, не быти обѣщася“, что въ письмѣ къ государю Никонъ собственноручно подписался; „бывшій Никонъ патріархъ“, „преосвященный соборъ вся сія разсуждая, паче же прилежно правильную выписку прочитающе, возложиша сіе на правила святыхъ отецъ, понеже правила святыхъ отецъ согласно вси невозбранно повелѣваютъ на отрекшагося своей епископіи, или отшедшаго безъ благословныя вины, вящше шести мѣсяцъ епископа, вмѣсто его инаго поставляти“. [1])

Итакъ, соборъ нашелъ вполнѣ согласнымъ съ обстоятельствами оставленія Никономъ патріаршества, съ существующими каноническими правилами и съ историческими примѣрами, чтобы на мѣсто добровольно оставившаго патріаршую каѳедру Никона былъ немедленно поставленъ новый патріархъ.

Поставленіе новаго патріарха на мѣсто ушедшаго Никона

---

[1]) Гиб. I, 66. Дѣло о п. Никонѣ, стр. 62 и 63.

оказалось однако не столь простымъ, какъ это сначала думалъ соборъ, такъ какъ сейчасъ же возникалъ вопросъ: какъ быть съ Никономъ, который продолжалъ оставаться патріархомъ. Очевидно, прежде избранія и постановленія новаго патріарха, необходимо было порѣшить вопросъ о судьбѣ Никона. Сдѣлать это было тѣмъ болѣе необходимо, что Никонъ въ послѣднее время настойчиво заявлялъ, что онъ оставилъ престолъ, но архіерейства не оставлялъ, что благодать, дарованная ему при поставленіи въ патріархи, по прежнему остается при немъ и что только онъ, а не кто либо другой, можетъ передать ее своему преемнику. Отсюда Никонъ дѣлалъ такой выводъ, что право законно поставить новаго патріарха принадлежитъ только ему, Никону, и что безъ его активнаго участія не можетъ состояться законное поставленіе новаго патріарха.

Но Никонъ въ этомъ случаѣ былъ не одинокъ. До насъ дошла докладная записка неизвѣстнаго (вѣроятно Славинецкаго), поданная царю Алексѣю Михаиловичу, въ которой авторъ рѣшаетъ слѣдующіе четыре вопроса: а) „мощно-ли, не низложивше соборне Никона, возвести иного? б) Мощно-ли Никона, отрекшася своего престола, возвести паки? в) Мощно-ли низложити Никона и иного возвести, ему живу сущу, правильно? г) Аще Никона низложити, то разсудити,— отъ самаго-ли престола, или вкупѣ и отъ архіерейства“?

Отвѣчая на указанные вопросы, авторъ записки говоритъ, что Никонъ отрекался престола только на словахъ, а не дѣломъ, такъ какъ его отреченіе не было сдѣлано на соборѣ, или письменно, и къ тому же онъ, при отреченіи отъ патріаршества, вышелъ изъ Успенскаго собора въ архіерейской мантіи и сейчасъ все архіерейски дѣйствуетъ. Но если бы онъ отрекся и дѣломъ, то и тогда было бы несогласно съ церковною заповѣдію признать его отреченіе достаточнымъ, такъ какъ, по словамъ Кирилла александрійскаго, „аще бы и писаніемъ отрекся, аще достоинъ есть святительства—*да служитъ*; аще же есть недостоинъ, да не отрицается, но обличенъ бывше судомъ, *да извержется*; кромѣ же обличенія никакъ чуждъ можетъ быть престола: убо Никоново отрицаніе ничто есть; и аще не имать недостоинства никакова, *да служитъ*; аще ли имать недостоинство, соборне вопросити о немъ и, судомъ обличивше, низложити“. Изъ этихъ разсуж-

деній авторъ записки выводитъ такое заключеніе: „иного намъ избирати, Никону живу сущу, видитмися немощно. Никона же, аще и отрекшася, мощно возвести паки, по святому Кириллу, глаголющу: *аще достоинъ, да служитъ*“. Но, говоритъ авторъ, если и скажутъ: „неудобь всѣмъ бѣ носимъ Никонъ“, то и въ такомъ случаѣ не изверженію онъ повиненъ, а нужно всѣмъ „сыновнымъ повиновеніемъ и любовію молити его, да исправится во нравѣ своемъ; судити же его кто отъ насъ и како можетъ?“. По 9-му правилу Халкидонскаго собора Никонъ можетъ подлежать только суду Константинопольскаго патріарха, а никакъ не суду мѣстныхъ епископовъ, почему автору думается, „яко нелѣть намъ есть *по сихъ правилехъ* Никона судити и низложити, послѣдственнѣ же иного возвести, ему живу сущу“. Принимая во вниманіе однако то обстоятельство, что и каноническія правила и историческіе примѣры дозволяютъ на мѣсто епископа, оставившаго свою каѳедру, избирать другаго, еще при жизни ушедшаго, можно и на мѣсто добровольно ушедшаго Никона, избрать другаго патріарха, но только, на основаніи историческихъ примѣровъ, подъ условіемъ сохраненія за Никономъ архіерейства. „Подобаетъ, говоритъ авторъ, Никона чести и служенія архіерейскаго не отчуждати, аще и безпрестоленъ будетъ. И тако видитмися Богу быти угодно, и оставившему престолъ не безчестно, намъ безгрѣшно, и всему народу годѣ. Аще же въ чести сый оставленъ Никонъ промышлялъ бы что смятенія сотворити, симъ самымъ дѣломъ повиненъ будетъ чести и дѣйствія архіерейскаго отъ себе удаленія“.

Значитъ, не только самъ Никонъ считалъ себя единственно правомочнымъ лицомъ, могущимъ законно рукоположить новаго патріарха, но находились и другія лица, которыя считали даже возможнымъ возвратить самаго Никона на оставленную имъ патріаршую каѳедру, а если и соглашались на избраніе новаго патріарха, то только подъ условіемъ сохраненія за Никономъ достоинства и чести архіерейской.

Соборъ, по повелѣнію государя, занялся изысканіемъ подходящихъ каноническихъ правилъ и историческихъ примѣровъ, чтобы порѣшить вопросъ о томъ, какъ быть съ Никономъ. Но всѣ произведенныя изысканія не привели однако ни къ чему строго опредѣленному и рѣшительному, такъ

какъ по однимъ правиламъ и примѣрамъ выходило, что можно архіерея, оставившаго свою каѳедру, снова возвратить на свой престолъ, по другимъ,—что возвращать его не слѣдуетъ; по однимъ выходило, что оставившій престолъ архіерей, не долженъ болѣе архіерействовать, по другимъ,—что оставивъ добровольно свой престолъ, онъ всетаки долженъ остаться архіереемъ и архіерействовать. Большинство русскихъ архіереевъ, не любившее Никона, не желало не только его возвращенія на патріаршество, но и настаивало на самой крайней мѣрѣ,—лишеніи Никона архіерейства.

Въ виду разногласій на соборѣ по вопросу о дальнѣйшей судьбѣ Никона, государь приказалъ призвать на соборъ бывшихъ тогда въ Москвѣ греческихъ архіереевъ: Парѳенія ѳивскаго, Кирилла андросскаго и Некторія погоянинскаго съ тѣмъ, чтобы они сдѣлали выписки по дѣлу Никона изъ греческихъ правилъ и участвовали въ засѣданіяхъ собора. Греки выполнили это царское порученіе. Они, приводя въ примѣненіи къ отреченію Никона выписки изъ разныхъ соборныхъ правилъ, постановленій и толкованій на нихъ, а также разные историческіе примѣры, нашли, что Никонъ все дѣлалъ вопреки священнымъ правиламъ и законамъ, что онъ „есть повиненъ и погрѣшенъ въ правилахъ святыхъ апостолъ и святыхъ соборовъ и въ законѣхъ самодержцевъ и приснопамятныхъ царей“. Къ этому выводу относительно Никона греческіе архіереи прибавляютъ и такое заявленіе: „явлено есть всѣмъ, яко отъ всѣхъ бывшихъ патріарховъ прежде на Москвѣ, инъ не возлюби насъ, грековъ, якожъ святѣйшій господинъ Никонъ патріархъ, и чину восточные церквѣ не послѣдова инъ, якоже самъ онъ, и аще и есть другъ нашъ зѣло, но что можемъ сотворити отъ божественныхъ правилъ и законовъ; не возмогохомъ творити инако, токмо писати всю истину, яко повелѣваютъ божественные законы и правила святыхъ апостолъ и святыхъ соборовъ и закони приснопамятныхъ и самодержцовъ царей“. Признавая, что хотя по всѣмъ правиламъ и законамъ добровольно отрекшійся отъ своего престола архіерей и не можетъ уже стремиться къ его возвращенію, однако въ этомъ дѣлѣ „стоитъ токмо власть и воля въ совѣтѣ и власти тишайшаго царя, собора и синклита: аще имъ есть нужный и потребенъ снисходити, паки призвати его на престолъ его *есть воз-*

можно, якоже является въ писаніи, еже и бысть иногда", т. е. греческіе архіереи заявляютъ, что та или другая судьба Никона зависитъ исключительно отъ воли и усмотрѣнія государя, который можетъ въ этомъ случаѣ поступать какъ ему благоугодно, не стѣсняясь правилами и законами, такъ какъ въ исторической церковной жизни бывало всякое. Въ то же время греческіе іерархи обращаются къ царю съ ходатайствомъ за Никона, „зане аще господинъ Никонъ въ прочихъ внѣшнихъ вещахъ и во отреченіи своемъ погрѣши яко человѣкъ, но въ догматахъ благочестивые и православные вѣры бѣ благочестивѣйшій и правъ, и во апостольскихъ и отеческихъ преданіяхъ восточные церкве бѣ зѣло ревнитель, и сего ради, аще отъ престола своего самъ отринуся, достоинство же священства благоутробіемъ и человѣколюбіемъ святаго твоего царства и святаго собора приличнымъ образомъ да имать священство за нѣкое малое утѣшеніе яко же повелитъ святое твое царство, и да не явимся тяжки въ томъ, молимъ великое твое царство".

Такимъ образомъ, присутствовавшіе на соборѣ греческіе архіереи хотя и признали, что Никонъ по церковнымъ правиламъ и постановленіямъ, какъ ихъ нарушитель, долженъ быть лишенъ не только патріаршества, но и самаго архіерейства, однако все это дѣло они отдавали на волю и усмотрѣніе государя и собора, которые могли и не считаться съ церковными правилами и оставить за Никономъ архіерейство,—они, греческіе архіереи, даже особенно ходатайствуютъ объ этомъ предъ государемъ.

Главную роль въ рѣшеніи соборомъ 1660 года дѣла о Никонѣ сыграло приведенное греческими архіереями 16-е правило двукратнаго собора: „безумно убо есть епископства отрѣщися, держати жъ священства", и приведенное греческими архіереями мнѣніе Матвѣя Властаря: „который архіерей отречется престола своего и стада своего, да обнажится абіе и священства своего". На основаніи главнымъ образомъ этого правила и его толкованія Властаремъ соборъ изъ русскихъ и греческихъ архіереевъ въ концѣ концовъ постановилъ: „чужду быти Никону патріаршескаго престола и чести, вкупѣ и священства, и ни чимъ не обладати". Греческіе архіереи, ранѣе ходатайствовавшіе предъ царемъ, чтобы за Никономъ сохранено было достоинство архіерея,

теперь отступились отъ своего первоначальнаго мнѣнія и окончательно примкнули къ мнѣнію тѣхъ, которые желали лишить Никона не только патріаршества, но и архіерейства. Это обстоятельство нарочито подчеркиваетъ соборное дѣяніе, которое сказавъ, что государь приказалъ призвать на соборъ бывшихъ тогда въ Москвѣ греческихъ архіереевъ съ тѣмъ, чтобы они сдѣлали о Никонѣ выписки изъ греческихъ правилъ, далѣе говоритъ: „они же, гречестіи архіереи, выписаша изъ правилъ святыхъ отецъ во всемъ согласно съ преосвященнымъ россійскимъ соборомъ, и единомысленно рекоша Никона, бывшаго патріарха, чужда быти архіерейства и чести и священства, и ничимъ же обладати, и на его мѣсто иного архіерея возвести, и руками своими подкрѣпиша“.

Повидимому греческіе архіереи, присутствовавшіе на соборѣ 1660 года, сначала хотѣли было стать на сторону Никона, какъ всѣмъ извѣстнаго грекофила, но потомъ, въ виду очевиднаго желанія русскихъ архіереевъ и бояръ низложить и окончательно унизить Никона, сочли для себя болѣе благоразумнымъ и выгоднымъ перейти на сторону противниковъ Никона и, въ концѣ, примкнули къ партіи лишившей Никона не только патріаршества, но и священства. Въ этомъ направленіи они пошли даже далѣе. Всячески желая выслужиться предъ московскимъ правительствомъ, они подали государю особыя мнѣнія, въ которыхъ каждый изъ нихъ такъ или иначе старался обвинить и унизить Никона, ранѣе ими же признаннаго за выдающагося грекофила. Такъ одинъ изъ грековъ, вѣроятно аѳонскій архимандритъ Діонисій, жившій въ Москвѣ, заявляетъ царю, что нѣкоторые, или руководясь дружбою къ бывшему патріарху Никону, или хорошо не понимая церковныхъ правилъ, „скорбятся о низверженіи Никона“ и ссылаются на примѣръ современныхъ константинопольскихъ патріарховъ, которые, оставивъ патріаршій престолъ, остаются однако архіереями, получаютъ въ свое управленіе епархіи, а иногда и снова возвращаются на оставленную ранѣе патріаршую каѳедру. Авторъ грекъ по этому поводу говоритъ, что константинопольскіе патріархи оставляютъ свой престолъ неволею, вслѣдствіе гоненія турокъ, оставляютъ престолъ, чтобы не причинить патріархіи и всей греческой церкви великихъ бѣдъ и убытковъ отъ

турокъ, и потому-то такимъ отъ турецкихъ насилій убѣгающимъ патріархамъ, греческіе соборы и даютъ какія либо епархіи на прокормленіе, или, по минованіи бѣды, возвращаютъ ихъ снова на патріаршій престолъ. Все это сейчасъ дѣлается у грековъ не по правиламъ и законамъ церковнымъ, а вопреки имъ, дѣлается единственно по неизбѣжной необходимости, для предохраненія греческой церкви отъ великихъ насилій и притѣсненій со стороны турокъ. Русскимъ, въ этомъ случаѣ, никакъ не слѣдуетъ руководиться примѣромъ современной греческой церкви, а имъ слѣдуетъ руководиться только священными правилами и законами, отступать отъ которыхъ въ православной Руси рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній. Въ другомъ заявленіи царю, подданымъ греческими архіереями, они говорятъ, что вполнѣ законно и справедливо будетъ со стороны царя избрать на мѣсто Никона новаго патріарха съ тѣмъ, чтобы о вновь избираемомъ произведено было предварительное испытаніе, „да обрящется праваго житія и правыя вѣры, человѣкъ благочестивѣйшій во всѣхъ составахъ вѣры и ревнитель апостольскихъ и отеческихъ догматовъ же и преданій святыя восточныя Христовы церкви, и да будетъ благоугоденъ Богу, а не токмо человѣкомъ“. Новый поставляемый патріархъ долженъ *„покоряться и почитать четырехъ столповъ и свѣтильниковъ вселенныхъ,—четыре*, глаголю, *патріарховъ, и почитать ихъ паче себе*, яко же прежнихъ (т. е. старшихъ) себѣ братовъ и отцевъ; онъ долженъ избираться не по жребію, такъ какъ при такомъ порядкѣ выборовъ можетъ „случиться содѣйство дьявольское и падетъ жребій на единаго непотребнаго и худаго“, но соборъ долженъ избирать трехъ лучшихъ, достойнѣйшихъ мужей, изъ которыхъ царь и избираетъ одного, кто изъ нихъ представляется ему лучшимъ.—Хіосскій архіепископъ Кириллъ пишетъ государю, что Никонъ, руководясь чрезмѣрною своею гордостію, „просяше грамоты отъ царствія твоего пребеззаконныя на возвышеніе нелѣпое свое“, и царь, по своей простотѣ, давалъ Никону такія грамоты. Въ этомъ случаѣ „высокосердый сый (Никонъ) начало закона бысть преступникъ и отрицатель закона и, еже лютѣйшее: яко уча иныхъ, себе не учаше и не подражаше владыкѣ Христу, глаголющему: большій васъ да будетъ вамъ слуга; и иже аще хочетъ первый быти въ

васъ, да будетъ вамъ рабъ". Архіепископъ-грекъ говоритъ, что Никона „ослѣпи гордость, возлюби бо паче славу человѣческую, нежели славу Божію, вся бо дѣла творяше, во еже видитися отъ человѣковъ. Любяше бо первосѣданіе въ вечерахъ и первовозлеганіе и зватися отъ человѣкъ равви. Владыка Христосъ учаше ученики своя смиренію, а той величаніямъ; Христосъ не памятозлобію, а той памятозлобію; Христосъ излія кровь свою насъ ради, а той не претерпѣ ниже студное; Христосъ учаше: да покорятся царемъ, а той противляшеся цареви, ослѣпи бо его злоба; сего ради пріятъ по дѣломъ своимъ". Въ виду этого архіепископъ совѣтуетъ государю поставить „иного патріарха законнаго и соборнаго" [1]).

Рѣшеніе собора греческихъ и русскихъ іерарховъ, что Никонъ долженъ быть лишенъ не только патріаршества, но и архіерейства, было представлено на благоусмотрѣніе государя, который, „разсуждая премудре, благоразсуднѣ и праведнѣ съ своимъ царскимъ синклитомъ" т. е. передавъ соборное рѣшеніе на обсужденіе боярской думы подъ своимъ предсѣдательствомъ, повелѣлъ соборное дѣяніе о Никонѣ и о поставленіи новаго патріарха на его мѣсто скрѣпить собственноручною подписью всѣхъ членовъ собора, въ Успенскомъ соборѣ, въ своемъ присутствіи и при всемъ царскомъ синклитѣ, что и было сдѣлано.

Казалось, вопросъ о Никонѣ былъ рѣшенъ теперь окончательно: слѣдовало, согласно соборному постановленію, признавъ Никона лишеннымъ патріаршества и самаго архіерейства, немедленно приступить къ избранію новаго патріарха. Но этого не случилось по слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Епифаній Славинецкій, какъ мы видѣли, не былъ противъ избранія новаго патріарха на мѣсто Никона, но онъ при этомъ настаивалъ, чтобы за Никономъ оставлено было достоинство архіерея. Но когда присутствовавшіе на соборѣ греческіе іерархи привели 16 правило двукратнаго собора: безумно убо есть епископства отрещися, держати жъ священства, онъ долженъ былъ уступить, и наравнѣ съ другими подписался подъ опредѣленіемъ собора, лишившимъ Никона не только патріаршества, но и самаго священства.

---

[1]) Подлин. дѣло о п. Никонѣ, 72—83, 85—87. Гиб. I, 203, 206 211, 220.

Однако Епифаній рѣшился провѣрить приведенное греками соборное правило и оказалось, что такого правила вовсе нѣтъ ни въ греческихъ, ни въ славянскихъ книгахъ. Тогда Епифаній подалъ государю особое заявленіе, въ которомъ писалъ: „грекове на соборѣ изъ своей книги греческія сія реченія прочтоша: безумно убо есть епископства отрещися, держати жъ священства, и рекоша сія реченія быти правило шестонадесятое перваго и втораго собора. И азъ разумѣхъ истинное быти правило перваго и второго собора, не дерзнухъ прекословити и изволеніе свое дахъ на низверженіе Никона, бывшаго патріарха. Но сія сотворихъ сего ради, яко прелстихся греческимъ реченіямъ, яже ни въ словенскихъ, ни въ греческихъ правилѣхъ не обрѣтаются. Сего ради, понеже истинное правило греческое прочтохъ и сихъ реченіе: безумно бо есть епископства отрещися, держать жъ священства, не обрѣтохъ, изволенія моего на низверженія Никона, бывшаго патріарха, отрицаюся, яко неправильнаго и неправеднаго, и каюся“. Понятно, что это заявленіе Славинецкаго должно было произвести сильное впечатлѣніе на государя и поколебать его рѣшимость немедленно привести въ исполненіе соборное постановленіе о Никонѣ. Были подобнаго же рода и другія обстоятельства.

На соборѣ 1660 года присутствовалъ архимандритъ полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря Игнатій Іевлевичъ. 10-го мая онъ обратился къ отцамъ собора съ рѣчью, въ которой доказывалъ, что дѣло на соборѣ о Никонѣ ведется неправильно, такъ какъ, по его мнѣнію, требуется, „да на соборѣ бывшій пастырь (Никонъ) призванъ будетъ, или чрезъ посланныхъ къ нему истязанъ о винахъ оставленія престола его архипастырскаго... Не спросивше же у него соборнѣ винъ оставленія, возвести иного, мню, невозможно“. Архимандритъ указываетъ и на другое обстоятельство, подрывающее значеніе дѣяній собора 1660 года, именно: „мню, говоритъ онъ, яко бы лучше согласитися совѣту освященнаго собора съ большимъ совѣтомъ великія церкви Константинополя, новаго Рима и со вселенскимъ патріархомъ... Судилища же совершеннаго о немъ (Никонѣ) разрѣшите правильно, мню, отнюдь невозможно, развѣ по согласію съ большимъ соборомъ церкви великія константинопольскія и со вселенскимъ патріархомъ“. Естественно, что это заявле-

ніе Игнатія Іевлевича, что судить и низлагать Никона имѣетъ право только константинопольскій патріархъ съ своимъ соборомъ, а не соборъ однихъ мѣстныхъ епископовъ, необходимо опять производило впечатлѣніе на царя и тоже побуждало его не приводить въ исполненіе постановленій собора 1660 года о Никонѣ.

Наконецъ и патріархъ Никонъ, съ своей стороны, отнесся къ собору 1660 года прямо отрицательно, какъ къ собору незаконному, не имѣвшаго никакого права судить его. Въ своемъ посланіи къ Паисію Лигариду въ іюнѣ 1662 года, когда Никонъ еще надѣялся найти въ немъ своего доброжелателя и сторонника, онъ писалъ Паисію: „и собралъ царь всѣхъ архіереевъ, яже суть здѣ, и не сказа имъ о яже суть вышеописанномъ ничто же о нашемъ отшествіи, но сотвори написати скаски лживыми нѣкоими человѣцы у себя въ царскихъ палатахъ, инѣхъ же и муками устращая повелѣлъ написать, что будто волею мы оставили престолъ съ клятвою, еже отъ нѣкихъ глаголется, яко и мзду архіереямъ, архимандритомъ и игуменомъ царь того ради давалъ, яко да припишутъ на мя руки, да не буду патріархомъ; они же, послушавши царя, сотвориша якоже годно его царскому величеству“. Когда астраханскій архіепископъ Іосифъ, посланный соборомъ 1660 года къ Никону передать ему рѣшеніе собора, явился въ Воскресенскій монастырь къ Никону, послѣдній „началъ бранить: какой-де у васъ освященный соборъ и кто-де вамъ указалъ его собирать? тотъ-де вашъ соборъ накупной, или—жидовское сонмище“. Въ своихъ возраженіяхъ на отвѣты Лигарида Никонъ выражается о соборѣ 1660 года: „сей соборъ бывшій не точію сонмищемъ іудейскимъ достойно нарещи, но и бѣсовскимъ, яко не по правиламъ собранъ, тако же и соборованіе все по цареву указу дѣлали, яко же онъ хотѣлъ“. Конечно соборъ 1660 г. Никонъ имѣлъ въ виду, когда писалъ константинопольскому патріарху Діонисію: „и егда повелитъ царь быти собору, тогда бываетъ... и кого велитъ судити и обсуждати, и они судятъ и осуждаютъ и отлучаютъ“ [1]).

Въ виду указанныхъ разногласій относительно Никона,

---

[1]) Гиб. I, 213. Древн. вивліоѳ. т. III, стр. 381. Рукопись Бѣляева, л. 96 об. Зап. рук. арх. общ. II, 527.

проявившихся на соборѣ 1660 года, и особенно въ виду протестовъ противъ осужденія Никона со стороны Славинецкаго и Игнатія Іевлевича, а также не признанія дѣяній собора 1660 года правильными и законными самимъ Никономъ, правительство принуждено было признать соборъ 1660 года неудавшимся и отказаться отъ приведенія въ исполненіе состоявшагося на немъ постановленія о конечномъ низверженіи Никона и выборѣ на его мѣсто новаго патріарха, благодаря чему вопросъ о Никонѣ попрежнему оставался открытымъ. Тогда за рѣшеніе этаго вопроса взялся извѣстный газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ.

Въ XVII вѣкѣ въ Москву не мало пріѣзжало греческихъ іерарховъ разныхъ каѳедръ, не исключая самихъ патріарховъ, чтобы получить отъ русскаго правительства милостыню въ пользу своихъ бѣдствующихъ подъ турецкимъ игомъ епархій. Нѣкоторые изъ этихъ іерарховъ милостынесобирателей пріѣзжали въ Москву съ цѣлію остаться въ ней навсегда—„на государево имя“, какъ тогда говорили. Оставались на житье въ Россіи, или по долгу жили въ ней, обыкновенно тѣ іерархи, которымъ почему либо плохо жилось дома, или которые по разнымъ причинамъ теряли свои каѳедры и искали пріюта въ другомъ мѣстѣ. Особенно охотно они направлялись въ Молдавію, Валахію, Трансильванію, Южную Русь и, наконецъ, въ далекую Москву. На Россію они смотрѣли какъ на страну, гдѣ умный, сравнительно образованный, ловкій и оборотливый иностранецъ-единовѣрецъ, искусно разыгрывая роль гонимаго безбожными и жестокими огарянами страдальца, съ успѣхомъ можетъ занять въ невѣжественномъ русскомъ обществѣ видное вліятельное положеніе, быстро составить себѣ состояніе и, приблизившись къ московскому двору, при его посредствѣ, даже поправить свое пошатнувшееся положеніе на родинѣ. Именно переспектива быстрой и значительной наживы, переспектива почета и вліянія даже на востокѣ, ради своей близости къ московскому правительству, привлекала къ намъ не мало честолюбцевъ, которымъ на родинѣ уже не было ходу, разныхъ предпріимчивыхъ искателей легкой и быстрой наживы, которые дома не находили подходящаго себѣ поприща, или по неволѣ должны были оставить родину. Между этими выходцами, оставшимися на болѣе или менѣе продолжитель-

ное время въ Москвѣ, очень мало было такихъ лицъ, которыя бы переселялись въ Россію съ цѣлію принести какую-либо дѣйствительную пользу пріютившей ихъ странѣ, особенно нуждавшейся въ людяхъ образованныхъ и ученыхъ. Въ Москвѣ единовѣрныхъ выходцевъ съ востока принимали очень радушно, награждали щедрою милостынею и оказывали имъ всякое благоволеніе. Къ числу такихъ бродячихъ, не ужившихся дома архіереевъ, которымъ „не подобаетъ возлагать на себя ни епитрахили, ни омофора“, принадлежалъ и газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ.

Паисій былъ человѣкъ довольно образованный и даже ученый, человѣкъ ловкій, умный, находчивый и при этомъ, какъ воспитанникъ іезуитовъ, нравственно очень гибкій и податливый гречанинъ, способный приладиться ко всякой данной средѣ и обстановкѣ, умѣвшій сдѣлаться нужнымъ и необходимымъ для тѣхъ, кто былъ нуженъ ему самому, отъ кого онъ надѣялся получить какія либо выгоды для себя. Въ Москвѣ—этотъ воспитанникъ іезуитовъ, этотъ бросившій свою епархію архіерей, равнодушный къ православію и даже измѣнявшій ему, ловко умѣлъ разыгрывать роль строгаго поборника православія, ревнителя православныхъ церковныхъ правилъ и постановленій, суроваго обличителя малѣйшихъ уклоненій отъ православныхъ преданій и обычаевъ, причемъ онъ искусно выдвигалъ на видъ свой ученый авторитетъ тамъ, гдѣ этого требовали его личные интересы, гдѣ ему нужно было произвести своею ученостію извѣстное впечатлѣніе на русскихъ, особенно на государя. Вообще Паисій былъ довольно даровитый и образованный архіерей-авантюристъ, способный на всѣ руки и на всѣ послуги, за которыя ему хорошо платятъ. Какъ и большая часть подобныхъ выходцевъ, Паисій пріѣхалъ въ Москву съ цѣлію попытать счастья въ этой варварской, но богатой странѣ, гдѣ его умъ, ученость, іезуитская ловкость и изворотливость, должны были обезпечить ему блестящую карьеру, уже болѣе невозможную для него на православномъ востокѣ. Паисій ѣхалъ въ Москву съ опредѣленными цѣлями, общими впрочемъ ему съ другими выходцами: пріобрѣсти въ Россіи, какими бы то ни было средствами, по больше денегъ, заручиться расположеніемъ къ себѣ московскаго двора и, при его содѣйствіи, возстановить свое незавидное,

совсѣмъ уже пошатнувшееся положеніе на востокѣ. О средствахъ къ достиженію этихъ цѣлей, особенно о нравственномъ ихъ характерѣ, Паисій не задумывался. Онъ прибылъ въ Москву (12-го февраля 1662 года) въ самое горячее время, когда дѣло о Никонѣ все болѣе и болѣе запутывалось, когда Московское правительство чувствовало свое полное безсиліе такъ или иначе порѣшить это дѣло и потому крайне нуждалось въ человѣкѣ, который бы помогъ ему выйдти изъ затруднительнаго положенія. Паисій Лигаридъ и былъ именно такимъ человѣкомъ, способнымъ взяться за всякое дѣло, особенно которое сулило ему всевозможныя выгоды, почетъ и вліяніе. Онъ сразу понялъ выгоды своего положенія между двухъ борящихся сторонъ и, какъ и слѣдовало ожидать отъ него, немедленно присталъ къ сильнѣйшей правительственной партіи, сталъ душею и руководителемъ всѣхъ враговъ Никона, дѣло котораго, какъ онъ хорошо видѣлъ, было уже окончательно проиграно. Онъ скоро успѣлъ овладѣть полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ къ себѣ самого государя, у котораго въ нѣкоторой степени даже занялъ мѣсто прежняго „собиннаго друга", такъ что Алексѣй Михаиловичъ, по свидѣтельству самого Никона, сталъ слушать во всемъ Лигарида и почитать его какъ „пророка Божія". Это понятно: вкрадчивый, очень гибкій и льстивый гречанинъ, желавшій только всячески угождать царю, представлялъ полную противоположность съ суровымъ, гордымъ, неуступчивымъ и притязательнымъ Никономъ, и потому ему не трудно было пріобрѣсти расположеніе и любовь мягкого и привязчиваго царя, нравственно измученнаго продолжительнымъ столкновеніемъ съ Никономъ, искавшаго опоры, успокоенія, оправданія своему поведенію въ этомъ дѣлѣ. Никто не могъ лучше Паисія успокоить встревоженнаго, неувѣреннаго въ своей правотѣ царя, оправдать его въ своихъ собственныхъ глазахъ, сообщить ему, колебавшемуся, нравственную устойчивость и рѣшительность. Паисій пустилъ въ ходъ всю свою ловкость и изворотливость, все свое остроуміе и находчивость, весь запасъ своихъ научныхъ знаній, чтобы во всемъ оправдать царя и, наоборотъ, во всемъ обвинить Никона. Причина нелюбья между царемъ и патріархомъ, причина всѣхъ церковныхъ смутъ и нестроеній заключается единственно въ Никонѣ,—вотъ въ чемъ всѣми

средствами старался Паисій убѣдить царя, чтобы умиротворить, успокоить его встревоженную совѣсть. Понятно, что царь искренно и глубоко былъ благодаренъ тому человѣку, который всячески старался снять съ его души тяжелое, давившее его бремя ссоры съ бывшимъ его „собиннымъ другомъ“, что онъ сталъ чувствовать къ Паисію особое довѣріе и расположеніе, готовъ былъ сдѣлать для него все возможное.

Паисій не замедлилъ воспользоваться расположеніемъ къ себѣ царя, чтобы извлечь отсюда всевозможныя выгоды. Цѣлый рядъ челобитныхъ царю съ самыми разнообразными требованіями ярко рисуютъ намъ Паисія съ этой стороны. Немедленно, по своемъ прибытіи въ Москву, Паисій проситъ государя откупить христіанъ его области отъ турокъ, съ которыми онъ уговорился-де давать имъ окупу за христіанъ ежегодно по 500 ефимковъ, и проситъ вручить ему эту сумму, „чтобъ мнѣ, богомольцу твоему, изъ области своей изгнану не быть, и православныхъ христіанъ моея области нечестивые турки не обратили бъ въ свою турскую вѣру“. Чтобы понять истинный смыслъ этой челобитной, нужно знать, что Паисій въ это время уже не былъ дѣйствительнымъ газскимъ митрополитомъ, такъ какъ уже давно бросилъ на произволъ свою митрополію, за что, между прочимъ, и былъ лишенъ самаго архіерейства іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ. Просьба со стороны Лигарида денегъ у государя на выкупъ его епархіи отъ турокъ была наглымъ обманомъ, безцеремонною, въ видахъ наживы, эксплуатаціею довѣрія и расположенія къ нему государя.—Въ томъ же году Паисій, въ особой челобитной государю, желаетъ повѣдать ему о своей скудости, что отпускаемаго ему жалованья и корму достаточно только для него одного, а между тѣмъ при немъ находятся нѣсколько служекъ и три лошади, которыхъ кормить ему нечѣмъ, и потому проситъ государя прибавить ему жалованья, что бы ему людей своихъ и лошадей съ голода не поморить, вслѣдствіе наступившей дороговизны. Во второй челобитной проситъ себѣ у государя архіерейскія одежды, саккоса и митры. Эти требованія не только были удовлетворены, но государь еще пожаловалъ Паисію „кафтанъ камчатнай холодной смирной камки, да рясу суконную черную на бѣлкахъ, сверхъ того, что ему жъ

дана шуба соболья подъ камкою". Въ слѣдующемъ году Паисій обращается къ царю съ цѣлымъ рядомъ челобитныхъ, въ которыхъ проситъ пожаловать ему карету и лошадей вмѣстѣ съ новыми шлеями, потому что старыя прогнили; проситъ дать жалованье его дьякону Агаѳангелу и обмѣнять ему 250 рублей мѣдныхъ на серебряные, заявляетъ царю въ особой челобитной, что онъ пріѣхалъ въ Москву просить милостыни „на уплату съ епархіи моей податей іерусалимскому патріарху Нектарію и туркамъ и себѣ на пропитаніе". Но вотъ, по царскому указу, онъ живетъ въ Москвѣ уже цѣлыхъ три года, „и нынѣ мнѣ, богомольцу твоему, вѣдомо учинилось, что ерусалимскій патріархъ на меня зѣло гнѣвенъ за то, что я многое время, оставя епархію, живу на Москвѣ, а безъ меня епархіи моей пасти некому, да ему, патріарху, и турку никакія подати въ епархіи моей не плачены, да живущіе въ епархіи моей заняли на нужные расходы многія деньги"—1700 ефимковъ, которые онъ и проситъ царя выдать ему для уплаты податей патріарху, туркамъ и долговъ епархіи. Въ другой челобитной Паисій проситъ, чтобы царь далъ ему милостыню золотомъ „для ради легкости послать доведетца". По этой челобитной царь велѣлъ дать Паисію для уплаты епархіальнаго долга, податей патріарху, туркамъ вмѣсто 1700 ефимковъ „850 золотыхъ червонныхъ одинокихъ". Такъ умѣлъ Паисій выманивать у царя крупныя суммы, разыгрывая предъ нимъ роль заботливаго архипастыря о своей бѣдствующей паствѣ, которой онъ въ дѣйствительности уже не имѣлъ. Паисій не пренебрегалъ и другими средствами наживы, какія были возможны при его особенно вліятельномъ положеніи при дворѣ. Въ одномъ докладѣ посольскаго приказа государю говорится: „великому государю бьетъ челомъ газской митрополитъ Паисій: хотѣлъ-де онъ купить соболей и послать въ свою митрополію(?), и пришелъ-де къ нему Юрьи греченинъ, взялъ у него денегъ двѣсти рублевъ серебряныхъ, а взялся принесть къ нему соболей, и онъ-де къ нему соболей и денегъ не принашевалъ; и великій государь пожаловалъ бы его, велѣлъ ему, Юрью, соболи или деньги къ нему принесть". Этотъ докладъ показываетъ, что Паисій, подобно многимъ другимъ пріѣзжимъ въ Москву грекамъ, занимался торговлею. По дешевымъ цѣнамъ покупалъ онъ въ Москвѣ

соболей и отсылалъ съ довѣренными греческими купцами, или такъ называемыми „племянниками", въ Константинополь, гдѣ они и продавались съ значительнымъ барышомъ. Но мало того, что Паисій велъ торговлю, онъ еще занимался торговымъ маклерствомъ. Въ одной челобитной царю онъ ходатайствуетъ за грека купца, съ которымъ „послано изъ Константинополя отъ соборной церкви продать здѣсь, въ Москвѣ, узорочныхъ товаровъ: каменья и иного узорочнаго товару, чѣмъ бы ей бѣдной церкви заплатить долгъ"; эти церковные товары взялъ у довѣреннаго лица другой грекъ купецъ и не платитъ за нихъ денегъ; Паисій проситъ взыскать ихъ. Въ 1663 году Паисій проситъ государя въ челобитной, что бы онъ велѣлъ пропустить въ Москву нѣсколько торговыхъ грековъ, пріѣхавшихъ въ Путивль съ товарами. Въ самой Москвѣ онъ вступается въ споры торговыхъ грековъ между собою, принимаетъ одну сторону, оправдываетъ ее, пишетъ за нее къ царю челобитныя, обвиняетъ другую м. т. под. Конечно все это дѣлаетъ Паисій недаромъ. И менѣе честными средствами онъ не пренебрегалъ, чтобы по больше нажиться въ Москвѣ. Изъ Соловокъ, какъ мы упоминали выше, по ходатайству Паисія, былъ возвращенъ ранѣе сосланный туда іеродіаконъ грекъ Агаѳангелъ, который и поступилъ въ Москвѣ на житье къ Лигариду. Послѣдній подаетъ царю челобитную, въ которой заявляетъ, что будто бы у Агаѳангела, когда онъ отправлялся въ ссылку на Соловки, осталась въ Московскомъ Никольскомъ монастырѣ коробка, а въ ней 250 мѣдныхъ рублей, которые (мѣдные рубли) ходили тогда за серебряные. Сердобольный Паисій проситъ теперь царя обмѣнить эти мѣдные рубли на серебряные. Но не трудно видѣть, что Агаѳангелъ, успѣвшій потомъ обокрасть самого Лигарида, никогда бы не оставилъ въ монастырѣ въ коробкѣ, отправляясь въ далекую ссылку на неопредѣленное время, такую крупную для тогдашняго времени сумму, какъ 250 рублей. Просто Паисій и Агаѳангелъ купили старые мѣдные рубли, какъ мѣдные, и рѣшились получить за нихъ серебряные рубли, а барыши отъ этой продѣлки подѣлили между собою. Вотъ, напримѣръ, еще одно дѣло, которое ярко рисуетъ намъ самаго Паисія и его близкихъ лицъ. Въ августѣ 1669 года въ Москву прибылъ Никольскаго мутьянскаго монастыря архимандритъ

Христофоръ. На допросѣ онъ назвался племянникомъ александрійскаго патріарха Паисія и заявилъ, что онъ, когда пріѣхалъ въ Бѣлгородъ, то, по порученію митрополита Ѳеодосія и воеводы Петра Скуратова, ѣздилъ въ Чигиринъ къ гетману Дорошенкѣ просить объ отпускѣ удерживаемыхъ гетманомъ русскихъ плѣнныхъ и что гетманъ, ради слезнаго его прошенія, отпустилъ до семидесяти знатныхъ и простыхъ русскихъ плѣнныхъ. Въ Москвѣ, жившій у Паисія дьяконъ Агаѳангелъ, потребовалъ отъ архимандрита взятки, обѣщая за взятку „промыслить великаго государя жалованья на 1000 рублей“. Когда архимандритъ отказался отъ этого предложенія, то Агаѳангелъ подговорилъ двухъ волошанъ заявить правительству, что онъ, Христофоръ, архимандритъ не настоящій, а затѣмъ, вмѣстѣ съ племянникомъ Лигарида, отнялъ силою у архимандрита коробку съ цѣнными вещами и поставилъ ее у Паисія. Вслѣдствіе жалобы архимандрита Паисій былъ спрошенъ относительно стоящей у него коробки. Но онъ заявилъ, что никакой коробки у него не было и нѣтъ, а за доносъ „архимандрита бранитъ и бить хотѣлъ“. Но украденная коробка, вмѣстѣ съ нѣкоторыми вещами архимандрита, была дѣйствительно найдена у Паисія. Тогда, по указу государя, дьякъ посольскаго приказа говорилъ Паисію, „чтобъ онъ, митрополитъ, и достальные архимандритовы животы, золотые, и ефимки, и соболи, и перстень велѣлъ сыскать, сыскавъ, прислать въ посольскій приказъ“. Въ виду явныхъ уликъ противъ него Паисію оставалось одно—обидѣться, что онъ и сдѣлалъ: „и газскій митрополитъ подъячему Максиму Бурцеву сказалъ, что у него дьяконовыхъ животовъ Агаѳангела никакихъ нѣтъ и не было, а что-де къ нему, митрополиту, для такова дѣла присылаютъ и тѣмъ-де ево, митрополита, безчестятъ, а что-де племянникъ его Николай не дѣлаетъ, и о томъ съ нимъ, митрополитомъ, не спрашивается“.

Русское правительство, въ виду множества обращавшихся къ нему за милостынею восточныхъ христіанъ, постоянно нуждалось въ такихъ лицахъ, которыя бы могли давать ему свѣдѣнія относительно пріѣзжающихъ въ Москву просителей милостыни, и охотно поэтому прибѣгало къ посредству выѣзжихъ на житье въ Москву греческихъ духовныхъ особъ. Паисій Лигаридъ, прибывъ въ Москву, немедленно взялъ на

себя роль представителя и защитника грековъ и греческихъ интересовъ въ Москвѣ. Прибывъ въ Москву въ февралѣ 1662 года, Паисій уже въ апрѣлѣ выступаетъ ходатаемъ за одного грека—Юлія Харитонова, а это показываетъ, что онъ сразу, по прибытіи въ Москву, занялъ здѣсь видное и вліятельное положеніе и принялъ подъ свою защиту интересы разныхъ грековъ. Въ томъ же году Паисій, вмѣстѣ съ погоянинскимъ архіепископомъ Нектаріемъ и иверскимъ архимандритомъ Діонисіемъ, ходатайствуетъ за двухъ грековъ, сосланныхъ въ Казань, чтобы ихъ возвратили въ Москву, а затѣмъ проситъ о благородномъ юношѣ, грекѣ Павлѣ Николетинѣ, который поступилъ на государеву службу, чтобы ему пожалованъ былъ дворъ „ради природной его чести и пространнаго житія отца его"; „а мы бы, государь, заявляютъ челобитчики, возрадовалися, *чтобы нашъ смиренный родъ у тебя, великаго государя, въ презреніи и забвеніи не былъ, и наше бъ моленіе вотще не было жъ*". Въ томъ же году Паисій уже однолично ходатайствуетъ за архимандрита Предтеченскаго, близь города Серры, монастыря Леонтія. Этотъ Леонтій соединился съ Паисіемъ еще въ Молдавіи и вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ Москву, при чемъ успѣлъ оказать Паисію очень важную услугу: написалъ для него, какъ объ этомъ говоритъ впослѣдствіи грамота іерусалимскаго патріарха, подложныя грамоты, съ которыми Паисій и явился въ Москву. Въ благодарность за эту услугу Паисій взялся выхлопотать у царя Леонтію прибавку къ данной милостынѣ, въ чемъ дѣйствительно и успѣлъ. Въ 1664 году Паисій, Ѳеодосій, Нектарій и Аѳанасій иконійскій подаютъ государю коллективную челобитную о милостынѣ греку, у котораго сгорѣла въ Константинополѣ лавка, а въ ней чужое платье, которымъ грекъ торговалъ. Но особенно замѣтно вліяніе Паисія и компаніи сказалось въ двухъ слѣдующихъ случаяхъ. Въ іюнѣ 1663 года возникло дѣло объ архимандритѣ Костамонитскаго аѳонскаго монастыря Ѳеофанѣ, который безъ царскаго позволенія ѣздилъ къ Никону въ Воскресенскій монастырь и передалъ ему грамоту отъ всѣхъ аѳонскихъ монастырей и мощи священномученика Власія. Ѳеофанъ былъ сторонникомъ Никона и врагомъ Лигарида, съ которымъ у него были столкновенія еще въ Молдавіи, почему онъ, хорошо зная прошлое Лигарида, поспѣшилъ сообщить о немъ свѣдѣнія

Никону, который, опираясь на данныя, сообщенныя ему Өеофаномъ, открыто сталъ называть Паисія не настоящимъ митрополитомъ, а латынникомъ. Өеофанъ жестоко поплатился за свое сочувствіе къ Никону и вражду къ Паисію. Онъ былъ арестованъ и переданъ въ руки врага своего—Паисія, который „ево и наказывалъ и отъ всякаго дурна унималъ, и онъ де учинился ему непослушенъ". Өеофанъ былъ сосланъ въ Кирилловъ монастырь, при чемъ наше правительство сочло нужнымъ узнать относительно этаго обстоятельства мнѣніе греческихъ властей. „Во 172 году, декабря въ 17 день, по приказу думнаго дьяка Алмаза Иванова, подъячей Ивашко Истоминъ посыланъ къ греческимъ властемъ: къ митрополиту газскому Паисію, да къ сербскому Өеодосію, да къ погоянинскому архіепископу Нектарію и съ ними поговорить, что, по указу великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеи великія и бѣлыя и малыя Россіи самодержца, декабря въ 12 день посланъ въ Кирилловъ монастырь архимандритъ Өеофанъ *и въ томъ имъ нѣтъ ли какого сумнѣнія*, а за что онъ, архимандритъ, по указу царскаго величества, сосланъ, и въ томъ имъ велѣно объявить". Греческія власти нашли, что Өеофанъ сосланъ за дѣло, но бывшіе при немъ старцы невинны, почему ихъ велѣно было возвратить въ Москву. — Другой случай. Въ апрѣлѣ 1665 года малороссійскій гетманъ прислалъ въ Москву подъ крѣпкимъ карауломъ варнскаго митрополита Даніила съ обвиненіемъ его въ томъ, что будто бы онъ, живя въ Малороссіи, подговаривалъ казаковъ, что бы они по прежнему приняли польское подданство. На допросѣ Даніилъ показалъ: онъ-де ранѣе, въ 1658 году, пріѣзжалъ въ Москву и получилъ здѣсь милостыню, но на возвратномъ пути его ограбили турки, почему онъ вторично поѣхалъ на Русь. Въ то время въ Чигиринѣ гетманомъ былъ Юрій Хмѣльницкій, который, надѣливъ его милостынею и одеждою, отпустилъ его въ городъ Лысенку на прокормленіе, и онъ прожилъ въ тамошнемъ греческомъ монастырѣ четыре года. Когда гетманомъ сдѣлался Иванъ Брюховецкій, Даніилъ прибѣжалъ къ нему въ Коневъ, куда изъ Лысенки писалъ къ гетману тамошній полковникъ о митрополитѣ, питая къ нему недружбу, будто онъ, живя въ Лысенкѣ, подговаривалъ казаковъ поддаться польскому королю, а у него не только въ

мысли ничего такого не было, но онъ не знаетъ даже ни языка черкасскаго, ни грамоты. Между тѣмъ гетманъ послалъ его въ Москву, гдѣ онъ и поселенъ былъ „въ убогихъ дому" и тутъ терпитъ неволю многое время невѣдомо за что, ибо вѣдаетъ де и гетманъ, что онъ, живя въ черкасахъ, много терпѣлъ отъ измѣнниковъ, только де въ томъ воля великаго государя, будто онъ согрѣшилъ, а чаетъ онъ, митрополитъ, что гетманъ великаго государя объ немъ не извѣстилъ, а какъ извѣститъ, то чаетъ къ себѣ царской милости и свободы, а теперь не даютъ ему жалованья царскаго и кормятъ въ монастырѣ. За опальнаго митрополита вступились греческія власти: газскій Паисій, никейскій Григорій, амасійскій Косьма, которые подали государю челобитную и въ ней заявляли; „приходимъ мы, богомольцы твои, къ твоему царскому величеству къ Москвѣ отъ нечестивыхъ турокъ и терпимъ путемъ всякія напасти и бѣды, токмо надѣемся утѣшеніе пріять у твоего царскаго величества и тыя скорби всѣ забываемъ. Нынѣ же слышимъ, что брата нашего варнскаго Даніила митрополита посылаютъ молитися въ нѣкоторый монастырь, *а про что, того намъ, богомольцомъ твоимъ, невѣдомо, и мы о томъ вельми скорбимъ*. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, пожалуй насъ, богомольцевъ твоихъ, вели, государь, про того митрополита Даніила, *намъ, богомольцамъ своимъ, вину его извѣстить предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ* и его поставить отвѣщать, что бъ вина его явна была и ему *и намъ*, а кромѣ суда и сыску не велѣлъ бы, государь, его ссылать, *что бъ намъ о томъ скорбь и печаль престала*,—царь-государь смилуйся пожалуй!" Просьба челобитчиковъ была уважена, имъ были объявлены вины Даніила и въ заключеніе сообщено, что Даніилъ будетъ въ Москвѣ до пріѣзда вселенскихъ патріарховъ, которые на соборѣ и разсудятъ его дѣло [1]).

Указанные нами случаи очень характерны: ссылая аѳонскаго кастамонитскаго архимандрита Ѳеофана въ Кирилловъ монастырь, царь приказываетъ думному дьяку спросить Паи-

[1]) Все сказанное мною доселѣ о Паисіѣ Лигаридѣ взято мною изъ моей книги: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку, стр. 181—193. Изд. 1885 г.

сія Лигарида и компанію: „въ томъ имъ нѣтъ ли какого сумнѣнія“, приказываетъ дьяку объявить имъ, за что архимандритъ сосланъ, и когда греческія власти отозвались, что Ѳеофанъ сосланъ за дѣло, а бывшіе съ нимъ старцы, тоже уже сосланные, ни въ чемъ не виноваты, то послѣднихъ немедленно возвратили въ Москву. Очевидно, что Паисій Лигаридъ, вмѣстѣ съ другими бывшими тогда въ Москвѣ греческими архіереями, игралъ роль посредника между греками и московскимъ правительствомъ. Послѣднее смотрѣло на Паисія какъ бы на оффиціальнаго представителя и защитника греческихъ интересовъ въ Москвѣ, почему безъ его вѣдома и одобренія даже не рѣшалось подвергать наказанію тѣхъ грековъ, которые обвинялись въ какомъ-либо преступленіи. Точно также и самъ Паисій смотрѣлъ на себя какъ на правомочнаго представителя и защитника грековъ предъ московскимъ правительствомъ. Когда оно хотѣло сослать варнскаго митрополита Даніила, обвиняемаго въ политическомъ преступленіи, то Паисій, вмѣстѣ съ другими греческими властями, считаетъ себя въ правѣ вступиться въ это государственное дѣло и формально требуетъ, чтобы ему съ товарищами сообщено было, за что ссылаютъ митрополита, „ибо того намъ невѣдомо, и мы о томъ вельми скорбимъ“, требуетъ публичнаго соборнаго разсмотрѣнія обвиненій противъ митрополита, „чтобы вина его была явна ему и намъ, а безъ суда и сыску чтобъ его не ссылали“. Требованія Паисія и компаніи относительно митрополита Даніила были исполнены правительствомъ, хотя митрополитъ обвинялся въ чисто политическомъ преступленіи, и потому оно никакъ не могло подлежать публичному суду и разбирательству духовнаго собора. Понятно, какія побужденія руководили челобитчиками въ ихъ ходатайствахъ за разныхъ грековъ: они имѣли въ виду, по ихъ собственному выраженію, „чтобы смиренный греческій родъ у тебя, великаго государя, въ презрѣніи и забвеніи не былъ, и наше бъ моленіе вотще не было жъ“.

Вполнѣ естественно было, что Паисій Лигаридъ, какъ скоро осмотрѣлся въ Москвѣ и почувствовалъ подъ собою почву, поспѣшилъ вмѣшаться въ интересовавшее и волновавшее всѣхъ дѣло Никона, которое окончательно и пере-

шло въ его цѣпкія руки, такъ что весь дальнѣйшій ходъ этого дѣла во многомъ зависѣлъ теперь отъ Паисія.

29 мая 1669 года Паисій подалъ государю о Никонѣ особую докладную записку, въ которой заявлялъ, что онъ услыхалъ съ большою жалостію, что Никонъ „не покидаетъ владѣнья церковнаго и не воздерживается отъ дѣлъ патріаршескихъ“, что онъ „уставы святые творитъ, гнѣвно грозитъ, проклинаетъ безо всякія пощады“, а между тѣмъ уже не есть болѣе пастырь, ибо какъ можно назвать пастыремъ того, „который свои оставливаетъ овцы и о нихъ дѣломъ прямымъ не пасетъ?“ И такъ какъ на дѣлѣ Никонъ уже не пастырь, то онъ никакъ не можетъ вѣдать судебныхъ дѣлъ и судить другихъ, пока самъ не оправдается. Судить слѣдуетъ не ему, а его, почему его и нужно позвать на судъ и допросить, для чего онъ произвольно оставилъ свой престолъ. До судебнаго же рѣшенія, которое его оправдаетъ или обвинитъ, Никону долженъ быть данъ указъ, чтобы онъ воздержался, до рѣшенія суда, отъ всякихъ архипастырскихъ дѣйствій. При этомъ Паисій замѣчаетъ, что болѣе подробно объ этомъ онъ уже писалъ государю въ двухъ своихъ письмахъ, которыя не дошли до насъ.

Никонъ узналъ о письмахъ Лигарида къ государю и расчитывая встрѣтить въ Паисіѣ своего доброжелателя и сторонника, прислалъ къ нему письмо, въ которомъ оправдывая себя и свое оставленіе патріаршей каѳедры, всячески старается изобразить царя въ его отношеніяхъ къ церкви вообще и въ частности, къ самому Никону, въ самыхъ мрачныхъ и непривлекательныхъ краскахъ. Царь, живописуетъ Никонъ Паисію, вопреки божественнымъ законамъ и правиламъ, захватилъ себѣ весь церковный судъ, и судитъ не только архіереевъ и всѣхъ духовныхъ, но и самаго патріарха, почему на Москвѣ царятъ въ церкви „мучительство и бѣдность и грабленіе“. И если онъ, Никонъ, оставилъ патріаршій престолъ, то единственно потому, что отъ царя слышалъ на свои справедливыя представленія ему только „прещеніе и гнѣвъ безъ правды“, и потому еще, „что судъ и вся церковная управленія царская держава воспріятъ и и намъ быти стало не у чего“. Царь созвалъ для суда надъ нимъ, Никономъ, соборъ, но какъ велось на этомъ соборѣ дѣло суда? Царь заставилъ, увѣряетъ Никонъ Лигарида,

„написати скаски лживыми нѣкоими человѣцы у себя въ царскихъ палатахъ, инѣхъ же, и муками устращая, повелѣлъ написать, что будто волею мы оставили престолъ съ клятвою; еще отъ нѣкихъ глаголется, яко и мзду архіереомъ, архимандритомъ и игуменомъ царь того ради давалъ, яко да припишутъ на мя руки, да не буду я патріархомъ; они же, послушавши царя, сотвориша яко же годно его царскому величеству“. Между тѣмъ русскимъ архіереямъ, по церковнымъ правиламъ, никакъ нельзя было судить своего патріарха, безъ разрѣшенія котораго они даже не имѣли права и являться на соборъ, такъ какъ при своемъ поставленіи въ архіереи они давали ему, Никону, рукописное обѣщаніе, „чтобъ не слушать царя и царскаго повелѣнія, аще и смертію почнетъ претить; аще ли что сотворитъ безъ нашего патріаршаго вѣдома, да будетъ лишенъ безъ всякаго слова всего священнаго сана“. При этомъ Никонъ замѣчаетъ, что онъ ушелъ съ Москвы не въ чужую епархію, а постоянно оставался въ предѣлахъ своей московской епархіи; замѣчаетъ, что ни въ чемъ не виноватъ предъ царемъ, кромѣ того, „что пишемъ и говоримъ о неправдахъ его (царя), яже ко святымъ Божіимъ церквамъ и ко святымъ монастыремъ,—обнищилъ и разорилъ (царь) святыя церкви и монастыри своею сильною рукою, и онъ того ради злобится на насъ“.

Такъ Никонъ усиливался оправдать себя и всячески очернить царя въ глазахъ Паисія Лигарида. При этомъ Никонъ, увлекаясь своею враждою къ царю, вовсе не подумалъ о томъ, что его письмо къ Лигариду представляетъ изъ себя крайне безтактный и очень некрасивый поступокъ для столь гордаго ранѣе патріарха, который теперь старался забѣжать къ выѣзжему иностранцу, сообщалъ ему невѣрныя свѣдѣнія о поступкахъ царя и его отношеніяхъ къ церкви, сообщалъ какія-то грязныя сплетни о подкупахъ и застращиваніяхъ царемъ членовъ собора 1660 года. Не подумалъ Никонъ и о томъ, что вѣдь письмо онъ пишетъ почти совсѣмъ неизвѣстному ему иностранцу, можетъ быть человѣку очень сомнительному и не заслуживающему довѣрія, что онъ приглашаетъ этого иностранца быть судьею въ распрѣ патріарха съ царемъ, приглашаетъ изнести надъ ними свой судейскій приговоръ. Такъ непозволительно необдуманно могъ посту-

пать только увлекающійся Никонъ и за это онъ былъ скоро жестоко наказанъ.

Уже изъ содержанія и тона письма Никона Паисій Лигаридъ прекрасно понялъ, что за человѣкъ былъ Никонъ, понялъ, что по своему крайне невыдержанному характеру и чрезмѣрной притязательности Никонъ никакъ не можетъ быть болѣе патріархомъ, а отсюда для него было ясно, на какую сторону ему слѣдуетъ стать, чтобы получить для себя въ Москвѣ всякія выгоды и блага, почетъ и вліяніе: Никонъ уже не могъ ничего дать ему, а царь могъ дать все. Значитъ ему, во имя своихъ личныхъ интересовъ и выгодъ, слѣдовало стать на сторону враговъ Никона и добиваться не возвращенія его на патріаршую каѳедру, а конечнаго низверженія. Такъ и поступилъ Паисій. Онъ отвѣтилъ на письмо Никона очень сдержанно и дипломатично. Онъ пишетъ Никону: „посредѣ двухъ бодрствующихъ стоя, не вѣмъ, камо обращуся? Яко никто же можетъ двумъ господемъ работати: или бо единаго возненавидитъ и другаго возлюбитъ, или единаго удержится и другаго пренебрежетъ“. И Паисій немедленно доказалъ это самымъ дѣломъ. Въ своемъ отвѣтѣ на письмо Никона, несмотря на всю свою сдержанность и изворотливость, несмотря на то, что онъ какъ будто даже призываетъ Никона возвратиться на оставленный имъ патріаршій престолъ, онъ вполнѣ замѣтно выступаетъ сторонникомъ и хвалителемъ царя и, въ то же время, хотя не рѣзкимъ и рѣшительнымъ, но все-таки замѣтнымъ порицателемъ поступковъ и всего поведенія Никона. Послѣдній изъ этого письма Паисія тоже ясно понялъ, что въ его лицѣ онъ пріобрѣлъ себѣ очень опаснаго врага. Такъ и было въ дѣйствительности, какъ показалъ ходъ всѣхъ дальнѣйшихъ событій [1]).

Бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрешневъ составилъ тридцать вопросовъ по дѣлу Никона и просилъ Паисія Лигарида дать на нихъ письменные отвѣты. Самые вопросы составлены были Стрешневымъ съ согласія государя, почему и отвѣты на нихъ Паисія должны были быть представлены чрезъ Стрешнева государю. Лигаридъ 15 августа 1662 года представилъ свои письменные отвѣты на всѣ тридцать во-

1) Гиб. I, 221—227.

просовъ. Хотя въ предисловіи къ отвѣтамъ Паисій и заявляетъ: „я хощу правду говорить и умру для правды Божіи“, однако всѣ свои отвѣты написалъ явно тенденціозно, съ прямымъ и очевиднымъ намѣреніемъ во всемъ завинить Никона, представить его человѣкомъ недостойнымъ патріаршества, даже подлежащимъ изверженію, какъ человѣка гордаго, тщеславнаго и пр. Словомъ, въ своихъ отвѣтахъ на вопросы Стрешнева Лигаридъ рѣшительно и открыто сталъ на сторону враговъ Никона, всячески старался дать имъ въ руки оружіе для борьбы и окончательнаго пораженія Никона, чѣмъ, конечно, въ высшей степени угодилъ всѣмъ противникамъ Никона. Какъ были приняты послѣдними отвѣты Паисія, обвинявшаго и порицавшаго за все только Никона, это видно изъ слѣдующаго: Нероновъ, въ своей челобитной государю объ избраніи патріарха на мѣсто Никона, говоритъ: „преосвященный же Паисія, митрополитъ газскій, *яко отъ Бога посланъ*, не витійскими бесѣдами, но просто всѣ Никоновы затѣйки законопреступны показа... Тебѣ, христолюбивому государю, *правдоглаголивый Паисія*, моля, истину рекъ: твое, рече, благочестивый царю, прилежное попеченіе о церкви“. Вятскій епископъ Александръ въ своей челобитной государю называетъ Лигарида „правдоглаголивый архіерей Паисія“, „священный мужъ“, которому свойственна „неухищренная бесѣда“, „сущимъ архіереемъ“, „священный Паисія“, который говоритъ только правду и за нее готовъ умереть. Только протопопъ Аввакумъ смотритъ на Паисія иначе. У Паисія газскаго, говоритъ онъ, „выняли напослѣдокъ табаку 60 пудовъ, да домру, да иные тайные монастырскіе вещи, что пограбивше творятъ. Согрѣшилъ—простите; не мое то дѣло: то вѣдаетъ онъ; своему владыкѣ стоитъ, или падаетъ. Къ слову молвилось. То у нихъ были любимые законоучителіе“ [1]).

Отвѣты Паисія на вопросы Стрешнева, представлявшіе собой сплошной обвинительный актъ противъ Никона, имѣвшіе въ виду показать, что вся вина распри между патріархомъ и царемъ, падаетъ только на одного Никона, были какъ нельзя болѣе пріятны и для Алексѣя Михаиловича и для всѣхъ дворцовыхъ бояръ, почему Паисій сразу пріоб-

[1]) Гиб. II, 518—550. Матер. для истор. раск. I, 188—189. V, 72—73. VII, 112—115, 134, 150.

рѣлъ чрезвычайное расположеніе и довѣріе и царя и всѣхъ бояръ. При дворѣ, куда Паисій получилъ свободный доступъ, только отъ него теперь и ждали рѣшенія запутавшагося вопроса о Никонѣ, готовы были слушать всѣ его совѣты, слѣдовать въ этомъ дѣлѣ его указаніямъ и идти по тому пути, на какой онъ указывалъ.

Какъ мы говорили, соборъ русскихъ іерарховъ въ 1660 году произнесъ свой судъ надъ патріархомъ Никономъ. Но въ виду обнаружившихся разногласій на соборѣ царь не рѣшился привести соборный приговоръ о Никонѣ въ исполненіе. Теперь, когда Лигаридъ прибылъ въ Москву и успѣлъ занять здѣсь руководящее положеніе въ дѣлѣ Никона, государь рѣшилъ передать соборное дѣяніе на просмотръ Лигарида съ тѣмъ, чтобы онъ высказалъ свое мнѣніе о дѣяніяхъ русскаго собора. Въ этихъ видахъ, особымъ указомъ государя отъ 29 декабря 1662 года, велѣно было при рязанскомъ архіепископѣ Иларіонѣ, при бояринѣ Петрѣ Михайловичѣ Салтыковѣ, при дьякахъ Елизаровѣ и Голосовѣ прочесть Паисію Лигариду соборныя дѣянія 1660 года о Никонѣ и выслушать по поводу ихъ замѣчанія Лигарида. Значитъ, Паисій оффиціально приглашался правительствомъ быть цензоромъ и судьею дѣяніи русскаго собора. Смѣло взялся Паисій за роль судьи дѣяній собора русскихъ іерарховъ, самоувѣренно и авторитетно изрекалъ объ ихъ соборныхъ дѣяніяхъ свои одобряющія или неодобряющія сужденія, которыя онъ въ то же время ставилъ такъ, чтобы, съ одной стороны, своими замѣчаніями и сужденіями еще болѣе понравиться государю и еще болѣе укрѣпить свое вліятельное положеніе при царскомъ дворѣ; съ другой стороны, онъ имѣлъ въ виду подавить въ мнѣніи государя авторитетъ Епифанія Славинецкаго, которому, какъ человѣку ученому, неискательному и правдивому, государь доселѣ особенно довѣрялъ и мнѣніямъ котораго онъ придавалъ особое значеніе, почему интриганъ Паисій и считалъ Епифанія опаснымъ для себя человѣкомъ, могущимъ своею правдивостію и честностію повредить ему въ мнѣніи царя.

Паисій Лигаридъ безусловно хвалитъ соборныя дѣянія въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ онѣ говорятъ о царѣ. „А что въ томъ (т. е. соборномъ) дѣяніи написано, заявляетъ онъ, что царь благочестивый долженъ имѣти о святыхъ церквахъ попече-

ніе, и то добрѣ написано, потому что благочестивый царь и боговѣнчанный долженъ не точію царство свое законнѣ управляти и о подданныхъ своихъ прилежаніе имѣти, но и о церкви Божіи, яко первородный сынъ ея, пещися и защититель тоя быти... И въ соборномъ дѣяніи то написано зѣло изрядно, что христолюбивые гречестіи монархи вселенскіе соборы собирали". На вопросъ: „можетъ-ли царь, кромѣ патріарха, соборъ собирати?" Паисій рѣшительно отвѣчаетъ, что можетъ, „потому что онъ первородный сынъ святыя восточныя церкве и защититель благочастивыя вѣры". При этомъ Паисій заявилъ, что когда святый Григорій Двоесловъ писалъ о первыхъ четырехъ вселенскихъ соборахъ, которые были собраны по повелѣнію благочестивыхъ царей, то онъ по этому поводу писалъ: „я-де дѣянія четырехъ вселенскихъ соборовъ пріемлю равно, какъ и четырехъ евангелистовъ. И отсюду явно, прибавляетъ Паисій, коль велико и честно богодарованное повелѣніе царей благочестивыхъ". Признавъ полное право благочестивыхъ царей, помимо патріарха, собирать церковные соборы, Паисій счелъ далѣе нужнымъ высказать свое особое умиленіе и восхищеніе по поводу царскихъ вопросовъ, которые предложены были государемъ на обсужденіе и рѣшеніе собора 1660 года. „Я, говоритъ Паисій, тѣмъ его царскаго величества предивнымъ вопрошеніямъ удивляюсь и златыми ихъ называю, достойно-де тѣ его государскіе слова изобразить на адамантѣ, и яко же-де благовѣрный Константинъ, первый царь христіяномъ, на вселенскомъ первомъ соборѣ ко отцемъ богоноснымъ провѣщалъ чудные рѣчи, подобнѣ и великій государь нашъ, яко новый Константинъ, свои государскіе слова учинилъ ко священному чину".

Всячески польстивъ царю, Паисій счелъ нужнымъ, хотя и очень сдержанно, похвалить и архіереевъ, отвѣты которыхъ на царскіе вопросы были, по его мнѣнію „изрядны и памяти достойны". Показанія свидѣтелей на соборѣ объ обстоятельствахъ оставленія Никономъ патріаршей каѳедры Паисій находитъ вполнѣ достовѣрными и особенно показаніе князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, въ виду чего, по его мнѣнію, на предстоящемъ соборѣ слѣдуетъ указать Никону, что онъ говоритъ теперь неправду, будто онъ, при оставленіи имъ каѳедры, не отрицался патріаршества и что

Никону теперь никакъ не слѣдуетъ, какъ своевольно оставившему патріаршество, служить и дѣйствовать святительски.

Далѣе Паисій дѣлаетъ указанія на недостатки соборнаго дѣянія, составленнаго, по порученію государя, Славинецкимъ, причемъ онъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ уронить въ глазахъ государя составителя соборныхъ дѣяній—Славинецкаго. Паисій замѣчаетъ, что соборное дѣяніе начато отъ словъ Григорія Богослова—„и то дѣло доброе“, но его приличнѣе было бы начать со словъ апостола Павла, потому что онъ первый писалъ о членахъ святой восточной церкви т. е. о христіанскихъ начальникахъ и начальствуемыхъ и потому что восточная церковь основана на апостольской проповѣди. Крайне неприличнымъ, и потому непріемлемымъ, находитъ Паисій то мѣсто изъ соборныхъ дѣяній, гдѣ говорится, что во время оставленія Никономъ патріаршества къ нему было народное моленіе, что народъ въ то время называлъ его отцомъ и пастыремъ, а себя чадами и овцами, что всѣ плакали, рыдали и лежали у его ногъ, какъ это было при отшествіи Павла апостола изъ Милета. „Для чего было такія рѣчи въ соборное дѣяніе вносить? спрашиваетъ Паисій и отвѣчаетъ: знатно-де тотъ, кто то дѣяніе слагалъ *на патріаршу Никонову руку радѣлъ, а не великому государю*“. Далѣе Паисій говоритъ, что въ дѣяніи много писано вопросовъ и отвѣтовъ относительно того, какъ Никонъ сложилъ съ себя патріаршество „и законно то учинилъ“, что приведенное въ дѣяніи разсужденіе Кирилла александрійскаго мало относится къ дѣлу, и затѣмъ спрашиваетъ: „на что де было такое лишшесловіе, только многихъ смущающее? Коли де патріархъ достоинъ, для чего не патріаршествовалъ, а коли недостоинъ, на что и служитъ? И то де знатно, что тотъ, *кто то дѣяніе складывалъ—врагъ государю царю, и правдѣ, и всему собору*“. Паисій замѣчаетъ также, что въ соборное дѣяніе много внесено лишняго многословія и риторскаго краснорѣчія, тогда какъ въ немъ дѣло шло не о риторикѣ и исторіи, а о правдѣ, о которой пристойнѣе писать простыми, для всѣхъ понятными рѣчами, „а то-де отъ тѣхъ рѣчей могутъ у Никона патріарха новые вымыслы быть“. Указываетъ: въ дѣяніи написано, что церковь не можетъ вдовствовать дольше трехъ мѣсяцевъ, „и то де солгано, а въ подлинныхъ де правилахъ написано, что церковь не можетъ

вдовствовать больши шести мѣсяцевъ". Въ заключеніе просилъ Паисій, чтобъ у извѣстнаго справщика книгъ Арсенія грека взяты были нѣкоторыя греческія книги, нужныя для предстоящаго собора, „только бъ де Арсеній тѣхъ книгъ не затаилъ, потому что де онъ радѣетъ патріарху," а также просилъ государя, что бъ онъ воротилъ изъ ссылки, изъ Соловецкаго монастыря, грека монаха Агаѳангела, такъ какъ „мнѣ де онъ, Агаѳангелъ, потребенъ для переводу грецкаго языка" [1]).

Такимъ образомъ Паисій Лигаридъ, какъ оффиціально признанный компетентный судья, произнесъ свой авторитетный приговоръ надъ дѣяніями цѣлаго собора русскихъ іерарховъ, открыто выставивъ себя при этомъ рѣшительнымъ врагомъ Никона и всѣхъ его сторонниковъ, чѣмъ онъ пріобрѣлъ еще большее расположеніе и довѣріе царя, бояръ и самихъ русскихъ архіереевъ.

Самъ Паисій разсказываетъ, что когда враждебные Никону бояре увѣрились, что онъ рѣшительно сталъ на ихъ сторону и что онъ дѣйствительно способенъ двинуть дѣло о Никонѣ въ томъ направленіи, какое имъ было желательно, они обратились къ нему съ вопросомъ: какъ поступить, чтобы церковь не вдовствовала? Паисій отвѣчалъ: „легко избавленіе, если бы правительство отъ души согласилось исполнить его мысль. На сіе оказался склоннымъ и благочестивый государь и, послѣ многихъ вопросовъ и предложеній, произнесъ: выскажи мнѣ ради самой истины и обнажи свою мысль о средствахъ къ исправленію церкви нашей. А газскій отвѣтствовалъ: отправь грамоты къ четыремъ вселенскимъ патріархамъ и объяви имъ относящееся къ Никону, описавъ вкратцѣ обвиненія и похвальбу (подъ похвальбой Паисій разумѣетъ приписываемое имъ Никону намѣреніе отдаться подъ судъ папы) и тотчасъ же достигнешь своего желанія. Да, отвѣчалъ самодержецъ, но дай мнѣ не много подумать и посовѣтоваться съ моими боярами, а потомъ пошло опять за тобою, когда утвержду и повторю въ умѣ то, что ты совѣтуешь, а между тѣмъ ты самъ меня мысленно (отъ души) благослови: ибо ты пришелъ къ намъ, какъ говорится, правою ногою" [2]). Задуматься царю было надъ

[1]) Гиб. II, 585—589.

[2]) Сочиненіе Паисія Лигарида: О соборномъ судѣ надъ патріархомъ Никономъ, кн. I, гл. XV. Рукопись Московской Духовной Академіи.

чѣмъ. Средство, предложенное Паисіемъ было для царя неново: его ранѣе, какъ единственно вѣрное, рекомендовали и Игнатій Іевлевичъ и Славинецкій. Но правительство, по очень понятнымъ причинамъ, затруднялось прибѣгнуть къ этому средству. Помимо чисто внѣшнихъ трудностей приходилось домашнюю распрю огласить на весь міръ, сдѣлать ее предметомъ всякихъ толковъ и разговоровъ, приходилось греческихъ патріарховъ признать какъ бы высшею судебною инстанціею въ распрѣ между русскимъ царемъ и патріархомъ,—но согласно-ли это будетъ съ достоинствомъ русскаго царя и русской церкви? Но такъ какъ иного выхода не находили, то и рѣшились послѣдовать совѣту Паисія—созвать въ Москвѣ соборъ и пригласить на него восточныхъ патріарховъ.

21-го декабря 1662 года Алексѣй Михаиловичъ, находясь у всенощной въ Успенскомъ соборѣ, „пріиде во умиленіе о той соборной и апостольской церкви, что вдовствуетъ безъ пастыря уже пятолѣтствующи, а пастырю убо, патріарху Никону, отшедшу и пребывающу въ новоустроенныхъ отъ него обителехъ, а о вдовствѣ ея нерадящу, также и о несогласіи церковнаго пѣнія и службѣ божественные литоргіи и о иныхъ церковныхъ винахъ, которыя учинились при бытіи жъ патріаршества его, и потому дѣйствуются и донынѣ, и отъ того нынѣ въ народѣ многое размышленіе и соблазнъ, а въ иныхъ мѣстахъ и расколы. Да Никону жъ патріарху, послѣ отшествія своего съ престола, проклятію предающе Питирима митрополита сарскаго и падонскаго и иныхъ, безъ соборнаго собранія и всякаго испытанія, и иная подобная тѣмъ творящу,—и того ради изволилъ онъ, великій государь, учинити соборъ и писати о томъ ко вселенскимъ патріархомъ, чтобъ они, или изъ нихъ кто, для тѣхъ церковныхъ винъ и иныхъ исправленіихъ, изволили пріити въ царствующій градъ Москву“.

Рѣшивъ созвать въ Москвѣ новый соборъ и пригласить на него восточныхъ патріарховъ, государь немедленно предпринялъ всѣ предварительныя мѣры для созванія собора и подготовки того матеріала, какой долженъ былъ поступить на обсужденіе предположеннаго собора. Ко всѣмъ русскимъ архіереямъ посланы были царскія грамоты, чтобы они явились въ Москву изъ дальнихъ городовъ къ 25 марта, а изъ

ближнихъ къ 9 мая. Въ тоже время государемъ назначена была предсоборная коммиссія, въ составъ которой вошли: Іона, митрополитъ ростовскій, Иларіонъ архіепископъ рязанскій, бояринъ Никита Ивановичъ Одоевскій и бояринъ Петръ Михаиловичъ Салтыковъ, думный дворянинъ Прокопій Кузьмичъ Елизаровъ, думный дьякъ Алмазъ Ивановъ и дьякъ Лукьянъ Голосовъ. Кромѣ того, государь приказалъ рязанскому архіепископу Иларіону, боярину Салтыкову, дворянину Елизарову и дьяку Голосову „взять росписи и сказки за руками: а) у соборныхъ ключарей, у прежнихъ и у нынѣшнихъ,—что патріархъ Никонъ, будучи на патріаршествѣ, изъ соборной церкви взялъ образовъ и всякіе церковные утвари, съ росписокою и безъ росписки. б) У патріаршихъ приказныхъ людей—что онъ же патріархъ, взялъ изъ домовые казны денегъ, и золотыхъ и ефимковъ, и всякіе домовые казны, и хлѣба, и лошадей и иного всего, какъ онъ поѣхалъ съ Москвы, оставя патріаршескій престолъ, и что при немъ же домовыхъ патріаршихъ вотчинъ кому промѣнено, и у кого имяны въ то мѣсто вымѣнено, или взято у кого въ цѣну или безъ цѣны, и въ которыхъ городѣхъ и годѣхъ, и тѣ вымѣненные и купленные и взятые вотчины всѣ нынѣ въ домовыхъ патріаршихъ вотчинахъ, или индѣ гдѣ отданы. в) Книжнаго печатнаго двора у справщиковъ—сколько при патріархѣ Никонѣ было выходовъ какихъ печатныхъ книгъ, и выходъ съ выходомъ сходенъ-ли, и старые печатные и писмяные и харатейные книги и съ греческихъ присыльныхъ книгъ переводы, съ которыхъ тѣ книги печатаны, на печатномъ дворѣ нынѣ всѣ-ль есть, или которыхъ нѣтъ и гдѣ они нынѣ. г) У старца Арсенія Суханова—что онъ въ Палестинѣ купилъ какихъ книгъ, и что за тѣ книги дано и кому тѣ книги отданы. д) Послать великаго государя грамоты во всѣ монастыри къ архимандритомъ и игуменомъ и къ строителемъ съ братьею, велѣть имъ къ великому государю отписать и сказки и росписи за своими руками прислать: сколько патріархъ Никонъ изъ монастырей imалъ себѣ какихъ церковныхъ потребъ, или монастырскіе какіе казны, и хлѣба, и лошадей и иного чего, и монастырскихъ вотчинъ на мѣну, и въ цѣну и безъ цѣны, и въ которыхъ городѣхъ и годѣхъ".—Этотъ царскій указъ былъ отданъ для исполненія завѣдывавшему, по приказу государя, тогдаш-

ними церковными дѣлами, боярину Петру Михаиловичу Салтыкову 23 декабря [1]).

Отъ 22-го декабря 1662 года составлены были грамоты къ восточнымъ патріархамъ съ приглашеніемъ ихъ прибыть въ Москву на соборъ. Въ грамотѣ къ тогдашнему Константинопольскому патріарху Діонисію царь, послѣ общихъ заявленій о желательности и необходимости единенія русской церкви съ вселенскою греческою, пишетъ: „къ вящшему утвержденію соединенія нашего молимъ преблаженство твое, аще ти возможно самому нозѣ твои краснѣи къ намъ управити и пріити, да миръ церкви и благая намъ отъ себе благовѣстиши, яко же правила святыхъ отецъ повелѣваютъ, еже посѣщати архіереомъ по градомъ, и недобрѣ управленная исправляти, и недоумѣнная разрѣшати. Тако и твое преблаженство, подвигнувся къ намъ, и вся по боголѣпному чину исправиши, и яже недоумѣнная—разрѣшиши. Взыскуетъ бо ся нынѣ и въ насъ исправленіе нѣкое церковное не посѣщаемо и недоумѣніе имѣется, кромѣ вашея святыни разрѣшитися немогущее. Пастырю убо пребывшему въ насъ, патріарху Никону, престолъ свой самопроизволеніемъ своимъ оставльшу, и еще живу сущу, о рукоположеніи же иного на мѣсто его безъ вашего совѣта и благословенія, дерзати не изволяемъ, аще и извѣстно вѣмы, яко по преставленіи архіереа повелѣваютъ правила не вящше трею мѣсяцъ ожидати рукоположенія иного архіерея вмѣсто него. Никону же, предбывшему патріарху, насъ оставльшу ны уже пятолѣтію сущу исполняему, иже особъ пребываяй нынѣ, вся совершаетъ архіерейская, мы же, пріемлющіи отъ вашего рукоположенія нашими архіереи всякое благословеніе и пользу, къ сему же и отъ святыхъ отецъ правилъ увѣряемся, повелѣвающихъ сице: аще епископи на митрополита что имѣютъ, Константина града патріарху да извѣщаютъ о немъ.... И ни чѣмъ не пщуемъ помощи себѣ, токмо къ преблаженству твоему писати, и молити тя пріити и разрѣшити недоумѣніе“. При этомъ составитель царской грамоты, желая вооружить Константинопольскаго патріарха противъ Никона, говоритъ, что Никонъ, будучи патріархомъ, въ своемъ титулѣ присвоилъ себѣ права надъ Кіевскими городами, принадле-

[1]) Гиб. I. 245—246.

жавшими тогда къ вѣдѣнію Константинопольскаго патріарха, такъ какъ писался: великія и малыя и бѣлыя Россіи патріархъ, къ тому же въ Полоцкъ, не принадлежащій къ его патріархіи, рукоположилъ своевольно епископа Каллиста. Онъ, царь, не возбранялъ тогда Никону въ этихъ его незаконныхъ поступкахъ потому, „яко мы вся правленія церковныя на разсужденіе его полагахомъ и совѣту его склоняхомся". Приглашая патріарха прибыть въ Москву, чтобы обсудить и порѣшить выше указанныя дѣла, грамота царя говоритъ, что если почему либо самому патріарху прибыть въ Москву будетъ невозможно, то пусть онъ вмѣсто себя пришлетъ экзарха, „искусна мужа и во всемъ художна, житіемъ и словомъ и мудростію сіяюща, и другаго съ нимъ мѣстоблюстителя, подобна по всему ему, да вмѣсто тебе еже подобаше ти содѣяти, вся къ пользѣ намъ они содѣютъ". Въ то же время царь проситъ патріарха, что бы онъ уговорилъ и бывшаго константинопольскаго патріарха Паисія прибыть въ Москву, а также посодѣйствовалъ бы пріѣзду въ Москву патріарховъ александрійскаго, іерусалимскаго и антіохійскаго. Въ томъ же духѣ и такого же содержанія посланы были грамоты царемъ и другимъ восточнымъ патріархомъ. Въ грамотѣ, напримѣръ, александрійскому патріарху царь, заявивъ о своевольномъ удаленіи Никона и пятилѣтнемъ, вслѣдствіе этого, вдовствѣ русской церкви, что и требуетъ прибытія въ Москву восточныхъ патріарховъ, прибавляетъ къ этому: „и не точію се, но и другая нѣкая, ко уставамъ святыя россійскія церкве належащая, требуютъ вашего святительства разсмотрѣніа и разсужденіа". А что бы сильнѣе побудить восточныхъ патріарховъ или самихъ прибыть въ Москву, или прислать вмѣсто себя экзарховъ, государь велѣлъ послать константинопольскому патріарху 400, а патріархамъ александрійскому, іерусалимскому, антіохійскому, и бывшему константинопольскому Паисію, по 300 золотыхъ червонныхъ [1]).

Очевидно, царю Алексѣю Михаиловичу сильно хотѣлось собрать въ Москвѣ грандіозный вселенско-православный соборъ, съ личнымъ присутствіемъ на немъ всѣхъ четырехъ православныхъ патріарховъ, или же, если это невозможно,

---

[1]) Гиб. II, 561—580.

съ присутствіемъ отъ каждаго изъ нихъ экзарха. Очевидно, также, что Алексѣй Михаиловичъ дѣлу Никона и возникшимъ тогда у насъ церковно-обрядовымъ спорамъ и нѣкоторымъ церковно-богослужебнымъ мѣстнымъ нестроеніямъ, придавалъ чрезмѣрно преувеличенное значеніе, какъ дѣлу касающемуся всей православной вѣры и потому достойному самаго серьезнаго вниманія и непосредственнаго участія представителей всей вселенской православной церкви. Но на православномъ востокѣ, какъ увидимъ, посмотрѣли на все это дѣло значительно иначе.

Никонъ узналъ о томъ, что царь посылаетъ грамоты на востокъ, чтобы пригласить тамошнихъ патріарховъ для суда надъ нимъ, Никономъ, и что эти грамоты посылаются съ грекомъ іеродіакономъ Мелетіемъ, землякомъ и другомъ Паисія Лигарида. Тогда онъ написалъ царю обширное письмо, въ которомъ заявляетъ, что онъ не отрицается соборнаго суда надъ нимъ патріарховъ, если они сами явятся на судъ и будутъ производить его по божественнымъ евангельскимъ заповѣдямъ, по канонамъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ. Но, выражая свое согласіе отдаться на патріаршій соборный судъ, Никонъ въ то же время старается убѣдить царя, что никакихъ особыхъ преступленій онъ, Никонъ, не совершалъ, а скорѣе совершилъ ихъ царь и архіереи, дѣянія которыхъ, и при томъ антиканоническія, обязательно вскроются на соборѣ, что будетъ не къ чести русской церкви. Такъ, если Никонъ и оставилъ свой патріаршій престолъ, то оставилъ единственно ради гнѣва царя, но въ этомъ его поступкѣ нѣтъ ничего преступнаго, такъ какъ самъ Христосъ, апостолъ Павелъ и другіе, ради людской ненависти и гнѣва, отходили изъ однихъ мѣстъ въ другія. Но если соборъ (1660 г.) рѣшилъ извергнуть Никона за одно его отхожденіе изъ Москвы ради царскаго гнѣва, „то уже говоритъ Никонъ, подобаетъ и самого Христа извергнути, еже множицею отходилъ зависти ради іудейской, и святаго Предтечю, и святые апостолы и пророки, и святыя вся, и святое евангеліе и вся святыя книги". Если же онъ, Никонъ, не признаетъ собора 1660 года и состоявшагося на немъ опредѣленія, то это потому, что нигдѣ нѣтъ такого правила, чтобы епископы могли судить своего патріарха, тѣмъ болѣе, что почти всѣ они его ставленники. Къ

тому же Никонъ, какъ обвиняемый, не былъ призванъ на соборъ, его судили заочно, не допрашивая его, а такой судъ никакъ нельзя назвать правильнымъ и законнымъ. Небезъизвѣстно царю и то обстоятельство, говоритъ Никонъ, „яко нимало что отъ священныхъ правилъ здѣсь, въ Россіи, хранится; аще о всемъ взысканіе будетъ, великъ щукъ будетъ“. Если русскіе архіереи винятъ его Никона, однимъ правиломъ двухкратнаго собора, которое однако къ нему не относится, то въ дѣйствительности дѣло въ русской церкви стоитъ такъ, что если святые правила будутъ приложены къ самимъ архіереямъ, его судьямъ, „мню, заявляетъ Никонъ, яко не единъ архіерей, или пресвитеръ останется достоинъ.., но вси сами ся постыдятъ и осудятъ отъ святыхъ правилъ, зряще ихъ“, тѣмъ болѣе, увѣряетъ Никонъ, что „рустіи епископи въ поставленіи вси“ клянутъ константинопольскаго патріарха, что подтверждается собственноручными записями поставляемыхъ русскихъ епископовъ. Особенно Никонъ обращаетъ вниманіе царя на то обстоятельство, что съ царскими грамотами къ восточнымъ патріархамъ посылается іеродіаконъ грекъ Мелетій, „а онъ, пишетъ Никонъ, есть злый человѣкъ, на всѣ руки подписывается и печати поддѣлываетъ, и здѣсь, не солгу, такое дѣло за нимъ было, чаять и нынѣ есть въ патріаршемъ приказѣ, а извѣстно то дѣло Арсенію греку и инымъ, ихже онъ вѣсть; есть у тебя, великаго государя, и мимо такого воришки своихъ много“. Все это, замѣчаетъ Никонъ, онъ пишетъ „не яко высоты стола взыскуя“, а только съ цѣлію, „дабы святая церковь безъ смущенія была“, чтобы самому царю не было „зазора“, почему царю и слѣдуетъ поразмыслить о всемъ, о чемъ пишетъ ему Никонъ. [1]).

Впечатлѣніе, какое это письмо Никона произвело на царя Алексѣя Михаиловича, онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „насъ (Никонъ) винитъ, а себя правитъ“. Но царь не могъ не придать значеніе извѣту Никона на іеродіакона грека Мелетія, котораго Никонъ называлъ поддѣлывателемъ грамотъ и печатей и прямо „воришкою“, тѣмъ болѣе что дѣло о поддѣлкѣ Мелетіемъ патріаршихъ подписей дѣйствительно существовало, хотя на допросахъ по этому дѣлу

---

[1]) Гиб. I, 247—255.

и не высяснилось ничего опредѣленнаго, рѣшительно обличающаго Мелетія, почему оно и было прекращено. Между тѣмъ личность посылаемаго къ патріархамъ съ грамотами, какъ это хорошо понимали Никонъ и Лигаридъ, имѣла большое значеніе для самого дѣла Никона, такъ какъ въ грамотахъ къ патріархамъ о Никонѣ почти не говорилось и всѣ обстоятельства и подробности его дѣла посолъ долженъ былъ выяснить патріархамъ устно и отъ него, слѣдовательно, много зависѣло представить ихъ въ благопріятномъ или неблагопріятномъ для Никона свѣтѣ и тѣмъ повліять на такое или иное рѣшеніе патріарховъ. Понятно отсюда, почему Лигаридъ всячески настаивалъ, чтобы на востокъ съ грамотами къ патріархамъ былъ посланъ, какъ онъ выражается, „предложенный газскимъ ученѣйшій іеродіаконъ Мелетій, соотечественникъ и другъ его", и почему Никонъ не желалъ, чтобъ посланъ былъ Мелетій. У царя естественно возникло сомнѣніе въ доброкачественности Мелетія, какъ посла, такъ что онъ говорилъ Лигариду: „а кто поручится за него (Мелетія), что воротится, если онъ человѣкъ двоедушный и почти что самъ за себя ручается". Паисій постарался успокоить подозрительность царя, такъ что тотъ уступилъ его настояніямъ и Мелетій отправился на востокъ царскимъ посломъ. Это было очень важною побѣдою Паисія надъ Никономъ, дѣло котораго теперь окончательно переходило въ руки враждебныхъ ему грековъ. [1]).

Посольство Мелетія на востокъ возбудило сильное волненіе между греками. По собственнымъ словамъ Мелетія, въ письмѣ его къ Лигариду, одинъ антіохійскій архимандритъ писалъ въ Константинополь изъ Яссъ, „Никона быти другаго Златоуста, и яко повелитель его любитъ и желаетъ и нощію приходитъ къ нему и собесѣдуетъ, едине бояре онаго отмѣтаютъ сего ради, яко воспоминаетъ повелителю, да шествуетъ на войну и воюетъ противо татаромъ, иже безчисленныя москвяны и казаки плѣнники сотвориша; они же ничтоже тщатся, но вожделѣваютъ въ градѣ Москвѣ пребывати, житіе сластное проходяще. Къ тому же рече Никона ко грекамъ быти благохотна и къ патріархомъ милостива и защитника зѣльнѣйшаго восточныя церкве догматъ.

1) Сочин. Лигарида о судѣ надъ Никономъ, гл. VI.

Таже—яко грамоты, яже азъ принесъ къ кійждо патріархомъ, бысть смышленныя тщаніемъ твоея святыни (т. е. Лигарида), яже убо дары и почести отъ бояръ пріемше—козньствоваше, и яко мнѣ дашеся 8,000 златыхъ, ими же аще не бы мздилъ, не бы было соключенное дѣло противу Никона. Сіе не точію не присутствуя, но и предъ лицемъ патріарховъ присутствуя, изблева той архимандритъ антіохійскій, и по всѣмъ Константинополѣ ходяще мене ища, да мя гаждаетъ". Подобное же о Никонѣ, разсказываетъ Мелетій, написалъ въ Константинополь и нѣкто Анастасій къ своему свекру—клирику Михаилу, вслѣдствіе чего Михаилъ „неистовствомъ ятъ, по площадямъ и стогнамъ хождаше, порицая и ища мя о мзденіи"; а нѣкто Мануилъ заявлялъ, что будто бы царь послалъ для подкупа константинопольскаго патріарха 20,000 золотыхъ, чтобы получить отъ него грамоту, осуждающую Никона. Этотъ Мануилъ будто бы „обѣща тайнѣ двомъ патріархомъ пятьнадесять тысящъ златицъ, дабы не дали грамотъ, противу Никона,—но ничтоже содѣя, точію мене искаше, дабы всячески мене убилъ". Сторонники Никона старались дѣйствовать и на патріарховъ, въ чемъ и имѣли успѣхъ. Вышеупомянутый Аѳанасій, писавшій въ Константинополь къ клирику Михаилу, явился въ Яссахъ къ іерусалимскому патріарху и въ разговорѣ съ нимъ „много вознесе Никона, яко есть защитникъ грековъ и греческій любитъ народъ и иная симъ подобная", и такъ успѣлъ настроить Нектарія, что когда явился къ нему Мелетій, то нашелъ его въ великой скорби, „яко отъ насъ двоихъ (т. е. Лигарида и Мелетія) прельщеніе бысть". [1]).

Понятно почему греки такъ сильно волновались, когда узнали, благодаря болтливости Мелетія, о цѣли его пріѣзда къ патріархамъ, почему они съ ненавистію отнеслись и къ Мелетію и Лигариду. Никонъ, по сознанію самыхъ его враговъ, былъ завзятый грекофилъ, такъ любилъ грековъ и все греческое, какъ никто другой до него на Руси. Всѣ его церковныя реформы носили строго грекофильскій характеръ и совершены имъ по указаніямъ и при содѣйствіи грековъ, онъ всячески покровительствовалъ грекамъ, всюду выдвигалъ ихъ на первый планъ, возвышалъ современное грече-

---

1) Гиб. II, 655—660.

ское въ ущербъ русскому, преклонялся предъ греческимъ авторитетомъ. Естественно, что каждый истый и честный грекъ видѣлъ въ Никонѣ своего поборника и защитника, человѣка, который стоитъ въ Москвѣ на стражѣ греческихъ интересовъ. И вотъ о низверженіи этого благодѣтеля грековъ усиленно хлопочутъ сами же греки, которые такъ поступаютъ, конечно, только потому, что дали подкупить себя врагамъ Никона и, конечно, только подкупомъ думаютъ теперь добыть отъ патріарховъ осужденіе для Никона—благодѣтеля грековъ. Понятно также и то затруднительное положеніе восточныхъ патріарховъ, въ какое ихъ поставили царскія граматы. Ѣхать самимъ въ Москву или послать туда экзарховъ, чтобы судить покровителя грековъ, стать въ Москвѣ на одну доску съ такими своекорыстными интриганами, какъ Паисій и Мелетій, съ которыми тогда поневолѣ пришлось бы дѣйствовать за одно, патріархи никакъ не могли рѣшиться, уважая свое достоинство и какъ патріарховъ, и какъ грековъ. Къ этому побуждали ихъ и другія обстоятельства. Царь, а съ нимъ и всѣ русскія свѣтскія и духовныя власти не умѣя справиться съ дѣломъ Никона, придали ему преувеличенно-важное значеніе, думали, что вопросомъ о Никонѣ, какъ необыкновенно важномъ для всей православной церкви, обязаны активно заняться всѣ православные патріархи, которымъ и слѣдуетъ, ради этаго дѣла, самимъ пріѣхать въ Москву, или, въ крайнемъ случаѣ, послать туда своихъ экзарховъ. Но на греческомъ православномъ востокѣ оставленіе патріархами своихъ каѳедръ было тогда столь частымъ и обычно—привычнымъ явленіемъ, что тамъ этому обстоятельству вовсе не придавали какого-либо особаго значенія: ушелъ одинъ патріархъ, на его мѣсто сейчасъ же избирали другаго и—дѣлу конецъ. Въ виду этого грекамъ казалось малопонятнымъ почему русскіе, по такому незначительному, неважному дѣлу, какъ оставленіе каѳедры патріархомъ, не только сами такъ сильно волнуются, шумятъ и растерянно всюду носятся нѣсколько лѣтъ съ своимъ бывшимъ патріархомъ, вмѣсто того, чтобы на его мѣсто избрать новаго, но и привлекаютъ къ этому чисто домашнему и неважному дѣлу всѣхъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ, которые ради него должны ѣхать въ отдаленную Россію и надолго оставить свои каѳедры. Что же касается другихъ

причинъ, ради которыхъ Царь вызывалъ всѣхъ восточныхъ патріарховъ въ Москву, именно: улаживаніе возникшихъ въ Москвѣ церковно-обрядовыхъ споровъ и нѣкоторыхъ церковно-богослужебныхъ нестроеній, чему русскіе придавали значеніе равное спорамъ догматическимъ и вѣроисповѣднымъ, имѣющимъ важное обще-православное значеніе, то и эти причины для поѣздки въ Москву казались восточнымъ патріархамъ тоже очень неубѣдительными. Тогдашніе, по крайней мѣрѣ болѣе образованные греки, очень хорошо понимали, что православіе нисколько не зависитъ и не страдаетъ отъ того, будетъ ли православный человѣкъ молиться Богу съ подстриженой, или неподстриженой бородой, будетъ ли слагать при этомъ персты двоеперстно или троеперстно, будетъ ли онъ одѣтъ въ одежду русскую или нѣмецкую; что монахи не превратятся изъ православныхъ въ неправославныхъ только отъ того, что они будутъ покрывать свои головы старинными русскими монашескими покровами, или новогреческими клобуками; что православный характеръ церковной службы вовсе не зависитъ отъ того, будутъ ли во время службы двоить или троить аллилуію, произносить имя Христа Ісусъ, или Іисусъ, во вѣки вѣковъ или—во вѣки вѣкомъ, что обѣдня всегда можетъ быть строго православною, будутъ ли служить ее на семи или пяти просвирахъ и т. под. Вслѣдствіе этого восточные патріархи, или ихъ экзархи, могли оказаться въ Москвѣ, благодаря своеобразнымъ воззрѣніямъ русскихъ на церковные обряды и обычаи, въ очень ложномъ положеніи относительно русскихъ, и потому достоинство православнаго патріарха и простое благоразуміе должно было удержать ихъ отъ поѣздки въ Москву и отъ посылки туда своихъ экзарховъ. Но, съ другой стороны, патріархи не могли рѣшительно отказать и домогательствамъ русскаго правительства, расположеніемъ котораго имѣли всѣ причины дорожить. Въ виду этого патріархи избрали средній путь. Подъ предлогомъ боязни турокъ они отказались ѣхать въ Москву сами или послать туда экзарховъ, но въ замѣнъ себя послали въ Москву съ Мелетіемъ общія постановленія о власти царской и патріаршей, причемъ эти постановленія были составлены примѣнительно къ дѣлу Никона, такъ что русскимъ только оставалось приложить ихъ къ дѣлу, чтобы самимъ рѣшить вопросъ о Никонѣ.

Такимъ образомъ восточные патріархи отказались отъ прямаго, непосредственнаго участія въ судѣ надъ Никономъ и отказались конечно потому, что не сочувствовали, какъ и большинство грековъ, осужденію Никона, видѣли во всемъ этомъ дѣлѣ только интриги русскихъ враговъ Никона и происки нѣсколькихъ корыстолюбивыхъ и недостойныхъ грековъ. Особенно рѣшительно и настойчиво выражалъ свое несочувствіе осужденію Никона іерусалимскій патріархъ Нектарій. 20-го марта 1664 года онъ пишетъ государю, что присланную ему съ іеродіакономъ Мелетіемъ грамату онъ получилъ, но „въ сей грамотѣ мы не нашли ни причины удаленія святѣйшаго патріарха вашего Киръ Никона, сослужителя и брата о Христѣ нашего смиренія, никакой другой вины противъ него, кромѣ пятилѣтняго его отсутствія... Что касается противниковъ (Никона), то, по сказанію его (Мелетія), немногія и недостойныя вниманія приводятъ они причины противъ Никона; а о Никонѣ же сказалъ нѣкоторыя важныя дѣла, почти неизвинительныя, кои всѣ суть нововведенія, которыя намъ кажутся не очень достовѣрными... Намъ кажется, что вы мирнымъ образомъ можете успокоить это дѣло, и снова однажды или дважды пригласить Киръ Никона, чтобы онъ возвратился на свой престолъ, показавъ ему статьи и положенія для точнаго соблюденія: и ежели онъ окажется ранѣе преступившимъ оныя, а потомъ раскается и дастъ обѣщаніе соблюдать, то достоинъ прощенія; ибо часто случалось весьма много таковаго и еще важнѣйшаго въ церкви, и все поправлено для мира и тишины. И такъ, просимъ мы ваше священное величество, чтобы вы не преклоняли слуха своего къ совѣтамъ мужей завистливыхъ, любящихъ мятежи и возмущенія, а наипаче—если таковые будутъ изъ духовнаго сана. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что насъ весьма огорчили случившіеся въ россійской церкви соблазны... Миролюбивѣйшій государь! Послѣдуй кротости Давида, воспріими ревность по вѣрѣ православной и постарайся со тщаніемъ паки возвести законнаго патріарха вашего на престолъ его, дабы во время священнаго твоего царствованія не было положено злаго и гибельнаго начала смѣнять православныхъ и правомыслящихъ о догматахъ патріарховъ вашихъ. Сіе есть начало разрушенія церкви нашей въ Константинополѣ; оно послужило и до нынѣ слу-

житъ источникомъ многихъ дѣлъ и содѣлало насъ посрамленными предъ западною церковiю. Опасайтесь и вы, чтобъ необычайное у васъ не обратилось въ гибельную привычку. Ежели Никонъ говоритъ, что онъ не отрекался отъ престола, но отъ непокорныхъ, то ясно, что онъ обличаетъ непокорность народа. И такъ, покажите къ нему достаточное повиновенiе, какъ къ строителю благодати: повиновенiе, говорю, не необыкновенное въ церквахъ Божiихъ, но каковое предписываютъ божественные законы. Отреченiе же его, которое онъ, какъ говорятъ, сдѣлалъ отъ церкви, можетъ быть принято снисходительнѣе, для соблюденiя тишины, тѣмъ болѣе, что онъ, Киръ Никонъ, (какъ мы сказали), отрекся отъ непокорнаго народа, а не отъ престола. Но еслибы онъ и письменно отрекся отъ престола, то и сiе извинительно, ибо часто и отреченiе бываетъ недѣйствительно... Съ симъ вмѣстѣ пишу я и къ нему (Никону), братски увѣщевая его, что ему неприлично было оставлять столицу и жить внѣ оной... Итакъ, заканчиваетъ Нектарiй свою грамату царю, непремѣнно должны или его (Никона) возвратить, или другаго возвести на его мѣсто; однако гораздо лучше вашему величеству возвратить его, по вышеприведеннымъ причинамъ"... Грекъ Савелiй (или Савва) Дмитрiевъ, привезшiй въ Москву граматы Нектарiя, показывалъ, что патрiархъ наказалъ ему говорить Никону: „для чего онъ по прежнему на патрiаршескiй свой престолъ нейдетъ и тѣмъ великаго государя кручинитъ?.. Да то де онъ отъ еросалимскаго патрiарха слышалъ, что опричь Никона патрiарха на престолъ иному никому быть не мочно, для тово, что, вины ево никакой нѣтъ". Съ своей стороны архидiаконъ Нектарiя, потомъ преемникъ его на патрiаршей каѳедрѣ, Досиѳей, писалъ Паисiю Лигариду, укоряя его за неправыя, соблазнительныя и недостойныя пастыря дѣйствiя по дѣлу Никона. „Слава прiиде, пишетъ онъ Лигариду, нѣкая хульная, рожденiе же воистинно дiаволе, яко вы неправо граматы переводите, но иная полагаете, иная отъ среди изъемлете, иная оставляюще. Аще прiидетъ туды патрiархъ,—будетъ о томъ истязовати и въ томъ, совѣтую твоей святыни, буди далече отъ сего, да будеши воленъ отъ сихъ безчествованiй, и намъ явишися истинны помощникъ и оборонитель, зане нѣсть мала вещь злѣ переводити. Та же елико можеши о належа-

щихъ къ миру церкви, стой крѣпко, зане возвестися намъ, яко твоя святыня, могій соблазномъ вредити, не глаголеши о мирѣ." Точно также и константинопольскій патріархъ Діонисій ничего не имѣлъ противъ возвращенія Никона на патріаршую каѳедру. Онъ нѣсколько разъ повторилъ посланному къ нему царемъ келарю Чудова монастыря Саввѣ, что пусть царь или новаго патріарха поставитъ, „или Никона проститъ, да паки возведетъ, буде ему потребенъ" [1]). Другой константинопольскій патріархъ Парѳеній, лишилъ каѳедръ александрійскаго патріарха Паисія и антіохійскаго Макарія за то именно, что они поѣхали въ Москву для суда надъ Никономъ. Подробнѣе объ этомъ скажемъ послѣ.

И въ Москвѣ нашлись у Никона друзья и сторонники между греками, которые всячески старались разрушить козни Лигарида и всѣхъ вообще противниковъ Никона. Въ Москвѣ проживалъ выходецъ грекъ дьяконъ Агаѳангелъ, заявившій себя цѣлымъ рядомъ очень неблаговидныхъ дѣлъ, за которыя и былъ сосланъ на Соловки. Паисій Лигаридъ упросилъ царя воротить Агаѳангела въ Москву и поселилъ его у себя, чтобы вмѣстѣ обдѣлывать въ Москвѣ свои темныя дѣлишки. Но дружба этихъ двухъ подозрительныхъ лицъ продолжалась недолго. Лигаридъ обвинилъ Агаѳангела въ сообщничествѣ съ двумя бѣжавшими своими слугами, которые его обворовали. Тогда обиженный Агаѳангелъ, хорошо знавшій Паисія и его прошлое, перешелъ на сторону Никона, сталъ писать ему и сообщать о Лигаридѣ разныя неблагопріятныя свѣдѣнія, которыми Никонъ и воспользовался въ борьбѣ своей съ Паисіемъ. Грекъ Мануйло Ивановъ, въ 1669 году, показывалъ, что дьяконъ Агаѳангелъ „на газскаго митрополита бывшему патріарху Никону съ ложными хулами роспись подавалъ, и по той его ложной, воровской, составной росписи былъ сыскъ свидѣтелей въ патріаршемъ приказѣ и газской митрополитъ очистился". Агаѳангелъ до конца остался вѣренъ Никону и былъ заклятымъ врагомъ всѣхъ враговъ Никона. Тотъ же грекъ Мануйло показывалъ: „и нынѣ (1669 г.) онъ, дьяконъ Агаѳангелъ), ищетъ всѣми мѣрами, какъ бы ему съ Москвы

---

[1]) Русскій Архивъ 1873 г. № 9, стр. 1610—1615. Гиб. II, 771—773, 779, 893.

убѣжать и гнатца вслѣдъ за александрійскимъ папою и патріархомъ и за дьякономъ Мелетіемъ, а догнавъ, хочетъ накупя, или наговоря бусурмановъ, патріарха ограбить, а Мелетія своими руками повѣсить за то, что будто онъ, Мелетій, затѣялъ на бывшаго патріарха Никона великія дѣла напрасно и патріархи осудили ево, Никона, не дѣломъ, и говоритъ: пока де мѣсто Никонъ живъ, до тѣхъ мѣстъ и и онъ дьяконъ". Все это подтверждаетъ и самъ Паисій Лигаридъ въ запискѣ поданной имъ государю, гдѣ онъ говоритъ: „предъ всѣмъ синклитомъ быхъ обещещенъ орудіемъ лукаваго діавола Агафаила (т. е. Агафангела), которому одному повѣрилъ Никонъ и изблевалъ ядъ на меня невиннаго". Далѣе Паисій говоритъ, что у него были и другіе враги изъ грековъ и указываетъ на архидьякона (іерусалимскаго патріарха) Досиѳея, „который пишетъ, что я держуся боярской стороны и писалъ именемъ государевымъ грамоты къ патріархамъ, которыми доспѣваю конечное паденіе церкви восточныя и явную противность, аще бы таковы грамоты даны или взяты были въ руки турецкіе или крымскіе, горе бы было всѣмъ христіаномъ церковнымъ и мірскимъ—се безчествія явственные, которыми моя слава раздирается неправедно" [1]).

Особенно горячимъ и энергичнымъ сторонникомъ Никона былъ иконійскій митрополитъ Аѳанасій, который прибылъ въ Москву 23 апрѣля 1664 года, какъ онъ заявилъ, „съ тайнымъ дѣломъ къ многолѣтнему царю" отъ своего дяди, константинопольскаго патріарха Діонисія. Будучи принятъ государемъ на другой же день по пріѣздѣ своемъ въ Москву, Аѳанасій заявилъ государю, что пославшій его патріархъ Діонисій „челомъ бьетъ твоему царскому величеству, чтобъ помиритися со святѣйшимъ патріархомъ московскимъ Никономъ. Яко же Господь нашъ Іисусъ Христосъ пришелъ на землю и реклъ святымъ своимъ апостоломъ: миръ вамъ; тако молитъ твоему царскому величеству вселенскій патріархъ Діонисій: что-де намъ говорятъ турки и жиды, яко имѣете на Москвѣ христіанскаго царя, а отженулъ патріарха,—о томъ молитъ твоему царскому величеству, что бы

---

[1]) Греческія дѣла 7175 г. № 2-й и 7177 г. № 39—въ Большомъ Москов. архивѣ минист. иностр. дѣлъ.

быти миру съ патріархомъ". Но такъ какъ Аѳанасій не привезъ съ собою никакихъ грамотъ отъ патріарха, то государь „поусумнился" въ его миссіи. Это сомнѣніе еще болѣе усилилось когда въ маѣ возвратился въ Москву съ востока Мелетій, привезшій съ собою извѣстные отвѣты патріарховъ о власти царской и патріаршей, осуждавшіе Никона. Аѳанасію были предъявлены эти отвѣты патріарховъ, подписанные ихъ руками и прямо противорѣчившіе заявленіямъ Аѳанасія. „Сѣятель плевелъ и великій сопротивникъ истины, разсказываетъ объ этомъ Паисій Лигаридъ, побудилъ иконійскаго Аѳанасія назвать подписи (патріарховъ) подложными. Онъ подтверждалъ это тѣмъ, что самъ нарочно посланъ отъ вселенскаго патріарха, и дяди своего по матери, Діонисія, ходатайствовать о вожделѣнномъ между царемъ и Никономъ мирѣ". При ближайшемъ разсмотрѣніи присланныхъ грамотъ Аѳанасій однако призналъ, что подпись константинопольскаго патріарха Діонисія дѣйствительно подлинная, но зато онъ рѣшительно отрицалъ подлинность подписи трехъ другихъ патріарховъ. Въ присутствіи царя и синклита между Аѳанасіемъ и Мелетіемъ произошли горячія и долгія пренія о подлинности привезенныхъ Мелетіемъ граматъ, не приведшія ни къ какому положительному результату [1]). Защищая Никона предъ царемъ и синклитомъ, обличая его враговъ, Аѳанасій обращался съ письмами и къ самому Никону, выражая увѣренность, что онъ снова сдѣлается патріархомъ. „Едино, владыко мой святый, пишетъ онъ, къ міру пришло, еже правды не любятъ, единой токмо лжи желаютъ. Мене послалъ братъ твой Константина града патріархъ ради миру съ боярами; указалъ имъ, что онъ мнѣ приказалъ... Грамоты приносятъ гречане ложныя, только добыти деньги. Тако тѣмъ вѣрятъ бояре и того любятъ, паче правды, а блаженству твоему, учащу слово евангельское, не внимаютъ. Лишше труждаются лукаво: ни единъ патріархъ грамоты не дастъ имъ. Опять блаженство твое будетъ патріархъ московскій; не будетъ иначе, и святыя твои молитвы да будутъ со мною". Въ другомъ письмѣ Аѳанасій пишетъ Никону: „объ томъ желаю и вѣдаю божественное пресвятительское твое, владыко святый, слышащи свя-

---

[1]) Гиб. II, 706, 761—763. Соч. Лигар. о судѣ надъ Никономъ л. 47.

тое твое имя и неизреченную милость пришельцамъ, яко ихъ любишь и одѣваешь, яко отецъ и чадолюбивый, и будетъ тебѣ заплата отъ Господа во царствіи небесномъ. Премудрый мой отче! Нечестиваго Лигарида ложь совершилася, по словесѣхъ преблаженнаго брата твоего (т. е. константинопольскаго патріарха): прислалъ писаніе и отлучилъ его и проклялъ яко папежника и злаго человѣка, глаголетъ лживаго; другое: бывъ въ Цареградѣ Сихурскій (іеродіаконъ Мелетій?) и гнавъ его константинопольскій, да посадитъ его въ каторги, и не знаю куды ушелъ“. Аѳанасій иконійскій былъ сильнымъ и вліятельнымъ сторонникомъ Никона въ Москвѣ въ виду того, что онъ выдавалъ себя за племянника и посланца константинопольскаго патріарха Діонисія. Онъ былъ оченъ опасенъ и для Паисія газскаго и для Мелетія, такъ какъ всячески старался подорвать къ нимъ довѣріе царя. Въ то же время онъ поддерживалъ въ Никонѣ увѣренность, что восточные патріархи стоятъ на его сторонѣ и вполнѣ сочувствуютъ его возвращенію на патріаршую каѳедру. Паисій и Мелетій сдѣлали было попытку устранить Аѳанасія. Они добыли будто бы грамату отъ константинопольскаго патріарха Діонисія, въ которой тотъ называлъ Аѳанасія орудіемъ дьявола, солгавшимъ, „яко посланъ есть отъ насъ и яко есть единокровный намъ“, что онъ „есть сосудъ злосмрадный и злаго изволенія и отъ церкви изверженъ уже много лѣтъ“, и потому совѣтуетъ государю сослать его куда нибудь въ заточеніе и такъ крѣпко держать его до смерти. При этомъ патріархъ пишетъ царю: „тотъ нашъ извѣтъ буди таиннѣйшій, паче же въ малѣйшія части да издеретъ пресвѣтлость твоя, чтобъ невидимо было многихъ ради винъ, чтобъ инымъ не слышно было“. Но этотъ таинственный извѣтъ на Аѳанасія патріарха Діонисія оказался сфабрикованнымъ и вовсе не принадлежалъ Діонисію, хотя впослѣдствіи патріархъ Діонисій дѣйствительно заявилъ, что Аѳанасій иконійскій ему не родственникъ, что ему онъ не давалъ никакихъ порученій къ царю и что его дѣйствительно слѣдуетъ держать покрѣпче и не отпускать на востокъ. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что едва ли Аѳанасій иконійскій былъ вполнѣ сознательный самозванецъ и обманщикъ, скорѣе онъ былъ только увлекающійся человѣкъ, основавшій свой образъ дѣйствій въ

Москвѣ на недоразумѣніи. Какъ видно, Аѳанасій, еще будучи въ Константинополѣ, уже сильно интересовался дѣломъ Никона, вполнѣ сочувствовалъ ему и не желалъ его осужденія. Когда въ Константинополѣ сдѣлалась извѣстна цѣль пріѣзда Мелетія къ патріархамъ—добыть отъ нихъ осужденіе Никона, греки, какъ мы видѣли, сильно заволновались. Между ними находился и Аѳанасій иконійскій, который явился къ самому патріарху и прямо спрашивалъ его: далъ-ли онъ Мелетію граматы, осуждающія Никона? Патріархъ Діонисій сказалъ, что Мелетію никакихъ грамотъ онъ не давалъ. Въ 1665 году іерусалимскій архимандритъ Іоасафъ между прочимъ писалъ государю: „бѣдный иконійскій, яко человѣкъ, согрѣшилъ есть, и яже реклъ есть, реклъ есть не вѣдая мысли патріарховъ тайной, вѣря словамъ только патріарха цареградскаго, который говорилъ, что николи не давывалъ писемъ Мелетію, и то говорилъ патріархъ, зане была вещь зѣло тайна". Возможно, что патріархъ Діонисій въ своемъ частномъ разговорѣ, съ Аѳанасіемъ, высказалъ свое несочувствіе осужденію Никона, почему Аѳанасій и рѣшился потомъ дѣйствовать въ Москвѣ именемъ константинопольскаго патріарха, въ полной увѣренности, что дѣйствуя въ Москвѣ въ пользу Никона, онъ тѣмъ самымъ осуществляетъ мысль и желаніе константинопольскаго патріарха. А чтобы придать своимъ заявленіямъ въ Москвѣ большую силу, онъ выдалъ себя за патріаршаго экзарха, какимъ въ дѣйствительности не былъ, (въ чемъ собственно и заключалось его самозванство), и вмѣстѣ съ тѣмъ за племянника патріарха Діонисія, хотя онъ былъ только какимъ-то самымъ отдаленнымъ его родственникомъ по женской линіи. Заручившись словеснымъ завѣреніемъ константинопольскаго патріарха, что онъ не давалъ Мелетію никакихъ грамотъ, Аѳанасій отправился въ Москву и на пути, въ Яссахъ, видѣлся съ іерусалимскимъ патріархомъ Нектаріемъ, съ которымъ тоже имѣлъ разговоръ о граматахъ Мелетію. Патріархъ Нектарій такъ потомъ передавалъ о своемъ свиданіи съ Аѳанасіемъ: „а что-де иконійскій митрополитъ назвался экзархомъ и константинопольскому патріарху племянникомъ, и тѣмъ онъ великаго государя хотѣлъ оболгать: онъ-де экзархомъ не посылыванъ и константинопольскому патріарху не племянникъ. А про пра-

вила-де, чаетъ, онъ, митрополитъ, сказалъ для того, какъ онъ, іерусалимскій патріархъ, пришелъ въ молдавскую землю въ Яси, и онъ-де, митрополитъ, приходилъ къ нему почасту и спрашивалъ: у Мелетія-де государевы грамоты и милостину константинопольскій патріахъ и онъ, іерусалимской, приняли-ль, и отвѣтъ ему дали-ль, и руки свои подписали-ль? И онъ-де, патріархъ, ему сказалъ, что государевы грамоты и милостину у Мелетія приняли, а отвѣту ему никакаго не дали и рукъ своихъ ни къ какому письму не подписывали. А сказалъ де ему для того, чтобъ не всякій про то вѣдалъ, потому-де, что у нихъ страшно, турокъ-де того и смотритъ, какъ бы Божія церкви разорить и православныхъ христіанъ погубить". Въ виду этого Нектарій въ 1665 году велѣлъ царскому посланцу передать государю слѣдующую его просьбу: „на иконійскаго не гнѣвайся великій царю, призри его и пожалуй, а буди учнетъ просится къ себѣ, и онъ пусть поживетъ покамѣстъ совершатся дѣла". Такимъ образомъ оказывается, что Аѳанасій иконійскій и отъ іерусалимскаго патріарха Нектарія получилъ тоже увѣреніе, что и отъ константинопольскаго патріарха,—будто они никакихъ грамотъ Мелетію не давали и ни къ какимъ письмамъ рукъ своихъ не прикладывали. Во время частыхъ своихъ посѣщеній Нектарія въ Яссахъ, Аѳанасій конечно не разъ бесѣдовалъ съ нимъ объ интересовавшемъ его дѣлѣ Никона и изъ этихъ бесѣдъ могъ вынести ту твердую увѣренность, что и Нектарій не сочувствуетъ осужденію Никона и желаетъ его возстановленія на патріаршей каѳедрѣ. Въ виду этого Аѳанасій иконійскій имѣлъ нѣкоторое основаніе заподозрить въ Москвѣ подлинность привезенныхъ Мелетіемъ патріаршихъ отвѣтовъ и усиленно склонять царя къ примиренію съ Никономъ, чего, какъ онъ хорошо зналъ, желали патріархи константинопольскій и іерусалимскій и большинство всѣхъ лучшихъ и благонамѣренныхъ грековъ [1]).

Къ числу сторонниковъ Никона изъ грековъ въ Москвѣ принадлежалъ и Савва, или, какъ его иначе называютъ, Савелій Дмитріевъ, посланецъ іерусалимскаго патріарха Нек-

---

1) Русскій архивъ. 1873 г. кн. 9, стр. 1618—1623. Гиб. II, 709, 764, 802, 805, 825, 893. Греческія дѣла 7181 г. № 12.

тарія, который привезъ въ Москву отъ патріарха примирительныя граматы и къ царю и патріарху Никону, съ совѣтомъ первому—опять призвать Никона на патріаршій престолъ, и съ увѣщаніемъ второму—примириться съ царемъ и немедленно возвратиться на оставленную имъ патріаршую каѳедру. Примирительныя стремленія іерусалимскаго патріарха, по понятнымъ причинамъ, встрѣчены были въ Москвѣ съ неудовольствіемъ и Савва Дмитріевъ, какъ сторонникъ Никона, былъ задержанъ въ Москвѣ и содержался подъ строгимъ надзоромъ, не имѣя возможности вступить съ Никономъ въ непосредственныя личныя сношенія. Однако онъ нашелъ возможность писать Никону, которому и сообщаетъ разныя свѣдѣнія и даетъ совѣты, какъ ему слѣдуетъ поступать. Въ одномъ письмѣ къ Никону онъ пишетъ: „владыко мой! Аще позовутъ тя, пріиди на соборъ; пріиди, не сотвори инако и обезчестивъ нашъ святый соборъ; того ради не ино добро. Тако мнѣ есть приказано (разумѣется іерусалимскимъ патріархомъ) отвѣтъ дати; того ради повѣмъ: надѣюся на Бога, яко не имутъ найти никакого порока, во всемъ свидѣтельство твое премудро и благочестиво; и что какой порокъ хотятъ найти? Рекутъ, что оставилъ еси престолъ свой и отшелъ еси,—и то нѣсть рѣчь; занеже когда архіерей оставитъ престолъ свой и отыдетъ въ чужое мѣсто, то есть ло,—добрѣ знаетъ сіе и святительство твое. Ты же и сошелъ еси съ Москвы, не пошелъ еси въ чужой міръ, но тако же въ престолѣ своемъ еси, и не имутъ учинити о семъ ни единого же слова въ соборѣ. И о томъ молюся пресвятительству твоему: едино о семъ часѣ не объяви, да не речеши, како ти послалъ блаженный грамату, и задержали ее вверху бояре, и объявится дѣло, что услышалъ еси отъ мене, и мнѣ лихо сотворятъ. Едино пріимеши, да придеши веліимъ смиреніемъ, и буди, яко не знаешь ничего и небоязненъ, занеже не имутъ тебѣ учинити ничто же.“ Въ другомъ письмѣ къ Никону Савва Дмитріевъ указываетъ и на причину своего особаго расположенія къ опальному московскому патріарху. Получивъ письмо отъ Никона и узнавъ о его добромъ здоровьѣ, онъ благодаритъ Бога и Богородицу „всегдашній покровъ, сохраняющій твое святительство, *ради прибытку и похвалы нашему роду*“. Савва Дмитріевъ былъ задержанъ въ Москвѣ до прибытія восточ-

ныхъ патріарховъ, которые выхлопотали ему у царя освобожденіе [1]).

Такимъ образомъ, между греками у Никона нашлись какъ горячіе сторонники, такъ и заклятые враги, что вызвало борьбу изъ за Никона между самими греками, которые, вступившись въ это дѣло, очень скоро окружили его такою густою сѣтью всевозможныхъ интригъ, доносовъ, кляузъ и взаимныхъ обвиненій въ подлогахъ и мошенничествахъ, что наше правительство никакъ не могло разобраться въ этой путаницѣ. Восточные патріархи сами отказались прибыть въ Москву, или прислать туда своихъ экзарховъ, а только послали отъ себя письменные отвѣты на вопросы о власти царской и патріаршей, составленные примѣнительно къ дѣлу Никона. На основаніи этихъ патріаршихъ отвѣтовъ уже сами русскіе должны были рѣшить такъ или иначе вопросъ о Никонѣ. Но, какъ мы видѣли, иконійскій митрополитъ Аѳанасій рѣшительно заподозрилъ подлинность привезенныхъ Мелетіемъ отвѣтовъ и между нимъ и Мелетіемъ произошли долгіе горячіе споры, не приводившіе ни къ чему опредѣленному. Тогда, разсказываетъ Паисій Лигаридъ, „всталъ газскій (т. е. Лигаридъ, который въ своемъ сочиненіи обычно называетъ себя газскимъ) и сказалъ: „поистинѣ признаю я за подлинную эту подпись патріарха антіохійскаго Макарія, и это не по причинѣ арабской подписи, въ чемъ я не свѣдущъ, но только по причинѣ эллинской подписи хіосца священника Іоанна, эконома и подписчика патріаршаго, котораго почеркъ вполнѣ знаю, почему и утверждаю неподдѣльность подписи. Къ этому прибавилъ и амасійскій Косьма: и я очень хорошо знаю подпись іерусалимскаго патріарха Нектарія, онъ мой соотчичъ и старый другъ. На оба свидѣтельства обрадовались и царь и синклитъ; однако еще осталось нѣкоторое сомнѣніе о томъ, истинны или ложны патріаршіе томы... Потомъ спрошенъ былъ я втайнѣ опять о подписи: я показалъ трудность этого разбора, ибо и цѣлыя страницы поддѣлываютъ (и въ предисловіи къ діалектикѣ приводятся всѣ способы поддѣлки); но прибавилъ: рѣшительно подлинны, какъ и прежде сказалъ я, двѣ патріаршія подписи: вселенскаго, по ручательству самаго иконійскаго,

---

[1]) Русскій архивъ, 1873 г. кн. 9, стр. 1626—1640. Гиб. II, 1054.

не заключаетъ въ себѣ интерполяціи; остается подпись александрійскаго: но Духъ святый устроитъ что либо для обнаруженія и этого; а пока пусть преобладаетъ голосъ большинства". Это нерѣшительное условное заявленіе Паисія не могло конечно вполнѣ убѣдить и успокоить царя, тѣмъ болѣе, что іерусалимскій патріархъ Нектарій, подпись котораго значилась подъ патріаршими отвѣтами, осуждавшими Никона, прислалъ государю особую грамату, въ которой настойчиво совѣтывалъ помириться съ Никономъ и возвратить его на патріаршій престолъ. Дѣло о Никонѣ опять остановилось за невозможностію окончательно выяснить вопросъ: подлинны или нѣтъ привезенные Мелетіемъ патріаршіе отвѣты, а безъ рѣшенія этого вопроса нельзя было приступать и къ рѣшенію дѣла о Никонѣ. Тогда рѣшено было усиленно просить пріѣхать въ Москву іерусалимскаго патріарха Нектарія, который въ то время находился въ Молдавіи, куда и посланы были съ граматою государя два грека— Василій Ивановъ и Кондратъ Дмитріевъ. Рѣшились затѣмъ снова обратиться и къ константинопольскому патріарху, чтобы онъ или лично прибылъ въ Москву, или прислалъ своего экзарха. А такъ какъ константинопольскій патріархъ свое нежеланіе прибыть въ Москву или послать туда своего экзарха объяснялъ боязнью предъ турками, то заготовлена была грамата государя къ султану съ просьбою, чтобы онъ дозволилъ константинопольскому патріарху послать кого-либо изъ своихъ архіереевъ въ Москву для разрѣшенія возникшихъ здѣсь церковныхъ недоумѣній. Въ то же время заготовлена была грамата къ константинопольскому патріарху Діонисію съ просьбою, чтобы онъ утвердилъ своимъ экзархомъ въ Москвѣ, для соборнаго разсужденія о Никонѣ, Паисія газскаго, который, хотя „многихъ воистинну ученій сокровище стяжетъ," однако, такъ какъ не имѣетъ соборныхъ полномочій, „конечно не можетъ явитися по правиломъ въ нашихъ собраніяхъ". Мысль просить восточныхъ патріарховъ назначить Паисія Лигарида своимъ экзархомъ для суда надъ Никономъ возникла у нашего правительства, конечно подъ вліяніемъ внушенія со стороны самаго Паисія, еще гораздо ранѣе, именно: въ 1663 году, когда патріархи отказали посланному къ нимъ Мелетію и лично прибыть въ Москву и послать туда своихъ экзарховъ изъ опасенія ту-

рокъ. Уже тогда заготовлены были царскія граматы ко всѣмъ патріархамъ. Въ граматѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію, царь просилъ патріарха разрѣшить ему, государю, своею властію избрать и наречь кого либо изъ достойныхъ, находящихся въ Москвѣ, греческихъ архіереевъ своимъ патріаршимъ намѣстникомъ, или пусть патріархъ пришлетъ своего намѣстника въ Москву, или же самъ изберетъ и утвердитъ кого либо изъ находящихся въ Москвѣ, причемъ конечно имѣлся въ виду Паисій Лигаридъ. Въ граматѣ къ бывшему константинопольскому патріарху Паисію царь прямо просилъ его, чтобы онъ прислалъ въ Москву граматы „приговоръ имущая и полномочная, уряжающыя и поставляющыя намѣстника или посланника престола апостольскаго—митрополита газскаго Паисія, здѣ во градѣ нашемъ пребывающаго, или иного, аще восхощеши, мужа приличнаго, добродѣтелію и ученіемъ украшеннаго, святыни твоея именемъ законоположи“. Въ граматѣ къ антіохійскому патріарху Макарію царь писалъ: „помощи твоего блаженства требуемъ письмены, сирѣчь исправленными, къ намъ изъявляющими митрополита газскаго Паисіа, зѣло знаемаго и другу твоего, въ свое мѣсто посланника и судію, оную прю да имать опредѣлить благоразсуднѣ, и сіе напишемъ во благодѣяніе мѣсто“. Въ граматѣ іерусалимскому патріарху Нектарію царь писалъ: „понеже въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ газскій владыка пребываетъ намъ пріятный, сему—аще извѣстная письмена вдаси, яко намѣстнику твоего блаженства, вещь намъ сотвориши прелюбезную, егда той воистину іерусалимскаго стола бремя честнѣ можетъ держати“. Но эти граматы о Лигаридѣ, очевидно имъ же и составленныя, въ то время не были посланы къ патріархамъ. Теперь же, когда возникло сомнѣніе въ подлинности привезенныхъ Мелетіемъ патріаршихъ отвѣтовъ, рѣшились опять настойчиво приглашать самихъ патріарховъ прибыть въ Москву. А такъ какъ константинопольскій патріархъ безъ разрѣшенія турецкаго правительства не могъ отправиться въ Москву, или послать кого либо изъ мѣстныхъ архіереевъ въ качествѣ своего экзарха, то наше правительство и рѣшилось предложить ему, чтобы онъ назначилъ своимъ экзархомъ проживающаго въ Москвѣ Паисія газскаго, чѣмъ бы устранялись всѣ затрудненія о посылкѣ экзарха и вмѣстѣ съ тѣмъ было бы

не нужно обращаться по этому поводу къ турецкому правительству, почему заготовленная грамата къ султану и не была послана. Другихъ же восточныхъ патріарховъ, за которыми турецкое правительство наблюдало менѣе строго, чѣмъ за константинопольскимъ патріархомъ, рѣшено было уговорить лично явиться въ Москву. Чтобы застать іерусалимскаго патріарха Нектарія въ Молдавіи, гдѣ онъ тогда находился, къ нему уже въ іюлѣ 1664 года нарочно отправлены были, какъ мы видѣли, два грека съ приглашеніемъ отъ царя прибыть въ Москву. Въ сентябрѣ снаряжено было новое посольство ко всѣмъ патріархамъ, состоящее изъ архидіакона Мелетія, подъячаго Порфирія Оловяникова и изъ называвшаго себя племянникомъ константинопольскаго патріарха грека Стефана Юрьева. Мелетій отправился звать патріарха александрійскаго и антіохійскаго, а грекъ Стефанъ константинопольскаго и іерусалимскаго, причемъ въ распоряженіе Стефана отданы были и два грека, ранѣе посланные къ Нектарію,—ихъ онъ долженъ былъ встрѣтить въ Молдавіи [1]).

Посольство Стефана грека къ іерусалимскому патріарху Нектарію кончилось полною неудачею. Нектарій попрежнему не хотѣлъ осужденія Никона и потому, подъ предлогомъ боязни турокъ, рѣшительно отказался не только ѣхать въ Москву, но и послать туда своего экзарха. За то у константинопольскаго патріарха цѣль посольства была, повидимому, достигнута: патріархъ рѣшился исполнить просьбу московскаго правительства о назначеніи своимъ экзархомъ для суда надъ Никономъ Паисія Лигарида. Стефанъ грекъ былъ другомъ Паисія, отъ котораго онъ, отправляясь на востокъ, получилъ письма къ разнымъ вліятельнымъ при константинопольскомъ патріархѣ лицамъ, чтобы они побудили патріарха назначить Лигарида своимъ экзархомъ въ Москвѣ. Хлопоты константинопольскихъ друзей Паисія и Стефана увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ сентябрѣ 1665 года учитель и великій риторъ Александръ Маврокордато писалъ Паисію Лигариду, что получивъ отъ него письма, „онъ всѣми силами усердствовалъ“, чтобы исполнилось желаніе царя и

1) Соч. Лигар. о судѣ надъ Никономъ, гл. XVI. Гиб. II, 640—641, 712—732.

Паисія о назначеніи послѣдняго экзархомъ, но что въ этомъ дѣлѣ пришлось преодолѣть много трудностей, такъ какъ у Паисія явились враги, которые наговаривали на него патріарху. „Но Богу наставляющу, позналъ есть вышній отецъ (т. е. патріархъ) лукавство противниковъ, неправедно облыгающихъ, и явственно реклъ есть: не быти иного на всей вселеннѣй паче твоея святыни изряднѣйшаго, который бы лутче и достойнѣе могъ страну ту, толь трудную, управити толико, яко бы аще гдѣ индѣ твоя святыня былъ, имѣлъ бы моленьми приводити, да подьявъ путь, прейдеши туды, и колико еси премудростію долголѣтнюю ту тяжбу разрушити поднялся бы. Сего ради охотно тебѣ изящество вручилъ, чтобъ намѣстникомъ его былъ въ сыску, въ вопросѣ, въ скончаніи, и въ совершеніи по правиломъ, прежде писаннымъ, да дѣло совершится; а еже праведно и свято есть—пакость да извержется во изгнаніе“. Это письмо Паисій Лигаридъ поспѣшилъ представить въ посольскій приказъ и въ то же время писалъ государю, что Стефанъ грекъ везетъ грамоты государю отъ константинопольскаго патріарха, которыми онъ назначаетъ Паисія своимъ экзархомъ въ Москвѣ. 12 ноября прибывшій въ Москву грекъ Стефанъ дѣйствительно доставилъ государю грамоту константинопольскаго патріарха Діонисія, въ которой онъ писалъ, что такъ какъ безъ разрѣшенія султана онъ не можетъ ни самъ явиться въ Москву, ни послать кого либо другаго вмѣсто себя, то „и постановили есмы киръ Паисіа, пребывающаго тамъ же, святаго и бо̑горазумнаго митрополита газскаго, во святомъ Дусѣ возлюбленнаго брата нашего и сослужителя, ему же послахомъ вольность, яко разумному и свѣдущему о сицевыхъ церковныхъ дѣлѣхъ, поставляющи его намѣстника во обороненіе правильныхъ тѣхъ главъ, и рѣшити всякое неудобство и сомнѣніе, предлагаемое отъ сопротивные страны, и правити судъ купно со освященнымъ соборомъ помѣстнымъ архіерейскимъ, предсѣдящему на немъ, яко образу творящему нашу персону въ томъ единомъ дѣлѣ даже до совершенія его“. Въ другой грамотѣ, къ самому Паисію патріархъ Діонисій пишетъ: „поставили есмы твою святыню, яко премудру и благонарочиту и свѣдущу сихъ правильныхъ дѣлъ, предсѣдательствующу помѣстному собору, да возможешь рѣшити всякое сомнѣніе и супротивость на сопротивовостающихъ

симъ прежереченнымъ главамъ, и совершить купно со архіереями, сущими тамо, и сотворить, яко отъ нашея страны, праведный судъ и приговоръ по правиломъ, во страсѣ Божіи и въ совѣстѣ чистей" [1]).

Полученіе указанныхъ граматъ константинопольскаго патріарха Діонисія было полнымъ торжествомъ Паисія надъ Никономъ. Послѣдній доселѣ не хотѣлъ признавать за Паисіемъ права вмѣшиваться въ русскія церковныя дѣла и не считалъ его настоящимъ митрополитомъ. Когда 18-го іюля 1663 года Паисій, вмѣстѣ съ астраханскимъ архіепископомъ Іосифомъ и другими, явился въ Воскресенскій монастырь къ Никону, чтобы передать ему, между прочимъ, постановленіе собора, воспрещавшее ему дѣйствовать архіерейски, Паисій сталъ было читать письмо, „кое дано отъ преосвященнаго собора, и онъ, Никонъ говорилъ: письма де вашего не хочу слушать, а Паисія митрополита почалъ бранить всячески, и называлъ его воромъ, и нехристіаниномъ, и врагомъ Божіимъ, и собакою, и самоставленнымъ, и мужикомъ, невѣдомо какимъ: ѣздишь де ты по многимъ государствамъ и чужимъ землямъ и своимъ воровствомъ разоряешь, и въ рѣчахъ ему отказалъ". На другой день, 19 іюля, Никонъ служилъ у себя въ предѣлѣ Распятія молебенъ и, по шестой пѣсни, читалъ евангеліе и, толкуя прочитанное, говорилъ: „Романъ (Бабарыкинъ), аки іюда, привелъ на мя злая: митрополита, аки Каіафу (т. е. Паисія газскаго). Той же де митрополитъ Каіафа, пришедъ въ келлію, воздвигъ на мя многія отъ фарисей злая словеса. Вчера пришли ко мнѣ въ келію и привели выряжана въ платьѣ, что нѣмку, митрополита, аки Каіафу... Вчера и меня тако-жъ хотѣлъ Каіафа митрополитъ ударить въ ланиту, а впредь невѣдомо что будетъ". О не ласковомъ пріемѣ Никономъ посланныхъ царемъ и соборомъ немедленно было донесено въ Москву, гдѣ, по повелѣнію государя, сейчасъ же составлена была соборная грамата, съ инструкціей посланнымъ, какъ имъ слѣдуетъ поступать. Въ этой соборной граматѣ Паисій Лигаридъ титуловался: „митрополитомъ газскимъ и всея Палестины экзархомъ", „великимъ архіереемъ, возлюбленнымъ о святымъ Дусѣ братомъ и архіереемъ Божіимъ", заявлялось, что безчестіе со

---

[1]) Гиб. II, 808, 821—828.

стороны Никона на Паисія „не на тебе единаго восходитъ, но и на пославшихъ тя—на благочестивѣйшаго нашего великаго государя и преосвященный соборъ, паче же на іерусалимскаго патріарха, понежъ по его благословенію посланъ еси къ великому государю нашему“ [1]).

---

1) Соборная грамата Паисію и другимъ была слѣдующая: „Великимъ господамъ, о святомъ Дусѣ братіямъ нашимъ, преосвященному Паисію, митрополиту газскому и всея Палестины экзарху, и преосвященному Іосифу, архіепископу астраханскому и терскому, преосвященніи митрополити и архіепископи и епископи радоватися во святѣмъ Дусѣ и здравствовать. Въ нынѣшнемъ, господа, 7171 году, іюля въ 17 день, послани вы отъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и отъ насъ, преосвященнаго собора, въ Воскресенскій монастырь къ бывшему патріарху Никону говорити, что вѣдомо учинилось великому государю и намъ, преосвященному собору: онъ бывшій патріархъ, про него, великаго государя, неистовыя рѣчи износитъ, и жалованныя его, великаго государя, грамоты вычитаючи, кладетъ предъ образомъ Пресвятыя Богородицы и Крестомъ, и молебствуетъ. И, по молебнѣ, отъ псалмовъ Давидовыхъ клятвенныя слова избирая, великаго де государя нашего подъ клятву подлагаетъ, и то онъ чего ради творитъ по своемъ вольномъ патріаршескомъ оставленіи? Хотя бы онъ и на своемъ патріаршескомъ престолѣ, не оставя, былъ, и ему было, по правилу святыхъ апостолъ 34, безъ соборнаго вѣдома кляти никого не надобило, наипаче же его царское величества. И нынѣ намъ, преосвященному собору, по отпискѣ великому государю отъ боярина князь Никиты Ивановича Одоевскаго съ товарищи, про вашъ пріѣздъ къ бывшему Никону патріарху вѣдомо учинилось, что онъ, Никонъ патріархъ, твоихъ, преосвященнаго митрополита, словъ не похотѣлъ выслушать, что было вамъ приказано отъ великаго государя и отъ насъ, преосвященнаго собора, ему, Никону бывшему патріарху, говорить, и всякими де неистовыми своими словами тебе безчестилъ. И мы о семъ зѣло оскорбихомся; ты же великій господине, возлюбленный нашъ о святѣмъ Дусѣ брате и архіерею Божій, благодарствуй Бога яко сподобился еси за истину обезчещенъ быти. Нынѣ же моленіемъ мы паки молимъ тя ради общія нашея матери, соборныя и апостольскія церкве, и ради благочестивѣйшаго государя нашего, и общія пользы всего православнаго христіанства потщитеся со всякимъ усердіемъ ему, бывшему Никону патріарху, говорити: отрекся онъ отъ патріаршаго своего престола самовольно и съ клятвой, и недостойна себе нарекъ именоватися патріархомъ и, забывъ ту свою клятву, чрезъ правила архіерействуетъ и подъ клятву подлагаетъ многихъ; а нынѣ ужъ дерзнулъ, чево было ему невозможно и не оставя патріаршества помыслити, на богопомазанную главу царскаго величества клятву возлагать самовольствомъ. И буде онъ о своемъ вольномъ патріаршескомъ оставленіи и клятвѣ предъ вами учнетъ запиратися, и тому своевольному отреченію и клятвѣ

Получивъ соборную грамату 23 іюля послы, съ Паисіемъ

есть мнози достовѣрніи свидѣтели. А если бы отъ кого была во время яко патріаршества обида, и онъ бы о томъ преосвященнымъ архіереемъ, бывшимъ намъ подъ областію его извѣщалъ; и мы бы, собравшеся вкупѣ, ему правильнѣ вспомогали. И отъ него во время патріаршества его, и по оставленіи, ни отъ кого ни въ чемъ ни единому архіерею жалобы ни писмяной, ни словесной не бывало; только по отшествіи своемъ писался великому государю своею рукою бывшимъ патріархомъ. А нынѣ онъ почто таковая начинаетъ творити, архіерействовати, и подъ клятву подлагати безъ совѣту преосвященнаго собора? Егда былъ онъ, Никонъ, и на патріаршествѣ, и того было ему, по правилу св. апостоль 34 глаголющему: безъ большаго архіерея меньшимъ ничто же творити, тако же и большему архіерею безъ меньшихъ и прочая,—а онъ, Никонъ бывшій патріархъ, возлагаетъ клятвы неправильнѣ, тѣмъ святыя, Божія церкви и народъ возмущаетъ. Да онъ же нынѣ васъ посланныхъ отъ царскаго величества и отъ насъ, преосвященнаго собора, безчеститъ, паче жъ тебе, преосвященнаго митрополита Паисія, о святомъ Дусѣ брата нашего, и то безчестіе не на тебе единаго восходитъ, но и на пославшихъ тя, благочестивѣйшаго нашего великаго государя и на преосвященный соборъ, паче жъ на іерусалимскаго патріарха, понежъ по его благословенію посланъ еси къ великому государю нашему. И мы, преосвященный соборъ, сихъ ради всѣхъ его дерзновеній вышеписанныхъ, приговорили, что ему, Никону патріарху, быти въ Воскресенскомъ монастырѣ, въ которомъ онъ самъ, оставя патріаршество, пришелъ своею волею, неисходну до совершеннаго собора. А и большему собору употребилось быти его же ради, Никонова, дерзновенія, что онъ, Никонъ, бывшій патріархъ, ни вочто вмѣнилъ прежде бывшее собраніе архіерейское о его патріаршескомъ оставленіи и отхожденіи въ тотъ Воскресенскій монастырь. И иноземцевъ, которые при немъ живутъ, изъ монастыря вывесть, куда великій государь укажетъ, всякаго ради опаства. А великому государю мы соборнѣ били о томъ челомъ, и что великій государь насъ пожаловалъ его, бывшаго Никона патріарха, приказалъ бы со всякимъ опаствомъ оберегати и изъ того монастыря быти неисходну, потому что слышачи о всякомъ его безстрашномъ дерзновеніи возмущаются, и такова бы возмущенія еже безстрашнаго дерзновенія, отъ народу каково бы надъ нимъ дурна не учинилось. И какъ-то все вышеписанное бывшему патріарху Никону отъ насъ, преосвященнаго собора, выговорите, пожалуйте намъ извѣстить писаніемъ, что учинится, чтобъ намъ про то было вѣдомо. Да пожалуйте, великіе господа, закажите того Воскресенскаго монастыря архимандриту и намѣстнику и священникомъ и братіямъ, буде впредъ станетъ Никонъ, бывшій патріархъ, кого проклинать, чтобъ они къ его клятвѣ не приставали и намъ бы возвѣщали. А буде кто пристанетъ къ его дерзновенному проклинанію, или, слышавъ о томъ, не извѣститъ намъ, преосвященному собору, и тому быти въ ссылкѣ и жестокомъ наказаніи. А благодать Божія и милость буди со всѣми вами“. Собственноручная подпись семи архіереевъ.

во главѣ, отправились къ Никону и Паисій, по порученію государя и собора, началъ было читать Никону соборную грамату на латинскомъ языкѣ, на который она переведена была съ русскаго для Паисія. Но Никонъ „митрополиту отказалъ, что рѣчей его слушать не хочетъ и его безчестилъ по прежнему, называлъ воромъ и собакою и врагомъ Божіимъ“. Послѣ этого Никону уже по-русски прочитана была соборная грамата. „И патріархъ, выслушавъ отписки, говорилъ: напрасно-де власти газскаго митрополита пишутъ себѣ братомъ, тотъ де братъ будетъ имъ вмѣсто антихристова предонечи, услышите де, что онъ впредь учнетъ про нихъ говорить“. Съ своей стороны Паисій Лигаридъ о своемъ свиданіи съ Никономъ въ Воскресенскомъ монастырѣ разсказываетъ, „что разговоръ съ Никономъ продлился много часовъ, и произошло великое смятеніе между посланными со мною боярами. Часто потрясая палкою и стуча ею крѣпко по полу, Никонъ волновался, гремя, смѣшивая, противорѣча одинъ всѣмъ, какъ Ѳерситъ не давая никому отвѣчать, такъ что мы вышли изъ кельи безъ успѣха, совершенно испуганными и его дерзостью и стремительностію, и невоздержностью и готовностію въ рѣчахъ... Когда Никонъ самъ говорилъ, то растягивалъ и оканчивалъ рѣчь, гдѣ ему захочется; а когда другіе говорили, предварялъ ихъ снова, путалъ и не давалъ. Итакъ, мы возвратились въ наши покои въ уныніи, сверхъ того мы какъ бы раздули пожаръ гнѣва“. Когда Паисій, по возвращеніи изъ Воскресенскаго монастыря явился къ государю, послѣдній, разсказываетъ Паисій, „улыбнувшись мнѣ, сказалъ: видѣлъ ты самъ Никона? А я отвѣтилъ: поистинѣ лучше было бы мнѣ никогда не видать такого чудовища; лучше бы я хотѣлъ быть слѣпымъ и глухимъ, лишь бы не слышать его киклопскихъ криковъ и громкой болтовни“.

Кромѣ словесныхъ бурныхъ объясненій между Никономъ и Паисіемъ они обмѣнялись еще и рѣзкими письменными посланіями. Лигаридъ говоритъ, что по его отъѣздѣ изъ Воскресенскаго монастыря Никонъ сейчасъ же „прислалъ противъ меня извѣтъ оправдывая себя предъ царемъ и говоря, что я не облобызалъ его по обычаю и не привѣтствовалъ ласковыми словами, какъ то прилично; что я невѣжливо справилъ посольство; прибавилъ тысячу другихъ про-

ступковъ, о которыхъ умалчиваю“. Никонъ съ своей стороны то же говоритъ, что онъ дѣйствительно въ обличеніе газскаго митрополита, который, какъ чужеземецъ и притомъ очень сомнительный, какъ давно оставившій свою епархію, не имѣлъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла русской церкви,—написалъ обличеніе отъ святыхъ правилъ и отослалъ „къ боярамъ и властямъ“, которые прибыли къ нему въ Воскресенскій монастырь. На это письмо Никона Паисій немедленно отвѣтилъ своимъ письмомъ, въ которомъ, съ своей стороны, обличалъ Никона въ томъ, что онъ возводитъ на Паисія несправедливыя и лживыя обвиненія, что онъ будто бы явился въ Москву безъ отпускной граматы своего патріарха, коритъ Никона, что онъ уже не будучи дѣйствительнымъ патріархомъ, однако дѣйствуетъ какъ настоящій патріархъ и т. под. Но что особенно характерно въ объясненіяхъ Паисія: онъ обличаетъ Никона, что онъ будто бы не признаетъ четырехъ восточныхъ патріарховъ, а признаетъ только папу, почему и является настоящимъ, дѣйствительнымъ папежникомъ. Въ то же время самаго себя Паисій величаетъ въ письмѣ „мужемъ разсудніимъ и ученіемъ украшеннымъ“, проповѣдникомъ, учителемъ и экзархомъ.

Перебранка Никона съ Паисіемъ указанными письмами не ограничивается. Никону доставлены были извѣстные намъ отвѣты Паисія на вопросы Стрешнева, гдѣ Паисій во всемъ винилъ Никона. Послѣдній рѣшилъ показать всю несправедливость обвиненій противъ него Паисія съ точки зрѣнія св. писанія, правилъ и постановленій св. апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, а также и съ исторической точки зрѣнія. Съ этою цѣлію Никонъ написалъ большую книгу, въ которой подробно разбираетъ каждый отвѣтъ Паисія, причемъ попутно высказываетъ свои взгляды на личность Паисія, освѣщаетъ и оцѣниваетъ характеръ его дѣйствій и писательской дѣятельности.

Отвѣчая на упрекъ Лигарида, который не одобрилъ русскихъ архіереевъ за то, что они не заботятся на мѣсто Никона избрать новаго патріарха, Никонъ обращается къ нему съ такою рѣчью: „покажи, лжесловесниче, по которымъ правиламъ святымъ начатъ таковое учительство, а не отъ своихъ гнилыхъ произношеній?... Нынѣ пишешь учительски, аки власть имѣя: по которымъ канономъ такое дерзновеніе ты

пріимъ? Покажи: гдѣ есть писано, аще свою епархію оставя, въ чужую пришедъ, инымъ архіереомъ законополагати, паче же чрезъ божественныя святыя правила и заповѣди?.. Не удоволился еси въ данной тебѣ епархіи заблуждати отъ истины, но пріиде и семо скитатися душею и тѣломъ, смущати и превращати тебѣ подобныхъ, отчуждая отъ Бога и божественныхъ повелѣній... Волкомъ являешися вмѣсто пастыря, смущая и раззоряя стадо Христово, не преданное тебѣ... Свой престолъ оставя, скитаешися яко волкъ, хапая и угрызая братню совѣсть... Ты, окаянный человѣче неправедный, яко свинія рыетъ на Божія законы для ради скверныхъ своихъ прибытковъ". Никонъ утверждаетъ, что Лигаридъ „на развращеніе святѣй церкви новые законы вводитъ: ово отъ „отреченныхъ книгъ, ово отъ внѣшнихъ баснословныхъ блуженій", что онъ „ложными шпынскими проклятыми книгами" руководствуется, почему все, что онъ пишетъ въ своихъ отвѣтахъ на вопросы Стрешнева, „все страстно и разслаблено и всякія нечистоты полно". За все это Никонъ называетъ Паисія: „новый раскольниче, а реку—еретиче", „новый Люторе, поругателю евангельскій", „безумный раскольниче и преступниче святыхъ отецъ установленныхъ вѣчныхъ предѣлъ", называетъ его лицемѣромъ, человѣкоугодникомъ, враждотворцемъ, жидовскимъ подражателемъ и т. п. Никонъ изрекаетъ о Лигаридѣ такой общій приговоръ: „азъ тебя, по святымъ канонамъ, проклинаю, начинающаго чрезъ божественныя правилы новые законы издавати на соблазнъ людемъ: не погрѣшитъ тотъ истины, аще бы кто обязалъ о шею твою жерновый камень и потопилъ въ мори, якоже во евангеліи пишетъ"... Или, напримѣръ, онъ говоритъ по адресу Лигарида: „ты же аще не имѣешь, яко ворона, дому, отъ него взятися древу, но на разбойническомъ древѣ достойно тя есть повѣсити" [1]).

Въ виду указанныхъ отношеній между Никономъ и Паисіемъ Лигаридомъ понятно, какъ велико было торжество Паисія, когда въ Москвѣ получены были грамоты, константинопольскаго патріарха Діонисія, назначавшія его въ

---

[1]) Гиб. II, 624, 630—634. Соч. о судѣ о Никонѣ, л. л. 44 об.—46 об. Зап. рус. археол. общ. II, 490. Рукоп. нашей акад. № 218, л. л. 78, 95, 98, 111, 112 об., 127, 133, 150, 152, 155, 160, 233, 256 и др.

Москвѣ экзархомъ самого константинопольскаго патріарха и вмѣстѣ полномоченнымъ судьею въ дѣлѣ Никона, съ которымъ теперь онъ получалъ возможности свести свои счеты. Естественно, что Паисій немедленно воспользовался своимъ новымъ блестящимъ положеніемъ, чтобы оправдать себя въ глазахъ царя и другихъ отъ возведенныхъ на него Никономъ обвиненій и чтобы какъ экзархъ—судія, окончательно уничтожилъ своего врага—Никона. Въ особой запискѣ, поданной государю, Паисій жаловался, что Никонъ не только безчестилъ его на словахъ, когда онъ посланъ былъ къ нему въ Воскресенскій монастырь, „но и прислалъ мнѣ книгу безчествующу и истощающу великія кривды мерзкіе, а вящшіи были: яко азъ есмь еретикъ и волхвъ, подписью его укрѣпленные. Нынѣ пришли граматы, свидѣтельствующія быти мя архіерея газскаго митрополита, мужа ученіямъ наказанна и премудростію украшена, его же ради судія именный и посолъ престола апостольскаго констянтинопольскаго поставленъ есть. Прошу вашего царскаго величества, что есть нынѣ, еже вредитъ ко очищенію моея славы и ко объявленію моего архіерейскаго достоинства и къ разсыпанію Никоновыхъ лжепредложеній и къ преломленію всѣхъ безчествованій сопротивника моего, яко сіе патріаршескіе граматы, сія священносвятая писанія, мою невинность свидѣтельствующая, точію да просвятятся и явно сотворится всему синклиту, якоже и предъ всѣмъ синклитомъ обещещенъ орудіемъ лукаваго діавола Агаѳаила, которому одному повѣрилъ Никонъ и изблевалъ ядъ на меня невиннаго“. Но такъ какъ этотъ тонъ непримиримой вѣчной вражды къ Никону слишкомъ уже мало гармонировалъ съ ролью судіи Никона, въ которой теперь фигурировалъ Паисій, то онъ и спѣшитъ затѣмъ увѣрить государя въ своемъ полномъ судейскомъ безпристрастіи. „Азъ воистину, пишетъ онъ, не есмь врагъ Никону, не буде се,—есмь злыхъ мнѣній его сопротивникъ, зане вдовствовати сотворилъ есть церковь и отлученіе положи патріаршескимъ престоломъ. Аще хощетъ быти пастырь, твореніемъ не пася свое стадо, яко паки поставленъ есть, егда сотворися патріархъ, яко новыхъ чиновъ употребилъ есть, древніе чины оставя и отринувъ. И въ сія вины не единъ токмо азъ взирати имѣю и истязовати я—съ соборомъ помѣстнымъ во св. Дусѣ собран-

нымъ. Аще бы былъ единъ судія, могъ бы нѣчто понести на меня, яко склонна страстемъ человѣческимъ, но идѣже есть ликъ архіерейскій и мнози очеса въ судъ зрящіи яко истиннѣйшіи аргусы есть стоочніи, святые церкви зрители очевидніи заслѣпитися и погрѣшити не могутъ. Сего ради не имѣлъ бы Никонъ сумнитися обо мнѣ и зазиратися, яко о неправедномъ судіи, прежде вѣдѣнія изнесенія суда. Аще убо возумѣетъ добре за себя стояти, не можетъ осужденъ быти, и возможетъ бити челомъ индѣ о неправедномъ данномъ мною приговорѣ,—истиннымъ экзархомъ и судіею своимъ въ томъ дѣлѣ, поставленнымъ правильно и достойно, невредящи безчествованіямъ противъ меня сотвореннымъ лживо безъ всякаго страха и чести архіерейскаго достоинства, которую, яко патріархъ, хранити имѣлъ бы, да не соблазнятся прочіи духовніи и мірстіи". [1]).

Такъ величался теперь Паисій Лигаридъ своею новою ролью экзарха константинопольскаго патріарха и признаннаго чрезвычайнаго судіи своего врага—Никона. Но величаться ему пришлось очень недолго. Тотъ же иконіискій митрополитъ Аѳанасій, который ранѣе заподозрилъ подлинность привезенныхъ Мелетіемъ патріаршихъ отвѣтовъ, призналъ не подлинными и привезенныя грекомъ Стефаномъ граматы константинопольскаго патріарха Діонисія о назначеніи Паисія Лигарида своимъ экзархомъ для суда надъ Никономъ. Самъ Паисій въ своемъ сочиненіи о Никонѣ расказываетъ объ этомъ позорномъ для него дѣлѣ слѣдующее: „Стефанъ прибылъ въ Константинополь и, при тайномъ свиданіи съ патріархомъ Діонисіемъ, отдалъ ему царскія граматы. Прочитавъ оныя, патріархъ велѣлъ ему явиться не въ патріархію, а только въ домъ сіятельной Роксандры, дабы его требованія происходили чрезъ ея посредство; и о томъ, сколько соблазна возникло чрезъ бывшаго иконійскаго Аѳанасія, возмутившаго любезный міръ, и царя сильно опечалившаго своимъ бредомъ, и ложью окружавшій его синклитъ, отписалъ онъ надлежащимъ образомъ, рекомендуя и Паисія газскаго не только какъ истолкователя двухъ патріаршихъ томовъ (т. е. патріаршихъ отвѣтовъ, привезенныхъ Мелетіемъ), но какъ безмолвнѣйшія уста всего синода,

---

[1]) Греческія дѣла 7175 г. № 2.

что видно изъ патріаршаго къ нему приказа, находящагося въ царскомъ казнохранилищѣ. Побывавъ у новаго государя угровлахійскаго Радула и поклонившись ему, какъ давнишнему своему покровителю, Стефанъ, снабженный патріаршими граматами, медленно направился къ Москвѣ, и по многихъ трудахъ и опасностяхъ, прибылъ въ сію столицу на величайшую радость и на освѣдомленіе державнаго государя нашего. Впрочемъ Аѳанасій иконійскій опять сталъ противорѣчить и утверждать дерзновенно, что граматы подложны. Въ клеветѣ своей на счетъ поддѣлки писемъ, не боясь Бога, не стыдясь царя, принялъ онъ безстыдное лицо блудницы, говорилъ дерзко, поступалъ безстыдно. Предстали оба предъ царя: иконійскій Аѳанасій и Стефанъ гонецъ и крупно переговаривались и попусту ругались другъ надъ другомъ, но побѣду одержалъ Стефанъ, а иконійскій на время отправленъ былъ на успокоеніе въ Симоновъ монастырь, въ которомъ и пребылъ до славнаго прибытія патріарховъ, или лучше сказать, до упокоенія и безвременныхъ своихъ похоронъ". [1]).

Такъ, кромѣ вопроса о подлинности или неподлинности привезенныхъ Мелетіемъ патріаршихъ отвѣтовъ, неожиданно возникло новое соблазнительное дѣло: о подлинности или неподлинности привезенныхъ грекомъ Стефаномъ граматъ патріарха Діонисія, признававшихъ Паисія Лигарида экзархомъ константинопольскаго патріарха въ предстоящемъ соборномъ судѣ надъ Никономъ. Наконецъ, чтобы какъ нибудь распутать эту сѣть интригъ, подлоговъ и обмановъ, созданную греками по дѣлу Никона, государь рѣшился въ январѣ 1666 года тайно послать къ патріарху Діонисію уже не грековъ, которымъ трудно было довѣрять послѣ стольких опытовъ, а русскаго, именно: келаря Чудова монастыря Савву, чтобы на мѣстѣ получить обо всемъ вѣрныя свѣдѣнія. Савва побывалъ на востокѣ и привезъ отъ патріарха Діонисія такія свѣдѣнія: „Мелетій діяконъ, говорилъ Діонисій Саввѣ, пріѣхалъ несмирно, учинился всѣмъ турчаномъ вѣдомъ и учинилъ мнѣ убытковъ два ста мѣшковъ,—и сіе съ клятвою изрекъ. А иконійскій Аѳанасій митрополитъ мнѣ не сродственъ и имѣлъ на себѣ отъ турокъ долгъ и упросилъ сроку на

1) Сочин. Лигарида о судѣ надъ Никономъ, гл. 19.

недѣлю, да и ушелъ; а я съ нимъ никакого слова не приказывалъ и чтобъ его держать крѣпко и отнюдь не отпускать, да аще царь его отпуститъ, то велику пакость церкви сотворитъ. Какъ Мелетій діяконъ приходилъ и мы съ Нектаріемъ патріархомъ написали двѣ граматы слово въ слово и руки своя приложили, да одну послали съ Мелетіемъ во Александрію, а другую Нектарій послалъ съ своими калугеры въ Антіохію ко патріархамъ того ради, что единой грамотѣ быть невозможно, ради ихъ дальняго разстоянія. А Стефанъ гречинъ у меня не бывалъ, токмо въ прошломъ въ 173 году артофилаксіи докучалъ мнѣ, чтобъ я написалъ въ грамотѣ, что бъ газскому быть экзархомъ, токмо я того ему не попустилъ, и буде такая грамата объявилася у царя, и то всѣялъ плевелы артофилаксіи, а Лигаридіи лоза не константинопольскаго престола *и я его православна не нарицаю,* что слышу отъ многихъ, что *онъ папежникъ* и лукавъ человѣкъ... А Стефана гречина не отпускати жъ, понежъ и той великое раззорѣніе церкви православной сотворилъ, яко и Аѳанасій иконійскій... А что газскій Паисій Лигаридъ рукоположнецъ папинъ и по многихъ лятскихъ костелехъ служилъ за папу литоргію, (но если онъ) истинно отвержется и проклянетъ предъ соборомъ всю папежскую ересь и исповѣдуетъ символъ православія, и онъ въ соборъ пріятъ будетъ“ [1]).

Изъ заявленій патріарха Діонисія, привезенныхъ келаремъ Саввою, наше правительство убѣдилось, что патріаршія отвѣты, привезенные Мелетіемъ, дѣйствительно даны были патріархами за собственноручною ихъ подписью, что Аѳанасій иконійскій, выдававшій себя за патріаршаго экзарха, былъ въ этомъ отношеніи обманщикъ, что Стефанъ грекъ привезъ въ Москву подложныя граматы о назначеніи Лигарида экзархомъ для суда надъ Никономъ и что патріархъ Діонисій не только не думалъ назначать Паисія Лигарида своимъ экзархомъ въ Москвѣ, но и не признаетъ его православнымъ, а папежникомъ.

Паисію Лигариду извѣстіями, привезенными келаремъ Саввою, повидимому нанесенъ былъ смертельный ударъ: изъ экзарховъ и судей ему приходилось теперь попасть въ

1) Гиб. II, 892—894.

подсудимые по обвиненію въ латинствѣ. Въ своемъ сочиненіи о судѣ надъ Никономъ Паисій очень глухо и въ то же время очень пренебрежительно выражается о посольствѣ Саввы. „Отправленъ былъ, разсказываетъ онъ, и Савва келарь Чудова монастыря къ Діонисію, нынѣшнему предсѣдателю ѳессолоникійскому (на мѣстѣ Діонисія въ то время патріархомъ въ Константинополѣ былъ уже Парѳеній): но отправленіе его болѣе походило на бѣгство, чѣмъ на посольство; такъ тайно произошло оно, что трое только знали о немъ... Савва удобно прибылъ въ Ѳессалонику и, подобно тайному нѣкогда ученику—Никодиму, явился и онъ тайно къ Діонисію и, когда симъ послѣднимъ былъ благословенъ и принятъ, представилъ ему причину такого путешествія. Тотъ, назвавъ все достовѣрнымъ, утвердилъ въ особенности томы (отвѣты патріарховъ, привезенные Мелетіемъ) и подписи ихъ, отпустилъ Савву не надѣливъ его никакимъ письмомъ, вслѣдствіе предстоящей ему опасности, пожелалъ только царю вождѣленныхъ побѣднымъ трофеевъ, и отпустилъ его съ благословеніемъ, снабдивъ разрѣшительною грамотою. Заѣхалъ онъ (Савва) и къ вселенскому патріарху Парѳенію: но сей и ухомъ не повелъ на просьбы Саввы... Итакъ Савва возвратился безъ результатовъ, получивъ неудачу въ своихъ огромныхъ надеждахъ; предполагалъ воздвигнуть трофеи выше всѣхъ, а вышелъ ничѣмъ: ни третьимъ ни четвертымъ, мегарцемъ по лжи". Но это увѣреніе Паисія въ безрезультатности посольства Саввы было рѣшительно несправедливо. Напротивъ оно произвело сильное впечатлѣніе на наше правительство, которое, конечно, никакъ не могло игнорировать того обстоятельства, что Лигаридъ свое положеніе въ Москвѣ, какъ патріаршаго экзарха и правомочнаго судіи Никона, думалъ было основать на завѣдомо подложныхъ граматахъ, что самъ константинопольскій патріархъ Діонисій считаетъ его не православнымъ, латынникомъ. Произвело оно сильное впечатлѣніе и на самого Лигарида. Его смущеніе было такъ велико, что онъ, въ виду ожидаемаго прибытія въ Москву восточныхъ патріарховъ, которые могли поднять о немъ дѣло на соборѣ, счелъ за лучшее и болѣе благоразумное просить царя до созванія собора отпустить его домой, такъ какъ, смиренно заявлялъ теперь недавній патріаршій экзархъ и грозный судія Никона, онъ прибылъ

въ Москву вовсе не съ тѣмъ, чтобы судить, а за милостынею. И московское правительство тоже раздѣляло опасенія Паисія. Когда патріархи, Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій, изъ Астрахани направились въ Москву, сопровождавшему ихъ іеродіакону Мелетію поручалось царемъ спросить ихъ: „нѣтъ ли патріаршу гнѣва какова на газскаго митрополита Паисія; да будетъ они гнѣвъ на него держатъ и ему (Мелетію) всячески говорить патріархомъ, что бъ они, не розыскавъ, гнѣву на него не держали". Но опасенія Паисія и царя относительно патріарховъ были совершенно напрасны. Патріархи ѣхали въ Москву съ тѣмъ, чтобы исполнить желаніе московскаго правительства—осудить Никона, а потому они вовсе и не думали выражать свой гнѣвъ къ газскому митрополиту, а вошли съ нимъ, какъ увидимъ, въ самыя близкія дружескія отношенія и постарались оправдать его отъ всякихъ обвиненій [1]).

---

[1])—гл. 21. Греческія дѣла 717 г. № 2 Гиб. II, 989, 1069, 1085.

ГЛАВА VII.

Пріѣздъ въ Москву восточныхъ патріарховъ и соборное осужденіе Никона.

Пріѣздъ въ Астрахань восточныхъ патріарховъ Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго и радость по этому случаю государя. Царская инструкція астраханскому архіепископу Іосифу держать себя относительно патріарховъ осторожно и бережно. Царская инструкція посланнымъ отъ государя сопровождать патріарховъ приставамъ, чтобы они осторожно и незамѣтно разузнали все касающееся патріарховъ и не допускали бы ихъ ни до какихъ сношеній какъ съ Никономъ, такъ и съ кѣмъ бы то ни было. Тайная инструкція боярину Матвѣеву, посланному встрѣтить патріарховъ, незамѣтно разузнать, дѣйствительные ли они патріархи, или отставные? Отписки сопровождавшихъ патріарховъ, какъ послѣдніе ведутъ себя въ пути. Торжественное вступленіе патріарховъ въ Москву и представленіе ихъ государю. Предсоборное въ государевой столовой избѣ засѣданіе 7-го ноября въ присутствіи царя и патріарховъ. Второе предсоборное засѣданіе 28 ноября, пославшее пригласить Никона явиться въ Москву на соборный судъ. Судебное соборное засѣданіе 1-го декабря въ присутствіи Никона. Второе судебное соборное засѣданіе 3-го декабря, на которомъ Никонъ не присутствовалъ. Третье судебное соборное засѣданіе 5-го декабря, на которомъ присутствовалъ Никонъ и когда ему, въ заключеніе, заявлено было, что онъ за свои вины лишенъ будетъ патріаршаго сана и станетъ простымъ монахомъ Никономъ. Оффиціальное объявленіе Никону 12-го декабря соборнаго опредѣленія о лишеніи его патріаршаго сана и приведеніе въ исполненіе этого соборнаго приговора самими патріархами. Нѣкоторыя общія замѣчанія о личности Никона.

Всѣ усилія царя Алексѣя Михаиловича привлечь въ Москву патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго, или, въ крайнемъ случаѣ, ихъ экзарховъ для соборнаго суда надъ Никономъ и устройства русскихъ церковныхъ дѣлъ, потерпѣли полную неудачу. Патріархи константинопольскій и іерусалимскій самымъ рѣшительнымъ образомъ отказались

и сами ѣхать въ Москву и послать туда своихъ экзарховъ,— они никакъ не хотѣли осужденія грекофила Никона, чего однако добивалось московское правительство. Иначе отнеслись къ дѣлу патріархи александрійскій и антіохійскій, приглашать которыхъ въ Москву отправился грекъ іеродіаконъ Мелетій. Паисій Лигаридъ, въ своемъ сочиненіи о судѣ надъ патріархомъ Никономъ разсказываетъ: „Мелетій прибылъ въ Египетъ и совѣщавшись съ Паисіемъ (патріархомъ), послѣ многихъ оборотовъ въ рѣчахъ, достигъ желаемаго. Оттуда прибылъ въ Синайскую гору и убѣдилъ тамошняго архіепископа Ананію медовыми рѣчами явиться въ Московію для личнаго присутствія въ замышляемомъ синодѣ. Макарій антіохійскій медлилъ въ Грузіи для собиранія милостыни, но Мелетій, привлекши и его, присоединилъ и его къ Паисію александрійскому. И бывшаго трапезундскаго Филоѳея сопричислилъ къ тому же духовному союзу“. Дѣйствительно, благодаря стараніямъ и уговорамъ іеродіакона Мелетія, въ Москву, чрезъ Грузію, направились два восточныхъ патріарха Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій, къ которымъ присоединились: синайскій архіепископъ Ананія и бывшій трапезундскій митрополитъ Филоѳей. Всѣ они, 21 іюня 1666 года, прибыли въ Астрахань, гдѣ и были, согласно предписанію государя, торжественно встрѣчены астраханскимъ архіепископомъ Іосифомъ и воеводою княземъ Яковомъ Никитичемъ Одоевскимъ.

Велика была радость царя Алексѣя Михаиловича, когда онъ получилъ донесеніе, что два восточныхъ патріарха, съ своими спутниками, прибыли въ предѣлы Россіи и что такимъ образомъ соборъ въ Москвѣ по дѣлу Никона въ присутствіи восточныхъ патріарховъ, о чемъ такъ долго и усиленно хлопотали, наконецъ состоится. Радостную вѣсть о прибытіи въ Астрахань патріарховъ царь въ особыхъ граматахъ немедленно поспѣшилъ сообщить митрополитамъ: новгородскому Питириму, крутицкому Павлу, а также рязанскому архіепископу Иларіону и чудовскому архимандриту Іоакиму, причемъ самъ царь редактировалъ эти граматы, дѣлая въ нихъ собственноручныя поправки и вставки. Въ нихъ Алексѣй Михаиловичъ выражаетъ свое восхищеніе по поводу пріѣзда въ Россію восточныхъ патріарховъ: „нынѣ, съ Божіею помощію, пишетъ онъ, рай отверзеся, правда

обрѣтеся, и тѣ два великія свѣтила (т. е. патріархи) явственно, радостно и дерзостно являются, прославляются и проповѣдаются"... Или, напримѣръ, восхищенный Алексѣй Михаиловичъ собственноручно пишетъ: „здѣсь воистинну спасеніе миру і союзу духовному укрѣпленіе, плевельникомъ же и врагомъ сопротивнымъ разсѣяніе, а намъ всѣмъ оживленіе. Благословенъ Богъ нашъ ізволивый тако". Вмѣстѣ съ патріархами царь прославляетъ и призвавшаго ихъ іеродіакона Мелетія, этаго, по выраженію царской грамоты, „многострадальнаго и первомученика въ таковыхъ страстѣхъ и младаго Засиму, служителя святыя восточныя церкви и вашего сослужебника, *нашего-жъ друга и пріятеля*, прешедшихъ море, яко посуху въ мгновеніе ока и обрѣтшихся въ царствующемъ градѣ астраханскомъ іюня въ 23 день" [1]).

Но восхищеніе и умиленіе предъ путешественнымъ подвигомъ восточныхъ патріарховъ, высказываемое государемъ, не помѣшало однако нашему правительству отнестись къ патріархамъ съ извѣстною осторожностію и даже съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Рѣшено было, до ихъ пріѣзда въ Москву и личнаго свиданія съ государемъ, во все время ихъ пути отъ Астрахани, ничего не говорить имъ о томъ дѣлѣ, ради котораго ихъ вызвали въ Москву, и особенно заботились, чтобы до патріарховъ не дошли какія-либо письма или сообщенія отъ Никона и чтобы они сами не посылали какихъ-либо писемъ въ Москву. Когда правительство узнало, что патріархи съ Кавказа прибудутъ моремъ прежде всего въ Астрахань, оно послало астраханскому архіепископу Іосифу инструкцію, чтобы онъ принялъ и отпустилъ патріарховъ съ подобающею честію и самъ ѣхалъ вмѣстѣ съ ними въ Москву. Въ то же время въ инструкціи Іосифу говорится: „и будетъ они, патріархи, учнутъ тебя спрашивать, для какихъ дѣлъ къ Москвѣ быть имъ велѣно? И ты бъ имъ говорилъ, что Астрахань отъ Москвы удалѣла, и для какихъ дѣлъ указано имъ быть, про то ты не вѣдаешь. А чаешь де ты того, что велѣно имъ быть для того: какъ бывшій патріархъ Никонъ съ патріаршества сшелъ, и для иныхъ великихъ церковныхъ дѣлъ. А будетъ, что и иное небольшое доведетца съ ними поговорить, и ты бъ говорилъ, будто отъ кого что слышалъ,

[1]) Гиб. II, 914—916, 918.

а не собою". А такъ какъ архіепископъ Іосифъ въ дѣйствительности прекрасно зналъ все о дѣлѣ Никона, ибо онъ присутствовалъ въ Москвѣ на соборѣ 1660 года судившемъ Никона и соборомъ былъ посланъ тогда въ Воскресенскій монастырь къ Никону для переговоровъ съ нимъ, то инструкція предписываетъ ему рѣшительно умолчать предъ патріархами объ этомъ обстоятельствѣ, а представиться предъ ними ничего незнающимъ, а развѣ кое-что слышавшимъ о дѣлѣ Никона отъ другихъ и вообще, замѣчаетъ инструкція, Іосифу слѣдуетъ „во всемъ быти опасну и бережну". Точно также инструкція предписываетъ, чтобы Іосифъ приказалъ и всѣмъ сопровождавшимъ его духовнымъ и мірскимъ лицамъ, „чтобы они со святѣйшими вселенскими патріархи и съ людьми, которые съ ними, патріархи, будутъ, о томъ ничего не говорили же, и были во всемъ опасны".—4-го августа къ патріархамъ посланы были, въ качествѣ приставовъ, полуголовы московскихъ стрѣльцовъ Борисъ Пазухинъ и Лука Изъѣдиновъ, а также подъячій Порфирій Оловениковъ, которому вручена была и казна на расходы патріарховъ въ пути. Приставамъ велѣно было „держать къ патріархамъ всякое береженье и учтивость" и постоянно сопровождать патріарховъ, оказывая имъ въ пути всякія услуги. Но кромѣ обереганья патріарховъ на приставовъ возлагалась еще обязанность: наблюдать за патріархами и за всѣми ихъ спутниками, чтобы они не имѣли съ кѣмъ либо письменныхъ сношеній. Въ инструкціи, правленной рукою государя, говорится: „приказать полуголовамъ Борису Пазухину и Лукѣ Изъѣдинову, чтобъ они смотрили и берегли накрѣпко, чтобъ къ патріархомъ ни отъ кого ни съ какими письмами никто не подъѣзжали, также бы и отъ нихъ, патріарховъ, ни къ кому никакихъ писемъ въ посылкѣ не было, да и Мелетію дьякону приказать, чтобъ онъ о томъ приказалъ, кто къ нему пріятнѣе и вѣрнѣе, чтобъ они того смотрили и берегли накрѣпко". Но наблюденіемъ надъ патріархами со стороны приставовъ не ограничились, а рѣшились подкупить племянника антіохійскаго патріарха архидіакона Павла, а если можно, то и племянника александрійскаго патріарха, чтобы и они тщательно слѣдили, какъ бы къ патріархамъ не поступило какихъ-либо писемъ, а также бы и отъ нихъ никому не посылались письма, а если къ нимъ и будутъ

присылаться письма, то ихъ обязательно перехватывать и не допуская до патріарховъ, пересылать въ Москву. Въ царской инструкціи говорится: „поговорить дьякону Мелетію, чтобъ онъ поговорилъ антіохійскаго патріарха сыну ево, архидьякону, чтобъ онъ великому государю послужилъ и радѣніе свое показалъ, провѣдывалъ бы накрѣпко, чтобъ къ патріархомъ ни отъ ково ни съ какими письмами никто не подъѣзжалъ, также бы и отъ патріарховъ ни къ кому никакихъ писемъ въ посылкѣ не было, а будетъ про какіе письма провѣдаетъ, и ему бъ тѣхъ писемъ до патріарховъ не допустить и всякими мѣрами промышлять, чтобъ тѣ письма у тѣхъ людей взять ему, архидьякону, себѣ и прислать къ Москвѣ. А за то ему, архидьякону, дать государева жалованья 30 золотыхъ, будетъ отъ него впрямъ въ томъ чаять промыслу. А будетъ ему, Мелетію, и александрѣйскаго папы и патріарха Киръ Паисѣя племянникъ архидьяконъ вѣренъ, и ему о томъ говорить тайнымъ же обычаемъ и дать ему то жъ, будетъ отъ него чаять промыслу. А для тѣхъ роздачъ послано сто золотыхъ червонныхъ, а кому сколько тѣхъ золотыхъ и денегъ дастъ, и то велѣть писать имянно“ [1]).

13 октября государь назначилъ для встрѣчи патріарховъ, которые уже находились недалеко отъ Владиміра, Артомона Сергѣевича Матвѣева. Съ нимъ царь посылалъ патріархамъ свою привѣтственную грамоту, въ которой писалъ: „ради вашего пречестнаго архіерейскаго достоинства, на стрѣтеніе нашимъ царскаго величества словомъ, послахомъ нашего царскаго величества вѣрнаго человѣка, полковника и хиліарха Артамона Сергѣевича Матвѣева, иже въ духовныхъ обученіяхъ и къ царстей и святительстей чести належащихъ гражданскихъ поступкахъ зѣло обрѣтается благоискусенъ, наказавше ему, да вашу преосвященную вышнему Богу пречестность узрѣвъ, нашимъ царскаго величества повелѣніемъ о вашего преблаженства спасенномъ пребываніи увѣдѣвъ, вашея достойныя чести святыни належащій къ нашему царствующему граду путь уготовитъ“. Въ то же время Матвѣеву дана была государемъ очень характерная инструкція. „Да полковнику жъ и головѣ стрѣлецкому Артомону Сергѣевичу, говоритъ инструкція, опознався съ патріархи и со всѣми

[1]) Дѣло патр. Никона, стр. 247—248. Гиб. II, 937—938.

людьми, развѣдывать въ разговорехъ у патріаршихъ приказныхъ людей и у иныхъ, у кого мочно: нынѣ они, патріархи, патріаршества свои во Александріи і во Антіохіи держатъ-ли, и нѣтъ-ли ково на ихъ мѣсто иныхъ патріарховъ, и къ великому государю отъ всѣхъ вселенскихъ патріарховъ есть-ли какой приказъ? А провѣдывать про то въ разговорехъ не явнымъ обычаемъ. Да ему жъ смотрѣть и беречь накрѣпко въ городѣхъ и на станѣхъ: нѣтъ-ли съ ними сверхъ тѣхъ людей, которые съ ними отпущены изъ Астрахани и которыхъ имена даны ему въ росписи подъ наказомъ, и о тыхъ прибылыхъ людей и подсылокъ отъ бывшаго патріарха Никона и отъ казанскаго митрополита, и отъ Микиты Зюзина, и чтобъ хто къ патріархомъ писемъ отъ нихъ какихъ не поднесъ, остерегать того накрѣпко съ большимъ опасеньемъ. А что съ нимъ дорогою ѣдучи патріархи поговорятъ и что онъ у нихъ провѣдаетъ, и о томъ о всемъ писати къ великому государю къ Москвѣ. А буде гдѣ въ соборѣ (гдѣ патріархи пожелаютъ быть у литургіи) придутъ къ патріархомъ ко благословенію воеводы и приказные и иныхъ чиновъ знатные люди, и тѣхъ людей ко благословенію къ патріархомъ пускать *при себѣ*, а безъ себя никому къ патріархомъ ходить не велѣть“ [1]).

Очевидно въ Москвѣ усиленно заботились о томъ, какъ бы патріархи не вошли, еще на пути въ Москву, въ непосредственныя письменныя сношенія или съ самимъ Никономъ, или его друзьями и сторонниками, смотрящими на дѣло Никона иначе, чѣмъ правительство. Въ Москвѣ хотѣли, чтобы патріархи все узнали о дѣлѣ Никона только изъ одного источника—отъ самого московскаго правительства и только на основаніи отсюда полученныхъ свѣдѣній составили о немъ свое предварительное представленіе. Въ высшей степени характерно и то обстоятельство, что Матвѣеву поручалось государемъ негласно и незамѣтно разузнать: дѣйствительные-ли они патріархи и нѣтъ-ли на ихъ каѳедрахъ другихъ лицъ? Понятно, что у нашего правительства были свои серьезныя основанія задаваться подобнымъ вопросомъ. Дѣйствительно, еще 11-го іюня, т. е. до пріѣзда патріарховъ въ Астрахань, въ Москвѣ получена была грамота

---

[1]) Греческія дѣла 7175 г. № 9.

отъ греческаго, проживавшаго въ Кіевѣ, митрополита Іоанникія, въ которой онъ извѣщалъ государя, что константинопольскій патріархъ Діонисій смѣненъ, а на его мѣсто поставленъ Парѳеній, о которомъ говорятъ, что онъ немилосердъ. Про александрійскаго патріарха говорятъ, что онъ будто бы пошелъ къ Москвѣ, за что на него озлобился патріархъ Парѳеній и хотѣлъ на его мѣсто поставить родосскаго митрополита. Но такъ какъ нѣкто изъ клириковъ сказалъ Парѳенію, что александрійскій пошелъ не въ Москву, а къ арабамъ просить милостыни, то отправлены были гонцы разслѣдовать дѣло, и если александрійскій дѣйствительно пошелъ къ Москвѣ, то на его мѣсто будетъ поставленъ другой [1].

Между тѣмъ патріархи, на пути въ Москву, держали себя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно своебразно и самъ государь скоро убѣдился, что наблюденіе надъ ихъ поведеніемъ дѣло далеко нелишнее. Алексѣй Михаиловичъ получилъ извѣстіе, что вселенскіе патріархи везутъ съ собою изъ Астрахани въ Москву двухъ сосланныхъ туда, по указу государя, лицъ: наборщика Ивана Лаврентьева и нѣкоего Ивана Туркина. Это извѣстіе произвело на Алексѣя Михаиловича очень тяжелое впечатлѣніе, такъ что онъ рѣшилъ нарочно писать объ этомъ сопровождавшему патріарховъ іеродіакону Мелетію. „Намъ, великому государю, писалъ царь, вѣдомо учинилось, что вселенскіе патріархи везутъ съ собою изъ Астрахани къ Москвѣ печатнаго двора наборщика Ивана Лаврентьева, котораго по нашему, великаго государя, указу велѣно сослать изъ Астрахани на Терекъ за воровство, что онъ, будучи на Москвѣ, на печатномъ дворѣ завелъ латинское воровское согласіе и рымскіе многіе соблазны. Да они жъ де везутъ съ собою къ Москвѣ гостя Васильева человѣка Шорина Ивашка Туркина, которой писалъ къ воровскимъ казакомъ воровскіе грамотки, и по тѣмъ ево воровскимъ Ивашковымъ грамоткамъ тѣ казаки нашъ, великаго государя, насадъ и торговыхъ многихъ людей суды и многихъ людей побили до смерти. И тебѣ бъ (т. е. Мелетію) имъ, вселенскимъ патріархомъ, говорить о томъ, чтобъ они съ нами, великимъ государемъ, не ссорились, тѣхъ воровъ, Ивашка Лаврентьева и Ивашка Туркина, съ собою къ Москвѣ

[1] Греческія дѣла 7174 г. № 68.

не возили, потому что Ивашка Лаврентьевъ воръ и латинщикъ и во святѣй соборной церкви учинилъ было многое смятеніе и всѣмъ православнымъ крестьяномъ соблазнъ. А по Ивашкову письму Туркина учинились многіе смертные убійства и грабежи; и чтобъ они тѣхъ воровъ отдали въ городѣхъ воеводамъ и велѣли ихъ держать вкрѣпи до нашего великаго государя указу". Но патріархи все-таки не исполнили требованія государя, а привезли съ собою въ Москву обоихъ ссыльныхъ: Лаврентьева и Туркина, да сверхъ росписи бывшихъ при нихъ лицъ, еще „объявилось 20 человѣкъ" [1]).

Еще менѣе стѣснялись патріархи на пути въ Москву проявлять свою церковную власть, какъ вселенскихъ патріарховъ, относительно лицъ и дѣлъ духовныхъ. Въ своемъ письмѣ къ государю съ Волги, еще до прибытія въ Саратовъ, патріархи заявляютъ, что они призваны государемъ „ко исправленію Христовѣ церкве". Какъ тогда они понимали эту свою высокую задачу, видно изъ слѣдующаго. Встрѣтить патріарховъ отъ государя и собора посланъ былъ Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря архимандритъ Павелъ. Онъ встрѣтилъ патріарховъ не доѣзжая до Арзамаса и, по исполненіи возложеннаго на него порученія, былъ приглашенъ патріархами къ столу. По окончаніи трапезы, доносилъ въ Москву архимандритъ Павелъ, „патріархи спрашивали меня о крестномъ знаменіи: како-де у васъ православные крестьяне крестъ воображаютъ на лицы своемъ? И язъ имъ показалъ три перста, сложа во образъ Пресвятые Троицы, а два пригнувъ. И они, воззрѣвъ на небо, вздохнувъ со слезами (сказали): истинно де тако достоитъ крестъ воображати на лицы своемъ православнымъ христіянамъ. Потомъ спрашивали: како архіереи благословеніе преподаютъ? И язъ имъ такожде, сложа крестъ, показалъ. И они благодарствуютъ Бога, что де съ нами въ соединеніе православные вѣры. Потомъ спрашивали о клобукахъ: какіе де клобуки митрополиты носятъ, и архіепископы и епископы? И язъ сказалъ: митрополиты носятъ бѣлые клобуки, архіепископи и епископы черные. А вы де, монахи, всѣ-ли носите клобуки и камилавки и рясы греческіе? И язъ сказывалъ:

[1]) Гиб. II, 932, 990.

что не всѣ носятъ греческіе. И указали мнѣ ѣхать съ собою до Мурома“ [1]).—Вопросы очень характерные для патріарховъ, призванныхъ государемъ „ко исправленію Христовы церкви“.

По существующимъ каноническимъ правиламъ, всегда, всюду и для всѣхъ православныхъ обязательнымъ, ни одинъ епископъ не можетъ дѣйствовать архіерейски въ чужой епархіи, безъ согласія и разрѣшенія мѣстнаго архіерея, тѣмъ болѣе онъ не можетъ творить въ чужой епархіи судъ и расправу надъ мѣстнымъ духовенствомъ. Но ѣхавшіе въ Москву восточные патріархи рѣшительно пренебрегли этимъ коренным и общеизвѣстнымъ каноническимъ правиломъ и, вопреки ему, самовольно, проѣзжая въ Москву, творили надъ мѣстнымъ русскимъ духовенствомъ судъ и расправу, какъ будто проѣзжали по своимъ собственнымъ епархіямъ. Сопровождавшіе патріарховъ приставы, Пазуховъ и Изъѣденовъ, доносили въ Москву государю: „вселенскіе патріархи пришли, государь, изъ Синбирска на Алатырь сентября въ 30 день, а съ Алатыря пошли къ Арзамасу октября во 2 день. А дорогою, государь, идучи святѣйшіе вселенскіе патріархи по городомъ и по селомъ челобитные принимаютъ въ духовныхъ дѣлахъ и розыски чинятъ: и въ Синбирску, государь, протопопа Микифора за ослушанье и за непокоренье о крестномъ знаменіи и за то, что не служитъ по новымъ служебникомъ, остригли и въ тюрьму приказали посадить. Да въ Синбирску жъ, государь, дѣвичья монастыря дьякона остригли за то, что приведенъ былъ ко вселенскимъ патріархомъ того же монастыря съ старицею въ блудномъ дѣлѣ, а старицу приказали держать подъ крѣпкимъ началомъ. Да по Синбирскому, государь, валу города Уреня остригли попа Михайла по челобитью дочери духовной въ блудномъ дѣлѣ и по сыску стороннихъ поповъ и многихъ людей. И иные государь, духовныя дѣла розыскиваютъ и вершатъ“ [2]).

И нѣкоторыми другими своими заявленіями по дорогѣ въ Москву восточные патріархи вызывали недоумѣнія въ самомъ московскомъ правительствѣ. Такъ въ письмѣ къ царю, еще до своего прибытія въ Саратовъ, патріархи заявляютъ, что такъ какъ они призваны царемъ для исправленія церкви

---

[1]) Дѣло п. Никона, стр. 267.
[2]) Гиб. II, 961.

Христовой, т. е. русской, „то многія великія дѣла да будутъ готовы до пришествія нашего смиренія“. Въ то же время патріархи заявляютъ государю: „пріидемъ вскорѣ къ тебѣ, великому государю, *для многихъ нашихъ великихъ нужнѣйшихъ дѣлъ, и въ тѣхъ дѣлѣхъ бѣдствуютъ наши вселенскіе престолы*“. Въ другой граматѣ, отъ 20 августа, патріархи пишутъ государю: „егда бывахомъ въ Астрахани, повелѣхомъ Мелетію отписати къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ, яже бы призвати и бѣлорусскихъ властей въ соборъ: архіереовъ и архимандритовъ и прочихъ, и нынѣ убо второе восписуемъ, да послано будетъ твое царское повелѣніе до нихъ и да пріидутъ и тые да будутъ вкупѣ со священнымъ соборомъ“. Въ граматѣ къ Матвѣеву отъ 24 октября царь пишетъ: „вѣдомо намъ, великому государю, учинилось, что вселенскіе патріархи говорили стольнику нашему Петру Хитрово, чтобъ къ ихъ пріѣзду изготовить судебная палата; и тебѣ бъ ево, Мелетія, допросить: для своихъ ли имъ дѣлъ та палата имъ надобна и на томъ ли дворѣ, гдѣ имъ стоять, или особо“. Это послѣднее требованіе патріарховъ, заранѣе приготовить въ Москвѣ къ ихъ пріѣзду судебную палату, особенно сильно встревожило наше правительство, недоумѣвавшее: зачѣмъ патріархамъ потребовалась какая-то особая судебная палата? Но особенно сильно это требованіе патріарховъ встревожило Паисія Лигарида, который подумалъ, что патріархи хотятъ судить именно его и потому поспѣшилъ просить защиты у царя. Тревоги оказались напрасными [1]).

2-го ноября патріархи прибыли въ Москву, гдѣ имъ устроена была самая торжественная встрѣча въ трехъ мѣстахъ: у Покровскихъ воротъ на Земляномъ валу, на Лобномъ мѣстѣ Красной площади и въ Кремлѣ у Успенскаго собора. Въ этихъ трехъ встрѣчахъ участвовали, по ранѣе составленному церемоніалу, всѣ собравшіеся тогда въ Москву русскіе архіереи, а также жившіе въ Москвѣ греческіе іерархи, великое множество духовенства какъ бѣлаго, такъ и чернаго, причемъ духовенство встрѣчало патріарховъ въ дорогомъ блестящемъ облаченіи, со множествомъ предносимыхъ крестовъ и иконъ, украшенныхъ драгоцѣнными ризами; всюду звонили московскіе колокола. При каждой встрѣчѣ ея пред-

---

[1]) Гиб. II, 928, 930, 989.

стоятель: у Покровскихъ воротъ сарскій митрополитъ Павелъ, на Лобномъ мѣстѣ казанскій митрополитъ Лаврентій и у Успенскаго собора новгородскій митрополитъ Питиримъ говорили каждый патріархамъ привѣтственныя очень витіеватыя, но въ то же время совершенно безсодержательныя рѣчи. Послѣ торжественныхъ встрѣчь и рѣчей патріарховъ водворили на приготовленныя для нихъ въ Кремлѣ подворья.

4-го ноября патріархи торжественно приняты были государемъ, приглашены имъ къ столу, а 5-го числа снова были у государя и бесѣдовали съ нимъ наединѣ часа четыре. Въ чемъ состояла эта продолжительная бесѣда государя съ патріархами, мы не знаемъ. Вѣроятно въ этой бесѣдѣ самъ государь познакомилъ патріарховъ съ дѣломъ Никона, высказалъ свой взглядъ на то, чего онъ ожидалъ отъ московской дѣятельности патріарховъ и, конечно, постарался узнать отъ нихъ, насколько они согласны дѣйствовать на соборѣ въ духѣ желаній и цѣлей московскаго правительства.

Чрезъ день послѣ тайной бесѣды государя съ патріархами, именно 7-го ноября, они приглашены были государемъ въ его столовую избу, гдѣ уже собрались всѣ русскіе іерархи, бояре, окольничіе и думные люди. Государь лично открылъ образовавшееся предсоборное присутствіе и лично изложилъ предъ всѣми дѣло объ отшествіи съ патріаршаго престола Никона. Послѣ этого духовныя власти подали сказки за своими руками, а также ранѣе приготовленныя выписки изъ разныхъ правилъ, относившіяся къ дѣлу Никона т. е. ими были представлены всѣ матеріалы, ранѣе собранные и приготовленные по дѣлу Никона и все это было передано патріархамъ, которымъ, для ознакомленія съ матеріаломъ, дано было двадцать дней. Само собою понятно, что патріархи неизбѣжно должны были имѣть при себѣ особыхъ переводчиковъ съ русскаго языка на греческій и такихъ лицъ, которые бы хорошо были знакомы какъ съ дѣломъ Никона, такъ и съ тогдашнимъ положеніемъ русскихъ церковныхъ дѣлъ. Для ознакомленія съ дѣломъ Никона къ патріархамъ спеціально прикомандированъ былъ одноязычный съ ними газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ. Онъ самъ объ этомъ разсказываетъ: „патріархи просили государя придать имъ одноязычнаго съ ними Паисія газскаго, знакомаго съ дѣ-

ломъ о Никонѣ. Государь отвѣчалъ: „имѣйте его отнынѣ при себѣ, отъ него узнаете все подробно“. Какъ Лигаридъ, заклятый врагъ Никона, постоянно стремившійся къ его конечному осужденію и низверженію, исполнилъ возложенное на него порученіе,—хорошо можно видѣть изъ той записки, какую онъ составилъ о Никонѣ и подалъ патріархамъ, въ видахъ ихъ ознакомленія съ дѣломъ Никона. Въ этой докладной запискѣ Лигарида Никонъ обвинялся въ томъ, „что онъ дерзнулъ поставить свой тронъ выше другихъ, сталъ поражать благодѣтелей своихъ и терзать, подобно ехиднѣ, родную мать свою-церковь. Но тотъ, кто смиряетъ надменныхъ, развѣялъ какъ паутину его замыселъ именоваться патріархомъ и папою(?), нарушая должное почтеніе къ истинному папѣ и патріарху александрійскому, которому принадлежитъ это титло искони и понынѣ канонически... И іерусалимскаго патріарха оскорбилъ онъ, наименовавъ себя патріархомъ новаго Іерусалима, (ибо онъ безстыдно и невѣжественно назвалъ новую обитель свою новымъ іерусалимомъ) забывая, что Софроній раздѣляетъ Іерусалимъ на древній—христоубійственный и новый—порождающій благочестіе. Никонъ хотѣлъ подчинить себѣ и антіохійскій престолъ(?), гдѣ впервые послышалось названіе христіанъ, стараясь обманчивою подписью(?) быть третьепрестольнымъ. Онъ обидѣлъ вселенскій тронъ захватомъ престола кіевскаго, сего первопрестольнаго града равноапостольнаго Владиміра, желая, чтобъ его торжественно поминали такъ: Божіею милостію Никонъ, архіепископъ московскій и всея великія и малыя и бѣлыя Руси патріархъ. Онъ придумалъ, что такъ какъ Александрія вслѣдствіе обстоятельствъ опустѣла и не служитъ болѣе жилищемъ патріарху, и Антіохія тоже распалась, то патріархи александрійскій и антіохійскій незаконно именуются патріархами. Такимъ образомъ онъ по-іудейски прикрѣпляетъ власть къ мѣсту, но благодать Духа не ограничивается мѣстомъ, но всюду свободно расширяется“. Затѣмъ Паисій изображаетъ Никона церковнымъ новаторомъ, который „поколебалъ уставъ и древнее церковное преданіе“, заявляетъ, что Никонъ былъ рукоположенъ въ другой разъ и потому „никогда не былъ законнымъ патріархомъ“ и т. под. [1]).

---

[1]) Сочиненіе Паисія Лигарида о судѣ надъ Никономъ, ч. II, гл. 11.

Очевидно докладная записка Лигарида, имѣвшая въ виду предварительно ознакомить патріарховъ съ дѣломъ Никона, составлена была крайне тенденціозно и расчитана на то, чтобы заранѣе настроить и вооружить патріарховъ противъ Никона, показать въ немъ ихъ личнаго врага, покушавшагося отнять у нихъ ихъ достоинство и честь, причемъ Лигаридъ не поскупился относительно Никона и на разныя выдумки и очевидныя несправедливости.

28 ноября въ государевой столовой избѣ собрались: патріархи, всѣ русскіе и греческіе архіереи, архимандриты, игумены, бояре, окольничіе и думные люди. Государь говорилъ собравшимся о самовольномъ оставленіи Никономъ патріаршей каѳедры, о томъ, что русская церковь остается безъ верховнаго пастыря уже девятый годъ и просилъ патріарховъ, чтобы они, „святѣйшіе патріархи, учинили о томъ по правиламъ святыхъ апостолъ и по преданію святыхъ отецъ седми вселенскихъ соборовъ и по своему разсмотрѣнію“. На это предложеніе царя патріархи отвѣтили, что по правиламъ св. апостолъ и св. отцовъ вселенскихъ соборовъ слѣдуетъ послать за патріархомъ Никономъ и позвать его на соборъ, на которомъ онъ долженъ дать отчетъ о его самовольномъ отшествіи изъ Москвы и о другихъ церковныхъ винахъ. Рѣшено было немедленно послать къ Никону въ Воскресенскій монастырь звать его на соборъ: псковскаго архіепископа Арсенія, Спасскаго ярославскаго монастыря архимандрита Сергія и архимандрита суздальскаго Спасскаго Евѳиміева монастыря Павла. 29 ноября посланные доносили, что Никонъ, на ихъ приглашеніе немедленно ѣхать въ Москву „извѣстія ради всякихъ духовныхъ вещей“, отвѣтилъ имъ такъ: „я-де поставленіе святительства и престолъ патріаршій имѣю не отъ александрійскаго, ни отъ антіохійскаго патріарховъ, но отъ константинопольскаго, а патріархи-де алексадрійскій и антіохійскій и сами живутъ не во Александріи и не во Антіохіи; александрійскій-де живетъ во Египтѣ, а антіохійскій—въ Дамасцѣ; а если-де александрійскій и антіохійскій патріархи по согласію съ константинопольскимъ и еросалимскимъ пришли въ царствующій градъ Москву для духовныхъ вещей, и какъ-де онъ соберется и въ царствующій градъ Москву придетъ для духовныхъ вещей извѣстіа ради, а собранію своему и поѣзду

къ Москвѣ времени не объявилъ“. Этотъ отвѣтъ Никона понятъ былъ, какъ его отказъ немедленно явиться на соборъ, почему 30 ноября патріархи, въ согласіи съ государемъ, рѣшили еще два раза позвать на соборъ Никона чрезъ особыхъ назначенныхъ для этого двухъ архимандритовъ. А пока тѣ ѣздили къ Никону, собравшіеся у государя въ столовой избѣ патріархи и другіе стали слушать чтеніе свитка, заключавшаго въ себѣ отвѣты четырехъ патріарховъ на царскіе вопросы, ранѣе привезенные съ востока грекомъ іеродіакономъ Мелетіемъ. По прочтеніи свитка патріархи признали заключающіеся въ немъ отвѣты патріарховъ подлинными и въ то же время обратились ко всѣмъ присутствующимъ съ вопросомъ: на основаніи прочитаннаго свитка виновенъ-ли Никонъ въ безпричинномъ и произвольномъ оставленіи имъ патріаршей каѳедры? На этотъ вопросъ всѣ присутствовавшіе на соборѣ архіереи и другія духовныя лица, а также бояре, окольничіе и думныя люди, отвѣчали, что по патріаршимъ свиткамъ „бывшій Никонъ патріархъ повиненъ во всемъ и отъ патріаршества имѣетъ быти отлученъ“. Кромѣ того, присутствовавшіе на засѣданіи архіереи указали патріархамъ на то обстоятельство, что они ранѣе, на своемъ соборѣ, уже изучали и выписывали церковныя правила по отношенію къ дѣлу Никона и пришли къ тому же заключенію, что и патріаршіе свитки. Съ своей стороны государь представилъ патріархамъ челобитную Никона къ государю о рыбныхъ ловляхъ, при чемъ заявилъ: „въ той челобитной написано на него, великаго государя, многіе клятвы и укоризны, чего и помыслить страшно; а выписано изъ книгъ приводами, въ которыхъ книгахъ написано на нечестивыхъ царей“. Эту челобитную Никона патріархи взяли къ себѣ.

Такимъ образомъ оказывается, что еще до соборнаго суда надъ Никономъ, дѣло его уже рѣшено было окончательно на предсоборныхъ собраніяхъ, на которыхъ патріархи, архіереи и весь освященный соборъ, т. е. все остальное духовенство, а также бояре, окольничіе и думные люди, признали Никона во всемъ виновнымъ и отлученнымъ отъ патріаршества. Послѣ этого самый соборный судъ надъ Никономъ по существу дѣла былъ только простою формальностію и не могъ имѣть вліянія на исходъ предрѣшеннаго суда.

Въ ночь подъ первое декабря Никонъ прибылъ въ Москву.

Предъ своимъ отъѣздомъ Никонъ „исповѣдывался и причащался и масломъ освящался“ т. е. приготовился какъ бы къ смерти.

1-го декабря въ царской столовой избѣ былъ открытъ для суда надъ Никономъ соборъ, на которомъ присутствовали: царь съ своими боярами, окольничими и думными, восточные патріархи съ другими греческими архіереями, всѣ русскіе архіереи и другіе духовные члены освященнаго собора.

На соборѣ царь прежде всего поставилъ слѣдующіе вопросы: кого слѣдуетъ послать звать Никона на соборъ? Патріархи отвѣтили, что звать Никона на соборъ долженъ архіерей съ двумя архимандритами. На вопросъ царя: можно-ли допустить, чтобы Никонъ шелъ на соборъ съ преднесеніемъ креста и евангелія, или потребовать отъ него, чтобы онъ шелъ на соборъ „смиреннымъ образомъ“, патріархи отвѣтили, что Никонъ можетъ идти на соборъ съ чѣмъ хочетъ. На вопросъ царя: гдѣ посадить Никона, когда онъ придетъ на соборъ, и что дѣлать, если Никонъ откажется на соборѣ сѣсть, или даже совсѣмъ откажется придти на соборъ? патріархи отвѣтили: что Никонъ долженъ сѣсть, по приходѣ на соборъ, на лавку по правую сторону отъ мѣста государя, а во время допроса долженъ стоять, если же Никонъ не захочетъ сѣсть, то это его дѣло; а если Никонъ не захочетъ придти на соборъ, то они, святѣйшіе патріархи, „учнутъ ево, Никона, обличать за очи“.

Звать Никона на соборъ посланъ былъ Меѳодій, епископъ мстиславскій, съ двумя архимандритами. Хотя патріархи и разрѣшили Никону идти на соборъ съ преднесеніемъ креста, но Меѳодій, вѣроятно получивъ на это инструкцію, старался уговорить и заставить Никона идти на соборъ безъ преднесенія креста. Но Никонъ, всегда такъ чувствительный къ малѣйшему проявленію своего патріаршаго достоинства, рѣшительно отказался идти на соборъ „смиреннымъ образомъ“ и упрямо настаивалъ на томъ, что онъ пойдетъ съ преднесеніемъ креста. Между Меѳодіемъ и Никономъ произошли объ этомъ долгія пререканія, о которыхъ немедленно докладывалось собору, и послѣдній согласился наконецъ, чтобы Никонъ шелъ съ преднесеніемъ креста. Никонъ сѣлъ въ сани и отправился на соборъ. Проѣзжая мимо Успенскаго собора, гдѣ въ то время совершалась литургія, Никонъ оста-

новился и хотѣлъ было зайти помолиться, но ранѣе открытыя двери собора при его приближеніи немедленно закрылись и онъ не былъ впущенъ въ соборъ. То же самое произошло съ нимъ и предъ Благовѣщенскимъ соборомъ. Около послѣдняго стояли богато украшенныя сани восточныхъ патріарховъ, Никонъ приказалъ и свои очень простыя сани обязательно поставить рядомъ съ патріаршими. Подходя къ залѣ, гдѣ происходили соборныя засѣданія, Никонъ направился было къ открытымъ дверямъ залы. Но какъ только онъ подошелъ къ нимъ двери предъ нимъ немедленно были закрыты и онъ принужденъ былъ стоять предъ ними довольно значительное время. Въ это время въ соборной залѣ обсуждался вопросъ: слѣдуетъ или нѣтъ встать, когда въ залу войдетъ Никонъ? Рѣшили не вставать. Наконецъ Никонъ былъ впущенъ въ соборную залу, а такъ какъ онъ шелъ съ преднесеніемъ креста, то, увидѣвъ крестъ, первый всталъ царь, а за нимъ и всѣ другіе члены собора. Затѣмъ всѣ сѣли на свои мѣста. Для Никона, какъ патріарха, не было приготовлено особаго мѣста и ему предложили патріархи сѣсть на обыкновенную скамью, по правую сторону отъ мѣста государя. Никонъ отказался сѣсть на указываемое ему мѣсто и заявилъ: „мѣста-де я себѣ, гдѣ сидѣть, не вижу, а съ собою мѣста не принесъ, а пришелъ онъ провѣдать, для чего его звали“. Государь видя, что Никонъ не сѣлъ, сошелъ съ своего царскаго мѣста и сталъ у стола, за которымъ сидѣли патріархи. Предъ ними, пришлыми восточными патріархами-милостынесобирателями, какъ предъ своими судьями, стояли теперь, въ качествѣ подсудимыхъ, самъ великій государь царь и московскій патріархъ, ранѣе тоже величавшій себя великимъ государемъ. Начался судъ.

Первый сталъ говорить царь, какъ обвинитель Никона. „Отъ начала де Московскаго государства, началъ свою обличительную рѣчь государь, соборной и апостольской церкви такого безчестія не бывало, какъ учинилъ бывшій патріархъ Никонъ; для своихъ прихотей, самовольно, и безъ нашего царскаго величества повелѣнія и безъ соборнаго совѣту, тоѣ соборную и апостольскую церковь оставилъ и патріаршества отрекся, никѣмъ гонимъ, и отъ того его отшествія многія смуты и мятежи учинились, и соборная апостольская церковь вдовствуетъ безъ пастыря тому нынѣ девятый годъ.

И то-бъ его, бывшаго патріарха Никона допросить: для чего онъ, бывшій патріархъ Никонъ, патріаршій престолъ оставилъ и сшелъ въ Воскресенскій монастырь?“ На этотъ вопросъ Никонъ отвѣтилъ, что когда, во время пріѣзда къ государю грузинскаго царя Теймураза, окольничій Хитрово побилъ безпричинно посланнаго имъ, Никономъ, человѣка и онъ просилъ у государя удовлетворенія за оскорбленіе его слуги, то царь не только не далъ удовлетворенія, но пересталъ и на праздники ходить въ церковь туда, гдѣ служилъ Никонъ, и наконецъ прислалъ къ нему князя Ромодановскаго, который отъ имени царя заявилъ Никону, что государь на него гнѣвенъ, зачѣмъ онъ пишется великимъ государемъ и чтобы впредь такъ не писался, „и онъ-де, Никонъ, писался такъ по повелѣнію великаго государя“. И вотъ онъ, слыша о царскомъ гнѣвѣ на него, оставилъ соборную церковь и отправился на свое Воскресенское подворье, гдѣ три дня (?) ожидалъ, что царь пришлетъ за нимъ. Но такъ какъ отъ царя никакой присылки не было, то онъ и уѣхалъ на жительство въ свой Воскресенскій монастырь. На эту рѣчь Никона государь отвѣтилъ, что Хитрово ударилъ патріаршаго человѣка за его невѣжество и то безчестье къ Никону патріарху не относится; а въ два праздника онъ не являлся къ церковнымъ службамъ, которыя совершалъ Никонъ, потому, что задержанъ былъ государственными дѣлами; а къ Никону патріарху онъ, государь, посылалъ князя Трубецкаго и Окольничего Стрешнева, чтобы Никонъ возвратился на свой патріаршій престолъ, но онъ-де имъ отказалъ. На вопросъ патріарховъ: какія Никону были обиды отъ государя? онъ отвѣчалъ, что обидъ ему отъ царя не было, но царь на него началъ гнѣваться и не сталъ ходить въ церковь, почему онъ, Никонъ, и оставилъ патріаршество.—Патріархи говорили, что Никонъ, оставляя патріаршій престолъ, отрекся самаго патріаршества и публично заявилъ, что если онъ впредь захочетъ быть патріархомъ, то да будетъ анаѳема. Никонъ на это возразилъ, что онъ патріаршества не отрекался, такъ какъ взялъ съ собою архіерейскую мантію: „то-де на меня затѣяли“.

Послѣ этого царь предъявилъ противъ Никона слѣдующее обвиненіе: „бывшій патріархъ Никонъ писалъ въ грамотахъ своихъ къ нимъ, святѣйшимъ патріархомъ, на него, госу-

даря, многія безчестья и укоризны, а онъ, великій государь, на него, бывшаго патріарха, къ нимъ, святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ, на него, Никона, никакаго безчестія и укоризны не писывалъ, и чтобъ его, Никона, допросить: все-ли онъ истину, безъ всякаго прилога, въ грамотахъ своихъ къ святѣйшимъ патріархомъ писалъ, и за церковные-ли догматы онъ стоялъ, и Іосифа патріарха за святѣйшаго и братомъ себѣ почитаетъ-ли, и церковныя движимыя и недвижимыя вещи продавалъ-ли?“ На это Никонъ отвѣтилъ: „что-де въ граматахъ писано, то и писано, а стоялъ-де онъ за церковные догматы, а Іосифа патріарха почитаетъ онъ за патріарха, а святъ-ли онъ, того не вѣдаетъ, а церковныя вещи продавалъ онъ по государеву указу“.

По повелѣнію государя начали читать грамату Никона къ константинопольскому патріарху Діонисію. Когда прочли то мѣсто граматы, что онъ, Никонъ, посыланъ былъ въ Соловецкій монастырь за мощами святаго митрополита Филиппа, „его же мучи царь Иванъ неправедно“, то возмущенный этимъ Алексѣй Михаиловичъ говорилъ: „для чего онъ, Никонъ, такое безчестіе и укоризну блаженные памяти великому государю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руссіи написалъ?“ и сталъ далѣе говорить, что о себѣ Никонъ утаилъ, какъ онъ единолично, безъ собора извергъ епископа Павла Коломенскаго, „ободралъ съ него святительскія одежды“ и заточилъ его въ Хутынскій монастырь, гдѣ онъ пропалъ безвѣстно, и потому пусть допросятъ Никона: „по которымъ правиломъ то онъ учинилъ?“ Никонъ относительно укоризнъ на царя Ивана Васильевича промолчалъ, а относительно Павла коломенскаго замѣтилъ, что не помнитъ по какимъ правиламъ низвергъ его, „а есть-де о томъ на патріаршемъ дворѣ дѣло“.

Такъ какъ въ грамотѣ Никона къ константинопольскому патріарху написано про великаго государя „многое безчестье и укоризны и будто (государь) учалъ вступатца во архіерейскія дѣла“, то царь проситъ патріарховъ допросить Никона: „въ какія архіерейскіе дѣла онъ, великій государь, вступаетца?“ Никонъ на это отвѣтилъ, „что де онъ писалъ, того не помнитъ“. А такъ какъ Никонъ въ грамотѣ къ Діонисію заявлялъ, что онъ оставилъ престолъ ради гнѣва государя

и отправившись въ Воскресенскій монастырь ничего не взялъ съ собою, то государь проситъ патріарховъ допросить Никона: „какой гнѣвъ и обида, и чтобъ съ престола сшелъ, отъ него, великаго государя, ему, Никону, присылка была-ли“? Никонъ долженъ былъ сознаться, что присылки ему отъ государя объ оставленіи престола дѣйствительно не было, но гнѣвъ на него государя сказался въ томъ, что онъ не далъ ему удовлетворенія за оскорбленіе его человѣка окольничимъ Хитрово. Присутствовавшій на соборѣ Хитрово заявилъ, что когда онъ ударилъ палкою человѣка Никона, онъ вовсе тогда не зналъ, что это человѣкъ патріарха и что послѣ онъ просилъ прощенія у Никона за свой проступокъ и Никонъ его простилъ. Всѣ присутствовавшія на соборѣ духовныя и мірскія лица единодушно заявили патріархамъ, что Никонъ оставилъ патріаршество „не отъ обиды, а съ сердца“. Освященный соборъ кромѣ того заявилъ, что Никонъ говоритъ неправду, будто онъ, отправляясь изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь, ничего не взялъ съ собою; въ дѣйствительности, „какъ онъ поѣхалъ съ подворья въ Воскресенской монастырь, и за нимъ повезли его люди сундуки многіе съ рухлядью; да къ нему же отослано изъ патріарши казны денегъ 2000 рублевъ“.

Въ грамотѣ къ патріарху Діонисію Никонъ писалъ объ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича и объ учрежденномъ имъ Монастырскомъ приказѣ „съ великимъ безчестіемъ и укоризною, и будто его (Никона) за то, что онъ говорилъ, что тоѣ книгу (Уложеніе) искоренить, хотѣли убить“. По этому поводу царь говорилъ, что къ Уложенію приложили свои руки: патріархъ Іосифъ, митрополиты, архіепископы, епископы и весь освященный соборъ, „и твоя-де, Никонова, рука, говорилъ царь, къ той книгѣ приложена, какъ ты былъ въ архимандритахъ, и для чего онъ при себѣ, какъ былъ на патріаршествѣ, тое книгу не исправилъ, и кто его за тое книгу хотѣлъ убить?“ На все это Никонъ нашелся только сказать: „что онъ къ той книгѣ руку приложилъ вневолѣ“ и больше ничего не сказалъ.

Въ граматѣ Никона къ патріарху Діонисію было написано, „будто государь посылалъ къ великимъ патріархамъ многіе дары“, конечно съ цѣлію дарами побудить ихъ дѣйствовать въ дѣлѣ Никона такъ, какъ того желаетъ царь. На это го-

сударь заявилъ, что онъ даровъ къ патріархамъ не посылалъ, а только граматами приглашалъ ихъ въ Москву „для умиренія церкви“. А вотъ-де Никонъ дѣйствительно, заявлялъ царь, „посылалъ къ вселенскимъ патріархамъ съ граматами племянника своего и отъ того далъ Черкашенину многіе золотые“. Никонъ заявилъ, что онъ къ патріархамъ никакихъ золотыхъ не посылалъ.

Въ грамотѣ Никона къ патріарху Діонисію говорилось о ссылкѣ государемъ Зюзина и о смерти по этому случаю его жены. По поводу этого обвиненія Никона царь говорилъ, что Зюзинъ за свою вину—призывъ Никона въ Москву безъ повелѣнія государя, достоинъ былъ смертной казни и что жена Зюзина внезапно умерла благодаря Никону, который, никѣмъ не побуждаемый, самъ прислалъ государю всѣ письма къ нему Зюзина. На это обвиненіе въ непохвальной выдачѣ своего друга и доброжелателя Зюзина, послѣдствіемъ чего была внезапная смерть перепугавшейся жены Зюзина, Никонъ нашелся только сказать: „Никитины (Зюзина) письма прислалъ онъ къ великому государю *оправливая себя*“.

Никонъ писалъ константинопольскому патріарху, что латынникъ—газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, предсѣдательствовалъ въ Москвѣ на соборѣ и по его благословенію митрополиты переводились съ одной каѳедры на другую, а также вновь поставлялись русскіе архіереи, „и отъ сего-де беззаконнаго собору преста на Руси соединеніе святыя восточныя церкви и отъ благословенія вашего (т. е. восточныхъ патріарховъ) отлучишася, но отъ римскихъ костеловъ начатокъ пріяша волями своими“. По поводу этого тяжкаго обвиненія Никономъ всей русской церкви государь заявилъ, „что бывшій Никонъ патріархъ такіе великіе укоризны и неправды, забывъ страхъ Божій и праведный Его судъ, писалъ о томъ ко святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ ложно, и тѣмъ соборную и апостольскую церковь и святую православную христіанскую вѣру опорочилъ, и его, великаго государя, и весь освященный соборъ, и его царскаго величества синклитъ, и всѣхъ православныхъ христіанъ отъ благочестивые вѣры и отъ благословенія святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ отчелъ и къ римскимъ костеламъ и къ католицкой вѣрѣ причелъ, и назвалъ всѣхъ еретиками, и только бъ тоево письмо дошло до вселенскихъ святѣйшихъ

патріарховъ, и потому бъ де его затѣйному и ложному письму всѣмъ православнымъ христіаномъ быти подъ клятвою, и за то де его ложное и затѣйное письмо надобно всѣмъ стоять и умирать и отъ того очиститись“. Затѣмъ государь, вмѣстѣ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами, окольничими и думными людьми, обратившись къ патріархамъ, всѣ вмѣстѣ „били имъ челомъ, чтобъ бывшаго Никона патріарха допросить: для чего онъ такъ писалъ и ихъ всѣхъ еретиками назвалъ?“

„И святѣйшіе патріархи бывшаго патріарха Никона допрашивали: чѣмъ отъ соборныя церкви отлучились?“

„И Никонъ сказалъ: отлучились-де отъ соборные церкви и отъ благословенія святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ для того, что газскій митрополитъ Паисѣй Питирима митрополита перевелъ отъ митрополіи въ другую митрополію, а на его мѣсто поставилъ иного митрополита, да и иныхъ-де архіереевъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ же, а ему-де того дѣлать не довелося, потому что онъ отъ еросалимскаго патріарха отлученъ и проклятъ. А хотя бъ де онъ, газской митрополитъ, и не еретикъ былъ, и ему-де на Москвѣ долго быть не для чего, я де его за митрополита не ставлю, у него-де и ставленныя грамоты на свидѣтельство нѣтъ, и мужикъ-де наложитъ на себя мантію, и онъ-де таковъ же митрополитъ,—то-де онъ писалъ все про него, газскаго митрополита, а не о православныхъ христіанехъ“.

„И великій государь, и весь освященный, и его царскаго величества синклитъ говорили святѣйшимъ патріархамъ, что бывшей Никонъ патріархъ писалъ и назвалъ *всѣхъ ихъ еретиками*, а не одного газскаго митрополита, и чтобъ въ томъ учинили указъ по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ“.

„И бывшей Никонъ патріархъ говорилъ великому государю: толко бъ де ты Бога боялся, и ты бъ де не такъ надо мною дѣлалъ“.

Никонъ обвинялъ предъ константинопольскимъ патріархомъ государя въ томъ, что теперь на Москвѣ во всякій церковный чинъ ставятъ и хиротонисаютъ всѣхъ по указу государя, по его же указу собираютъ соборы, судятъ духовныхъ, осуждаютъ и отлучаютъ т. е. что все церковное управленіе теперь находится исключительно въ рукахъ государя.

Царь на это обвиненіе Никона отвѣтилъ, что такъ и всегда ранѣе дѣлалось во время междупатріаршества.

Никонъ обвинялъ государя предъ константинопольскимъ патріархомъ, „что будто великій государь изъ патріарши казны емлетъ на свои протори, а съ митрополичьихъ и съ архіепископлихъ и съ монастырей емлетъ на службу людей и деньги и хлѣбъ немилостиво“. На это обвиненіе царь отвѣтилъ, что если что взято изъ патріаршей казны, то взято взаймы, что со властей и монастырей брались даточные люди, деньги и хлѣбъ по примѣру прежнихъ лѣтъ, какъ велось изстари. При этомъ государь замѣтилъ: „а онъ-де, Никонъ патріархъ, къ строенью новаго Воскресенскаго монастыря812 имaлъ изъ домовые казны многіе деньги, которые собраны были со властей и монастырей вмѣсто даточныхъ, да онъ же имaлъ со властей и съ монастырей многіе подводы самовольствомъ“.—„И бывшій Никонъ патріархъ въ томъ во всемъ заперся“.—„И митрополиты и архіепископы его, Никона патріарха, уличали и говорили: которые-де деньги за даточныхъ съ нихъ сбираны и тѣ-де деньги онъ, Никонъ патріархъ, для строенья Воскресенскаго монастыря (бралъ) и собирая съ нихъ подводы посылалъ въ Воскресенскій монастырь безъ государева указу, самовольствомъ“.

Прочитаны были на соборѣ изъ граматы Никона къ константинопольскому патріарху и нѣсколько другихъ болѣе мелкихъ обвиненій, какія Никонъ возводилъ предъ патріархомъ на разныхъ лицъ. Напримѣръ: въ Москвѣ поставили Меѳодія епископомъ въ Кіевъ, чего дѣлать не имѣли права, такъ какъ кіевская митрополія находится подъ благословеніемъ константинопольскаго патріарха; митрополитъ Питиримъ незаконно становился на патріаршее мѣсто, чего дѣлать ему, только митрополиту, не подобало; Стрешневъ будто бы назвалъ собаку Никономъ и обучилъ ее передними ногами благословлять по патріаршески, за что Никонъ и проклялъ Стрешнева. По поводу послѣдняго обвиненія архіереи заявили, „что онъ, Никонъ, боярина Семена Лукьяновича (Стрешнева) проклялъ напрасно, безъ собору“...—„И святѣйшіе патріархи велѣли бывшему Никону патріарху итить на подворьѣ“. Такъ кончилось первое соборное засѣданіе, судившее патріарха Никона.

3-го декабря въ государевой столовой избѣ состоялось

второе соборное засѣданіе по дѣлу Никона. На немъ присутствовали: царь, восточные патріархи, бывшіе въ Москвѣ греческіе архіереи и всѣ русскіе іерархи съ освященнымъ соборомъ, а также бояре, окольничіе и думные люди. Никонъ не былъ приглашенъ на это засѣданіе. Царь въ своей рѣчи, а за нимъ наши іерархи и весь освященный соборъ били патріархамъ челомъ на бывшаго патріарха Никона, что онъ, ссорясь съ газскимъ митрополитомъ, въ своей грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію писалъ, что будто бы всѣ русскіе, начиная съ самаго царя, оставили православіе и соединились съ латинствомъ, почему царь и всѣ прочіе просятъ патріарховъ, чтобы они по этому дѣлу „учинили разсужденіе" по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ, и чтобы они отъ такого обвиненія великаго государя, освященный соборъ, царскій синклитъ и всѣхъ православныхъ русскихъ „очистили".—„И изговори рѣчь великій государь и освященный соборъ и синклитъ святѣйшимъ патріархомъ *поклонились до земли*". На эту такъ смиренно-необычно выраженную просьбу царя, освященнаго собора и царскаго синклита, восточные патріархи отвѣтили, что „то дѣло великое", что „за то де надобно стоять крѣпко", тѣмъ болѣе, что Никонъ назвалъ „еретиками" не только государя, освященный соборъ, царскій синклитъ и всѣхъ православныхъ русскихъ, но и ихъ патріарховъ,—„какъ будто мы пришли еретиковъ разсуждать", а между тѣмъ здѣсь—на Москвѣ они видятъ истинную православную вѣру и потому Никона за клевету будутъ судить, а всѣхъ православныхъ оборонять по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ.

Послѣ этого патріархамъ вручены были грамоты, въ которыхъ Никонъ самъ писалъ себя—„бывшій патріархъ", а также прочтены были грамоты государя, приглашавшія патріарховъ въ Москву, причемъ государь замѣтилъ, что изъ прочтенныхъ грамотъ видно, что онъ, государь, „на бывшаго Никона патріарха къ нимъ, святѣйшимъ патріархомъ, никакихъ укорительныхъ словъ не писывалъ, про то имъ самимъ вѣдомо, а на него де, великаго государя, бывшей Никонъ патріархъ писалъ къ константинопольскому патріарху многіе безчестные и укорительные слова и причелъ къ римскому костелу". На это патріархи замѣтили, что Никонъ такъ писалъ „чаючи, что и всѣ таковы, какъ онъ самъ",—и заявили,

что такъ какъ Никонъ „объявился во многихъ лжахъ“, то ему ни въ чемъ не слѣдуетъ болѣе вѣрить и они будутъ судить Никона по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ.

Возвратились къ факту произвольнаго оставленія Никономъ патріаршаго престола единственно потому, что окольничій Хитрово ударилъ его человѣка палкою. Патріархи по этому поводу разсудили, что человѣкъ Никона былъ имъ посланъ на Красное крыльцо во время обѣда въ честь царевича Теймураза, „*чтобъ смуту учинить*. А въ градскихъ де законахъ написано: кто межъ царемъ учинитъ смуту, и тотъ достоинъ смерти. А кто де его, Никонова человѣка, ударилъ и того Богъ проститъ, потому что подобаетъ такъ быть (?)“. Но такимъ разсужденіемъ патріархи не ограничились. „И вставъ, антіохійскій патріархъ осенялъ окольничево и оружничево Богдана Матвѣевича Хитрово“. Въ благодарность за такую патріаршую милость, Хитрово билъ антіохійскому патріарху челомъ. Старавшійся выслужиться предъ русскимъ правительствомъ антіохійскій патріархъ Макарій не ограничился однако благословеніемъ Хитрово за его палочную расправу съ человѣкомъ Никона, но и самъ жаловался на Никона, что его пушкинскіе крестьяне побили сербскаго архіепископа Гавріила, и не смотря на личное ходатайство по этому дѣлу его, антіохійскаго патріарха, Никонъ не далъ никакого удовлетворенія. Затѣмъ Макарій показывалъ, что Никонъ при немъ въ алтарѣ снялъ митру съ одного русскаго архіерея и всячески бранилъ его, и особенно жаловался на то, что Никонъ, вопреки указаніямъ и настояніямъ его, антіохійскаго патріарха, въ день Богоявленія совершалъ хожденіе на Іорданъ только одинъ разъ—въ навечеріе праздника, а не два раза т. е. въ навечеріе и въ самый праздникъ.—Этимъ и закончилось соборное засѣданіе 3-го декабря.

5-го декабря въ государевой столовой избѣ, въ присутствіи царя, патріарховъ, всего освященнаго собора и царскаго синклита открылось соборное засѣданіе, на которое былъ позванъ и Никонъ. Когда онъ пришелъ съ пренесеніемъ креста, александрійскій патріархъ Паисій, обратившись къ собору, говорилъ, что они, вселенскія патріархи, пришли въ Москву по грамотѣ государя, такъ какъ Никонъ оставилъ свой патріаршій престолъ съ клятвою и потому, обратившись

къ Никону, говорилъ ему, что онъ оставилъ свой патріаршій престолъ съ клятвою и оставилъ его безъ всякой законной причины. Никонъ на это заявилъ, что онъ отъ патріаршаго престола съ клятвою не отрекался, и что сейчасъ онъ вовсе не стремится опять занять патріаршій престолъ, а будетъ жить тамъ, гдѣ укажетъ государь. Патріархи говорили, обращаясь къ членамъ собора, чтобъ они сказали правду: отрицался-ли Никонъ отъ патріаршаго престола съ клятвою? Питиримъ митрополитъ новгородскій, Іоасафъ архіепископъ тверской, архимандриты и игумены, которые были тогда въ соборѣ и служили съ Никономъ, когда онъ публично отрекся отъ патріаршаго престола, единодушно заявили, что Никонъ отрекся отъ патріаршества съ клятвою, такъ какъ публично заявилъ: „аще вамъ буду патріархъ, анаѳема буду“. На это Никонъ опять сказалъ, что онъ не ищетъ вновь патріаршества и къ этому добавилъ: „а кто де по немъ будетъ патріархъ, тотъ де анаѳема будетъ, такъ де онъ и писалъ къ великому государю, что бъ безъ ево, Никонова, совѣту не поставить иного патріарха“.

Патріархи нашли, что фактъ своевольнаго и незаконнаго оставленія Никономъ патріаршества вполнѣ установленъ и потому приступили къ подведенію этого факта подъ извѣстныя церковныя правила. Они велѣли ихъ читать сначала по-гречески, а потомъ по-русски. Когда прочли правило: „кто покинетъ престолъ волею безъ навѣта и тому впредь не быть на престолѣ“, Никонъ рѣзко заявилъ: „тѣ де правила не апостольскіе и не вселенскихъ соборовъ и не помѣстныхъ соборовъ, онъ де, Никонъ, тѣхъ правилъ не пріемлетъ и не внимаетъ“.—Павелъ митрополитъ крутицкій говорилъ: „тѣ де правила приняла святая апостольская церковь“.—Никонъ говорилъ: „тѣхъ де правилъ въ русской кормчей книгѣ нѣтъ, а греческіе де правила не прямые, тѣ де правила патріархи отъ себя учинили, а не изъ правилъ. Послѣ вселенскихъ соборовъ—все де враки, а печатали де тѣ правила еретики, а я де не отрекался престола, то де на него затѣяли“.—„И вселенскіе патріархи говорили, что ихъ святые греческіе правила прямые“. Съ своей стороны русскіе архіереи и другія соприкосновенныя лица рѣшительно заявили, что Никонъ отрекся отъ патріаршества съ клятвою. Послѣ этого Никонъ, очевидно находившійся въ крайне неспокойномъ со-

стояніи, обращаясь къ государю, неожиданно заявилъ: „какъ де на Москвѣ учинился бунтъ, и ты де, царское величество, и самъ неправду свидѣтельствовалъ; а я де устрашась пошолъ твоего государства гнѣва". На это обвиненіе царь съ негодованіемъ отвѣтилъ: „онъ, Никонъ, непристойныя рѣчи, безчестя его, великаго государя, говоритъ: бунтомъ никто не прихаживалъ, а что де приходили земскіе люди, и то де не на него, великаго государя,—приходили бить челомъ ему, государю, объ обидахъ". Тогда и всѣ присутствовавшіе на соборѣ стали говорить Никону: „какъ онъ не устрашитца Бога, непристойныя слова говорить и великаго государя безчеститъ". Послѣ этой сцены патріархи неожиданно поинтересовались узнать, почему Никонъ носитъ черный клобукъ съ херувимами и двѣ панагіи. Никонъ далъ объясненіе. Тогда антіохійскій патріархъ Макарій предложилъ Никону неожиданный вопросъ: „есть-ли ему вѣдомо, что александрійскій патріархъ судія вселенскій?" На этотъ вопросъ Никонъ отвѣтилъ: „тамъ де и суди. А во Александріи де и во Антіохіи нынѣ патріарховъ нѣтъ: александрійскій живетъ въ Египтѣ, а антіохійскій въ Дамаскѣ". Когда на это патріархи отвѣтили Никону вопросомъ: когда патріархи учреждали московское патріаршество „и въ то время гдѣ вселенскіе патріархи жили?" Никонъ съ своей стороны отвѣтилъ патріархамъ: „онъ Никонъ, въ то время не великъ былъ".

Послѣ разныхъ отступленій патріархи опять воротились къ прерванному чтенію греческихъ правилъ и потребовали отъ Никона, „чтобъ онъ слушалъ правила святые". Но Никонъ снова рѣшительно заявилъ: „греческіе правила не прямые, печатали ихъ еретики".—„И вселенскіе патріархи говорили, чтобъ онъ руку приложилъ, что ихъ книга правилная—еретическая и правила святые—не прямые, и что въ той книгѣ—ереси, чтобъ имянно сказалъ".—„И Никонъ патріархъ никакіе ереси въ тѣхъ правилахъ не указалъ и руки не приложилъ".

Патріархи спрашивали Никона: „сколько епископа судятъ епископовъ и сколько патріарха?" На это Никонъ отвѣтилъ: „епископа судятъ дванадесять епископовъ, *а патріарха—вся вселенная*". Тогда патріархи заявили Никону, что, значитъ, онъ епископа Павла Коломенскаго „извергъ и ободралъ не по правиламъ".

Съ своей стороны государь обратился къ Никону съ вопросомъ: „вѣритъ-ли онъ вселенскимъ всѣмъ патріархомъ, что они подписались руками своими (подъ отвѣтами на вопросы о власти царской и патріаршей), что вселенскіе патріархи—александрійскій и антіохійскій пришли по согласію (и двухъ другихъ патріарховъ) къ Москвѣ?“ Никонъ, посмотрѣвъ на подписи патріарховъ, замѣтилъ, „что онъ рукъ ихъ не знаетъ“. Тогда антіохійскій патріархъ заявилъ, что подписи патріарховъ подлинныя. На это Никонъ рѣзко отвѣтилъ патріарху; „широкъ де ты здѣсь, а какъ де отвѣтъ дашь предъ константинопольскимъ патріархомъ?“ На эту выходку Никона всѣ бывшіе на соборе архіереи и бояре стали говорить ему: „какъ онъ не устрашитца Бога, великаго государя, безчеститъ и вселенскихъ патріарховъ и всю истину во лжу ставитъ“. Тогда патріархи велѣли отобрать у Никона крестъ, который предъ нимъ носили, заявивъ, что де ни у какого патріарха не повелося носить впереди крестъ,—„то де онъ взялъ у латынниковъ“. Затѣмъ государь просилъ вселенскихъ патріарховъ, чтобъ они допросили Никона „по Христовѣ заповѣди: за что онъ, Никонъ патріархъ, на него, государя, осердился, про околничего Богдана Матвѣевича Хитрово, что ударилъ за безчинія человѣка дому его? И онъ, великій государь, нудилъ-ли его, Никона патріарха, чтобъ Богдана Матвѣевича простилъ?“—„И Никонъ патріархъ отвѣту не далъ, молчалъ“. Еще послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ патріархи наконецъ заявили Никону: „нынѣ тебя Никона, бывшаго патріарха, мы, святѣйшіе патріархи, по правиломъ св. апостолъ и св. отецъ, извержемъ, и отселѣ не будеши патріархъ и священная не дѣйствуеши, но будеши яко простый монахъ“. Послѣ этаго патріархи сказали Никону тѣ вины, за которыя они его низвергаютъ: а) отрекся отъ патріаршаго престола и сошелъ съ него безъ всякой законной причины,—„сердитуя на великаго государя“. б) Въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію писалъ, что русскіе отпали отъ соединенія съ восточною православною церковію и приложились къ западному костелу и тѣмъ православную апостольскую церковь „обругалъ“ а великаго государя, освященный соборъ и всѣхъ православныхъ христіанъ „обезчестилъ и назвалъ всѣхъ еретиками“. в) „Никонъ и ихъ, вселенскихъ истинныхъ православныхъ патріар-

ховъ безчестилъ, называлъ не патріархами, и соборные святые правила называлъ ложными и враками и будто еретики печатали". г) Коломенскаго епископа Павла извергъ помимо собора, сослалъ его въ ссылку и мучилъ, такъ что тотъ пропалъ „безвѣстно". Объявивъ эти вины Никону, патріархи велѣли ему идти на подворьѣ и быть тамъ до указу.

Мною выше отмѣчено, что царь, прежде открытія собора для суда надъ Никономъ, тайно совѣщался съ восточными патріархами въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Теперь, когда судъ былъ оконченъ и Никона рѣшено были лишить всякаго священнаго сана, сдѣлавъ его только простымъ монахомъ Никономъ, произошло 8 декабря новое тайное продолжительное совѣщаніе царя съ патріархами. На этомъ совѣщаніи конечно рѣшался прежде всего вопросъ: въ какомъ видѣ составить оффиціальное соборное постановленіе о низложеніи Никона, гдѣ и какъ произвести это низложеніе, а также рѣшались и нѣкоторые другіе вопросы, касавшіеся, вѣроятно, самихъ патріарховъ, положеніе которыхъ въ Москвѣ становилось очень щекотливымъ, о чемъ подробно скажемъ ниже.

12-го декабря было окончательно составлено отъ лица двухъ восточныхъ патріарховъ и потомъ подписано всѣми присутствовавшими на соборѣ іерархами соборное оффиціальное опредѣленіе о низложеніи Никона, въ которомъ говорилось, что такъ какъ Никонъ а) „досадилъ" государю, „возмяте и прилепися къ вещемъ, не подобающимъ патріаршей власти и достоинству"; б) публично отрекся отъ патріаршества и самовольно оставилъ патріаршій престолъ и свою паству, а въ то же время у себя въ монастыряхъ продолжалъ дѣйствовать архіерейски; в) оставя самовольно патріаршество въ то же время всячески противился избранію новаго патріарха, г) анаѳематствовалъ безъ всякаго испытанія и разсужденія помѣстныхъ архіереевъ; д) глумяся: одного архіерея называлъ Анною, а другого Каіафою, одного изъ царскихъ бояръ Иродомъ, а другаго Пилатомъ; е) на соборѣ осуждалъ самихъ патріарховъ, что они не имѣютъ своихъ древнихъ престоловъ, а одинъ изъ нихъ живетъ въ Египтѣ, а другой въ Дамаскѣ; ж) „наша сужденія патріаршеская наименова блядословіемъ и баснями", такъ какъ патріархи для осужденія его, Никона, приводили не настоящія правила соборовъ, а

правила изъ греческаго номоканона, который онъ „съ великимъ безстудствомъ еретическое ясно наименова, занеже напечатася индѣ, яки бы въ западныхъ странахъ“; з) государя въ грамотѣ къ восточнымъ патріархамъ представилъ латино мудрствующимъ, мучителемъ, обидчикомъ, Іеровоамомъ и Озіею; а также латинствующимъ представилъ весь царскій синклитъ и даже самую русскую церковь тоже латинствующею; и) единолично низвергъ одного архіерея, подвергъ его мученіямъ и заточенію, отъ чего тотъ и погибъ; і) отца своего духовнаго два года немилостиво билъ и истязалъ, отъ чего онъ впалъ въ разслабленіе, что они, патріархи, сами видѣли; к) разсматривая дѣятельность Никона въ общемъ, патріархи „познахомъ Никона, яко не жительствова архіерейски—тихо, но мучительски, и къ неправдамъ пригвожденъ, и въ хищеніихъ упражнився, и мучительствами содержащься“. Въ виду всего этаго, заявляютъ патріархи, „сотворихомъ его, Никона, непричастна всякому священнодѣйству, яко къ тому немощи ему архіерейскихъ дѣлъ творити, и истинно совершенно его извергохомъ со омофорами и епитрахиліами, совсѣмъ мѣстнымъ освященнымъ соборомъ, изрекше ему отнынѣ вмѣнитися и нарицатися простымъ монахомъ Никономъ, и не къ тому патріархомъ московскимъ“. Въ заключеніе патріархи находятъ нужнымъ завѣрять: „сія вся правильно совершихомъ, сотворше безъ всякаго лицепріятія и пристрастнаго осужденія, боящеся неумытнаго очеса Божія—имѣетъ бо Богъ мстительное око—и будущихъ оныхъ судилищъ убоявшеся, отдающихъ тождe страданіе, и во умѣ и памяти обносяще въ нынѣшнемъ вѣцѣ и въ будущемъ вѣчнаго огня страшилища, правъ и Богу судъ изнесохомъ и изрекохомъ“.

Того же 12-го декабря въ патріаршей крестовой палатѣ собрался соборъ подъ предсѣдательствомъ восточныхъ патріарховъ. Царь на соборѣ не былъ, а вмѣсто себя прислалъ на соборъ бояръ: Одоевскаго и Салтыкова, думнаго дворянина Прокофья Кузмича Елизарова и думнаго дьяка Алмаза Иванова. Послали сказать Никону, чтобы онъ немедленно шелъ на соборъ. Онъ пришелъ и остановился предъ крестовой въ сѣняхъ, а въ самую палату не былъ приглашенъ. Патріархи надѣли на себя сакосы, то же велѣли сдѣлать всѣмъ архіереямъ и, выйдя изъ палаты, направились въ церковь, съ

ними пошелъ туда и Никонъ. Пришедъ въ церковь, Никонъ, по обычаю, помолился иконамъ, въ поясъ два раза поклонился патріархамъ и сталъ по лѣвую сторону западныхъ дверей. По приказанію патріарховъ соборное рѣшеніе о Никонѣ сначала прочтено было по-гречески, а рязанскій архіепископъ Иларіонъ тоже прочелъ по-русски. Послѣ этого патріархи стали у царскихъ дверей и позвали къ себѣ Никона. Александрійскій патріархъ сказалъ Никону его вины, собственноручно снялъ съ него клобукъ и панагію, присемъ заявилъ ему, чтобы впредь онъ патріархомъ не именовался и не писался, а именовался бы и писался простымъ монахомъ Никономъ и жилъ бы въ монастырѣ тихо и немятежно, сокрушаясь предъ Богомъ о своихъ согрѣшеніяхъ. На все это Никонъ рѣзко отвѣтилъ патріархамъ: „знаю де я и безъ вашего поученія какъ жить, а что де клобукъ и панагію съ него сняли, и они бъ съ клобука жемчугъ и панагію раздѣлили по себѣ, а достанетца де жемчугу золотниковъ по 5 и по 6 и больши и золотыхъ по 10“.—„И поуча святѣйшіе патріархи Никона, бывшаго патріарха, отпустили на подворье“ [1]).

Такъ патріархъ Никонъ, нѣкогда царившій и въ церкви и въ государствѣ, бывшій нѣсколько лѣтъ не по титулу только, но и по власти и положенію, дѣйствительнымъ великимъ государемъ, превратился теперь въ простаго, ссыльнаго монаха Никона. Причина такого глубокаго паденія Никона заключалась главнымъ образомъ въ немъ самомъ: въ особенностяхъ его нравственнаго характера, въ свойствахъ всего его умственнаго склада и пониманія, въ томъ особомъ отношеніи, въ какое онъ стремился поставить себя, какъ патріарха, къ представителю государственной власти—царю.

Никонъ по своему характеру не былъ натурой спокойной и уравновѣшенной, это былъ человѣкъ увлеченій, человѣкъ легко возбуждающійся и легко поддающійся внѣшнимъ нерѣдко очень случайнымъ воздѣйствіямъ и впечатлѣніямъ, и потому дѣйствовавшій неровно, порывами, часто очень бурно,

---

[1]) Большая часть документовъ, извлеченная изъ Главнаго Государственнаго Архива, относящихся до суда надъ Никономъ, напечатана Гиббенетомъ, во второмъ томѣ его сочиненія: Истор. изслѣд. дѣла п. Никона.

мало обдуманно и, по большей части, нетактично. При успѣхѣ онъ чрезвычайно возносился, на всѣхъ смотрѣлъ сверху внизъ, не зналъ предѣловъ своему самовластію, все подчинялъ своему личному усмотрѣнію и даже просто минутному настроенію и капризу; при неудачѣ онъ падалъ духомъ, дѣлался крайне раздражительнымъ, мелочнымъ, придирчивымъ и очень гнѣвливымъ, а потому быстрымъ на расправу, часто несправедливую и жестокую. Онъ то гордо ничего не хочетъ брать отъ царя—обидчика, высокомѣрно отвергаетъ всякую его помощь и подарки, то униженно выражаетъ скорбь, что онъ уже не присутствуетъ, какъ ранѣе, за царскимъ роскошнымъ столомъ и начинаетъ выпрашивать у царя разныя подачки; онъ то всячески бранитъ и позоритъ царя, то начинаетъ молить его, чтобы онъ возвратилъ ему, Никону, свою прежнюю любовь и довѣріе. Вообще, это была натура хотя и очень даровитая, но не глубокая, мало устойчивая и совсѣмъ не дисциплинированная, мало способная на высокій нравственный подвигъ, на самоограниченіе, хотя бы ради высокой и святой цѣли, мало способная на борьбу внѣ интересовъ собственной личности, собственнаго личнаго положенія. Собственная личность у Никона всегда и всюду на первомъ планѣ, она—начало и конецъ всякой его дѣятельности, всѣхъ его стремленій и вожделеній.

Будучи архимандритомъ и новгородскимъ митрополитомъ Никонъ велъ себя очень сдержанно, дружилъ съ сильными и вліятельными при дворѣ ревнителями благочестія, каковы Стефанъ Вонифатьевичъ и Іоаннъ Нероновъ, и всячески старался понравиться молодому государю и производить на него, характеромъ своей дѣятельности, благопріятное и выгодное для себя впечатлѣніе. И онъ достигъ своей цѣли—сдѣлался патріархомъ и потомъ великимъ государемъ. Тогда у Никона совсѣмъ закружилась голова, а чрезмѣрная власть окончательно его ослѣпила и испортила: онъ вообразилъ себя дѣйствительнымъ, настоящимъ великимъ государемъ, возмнилъ, что не только въ церковной сферѣ онъ есть единственный, безконтрольный и самовластный властелинъ, но и вообразилъ себя полномочнымъ, законнымъ контролеромъ всей государственной и общественной жизни и дѣятельности, и потому стремился взять въ свои руки и бразды государственнаго управленія и притомъ такъ, что дѣйствительный

и настоящій великій государь долженъ былъ нѣсколько потѣсниться предъ нимъ, а иногда и стоять ради него въ тѣни. Тогда-то и сказались всѣ отрицательныя и непривлекательныя стороны характера Никона: его чрезмѣрное честолюбіе, его до болѣзненности развившееся самолюбіе, не терпѣвшее ни малѣйшихъ уколовъ и даже простаго равнодушія и невниманія къ его личности со стороны самого царя, его суровый и подчасъ жестокій нравъ, его самомнѣніе, надменность и чванливость, которыя онъ проявлялъ не только относительно подчиненныхъ ему архіереевъ и духовенства вообще, но и относительно знатнѣйшихъ и родовитыхъ московскихъ бояръ, близкихъ къ самому царю, его самоуправство и полное пренебреженіе къ общественному мнѣнію, къ тому всеобщему неудовольствію и подчасъ ожесточенію противъ него, которое все болѣе росло и развивалось относительно его въ различныхъ слояхъ тогдашняго общества.

Въ то же время по своему умственному развитію, по всему складу и строю своей умственной жизни, по своему общему пониманію и воззрѣніямъ, Никонъ совсѣмъ существенно не отличался отъ тѣхъ, кого онъ такъ жестоко каралъ, какъ противниковъ своей реформаторской дѣятельности, какъ людей грубо-невѣжественныхъ.

Ранѣе патріаршества, Никонъ принадлежалъ къ кружку ревнителей благочестія и былъ другомъ Неронова, Аввакума, Лазаря и другихъ. Онъ раздѣлялъ всѣ убѣжденія и стремленія кружка и по всему строю и характеру своего міросозерцанія, по характеру и пріемамъ своего мышленія, по пониманію сущности вѣры и благочестія, былъ всегда тѣмъ же, чѣмъ были Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь и другіе. Подобно имъ онъ считалъ себя не зауряднымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, но человѣкомъ, находящимся подъ особымъ водительствомъ неба, получающимъ свыше особыя чрезвычайныя указанія, что и какъ ему слѣдуетъ дѣлать и поступать: онъ былъ, какъ и противники его реформы, и провидѣцъ, и цѣлитель, и чудотворецъ. Если Никонъ сдѣлался великимъ государемъ и въ служеніи носилъ на себѣ корону (митру), сдѣланную по подобію царскаго вѣнца, то на это ему было указаніе свыше, еще ранѣе его патріаршества. Въ письмѣ къ царю изъ Новгорода, Никонъ, тогда новгородскій митрополитъ пишетъ, что онъ однажды, находясь въ соборѣ,

смотрѣлъ на Спасовъ образъ. „И вотъ внезапно я увидѣлъ вѣнецъ царскій золотой на воздухѣ надъ Спасовою главою; и мало по малу вѣнецъ этотъ сталъ приближаться ко мнѣ. Я отъ великаго страха точно обезпамятовалъ, глазами на вѣнецъ смотрю и свѣчу предъ Спасовымъ образомъ, какъ горитъ, вижу, а вѣнецъ пришелъ и сталъ на моей головѣ грѣшной; я обѣими руками его на своей головѣ осязалъ, и вдругъ вѣнецъ сталъ невидимъ". Если Никонъ, казалось, безпричинно оставилъ свой патріаршій престолъ, то въ дѣйствительности было не такъ. На соборѣ 1666 года, во время суда надъ нимъ, Никонъ говорилъ государю: „Богъ де тебя судитъ, а я-де узналъ на избраніи своемъ, что тебѣ, государю, быть до меня добру до шти лѣтъ, а потомъ быть возненавидиму и мучиму". Если Никонъ оставилъ патріаршій престолъ, то его не оставила однако ранѣе присущая ему благодатная сила исцѣлять разныхъ больныхъ. Въ маѣ 1659 года Никонъ говорилъ посланному къ нему въ Воскресенскій монастырь дьяку Башмакову: „въ Воскресенскомъ де монастырѣ были два человѣка одержимые черными недуги, и онъ де объ нихъ молился Господу Богу и говорилъ надъ ними молитвы, и помощію де Божіею отъ тѣхъ болѣзней они нынѣ свободились; а какъ де онъ былъ на патріаршествѣ, и въ то время помощію жъ Божіею, *а къ Богу его молитвами*, многіе отъ различныхъ своихъ болѣзней и недуговъ свободились". Въ челобитной государю, въ декабрѣ 1661 года, по дѣлу Бобарыкина, Никонъ разсказываетъ, про бывшее ему видѣніе: какъ въ Успенскомъ соборѣ возстали изъ своихъ гробовъ похороненные тутъ ранѣе святители, какъ они устроили входъ въ алтарь, а съ ними и онъ, Никонъ (какъ дѣйствительный патріархъ), какъ возсталъ изъ гроба святитель Петръ митрополитъ и сталъ говорить, обращаясь къ Никону, чтобы онъ говорилъ царю о пріобидѣніи имъ церкви, за что царь будетъ наказанъ и указалъ Никону на знаменіе, если царь его не послушаетъ: „собрася огнь во церкви, изыде на царскій дворъ и возгорѣся страшно зѣло". Если Никонъ въ 1664 году пытался возвратиться опять на оставленный имъ патріаршій престолъ, то это онъ сдѣлалъ по особенному бывшему ему божественному указанію, когда по его неустанной молитвѣ явившіеся ему въ видѣніи московскіе великіе святители приказали ему опять

возвратиться на свой патріаршій престолъ. Послѣ того какъ соборъ совсѣмъ лишилъ Никона священнаго сана, ему, въ замѣнъ этого, данъ былъ Господомъ усиленный благодатный даръ лѣчить всякихъ больныхъ, о чемъ ему и сообщено было въ особомъ видѣніи. По этому поводу Никонъ заявлялъ: „было ему видѣніе: отнято-де у тебя патріаршество, и тебѣ-де за то дана чаша лекарственная: лечи болящихъ“. По тому же поводу Никонъ говорилъ: „являлся де ему, Никону, Христосъ часто въ церквѣ тѣмъ образомъ, какъ пишетца на иконѣ, и подалъ ему благодать чаши лекарственной. И онъ-де, по тому явленію и по благодати неисчерпаемой чаши лекарства, исцѣлялъ. И отъ того-де ево лекарства Богъ отъ болѣзни многихъ людей избавлялъ“ [1]).

Изъ приведенныхъ данныхъ ясно, что тотъ элементъ сверхъестественнаго и чудеснаго, который такъ сильно проявлялся во всей жизни Аввакума, Неронова и другихъ противниковъ церковной реформы Никона [2]), довольно замѣтно сказывался и въ жизни самого Никона, такъ что онъ, въ этомъ отношеніи, былъ вполнѣ тождественъ съ противниками своей реформы и ничѣмъ существенно отъ нихъ не отличался.

Подобно противникамъ его церковной реформы, Никонъ былъ очень благочестивъ: онъ самъ всегда неопустительно совершалъ всѣ церковныя положенныя службы, совершалъ ихъ истово, уставно, единогласно, ничего не опускалъ; читалъ на нихъ длинныя положенныя отеческія поученія, къ которымъ присоединялъ и свои собственныя толкованія и назиданія, отъ чего его служеніе было крайне продолжительно и утомительно для молящихся, но самъ онъ, при своей сильной натурѣ, выносилъ свои службы очень бодро, безъ замѣтнаго утомленія. Онъ предавался иногда самому суровому посту, вовсе не вкушая пищи въ теченіе нѣсколькихъ дней, проводя цѣлые дни и ночи въ молитвѣ, не дозволяя себѣ спать, надѣвая на себя къ тому же очень тяжелыя вериги, въ которыхъ клалъ постоянно множество земныхъ и поясныхъ поклоновъ. Во время этихъ суровыхъ

---

[1]) Ист. Рос. Соловьева, X, 175. Гиб. I, 172. II, 599, 739, 1022. Дѣло п. Никона, стр. 348, 373.

[2]) См. т. I моей книги.

аскетическихъ подвиговъ Никонъ не разъ, по его завѣреніямъ, удостоивался чрезвычайныхъ божественныхъ видѣній и откровеній, которыя ему говорили за угодность его жизни предъ Богомъ, подобно тому какъ его противники точно такимъ же путемъ и способомъ удостовѣрялись въ угодности своей жизни и въ угодности своей борьбы съ Никономъ предъ Богомъ. Вообще съ внѣшне-формальной стороны Никонъ, какъ и его церковные противники, былъ безукоризненъ въ своемъ благочестіи. Но, къ сожалѣнію, только съ внѣшне-формальной стороны, а не какъ ни со стороны внутренней, со стороны качественнаго, такъ сказать, благочестія,—съ послѣдней стороны оно было очень невысоко. Его уставное благочестіе, выражавшееся въ частыхъ продолжительныхъ службахъ, въ продолжительномъ воздержаніи отъ пищи, въ безсонныхъ ночахъ, проводимыхъ имъ въ чтеніи святыхъ книгъ и постоянныхъ поклонахъ, нисколько однако не дѣйствовало успокоивающимъ и смягчающимъ образомъ на его порывистую и суровую натуру, не дѣлало его кроткимъ и снисходительнымъ въ отношеніяхъ къ другимъ, не уничтожало его частой гнѣвливости и подчасъ крайней суровости къ подчиненнымъ, не удерживало его отъ несправедливыхъ и насильственныхъ дѣйствій. Значитъ, его уставное внѣшнее благочестіе такъ и было только внѣшнимъ, не проникая внутрь, не затрогивая свойствъ и качествъ его духа, даже видимо совсѣмъ не мѣняя хотя бы и временно той или другой его внутренней настроенности. Въ этомъ отношеніи достаточно указать хотя бы на тотъ фактъ, что Никонъ во время своихъ церковныхъ службъ, въ самомъ алтарѣ, въ этомъ святая святыхъ христіанскаго храма, дозволялъ себѣ не только ругать ему сослужащихъ, хотя бы это были и архіереи, но и пускалъ въ ходъ личную кулачную расправу съ провинившимися въ чемъ-либо клириками.

По своему умственному складу, характеру и пріемамъ своего мышленія, по своимъ знаніямъ, пониманію вѣроученія и всей церковности Никонъ былъ въ существѣ дѣла то же, что и противники его реформы: подобно имъ онъ смотрѣлъ на обрядъ какъ на догматъ, въ измѣненіи обряда видѣлъ измѣненіе самой вѣры. Это потому, что Никонъ въ дѣйствительности былъ такимъ же типичнымъ, одностороннимъ начетчикомъ,

какъ и его противники. Выучившись у инока Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря читать и писать, Никонъ, въ дальнѣйшемъ своемъ образованіи, шелъ обычнымъ тогдашнимъ путемъ: сталъ усердно читать разныя доступныя ему книги т. е. стремился расширить кругъ своихъ знаній путемъ начетчества, безъ какой бы то ни было, хотя бы и самой элементарной школьной правильной подготовки. Онъ любилъ читать и читалъ много: читалъ книги священнаго писанія, которое, при его прекрасной памяти, зналъ хорошо; читалъ и хорошо зналъ всѣ тогдашнія церковно-богослужебныя книги, книги учительно-назидательнаго характера и особенно произведенія Іоанна Златоуста; хорошо онъ также зналъ церковныя правила и постановленія, поскольку они заключались въ тогдашней нашей Кормчей, по которой онъ ихъ изучалъ; конечно, онъ усердно читалъ разныя житія святыхъ и т. под. Но никакой науки въ собственномъ смыслѣ Никонъ никогда не зналъ и потому не понималъ силы, значенія и необходимости для общественнаго дѣятеля научнаго образованія, а къ западной наукѣ относился такъ же какъ и его противники, т. е. враждебно и отрицательно. Когда Паисій Лигаридъ, въ одномъ случаѣ, сослался на свидѣтельство тогдашней физики, Никонъ, по этому поводу, съ негодованіемъ отвѣчаетъ ему: „не достало тебѣ святыхъ божественныхъ книгъ во отвѣтъ, которыми велѣли апостоли святіи и отцы святіи учити, и заповѣда (этими книгами) и отвѣты творити. Ты же физиками и орѣховымъ листьемъ и иными шпынскими прибавками отвѣты твориши“ [1]).

Вполнѣ естественно было, что Никонъ о разныхъ предметахъ судилъ и рядилъ точно такъ же, какъ и бывшіе его друзья—первые поборники старообрядчества, что пониманіемъ разныхъ явленій, пріемы и характеръ его сужденій на столько у него были сходны съ его противниками—старообрядцами, что часто почти нѣтъ никакой возможности отличить разсужденія Никона отъ разсужденій противниковъ его реформы. Если защитники старообрядчества увѣряли, что благодаря реформамъ Никона русская церковь уклонилась отъ праваго пути и соединилась съ латинствомъ, то и Никонъ съ своей стороны заявлялъ, что ради его врага Паи-

---

[1]) Рук. нашей академіи № 218, л. 133 об.

сія Лигарида русская церковь разорвала связь съ православными восточными патріархами и соединилась съ римскимъ костеломъ. Если сторонники старообрядчества говорили, что Никонъ вводитъ въ церковь свои новшества и всякія еретичества, собирая ихъ отъ разныхъ отреченныхъ и покидныхъ книгъ; то и Никонъ въ этомъ же самомъ обличаетъ Паисія Лигарида: „новые законы, пишетъ онъ, обращаясь къ Лигариду, вводишь отъ отверженныхъ и недовѣдомыхъ книгъ... ово отъ отреченныхъ книгъ, ово отъ внѣшнихъ баснословныхъ блуженій“. Если защитники старообрядчества считали Никона, за произведенную имъ церковную реформу, предтечею антихриста, его ученикомъ и послѣдователемъ, то и Никонъ всячески старается доказать, что Одоевскій, писавшій Уложеніе, есть предтеча антихриста, что онъ написалъ законы „совѣтомъ антихриста, учителя своего“. Если сторонники старообрядчества увѣряли, что на Руси уже нѣтъ болѣе настоящей церкви и начинаются времена антихриста, то и Никонъ увѣрялъ, что послѣ его ухода съ патріаршества русская церковь превращена въ вертепъ, такъ какъ въ ней нѣтъ болѣе патріарха и что на Руси наступаютъ времена антихриста. Если защитники старины завѣряли, что еретикъ Никонъ не признаетъ Христа Богомъ, то и Никонъ увѣрялъ, что составитель Уложенія, Одоевскій, не признаетъ Христа Богомъ, а только простымъ человѣкомъ, увѣряетъ, что Одоевскій въ Уложеніи разорилъ „и священное Евангеліе и вся святыя законы“. Если защитники старины своихъ противниковъ не хотѣли признать христіанами, а только мучителями, то и Никонъ, на слова Одоевскаго: „ты-де (Никонъ) насъ не христіаны, жидами называешь“, отвѣчалъ: „азъ въ васъ христіанства ничего не знаю, ни вижу, кромѣ беззаконія и мучительства,—дѣла ваши свидѣтельствуютъ“. Если, по увѣренію защитниковъ старины, страшный моръ, разразившійся надъ московскою Русью, былъ очевиднымъ проявленіемъ гнѣва Божія за церковныя новшества Никона, то и Никонъ, съ своей стороны, въ этомъ тяжкомъ всенародномъ бѣдствіи видитъ то же проявленіе гнѣва Божія, но только за написаніе Уложенія. Поэтому случаю онъ восклицаетъ: „не быша ли морове велицы во царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ лютою язвою и неисцѣленною? Невозбоялося ли сердце ца-

рево, егда мору бывшу, царицѣ же на Москвѣ со царевичемъ Алексѣемъ и со царевнами и не вѣдѣ, что сотворити и камо бѣжати?... Коликія тмы скончашася моромъ по градомъ и по селомъ и по деревнямъ и на войнѣ? Не убояшели всяка душа человѣча?“

Самый способъ толкованія и объясненія книгъ у Никона тотъ же, что и у защитниковъ старины: подобно имъ, чтобы какъ нибудь доказать ему желаемое, онъ произвольно вырываетъ изъ книги что либо отдѣльное, внѣ общей связи, и всячески усиливается объяснить имъ взятое въ извѣстномъ предвзятомъ смыслѣ; подобно своимъ противникамъ онъ привязывается къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ, влагаетъ въ нихъ такой смыслъ, какого онѣ въ дѣйствительности не имѣютъ, и изъ своего произвольнаго и натянутаго толкованія дѣлаетъ такіе неожиданные выводы и заключенія, какіе вовсе не даются и не слѣдуютъ изъ приводимыхъ имъ мѣстъ. Укажемъ хотя бы на слѣдующіе два примѣра. Въ Уложеніи (гл. 10, ст. 1-я) было написано: „судъ государя царя и великаго князя Алексія Михайловича всея Россіи, судить бояромъ и окольничими и пр.“ По этому поводу Никонъ строго пишетъ: „отвѣщай: въ которыхъ-то правилахъ написано, что судъ великаго государя царя, а не Божій?“ Въ Уложеніи (гл. 10, ст. 21-я) было написано: „да суда же не судить и никакихъ дѣлъ въ приказѣхъ не дѣлать, опричь великихъ царственныхъ дѣлъ: Въ день Рождества Христова, въ день Богоявленія, и въ иныя господскія праздники... да въ который день приспѣетъ праздникъ рожденія государя и великаго князя Алексія Михаиловича всея Россіи, и его благовѣрныя царицы и великой княгини Маріи Ильиничны и ихъ благородныхъ чадъ“. По этому поводу возмущенный Никонъ съ негодованіемь пишетъ: „о пребеззаконниче и злобѣсный человѣче! Како не устыдѣлся, не устрашился! И бѣси Того исповѣдаху Сына Божія и Бога, глаголаху: почто еси Сыне Божій пришелъ еси прежде времени мучити насъ; а ты—злострадный человѣче—не исповѣда того Бога быти и Господа нашего Іисуса Христа аки проста человѣка пишетъ: въ воскресный день, въ день Рождества Христова... Не усохлъ бы скверный твой языкъ изглаголати или написати: Рождество Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.—Или еще: Богоявленіе Господа Бога

и Спаса нашего Іисуса Христа, — и ниже праздникъ нарече, но день. А еже о царѣ: да въ который день приспѣетъ праздникъ—день рожденія государя царя и пр. Такожде о царицы и ихъ чадахъ,—которые праздники? которое таинство?—развѣ что любострастно и человѣческо, и во всемъ приподобилъ еси человѣка Богу, но и предпочте Богу... И которое сочетаніе свѣту ко тьмѣ, по божественному апостолу, и правдѣ къ беззаконію, еже ты зломудренне предпочте день рожденія царя и царицы и чадъ ихъ, паче дней таинственныхъ — Христовыхъ, глаголю: святаго Его воскресенія, и Рождества и Богоявленія, и ниже праздники тѣхъ нарече, таинства ради". Другой случай по поводу виньетки на книгѣ, напечатанной при Алексѣѣ Михаиловичѣ. Никонъ пишетъ: „то правда, что царское величество разширился надъ церковію, чрезъ вся божественныя законы, своимъ достоинствомъ, а не закономъ коимъ либо Божіимъ, и не до сего точію ста, но и на самаго Бога возгордѣ широтою орла, еже нынѣ издаде другомъ листъ, лѣта отъ воплощенія Слова Божія 1663, на немъ же есть написанъ орелъ двоеглавый, на орлѣ же царь на конѣ, въ гордости велицѣй зѣло". Никонъ сильно сокрушается, что этимъ царь поставилъ „самаго Христа Бога нашего прениже всякоя своея славы—и подъ ногами коня и орла и въ тѣснотѣ нѣкакой безславія". По этому случаю Никонъ сокрушенно восклицаетъ: „охъ, охъ, увы, увы, лютѣ, лютѣ, въ каковы времена достигохомъ! Збышеся писанное: измѣниша бо славу Божію въ славу человѣческую и четвероногихъ скотъ и птицъ. И паки другое писаніе: возлюбиша славу человѣческую, нежела славу Божію. Сего ради предастъ ихъ Богъ въ страсти безчестія, во еже творити имъ волю языческую" [1]).

Такимъ образомъ Никонъ не обладалъ ни особыми высокими нравственными качествами, ни особымъ умственнымъ развитіемъ, пониманіемъ и знаніями, и вообще не стоялъ во всѣхъ отношеніяхъ настолько выше своихъ современниковъ и самыхъ своихъ противниковъ, чтобы все тогдашнее русское общество безмолвно могло преклониться предъ его именемъ и авторитетомъ и безпрекословно признало его

---

[1]) Рукопись нашей академіи № 218, л. л. 323 и 327 об. Записки рук. археолог. общ., т. II, стр. 460 и 465.

своимъ полномочнымъ безотчетнымъ руководителемъ во всѣхъ дѣлахъ своей церковно-религіозной и, въ извѣстной степени, государственно-общественной жизни. А между тѣмъ Никонъ властно заявилъ небывалыя чрезмѣрныя притязанія на полное верховенство не только въ церкви, но и въ государствѣ, вступилъ въ открытую соблазнительную борьбу съ самимъ царемъ во имя того, что патріархъ долженъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше и священнѣе царя, что царь въ извѣстныхъ дѣлахъ долженъ слушаться и подчиняться патріарху, что вся государственная и общественная жизнь должны, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, находиться подъ постояннымъ и бдительнымъ контролемъ патріарха, причемъ эти свои притязанія на верховенство и въ государствѣ Никонъ заявлялъ въ формѣ иногда довольно рѣзкой и обидной и для самаго государя и для всего свѣтскаго правительства. Понятно, что Никонъ долженъ былъ пасть и пасть окончательно.

Царь Алексѣй Михаиловичъ до конца своей жизни жалѣлъ бывшаго своего „собиннаго“ друга и всячески старался смягчить и улучшить положеніе Никона въ ссылкѣ. Умирая (29 января 1676 г.) Алексѣй Михаиловичъ писалъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи: „отъ отца моего духовнаго, великаго господина, святѣйшаго Никона, іерарха и блаженнаго пастыря, аще и не есть на престолѣ семъ, Богу тако изволившу, прощенія прошу и разрѣшенія“. А Никонъ, узнавъ о смерти царя, своего бывшаго благодѣтеля и друга, только непримиримо-мстительно заявилъ: „воля Господня да будетъ! Аще бо здѣ съ нами прощенія не получи, но въ страшное пришествіе Господне судится имать“. И когда потомъ у него стали просить письменнаго разрѣшенія усопшему государю, онъ сказалъ, отказывая въ просьбѣ: „мы исполняемъ слово Господне: оставите и оставится вамъ“, и къ этому прибавилъ: „Богъ его проститъ!“ но простить самъ и дать письменное разрѣшеніе усопшему царю рѣшительно отказался: онъ, очевидно, желалъ продолжать свою борьбу съ царемъ и въ будущей жизни, желалъ состязаться съ нимъ о своихъ обидахъ на будущемъ страшномъ судилищѣ предъ лицомъ самаго Господа.

Совершенно иначе отнесся къ Никону усопшій государь Алексѣй Михаиловичъ. Умирая онъ не только просилъ про-

щенія у Никона, но и выразилъ желаніе, чтобы Никону возвращенъ былъ отнятый у него патріаршій санъ. На это имѣются нѣкоторыя указанія. Исполнителемъ, и очень настойчивымъ, воли Алексѣя Михаиловича относительно Никона, явился его сынъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ; который, вопреки всѣмъ московскимъ недоброжелателямъ и врагамъ Никона, рѣшилъ добиться его разрѣшенія у восточныхъ патріарховъ. Въ грамотѣ царя Ѳеодора Алексѣевича къ восточнымъ патріархамъ говорится, что его отецъ, государь Алексѣй Михаиловичъ, „воспоминати того (т. е. запрещенія Никона), любве ради Христовы, не благоволилъ", а александрійскій патріархъ въ грамотѣ по поводу разрѣшенія Никона писалъ, что ему сообщено царскими послами: „яко сицевую боголюбезную мысль имяше и иже во блаженной памяти приснопоминаемый отецъ вашъ, великій государь царь и самодержецъ во еже простите онаго блаженнаго (т. е. Никона) и патріаршаго званія удостоити". На востокъ хлопотать у патріарховъ о разрѣшеніи уже умерщаго Никона отправлены были послы Возницынъ и Чириковъ. Но такъ какъ просьба о разрѣшеніи Никона, по мнѣнію нашего правительства, могла встрѣтить на востокѣ большія затрудненія въ виду того, что патріархамъ приходилось, разрѣшая Никона, встать въ противорѣчіе съ состоявшимся о немъ соборнымъ опредѣленіемъ, то посламъ дана была на этотъ случай особая инструкція, показывающая, что тогдашнее наше правительство уже хорошо знало, съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло и какъ слѣдуетъ вести его. Въ инструкціи посламъ говорится: „а буде вселенскіе патріархи по нашимъ великаго государя грамотамъ учинить того (разрѣшить Никона) не похотятъ, и и вы-бъ, наши великіе послы, домогались о томъ у нихъ всякими мѣрами чрезъ кого возможно, и сверхъ того нашего великаго государя жалованья, которое на милостыню съ вами къ нимъ послано, дали-бъ имъ, или съ кѣмъ послали нашего великаго государя жалованье особо отъ того изъ нашея великаго государя казны, которая съ вами въ запасъ послана, или у грековъ занявъ—*по двѣсти по пятидесяти рублевъ патріарху*, только-бъ конечно того домогаться, чтобъ они, вселенскіе патріархи, для нашего государскаго прошенія о томъ, по нашимъ великаго государя грамотамъ учинили и свои грамоты къ намъ, великому государю, съ

вами, нашими великими послы, послали... *И есть-ли крѣпко и упорно станутъ и не похотятъ того учинить и, по самой конечной мѣрѣ, дать по пяти сотъ рублевъ патріарху; а буде и по тому предложенію вашему не учинятъ, и, по самой нужѣ, дать по тысячѣ рублевъ человѣку, только бъ учинили и въ грамотахъ своихъ написали имянно*". Посолъ Возницынъ, прибывъ на востокъ (Чириковъ умеръ дорогою), прежде всего обратился къ Іерусалимскому патріарху Досиѳею, чтобы тотъ помогъ ему выхлопотать у патріарховъ разрѣшеніе Никону. Досиѳей охотно взялся устроить это дѣло и говорилъ послу, чтобъ онъ „всѣ тѣ дѣла положилъ на него, патріарха". Дѣйствительно, вскорѣ самъ Досиѳей, а также и антіохійскій патріархъ, вручили послу свои разрѣшительныя грамоты, вовсе не требуя отъ него какой-либо особой приплаты сверхъ той дачи, какую имъ вручилъ за это посолъ. Не то было съ патріархами константинопольскимъ и александрійскимъ. Они рѣшились воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы возможно больше получить съ русскихъ за свою услугу, и потому никакъ не соглашались выдать разрѣшительныя грамоты за ту дачу, какую имъ предлагалъ посолъ, а требовали гораздо большей. „По вашему, великаго государя, указу, доносилъ Возницынъ, я, холопъ твой, у святѣйшихъ патріарховъ у антіохійскаго и іерусалимскаго святѣйшему Никону патріарху прощальныя и разрѣшительныя грамоты взялъ, а цареградскій, государь, и александрійскій патріархи, хотя, чтобъ я, холопъ твой, отъ того далъ имъ дачу большую, по се число своихъ грамотъ не отдаютъ, только государь, какъ ни есть, прося у Бога милости, и у нихъ возьму, и придетъ то ваше, великаго государя, дѣло у меня, холопа твоего, по вашему государскому изволенію въ совершеніе". И дѣйствительно настойчивый посолъ достигъ своей цѣли—получилъ отъ всѣхъ патріарховъ разрѣшительныя грамоты Никону, не давъ при этомъ ни одному изъ нихъ великой дачи. Съ нескрываемымъ торжествомъ Возницынъ доносилъ государю, что онъ добылъ отъ всѣхъ патріарховъ разрѣшительныя грамоты, „а учинилъ онъ то неусыпнымъ своимъ промысломъ и радѣніемъ, *безъ великихъ дачъ*, а велѣно было отъ того дать и многую дачу и о совершеніи того дѣла радѣть накрѣпко". Сколько каждый патріархъ получилъ за разрѣшительныя грамоты Никону и во-

сколько вообще все это дѣло обошлось нашему правительству, видно изъ слѣдующаго донесенія Возницына: „а за тѣ грамоты далъ онъ, Прокофей, цареградскому да іерусалимскому патріархомъ *по триста талеровъ*, а александрійскому Прохору *сто пятьдесятъ талеровъ*, антіохійскому—*сто талеровъ*. Да самъ онъ, Прокофей, поднесъ имъ патріархомъ: цареградскому, александрійскому, іерусалимскому, при отъѣздѣ своемъ изъ Царяграда, за тѣжъ великаго государя и за иныя дѣла *по пятидесяти золотыхъ червонныхъ*; да на соборы ихъ: на царегородскій, на александрійскій, на іерусалимскій, на антіохійскій *по двадцати золотыхъ*, а митрополитомъ дано собольми, а тотъ расходъ писанъ въ соболиной раздачѣ". Именно дано было: цареградскому логоѳету пара соболей *въ 12 рублей*, „потому что безъ него никакія дѣла не дѣлаются"; митрополитамъ, бывшимъ на соборѣ по поводу разрѣшенія Никона, дано: двумъ по парѣ соболей *въ 15 рублей*, двумъ по парѣ *въ 16 рублей* и тремъ по парѣ *въ 10 рублей*. Послу пришлось еще дать плату и прежнему антіохійскому патріарху, который, не вѣдая своей смѣны и того, что новый патріархъ уже далъ свою разрѣшительную грамоту Никону, вручилъ послу и отъ себя такую же грамату, за что и получилъ сто талеровъ и 10 золотыхъ [1]).

Такъ Никонъ, хотя и послѣ своей смерти, благодаря желанію царя Алексѣя Михаиловича, и благодаря энергичнымъ хлопотамъ предъ восточными патріархами его сына—царя Ѳеодора Алексѣевича, былъ возстановленъ въ своемъ патріаршемъ достоинствѣ.

---

1) Турецкіе статейные списки (въ Большомъ моск. архивѣ министерства иностр. дѣлъ) № 20, л. л. 332, 385, 386, 574, об., 720, 731. № 21, л.л. 120, 121, 219 и 224.

ГЛАВА VIII.

Осужденіе соборомъ 1667 года русскаго старообрядчества.

Особыя ожиданія, возлагавшіяся русскими на пріѣхавшихъ въ Москву восточныхъ патріарховъ. Паисій Лигаридъ и грекъ архимандритъ Діонисій, какъ главные руководители восточныхъ патріарховъ при сужденіи ими о русскомъ старообрядчествѣ. Сочиненіе архимандрита Діонисія о русскомъ старообрядчествѣ, на основаніи котораго патріархи признали старые русскіе обряды еретическими и соборно осудили ихъ какъ такіе. Самыя соборныя постановленія о старомъ русскомъ обрядѣ. Соборный судъ восточныхъ патріарховъ надъ русскою церковною стариною, поскольку она выразилась въ постановленіяхъ Стоглаваго собора и въ разныхъ существовавшихъ у насъ сказаніяхъ, оправдывавшихъ эту старину и въ то же время отрицавшихъ чистоту православія у позднѣйшихъ грековъ. Стремленіе восточныхъ патріарховъ, выразившееся въ различныхъ постановленіяхъ собора 1667 года, ввести въ русскую церковную жизнь тогдашніе греческіе церковные обычаи до греческой одежды для духовныхъ лицъ включительно. Соборное осужденіе восточными патріархами русской церковной старины производилось ими сознательно-тенденціозно, въ видахъ возвышенія значенія и авторитета въ глазахъ русскихъ современныхъ грековъ и въ видахъ подчиненія всей русской религіозно-церковной жизни греческому водительству и контролю. Господство греческаго взгляда на особенности стараго русскаго обряда, какъ на еретическія, продолжалось у насъ вплоть до учрежденія единовѣрія.

Послѣ осужденія патріарха Никона и послѣ поставленія въ московскіе патріархи Іоасафа, предсѣдательствовавшіе на соборѣ патріархи перешли къ рѣшенію вопроса о противникахъ церковной реформы Никона, дѣло о которыхъ, разсмотрѣнное и рѣшенное на соборѣ русскихъ іерархов 1666 года, передано было на пересмотръ и окончательное рѣшеніе собора 1667 года. Позволительно было ожидать, что все неясное и недоговоренное въ дѣяніяхъ собора 1666 года, будетъ вполнѣ выяснено и договорено, какъ того требовали

интересы русской церкви, прибывшими греческими іерархами, которые заняли на московскомъ соборѣ руководящее положеніе. Для греческихъ іерарховъ, какъ людей пришлыхъ, незаинтересованныхъ въ туземныхъ отношеніяхъ, смотрящихъ на дѣло со стороны и потому болѣе объективно и безпристрастно, какъ людей сравнительно болѣе образованныхъ, имѣвшихъ болѣе правильное, чѣмъ русскіе, представленіе о происхожденіи, постепенномъ ростѣ и измѣненіяхъ въ христіанской церкви обряда и его истинномъ отношеніи къ вѣроученію, легче, очевидно, было правильно понять и оцѣнить какъ самую реформу Никона, такъ и истинный характеръ ея противниковъ—старообрядцевъ, и тѣмъ авторитетно содѣйствовать у насъ водворенію церковнаго мира и успокоенія. Можно было ожидать, что прибывшіе въ Москву греческіе іерархи, при ближайшемъ ознакомленіи съ положеніемъ русскихъ церковныхъ дѣлъ увидятъ и убѣдятся, что въ лицѣ противниковъ церковной реформы Никона они имѣютъ дѣло не съ какими-то еретиками, заблуждающимися относительно церковнаго вѣроученія, а только съ кружкомъ лицъ, фанатично отстаивающихъ нѣкогда нами воспринятые отъ самихъ же православныхъ грековъ церковные обряды и чины, безразличные для вѣры и благочестія, но очень дорогіе для народа какъ старинные и привычные для него, что хотя эти древне-греческіе церковные чины и обряды и оказались несогласными кое въ чемъ съ современною тогдашнею практикою греческой церкви, уже ушедшею съ этой стороны впередъ, но несогласны въ такихъ незначительныхъ и безразличныхъ мелочахъ и частностяхъ, какія всегда существовали въ различныхъ помѣстныхъ православныхъ церквахъ и на какія каждая помѣстная церковь всегда имѣла и имѣетъ неоспоримое право. Такъ, т. е. миротворчески, поступать восточнымъ патріархамъ было тѣмъ болѣе необходимо, что, по убѣжденію русскихъ, восточные патріархи затѣмъ именно и прибыли въ Москву, чтобы принести съ собою на Русь слова любви, успокоенія и мира. Что русскіе возлагали большія надежды именно на миротворческую миссію прибывшихъ въ Москву патріарховъ, это они выразили въ своихъ привѣтственныхъ рѣчахъ къ нимъ. Такъ, при въѣздѣ патріарховъ въ столицу, рязанскій архіепископъ Иларіонъ, привѣтствуя ихъ, заявлялъ, что Россія радуется ихъ при-

бытію, котораго ждетъ уже седьмой годъ,—„уповаемъ говорилъ онъ далѣе, что чрезъ ваше блаженство достигнемъ вождѣленнаго мира“. Въ самомъ городѣ встрѣтилъ патріарховъ Крутицкій митрополитъ Павелъ и въ своей рѣчи къ нимъ заявлялъ: „благословите насъ, приклоняющихъ предъ вами головы, и дайте миръ любезный городу, семейству и всему христоименитому народу“. Въ Успенскомъ соборѣ патріарховъ встрѣтилъ новгородскій митрополитъ Питиримъ и заявлялъ имъ, „что царь, синклитъ сановниковъ и все многолюдство радуются въ надеждѣ избавленія россійской церкви, носящей траурную одежду вдовицы, отъ скверны неправовѣрія“. Самъ царь, на первомъ пріемѣ патріарховъ, говорилъ имъ: „какъ нѣкогда царь-пророкъ воспѣлъ Бога за благодѣяніе исхода іудейскаго, такъ я—за милость Его сверхъ чаянія“,—за личное присутствіе вашего блаженства; чѣмъ, надѣюсь, совершится избавленіе россійской церкви отъ нынѣшнихъ ея бѣдствій“ [1]).

Такимъ образомъ обстоятельства, въ которыхъ находились прибывшіе въ Москву восточные патріархи, располагали и побуждали ихъ осторожно и осмотрительно отнестись къ нестроеніямъ, проявившемся въ тогдашнемъ состояніи русской церкви, внушали имъ отнестись къ защитникамъ русской церковной старины возможно бережно и терпимо, чтобы своею мудрою снисходительностію и терпимостію къ заблуждающимся и къ колеблющимся, внести въ русскую церковную жизнь миръ и успокоеніе и тѣмъ предотвратить появленіе уже тогда назрѣвавшаго у насъ церковнаго раскола. А между тѣмъ восточные патріархи дѣйствовали на соборѣ относительно старообрядцевъ и старыхъ русскихъ обрядовъ какъ разъ обратно тому, какъ имъ слѣдовало дѣйствовать. На это, конечно, были особыя причины, которыя, по моему мнѣнію, заключались въ слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Когда восточные патріархи прибыли въ Москву, то для ознакомленія ихъ съ дѣломъ Никона, назначенъ былъ, какъ мы знаемъ, Паисій Лигаридъ, который естественно постарался познакомить патріарховъ и съ положеніемъ русскихъ церковныхъ дѣлъ вообще и особенно выяснить имъ, что та-

---

1) Соч. Паисія Лигарида о судѣ надъ патр. Никономъ, кн. II, гл. 2. Рукопись нашей академіи.

кое, по его мнѣнію, представляли изъ себя защитники русской церковной старины, возставшіе противъ грекофильскихъ реформъ Никона. Естественно, что взгляды знатока тогдашнихъ русскихъ церковныхъ дѣлъ—Лигарида имѣли прямое вліяніе на патріарховъ, невольно заставляли ихъ смотрѣть на старообрядцевъ глазами Лигарида, который видѣлъ въ старообрядцахъ враговъ грековъ, грубыхъ невѣждъ и церковныхъ нововводителей. Въ своемъ сочиненіи о судѣ надъ Никономъ Лигаридъ пишетъ: „внезапно устремился на дѣло лукавое другой шумный рой большихъ бѣдствій, за которымъ послѣдовалъ какой-то всенародный избытокъ соковъ, причинившій неисцѣлимую болѣзнь православной русской церкви... Такъ по чрезмѣрной безпечности Никона, вовсе не стоящаго на одномъ твердомъ мнѣніи, но безпрестанно мѣняющагося какъ Протей, для всеобщей заразы россійской церкви возникли нѣкоторые новые раскольники: Аввакумъ, Лазарь, Епифаній, Никита, Никаноръ, Ѳирсъ невоздержный на слова какъ Ѳерситъ, Григорій, носящій прозваніе Нерона. Бездну лжи написали они *противъ насъ* (*т. е. грековъ*), далеко превзошедшую зловонный навозъ Авгія... Противъ сихъ мужей-губителей, которые для гибельнаго заблужденія и для распространенія зла *извращаютъ древніе нравы церковные и обычаи отцовскіе*, которые однако думаютъ, что хранятъ постановленія какъ бы законныя; когда совершилось много преступныхъ волненій, *когда несказанныя нововведенія наполнили эту царственную столицу:* противъ сихъ мужей, поднявшихся на человѣческія ухищренія и облекшихся *въ неправовѣріе*, на продолжительное обличеніе и достаточное опроверженіе *ереси возникшей и преуспѣвшей*, составили мы книгу, по царскому и соборному повелѣнію, въ которой съ большою подробностію опровергли писанія Никиты, ефемернаго Ѳеолога, даже и концемъ перста не вкусившаго ѳеологіи. Книга наша потомъ сокращенно была переведена іеромонахомъ Симеономъ и предана тисненію на память вѣковѣчную, на безсмертную славу“. И далѣе Паисій говоритъ: „поистинѣ жезлоносцами явились три архіерея, *защитники св. Троицы*: Павелъ, Паисій и Иларіонъ, и выставили явственно, что тѣ многорѣчивые мужи (Аввакумъ, Лазарь и др.) тамъ и сямъ заимствовали лукавые плоды, *повидимому обличали Никона, а по существу—ромеевъ* (*грековъ*)

какъ бы уклонившихся отъ православія, отъ преданной отцами вѣры, отъ совѣсти". [1])

Но Паисій Лигаридъ былъ назначенъ царемъ познакомить патріарховъ спеціально съ дѣломъ Никона, въ которомъ Лигаридъ игралъ такую дѣятельную и видную роль, а для ближайшаго ознакомленія ихъ съ русскимъ старообрядчествомъ и его сторонниками, къ нимъ прикомандированъ былъ другой грекъ, который уже давно жилъ въ Москвѣ, хорошо зналъ русскій языкъ, всѣ послѣднія событія русской церковной жизни, а также сторонниковъ русскаго церковнаго старообрядчества, особенности ихъ воззрѣній, пониманія и самыя ихъ полемическія сочиненія. Это былъ архимандритъ аѳонскаго Иверскаго монастыря Діонисій. Съ нимъ намъ необходимо нѣсколько познакомиться.

Архимандритъ Діонисій прибылъ въ Москву въ качествѣ настоятеля московскаго Никольскаго греческаго монастыря въ 1655 году, а возвратился на Аѳонъ въ 1669 году, проживъ въ Москвѣ около пятнадцати лѣтъ. Отправляясь на Аѳонъ, въ 1669 году, Діонисій подалъ государю челобитную, въ которой заявляетъ, „что инымъ архимандритамъ, которые вовсе государю и не работали, однако дано было по 100, 500 и даже 1000 рублей и священныя одежды, а ему, Діонисію, который по царскому дѣлу задержанъ былъ и лишенъ званія своего пятнадцать лѣтъ, и работалъ великому государю и святой соборной грекороссійской церкви столь долгое время, всею душею и сколько было силы, и труды сіи вѣдомы государю,—ему дано только на 200 рублей соболями, и ему не только не съ чѣмъ будетъ явиться къ братіи, но и на дорогу едва станетъ. Пріѣхать же ему съ порожними руками въ монастырь предъ всѣми будетъ стыдно, и не знаетъ онъ съ какимъ лицомъ явится предъ братіей, потому что, и еслибъ и въ своихъ странахъ онъ столько бы пожилъ, то много бы пользы сдѣлалъ монастырю своему и себѣ, а здѣсь только напрасно здоровье свое изнурилъ, работая великому государю. И Мелетій не малую работу несъ, но за то и получилъ царскую милость неизреченно, а его, Діонисіева, работа не меньше" [2]).

---

[1])—кн. I, гл. 31 и 32.

[2]) Греческія дѣла 7177 г. № 25.

Итакъ Діонисій, оставляя Москву въ 1669 году, прямо и рѣшительно заявляетъ государю, что въ свое пятнадцатилѣтнее пребываніе въ Москвѣ онъ много трудился для церкви и государя, такъ много, что даже изнурилъ все свое здоровье. Въ чемъ же теперь состояли особые труды Діонисія для церкви и государя? На это имѣются нѣкоторыя указанія.

Въ заглавіи одного сборника изъ отеческихъ писаній, напечатаннаго въ Москвѣ въ 1665 году, говорится: „а свидѣтельствованы сія святыя и богодухновенныя книги во типографіи, со греческихъ старыхъ письменныхъ и печатныхъ переводовъ святыя горы Аѳонскія, тоя же святыя горы архимандритомъ Діонисіемъ, со клевреты его". [1]) Въ расходныхъ книгахъ печатнаго двора сохранились росписки архимандрита Діонисія въ полученіи имъ жалованья въ качествѣ книжнаго справщика [2]). На греческомъ печатномъ Евхологіѣ венеціанскаго изданія, съ котораго правили нашъ Служебникъ и который сейчасъ находится въ московской синодальной типографской библіотекѣ, есть собственноручныя помѣты архимандрита Діонисія [3]). Значитъ, Діонисій принималъ прямое дѣятельное участіе въ исправленіи нашихъ церковныхъ книгъ съ греческихъ, благодаря чему ему пришлось хорошо познакомиться съ старыми русскими рукописными и потомъ печатными книгами, что онъ и обнаружилъ въ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ старообрядчества, о которомъ сейчасъ скажемъ.

Московская дѣятельность Діонисія однимъ участіемъ въ книжныхъ исправленіяхъ не ограничивалась. Онъ, какъ аѳонитъ, былъ знатокомъ аѳонскихъ церковныхъ порядковъ, почему къ нему обращались за справками въ тѣхъ случаяхъ, когда, при исправленіи русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, встрѣчались какія-либо затрудненія, для устраненія которыхъ хотѣли опереться между прочимъ и на порядки столь высоко чтимой на Руси горы Аѳонской. Въ переписныхъ книгахъ дѣлъ посольскаго приказа значится:

---

[1]) Описаніе старопечатныхъ книгъ Толстого, стр. 298.

[2]) Румянцева: Древнія зданія москов. печатнаго двора, стр. 13, 32, примѣч. 67.

[3]) Чт. общ. ист. и древн. 1885 г., кн. IV, статья С. А. Бѣлокурова.

„столпикъ, а въ немъ переводъ съ греческаго письма съ тетради о освященіи воды на Іордани, что подалъ въ посольскомъ приказѣ архимандритъ Діонисій во 170 году“ [1]). Діонисій составилъ записку о началѣ и продожительности разныхъ церковныхъ службъ на Аѳонѣ, гдѣ онъ опредѣляетъ, во сколько часовъ къ какой службѣ начинаютъ благовѣстить на Аѳонѣ, сколько времени продолжается какая служба въ то или другое время года и т. п. [2]).

Діонисій пользовался значеніемъ и вліяніемъ у тогдашнихъ передовыхъ выдающихся русскихъ іерарховъ. Архіепископъ Рязанскій Иларіонъ, одинъ изъ главныхъ поборниковъ церковныхъ исправленій Никона, послѣ оставленія послѣднимъ патріаршей каѳедры,—учился у архимандрита Діонисія греческому языку. Протопопъ Аввакумъ пишетъ въ челобитной государю: „нѣкто гречинъ—архимандритъ Діонисій, училъ Иларіона архіепископа рязанскаго греческимъ буквамъ, реку и нравамъ, внѣшняя мудрствующимъ. Болѣзнуя жъ, рекохъ владыкѣ сему, древнія ради любви съ нимъ: владыко святый, у зазорна человѣка учишься!... Недобра похвала—такой воръ и ругатель великія Россіи святителя учитъ! И архіепископъ Иларіонъ въ то же время зѣло кручиненъ былъ“. [3]) Дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ, что Діонисій „всѣмъ новымъ властемъ знаемъ до конца“.

Какъ хорошо знающій русскій языкъ, русскіе обычаи, современное положеніе русскихъ церковныхъ дѣлъ, Діонисій былъ назначенъ толмачемъ при греческихъ патріархахъ на соборѣ 1667 года и, конечно, его взгляды на русское старообрядчество и русскую церковную старину естественно сдѣлались и взглядами восточныхъ патріарховъ, которые необходимо прислушивались къ мнѣніямъ своего свѣдущаго толмача о такихъ русскихъ дѣлахъ, о которыхъ они не имѣли ясныхъ и опредѣленныхъ представленій. Дьяконъ Ѳедоръ разсказываетъ, что будто бы одинъ изъ противниковъ церковной реформы Никона—Лазарь сдѣлалъ на соборѣ предъ патріархами такое заявленіе: „молю васъ, край-

---

[1]) Переписныя книги Посольскаго приказа № 4, 181 годъ, л. 183.

[2]) Эта записка напечатана въ моей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, прил. № 11.

[3]) Матер. для ист. раск. т. V, стр. 137—138.

нихъ пастырей, повелите мнѣ идти на судьбу Божію во огнь, и аще сгорю, то правы новыя книги, аще же не сгорю, то убо правы наши старыя отеческія книги, иже древле преведенныя съ вашихъ книгъ греческихъ непереперорченныхъ. Патріархи же рекоша: а больше сего судить мы не умѣемъ! И призваша близъ себѣ боярина и голову, и велѣша толмачу своему, Денису архимандриту, глаголати имъ и царю то сказати: древле убо ваши русскіе люди не пріяли просто святаго крещенія отъ нашихъ греческихъ святителей, но просили знаменія,—Евангеліе Христово положити на огонь, и аще не сгоритъ, тогда вѣруемъ и крестимся вси. И Евангеліе кладено бысть на огонь, и не сгорѣло: тогда русове вѣроваша и крестишася. И нынѣ такожде попъ вашъ Лазарь безъ извѣщенія не хощетъ пріимати новыхъ книгъ, но хощетъ идти на судьбу Божію во огнь; и не мы его къ тому принуждали, но самъ онъ тако изволилъ. Се слово возгласили трижды всѣмъ: а больше сего судить мы не умѣемъ! скажите царю. Они же шедши, сказаше ему вся глаголы ихъ. Царь же умолче; а русскіе власти всѣ возмутишася и страхъ нападе на нихъ: отъ кого не чаяли, сіе изыде". Страхъ рускихъ властей предъ героическимъ вызовомъ Лазаря былъ будто бы такъ великъ, что они употребили цѣлыхъ семь мѣсяцевъ, чтобы замять это непріятное для нихъ дѣло, причемъ воспользовались услугами патріаршаго толмача—архимандрита Діонисія. „Вси же власти русскія въ тѣ седьмь мѣсяцевъ, разсказываетъ Өеодоръ, начаша къ патріархомъ дары многи приносити: злато и сребро, и соболи и прочая драгія вещи, и стали той праведный судъ ихъ заминати лестію, яко лукавіи лисове хвостами слѣдъ свой. А на толмача онаго патріарша, Дениса архимандрита, трапезы многоцѣнныя уготовляху, и въ домы своя призываху его, и дарами надѣляху его, и ласкающе всяко, ежебы онъ патріарховъ своихъ уговорилъ, дабы по ихъ хотѣнію устроили вся, и сотворили дѣяніе соборное ихъ и не разорили бы, и царь-де любитъ то. Толмачь же той Денисъ и самъ праваго суда боялся, понеже соборную церковь Успенскую осквернилъ нѣкогда блудомъ... Толмачъ же той Денисъ до патріарша прихода за десять лѣтъ пріиде къ Москвѣ отъ Аѳонскія горы и русскому языку и обычаемъ всѣмъ навыченъ бѣ, и всѣмъ новымъ властемъ знаемъ до конца; а патріархи тѣ вновѣ при-

шли и ничего не знали, но что имъ скажетъ, то они и знаютъ, тому и вѣрятъ,—такова плута и приставили имъ нарочно, каковы и сами. И тотъ Денисъ, блудодѣй церковный, развратилъ души патріарховъ тѣхъ глаголя имъ еще: отцы святіи! заѣзжіе вы люди здѣ; аще тако станете судить здѣ безъ помазанія, и вамъ чести большой и милостыни довольной и даровъ не будетъ отъ великаго государя, и отъ всѣхъ властей такоже, но сошлютъ васъ въ монастырь гдѣ, яко же и нашего Максима—грека святогорца, и во свою землю не отпустятъ васъ, еще въ задоръ станетъ дѣло! Какъ имъ надобно, такъ и пущайте! Патріархи же послушали его и творить тако стали, а не спорили ничего, токмо потокали". [1]).

И такъ, по прямому свидѣтельству противниковъ Никона, на соборѣ 1667 года, по дѣламъ о старообрядцахъ, совѣтчикомъ и руководителемъ восточныхъ патріарховъ былъ главнымъ образомъ архимандритъ Діонисій, какъ человѣкъ, хорошо знавшій русскій языкъ, русскіе обычаи, принимавшій дѣятельное участіе въ исправленіи русскихъ церковныхъ книгъ и хорошо знакомый съ тогдашнимъ положеніемъ русскихъ церковныхъ дѣлъ, почему онъ и пользовался, въ этомъ отношеніи, полнымъ довѣріемъ греческихъ патріарховъ: „что онъ имъ скажетъ, то они и знаютъ, тому и вѣрятъ".

Государь, пригласившій въ Москву на соборъ восточныхъ патріарховъ, уже ранѣе предпринялъ мѣры, чтобы какъ слѣдуетъ подготовиться къ предстоящему собору. Готовились къ собору и сторонники старообрядчества. Они, какъ мы знаемъ, [2]) съ своей стороны, уже успѣли къ этому времени создать цѣлую литературу, поднять на ноги всю старую московскую мудрость и ученость, чтобы доказать всѣмъ—царю, властямъ, всему обществу и предстоящему собору, правоту своего дѣла и неправоту своихъ противниковъ. Словомъ они являлись на соборъ вполнѣ подготовленными, хорошо вооруженными и потому сильно расчитывали на побѣду. При такомъ положеніи дѣлъ правительство, рѣшительно ставшее на сторону новыхъ церковныхъ порядковъ, необходимо заранѣе должно было изыскать вѣрныя

---

[1]) Матер. для ист. раск. т. VI. стр. 244—257.

[2]) См. т. I-й, настоящаго изслѣдованія, гл. X.

средства для рѣшительной побѣды надъ противниками церковной реформы Никона. Понятно, къ кому теперь должно было обратиться правительство за содѣйствіемъ въ предстоящей рѣшительной борьбѣ съ защитниками старины, незнавшими науки и правильнаго научнаго образованія; понятно, что оно рѣшилось воспользоваться въ своихъ видахъ тѣми научными силами, какими оно располагало тогда въ лицѣ Паисія Лигарида, архимандрита Діонисія, Симеона Полоцкаго и, можетъ быть, Епифанія и его ученика Евѳимія. Эти ученые царскіе богомольцы, содержавшіеся на счетъ царя, и должны были сковать то ученое оружіе, которое бы окончательно поразило неученыхъ защитниковъ русской церковной старины. По порученію царя пишетъ опроверженіе челобитной Никиты Паисій Лигаридъ, по порученію царя и собора 1666 года Полоцкій пишетъ „Жезлъ правленія", составленіемъ котораго онъ занимался, конечно, еще ранѣе собора. Пишетъ сочиненіе противъ старообрядцевъ и архимандритъ Діонисій. Всѣ эти сочиненія, писанныя, разными лицами, независимо одинъ отъ другого, должны были служить тѣмъ матеріаломъ, опираясь на который соборъ долженъ былъ произнести то или другое окончательное свое сужденіе о старообрядствѣ. Оставляя въ сторонѣ сочиненіе Лигарида и Полоцкаго, мы укажемъ здѣсь на особое значеніе и важность сочиненія архимандрита Діонисія, подъ прямымъ вліяніемъ котораго составлены были постановленія собора 1667 года о нашихъ старообрядцахъ.

Если на соборѣ 1666 года, состоявшимъ исключительно изъ русскихъ іерарховъ, выразилось чисто русское пониманіе старообрядчества и русское отношеніе къ нему, то въ постановленіяхъ собора 1667 года о старообрядчествѣ сказалось по преимуществу греческое пониманіе русскаго старообрядчества, подготовленное особенно сочиненіемъ грека архимандрита Діонисія. Послѣднее несомнѣнно было подъ руками у греческихъ отцовъ собора, служило для нихъ руководствомъ въ пониманіи русскаго старообрядчества, почему нѣкоторыя изъ соборныхъ постановленій о старообрядцахъ и представляютъ изъ себя только простыя дословныя выдержки изъ сочиненій Діонисія [1]). Въ виду этого, сочине-

[1]) Сочиненіе грека архимандрита Діонисія находится въ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка московской синодальной библіотеки № 372 (л.л. 26

ніе архимандрита Діонисія получаетъ для насъ особую важность и значеніе, такъ какъ оно хорошо знакомитъ насъ съ взглядами находившихся въ Москвѣ грековъ на происхо-

---

по 85 включительно) и было мною напечатано въ журналѣ „Православное Обозрѣніе“ за 1888 г. (№№ 7 и 12). Въ рукописи имя автора не указано, но оно несомнѣнно принадлежитъ греку, такъ какъ авторъ выражается о себѣ какъ, о грекѣ, противопоставляетъ себя, какъ грека, русскимъ. Изъ самаго сочиненія видно, что авторъ грекъ былъ аѳонитъ, что онъ хорошо зналъ русскій языкъ, знакомъ съ русскими рукописными и печатными книгами, хорошо былъ знакомъ съ современнымъ положеніемъ русскихъ церковныхъ дѣлъ, съ воззрѣніями и всею политикою защитниковъ русской церковной старины. Но такимъ грекомъ въ Москвѣ былъ только одинъ иверскій архимандритъ Діонисій, другого лица изъ грековъ съ такими качествами въ тогдашней Москвѣ не было. Что сочиненіе написано до собора 1667 года, объ этомъ имѣются ясныя указанія въ самомъ сочиненіи.

Сочиненіе Діонисія распадается на четыре главы, при чемъ каждая глава подраздѣлена на нѣсколько статей. Первая глава, носящая надписаніе „о аллилуіи“, послѣ небольшаго вступленія и предисловія, подраздѣляется на восемь небольшихъ статей, обозначенныхъ на полѣ цифрами. Вторая глава, имѣющая надписаніе: „о честномъ крестѣ“, подраздѣляется на двѣнадцать статей. Третья глава надписывается: „о четвероконечномъ крестѣ, иже именуютъ крыжемъ“ и подраздѣляется на семь статей. Четвертая глава, имѣющая надписаніе: „о Іисусовѣ молитвѣ“, подраздѣляется на двѣ статьи.

Мною, при изданіи сочиненія Діонисія въ 1888 году, было сдѣлано и напечатано (Прав. Обозр. 1888 г. № 7) дословное сличеніе третьей главы соборныхъ дѣяній 1667 года съ текстомъ моей рукописи. Изъ этого сличенія оказалось, что третья глава соборныхъ постановленій 1667 года, подробно трактующая о правильности троенія, а не двоенія аллилуіи, съ ссылкою на разныя доказательства въ пользу именно троенія: что правильное сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія есть только троеперстное, а никакъ не двоеперстное, какъ содержащее въ себѣ будто бы еретическое ученіе,—есть только простая дословная выписка изъ сочиненія архимандрита Діонисія, иногда сдѣланная съ нѣкоторыми сокращеніями. Значитъ, сочиненіе архимандрита Діонисія не только было подъ руками присутствовавшихъ на соборѣ восточныхъ патріарховъ, но они составляя тѣ или другія свои опредѣленія о русскомъ старообрядчествѣ, прямо дѣлали изъ него дословныя выписки, т. е. въ своихъ соборныхъ сужденіяхъ о русскомъ старообрядчествѣ они всецѣло шли за архимандритомъ Діонисіемъ, повторяли только то, что онъ имъ говорилъ и писалъ. Въ виду такой исключительной важности сочиненія грека Діонисія для уясненія истиннаго характера постановленій собора 1667 года о русскомъ старообрядчествѣ, я печатаю вновь это сочиненіе въ приложеніи, такъ какъ впервые мною напечатанное въ 1888 году въ журналѣ Православное Обозрѣніе, оно осталось совершенно незамѣченнымъ.

жденіе русскихъ старообрядческихъ церковныхъ особенностей, на тотъ смыслъ и значеніе, какое имъ приписывали находившіеся тогда въ Москвѣ греки и въ значительной степени уясняетъ намъ истинный смыслъ соборныхъ клятвъ 1667 года, положенныхъ на старообрядцевъ.

Особенностямъ русскаго обряда и чина, которые перешли къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ отъ древнихъ православныхъ грековъ, архимандритъ Діонисій однако прямо и рѣшительно приписываетъ еретическое происхожденіе. Эти особенности появились у насъ — русскихъ, увѣряетъ онъ, только послѣ того, какъ русскіе митрополиты перестали рукополагаться въ Константинополѣ. „Сія прелесть, говоритъ онъ, таковымъ обычаемъ бысть въ Россіи: отнелѣже, сирѣчь, отъ того времене, егда престали россійскія митрополиты ходити въ Царьградъ хиротонисатися, якоже хождаху преблаженніи митрополити: Петръ, Алексій и Іона, Кипріанъ и Фотій и прочіи. И елико время хождаху россійскія митрополиты въ Царьградъ хиротонисатися, и хождаху и гречестіи архіереи въ Россію, *тогда возсіяше благочестіе и православіе больше здѣ—въ Россіи.* А отнелѣже престаша россійскія митрополити ходити въ Царьградъ хиротонисатися, ради нужнаго пути, сирѣчь, ради страха турскаго воинства, — зане тогда турки зѣло страшно ратоваша вся страны христіанскія,—того ради и гречестіи архіереи изящніи не хождаху въ Россію таковыя ради вины. *И того ради начаша быти здѣ сія прелести: о сложеніи перстовъ, и прилогъ въ символъ, и аллилуіа и прочее.* Обрѣтающе время, обрѣтникъ злобы діаволъ, посѣя многая зизанія, а не истерзаша я никто (до нынѣшняго благочестивѣйшаго, тишайшаго и боговѣнчаннаго нашего государя, царя и великаго князя Алексіа Михаиловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца) и укоренишася и возрастоша великія злобы, и во обычай и соимство быша въ васъ: зло за добро и горкое за сладкое... Остася, говоритъ авторъ, *земля сія не орана,* и возрасте терніе и триволи и ина дикія зизанія *и темнымъ омраченіемъ омрачишася*". И только со временъ Грознаго царя „по малу сія земля великороссійская *просвѣщатися паки нача* и прославлятися *и въ православіе вправлятись, а не усовершенно*". Со времени же Алексѣя Михаиловича, т. е. съ того времени какъ снова русскіе тѣсно сблизились съ греками и признали ихъ выс-

шій авторитетъ въ своихъ церковныхъ дѣлахъ, въ Россіи „возсія благочестія и православія зѣло, и умножися благодать Божія *и въ совершеніе достиже*, терніе и триволы и прочая дикая зизанія изсхоша, *и мракъ и тма отступи, и свѣтлѣйшій и совершеннѣйшій свѣтъ истины возсія православно*".

На возраженіе защитниковъ нашей русской старины, что русскіе митрополиты: Петръ, Алексій, Іона, Кипріанъ и Фотій „тѣми книгами и обычаи спасошася", авторъ — грекъ отвѣчаетъ, „что во времени ихъ обычаи сія и несогласіе не быша, токмо быша согласіе и добры чины, *яко жъ и у грековъ тогда и нынѣ, зане они хождаху во Царьградъ и хиротонисашася тамо, и не единожды хождаху во Царьградъ, но и дважды и трижды ради церковныхъ потребъ, и греческое писаніе вѣдаша, и сего ради православно и согласно со греками мудрствоваши*" и къ этому прибавляетъ: „сего ради и прослави ихъ Богъ". И только уже послѣ этихъ митрополитовъ, ходившихъ въ Царьградъ и поставляться и ради церковныхъ потребъ, при митрополитахъ, совсѣмъ прекратившихъ свои хожденія въ Царьградъ и переставшихъ признавать въ своихъ церковныхъ дѣлахъ руководственное значеніе греческихъ патріарховъ, „сіе несогласіе и прелести возрастоша отъ нѣкихъ еретиковъ, *кіи отъ грековъ отлучишася*, и съ ними не совопрошахуся ни о чесомъ же, *ради тогдашнія своея суемудрія*".

На такое объясненіе Діонисіемъ происхожденія русскихъ еретическихъ обрядовъ и чиновъ, защитники нашей старины возражали ему, что онъ представляетъ дѣло невѣрно, такъ какъ со временъ Грознаго царя до Никона на Москвѣ перебывало много греческихъ архіереевъ. У насъ былъ самъ вселенскій патріархъ Іеремія и поставилъ въ московскіе патріархи Іова, былъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ и поставилъ Филарета Никитича, былъ, при патріархѣ Іосифѣ, другой іерусалимскій патріархъ—Паисій, и никто изъ нихъ ни разу не замѣтилъ, чтобы у русскихъ были какіе-либо еретическіе церковные чины и обряды, никто изъ нихъ не пытался ихъ исправить, что они однако обязаны были бы сдѣлать, если бы у насъ дѣйствительно были чины и обряды еретическаго происхожденія и смысла.

Чтобы устранить это возраженіе своихъ русскихъ противниковъ, Діонисій пытается доказать, что патріархи: Іеремія,

Ѳеофанъ и Паисій, будучи на Москвѣ, не имѣли будто бы никакой возможности узнать о существованіи у русскихъ еретическихъ обрядовъ и чиновъ, въ силу тѣхъ исключительныхъ обстоятельствъ, въ какихъ они находились, живя въ Москвѣ. Когда вселенскій патріархъ Іеремія прибылъ въ Москву, разсказываетъ Діонисій, то русскіе „не пустиша никого отъ его людей ходити свободно по граду: ни старца, ни мірскаго, ниже россійскіе люди ходиша къ нему. И во едино лѣто, что живе на Москвѣ, токмо трижды изыдоша отъ дому и быша въ царскихъ палатахъ: первое убо, егда пріиде и виде царя и благослови его; второе же, егда постави патріарха и угостиша его; третіе, егда простися и иде восвояси. Но сидячи, и патріархъ и сущіи съ нимъ архіереи и прочіи во единомъ дому, и ниже они хождаху внѣ, ниже къ нимъ ходи кто; откуду можаху вѣдати, что бываетъ въ церкви и что глаголютъ и что мудрствуютъ? Сего невѣдуще бываемая и не глаголаша что“. То же самое будто бы было въ Москвѣ и съ іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ: и онъ, подобно Іереміи, сидѣлъ съ своими спутниками въ одномъ домѣ и никуда не могъ выдти, а если „исходиша кто до торгу ради потребы, ходиша за ними и стражи; и паче сего: языка не вѣдуще, сего ради ниже они бываемая вѣдаша въ россійской церкви, того ради ниже они глаголаша что. Подобнѣ и Паисій патріархъ и прочіи“.

На вопросъ: кто же насадилъ на Руси неправые и даже еретическіе церковные чины и обряды, Діонисій отвѣчаетъ, что это сдѣлалъ самъ дьяволъ—„обрѣтающе время, обрѣтникъ злобы діаволъ посѣя (на Руси) многая зизанія“, почему Діонисій, обращаясь къ старообрядцамъ, говоритъ: „отъ сатаны, отца и друга вашего и учителя, слышесте и навыкосте сія“. Дьяволъ дѣйствовалъ чрезъ латинянъ, у которыхъ русскіе могли научиться двоеперстію, „ибо латини, говоритъ Діонисій, знаменіе креста никогда треми персты не твориша, ниже творятъ, но знаменуются токмо двѣмя персты, и древле и нынѣ“. Точно также и сугубая аллилуія, за которую держатся старообрядцы, заимствована отъ латинянъ, такъ какъ, говоритъ Діонисій, въ древнихъ православныхъ книгахъ „дважды аллилуіа глаголати нигдѣ не обрѣтается указано, развѣ въ новыхъ испорченныхъ книгахъ отъ суемудрыхъ и неразумныхъ, негли отъ латинскихъ книгъ взято, зане ла-

тины, извѣстно, дважды глаголютъ аллилуіа, а трижды никогда глаголютъ".

Если особенности русскаго дониконовскаго обряда своимъ происхожденіемъ обязаны еретикамъ, если эти „тернія и волчцы и всякія дикія зизанія" насѣялъ у насъ въ удобное время „обрѣтникъ злобы діаволъ", то понятно само собою, что еретическаго происхожденія русскіе обряды необходимо должны заключать въ себѣ и еретическое ученіе, нетерпимое въ православной церкви. И дѣйствительно, Діонисій старается возможно подробно и обстоятельно вскрыть и указать то еретическое ученіе, какое будто бы содержатъ въ себѣ старые русскіе обряды, кое въ чемъ несходные съ тогдашними греческими.

По увѣреніямъ архимандрита Діонисія, употребляемое нашими старообрядцами двоеперстіе несомнѣнно заключаетъ въ себѣ еретическое ученіе. Діонисій пишетъ: „глаголете вы (старообрядцы) яко три персты, иже совокупляете подъ двю же перстахъ, Святую Троицу; и два перста, которіи выше трехъ—Божество и человѣчество. Се яко исповѣдаете два Бога: единъ Богъ болши—Божество и человѣчество Христово; второй Богъ ниже и менше, которое имянуете святою Троицею. И такова Троица неподобна и неравна, зане есть единъ перстъ первый—болши, и четвертый—менши, и пятый еще зѣло менше. Еще и числа ихъ разны: первый перстъ, и четвертый, и пятый, а не поряду число: первый, вторый и третій... Иже глаголете два перста, которіи стоятъ выше,—Божество и человѣчество, а три перста—Святую Троицу и полагаете ниже—подъ человѣчество. Едино убо: въ семъ хулите Святую Троицу; второе же: яко полагаете персты неравны и внѣ числа и ряда, зане есть первый перстъ, и четвертый, и пятый, и посреди ихъ стоятъ два перста горѣ, и разлучаютъ отъ прочихъ двухъ, и наипаче три перста, еже глаголете Троицу, стоятъ наклонены подъ тѣми двѣма. Се явно есть, яко хулите Святую Троицу въ тѣхъ трехъ неравныхъ перстахъ, иже совокупляете: первый и четвертый и пятый и глаголете, яко есть Святая Троица. Въ семъ исповѣдуете во Святой Троицѣ неравенство, яко аріане, и несторіане, македоніане, и савеліане, и духоборцы, аполинаряне; зане они сице исповѣдоваша и мудрствоваше во Святой Троицѣ несравненіе и неединосущіе: Отца болше, Сына

менше, и Духа Святаго еще менше, яко раба. Такожде и вы: первый—большой перстъ Отца именуете, четвертый Сына менше, и пятый, иже есть менше, Духа Святаго именуете. Якоже выше-реченнiи еретицы хулите и вы Святую Троицу, еще и горше, зане они дотолико мудрствоваша, а вы еще мудрствуете и ино еще горше яко монихеяне и маркiоняне и апелiане: два Бога—единаго горѣ, а другого долѣ. Сице и вы исповѣдуете во дву перстахъ—единаго Бога сугуба и болша, а въ трехъ перстахъ—другаго Бога трегуба, и неравна, и менша, зане тѣ три перста стоятъ наклонны подъ двѣма. Елицы еретицы бяху изначала и до нынѣ, никто же таковая вредословiя не дерзну рещи, или показати Божество въ перстахъ, или богословити о Божествѣ, или о воплощенiи Христовѣ въ перстахъ руки; но токмо вы, антихристовы предтечи и ученицы, или кто прежде васъ научи, или мудрствова сице, или написа, и онъ антихристовъ ученикъ бѣ и предтеча". Въ другомъ мѣстѣ Дiонисiй опять говоритъ: „како въ перстахъ хощете, новiи немудрые мудрецы, богословити и показати Божества разнства: единаго Бога сугуба, а другаго Бога трегуба и неравна, показуете убо два Бога: единаго трiипостаснаго и неравна, по арiаномъ, македонiаномъ, несторiаномъ, савелiаномъ и аполинарiаномъ, а втораго Бога—по манентомъ, и апелiаномъ, якоже выше рекохомъ шире. И четыре испостаси въ Божествѣ исповѣдуете: въ трехъ перстахъ неравныхъ, иже глаголете Троицу, единаго Сына, Отца менша исповѣдаете по персту, зане есть меншiй и въ числѣ руки четвертый перстъ; и паки во дву перстахъ другаго Сына болша, зане стоитъ выше Святыя Троицы и исповѣдуете два Сына: единаго, иже есть вкупѣ со Отцемъ и Святымъ Духомъ и того менша, и другаго Сына разна, иже есть съ плотiю и обрѣтается особно отъ Отца и Святаго Духа, и въ томъ Его вы почитаете выше Троицы. Или двѣ ипостаси исповѣдаете въ Сынѣ Божiи: едину ипостась Божества, а другую человѣчества, зане два перста токмо числа являетъ двое, или двѣ ипостаси, или два Бога; а Божество и человѣчество како можешь показати въ перстахъ? Никако, токмо число. Два перста вкупѣ и паки три перста вкупѣ, которые бываютъ пять,—и съ тѣмъ сложенiемъ перстъ или пять ипостасей исповѣдуете въ Божествѣ, или два Бога: едина сугуба, а другаго трегуба и неравна;

не буди вредословіе". Эти свои хитрыя разсужденія о смыслѣ и значеніи двоеперстнаго перстосложенія въ крестномъ знаменіи Діонисій заканчиваетъ такимъ рѣшительнымъ опредѣленіемъ русскихъ двоеперстниковъ: „никтожъ отъ вѣка явися еретикъ таковый, яко же вы, предтечи антихристовы".

Если главнѣйшая старообрядческая обрядовая особенность—двоеперстіе несомнѣнно заключаетъ въ себѣ, по мнѣнію Діонисія, еретическое ученіе, то то же самое онъ находитъ и въ сугубой аллилуіи. „Не разумѣютъ окаянніи и слѣпіи сердцемъ, говоритъ онъ, зане якожъ глаголютъ они дважды аллилуіа, то есть велми и зѣло велія ересь: сотворяютъ бо во Святой Троицѣ раздѣленіе, а не соединеніе". Дважды аллилуіа, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, таже: Слава Тебѣ Боже, являетъ по вашему трижды Слава Тебѣ, Боже. Се трижды Слава Тебѣ Боже являетъ токмо Троицу, а единицу ни. Идѣже бо исповѣдуется Троица просто безъ единицы, разумѣется зло: зане вмѣнится сія Троица три бози, а не единъ Богъ... Идѣже Троица и единица, православное есть исповѣдываніе; и идѣже Троица безъ единицы, многобожіе еллинско есть; и идѣже единица безъ Троицы, безбожіе іудейское и агарянское есть".

Еретическое ученіе заключается, по мнѣнію Діонисія, и въ молитвѣ Іисусовой, какъ ее произносятъ приверженцы русской старины. „Чего ради, говоритъ онъ, упрямитеся вы и хощете токмо: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій глаголати, а: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, ниже слышати хощете? Не разумѣете, окаянніи, яко во Аріеву ересь впадаете, зане Арій Христа Сына Божія токмо глагола и исповѣда,—такожде и вы нынѣ... И како хощете вы токмо глаголати: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, а: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, отвращаетеся и ниже слышати хощете? Извѣстно есть въ томъ, яко мудрствуете и вы яко Арій и исповѣдаете и вы Христа токмо Сына Божія по благодати, а не Бога истинна по существу Отца".

Одинаковое сложеніе перстовъ и въ крестномъ знаменіи и въ іерейскомъ благословеніи, принимаемое старообрядцами, тоже указываетъ, по толкованію Діонисія, на еретичество. „Еще и ина блядословите и глаголете, говоритъ онъ, зане подобаетъ, якоже знаменуется крестомъ кійждо, тѣми сложеніи перстовъ такожде и благословлятися самому себѣ

комуждо. Обаче, по вашему, и свинопасцомъ и всякому простому человѣку и бабѣ благословляти подобно яко архіерею и іерею, и да не имѣютъ между собою единаго разньства архіерей и іерей отъ людина и отъ свинопасца. Сіе есть явная ересь безглавныхъ, и люторская, и кальвинская, которые священства не имѣютъ, ниже почитаютъ".

Но если старый русскій обрядъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ, какъ увѣряетъ Діонисій, еретическое ученіе, то понятно само собою, что этотъ еретическій обрядъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть болѣе терпимъ въ православной церкви, ни одинъ истинно православный христіанинъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ держаться его, особенно послѣ того, какъ заключающееся въ немъ еретическое ученіе было указано и обличено и когда, слѣдовательно, нельзя болѣе извинять себя и невѣдѣніемъ. Теперь держащійся стараго обряда уже тѣмъ самымъ будетъ показывать, что онъ сознательно держится еретическаго ученія и потому, какъ еретикъ, неминуемо подлежитъ церковному отлученію наравнѣ со всѣми другими еретиками. Разъяснивъ, что въ двоеперстіи заключается „хула и ересь велія", Діонисій говоритъ далѣе: „сего ради блюдитеся ради любве Христовы отъ таковыя ереси и хулы, зане елико время невѣдѣніемъ согрѣшисте, чающе тму свѣтъ и горкое и сладко, имѣсте тогда негли меншій грѣхъ и меншій судъ отъ Бога. Но отнелѣже истязася сія вещь, и явися истина и извѣстися соборнѣ и всенароднѣ ко всѣмъ, сирѣчь и вселенскіе соборы о томъ быша,... и подложиша анаѳемою немудрствующихъ тако, яко мудрствуетъ святая, восточная и вселенская великая церковь православно,—вы, противляющіяся нынѣ, грѣхъ великій согрѣшаете, и тяжкій судъ вамъ отъ Бога будетъ за непокорство и упрямство ваше, и яко еретики страшно истязани будете и отъ лица Божія, и вѣчнаго покоя лишени будете". Указавъ еретическій смыслъ, заключающійся будто бы въ сугубой аллилуіи, Діонисій говоритъ затѣмъ: „сего ради не льститеся глаголюще дважды аллилуіа, не бо есть истинное мудрованіе, но погрѣшенное, зане елико время глаголасте сице невѣдѣніемъ, тогда бо имѣли и менше грѣхъ. А отнелѣже народствовашеся вещь, сирѣчь, явися во всемъ народѣ и проповѣдася истинно, аще кто ради упрямства своего противляяся, таковый согрѣшаетъ

тяжко и смертный грѣхъ согрѣшаетъ, зане падать будете во ересь безглавыхъ и упрямство есть діавольское, и кто стоитъ во упрямствѣ, той въ діавольской воли и власти обрѣтается, и той будетъ его преобрѣсти яко истина еретика, зане упрямый человѣкъ есть сущій еретикъ, такови бо быша и древніи еретицы“.

Итакъ, въ то время, когда русскіе утверждали, что послѣ паденія Константинополя православіе у грековъ замутилось, что они приняли въ свою церковную практику нѣкоторыя латинскія новшества, такъ что православіе въ его чистомъ и неизмѣненномъ видѣ сохранилось теперь только у однихъ русскихъ, грекъ архимандритъ Діонисій утверждаетъ какъ разъ совершенно противоположное. Онъ авторитетно заявляетъ, что такъ какъ со времени паденія Константинополя русскіе митрополиты перестали ставиться у константинопольскаго патріарха, перестали обращаться къ нему за рѣшеніемъ разныхъ вопросовъ и недоумѣній и, вообще, не стали признавать его высшій авторитетъ и руководство въ своихъ церковныхъ дѣлахъ, и такъ какъ къ тому же „гречестіи архіереи изящніи“ перестали ходить на Русь, то именно съ этого времени у русскихъ и появились въ церковной практикѣ разные обряды и чины еретическаго происхожденія и смысла, которые совсѣмъ было замутили въ московской Руси истинное чистое православіе. Съ этаго именно времени утверждаетъ Діонисій, „начаша быти здѣ (въ Московской Руси) сія прелести: о сложеніи перстовъ, и прилогъ въ символъ, и аллилуіа (сугубая) и прочее“; съ этаго времени, „земля сія (Московской Руси) осталась не орана, и возрасте тернія и триволи и иная дикія зизанія и темнымъ омраченіемъ омрачишися“, и притомъ такъ сильно, что на московской Руси стали принимать „зло за добро и сладкое за горькое“. И только мало-по-малу, завѣряетъ Діонисій, „сія земля великороссійская просвѣщатися паки нача и прославлятися и въ православіе вправлятись“, хотя и не совершенно. И только уже въ самое послѣднее время, именно при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, на Руси „возсія благочестіе и православіе зѣло, и умножися благодать Божія, и въ совершеніе достиже, тернія и триволы и прочая дикія зизанія исхоша, и мракъ и тма отступи и свѣтлѣйшій и совершенный свѣтъ истины возсія православно“. Это только потому, что при Алексѣѣ Михайловичѣ не только произведено было

исправленіе русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ по образцу тогдашнихъ греческихъ, но и признано было, что греческіе іерархи имѣютъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ высшій авторитетъ и руководящее значеніе, что русская церковь должна находиться не только въ тѣсномъ общеніи съ четырьмя старѣйшими восточными церквами, но и занимать относительно ихъ подчиненное положеніе.

Приведенныя воззрѣнія грека Діонисія на русскія обрядовыя церковныя особенности, какъ на еретическія по своему происхожденію и заключающемуся въ нихъ смыслу, имѣютъ особую, исключительную важность, такъ какъ восточные патріархи, призванные на соборѣ 1667 года произнести свой компетентный и окончательный приговоръ о русскомъ старообрядчествѣ, въ основу своихъ сужденій о немъ положили тѣ именно воззрѣнія на старый русскій обрядъ, какія высказалъ въ своемъ сочиненіи грекъ архимандритъ Діонисій. Такъ патріархамъ поступить было тѣмъ легче, что воззрѣнія Діонисія на происхожденіе и характеръ особенностей стараго русскаго обряда, по сравненію его съ тогдашнимъ греческимъ, крайне упрощало патріархамъ рѣшеніе запутанныхъ церковно-обрядовыхъ тогдашнихъ русскихъ споровъ, не требуя отъ нихъ ни серьезнаго изученія обсуждаемыхъ предметовъ и вопросовъ, ни историческаго углубленія въ церковно-обрядовую жизнь раннѣйшихъ вѣковъ христіанской жизни: всѣ особенности русскаго церковнаго обряда, завѣрялъ Діонисій, создались исключительно на русской почвѣ, проникнутой невѣжествомъ, неразуміемъ и самочиніемъ, создались какими-то еретиками, по наущенію самого сатаны, и потому естественно носятъ неправославный характеръ, содержатъ въ себѣ прямо еретическое ученіе. Дѣло, такимъ образомъ, объ особенностяхъ русскаго церковнаго обряда, по сравненію его съ тогдашнимъ греческимъ, разрѣшалось очень просто и ясно, просто и ясно опредѣлялось и то отношеніе, въ какое вселенскіе восточные патріархи должны стать на соборѣ къ старому русскому обряду: это отношеніе должно было быть, очевидно, безусловно отрицательнымъ. Конечно, на соборѣ были русскіе іерархи, представлявшіе изъ себя большинство, по сравненію съ греческими іерархами, и они, казалось бы, могли воспрепятствовать тенденціозному униженію греками рус-

ской церковной старины, ея публичному тендеціозному поруганію тогдашними, пришлыми въ Москву греками. Но восточные патріархи нисколько не стѣснялись русскихъ архіереевъ, а спокойно вели на соборѣ свою предвзятую греческую линію, такъ какъ и русское правительство и русскіе архіереи все веденіе дѣлъ на соборѣ всецѣло предали въ руки патріарховъ. Послѣдніе прекрасно поняли выгоду своего положенія, свое доминирующее значеніе въ рѣшеніи всѣхъ соборныхъ вопросовъ, полную пассивность и безпомощность русскихъ іерарховъ, и потому держали себя на соборѣ какъ авторитетные верховные судьи и безапелляціонные рѣшители всѣхъ русскихъ церковныхъ дѣлъ. Такими они почувствовали себя сейчасъ же послѣ осужденія ими Никона, когда, по словамъ Паисія Лигарида, они повели къ русскимъ отцамъ собора рѣчь въ такомъ тонѣ: „видите явно, братія, говорили патріархи, что Никонъ не былъ способнымъ дѣлателемъ нивы и Господнихъ: во время его отсутствія выросла бездна колючихъ плевелъ *ереси и раскола*, на горе сего Россійскаго царства, *которые мы должны нынѣ искоренить не безъ крови*, тщательно настаивая и трудясь надъ окончательною оцѣнкою оныхъ и надъ искорененіемъ обуреваемаго матеріализмомъ неправовѣрія. Эти-то соблазны церковные сдѣлали болѣе всего угрюмымъ христіаннѣйшаго государя нашего Алексѣя Михайловича, ибо разстроилась гармонія святой церкви, и отсутствіе древняго благочестія окончательно поселилось въ членахъ судилищъ; *нынѣ правосудіе изгнано, всюду размножились грабежи, тираннія и властолюбіе возрастаютъ. Все это*, богоспасаемый царь нашъ, по человѣколюбію своему, *возложилъ на насъ, какъ на судей и блюстителей для разсмотрѣнія всякаго дѣла и приведенія въ порядокъ;* онъ говоритъ со стономъ: вы блюстители, пастыри и всеепископы, почему, поднявшись въ высокую свѣтлицу разума, посмотрите на то, какъ хитрые звѣри желаютъ войти въ ограду, для истребленія ягнятъ. Почему и мы нашли, по изслѣдованіи, *что все состояніе церкви развращено; мы рѣшились* отъ всей души *все это исправить*“ [1]).

Какъ пріѣхавшіе въ Москву восточные патріархи повели на соборѣ дѣло исправленія и приведенія въ порядокъ

[1]) Сочиненіе Лигарида о судѣ надъ Никономъ, кн. II, гл. 19.

всѣхъ русскихъ дѣлъ, какія мѣры они употребили, чтобы водворить въ русской церкви миръ и успокоеніе, сейчасъ увидимъ.

Русскіе отцы собора 1666 года, спеціально занимавшіеся разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ вопроса о старообрядцахъ, составившие объ нихъ свое опредѣленіе, передали свое соборное дѣяніе на пересмотръ и окончательное утвержденіе пріѣхавшихъ въ Москву восточныхъ патріарховъ: „и они, святѣйшіе патріархи, наши соборы и дѣла и разсужденія слышавша, глаголали: яко такое есть истинно и право разсудисте и съ нами во во всемъ согласно: якоже мы держимъ и мудрствуемъ свыше и изначала, тако и вы соборовали есте и мудрствовали, зане сіе преданіе есть святыхъ апостолъ, и святыхъ отецъ и святыя церкве чинъ древній, и книги исправленныя и новопреводныя печатныя суть правы и согласни съ нашими греческими книгами. И своимъ великопастырскимъ благословеніемъ наши соборы и дѣла и разсужденія благословиша и утвердиша“.

Но простымъ только утвержденіемъ ранѣе сдѣланнаго на соборахъ русскими архипастырями патріархи не ограничились, а присоединили къ дѣлу о противникахъ церковной реформы Никона и о нашихъ старыхъ обрядахъ свое особое сужденіе и постановленіе, существенно отличное отъ сужденій и постановленій по этому вопросу собора русскихъ іерарховъ въ 1666 году. Именно, соборное патріаршее постановленіе говоритъ: „къ симъ убо нынѣ обще мы, милостію Божіею православніи вселенстіи патріархи, Киръ Паисій, папа и патріархъ великаго града Александріи и судія вселеннѣй, и Киръ Макарій, патріархъ Божія града великія Антіохіи и всего востока, вкупѣ со братомъ и сослужителемъ нашимъ Киръ Іоасафомъ, патріархомъ московскимъ и всея Россіи, и съ преосвященными митрополиты, архіепископы и епископы россійскими, и со прилучившимися здѣ греческими архіереями и со прочими, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ великороссійскаго государства:

„Во имя великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа соборнѣ заповѣдуемъ всѣмъ вамъ: архимандритомъ, игуменомъ и всѣмъ монахомъ, протопопомъ и старостамъ поповскимъ, и всѣмъ священникомъ мѣстнымъ и не мѣстнымъ, клирикомъ же и всякому чину православнымъ христіаномъ,

великимъ и малымъ, мужемъ и женамъ, и повелѣваемъ вамъ покорятися во всемъ, безъ всякаго сумнѣнія и прекословія, святѣй восточнѣй и апостольстей церкви Христовѣ. Архимандриты же и игумены да научатъ свою братію въ монастырѣхъ, протопопы и старосты поповскіе, и попы мѣстные и не мѣстные, мѣстніи же священницы кійждо въ своемъ приходѣ и кійждо священникъ вся своя дѣти духовныя, мужи и жены и отроки, да учатъ почасту во всѣхъ церквахъ и наединѣ, дабы покорялися вси во всемъ безъ всякаго сумнѣнія святѣй восточнѣй церкви. И книги, яже за повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя, царя и великаго князя Алексія Михаиловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и благословеніемъ и совѣтомъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ исправишася и переведошася и напечатася при Никонѣ, бывшемъ патріархѣ и, послѣ его отшествія, за благословеніемъ освященнаго собора, книги Служебникъ и Потребники и прочія (зане суть право исправлены) пріимати и по нихъ да прикажутъ правити церковное все Божіе славословіе чинно и немятежно, и единогласно, и гласовное пѣніе пѣти на рѣчь, и святый символъ пріимати и глаголати яко святіи и богоносніи отцы въ первомъ вселенскомъ соборѣ, иже въ Никеи, и во второмъ вселенскомъ соборѣ, иже въ Константинополи, написаша греческимъ языкомъ, и прочіи вселенстіи собори и помѣстніи пріимаша, яко же нынѣ исправлено противо греческаго, и напечаташа словенскимъ языкомъ безъ прилога *истиннаго* и безъ всякаго измѣненія. Тако убо всѣмъ держати повелѣваемъ и глаголати въ церкви и повсюду исповѣданіе православные вѣры, и аллилуіа въ божественномъ пѣніи во учиненныхъ мѣстахъ глаголати трижды, сирѣчь: аллилуіа, аллилуіа, аллиліа, слава Тебѣ Боже, по древнему преданію, якоже писано есть и въ древнѣйшихъ харатейныхъ словенскихъ книгахъ. И знаменіе честнаго и животворящаго креста творити на себѣ треми персты десныя руки: палецъ глаголемый и иже близь его, глаголамый указательный, и средній—слагати вкупѣ во имя Отца и Сына и Святаго Духа; два же: глаголемый мизинецъ и иже близь его—ближе—средній, имѣти наклоненны и праздны, по древнему преданію святыхъ апостоловъ и святыхъ отцевъ. Тако бо имутъ вси народи христіанстіи, мнози языцы, иже суть

во православіи, отъ востока и до запада, преданіе издревле и до нынѣ неизмѣнно держатъ, яко же и нынѣ видится въ Россіи, яко мужіе поселяне неизмѣнно, изъ древняго обычая, знаменуются треми первыми персты. И молитву Іисусову глаголати сице: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ, въ церковномъ пѣніи и въ общемъ собраніи, а наединѣ яко кто хощетъ. Къ сему же приказати всѣмъ просфорницамъ, гдѣ кому приказано, чтобы просфоры печатали, и печатію креста четвероконечнаго, яко же выше изобразися, по свидѣтельству великихъ учителей: Аѳанасія Великаго и Іоанна Дамаскина и иныхъ, яко и отъ двою древу сложенный крестъ—истинный есть крестъ. Посему же и чинъ церковный и монастырскій и посты хранити по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отцевъ, яко же восточная, святая, соборная и апостольская церковь содержитъ ко спасенію всѣмъ православнымъ христіаномъ. Еще же повелѣваемъ всѣмъ вамъ священному чину и показуемъ, како вамъ знаменовати, сирѣчь благословляти народъ: сложивши десныя руки іерею два перста, глаголемый указательный простертъ и великосредній мало наклоненъ, яже знаменуетъ: Іисусъ, и паки, два перста, глаголемый палецъ и близосредній, наклонена, другодружно совокуплена, яже знаменуетъ литеру Х, и паки присовокупленъ къ близосреднему персту малый перстъ, глаголемый мизинецъ, простертъ и мало наклоненъ, иже знаменуетъ литру С, и все сія три персты знаменуютъ Хс҃. И симъ именемъ Господа нашего Іисуса Христа завѣщеваемъ вамъ знаменовати вѣрныхъ народы, по реченному ко Аврааму о Христѣ: и въ сѣмени твоемъ благословятся всѣ языцы".

„Сіе наше соборное повелѣніе и завѣщаніе ко всѣмъ вышереченнымъ чиномъ православнымъ предаемъ и повелѣваемъ всѣмъ неизмѣнно хранити и покарятися святой восточной церкви. Аще ли же кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святой восточной церкви и сему освященному собору, или начнетъ прекословити и противитися намъ, и мы таковаго противника данною намъ властію отъ всесвятаго и животворящаго Духа, аще ли будетъ отъ священнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствія и проклятію предаемъ, аще же отъ

мірскаго чина (будетъ), отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа, *и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника*, и отъ православнаго всесочлененія и стада, и отъ церкви Божія отсѣкаемъ, дондеже уразумится и возвратится въ правду покаяніемъ. А кто не уразумится и не возвратится въ правду покаяніемъ и пребудетъ во упрямствѣ своемъ до скончанія своего, да будетъ и по смерти отлученъ, и часть его и душа его со Іудою предателемъ и съ распеншими Христа жидовы, и со Аріемъ и съ прочими проклятыми еретиками. Желѣзо, каменіи и древеса да разрушатся и да растлятся, а той да будетъ не разрѣшенъ и не растлѣнъ, и яко тимпанъ вовѣки вѣковъ, аминь".

„Сіе соборное наше узаконеніе подписахомъ и утвердихомъ нашими руками и положихомъ въ дому Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успенія, въ патріархіи богохранимаго царствующаго великаго града Москвы и всея Россіи, въ вѣчное утвержденіе и присное воспоминаніе, въ лѣто отъ сотворенія міра 7175, отъ воплощенія же Бога Слова 1667, индикта пятаго мѣсяца маія въ 13 день" [1]).

Итакъ, соборъ 1667 года счелъ постановленія собора русскихъ іерарховъ 1666 года въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ недостаточными, именно: все то, что касалось новоисправленнаго обряда и что поставлено было соборомъ 1666 года, такъ сказать, на одну доску съ другими его постановленіями относительно церковнаго благочинія, онъ нарочно выдѣляетъ въ особую группу, относительно которой и составляетъ свое особое опредѣленіе. Такъ онъ поступаетъ очевидно потому, что его воззрѣнія на выдѣленные имъ вопросы были отличны отъ воззрѣній собора 1666 года, почему онѣ и требовали, по его мнѣнію, иного рѣшенія, нежели какое состоялось о нихъ въ 1666 году, иначе ему не зачѣмъ было бы дѣлать новое постановленіе по тѣмъ самымъ вопросамъ, которые уже были рѣшены въ 1666 году, ему было бы тогда достаточно утвердить уже существовавшія соборныя постановленія.

Нетрудно видѣть, въ чемъ состояла существенная раз-

---

1) Матер. для ист. раскола т. II, стр. 211—220.

ница по указаннымъ пунктамъ постановленій собора 1667 г. отъ постановленій собора русскихъ іерарховъ 1666 года. Послѣдній, какъ мы видѣли, не хулилъ нашихъ старыхъ обрядовъ, считалъ ихъ, какъ и новые, тоже православными, только отжившими, и, по требованію времени, церковію отмѣненными, вслѣдствіе чего онъ не налагалъ клятвы, не отлучалъ отъ церкви только за одно употребленіе стараго обряда; окончательную замѣну стараго обряда новоисправленнымъ онъ предоставлялъ времени и въ употребленіи стараго обряда видѣлъ нарушеніе только обычныхъ распоряженій церковныхъ властей относительно церковнаго благочинія, если только удержаніе стараго обряда не соединялось съ хулою на новоисправленный обрядъ, съ заявленіями, что ради послѣдняго церковь стала не церковію, архіереи не архіереи, таинства не таинства. Виновные въ послѣднемъ подвергались соборной клятвѣ именно только за такую хулу на церковь, а не за то, что они еще продолжали по привычкѣ держаться стараго обряда. Такое отношеніе собора русскихъ іерарховъ 1666 года къ старому русскому обряду восточные патріархи признали рѣшительно неправильнымъ. Соборъ 1667 года, руководимый восточными патріархами, не только безусловно запрещаетъ употребленіе стараго обряда, но и налагаетъ соборную клятву, вѣчное отлученіе отъ церкви на всякаго, кто бы впредь сталъ держаться обряда, налагаетъ клятву именно только за употребленіе стараго обряда, который ни подъ какимъ видомъ не долженъ существовать впредь въ православной церкви,—никакихъ исключеній, никакихъ уступокъ въ этомъ отношеніи соборъ не дѣлаетъ. Если бы соборъ дѣйствительно въ какихъ либо случаяхъ допускалъ возможность удерживать старый обрядъ безъ подпаденія за это соборной клятвѣ, то онъ, конечно, прямо бы указалъ и оговорилъ эти случаи и обязанъ былъ это сдѣлать. Соборъ хорошо зналъ, какія смуты и нестроенія происходятъ въ русской церкви изъ-за приверженности народа къ старому обряду, и этого знанія уже вполнѣ было бы достаточно для того, чтобы ему, въ своихъ постановленіяхъ, сдѣлать какую-либо оговорку относительно возможнаго, при извѣстныхъ условіяхъ, удержанія стараго обряда, если бы это соборомъ дѣйствительно допускалось. Но со-

боръ этого не сдѣлалъ, конечно потому, что не хотѣлъ и не имѣлъ въ виду этого сдѣлать, и, значитъ, онъ безусловно запретилъ употребленіе стараго обряда на все будущее время. Иначе понимать и толковать приведенное выше постановленіе собора, значило бы навязывать ему такія намѣренія, какихъ онъ вовсе не имѣлъ и, во всякомъ случаѣ, не выразилъ въ своихъ опредѣленіяхъ.

Почему соборъ 1667 года, руководимый двумя бывшими въ Москвѣ восточными патріархами, такъ нетерпимо отрицательно отнесся къ старому русскому обряду, который въ существѣ дѣла былъ древне-греческимъ православнымъ обрядомъ, это понятно. Восточные патріархи въ своемъ пониманіи происхожденія и смысла обрядовыхъ русскихъ особенностей, по сравненію ихъ съ тогдашнимъ греческимъ обрядомъ, держались воззрѣній грека архимандрита Діонисія и строго послѣдовательно старались провести ихъ въ своихъ постановленіяхъ о русскихъ старообрядцахъ. Вмѣстѣ съ Діонисіемъ патріархи находятъ въ особенностяхъ русскаго обряда скрытое въ нихъ прямое еретическое ученіе. Такъ, соборное опредѣленіе, составленное подъ руководствомъ патріарховъ, согласно съ Діонисіемъ, и даже его словами, говоритъ: „а еже глаголютъ нѣцыи аллилуія 2-жды; таже: Слава тебѣ Боже, никакова основанія въ томъ имѣютъ. Толкуютъ бо, яко знаменуетъ аллилуіа: Слава тебѣ Боже, 2-жды аллилуіа, тоже: Слава тебѣ Боже, являетъ по ихъ 3-жды Слава тебѣ Боже. Се трижды Слава тебѣ Боже являетъ токмо Троицу, а единицу ни. Се убо грѣшатъ зѣло: зане невѣденіемъ исповѣдуютъ токмо Троицу просто, а единицу ни. Но святая восточная и апостольская церковь православно мудрствуетъ и исповѣдуетъ въ Божествѣ Троицу и единицу“. Въ другомъ мѣстѣ своихъ дѣяній соборъ говоритъ: „въ Евфросиновѣ житіи писана отъ соннаго мечтанія велія и несказанная хула на святую и живоначальную Троицу, ея же и писанію предати не подобаетъ. Толкуя бо аллилуіа глаголетъ воплотившася Бога Отца, и паки глаголетъ воплотившагся Святаго Духа, и паки воскресша Бога Отца и Святаго Духа“. Двоеперстію патріархи даютъ на соборѣ такое толкованіе: „глаголаша тѣ суемудріи (т. е. приверженцы стараго обряда), яко два перста, второй указательный, и третій средній, Божество и человѣчество зна-

менуютъ, и три перста: первый, четвертый и послѣдній — меншій, наклонити и совокупити подъ двѣма персты, и имѣноваша Святую Троицу и глаголаша, яко тѣ три неравныя и разныя персты есть таинство Святыя Троицы. Всѣмъ убо явлено есть, *яко исповѣдаша во Святѣй Троицѣ неравенство, яко аріане, и несторіане, и духоборцы, и аполинаряне и прочіи проклятіи еретицы*: зане оніи сице исповѣдаша несравненіе и раздѣленіе во Святѣй Троицѣ: Отца болша назваша, а Сына менша, и Духа Святаго еще менша и яко раба; *такожде и тѣ три разныя и неравныя персты являютъ, яко же же мудрствоваше вышереченіи проклятіи еретицы*". Относительно молитвы Іисусовой патріархи говорятъ: „а кто хощетъ глаголати, упрямства ради, токмо едино: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, а: Господи Ісусе Христе Боже нашъ, глаголати отвращается, *мнится, яко мудрствуетъ и исповѣдуетъ Христа, яко и Арій, точію Сына Божія быти по благодати, а не Бога истинна, единосущнаго Отцу.* И въ томъ внимайте и разсудите и уразумѣйте, кая молитва есть вящше прилична и больше чести приноситъ Христу. Явственно есть, яко сія молитва: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, есть вящше прилична и больши Христу приносится честь: зане сею молитвою исповѣдуемъ Христа Сына Божія быти и Бога истина. Глаголюще: Господи Іисусе Христе, то Сына Божія исповѣдуемъ: зане единъ Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій а не инъ. А глаголюще: Боже нашъ, помилуй насъ, тѣмъ исповѣдуемъ, яко Христосъ есть истинный Богъ нашъ, яко и Отецъ и Духъ Святый. Сего ради достоитъ вамъ глаголати сію молитву: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ. Но и сія молитва: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, непрекословящимъ свободна есть къ читанію. Противящіися паки сея молитвы: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, узаконенію да увѣщаются, еже научитеся чести ю благоговѣйно, яко отцы святыми преданную". Относительно нашего стараго обычая ходить въ церковныхъ процессіяхъ по солнцу, патріархи постановляютъ: „преувѣдѣхомъ и сіе, яко въ великую субботу на утрени, егда входъ бываетъ со святою плащаницею окрестъ церкви, подобнѣ и во освященіи церкве входъ со святыми мощами около же церкве, не ходятъ по обычаю святыя восточныя церкве направо, къ

востоку, но ходятъ налѣво, къ западу, мудрствующе, яко по солнцу подобаетъ ходити. И то несмысленно мудрствуютъ; зане не согласно есть съ прочими чины церковными. (Въ этомъ сказывается) токмо суемудріе, и мятежъ, и расколъ“. Относительно символа патріархи заповѣдуютъ: „повелѣваемъ мы, православніи патріарси, со всѣмъ освященнымъ соборомъ съ великою клятвою, еже святый символъ пріимати и глаголати безъ прилога, якоже святіи и богоносніи отцы въ первомъ и во второмъ вселенскихъ соборѣхъ написаша гречески, якоже нынѣ исправлено и печатается славенски“.

Такимъ образомъ, по толкованію восточныхъ патріарховъ, руководившихъ московскимъ соборомъ 1667 года, и заимствованному ими у грека архимандрита Діонисія, всѣ особенности стараго русскаго обряда, несогласныя съ тогдашнимъ греческимъ, содержатъ въ себѣ или прямо еретическое ученіе, или представляютъ изъ себя продуктъ русскаго „несмысленнаго мудрованія“, являютъ собою „токмо суемудріе, и мятежъ, и расколъ“. Очевидно, подобный обрядъ необходимо и неизбѣжно долженъ былъ подвергнуться со стороны патріарховъ рѣшительному конечному запрещенію на все послѣдующее время, всякій его употребляющій, послѣ разъясненій сдѣланныхъ соборомъ, необходимо подлежалъ церковному отлученію и клятвѣ только за употребленіе самаго обряда, такъ какъ православная церковь никогда и ни подъ какимъ видомъ не можетъ терпѣть въ своей практикѣ такаго обряда, который она сама признаетъ или прямо еретическимъ, или за такое произведеніе „несмысленнаго мудрованія“, которое являетъ въ себѣ „токмо суемудріе, и мятежъ, и расколъ“. Совсѣмъ другое было бы дѣло, если бы патріархи, вмѣстѣ съ соборомъ, признали старый обрядъ такъ же православнымъ, какъ и новый, возникшимъ и выросшимъ на той же почвѣ вселенскаго православія, заключающимъ въ себѣ то же строго православное ученіе, такъ что все различіе между старымъ и новымъ обрядомъ сводилось бы только къ различію внѣшней формы обряда, которая въ христіанской церкви постоянно измѣнялась и впредь можетъ измѣняться по требованію тѣхъ или другихъ историческихъ обстоятельствъ, причемъ каждой отдѣльной церкви всегда принадлежало и принадлежитъ право производить извѣстныя перемѣны въ своемъ обрядѣ. При такой постановкѣ

дѣла для собора тогда достаточно было бы требовать отъ всѣхъ признанія новоисправленнаго обряда, но не налагать клятвы на держащихся по привычкѣ стараго обряда только за то, что они держатся стараго обряда, тогда можно было бы окончательную замѣну стараго обряда новымъ предоставить времени, не опасаясь, чтобы отъ этого произошелъ какой либо вредъ для церкви. Но, къ сожалѣнію, указаннаго единственно правильнаго взгляда на нашъ старый обрядъ и на единственно правильное отношеніе къ нему, у руководителей собора 1667 года—восточныхъ патріарховъ вовсе не было, и потому они неизбѣжно, руководствуясь воззрѣніями грека архимандрита Діонисія, должны были безусловно и навсегда запретить употребленіе стараго обряда и наложить клятву на всякаго, кто бы впредь сталъ держаться его.

Простаго осужденія и отлученія отъ церкви всѣхъ державшихся стараго обряда было однако недостаточно, такъ какъ старообрядцы въ своемъ сопротивленіи реформѣ Никона опирались на русскую церковную старину, въ ней находили свою опору, защиту и свое оправданіе. Въ виду этого, вмѣстѣ съ осужденіемъ старообрядчества, необходимо было коснуться и вопроса о русской церковной старинѣ, поскольку она служила опорою для старообрядцевъ т. е. нужно было прямо и опредѣленно сказать, оправдываетъ-ли русская старина старообрядцевъ или нѣтъ? А такъ какъ сомнѣній въ томъ, что старообрядчество дѣйствительно оправдывается русскою церковною стариною, не могло быть, то собору и пришлось позвать на свой судъ предшествующую церковную жизнь русскихъ и произнести надъ ней, главнымъ образомъ въ лицѣ Стоглаваго собора, свой компетентный приговоръ. И дѣйствительно, относительно Стоглаваго собора состоялось такое характерное соборное постановленіе: „А соборъ, иже бысть при благочестивомъ великомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, всея Россіи самодержцѣ, отъ Макаріа, митрополита московскаго, и что писаша о знаменіи честнаго Креста, сирѣчь о сложеніи двою перстовъ, и о сугубой аллилуіи и о прочемъ, *еже писано неразсудно, простотою и невѣжествомъ*, въ книзѣ Стоглавѣ, и клятву, юже безъ разсужденія и неправедно положиша, мы православніи патріарси, Киръ Паисій, папа и патріархъ алексан-

дрійскій и судіа вселеннѣй, и Киръ Макарій, патріархъ антіохійскій и всего востока, и Киръ Іоасафъ, патріархъ московскій и всея Россіи, и весь освященный соборъ, тую неправедную и безразсудную клятву Макаріеву и того собора разрѣшаемъ и разрушаемъ, и той соборъ не въ соборъ, и клятву не въ клятву, но ни во что вмѣняемъ, якоже и не бысть: *зане той Макарій митрополитъ, и иже съ нимъ, мудрствоваше невѣжествомъ своимъ безразсудно, якоже восхотѣша, сами собою, не согласяся съ греческими и древними харатейными словенскими книгами, ниже со вселенскими святѣйшими патріархи о томъ совѣтоваша и ниже convпросишася съ ними*". Въ другомъ мѣстѣ своихъ соборныхъ постановленій патріархи еще яснѣе и опредѣленнѣе высказываютъ тѣ мотивы, по которымъ они отмѣняютъ обязательность постановленій Стоглаваго собора и еще рельефнѣе подчеркиваютъ свою спеціально-греческую точку зрѣнія на русскую церковную старину. Они говорятъ, что Стоглавый соборъ никакъ не можетъ быть признанъ именно потому: „понеже не свидѣтельствованъ есть, ниже бо писаніемъ ко вселенскому патріарху и ко прочимъ святыя восточныя церкве о церковныхъ винахъ возвѣщенный, якоже обычай имать святая церковь, по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ;—ниже мѣсто блюстителей отъ оныхъ бысть, якоже въ правилахъ о семъ писаное видѣти есть" [1]).

Чтобы понять всю греческую соль, заключающуюся въ приведенныхъ патріаршихъ постановленіяхъ о Стоглавомъ соборѣ, необходимо имѣть въ виду, что этотъ соборъ состоялся между прочимъ и въ силу той очень распространенной въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ мысли, что Константинополь уже потерялъ свое первенствующее и руководящее положеніе въ православномъ мірѣ и его мѣсто заняла Москва—третій Римъ, и что въ дѣлахъ вѣры и благочестія первое мѣсто теперь принадлежитъ не грекамъ, а русскимъ. Въ виду этого Стоглавый соборъ рѣшаетъ всѣ церковные вопросы на основаніи только тѣхъ данныхъ, какими тогда обладала русская церковь, вовсе не обращаясь къ грекамъ, какъ это было ранѣе, за совѣтомъ, указаніями, за утвержденіемъ состоявшихся своихъ соборныхъ постановленій. Но

---

[1]) Матер. для ист. раск. II, 220—221, 395.

Стоглавый соборъ не просто игнорируетъ современныхъ грековъ, а и утверждаетъ въ русской церкви и обрядъ, несогласный съ современнымъ греческимъ. Это онъ дѣлаетъ конечно потому, что считаетъ нѣкоторые тогдашніе греческіе церковные обряды отступившими отъ нормы истинно православнаго древняго греческаго обряда, который, нѣкогда воспринятый русскими отъ старыхъ грековъ, у нихъ теперь только и сохранился въ прежнемъ неповрежденномъ видѣ. Вообще въ дѣятельности и постановленіяхъ Стоглаваго собора ясно и рѣшительно выражена была мысль о полной религіозно-церковной зрѣлости русскихъ, уже не нуждавшихся болѣе въ опекѣ и водительствѣ грековъ, о полной самостоятельности и независимости русской церкви отъ греческой, о правѣ русскихъ устроять свою церковную жизнь самостоятельно, не оглядываясь на современныхъ грековъ. Понятно отсюда, что если Стоглавый соборъ былъ особенно дорогъ для русскихъ, какъ выраженіе ихъ полной зрѣлости и самостоятельности въ церковно-религіозной сферѣ, то для грековъ, ближе познакомившихся съ характеромъ и значеніемъ въ русской церковной жизни Стоглаваго собора, онъ былъ явленіемъ крайне непріятнымъ и прямо ненавистнымъ, какъ унижавшій греческое и грековъ и на счетъ ихъ униженія безмѣрно возвышавшій русское. Занимая на соборѣ 1667 года господствующее и опредѣляющее положеніе, греки воспользовались этимъ и составили о Стоглавомъ соборѣ такое опредѣленіе, изъ котораго русскіе должны были увидать, что іерархи ихъ церкви, даже въ цѣлой своей совокупности, взявшись самостоятельно, безъ руководства и указаній грековъ, рѣшать разные церковные вопросы, дѣлали соборныя постановленія „неразсудно, простотою и невѣжествомъ“, соборныя клятвы они клали „безъ разсужденія и неправедно“, что и самъ предсѣдатель русскаго Стоглаваго собора—митрополитъ Макарій, котораго русскіе, и вполнѣ справедливо, считали однимъ изъ замѣчательныхъ и для тогдашняго времени образованнѣйшимъ пастыремъ своей церкви, „мудрствовалъ (на соборѣ) невѣжествомъ своимъ безразсудно“, причемъ главная причина безразсудныхъ и невѣжественныхъ мудрованій и клятвъ тогдашнихъ русскихъ іерарховъ въ томъ именно и заключается, что они вообразили себя правоспособными дѣлать соборныя церковныя по-

становленія безъ всякаго участія и одобренія грековъ: „ниже со вселенскими святѣйшими патріархи о томъ совѣтоваша и ниже совопросишася съ ними“, „ниже мѣстоблюстителей отъ оныхъ бысть кто“. Теперь русскіе должны были торжественно-соборно признать весь періодъ своей самостоятельной церковной жизни, когда они устранили изъ нея всякое непосредственное участіе и вліяніе грековъ, періодомъ ошибокъ и заблужденій, временемъ прискорбнаго и пагубнаго уклоненія русской церкви отъ истинно православныхъ чиновъ и обрядовъ, когда по свойственному и общему всѣмъ тогдашнимъ русскимъ іерархамъ „неразумію и невѣжеству“, они, подъ видомъ возстановленія и укрѣпленія церковной старины, вводятъ въ русскую церковную практику еретическіе обряды, наивно принимая ихъ за строго православные. Очевидно отсюда, что крайне рѣзкій и тенденціозный отзывъ о Стоглавѣ собора 1667 года былъ составленъ не русскими, а греческими іерархами. Какъ не замутились умы русскихъ современи церковной реформы Никона, какъ не пошатнулись ихъ старыя традиціонныя воззрѣнія на свою прошлую церковную жизнь, все-таки и теперь сами русскіе не могли такъ рѣзко—презрительно отнестись къ своей церковной старинѣ, къ постановленіямъ того собора, на которомъ присутствовали: русскій царь, всѣ святители русской церкви и, между ними, прославленные угодники Божіи. Даже самъ Никонъ не рѣшался открыть и прямо поднять руку на постановленія Стоглаваго собора, не рѣшался на такой шагъ и цѣлый соборъ русскихъ іерарховъ 1666 года, а если это было сдѣлано на соборѣ 1667 года и притомъ въ такой рѣзкой и обидной для русскихъ формѣ, то это сдѣлали греки, а не русскіе. Русскіе іерархи только безпрекословно подписались подъ продиктованнымъ имъ греками.

Кромѣ постановленій Стоглаваго собора противники церковной реформы Никона приводили и другія основанія въ пользу защищаемой ими русской церковной старины. Въ доказательство двоеперстія они ссылались на такъ называемое Ѳеодоритово слово и на извѣстное сказаніе о св. Мелетіѣ антіохійскомъ, въ доказательство правильности двоенія аллилуіи—на житіе св. Евфросина псковскаго и на одно сочиненіе Максима Грека, въ оправданіе русскихъ притязаній на первенство въ православномъ мірѣ — на сказаніе о

бѣломъ клобукѣ. Всѣ эти сказанія, имѣвшія въ виду оправдать и утвердить особенности русскаго обряда, были разсмотрѣны патріархами и найдены ими несостоятельными, не имѣющими никакаго значенія. Такъ относительно Өеодоритова слова и сказанія о св. Мелетіѣ соборъ говоритъ: „а еже глаголютъ на святаго Мелетіа и на Өеодорита, яко писаша и повелѣша они якоже знаменатися, тако и благословити архіерею, и въ томъ на св. Мелетіа и на Өеодорита солгано: зане св. Мелетій три первые персты показа ради трехъ ипостасей Святыя Троицы, и паки тыя три персты совокупи ради единаго Божества и бысть знаменіе; а не инако бысть показаніе перстовъ отъ святаго Мелетіа. А Өеодоритъ о томъ ничтоже писа: зане велико истязаніе о томъ было во святѣй горѣ Аөонстѣй въ лѣто 7156-е, подобнѣ, якоже и въ царствующемъ градѣ Москвѣ бысть крѣпкое истязаніе отъ преосвященныхъ великороссійскихъ митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, во Святомъ Дусѣ собравшихся въ лѣто 7174-е, и не обрѣтеся въ Өеодоритовѣ книзѣ таковое писаніе, но солгано на него, Өеодорита, отъ нѣкихъ суемудрыхъ и сокровенныхъ еретиковъ". О житіи св. Евфросина псковскаго, поскольку въ немъ находили оправданіе для двоенія аллилуіи, соборъ говоритъ: „и о еже писано въ житіи преподобнаго Евфросина, отъ соннаго мечтанія списателева, о сугубой аллилуіи, да никто тому вѣруетъ, зане все тое писаніе блядивое есть, отъ лстиваго и лживаго списателя писано на прелесть благочестивымъ народомъ". Относительно сказанія о бѣломъ клобукѣ соборъ дѣлаетъ такое постановленіе: „повелѣваемъ и писаніе, еже писано есть изъ Рима ко Генадію новгородскому архіепископу отъ Димитрія толмача (о бѣломъ клобукѣ) и о прочихъ, да никто сему писанію вѣру имѣтъ: зане лживо и неправо есть, якоже яснѣйши возобличатся прочія его блядословія во иномъ писаніи. Обаче мы благословихомъ всѣхъ митрополитовъ великороссійскаго государства, да носятъ бѣлыя клобуки по греческому образу ради древняго обычая, а не ради лживаго писанія Димитрія толмоча, еже писа отъ вѣтра главы своея" [1]).

Такимъ образомъ, всѣ тѣ данныя, какими русскіе доселѣ

1) Idid.—222, 233, 237, 269, 273—275.

оправдывали законность и правильность существованія у нихъ обряда отличнаго отъ современнаго греческаго, все, что питало и поддерживало у нихъ доселѣ представленіе о рѣшительномъ превосходствѣ русскаго благочестія предъ современнымъ греческимъ, подверглось со стороны грековъ суровому соборному осужденію.

Но отлученіемъ отъ церкви и наложеніемъ клятвы на всѣхъ старообрядцевъ соборъ 1667 года, руководимый восточными патріархами, не ограничился, а предалъ старообрядцевъ и градскому суду. На рѣшеніе собора поставленъ былъ вопросъ: „аще еретики и раскольники, подобаетъ-ли наказатися градскимъ закономъ, или токмо церковнымъ наказаніемъ?“ Соборъ на это отвѣчаетъ: „ей подобаетъ ихъ наказати и градскимъ наказаніемъ“ и приводитъ затѣмъ рядъ примѣровъ изъ греческой исторіи, когда соборы повелѣвали „наказать злочестивыхъ и градскимъ закономъ, и казнить ихъ разнымъ томленіемъ и различныя муки, и сице овымъ языки отрѣзоша, овымъ руце отсѣкоша, овымъ уши и носы, и позориша ихъ по торгу, и потомъ сослани быша въ заточеніе до кончины ихъ“. Въ виду такихъ примѣровъ изъ греческой исторіи соборъ заключаетъ: „се убо познаемъ отъ сихъ, яко еретики и раскольники нетокмо церковнымъ наказаніемъ имутъ наказатися, но и царьскимъ, сирѣчь градскимъ закономъ и наказаніемъ“. Сообразно съ такимъ рѣшеніемъ собора патріархъ Іоасафъ обратился къ царю Алексѣю Михаиловичу отъ своего лица и отъ лица всего освященнаго собора съ заявленіемъ, что они, царскіе богомольцы, употребили, съ своей стороны, всѣ усилія, согласно лежащимъ на нихъ обязанностямъ, „взыскати злокозненныя расколоначальники, великій мятежъ въ церкви Божіи творящія“, которыхъ „обрѣтше и Христовою благодатію емше, пастырски прежде поучахомъ проповѣдію слова Божія, и по святому апостолу Павлу, настояхомъ благовременнѣ и безвременнѣ, обличахомъ, запрещахомъ, молихомъ со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ“, но не смотря на это, нѣкоторые, хотя и не многіе, остались упорны въ своихъ заблужденіяхъ, почему и были преданы соборомъ анаѳемѣ. Теперь патріархъ, отъ лица собора, обращается къ царю съ моленіемъ: „да крѣпкою десницею твоею защитиши церковь Божію отъ нихъ, да мстиши имъ безбожное ратованіе, и обо-

ронили овцы стада Христова отъ зубъ ихъ волчіихъ, да не ктому бѣгаютъ и рыкаютъ, во еже что восхитити и поглотити“ [1]).

Значитъ, соборъ 1667 года, подъ предсѣдательствомъ двухъ восточныхъ патріарховъ, не только подвергъ проклятію и отлученію отъ церкви всѣхъ тѣхъ, кто бы теперь сталъ держаться стараго обряда, но и потребовалъ отъ свѣтскаго правительства, чтобы и оно, съ своей стороны, подвергло всякимъ преслѣдованіямъ всѣхъ приверженцевъ стараго обряда, усиленно доказывая ему, что въ этомъ заключается его прямая обязанность относительно церкви, что такъ съ церковными противниками всегда поступали благочестивые греческіе цари, которымъ должны обязательно подражать въ этомъ случаѣ и благочестивые русскіе цари.

Итакъ, восточные патріархи соборно признали и утвердили: а) что наши старообрядцы большіе и опасные еретики; б) что ихъ, какъ еретиковъ, нужно отлучить отъ церкви и подвергнуть анаѳемѣ; в) что не только ихъ слѣдуетъ отлучить отъ церкви и анаѳематствовать, но еще и подвергнуть всевозможнымъ градскимъ казнямъ, чтобы этими суровыми мѣрами искоренить ихъ окончательно. Значитъ, бывшіе въ Москвѣ восточные патріархи не только закрѣпили и санкціонировали существованіе у насъ старообрядчества, какъ отдѣльнаго отъ православной церкви очень зловреднаго и опаснаго по своему еретичеству религіознаго общества, но и настояли на томъ, чтобы свѣтское правительство и въ будущемъ всячески преслѣдовало и жестоко казнило ихъ, пока не искоренитъ ихъ окончательно, чѣмъ восточные два патріарха и на все будущее время узаконили, такъ сказать, благословили и освятили политику всяческихъ преслѣдованій старообрядцевъ со стороны государственной власти.

Конечнымъ осужденіемъ, какъ еретическихъ, извѣстныхъ русскихъ обрядовъ, за которые стояли старообрядцы, суровымъ осужденіемъ всей вообще русской церковной старины, посколько она разошлась, хотя бы и въ безразличныхъ мелочахъ съ практикою тогдашней греческой церкви, восточ-

---

[1]) ibid.—373—375. Грамата московскаго патріарха Іоасафа къ государю напечатана въ приложеніи.

ные патріархи не удовлетворились, а постарались болѣе широко и подробно пересмотрѣть всю вообще русскую церковно-богослужебную практику и соединенные съ нею вѣковые народные обычаи, чтобы осудить и уничтожить въ нихъ все, въ чемъ они отступали отъ тогдашней греческой практики и греческихъ тогдашнихъ обычаевъ. Во всѣхъ русскихъ церковныхъ и даже простыхъ житейскихъ обычаяхъ, не согласныхъ съ тогдашними греческими, патріархи обыкновенно видятъ, по выраженію соборныхъ актовъ, или „суемудріе и расколъ“, или: „суемудріе, мятежъ и расколъ“, или: „суемудріе и безчиніе“, или: „безчиніе и безумствованіе“. Такъ, напримѣръ, патріархи заявляютъ и постановляютъ: „слышахомъ, яко здѣ въ Россіи священницы святыя дары въ великій входъ подъемлютъ не по чину, премѣняютъ руцѣ и емлютъ святый потиръ лѣвою рукою. И то творятъ не по уставу: зане токовой чинъ нигдѣ не обрѣтается писанъ, ниже: святая восточная церковь таковой обычай имать, ниже таинства яко являетъ сіе премѣненіе рукъ, *токмо суемудріе и расколъ.* Еще же: чесо ради діакони кропятъ святою водою и въ домахъ, а не священницы? *И то безчинно есть.* Священникъ бо святитъ воду: ему же достоитъ и кропити; діаконъ же токмо да держитъ сосудъ со святою водою, зане слуга есть“. Или: „повелѣваемъ, чтобы не погружати въ купели свѣщи въ началѣ дѣйства святаго крещенія, зане сіе преданіе и чинъ не есть во святыя восточныя церкви, и таинства никакаго являетъ, *токмо суемудріе и безчиніе.* Но да творятъ по чину святыя восточныя церкви: быти окрестъ купели тріемъ свѣщамъ, на свѣщницѣхъ возженнымъ, до совершенія дѣйства: зане сіе являетъ и таинство. А погружати свѣщи и дѣйствовать безъ возженія свѣщъ (окрестъ купели) *не есть таинство, токмо безчиніе и безумствованіе*“. Или: „еще же повелѣваемъ и заповѣдуемъ, яко въ праздникъ святыхъ Богоявленій, въ дѣйство освященія водъ, никтоже да погружаетъ свѣщъ въ водѣ прежде погруженія честнаго Креста: зане и сіе есть безчинно, а не по уставу и преданію святыя восточныя церкви“... Или: „слухъ нашъ есть и о семъ, яко здѣ, въ Россіи, въ божественной литургіи въ чтеніи апостола всякій священникъ сидитъ на священносопрестоліи, сирѣчь на горнемъ мѣстѣ. *И то пребезаконно и прелюбодѣяніе есть*: зане то архіереовъ мѣсто и сѣдалище есть и

сущій престолъ и невѣста его; и не токмо священникомъ или архимандритомъ подобаетъ сидѣти на горнемъ мѣстѣ, но ниже архіереомъ въ чужихъ епархіяхъ ни въ какой церкви возможно сидѣти на горнемъ мѣстѣ, ниже самому патріарху... Повелѣваемъ убо, и сіе безчиніе да престанетъ. Аще ли кто дерзнетъ отнынѣ сіе вышеписанное безчиніе творити и беззаконіе, *да будетъ чуждъ священства*".

Нормою для всей практики русской церкви, должна служить практика тогдашней греческой церкви, почему патріархи осуждая и отрицая тотъ или другой установившійся русскій обычай, не согласный съ тогдашнимъ греческимъ, обыкновенно говорятъ, обращаясь ко всему русскому духовенству: „да творятъ по чину восточныя (т. е. тогдашней греческой) церкве"; или: „яко же обычай есть и въ нѣкоторыхъ восточныхъ странахъ"; или: „вѣдомо творимъ и сіе, яко во святой великой церкви Константинопольской и въ прочихъ патріархіахъ" бываетъ такъ-то, значитъ, такъ должно быть впредь и у русскихъ. Или: „яко же чинъ держится издревле во всѣхъ святыхъ церквахъ въ восточныхъ странахъ, и въ Кіевѣ и повсюду, опричь московскаго государства", то и въ послѣднемъ долженъ соблюдаться такой же чинъ, а не свой. Патріархи требуютъ, чтобы въ московскомъ царствѣ священники и діаконы обязательно носили постоянно скуѳьи, такъ какъ, говорятъ они „въ нашихъ странахъ священники и діаконы носятъ различныя священническія шапки и никогда ея съ головы не снимаютъ, кромѣ егда сами служатъ священную литургію". Поэтому и русскіе священники и діаконы должны постоянно носить свои скуѳьи. Но, замѣчаютъ при этомъ патріархи, „аще же кто отъ священниковъ и діаконовъ восхощетъ носити шапки, якоже носятъ нашея страны священники и діаконы, не возбраняемъ, но и соизволяемъ и благословляемъ". Или: „причащатися пресвятыя крове отъ потира по прежнему по трижды, *какъ причащаются вселенскіе патріархи*, папа и патріархъ Паисій александрійскій, Макарій антіохійскій и како напечатано въ Служебникахъ. А мірскихъ людей причащати пресвятаго тѣла и крови отъ патира лжицею по единожды, *по обычаю греческія церкве*".

Какъ сильно было стремленіе у бывшихъ въ Москвѣ восточныхъ патріарховъ все церковное древне-русское замѣ-

нить современнымъ греческимъ, это, между прочимъ, видно изъ того, что даже относительно обычной одежды патріархи заповѣдываютъ всѣмъ русскимъ священнаго чина и монахамъ: „одѣяніе да носятъ, якоже вси носятъ освященнаго чина и монахи святыя восточныя церкве (т. е. греческіе)“, и полагаютъ очень суровое наказаніе тѣмъ, кто бы сталъ порицать духовныхъ русскихъ лицъ, носящихъ греческія одежды! „Аще ли же кто, говорятъ патріархи, станетъ укоряти носящихъ греческія одежды, таковый, аще отъ священнаго чина будетъ, *да извержется*, аще ли отъ мірскаго, *да будетъ отлученъ*“. Такія свои чрезвычайныя постановленія патріархи мотивируютъ тѣмъ, „якобы во святой соборной церкви было единомысліе и согласіе во всемъ, якоже во священнодѣйствіи, и во священныхъ ризахъ и во прочихъ церковныхъ чинахъ, тако же быти согласію и во всякихъ одѣяніяхъ, иже носимъ“.

Какъ властно и авторитетно держали себя на соборѣ у насъ восточные патріархи, это видно изъ нѣкоторыхъ ихъ соборныхъ заявленій. Такъ требуя, чтобы монашескому постриженію предшествовалъ трехлѣтній искусъ въ монастырѣ, патріархи грозно заявляютъ: „преслушающіи же сію *нашу заповѣдь и правило* наказани да будутъ запрещеніемъ и отлученіемъ“. Или: „толкуемъ же *мы, два патріархи*, сіе правило 318 богоносныхъ отецъ“ такъ-то. Или: „*хощемъ убо мы и повелѣваемъ*, яко отнынѣ осужденныхъ разбойниковъ и татей“...

Справедливость требуетъ однако признать, что восточные патріархи властно и рѣшительно уничтожая всѣ особенности русской церковной практики, несогласныя съ тогдашнею греческою практикою, въ нѣкоторыхъ случаяхъ находили однако возможнымъ сдѣлать въ пользу нѣкоторыхъ русскихъ обычаевъ уступки, очень характерныя для самихъ патріарховъ и ихъ соборной тактики. Въ соборныхъ постановленіяхъ патріархи говорятъ: „вѣдомо намъ есть и сіе, яко изволеніемъ благочестивыхъ царей и великихъ князей нѣцыи отъ архимандритовъ во святую литургію дѣйствуютъ и осѣняютъ со свѣщами, яко же и архіереи. А того чина во святой восточной церкви нѣсть, и неприлично архимандритамъ архіерейская дѣйствовати. Обаче, ради царскихъ и великихъ князей изволенія, того не возбраняемъ, яко же-

и сребряныя злащеныя шапки, подобны митрамъ, ради прошенія благочестивѣйшаго и самодержавнѣйшаго государя нашего, царя и великаго князя Алексіа Михаиловича, не возбранихомъ". О митрополичихъ бѣлыхъ клобукахъ патріархи постановляютъ: „архіепископи, и епископи, и архимандрити и прочіи власти, священномонахи и монахи да носятъ черныя клобуки, а митрополитомъ снисхожденіемъ изволихомъ носити имъ и бѣлыя клобуки, ради нѣкотораго древняго обычая великороссійскаго государства (аще и тѣ извѣты, иже глаголютъ о бѣломъ клобукѣ, и не суть правы) обаче же повелѣхомъ имъ бѣлыя клобуки носити во образъ греческаго чина, яко же носятъ всѣ гречестіи и прочіи православніи архіереи, да будетъ миръ и тишина и единомысліе во святой православной церкви". Ранѣе патріархи соборно постановили, что въ монахи и въ монахини можно постригать не иначе, какъ послѣ предварительнаго трехлѣтняго искуса въ монастыряхъ, но послѣ къ этому постановленію дѣлаютъ такое добавленіе: „а знатныхъ и вѣдущихъ людей постригати по разсмотрѣнію настоятеля".

Понятно, почему патріархи сдѣлали указанныя уступки нѣкоторымъ особымъ русскимъ церковнымъ обычаямъ. Такъ они поступили потому, что указанныя уступки касались особыхъ внѣшнихъ отличій и преимуществъ важныхъ духовныхъ особъ, какія имъ дарованы были русскими государями. Отмѣнить эти отличія патріархи, хотя и признавали ихъ незаконность, однако не рѣшились, такъ какъ это было бы, съ одной стороны, непріятно государю, который желалъ сохранить ихъ; съ другой стороны, отмѣной этихъ отличій патріархи больно задѣли бы самолюбіе разныхъ знатныхъ и высокихъ духовныхъ персонъ, всегда очень чувствительнымъ ко всякимъ внѣшнимъ видимымъ отличіямъ. А раздражать и вооружать противъ себя русскихъ духовныхъ сановныхъ лицъ патріархи и не желали и не рѣшались, а потому и пошли въ пользу ихъ на уступки и послабленія.

Что восточные патріархи, бывшіе въ Москвѣ, осуждая и унижая русскую церковную старину, въ чемъ она была несогласна съ тогдашнею греческою церковною практикою, дѣйствовали въ этомъ случаѣ вполнѣ сознательно и потому тенденціозно, преслѣдуя свои особыя спеціальныя цѣли, къ православію или неправославію старыхъ русскихъ обрядовъ

не имѣющія никакого отношенія, это не только съ очевидностію доказывается всѣмъ характеромъ ихъ соборныхъ заявленій и постановленій о русскихъ церковныхъ особенностяхъ, но и собственнымъ ихъ прямымъ сознаніемъ, какое они откровенно выразили въ своемъ письмѣ къ константинопольскому патріарху при своемъ отъѣздѣ изъ Москвы. Въ этомъ письмѣ патріархи между прочимъ пишутъ: „просихомъ многихъ лѣтъ достойнѣйшаго царя, дабы быти особному нѣкоему извѣщенію и изъявленію чрезъ свои ему грамотоносцы *о всѣхъ здѣ бывшихъ вашей пресвятости*" т. е. намекаютъ, что русскіе, по инціативѣ ихъ—патріарховъ Паисія и Макарія, дадутъ особый отчетъ въ своихъ послѣднихъ церковныхъ дѣйствіяхъ константинопольскому патріарху, какъ своей высшей церковной инстанціи. Затѣмъ патріархи, характеризуя свою московскую дѣятельность, откровенно пишутъ: „обаче и обычной милостыни великому престолу, и прочимъ убогимъ престоламъ даянной, надѣемся обновитеся, паче же большой и довольнѣйшей быти; и о томъ всѣми силами тщимся, дондеже совершится, сирѣчь воеже бы исполнитися оной притчѣ: яко братъ братомъ пособствованъ спасается, и да друзи будутъ въ нуждахъ полезни. Прилагаемъ же нѣчто ино, нашего ради общаго утѣшенія: яко съ нашимъ пришествіемъ средостѣніе вражды разрѣшися и повсядневнаго плѣна извѣтъ погибе тако, *воежебы паки надѣятися намъ пріити ко прежней нашей свободѣ, чести и славѣ, юже древле имѣхомъ*. Понеже здѣ нѣцыи со своими буйствы и неистовствы *обезчестиша рода нашего преизящную свѣтлость, того ради сотворишася у велможъ достойни презрѣнія и отверженія*. Обаче тщахомся и по вся дни молимъ, да изверглутся изъ среды, и весьма отложатся уметы, *чести ради общія и лѣпоты рода нашего*".

Такимъ образомъ патріархи, Паисій и Макарій, сами признаютъ, что они имѣли въ виду своими дѣйствіями въ Москвѣ уничтожить существовавшія у русскихъ подозрѣнія и нареканія на современныхъ грековъ, имѣли въ виду снова возвысить и укрѣпить въ мнѣніи русскихъ совсѣмъ было пошатнувшійся авторитетъ современныхъ грековъ, и что именно къ этому клонилась и ихъ соборная и вся вообще московская дѣятельность, въ чемъ они, по ихъ мнѣнію, и имѣли успѣхъ. Слѣдовательно, соборно-публичное осужденіе

и униженіе русской церковной старины, поскольку она расходилась съ тогдашнею греческою практикою, было, въ глазахъ патріарховъ, однимъ изъ средствъ на счетъ униженія стараго русскаго возвысить современное греческое, было дѣломъ греко-восточнаго патріотизма, возвышавшимъ этимъ путемъ „лѣпоту рода греческаго“, приводившимъ грековъ „къ чести и славѣ, юже древле имѣхомъ“.

А между тѣмъ, если бы восточные, бывшіе въ Москвѣ, патріархи отнеслись къ дѣлу не тенденціозно, болѣе внимательно и безпристрастно, они имѣли бы возможность составить правильное представленіе о старомъ русскомъ обрядѣ и отнестись къ нему иначе, нежели какъ отнеслись въ дѣйствительности. Въ ихъ рукахъ находились такія данныя, опираясь на которыя, они могли установить настоящій правильный взглядъ на старый русскій обрядъ и проявить къ нему болѣе правильное отношеніе.

Прежде всего: въ сочиненіи грека архимандрита Діонисія, изъ котораго патріархи дѣлали большія дословныя заимствованія при своихъ соборныхъ указаніяхъ на неправославное ученіе, будто бы заключающееся въ старомъ русскомъ обрядѣ, находятся и такія мѣста, которыя говорятъ, что такъ смотрѣть на старый русскій обрядъ, какъ посмотрѣли на него два восточные патріарха, значитъ не знать христіанской церковной древности вообще и въ частности исторіи обряда въ самой православной греческой церкви. Наши первые старообрядцы, какъ извѣстно, въ оправданіе двоеперстія ссылались на свидѣтельство нѣкоего грека—Петра Дамаскина, который говоритъ о двоеперстномъ сложеніи перстовъ въ крестномъ знаменіи у православныхъ старыхъ грековъ. По этому поводу архимандритъ Діонисій пишетъ: „слышите о семъ и разумѣйте, едино убо: яко сего Петра Дамаскина книга нѣсть всѣмъ пріятна, ниже является въ мірѣ; второе же: яко Петръ токмо о двою перстахъ бесѣдуетъ, ради втораго и третьяго глаголетъ, яко знаменуютъ та два перста два естества Христова, но за прочіи три персты не мудрствуетъ, ниже глаголетъ что. И негли аще и въ каковыхъ странахъ тамошнихъ потребовали внѣшнихъ временѣхъ сіе сложеніе двуперста ради еретиковъ единовольниковъ, а послѣди преста, яко же и ина многа дѣла, яже первое быша повелѣно отъ святыхъ отецъ тако, а по-

слѣди такожде святіи отцы повелѣша инако-лучше. Пишетъ и святый Іоаннъ Златоустый въ бесѣдахъ на евангелиста Матѳея въ пятдесятъ четвертомъ нравоученіи о крестѣ, листъ 91, цѣну креста глаголя: ниже бо простѣ *перстомъ начертати его подобаетъ*, но первѣе произволеніемъ со многою вѣрою, аще и сице вообразить его зрѣніе, никто же близъ тебе стати возможетъ отъ нечистыхъ духовъ. Се, яко по Златоусту, *и единымъ перстомъ знаменовашеся людіе крестнымъ знаменіемъ нѣкогда*, послѣди преста; и то, якожъ и многая правила обрѣтаются, въ помѣстныхъ соборахъ повелѣваютъ тако, а послѣди, на вселенскихъ соборахъ повелѣша инако. Егда и въ томъ да речемъ, яко святіи отцы сопротивляются между собою? Небуди; токмо по потребѣ времени еще законоположиша Духомъ Святымъ, якожъ и первое. Божественная литургія отъ святаго апостола Іакова, брата Божія; списася больше и ины чины имяше; послѣди Виликій Василій сократи и чины украси, и паки: блаженный Златоустъ еще сократи. Великій Аѳанасій пишетъ въ правилахъ своихъ: мірскій священникъ, аще пострижется монахомъ и потомъ будетъ служить литургію, да будетъ анаѳема; а нынѣ нетокмо служатъ аки священники, но и архіереи бываютъ. И еда да речемъ и о семъ, яко противно сатворяютъ и пишутъ святіи отцы? Никако".

Такимъ образомъ архимандритъ Діонисій доказываетъ, что во времена Златоуста крестное знаменіе дѣлали однимъ перстомъ, а потомъ, по требованію времени, „ради еретиковъ единовольниковъ", стали употреблять двоеперстіе, оставивъ старое одноперстіе, и уже послѣ, чтобы въ сложеніи перстовъ выразить свое вѣрованіе въ Св. Троицу, оставивъ двоеперстіе, стали употреблять и троеперстіе, которое, значитъ, является, сравнительно, самою позднѣю формою перстосложенія, и что всѣ три указанныя формы перстосложенія одинаково православны и одинаково употреблялись православною греческою церковію за различное время ея существованія. Вообще, по мнѣнію архимандрита Діонисія, въ предѣлахъ православной церкви одновременно могутъ существовать болѣе или менѣе значительныя различія въ церковныхъ чинахъ о обрядахъ, но только до тѣхъ поръ, пока эти различія не служатъ предметомъ споровъ и распрей. Въ послѣднемъ случаѣ, въ видахъ прекращенія спо-

ровъ, церковь устанавливаетъ какой-либо одинъ опредѣленный чинъ и обрядъ, и уже послѣ этого настоятельно требуетъ отъ сыновъ своихъ твердо держаться ею установленнаго, отметая все другое, хотя бы ранѣе тоже употреблявшееся въ православной церкви и по существу такъ же православное, какъ и вновь установленное. Въ доказательство справедливости своего мнѣнія, архимандритъ Діонисій приводитъ очень яркій и убѣдительный примѣръ. „Бѣ обычай и преданіе во святой церкви, говоритъ Діонисій, и служаху треми просфорами, а ины четырми, ины пятми, ины шестью и седмію просфорами; такожде и частицы святыхъ изимаша: иніи пятьнадесять частицъ, иніи дванадесять, иніи девять, иніи едину. Многое время сей чинъ и обычай бываше во святой церкви, якожъ видится во святой горѣ Аѳонстѣй писано во многихъ рукописныхъ древнихъ книгахъ, и не имѣяху въ томъ до времени ни единаго зазрѣнія и соблазна. Посемъ, отъ нѣкоего времени, начинаху преніе творити и глаголати кійждо: иный—азъ добрѣ творю четырми просфорами за четыре евангелисты, кіи списаша святое Евангеліе и предаша сію тайну; иніи—мы съ пятію просфорами лучше ради пяти хлѣбовъ, еже благослови Христосъ и насыти пять тысящь; иніи паки похвалиша свой обычай за шесть и за седмь просфиръ, кійждо глаголаху оно, еже показася имъ прилично Такожде и о частицахъ: иніи дванадесять частицъ, иніи девять похвалиша, иніи пятьнадесять, иніи едину; и елико не бѣ любопреніе въ церкви, быша вся добра и богоугодна. А когда начаша быти соблазны и любопренія въ церкви, тогда и святіи отцы разсудиша и повелѣша быти всѣмъ во единомъ чинѣ и обычаи, яко да престанутъ любопренія и соблазны отъ невѣждъ и простыхъ человѣкъ, и сице повелѣша и изобразиша, яко всѣмъ съ пятію просфорами совершати божественную литургію ради пяти хлѣбъ, иже благослови Христосъ, якоже и на бдѣніи въ благословеніи хлѣбовъ бываетъ. Аще ли Христосъ благослови иногда и седмь хлѣбовъ, но насытися менше народа, токмо четыре тысячи, и осташеся и менше укруховъ, токмо седмь спіридъ, а пятми хлѣбами пять тысящь народа насытися и осташася окрухи болши 12 кошницъ полныхъ. Сего ради о семъ болшее чудодѣяніе предсудиша святіи отцы совершатися божественной литургіи

пятми просфорами. Такожде повелѣша и о частицахъ токмо девять изимати ради девяти чиновъ небесныхъ силъ, по святому Діонисію Ареопагиту. Царскимъ путемъ ходиша святіи отцы во время подобающее, ниже долѣ ниже горѣ, токмо посредственно и царскимъ путемъ: въ просфорахъ ниже седмь, ниже шесть, ниже четыре, ниже три, но пятми. Сице и въ частицахъ, ниже пятьнадесять, ниже дванадесять, ниже едину, но девять,—сущее все Святый Духъ просвѣти имъ. Такожде и вознаменованіе образа частнаго креста знаменатися треми первыми персты. Аще и быша нѣкогда и знаменовашася людіе единымъ перстомъ, по Златоустовѣ бесѣдѣ, или двумя персты, по Петру Дамаскину, но треми персты апостольское есть преданіе неписанное, яко свидѣтельствуетъ божественный василій Великій. Обаче святіи отцы сіи утвердиша знаменатеся треми персты, яко же сіе вѣщаніе добраго преданія изыде во всю вселенную, и вездѣ всѣ православніи христіане треми персты знаменують себе образомъ честнаго креста“.

Правда, самъ авторъ, архимандритъ Діонисій, изъ приведенныхъ историческихъ справокъ и указаній, не только не сдѣлалъ надлежащихъ правильныхъ выводовъ, а увлекаясь желаніемъ унизить русскую церковную старину, ради возвышенія современнаго греческаго, сдѣлалъ выводъ, съ указанными имъ же самимъ историческими данными совершенно несогласный, что будто бы русское двоеперстіе еретическаго происхожденія и содержитъ въ себѣ несомнѣнное еретическое ученіе, и потому никакъ не можетъ быть допустимо въ практикѣ православной церкви. Но Діонисій былъ частнымъ лицомъ и по тому или другому вопросу могъ думать и писать, какъ ему хотѣлось. Другое были два восточные патріарха, у которыхъ подъ руками было сочиненіе Діонисія. Они выдавали себя въ Москвѣ за правомочныхъ представителей всей греко-восточной церкви, считали себя высшими духовными судьями и рѣшителями русскихъ церковныхъ дѣлъ, всѣмъ своимъ сужденіямъ и постановленіямъ придавали окончательный безапелляціонный характеръ, и потому должны были особенно осторожно и осмотрительно отнестись къ русской церковной старинѣ, строго и основательно предварительно провѣрить и твердо установить: дѣйствительно ли она представляетъ изъ себя только продуктъ

русскаго невѣжества, русскаго неразумія и еретическаго мудрованія, или она есть остатокъ самой же греческой православной старины, только замѣненной у позднѣйшихъ грековъ другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ позднѣйшимъ условіямъ и требованіямъ ихъ жизни? Но патріархи не только не производили въ этомъ направленіи какихъ либо изысканій и изслѣдованій, но у нихъ даже и не возникало подобныхъ вопросовъ, почему они на указанныя нами мѣста изъ сочиненія Діонисія не обратили вниманія, какого тѣ однако вполнѣ заслуживали и могли бы внушить имъ болѣе безпристрастный и справедливый взглядъ на русскую церковную старину и на отношеніе къ ней.

Въ своемъ соборномъ дѣяніи 1667 года патріархи говорятъ: „епистолія, еже писана отъ нашего брата, святѣйшаго киръ Паисія, архіепископа Константинопольскаго, новаго Рима, и селенскаго патріарха, о нѣкоторыхъ церковныхъ вещахъ по вопросамъ, и отвѣты, якоже отъ нашего брата, святѣйшаго Паисія патріарха и отъ того священнаго собора написано есть, тако и мы согласно повелѣваемъ и утверждаемъ“. Но мы уже знаемъ [1]), что константинопольскій патріархъ съ соборомъ, отвѣчая Никону на его вопросы о церковно-обрядовыхъ особенностяхъ русской церкви, не только не назвалъ ихъ еретическими, или просто неправыми, но и не потребовалъ отъ Никона, чтобы онъ отмѣнилъ ихъ существованіе въ русской церкви и замѣнилъ ихъ тогдашними греческими, съ которыми они были несходны. Наоборотъ, какъ я уже говорилъ, константинопольскій патріархъ вмѣстѣ съ соборомъ желали умѣрить и ввести въ должныя границы реформаторскій пылъ Никона, старались внушить ему, что нѣкоторое различіе въ церковныхъ чинахъ, обрядахъ и обычаяхъ существовало въ христіанской церкви съ древнѣйшихъ временъ, существовало и позднѣе, можетъ существовать и сейчасъ, но это нисколько не вредитъ единству вселенской православной церкви, какъ оно не вредило ранѣе. То обстоятельство, что помѣстныя православныя церкви имѣютъ у себя свой помѣстный церковный чинъ и обрядъ, говоритъ грамота константинопольскаго патріарха и собора, „не должно производить никакого раздѣленія, если только

---

[1]) См. первый томъ настоящаго моего изслѣдованія, стр. 165—179.

сохраняется неизмѣнно одна и таже вѣра... Не слѣдуетъ думать, будто извращается наша православная вѣра, если кто нибудь имѣетъ чинопослѣдованіе, нѣсколько отличающееся въ вещахъ, которыя не принадлежатъ къ числу существенныхъ, или членовъ вѣры: лишь бы соглашался въ важныхъ и главныхъ съ каѳолическою церковію“. Въ виду этого константинопольскій патріархъ и соборъ убѣждаютъ Никона прекратить полемику и всякія препирательства и споры о неважныхъ и не существенныхъ для вѣры церковно-обрядовыхъ разностяхъ: „умоляемъ именемъ Господа нашего Іисуса Христа, да прекратитъ (указанные споры) твое блаженство, съ свойственной тебѣ разсудительностію: рабу бо Господню не подобаетъ сваритеся (2 Тим. 11, 24), и особенно въ вещахъ, которыя не принадлежатъ къ числу главныхъ и существенныхъ и членовъ вѣры“. Понятно, что если бы предсѣдательствовавшіе у насъ на соборѣ патріархи, Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій, дѣйствительно были единомысленны съ константинопольскимъ патріархомъ и его соборомъ, то они никакъ бы не могли, вопреки константинопольскому патріарху и собору, признать старый русскій обрядъ еретическимъ и недопустимымъ въ православной русской церкви, не могли бы придать отлученію и анаѳематствованію держащихся стараго русскаго обряда. А между тѣмъ они это сдѣлали и тѣмъ открыто заявили, что они въ своей соборной московской дѣятельности шли инымъ, своимъ путемъ, а не тѣмъ, какой имъ указанъ былъ въ епистоліи константинопольскаго патріарха Паисія и его собора.

Былъ подъ руками патріарховъ Паисія и Макарія и еще матеріалъ, который давалъ имъ возможность разрѣшить вопросъ о русскомъ старообрядчествѣ болѣе правильно и безпристрастно. Это дѣяніе собора русскихъ іерарховъ 1666 года по дѣламъ старообрядчества, переданныя на разсмотрѣніе и окончательное утвержденіе пріѣхавшихъ въ Москву восточныхъ патріарховъ. Изъ этихъ соборныхъ дѣяній патріархи могли видѣть, что русскіе іерархи нигдѣ и ни разу не назвали старые русскіе чины и обряды неправыми, а тѣмъ болѣе еретическими, недопустимыми въ православной церкви, и что русскіе іерархи осудили и осуждали старообрядцевъ не за то, что они держались старыхъ дониконовскихъ книгъ,

чиновъ и обрядовъ, но только за то, что они всюду проповѣдывали и писали, „яко нынѣшняя церковь нѣсть церковь, тайны божественныя не тайны, крещеніе не крещеніе, архіереи не архіереи, писанія лестна, ученіе неправедное и вся скверна и неблагочестна“. Не хуля и не порицая старыя русскія церковныя книги, чины и обряды, соборъ русскихъ іерарховъ въ то же время требовалъ отъ всего духовенства и пасомыхъ, чтобы они держались новоисправленныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, и за нарушеніе этого предписанія, равно какъ и всякихъ правилъ церковнаго благочинія вообще, грозилъ ослушникамъ обычнымъ административнымъ наказаніемъ, а не отлученіемъ и анаѳематствованіемъ. Понятно отсюда, какое глубокое различіе въ отношеніи къ русскому старообрядчеству сказалось въ дѣяніяхъ чисто-русскаго собора и въ дѣяніяхъ собора подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ двухъ восточныхъ патріарховъ. Понятно также, что отъ пришлыхъ въ Москву восточныхъ патріарховъ позволительно было ожидать, что они, въ интересахъ церковнаго мира и простаго безпристрастія, обратятъ вниманіе на осторожный и тактичный образъ дѣйствій русскихъ іерарховъ относительно старообрядчества и пойдутъ по пути, уже проложенному русскими іерархами. Такъ поступить имъ слѣдовало тѣмъ болѣе, что засѣдавшіе на соборѣ, подъ ихъ предсѣдательствомъ, русскіе іерархи еще недавно сами всѣ держались старыхъ книгъ, обрядовъ и чиновъ, нисколько не думая и даже не подозрѣвая, что они держались неправыхъ и прямо еретическихъ обрядовъ, что этими обрядами они выражали еретическое заключающееся въ нихъ ученіе. Конечно, большинству русскихъ членовъ собора было, несомнѣнно, крайне больно и тяжело признать, что русская церковь, хотя и несознательно, за время своей независимой отъ грековъ жизни, впала однако въ еретичество, которое, если бы не спасители-греки, грозило совсѣмъ замутить православіе на Руси,—очевидное неразуміе всѣхъ русскихъ, при такомъ пониманіи дѣла патріархами, было дѣйствительно поразительно. Но несмотря на все это, вслѣдъ за восточными патріархами, и всѣ присутствовавшіе на соборѣ русскіе іерархи безпрекословно подписались подъ соборными опредѣленіями, грубо—рѣзко осуждавшими русскую церковную старину. Почему русскіе іерархи легко и скоро не только

отказались отъ своей родной церковной старины, которую ранѣе они такъ глубоко и даже преувеличенно чтили и прославляли, а затѣмъ вмѣстѣ съ греками сурово-порицательно осудили ее—по неимѣнію данныхъ сказать что либо опредѣленное, трудно. Можно думать, что царь Алексѣй Михаиловичъ, вызвавшій въ Москву восточныхъ патріарховъ, видѣлъ въ нихъ достойныхъ представителей тѣхъ древнихъ іераршихъ каѳедръ, на которыхъ нѣкогда возсѣдали знаменитые и великіе святые отцы и учители вселенской церкви, что онъ и на бывшихъ въ Москвѣ ихъ преемниковъ по каѳедрѣ переносилъ традиціонно воспитанное въ немъ величайшее почтеніе и преклоненіе предъ ихъ высшимъ церковнымъ авторитетамъ и, самъ преклоняясь предъ ними, безусловно подчиняясь имъ, какъ непререкаемымъ авторитетамъ въ дѣлахъ церкви, того же требовалъ и отъ русскихъ іерарховъ. Съ другой стороны, русскіе архіереи, вслѣдствіе отсутствія у нихъ какого-бы то ни было правильнаго образованія, знаній и умѣнья самостоятельно разбираться и рѣшать возникающіе церковные вопросы, какъ-то терялись въ такихъ случаяхъ, искали опоры и поддержки или со стороны, или въ старыхъ традиціяхъ и преданіяхъ, или у людей болѣе ихъ образованныхъ и свѣдущихъ, не отваживаясь сами сдѣлать какой либо самостоятельный шагъ. Такъ, новый московскій патріархъ Іоасафъ и съ нимъ всѣ русскіе архіереи обратились на соборѣ къ восточнымъ патріархамъ съ рядомъ вопросовъ, которые, очевидно, они сами не умѣли порѣшить своими собственными силами. Какого рода были эти вопросы, хорошо видно изъ слѣдующаго: „Вопросъ 1-й. Въ день пятидесятный на сошествіе Святаго Духа, егда чтутъ молитвы колѣнопреклоненныя, къ западу ли обратяся, къ народу ли, или на востокъ, чести?“ Отвѣчая на этотъ глубокомысленный вопросъ, патріархи повелѣли читать молитвы обратясь на западъ, къ народу, но при этомъ прибавили: „а иныя чтутъ обратяся и на востокъ“, т. е. отвѣтили: оборачивайтесь куда хотите. Второй вопросъ былъ такого рода: „о благовѣсту во все лѣто по приходскимъ церквамъ къ литургіамъ, како быти и въ кое время?“ На вопросъ: „ектенія сугубая и молитвы въ великій постъ четвертыя недѣли съ среды на златоустовыхъ и василіевыхъ службахъ, говорити ли въ субботу и въ не-

дѣлю?“ Патріархи давая свой отвѣтъ замѣчаютъ: „а этаго у нихъ въ греческихъ служебникахъ не написано“, а потому и не слѣдуетъ такъ поступать. Или, напримѣръ, наши іерархи сами не умѣли рѣшить слѣдующаго вопроса, который они предложили патріархамъ: „Никонъ монахъ, будучи въ Воскресенскомъ монастырѣ патріархомъ, которыхъ посвящалъ въ архимандриты, и во игумены, и въ попы и во дьяконы въ Воскресенскій монастырь и во иныя монастыри своего строенія, како имъ впредь быти?“—При такомъ отношеніи русскихъ архіереевъ къ разнымъ церковнымъ вопросамъ, вполнѣ естественно было, что восточные патріархи, вмѣстѣ съ другими греками, заняли на московскомъ соборѣ безусловно доминирующее положеніе и что то или другое рѣшеніе поставленныхъ на соборѣ вопросовъ исключительно зависѣло отъ нихъ,—русскіе іерархи только смиренно и послушно подписывались подъ тѣмъ, что диктовали имъ, купно съ другими греками, восточные патріархи.

Не несмотря на всю пассивность и податливость русскихъ отцовъ собора, несмотря на то, что они смиренно приложили свои руки подъ суровымъ осужденіемъ патріархами русской церковной старины, все-таки и у нихъ, вѣроятно, такъ или иначе, сказалось, что восточные патріархи перешли должную границу сдержанности и безпристрастія въ сужденіи о русской церковной старинѣ, что они чрезмѣрно рѣзкими заявленіями о простотѣ и невѣжествѣ отцовъ Стоглаваго собора, между которыми были и святые угодники Божіи, слишкомъ неосторожно и больно задѣли русское народное самолюбіе. По крайней мѣрѣ патріархи, въ концѣ своихъ соборныхъ дѣяній, сочли нужнымъ написать и обнародовать особое „Увѣщаніе“ относительно Стоглаваго собора, въ которомъ они всячески усиливаются провести и оправдать ту мысль, что не только отдѣльные святые мужи слушали и пользовались совѣтами и указаніями другихъ, но что и самые позднѣйшіе вселенскіе и помѣстные соборы исправляли постановленія соборовъ имъ предшествующихъ, если находили въ ихъ постановленіяхъ что либо не вполнѣ удовлетворительное и несовершенное. Приводя всему этому историчекіе примѣры и указанія „Увѣщаніе“ заключаетъ: „тѣмже убо посему да никтоже и нынѣ стужаетъ о семъ настоящемъ соборѣ, видя нѣкія вины на ономъ бывшемъ соборѣ при

царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ погрѣшенныя: о крестѣ, и о трегубой аллилуіи, и о согбеніи перстъ, и о символѣ и о прочихъ вещахъ, писанныхъ наономъ соборѣ". О простотѣ и невѣжествѣ митрополита Макарія и другихъ отцовъ Стоглаваго собора въ „Увѣщаніи" уже не говорится, конечно потому, что оно было написано съ нарочитою цѣлію нѣсколько сгладить и смягчить то тяжелое и непріятное впечатлѣніе, какое производило на русскихъ соборное опредѣленіе грековъ о Стоглавомъ соборѣ.

Значительно иначе, чѣмъ къ Стоглавому собору, патріархи отнеслись къ другому нашему собору, бывшему при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ. Какъ извѣстно, на этомъ соборѣ постановлено было всѣхъ лицъ, обращающихся изъ католичества въ православіе, перекрещивать вновь,—католическое крещеніе, такимъ образомъ, не признавалось настоящимъ истиннымъ крещеніемъ. Это неправильное постановленіе русскаго собора патріархи рѣшили отмѣнить и признать латинское крещеніе правильнымъ. Но они дѣлаютъ это очень осторожно и сдержанно. Они приводятъ многочисленныя выдержки изъ правилъ и постановленій разныхъ древнихъ соборовъ, святыхъ отцовъ и учителей церкви, сопоставляютъ ихъ съ постановленіемъ собора при Филаретѣ Никитичѣ, причемъ доказываютъ, что толкуемыя и понимаемыя древнія соборныя и отеческія правила не дозволяютъ перекрещиванія латинянъ, почему соборное постановленіе при Филаретѣ Никитичѣ о перекрещиваніи латинянъ должно быть отмѣнено и впредь присоединять латинянъ къ православію слѣдуетъ безъ перекрещиванія. При этомъ патріархи считаютъ нужнымъ, для успокоенія русскихъ, сдѣлать такое заявленіе: „аще же кто негодовати начнетъ за соборное изложеніе оно, еже бысть при святѣйшемъ патріарсѣ Филаретѣ Никитичѣ московскомъ и всея Россіи, ревность имѣя, ежебы не разрушити его: о семъ таковый да не негодуетъ и да не сумнится, но да вѣсть, яко во древняя времена соборъ собора исправляше, не негодующе о первомъ, но на лучшее церкве смотряюще, исправиша послѣди... И что многа глаголати? И апостольская узаконенія и правила святіи отцы послѣди исправляху на лучшая, якоже видѣти въ 6-же селенскомъ соборѣ во 12-мъ правилѣ... И многа ина таковая обрѣсти имать кто, отъ прежнихъ

святыхъ соборовъ изложенная, отъ послѣднихъ безъ зазора исправленная, а не зазираху и не поношаху прежнихъ въ неисправленіи. И нынѣ убо о исправленіи прежде бывшаго собора при святѣйшемъ Филаретѣ патріархѣ никтоже да сумнится, или зазритъ: лѣпо бо по прежде реченныхъ образѣхъ".

Греческій взглядъ на особенности стараго русскаго обряда, какъ на содержащія въ себѣ еретическое ученіе и потому не терпимаго въ православной церкви, подсказанный антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ еще Никону, былъ формально признанъ и закрѣпленъ греками на соборѣ 1667 года, причемъ восточные патріархи, конечно, и не подозрѣвали, что они, въ данномъ случаѣ, признаютъ еретическимъ собственно свой же старый греческій православный обрядъ, нѣкогда перешедшій отъ нихъ къ русскимъ и у послѣднихъ неизмѣнно сохранившійся до послѣдняго времени. Но какъ бы то ни было, только послѣ состоявшихся опредѣленій о старообрядчествѣ на соборѣ 1667 года, всѣ православные русскіе усиленно старались провести греческій взглядъ на старый русскій обрядъ въ своей дальнѣйшей борьбѣ съ старообрядчествомъ.

Игнатій тобольскій, въ своемъ третьемъ посланіи (стр. 60), говоритъ: „нѣсть бо ересь, юже они проклятіи полуармяне (т. е. старообрядцы) не держатъ: въ раздѣленіи неравенства ипостасей Святыя Троицы, еже изображати ю съ послѣдними персты,—суть проклятіи аріане; въ маломъ паки перстѣ изобразующе Св. Духа и тѣмъ его меньши Бога Отца творяще,—суть проклятіи македоніане; изобразующе же паки Сына Божія въ раздѣленныхъ лицахъ Божествомъ и человѣчествомъ, въ великоуказательномъ и въ великосреднемъ, и тѣмъ Сына Божія на двѣ ипостаси, сирѣчь, лица раздѣляюще,—суть проклятіи несторіане". Св. Димитрій Ростовскій въ своемъ „Розыскѣ" называетъ старообрядцевъ еретиками, такъ какъ они „троическое единосущіе пресѣцаютъ на трое: единаго Сына Божія на два Сына раздѣляютъ, воплощеніе Сына Божія, бывшее поистинѣ, не исповѣдуютъ, Христа на особомъ отъ Святыя Троицы престолѣ посаждаютъ„ (стр. 385, изд. 1847 г.). Питиримъ въ „Пращицѣ" прямо называетъ старообрядцевъ еретиками. „Подобнѣ онымъ еретикамъ древнимъ, говоритъ онъ, и нынѣшніи, иже въ мимошедшихъ лѣтѣхъ яко злосмрадное зловоніе проникшіи, гла-

голю: Аввакумъ, Лазарь, Ѳеодоръ, пустоствятъ Никита, и нижегородецъ старецъ Сергій" (л.л. 11, 13, 291, 358, 359). Питиримъ подробно говоритъ о томъ, въ чемъ именно заключается еретичество старообрядцевъ и почему они должны быть поставлены наряду съ древними еретиками (л.л. 89, 91—94, 101 и др.). Преосвященный Ѳеофилактъ въ „Обличеніи неправды раскольническія" говоритъ, что старообрядцы своими ожесточенными нападеніями на православный обрядъ, упрямымъ нежеланіемъ принять его, даютъ право подозрѣвать, что они съ особенностями своихъ обрядовъ соединяютъ какія либо неправославныя представленія. „Зрите и вы, богомерзкіе суевѣрцы, говоритъ онъ напримѣръ, праведно-ли вы нарекаете на православныхъ христіанъ, акибы неправильно васъ порицающихъ аріанствомъ, иже со Аріемъ не хощете исповѣдати Христа Бога, егда молитву сію: Господи Іисусѣ Христе, Боже нашъ и пр. отмещете; въ сложеніи перстовъ хиромантіею своею гадательнѣ противитеся равенству Святыя Троицы, а въ молитвѣ сей явно отрицаетеся Христа исповѣдати Бога. Сего больше и самъ ересеначальникъ Арій не требуетъ отъ васъ; и еще ли не явное ваше аріанство, безбожніи апостаты!" (л. 89). Арсеній Мацеевичъ въ своемъ „Изобличеніи" на „предисловіе", къ поморскимъ отвѣтамъ, такъ говоритъ о старообрядцахъ: „вамъ самая нужная и главная вещь къ вѣрѣ и церкве: двоперстный кукишъ армянскій, двойственное аллилуіа, да осемь концовъ крестныхъ на просфорѣ. И тако по сему можно видѣть, что ваша вѣра столько съ Златоустомъ согласуетъ, сколько Веліаръ со Христомъ. Однако можно безсомнѣнія признать, что ваша вѣра съ своими преданіями не новая, но самою вещію древняя и старинная, сирѣчь, древняго Веліара—сатаны и его слугъ—древнихъ схизматиковъ, раскольщиковъ и еретиковъ, на которыхъ древній церкве учитель Златоустъ святый пространно писалъ и вопіялъ". (Опис. док. и дѣлъ Св. Синода, т. I, прилож. стр. CCCCXXXV).

Такъ, съ легкой руки грековъ и двухъ предсѣдательствовавшихъ на соборѣ 1667 года восточныхъ патріарховъ, наши старые церковные обряды и въ глазахъ самихъ русскихъ постепенно превратились въ зловредные и погубные еретическіе обряды, которые никакъ не могутъ быть терпимы въ православной церкви.

Коренной переворотъ во взглядахъ на старообрядческія особенности и на отношеніе къ нимъ православныхъ, въ смыслѣ отрицанія правильности закрѣпленнаго постановленіями собора 1667 года греческаго взгляда на старый обрядъ, произвело знаменитое „Увѣщаніе“ митрополита Платона, въ которомъ московскій святитель настойчиво и рѣшительно заявляетъ, что старообрядцы въ самой силѣ вѣры согласны съ нами, „только за одни мелкости спорятъ и отъ насъ за то отдираются“, что какъ въ сугубой аллилуіи такъ и въ трегубой одинаково прославляется Св. Троица, что „если вѣра о Св. Троицѣ есть непорочна, то какими бы пальцами ее ни изображать, нѣтъ бѣды спасенію, что какъ бы ни ходить—по солнцу или противъ солнца, въ томъ великой силы не находили... Хорошо ходить и по солнцу, только бы быть въ соединеніи съ церковію“. (Стр. 35, 49, 55, 59, 78, 84 и др. Изд. 8-е).

Со времени изданія „Увѣщанія“ и послѣдовавшаго за тѣмъ учрежденія такъ называемаго „единовѣрія“, православные перестали называть старообрядцевъ еретиками, перестали отыскивать въ старомъ обрядѣ будто бы скрытое въ немъ злое еретическое ученіе, что утверждали восточные патріархи на соборѣ 1667 года. Эту перемѣну, во взглядахъ и отношеніяхъ къ старому обряду со стороны православной русской церкви, объясняетъ митрополитъ Филаретъ въ своихъ „Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу“. „Когда ревнители мнимой старины, разсуждаетъ московскій святитель, упорно стали за перстосложеніе двуперстное противъ троеперстнаго, принятаго издревле въ знаменіи пресвятыя Троицы, тогда настояло опасеніе и подозрѣніе: не есть-ли, или не окажется-ли двуперстное знаменіе выраженіемъ какого либо новаго неправаго ученія о Божествѣ, и потому предосторожность требовала употребить сильную мѣру, чтобы пресѣчь неправильное, и не допустить распространяться злу... Потомъ болѣе нежели столѣтній опытъ показалъ, что вы, старообрядцы, отъ православнаго ученія о Пресвятой Троицѣ и о воплощеніи Сына Божія, не отпали, и что въ крестномъ знаменіи продолжаете образовать таинство Пресвятыя Троицы и воплощеніе Сына Божія, какъ и православная церковь, только не такимъ расположеніемъ перстовъ, какое она издревле (?) употребляетъ. Измѣненіе знаменія перестало

быть важнымъ и подлежащимъ строгому суду, когда оказалось, что существо таинства сохранено". (Стр. 117—118. Изд. 3-е).

Такимъ образомъ, и теоретически и практически—греческій взглядъ на старый русскій обрядъ, какъ еретическій, утвержденный постановленіями собора 1667 года, былъ въ позднѣйшее время признанъ русскою церковію ошибочнымъ и замѣненъ прежнимъ русскимъ взглядомъ, что старый обрядъ, и по своему происхожденію и по выражаемому имъ ученію, есть обрядъ строго православный, не заключающій въ себѣ ничего еретическаго. А въ послѣднее время научно-историческими изслѣдованіями твердо установлено и то положеніе, что старый русскій обрядъ есть дѣйствительно старый греческій православный обрядъ, по сравненію съ тѣмъ новымъ греческимъ обрядомъ, какой былъ утвержденъ соборомъ 1667 года.

ГЛАВА IX.

Важнѣйшія постановленія собора 1667 года относительно благоустройства русской церковной жизни.

Постановленіе собора 1667 года, чтобы на Руси ежегодно собирались церковные соборы если уже не два раза въ годъ, то обязательно одинъ. Неисполнимость этого требованія. Образованіе при московскихъ патріархахъ постояннаго изъ архіереевъ Синода, родоначальника нынѣшняго Св. Синода. Постановленіе собора 1667 года объ увеличеніи въ Россіи числа епархій и раздѣленіи ихъ на митрополитанскіе округи. Неудачная попытка царя Θеодора Алексѣевича привести въ исполненіе постановленіе собора 1667 года объ увеличеніи въ Россіи числа епархій и о раздѣленіи ихъ на двѣнадцать митрополитанскихъ округовъ. Постановленіе собора о неподсудности духовныхъ лицъ судьямъ изъ мірянъ. Разрѣшеніе соборомъ вдовымъ священникамъ и дьяконамъ священнодѣйствовать, а тѣмъ изъ нихъ, которые вступили во второй бракъ, прислуживать въ церкви, пѣть на клиросѣ и питаться отъ церковныхъ доходовъ, а также невозбранно поступать на общественную и государственную службу, кромѣ военной. Нѣкоторыя другія болѣе мелкія постановленія собора, касающіяся церковнаго благочинія, чернаго и бѣлаго духовенства. Приглашеніе патріарховъ, обращенное къ царю, архіереямъ, настоятелямъ монастырей и ко всѣмъ русскимъ вообще открывать у себя училища, учиться въ нихъ наукамъ, а главнымъ образомъ изучать греческій языкъ, эту основу всякаго истиннаго просвѣщенія.

Изъ постановленій собора 1667 года, послѣ осужденія русскаго старообрядства, нѣкоторыя, по своей важности для послѣдующей русской церковной жизни, заслуживаютъ особаго вниманія. Къ числу такихъ постановленій прежде всего относится соборное опредѣленіе о пользѣ и необходимости собирать ежегодно два, или, въ крайнемъ случаѣ, одинъ разъ въ годъ церковные соборы въ Москвѣ, для обсужденія и рѣшенія всѣхъ возникающихъ текущихъ вопросовъ и дѣлъ церковной жизни.

Восточныхъ патріарховъ поразило то обстоятельство, что на Руси крайне рѣдко собираются церковные соборы, тогда какъ церковные каноны настойчиво и рѣшительно требуютъ, чтобы соборы обязательно собирались или два раза въ годъ, или же, въ крайнемъ случаѣ, одинъ разъ въ годъ, такъ какъ, отъ несоблюденія тою или другою помѣстною церковію этаго правила, могутъ произойти въ ней разныя нестроенія, даже мятежи и расколы. Въ виду этого патріархи постановляютъ: „подобаетъ, якоже повелѣваютъ правила святыхъ апостоловъ и вси вселенстіи и помѣстніи собори, яко да въ коейждо странѣ и епархіи творити архіереомъ соборы дважды въ лѣто, или нужды ради, поединожды, церковныхъ ради вещей исправленія. Обаче заеже во здѣшныхъ странахъ великороссійскаго государства не обыкоша архіереи собиратися часто, и соборы творити, и исправляти священническія распри и прочая, учинишася толики раскольники и мятежники, и возмутиша все государство, и многія души погибоша, и вмалѣ было не весь народъ прельстили и отъ православныя вѣры возвратили къ безмѣстнымъ дѣламъ и еретическимъ мудрованіямъ. Сего убо ради весма подобаетъ по времени начастѣ собиратися архіереемъ всего россійскаго государства въ царствующій градъ Москву ради всякихъ добрыхъ совѣтовъ и нуждыя церковныя вещи исправляти“ [1]).

Это настоятельное требованіе восточныхъ патріарховъ, чтобы на Руси два раза или одинъ разъ въ годъ, обязательно, собирались церковные соборы, чего требуютъ и церковные каноны, необходимо поставило наше правительство въ очень затруднительное положеніе. Хорошо было сказать: собирайте соборы ежегодно, но какъ было выполнить это на дѣлѣ? Русская тирриторія была крайне велика, занимала громадное пространство. На этомъ громадномъ пространствѣ, въ очень большомъ разстояніи одна отъ другой и каждой отъ столицы—Москвы были разбросаны русскія, тоже громадныя по пространству, епархіи. Дороги въ то время у насъ были крайне плохи, а въ нѣкоторыя времена года и совсѣмъ непроѣздны. Чтобы архіерею болѣе отдаленной епархіи попасть въ Москву, съ сопровождавшею его свитою, довольно многочисленною, требовалось много сборовъ, хлопотъ,

1) Матер. для ист. раск. т. II, стр. 249—250.

времени, издержекъ, и только подъ условіемъ, что состояніе пути допускаетъ поѣздку. При такихъ условіяхъ ежегодно ѣздить въ Москву изъ отдаленныхъ епархій было дѣломъ рѣшительно невозможнымъ, это бы значило, для такихъ архіереевъ, съ одной стороны, нѣсколько мѣсяцевъ проводить въ ѣздѣ по тогдашнимъ дорогамъ, на что далеко не у всякаго архіерея хватило бы силъ; съ другой стороны архіерею тогда пришлось бы въ дѣйствительности почти совсѣмъ бросить свою паству и всѣ епархіальныя дѣла, такъ какъ значительную часть года онъ проводилъ бы въ поѣздкахъ въ Москву и обратно и на соборныхъ засѣданіяхъ т. е. внѣ своей паствы. Восточные патріархи, напримѣръ, прибыли въ Астрахань 21 іюня, а въ Москву—2 ноября т. е. находились въ пути изъ Астрахани въ Москву четыре съ лишкомъ мѣсяца. Предположимъ, что мѣстный астраханскій епископъ прибылъ бы въ Москву вдвое скорѣе патріарховъ, но и тогда бы ему на одну дорогу въ Москву и изъ Москвы пришлось бы затрачивать болѣе четырехъ мѣсяцевъ въ году и притомъ по самымъ плохимъ и тяжелымъ дорогамъ. Но даже изъ ближайшихъ сравнительно епархій ежегодныя поѣздки въ Москву архіереевъ были бы для нихъ крайне обременительны и тяжелы, и едва ли полезны для ихъ епархій, которыя имъ приходилось бы ежегодно оставлять на очень долгое время, что однако рѣшительно и строго осуждается и запрещается церковными канонами. Очевидно, ежегодные церковные соборы, на которые бы собирались всѣ русскіе епархіальные архіереи, по особенностямъ нашей страны, были совсѣмъ невозможны. Это хорошо понимало наше правительство и рѣшилось выйдти изъ безвыходнаго, казалось, положенія такимъ образомъ: у насъ, вѣроятно, съ очень древняго времени, иногда собирались при митрополитахъ маленькіе соборы изъ такъ называемыхъ „прилучившихся“ архіереевъ т. е. такихъ архіереевъ, которые въ данное время по какому либо случаю находились въ столицѣ. Первый постановленный въ Москвѣ независимо отъ Константинопольскаго патріарха русскій митрополитъ Іона въ своей прощальной грамотѣ владимірскому и берестійскому епископу Даніилу говоритъ: „мы простихомъ его и благословихомъ, съ всѣми нашими дѣтми и съ служебникы, съ архіепископомъ и епископы рускыми нашія митрополія, *ели-*

ціи въ сіе время прилучишася при насъ“ [1]). Потребность имѣть въ Москвѣ, время отъ времени, хотя бы немногихъ пріѣзжихъ архіереевъ для обсужденія и рѣшенія возникавшихъ церковныхъ дѣлъ, какія не могъ, или считалъ неудобнымъ, рѣшать одинъ митрополитъ, а потомъ патріархъ, была такъ естественна и настоятельна, что наши митрополиты, а потомъ патріархи, сами собою, при всякомъ удобномъ случаѣ, старались составить соборы изъ „прилучившихся“ архіереевъ.

Потребность присутствія въ Москвѣ большаго или меньшаго количества епархіальныхъ архіереевъ вызывалась иногда и разными государственными нуждами.

Архіереи древней Руси, вмѣстѣ съ монастырями, были у насъ очень богатыми землевладѣльцами и имѣли на своихъ земляхъ многочисленныхъ крестьянъ. Они, какъ и другіе помѣщики, должны были съ своихъ земель отбывать разныя государственныя повинности: доставлять даточныхъ людей на войну, доставлять опредѣленные денежные налоги на военныя издержки, доставлять провіантъ на государевыхъ служилыхъ людей, давать нуждающемуся государству взаймы деньги и т. под. Естественно, что государство, когда оно находилось въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и нуждалось въ помощи и содѣйствіи всей земли, не могло обойтись безъ содѣйствія духовныхъ властей, которыхъ оно всегда и призывало на совѣтъ, вмѣстѣ съ другими представителями земли, на свои земскіе сборы. И такъ какъ земскіе соборы, особенно въ первой половинѣ XVII вѣка, были часты и продолжались иногда довольно долго, то и епархіальные архіереи, являвшіеся на земскіе соборы, по необходимости должны были подолгу жить въ Москвѣ. И помимо земскихъ соборовъ присутствіе архіереевъ въ Москвѣ всегда признавалось необходимымъ при обсужденіи всѣхъ вообще важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, такъ какъ архіереи съ монастырями, представляя изъ себя одну изъ крупныхъ финансовыхъ и экономическихъ силъ страны, въ то же время были и царскими и всеобщими богомольцами, безъ благословенія и одобренія которыхъ считалось неудобнымъ начинать и совершать какое либо важное обще-государственное дѣло, почему архіереи и приглашались не только на земскіе со-

[1]) Рус. истор. библ. т. VI, стр. 589.

боры, но и на важнѣйшія засѣданія государственной думы. Даже по такимъ дѣламъ, которыя, повидимому, къ архіереямъ уже не имѣли рѣшительно никакаго отношенія, государи однако совѣтовались съ ними. Напримѣръ, мы встрѣчаемъ такую замѣтку: „тогожъ числа (30 апр. 1675 г.) былъ у великаго государя, послѣ соборной обѣдни, великій господинъ святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всея Россіи, *со властями* въ верху въ передней, *и сидѣли о посольскомъ дѣлѣ*: а пошелъ отъ великаго государя въ восьмомъ часу дни“. [1]) Значитъ, архіереи иногда появлялись въ Москвѣ по очень разнымъ случаямъ, и московскіе митрополиты, а потомъ патріархи, пользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы образовать изъ пріѣхавшихъ въ Москву архіереевъ соборъ для рѣшенія какаго либо важнаго дѣла, превышавшаго единоличную компетенцію митрополита или патріарха.

Соборы изъ „прилучившихся“ архіереевъ, все-таки были въ общемъ очень случайны, функціонировали только временно, съ большими и очень многолѣтними промежутками, не имѣли никакой правильной и опредѣленной организаціи. Когда восточные патріархи потребовали на соборѣ 1667 года, чтобы у насъ были правильные ежегодные соборы изъ епархіальныхъ архіереевъ, тогда рѣшено было институту „прилучившихся“ архіереевъ придать опредѣленную правильную организацію и сдѣлать этотъ институтъ постояннымъ, учредивъ изъ него постоянный синодъ изъ архіереевъ при особѣ патріарха. Прилучившіеся архіереи стараго времени, послѣ собора 1667 года, получаютъ названіе „чередныхъ“, или очередныхъ, какъ они называются и въ настоящее время. Такъ они названы были потому, что поочереди вызывались изъ своихъ епархій въ Москву, для присутствованія на соборныхъ засѣданіяхъ при патріархѣ. Когда умеръ патріархъ Іоакимъ, то государи „посылаютъ свои царскіе указы по архіереевъ различныхъ градовъ епархій... *череднымъ же тогда присутствующимъ архіереомъ*, во время жизни и правленія блаженнаго успенія святѣйшаго Іоакима патріарха и по смерти его остававшимся *и сущимъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ*, дабы соборъ, яко архіереи православніи и ихъ цар-

[1]) Дворцовые разряды, т. III, стр. 1364—1365.

скаго пресвѣтлаго величества богомольцы, купно вси сотворили и совѣтъ изнесли“ объ избраніи преемника Іоакиму [1]).

„Чередные“ епархіальные архіереи вызывались въ Москву всегда по особому указу государя, безъ котораго они ни подъ какимъ видомъ не могли явиться въ столицу [2]). Очередной архіерей, прибывъ въ Москву и заявивъ о своемъ пріѣздѣ начальнику Большаго дворца, въ назначенный ему день прежде всего представлялся государю или, какъ тогда говорили, былъ „на пріѣздѣ у руки великаго государя“, а затѣмъ являлся къ патріарху, отъ котораго получалъ благословеніе. Въ „Дворцовыхъ разрядахъ“ мы читаемъ: „того жъ году (1675) были на пріѣздѣ, на праздникъ Богоявленія въ день, у руки великаго государя и у благословенія святѣйшаго Іоакима патріарха“ митрополитъ нижегородскій Филаретъ и Варсонофій архіепископъ смоленскій. Прослуживъ назначенный срокъ въ Москвѣ, очередной архіерей просилъ государя и патріарха объ отпускѣ въ епархію и, получивъ его, являлся „на отпускѣ“ къ государю и патріарху. „Тогожъ году (1674), декабря въ 26 день, говорятъ дворцовые разряды, пожаловалъ великій государь и святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Россіи, отпустили властей съ Москвы (Корнилія митрополита новгородскаго, Іоасафа митрополита казанскаго и Іону епископа вятскаго) и у руки на отпускѣ у великаго государя и у благословенія святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго и всеа Россіи, были“. Или: „тогожъ году (1675) генваря въ день... пожаловали великій государь и святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа

---

[1]) Полн. собр. зак. т. III, № 1381, стр. 70—71.

[2]) Какъ вызывались въ Москву прилучившіеся или очередные архіереи, это хорошо видно изъ записи Дворцовыхъ разрядовъ: „тогожъ числа (8 сент. 1074 г.) посланъ, поуказу великаго государя, изъ Большаго дворца, отъ боярина и оружничаго Богдана Матвѣевича, да отъ думнаго дворянина Александра Савостьяновича Хитрово, да отъ думнаго дьяка Ѳедора Михайловича съ товарищи, грамоты: въ Нижній Новгородъ по Филарета, митрополита нижегородскаго и олатырскаго, да въ Бѣлградѣ по Мисаила, митрополита бѣлгородскаго и обоянскаго; а святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Россіи, велѣлъ послать къ нему же, изъ своего Разряду, другую грамоту. И велѣно имъ быть въ Москвѣ тотчасъ, не мѣшкать; а пріѣхавъ къ Москвѣ велѣно имъ про себя извѣстить и про свои пріѣзды въ Большомъ дворцѣ боярину и оружничему Богдану Матвѣевичу Хитрово съ товарищи“. (т. III, стр. 1008).

Россіи, отпустили съ Москвы домой Іосифа митрополита рязанскаго и муромскаго, къ себѣ на Рязань“. Или: „тогожъ числа (24 февр. 1675 г.) пожаловали великій государь и святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Русіи, на отпускѣ: великій государь къ рукѣ, а святѣйшій Іоакимъ патріархъ къ благословенію Симона архіепископа вологодскаго и бѣлозерскаго“ [1]).

На какой срокъ вызывались въ Москву очередные архіереи, это видно изъ грамоты государей 1685 года кіевскому митрополиту Гедеону Четвертинскому, утверждающей права и преимущества кіевскаго митрополита, гдѣ между прочимъ, ґоворится: *„а по обыкновенію великороссійскихъ преосвященныхъ митрополитовъ*, въ нашъ царствующій градъ Москву *на годовое и полугодовое время его не вызывати“* [2]). Значитъ, въ Москвѣ сложился такой обычай, что епархіальныхъ архіереевъ вызывали на очередь или на полгода или на годъ, по истеченіи которыхъ ихъ отпускали въ епархію, а на мѣсто отбывшихъ свою очередь вызывали другихъ [3]).

---

[1]) Дворц. разр. т. III, стр. 1156, 1175, 1180, 1246, 1422.

[2]) Собр. госуд. грам. догов. т. IV, № 172, стр. 500.

[3]) Показаніе указанной царской граматы подтверждается и тѣми записями, какія дошли до насъ объ участіи очередныхъ архіереевъ въ церковныхъ службахъ въ Москвѣ, изъ которыхъ мы можемъ видѣть кто, когда и сколько времени изъ епархіальныхъ архіереевъ былъ въ Москвѣ. Къ сожалѣнію такія записи безъ перерывовъ и въ подробномъ видѣ т. е. съ именнымъ перечисленіемъ служащихъ архіереевъ сохранились только за 1673, 1674 и 1675 года. Но все-таки и онѣ даютъ намъ нѣкоторую возможность, хотя бы отчасти освѣтить фактически интересующій насъ вопросъ. Въ 1672 году мы встрѣчаемъ въ Москвѣ очередныхъ митрополитовъ: Питирима новгородскаго, Парѳенія астраханскаго, Иларіона рязанскаго и Филарета нижегородскаго; архіепископовъ: Варсонофія смоленскаго, Стефана суздальскаго и Іосифа Коломенскаго, итого—семерыхъ очередныхъ архіереевъ. Къ сентябрю 1673 года всѣ они уже оставили Москву и на мѣсто ихъ явились новые, которые и выступаютъ въ церковной службѣ 11-го сентября. Это были митрополиты: Іоакимъ новгородскій, Корнилій казанскій, Іона ростовскій, архіепископы: Іоасафъ тверской и Арсеній псковскій итого—пять архіереевъ. Изъ нихъ Іоакимъ новгородскій 23 іюля 1674 года избирается въ патріархи; Корнилій казанскій, переведенный въ Новгородъ, пробылъ въ Москвѣ съ 11-го сентября 1673 года, до 26 декабря 1674 года,—значитъ пробылъ на очереди годъ и три мѣсяца; Іона ростовскій пробылъ въ Москвѣ съ сентября 1673 года по седьмое января 1675 года т. е. годъ и четыре мѣсяца. Архіепископы: Арсеній псковскій пробылъ въ Москвѣ съ сен-

Соблюдался-ли какой либо разъ строго опредѣленный порядокъ, или опредѣленная очередь при вызовѣ епархіальныхъ архіереевъ въ Москву, по неимѣнію (говорю за себя) данныхъ, сказать не могу. Можно замѣтить только одно, что архіереи отдаленныхъ епархій рѣже вызывались въ Москву, чѣмъ ближайшихъ, а сибирскій, напримѣръ, архіепископъ, а потомъ митрополитъ, конечно вслѣдствіе отдаленности его епархіи, почти и совсѣмъ не вызывался въ Москву. По крайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ его въ Москвѣ только два раза.

Относительно промежутковъ времени, чрезъ какіе одинъ и тотъ же архіерей призывался на очередь въ Москву, можно отмѣтить такіе факты: Филаретъ, митрополитъ нижегородскій, былъ на очереди въ 1672 году и затѣмъ снова былъ вызванъ въ январѣ 1675 года; Варсонофій, архіепископъ смоленскій, былъ на очереди въ 1672 году, а въ первыхъ числахъ января 1675 года былъ вызванъ вновь; Іосифъ, архіепископъ коломенскій, былъ на очереди тоже въ 1672 г., а снова былъ вызванъ въ январѣ 1675 года. Значитъ, всѣ указанные архіереи, вызывались на очередь чрезъ два года.

тября 1673 года до начала апрѣля 1674 года, т. е. семь мѣсяцевъ; Симонъ вологодскій, прибывшій въ Москву въ мартѣ 1674 года, отпущенъ изъ Москвы 25 февраля 1675 года, т. е. пробылъ въ Москвѣ на очереди почти годъ; Стефанъ суздальскій прибылъ въ Москву 17 августа 1674 года, а уже 21 ноября въ службахъ не участвуетъ и, значитъ, почему-то былъ отпущенъ изъ Москвы только послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ ней. Что такой краткій срокъ пребыванія архіерея на очереди считался ненормальнымъ, это видно изъ того, что тотъ же Стефанъ, уже чрезъ восемь мѣсяцевъ—въ августѣ 1675 года, снова былъ вызванъ въ Москву на очередь. Іосифъ коломенскій явился въ Москву 1-го сентября 1674 года, а былъ отпущенъ 29 мая 1675 года, т. е. пробылъ въ Москвѣ девять мѣсяцевъ. Іона, епископъ вятскій, значится присутствующимъ въ Москвѣ 17 августа, а 26 декабря былъ отпущенъ въ свою епархію, пробывъ въ Москвѣ съ небольшимъ четыре мѣсяца.

Изъ приведенныхъ данныхъ, какія только сейчасъ доступны мнѣ (говорю за себя), видно, что митрополиты, являясь въ Москву на очередь, проживали здѣсь болѣе года, а архіепископы одни по году, другіе по полгоду, а нѣкоторые и того менѣе. Значитъ, показаніе грамоты государей Гедеону Четвертинскому, что въ Москвѣ существуетъ обычай вызывать епархіальныхъ архіереевъ въ Москву на годовые и полугодовые сроки въ существѣ вполнѣ вѣрно, только эти годовые и полугодовые сроки строго не выдерживались, а иногда были нѣсколько длиннѣе, иногда нѣсколько короче, смотря, очевидно, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ.

Держались ли этого правила всегда и относительно всѣхъ вобще архіереевъ, кромѣ указанныхъ, не знаю. Очень возможно, что и всѣхъ другихъ архіереевъ вызывали на очередь не ранѣе какъ чрезъ два года.

Что касается количества вызываемыхъ на очередь архіереевъ, то въ этомъ отношеніи не было чего-либо строго опредѣленнаго, число ихъ въ разное время было не одинаково и постоянно измѣнялось [1]). Постоянною обязанностію и занятіемъ проживавшихъ въ Москвѣ очередныхъ архіереевъ было, кромѣ участія въ соборныхъ засѣданіяхъ, совершеніе торжественныхъ церковныхъ службъ, по назначенію патріарха. Каждый архіерей являлся въ Москву съ своимъ собственнымъ протодіакономъ и съ своимъ хоромъ пѣвчихъ. Когда они назначались совершать службы въ разные соборы, монастыри и приходскіе церкви (въ ихъ престольные праздники), тогда обыкновенно пѣлъ хоръ архіерея, который первенствовалъ въ службѣ [2]). Самовольно, безъ назначенія

---

[1]) Такъ лѣтомъ 1672 года въ Москвѣ очередныхъ митрополитовъ было четыре, архіепископовъ три, всего—7. Въ 1674 году, до 12-го апрѣля, составъ очередныхъ архіереевъ оставался тотъ же, что и въ 1673 году; но съ 12 апрѣля 1674 года уходитъ одинъ архіепископъ, такъ что очередныхъ архіереевъ остается только 4. 19 апрѣля новгородскій митрополитъ Іоакимъ избирается въ патріархи, и очередныхъ архіереевъ остается всего 3. 17 августа появляется новый митрополитъ, новый архіепископъ и одинъ епископъ, всѣхъ становится 6. 1-го сентября появляется еще новый архіепископъ, а 14 сентября еще новый очередной митрополитъ и всѣхъ становится 8. 21 ноября уходитъ одинъ архіепископъ, а 26 декабря сразу отпускаютъ двухъ митрополитовъ и епископа, такъ что всѣхъ очередныхъ остается 4. Января 6-го 1675 года являются вновь одинъ митрополитъ и одинъ архіепископъ, но зато 7 января отпускается въ епархію одинъ митрополитъ, а около 12 числа другой, такъ что всѣхъ остается 4. Но 7 февраля является новый митрополитъ и всего становится 5. Очевидно, количество очередныхъ архіереевъ въ Москвѣ было въ разное время неодинаково и постоянно измѣнялось: иногда ихъ число доходило до восьми, а иногда падало даже до трехъ.

[2]) Въ Дворцовыхъ разрядахъ читаются, напримѣръ, такія очень нерѣдкія записи: „тогожъ числа (1-го сент. 1674 года) служили власти въ соборной и апостольской церкви: святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Русіи, да съ нимъ власти: Іона, митрополитъ ростовскій и ерославскій, Іосифъ, митрополитъ резанскій и муромскій, Симонъ, архіепископъ вологодскій и бѣлозерскій, Стефанъ, архіепископъ суздальскій и юрьевскій, Іосифъ, архіепископъ коломенскій и каширскій, Іона, епископъ вятскій и великопермскій, да архимандриты и игумены и прото-

патріарха, архіерей никогда въ Москвѣ служить не могъ. Но всетаки и въ тѣ дни, когда онъ нигдѣ не служилъ по назначенію, для него обязательно было присутствовать на всѣхъ церковныхъ службахъ въ соборѣ, гдѣ былъ патріархъ, и уклоненіе отъ этой обязанности могло вызвать порицаніе со стороны патріарха. Въ Дворцовыхъ разрядахъ мы встрѣчаемъ такую замѣтку: „тогожъ числа (8 авг. 1675 г.) указалъ свя-

---

попы: а пѣли пѣвчіе и подьяки патріарши. У Благовѣщенія: Корнилей, митрополитъ новгородскій и великолуцкій, да съ нимъ архимандриты и игумены, да ключари благовѣщенскіе съ соборомъ: а пѣли пѣвчіе и подьяки новгородскіе. Въ Вознесенскомъ монастырѣ: Павелъ, митрополитъ сарскій и падонскій, да съ нимъ архимандриты и игумены, да протопопъ вознесенскій съ соборомъ, а пѣли пѣвчіе и подьяки крутицкіе. У архангела Михаила: Іоакимъ, епископъ сербословенскій, да съ нимъ игуменъ, да протопопъ архангельской съ соборомъ; а пѣли пѣвчіе и подьяки сербословянскіе“. Или: „тогожъ году сентября въ 4 день праздновалъ великій государь государыни царевны и великой княжны Мареы Алексѣевны ангелу: а выходу великому государю небыло и государю царевичу въ соборную и апостольскую церковь. А служили: въ соборной и апостольской церкви Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Россіи, да съ нимъ власти: Корнилей, митрополитъ новгородскій и великолуцкій, а съ нимъ архіепископъ Симонъ вологоцкій и бѣлозерскій, Стефанъ, архіепископъ суздальскій и юрьевскій, Іосифъ, архіепископъ коломенскій и каширскій, да архимандриты и игумны и протопопы; а пѣли пѣвчіе и подьяки патріарши. У архангела Михаила служилъ Іона, митрополитъ ростовскій и ерославскій, да съ нимъ архимандриты и игумны, да протопопъ архангельской съ соборомъ; а пѣли пѣвчіе и подьяки ростовскіе. Въ вознесенскомъ монастырѣ служилъ Павелъ, митрополитъ сарскій и педонскій, да съ нимъ архимандриты и игумны, да протопопъ вознесенскій съ соборомъ; а пѣли пѣвчіе и подьяки крутицкіе. У Спаса на Новомъ служилъ Іосифъ, митрополитъ резанскій и муромскій, да съ нимъ архимандритъ спасской; а пѣли пѣвчіе и подьяки резанскіе. У Николы у Столпа служилъ Іона епископъ вятскій и великолермскій, да съ нимъ игуменъ, да никольской священникъ; а пѣли пѣвчіе и подьяки вятскіе“ (т. III, стр. 976, 981—982, 1005, 1017, 1051, 1084, 1110, 1228 и др.).

Тогдашніе москвичи, любители торжественныхъ архіерейскихъ службъ, громогласныхъ протодьяконовъ и церковныхъ пѣвчихъ, переходя изъ одного храма въ другой, могли наслаждаться и торжественными службами разныхъ архіереевъ, и голосами знаменитыхъ протодьяконовъ, и пѣніемъ хоровъ различныхъ епархіальныхъ архіереевъ, воспитывая и развивая свой вкусъ въ этой области. Всѣмъ извѣстная любовь и пристрастіе и современныхъ москвичей къ архіерейскимъ пышнымъ службамъ, къ крестнымъ ходамъ, къ голосистымъ дьяконамъ и къ церковнымъ пѣвческимъ хорамъ, явились не сейчасъ, а воспитывались вѣками,—корни ихъ прочно заложены были еще въ древней, допетровской Руси.

тѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Русіи, Стефану, архіепископу суздальскому и юрьевскому, ѣздить въ соборную церковь къ себѣ безпрестанно, а служить ему, архіепископу, безъ своего благословенія святительскаго не указалъ“ [1]).

Несомнѣнно, что отбываніе епархіальными архіереями своей очереди въ царствующемъ градѣ Москвѣ, было для нихъ обязанностію очень тяжелою. Въ Москвѣ епархіальный архіерей находился подъ постояннымъ, очень бдительнымъ и крайне стѣснительнымъ для него надзоромъ патріарха и свѣтскаго правительства, онъ долженъ былъ соразмѣрять здѣсь каждый свой шагъ и поступокъ, чтобы какъ нибудь не вызвать неудовольствія, а то и прямо замѣчанія начальства. Большая часть его времени была занята длинными, утомительными церковными службами, крестными ходами, дѣловыми засѣданіями, парадными обѣдами,—уклоняться отъ исполненія всѣхъ этихъ обязанностей онъ не имѣлъ возможности. Въ своей епархіи „великій господинъ“, неограниченный „владыка“ и безконтрольный распорядитель не только своихъ личныхъ поступковъ и дѣятельности, но жизни и дѣятельности множества подчиненныхъ ему и зависящихъ отъ него во всемъ лицъ, въ Москвѣ онъ становился въ подчиненное зависимое положеніе, и не могъ сдѣлать ни единаго самостоятельнаго шага; великій господинъ дома, въ Москвѣ превращался въ очень маленькаго господина, обязаннаго заискивать, а подчасъ и угодничать, предъ сильнѣйшими и большими его московскими господами; ему „великому господину“ и „владыкѣ“ приходилось въ Москвѣ въ морозъ по часу и по два дожидаться на крыльцѣ, пока больщій его владыка и великій господинъ велитъ впустить его въ свою переднюю. Епархіальный очередной архіерей прекрасно понималъ, что пребываніе въ Москвѣ было для него экзаменомъ, искусомъ, который онъ долженъ пройти съ успѣхомъ, чтобы не испортить своей архіерейской карьеры. Естественно, что очередной епархіальный архіерей напрягалъ всѣ свои силы, чтобы съ успѣхомъ выдержать экзаменъ, пускалъ входъ все свое умѣнье, чтобы благополучно возвратиться въ свою епархію. Вѣроятно большинство изъ

---

[1]) Дворц. разр. т. III, стр. 1591.

нихъ ѣхало въ Москву не особенно охотно; но зато. исполнивъ успѣшно хлопотливую и тяжелую повинность, съ удовольствіемъ спѣшило возвратиться въ свою епархію.

Такимъ образомъ, въ видахъ приведенія въ исполненіе постановленія собора 1667 года объ обязательности ежегодно собирать церковные сборы, какъ этого требуютъ, на чемъ усиленно настаиваютъ каноны церкви, у насъ возникло, послѣ 1667 года, въ высшемъ церковномъ управленіи новое учрежденіе: постоянный соборъ при патріархѣ, состоящій изъ нѣсколькихъ, по очереди вызываемыхъ въ Москву епархіальныхъ архіереевъ, которые, чрезъ извѣстные промежутки времени, смѣнялись другими вызываемыми очередными архіереями. Это новое въ нашемъ высшемъ церковномъ управленіи учрежденіе несомнѣнно и было праотцемъ нынѣшняго Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Значитъ думать, что Петръ Великій, уничтожая патріаршество и учреждая Святѣйшій Синодъ, вводилъ этимъ въ наше высшее церковное управленіе что-то совсѣмъ новое, ранѣе у насъ совсѣмъ невиданное и небывалое, что Св. Синодъ есть личная выдумка и созданіе Петра, было бы очень ошибочно. Петръ Великій, учреждая Синодъ, бралъ уже готовое, существовавшее до него въ нашемъ высшемъ церковномъ управленіи учрежденіе, только нѣсколько передѣлавъ его сообразно съ своими цѣлями и намѣреніями.

Вторымъ важнымъ вопросомъ, возбудившимъ вниманіе собора 1667 года, былъ вопросъ объ увеличеніи у насъ числа архіерейскихъ каѳедръ.

Однимъ изъ ненормальныхъ и прямо болѣзненныхъ явленій въ церковной жизни древней Руси было то обстоятельство, что при громадности территоріи и общей многочисленности народонаселенія, у насъ, даже къ концу XVII вѣка, было всего только 17 епархій. Нужны были, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, цѣлыя мѣсяцы, а въ Сибири чуть не годы, чтобы какое-либо распоряженіе архіерея дошло до всего духовенства и паствы его епархіи, и многіе мѣсяцы на то, чтобы духовенство могло переслать свой отвѣтъ архіерею на его требованія и распоряженія. О какомъ либо прямомъ и непосредственномъ воздѣйствіи архипастыря не только на своихъ многочисленныхъ пасомыхъ, но и на самое духовенство, особенно сельское, не могло быть и рѣчи, такъ какъ

архіереи буквально не имѣли никакой возможности объѣзжать свои громадныя епархіи, а духовенство, ради той же громадности разстояній, не могло свободно и когда нужно являться къ своему епархіальному архіерею со своими нуждами, недоумѣніями, запросами. Вслѣдствіе этого архіерей не могъ знать не только своихъ пасомыхъ—мірянъ и хотя бы сколько нибудь оказывать на нихъ свое архипастырское воспитывающее воздѣйствіе, но онъ не зналъ даже всѣхъ членовъ причтовъ, входящихъ въ составъ приходовъ его епархіи, не находился и не имѣлъ возможности находиться даже со священнослужителями въ живомъ постоянномъ общеніи и непосредственно воздѣйствовать на нихъ,—нѣкоторые изъ членовъ церковнаго причта нерѣдко во всю свою жизнь даже и не видывали своего епархіальнаго архіерея. Обыкновенно архіерей хорошо зналъ духовенство своего каѳедральнаго собора, зналъ болѣе или менѣе духовенство своего каѳедральнаго города, а изъ духовенства другихъ городовъ своей епархіи, а тѣмъ болѣе изъ сельскаго, зналъ только поповскихъ старостъ и тѣхъ отдѣльныхъ духовныхъ, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ непосредственно обращались къ нему съ своими дѣлами. Изъ пасомыхъ мірянъ архіереи обыкновенно знали или только очень богатыхъ, или высокопоставленныхъ и вліятельныхъ особъ, особенно имѣвшихъ связи съ высшими сферами. Вся же остальная — заурядная паства: ея настроенія, влеченія, чаянія, нужды и интересы, даже религіозно-нравственныя, ему оставались или почти совсѣмъ или мало извѣстными, и потому сторонними и чуждыми. Зато и паства, съ своей стороны, совсѣмъ не знала своего архіерея и не интересовалась имъ. Конечно архіерей могъ дѣйствовать и дѣйствительно дѣйствовалъ на духовенство и паству чрезъ указы, приказы, посланія и другія подобныя произведенія канцелярскаго искусства; но дѣйствительная цѣнность и дѣйственность подобнаго рода канцелярскихъ упражненій слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы о ней можно было говорить серьезно, какъ о факторѣ, могущемъ оказать воспитывающее вліяніе на церковную жизнь епархіи.

Понятно изъ сказаннаго, какъ важно и необходимо было, въ видахъ нормальнаго и правильнаго теченія всей нашей церковно-религіозной жизни, въ видахъ ея болѣе полнаго и

высокаго развитія, имѣть сколько возможно большее число архіерейскихъ каѳедръ сравнительно съ тѣмъ ихъ количествомъ, какое тогда имѣлось на Руси въ дѣйствительности.

Крайняя малочисленность русскихъ епархій, совершенно не соотвѣтствующая громадности территоріи Россіи и многочисленности ея православнаго населенія, уже ранѣе собора 1667 года обращала на себя вниманіе восточныхъ патріарховъ, тѣмъ болѣе, что подобное устройство нашего епархіальнаго управленія совершенно несогласно было съ представленіемъ грековъ о томъ, что такое епархія, какъ территоріальная единица, и какое значеніе въ ней долженъ имѣть епархіальный архіерей. Греческія епархіи очень невелики по своему пространству и потому легко обозрѣваемы мѣстнымъ архіереемъ, число пасомыхъ въ нихъ нерѣдко простирается до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, и рѣдко въ какой епархіи достигаетъ десяти тысячъ человѣкъ и болѣе. Нашихъ епархій въ нѣсколько сотъ верстъ пространствомъ, съ нѣсколькими сотнями тысячъ пасомыхъ, православные греки и арабы не могутъ и представить. Къ этому присоединяется еще одно обстоятельство, у насъ въ Россіи мало кому извѣстное, что греческіе архіереи ставятся не изъ монаховъ, какъ у насъ, а только изъ лицъ неженатыхъ, къ монашеству не имѣющихъ никакого непосредственнаго отношенія, хотя они и носятъ всегда скромную монашескую одежду, и по внѣшнему виду кажутся монахами, не будучи ими въ дѣйствительности. Греческій архіерей есть нѣчто среднее между монахомъ и бѣлымъ священникомъ: онъ не женатъ, но онъ не постригается въ монахи и не даетъ монашескихъ обѣтовъ. Какъ не монахи греческіе архіереи часто живутъ не въ монастыряхъ, а въ частныхъ домахъ, свободно посѣщаютъ собранія въ домахъ своихъ пасомыхъ, употребляютъ въ пищу мясо, конечно кромѣ постовъ, исправляютъ разныя церковныя требы у своихъ пасомыхъ и даже вѣнчаютъ свадьбы, и всѣмъ этимъ ближе подходятъ къ бѣлому, а не черному духовенству, почему и въ древней Руси, до половины XVII вѣка, архіереи нерѣдко назывались у насъ, въ отличіе отъ чернаго (монашествующаго) и бѣлаго (женатаго) духовенства „пестрымъ“, духовенствомъ „пестрыя власти“ [1])

---

[1]) Лѣтомъ 1905 года въ нашей академіи рѣшена была поѣздка въ Палестину, въ составѣ: ректора преосвященнаго Евдокима, нѣсколькихъ

Понятно само собою, что греческіе архіереи, благодаря небольшимъ размѣромъ своихъ епархій и немногочисленности

профессоровъ (между которыми былъ и я) и студентовъ. Я поставилъ себѣ задачею въ эту поѣздку (ранѣе я ѣздилъ въ Палестину въ 1900 году) на мѣстѣ провѣрить имѣвшіяся у меня свѣдѣнія о восточныхъ архіереяхъ и, если обстоятельства поблагопріятствуютъ, то поговорить по этому вопросу съ самимъ вселенскимъ Константинопольскимъ патріархомъ Іоакимомъ, съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться на Аѳонѣ еще въ 1900 году. Обстоятельства поблагопріятствовали Патріархъ Іоакимъ, послѣ общаго пріема всѣхъ насъ (6 іюня), причемъ онъ заявилъ, что хорошо меня помнитъ, пригласилъ преосвященнаго ректора и профессоровъ къ себѣ въ кабинетъ для бесѣды. Здѣсь, послѣ разговоровъ о разныхъ матеріяхъ, я испросилъ у патріарха разрѣшенія предложить ему одинъ вопросъ, по которому мнѣ желательно было бы знать мнѣніе Его Блаженства. Разрѣшеніе было дано и я, чрезъ переводчика, патріаршаго секретаря, воспитанника петербургской духовной академіи, говорилъ патріарху слѣдующую заранѣе подготовленную мною рѣчь: „Ваше блаженство хорошо знаете, что въ Россіи предполагается собрать всероссійскій церковный соборъ, на которомъ будутъ обсуждаться разные церковные вопросы. Объ одномъ изъ этихъ вопросовъ я и желалъ бы слышать компетентное и авторитетное мнѣніе Вашего Блаженства. У насъ въ Россіи, какъ Вы знаете, архіереи обязательно поставляются изъ монаховъ, благодаря чему наши архіереи становятся въ ложное и, для многихъ изъ нихъ, очень тяжелое положеніе, которое, большинство изъ нихъ, не можетъ не сознавать. Какъ монахъ, архіерей ранѣе далъ уже предъ Богомъ и людьми торжественный и клятвенный обѣтъ всецѣлаго послушанія, безусловнаго смиренія, полнаго безкорыстія. Онъ клятвенно и навсегда отрекся отъ своей воли, личныхъ взглядовъ и идеаловъ, отъ міра и всего мірскаго, торжественно клялся всю свою жизнь провести въ дали отъ міра, въ убогой кельѣ, занимаясь только покаяніемъ, молитвою, заботою о своемъ душевномъ спасеніи. А между тѣмъ, этотъ же монахъ, сдѣлавшись архіереемъ, вопреки своимъ клятвамъ и клятвеннымъ обѣщаніямъ, требуетъ, и обязанъ требовать, отъ всѣхъ многочисленныхъ своихъ подчиненныхъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ и отъ всей своей паствы, безусловнаго себѣ послушанія и подчиненія, является предъ ними не смиреннымъ инокомъ, а властнымъ карающимъ начальникомъ, долженъ проявлять всюду, въ управленіи епархіею, личную волю, личную энергію и стойкость, свое личное пониманіе дѣла, обязанъ крѣпко бороться даже съ высшею его властію, если она предписываетъ что либо несогласное, по его искреннему убѣжденію, съ благомъ церкви и спасеніемъ его пасомыхъ. Онъ, ранѣе клятвенно отрекшійся отъ міра и всего мірскаго, теперь, сдѣлавшись архіереемъ, постоянно живетъ и дѣйствуетъ въ оставленномъ было мірѣ, среди мірской житейской суеты, интересовъ, волненій и страстей мірскихъ подчиненныхъ ему людей, постоянно занимается мірскими житейскими дѣлами, которыя онъ обязанъ направлять и рѣшать извѣстнымъ образомъ. Какъ

въ нихъ православнаго населенія, хорошо знаютъ не только весь епархіальный приходскій клиръ, но и большинство

монахъ онъ обязанъ строго хранить нищету, жить въ бѣдной, а то и убогой кельи, но, какъ архіерей, онъ получаетъ огромныя, особенно для одинокаго человѣка, доходы, живетъ въ богатыхъ, а часто и роскошныхъ палатахъ, во всѣхъ своихъ выходахъ и выѣздахъ бываетъ окруженъ особою чрезвычайною помпою, носитъ дорогія цвѣтныя одежды, навѣшиваетъ на себя мірскія чиновничьи ордена и другія драгоцѣнныя украшенія и т. под.,—такъ что въ архіереѣ, даже по внѣшности, окончательно стираются всѣ черты настоящаго инока, въ его лицѣ смиренный и убогій инокъ открыто превращается во многомъ въ мірскаго властелина. Я не говорю уже о томъ, что благодаря массѣ дѣлъ, и по преимуществу мірскихъ и житейскихъ, архіерею нѣтъ возможности исполнить главный монашескій обѣтъ, составляющій сущность монашества: проводить время въ непрестанной молитвѣ, въ покаяніи и плачѣ о своихъ грѣхахъ, въ неусыпныхъ заботахъ о спасеніи своей души, только ради чего онъ и пошелъ въ монахи. Словомъ, если архіерей пожелаетъ быть настоящимъ, а не по имени только, монахомъ, то неизбѣжно онъ будетъ очень плохимъ архіереемъ, а если онъ захочетъ быть заботливымъ, хорошимъ архіереемъ, то онъ неизбѣжно будетъ въ тоже время очень плохимъ монахомъ, монахомъ только по имени,—одно необходимо и неизбѣжно зачеркиваетъ другое. Мнѣ представляется, по указаннымъ причинамъ, что монашество и архіерейство рѣшительно несовмѣстимы. Какъ объ этомъ думаетъ Ваше Блаженство"?

Патріархъ Іоакимъ па это отвѣтилъ: „*по его личному убѣжденію* монашество и архіерейство совмѣстимы". Онъ заявилъ далѣе, что и въ древней церкви архіереи *иногда* избирались изъ монаховъ, и изъ нихъ выходили святители высокой и даже святой жизни, что *по личному мнѣнію его—патріарха*, если взять архіереевъ изъ монаховъ и не монаховъ, то большій процентъ лучшихъ архіереевъ падетъ на архіереевъ изъ монаховъ.—Когда патріарху мною было замѣчено, что всетаки противорѣчіе между иноческими обѣтами, какъ напримѣръ, послушаніемъ и архіерействомъ, остается въ полной силѣ, то патріархъ заявилъ, что архіерей обѣтъ иноческаго послушанія, какъ дѣйствительно несовмѣстимый съ архіерействомъ, можетъ сложить съ себя, равно какъ и нѣкоторые другіе иноческіе обѣты, тоже несовмѣстимые съ архіерействомъ. Другое дѣло, замѣтилъ патріархъ, если архіерей, будучи не монахъ, пожелаетъ сдѣлаться монахомъ; тогда онъ неизбѣжно, какъ требуютъ соборныя правила, долженъ сложить съ себя архіерейство; но если архіерей избранъ изъ монаховъ, то онъ, оставаясь монахомъ, въ тоже время можетъ быть и архіереемъ. Вообще, въ заключеніе замѣтилъ патріархъ, *въ архіереи нужно избирать самыхъ лучшихъ людей, будутъ-ли то монахи, или не монахи*, людей глубоко благочестивыхъ и высоконравственныхъ, пусть они и не будутъ выдаваться особою ученостію, такъ какъ дѣло архіерейства не столько въ высокой наукѣ, сколько въ истинномъ благочестіи и въ высокой христіанской нравственности.—Я согласился съ этимъ муд-

своихъ пасомыхъ мірянъ, съ которыми они, отправляя у нихъ и требы, необходимо находятся въ живыхъ непосред-

---

рымъ разсужденіемъ вселенскаго патріарха и призналъ его лучшимъ рѣшеніемъ интересовавшаго меня вопроса.—Послѣ этого я предложилъ патріарху еще одинъ вопросъ: „скажите Ваше Блаженство, что теперешніе архіереи Вашей патріархіи монахи или нѣтъ? Патріархъ отвѣтилъ: „практика послѣдняго времени установилась такая, что *наши архіереи—не монахи*".

На другой день (7 іюня) къ намъ на подворье прибыли, съ отвѣтнымъ визитомъ патріарха, его секретарь-переводчикъ и архидіаконъ. Снова стали обсуждать вопросъ о монашествѣ и архіерействѣ и г. патріаршій секретарь, показывая на архидіакона, сказалъ: „вотъ предъ вами патріаршій второй архидіаконъ въ монашескомъ одѣяніи, но онъ поставленъ въ архидіакона безъ какого бы то ни было отношенія къ монашеству и онъ не монахъ". Тогда я спросилъ архидіакона: „можетъ-ли онъ, не будучи монахомъ, сдѣлаться архіереемъ и даже патріархомъ"? Архидіаконъ отвѣтилъ: „да, могу". Въ заключеніе бесѣды я предложилъ патріаршему секретарю такой вопросъ: „изъ вчерашняго разговора съ Блаженнѣйшимъ патріархомъ Вы знаете, что по моему убѣжденію монашество и архіерейство несовмѣстимы, и вотъ еслибы этотъ вопросъ я предложилъ на рѣшеніе патріаршаго Синода, за какое бы мнѣніе, по Вашему убѣжденію, Синодъ высказался, скажите мнѣ откровенно и прямо"? Патріаршій секретарь на это отвѣтилъ: „смѣю васъ увѣрить, профессоръ, что всѣ архіереи нашего патріаршаго Синода *единогласно высказались бы за ваше мнѣніе.* Вы должны принять во вниманіе, что патріархъ вчера, разсуждая съ вами, постоянно и нарочно подчеркивалъ свои мнѣнія выраженіемъ: „по моему личному мнѣнію", или: „по моему личному убѣжденію".

Когда я, съ преосвященнымъ Евдокимомъ, посѣтилъ живущаго близь Константинополя, на о. Халки, бывшаго іерусалимскаго патріарха Никодима, съ которымъ я познакомился въ свою поѣздку на востокъ въ 1900 году, то мы и съ нимъ повели разговоръ о совмѣстимости монашества и архіерейства. Патріархъ Никодимъ говорилъ, что русскимъ не слѣдуетъ въ этомъ дѣлѣ подражать грекамъ, а держаться своего стараго обычая т. е. ставить архіереевъ изъ монаховъ. Я замѣтилъ патріарху: какъ можетъ онъ, самъ не монахъ, желать того, чтобы въ Россіи архіереи были монахи? На это патріархъ съ живостію воскликнулъ: „да я самъ монахъ, настоящій монахъ"! Тогда я невольно спросилъ его: „когда же Вы, Ваше Блаженство, сдѣлались монахомъ"? „Въ Москвѣ, отвѣчалъ онъ. Когда меня въ Москвѣ изъ архимандритовъ ставили въ архіепископы Ѳаворскіе, то предъ поставленіемъ преосвященный Алексѣй (Лавровъ), тогда викарій московскій, предварительно постригъ меня—архимандрита въ монахи, надѣлъ на меня мантію и я сдѣлался настоящимъ монахомъ".

Преосвященный Евдокимъ, при осмотрѣ извѣстной Халкинской духовной школы, изъ которой выходитъ большинство греческихъ іерарховъ,

ственыхъ сношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что греческіе архіереи, имѣя очень небольшія епархіи, не получаютъ съ нихъ тѣхъ большихъ и часто огромныхъ доходовъ, какіе получали съ своихъ обширныхъ епархій русскіе архіереи. А вслѣдствіе этого и вся обстановка жизни греческаго архіерея не походила на обстановку древне-русскаго архіерея—этого богатаго высокаго духовнаго сановника, окруженнаго, подобно владѣтельному князю, своими боярами, дѣтьми боярскими, дворецкими, дьяками и другими мірскими служившими у него людьми, имѣвшими торжественные пышные выходы и выѣзды и т. под. греческіе архіереи не только очень скромны въ своихъ одеждахъ и всей своей обстановкѣ,—встрѣчаясь съ ними на улицѣ, не отличишь ихъ отъ простыхъ монаховъ,—но и болѣе доступны для всякаго, имѣющаго въ нихъ нужду. Вполнѣ естественно было поэтому, что греческихъ іерарховъ поражала высость, пышность и чисто государственное и мірское сановничество нашихъ архіереевъ, ихъ крайняя далекость отъ нуждъ и интересовъ паствы, полная заброшенность послѣдней со стороны дѣйствительнаго архипастырскаго воздѣйствія и воспитанія. Причину этого они видѣли главнымъ образомъ въ малочисленности русскихъ епархій, почему и предлагали увеличить число ихъ. Этого же, въ интересахъ болѣе правильнаго и высокаго религіозно-нравственнаго воспитанія народа, всегда желало и наше свѣтское высшее правительство, такъ что наши государи, въ этомъ дѣлѣ, охотно шли навстрѣчу пожеланіямъ восточныхъ патріарховъ. Когда у насъ учреждено было патріаршество, въ то же время рѣшено было, по желанію государя, констан-

---

спросилъ ректора школы, по одѣянію инока, какъ онъ думаетъ: можетъ-ли монахъ быть архіереемъ? на что тотъ сурово отвѣтилъ: „кто пошелъ въ монахи, тотъ и долженъ до смерти жить въ своемъ монастырѣ, а не искать архіерейства“.

Въ Іерусалимѣ, по обстоятельствамъ, мнѣ не пришлось бесѣдовать по данному вопросу съ самимъ патріархомъ, но я бесѣдовалъ съ профессорами тамошней патріаршей духовной крестовой школы, по сану архимандритами. Они—архимандриты самихъ себя не признаютъ монахами, такъ какъ никогда не давали никакихъ монашескихъ обѣтовъ и не принимали монашескаго постриженія, они признали, что всѣ ихъ архіереи не монахи и что монашество и архіерейство въ одномъ лицѣ несовмѣстимы.

тинопольскимъ патріархомъ Іереміею и первымъ московскимъ патріархомъ Іовомъ, открыть на Руси восемь новыхъ епархій. Но въ дѣйствительности у насъ открыли только три новыхъ епархіи, а пять предположенныхъ осталось неоткрытыми, такъ что всѣхъ епархій оказалось не 19, какъ этаго требовала уложенная грамота о патріаршествѣ, а только 14. На соборѣ 1667 года государь предложилъ выполнить требованіе уложенной грамоты объ увеличеніи у насъ количества епархій. Предложеніе было принято соборомъ и, говоритъ соборное дѣяніе, „присудихомъ, еже тако быти, утвердивши, да по мѣстомъ архіепископовъ и епископовъ неимущимъ, поставлени будутъ архіереи“, и затѣмъ намѣчаются тѣ города, въ которыхъ предполагалось вновь поставить архіереевъ. Рѣшено было вновь поставить архіереевъ въ десяти городахъ. Въ то же время патріархи, вмѣстѣ съ соборомъ, заявляютъ: „еще же, по богорачительному желанію великаго государя, благословляемъ вновь въ великихъ градѣхъ (т. е. помимо десяти вышеуказанныхъ городовъ) и въ далнихъ растояніяхъ, идѣже подобаетъ по разсмотрѣнію его царскому съ совѣтомъ и благословеніемъ святѣйшаго патріарха и согласіемъ преосвященныхъ архіереевъ, россійскаго государства, избирати и поставляти архіерея: митрополиты и архіепископы и епископы, во еже бы стаду Христову не безъ довольныхъ пастырей быти, да управляется и расширяется православіемъ въ родъ и родъ богохранимое россійское царство со прочими государствы богопорученными великому государю“.

Предоставляя и въ будущемъ государямъ, вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ, открывать и въ дальнѣйшее время новыя и новыя епархіи, патріархи рекомендуютъ при этомъ ввести на Руси въ церковномъ управленіи такой строй: „повелѣваемъ коемуждо митрополиту имѣти подъ собою епископы, по святымъ правиломъ, ради конечнаго исполненія церковнаго и пасенія душъ человѣческихъ... А жити тѣмъ епископомъ коемуждо подъ своимъ архіереомъ, во своихъ епархіяхъ, во опредѣленныхъ имъ градѣхъ, въ монастырѣхъ, и владѣти того монастыря вотчинами, и творити все по благословенію и по повелѣнію своихъ имъ митрополитовъ, а безъ воли ихъ ничегоже творити, кромѣ священнодѣйствія,

и хиротоніи и прочихъ, яже повелѣваютъ имъ святая правила“ [1]).

Такимъ образомъ, государь и восточные патріархи, со всѣмъ соборомъ 1667 года, рѣшили во-первыхъ: увеличить количество епархій у насъ сразу на десять, намѣченныхъ въ самыхъ соборныхъ постановленіяхъ, а также постановили, чтобы и въ будущемъ государь, вмѣстѣ съ іерархами церкви, заботился объ увеличеніи количества епархій. Во-вторыхъ, восточные патріархи постановили, чтобы русскія епархіи подраздѣлены были на нѣсколько округовъ, во главѣ которыхъ должны стоять митрополиты съ подчиненными имъ епископами, чтобы такимъ образомъ каждый округъ, состоящій изъ нѣсколькихъ территоріально смежныхъ епархій, представлялъ изъ себя самостоятельную, въ извѣстныхъ предѣлахъ, единицу, во главѣ которой стоитъ митрополитъ, самъ непосредственно подчиненный патріарху, верховному управителю всей церкви.

Постановленія собора 1667 года объ увеличеніи количества епархій не были приведены въ исполненіе царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, за это взялся его сынъ—царь Θеодоръ Алексѣевичъ, рѣшившійся выполнить постановленія собора 1667 года объ увеличеніи числа архіерейскихъ каθедръ въ болѣе широкихъ и грандіозныхъ размѣрахъ, нежели какъ намѣчалъ соборъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшившійся ввести у насъ, согласно постановленію собора 1667 года, церковное управленіе по округамъ.

„27 ноября 1681 года государь совѣтовавъ о Святомъ Дусѣ со отцемъ своимъ и богомолцемъ съ великимъ господиномъ святѣйшимъ Іоакимомъ, патріархомъ московскимъ и всеа Русіи, изволилъ, для украшенія святыя церкви и для спасенія и просвѣщенія христіаномъ, быти и именоватись архіереомъ по степени, и коемуждо архіерею имѣти во своей епархіи епископовъ, подвластныхъ имъ, а святѣйшему патріарху, отцемъ отцу, имѣти многихъ епископовъ, яко главѣ и пастырю. А въ которыхъ градѣхъ быти епископамъ и отъ чего имъ имѣть довольство, и то писано имянно“. Царскій проектъ предлагалъ раздѣлить всю тогдашнюю территорію московскаго государства въ церковномъ отношеніи на 12

---

[1]) Матер. для ист. раск. т. II, стр. 377—382.

митрополичихъ округовъ, а патріаршая область должна составлять изъ себя особый самостоятельный округъ. Двѣнадцать предположенныхъ митрополитовъ должны были называться по имени тѣхъ городовъ, которые ранѣе были столичными городами прежнихъ царствъ и княжествъ: новгородскій, казанскій, астраханскій, сибирскій, ростовскій и т. под. Каждый изъ двѣнадцати митрополитовъ долженъ имѣть подъ собою подчиненныхъ ему и зависимыхъ отъ него епископовъ, которые не имѣли права безъ воли и согласія своего митрополита предпринимать что либо, что выходило за предѣлы обычной власти епархіальнаго архіерея. Эти окружные митрополиты должны собирать изъ подчиненныхъ имъ епископовъ ежегодные окружные соборы, на которыхъ бы обсуждались всѣ мѣстные вопросы, нужды, интересы, случаи, конечно не касавшіеся всей церкви. Сами митрополиты непосредственно подчинялись патріарху, который, время отъ времени, сталъ бы собирать общерусскій церковный соборъ для рѣшенія на немъ дѣлъ и вопросовъ, касающихся уже всей русской церкви и всего русскаго народа. Этотъ проектированный царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ строй церковнаго управленія очень близко подходилъ къ древне-каноническому церковному строю и въ то же время, являлся исполненіемъ постановленія собора 1667 года.

Въ связи съ проектомъ раздѣленія Россіи на двѣнадцать округовъ или митрополій, царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ составленъ былъ и другой проектъ, тоже опиравшійся на постановленія собора 1667 года, объ увеличеніи у насъ количества епархій: онъ рѣшилъ было образовать на Руси всѣхъ епархій—72, для чего и была составлена особая предварительная „роспись городомъ и монастыремъ, въ которыхъ градѣхъ быти епископомъ и въ которыхъ монастырехъ имъ жити и что за тѣми монастыри крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ по переписнымъ книгамъ 187 году“, или, какъ выражается другая роспись: „о епископахъ, въ которыхъ градѣхъ быть, и что въ тѣхъ городѣхъ монастырей и за тѣми монастырями крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ“, причемъ принималось въ расчетъ „разстояніе отъ тѣхъ градовъ, гдѣ епископомъ быть; до другихъ городовъ, въ которыхъ владѣть имъ придаточными монастыри“, а также

наблюдалось, „чтобъ епархія владѣнія своего больше двухъ сотъ верстъ не имѣла.“

Проектъ царя Θедора Алексѣевича о раздѣленіи Россіи на двѣнадцать митрополій и объ образованіи новыхъ епархій, чтобы всѣхъ было 72, базировался несомнѣнно на постановленіяхъ собора 1667 года и осуществленія этого проекта требовали, очевидно, самыя насущные интересы вѣры и церкви, самые дорогіе и священные интересы всего православнаго народонаселенія тогдашней Россіи. Такъ дѣйствительно и смотрѣлъ на свой проектъ самъ государь, но не такъ посмотрѣли на него тогдашніе наши іерархи,—они отнеслись къ нему рѣшительно отрицательно.

Когда проектъ царя о раздѣленіи Россіи на двѣнадцать митрополій переданъ былъ на обсужденіе собора, то наши іерархи, отъ 8 февраля 1682 года, подали государю особую челобитную, въ которой заявляютъ: „бьютъ челомъ митрополиты и архіепископы, чтобы великій государь милостивно ко архіерейскому чину разсмотрѣніе положилъ и вновь гдѣ, въ пристойныхъ мѣстѣхъ и въ дальныхъ городѣхъ и многонародныхъ архіереовъ устроити — архіепископовъ, или епископовъ, особыми ихъ епархіи, а не подъ митрополитами быть подвластнымъ для того, чтобъ во архіерейскомъ чинѣ не было какого церковнаго разногласія и межъ себя распри и высости, и въ томъ несогласіи и въ нестроеніи святой церкви преобидѣнія и отъ народа молвы и укоризны“.

Такимъ образомъ, архіереи на соборѣ 1682 года рѣшительно возстали противъ раздѣленія епархій на митрополичьи округи, съ соподчиненными митрополитамъ архіереями, а пожелали, чтобы каждый епархіальный архіерей по прежнему оставался въ своей епархіи совершенно самостоятельнымъ управителемъ, лишь подъ верховнымъ надзоромъ одного патріарха, какъ это было ранѣе. Причины, почему они не желаютъ раздѣленія на митрополіи, архіереи высказываютъ очень неопредѣленно и неясно: они будто бы боятся, чтобы вслѣдствіе учрежденія двѣнадцати митрополій съ соподчиненными каждому митрополиту епископами „во архіерейскомъ чинѣ не было какого церковнаго разногласія, и межъ себя распри и высости, и въ томъ несогласіи и нестроеніи святой церкви преобидѣнія, и отъ народа молвы и укоризны“. Но какимъ образомъ и почему все это должно было

произойти при болѣе правильномъ, съ церковными канонами согласномъ устройствѣ нашего церковнаго управленія,— наши іерархи не объясняютъ, да едва ли и могли объяснить, такъ какъ истинная причина ихъ противленія учрежденію у насъ двѣнадцати митрополичьихъ округовъ заключалось совершенно въ другомъ.

Наши епархіальные архіереи изстари привыкли быть въ своихъ епархіяхъ совершенно автономными правителями, въ епархіи во всемъ и всегда царила только воля „владыки", личное усмотрѣніе „великаго господина"—архіерея, и недовольному его дѣйствіями и распоряженіями подчиненному жаловаться было некому. Конечно у насъ былъ высшій управитель церкви и, въ извѣстномъ отношеніи, начальникъ всѣхъ архіереевъ—патріархъ. Но онъ былъ слишкомъ далекъ и высокъ для обыкновеннаго рядоваго духовенства другихъ епархій, которое поэтому едва ли легко и свободно могло находить къ патріарху доступъ при своихъ жалобахъ на того или другого мѣстнаго епархіальнаго архіерея, и едвали всегда могло встрѣчать въ патріархѣ охоту и желаніе внимательно и безпристрастно разслѣдовать жалобы на епархіальныхъ архіереевъ. Да если бы архіерей и дѣйствительно оказался въ чемъ либо серьезно виновнымъ, судить его и покарать за вину одинъ патріархъ не могъ, — судить и карать архіереевъ могъ только соборъ, а созывъ собора было въ то время дѣломъ настолько хлопотнымъ и труднымъ, что и по болѣе важнымъ дѣламъ соборы у насъ собирались очень и очень рѣдко. Въ виду этого древне-русскій архіерей чувствовалъ и сознавалъ себя въ своей епархіи полновластнымъ и безконтрольнымъ владыкою надъ всѣми подчиненными ему лицами, а послѣдніе по неволѣ должны были оказывать ему безусловное во всемъ повиновеніе, хотя бы архіерей и дѣйствовалъ неправильно и несправедливо, такъ какъ на такія дѣйствія архіерея они нигдѣ не могли найти суда и управы. Но положеніе епархіальнаго архіерея значительно измѣнилось, если бы тогдашняя Россія дѣйствительно была бы раздѣлена въ церковно-правительственномъ отношеніи на двѣнадцать округовъ съ митрополитами во главѣ и подчиненными, входящими въ составъ округа, епархіальными архіереями. Тогда бы послѣдніе постоянно чувствовали надъ собою ближайшій надзоръ

и контроль своего областнаго митрополита, который ежегодно бы собиралъ окружные соборы и на эти ежегодные областные соборы сравнительно легко было бы всѣмъ недовольнымъ и обиженнымъ подавать на архіеревъ свои жалобы, которыя бы соборъ разбиралъ и обсуждалъ и дѣлалъ по нимъ тѣ или другія свои постановленія. Болѣе ревностные изъ областныхъ митрополитовъ стали бы проявлять тогда особую энергію и усердіе въ насажденіи болѣе строгихъ и справедливыхъ порядковъ въ управленіи подчиненныхъ имъ архіереевъ и усилили бы свой контроль и бдительное наблюденіе надъ ними, что, конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительно могло бы иногда повести къ столкновеніямъ между митрополитомъ и подчиненными ему епархіальными архіереями, къ упрекамъ по адресу митрополита въ „высости" и т. под. Естественно, что перееспектива подобныхъ порядковъ при новомъ церковномъ управленіи вовсе не улыбалась тогдашнимъ свободолюбивымъ епархіальнымъ архіереямъ, которые поэтому рѣшительно и отклонили на соборѣ 1682 года проектъ царя Ѳедора Алексѣевича объ образованіи у насъ двѣнадцати округовъ съ митрополитами во главѣ, а предпочли остаться при прежней зависимости отъ одного только патріарха, который уже и территоріально всегда стоялъ такъ далеко отъ ихъ епархій и хода всѣхъ ихъ епархіальныхъ дѣлъ.

Второй свой проектъ объ образованіи 72 новыхъ епархій царь Ѳедоръ Алексѣевичъ передалъ сначала на предварительное разсмотрѣніе патріарха Іоакима съ бывшими тогда при немъ архіереями, которые нашли, что проектъ царя слишкомъ широкъ и трудно осуществимъ и потому предложили государю сократить число вновь открываемыхъ епархій до 33-хъ. Государь съ этимъ согласился и на соборѣ 1682 года внесено было царское предложеніе объ открытіи только 33 новыхъ епархій, причемъ государь былъ увѣренъ, что соборъ пойдетъ навстрѣчу его справедливымъ и полезнымъ для церкви начинаніямъ, тѣмъ болѣе, что своимъ проектомъ онъ только осуществлялъ постановленія собора 1667 года. Но соборъ русскихъ іерарховъ не оправдалъ надеждъ государя. Онъ призналъ, что слѣдуетъ и полезно открыть новыя епархіи, но не 72 или 33, какъ предлагалъ царь, а только одинадцать, да и изъ этихъ одинадцати въ

дѣйствительности открыты были только *четыре*, а остальныя семь совсѣмъ не открывались. Ясное дѣло, что архіереи вовсе не сочувствовали проекту царя и совсѣмъ не желали открытія новыхъ епархій, и если согласились на дѣйствительное открытіе новыхъ четырехъ епархій, то сдѣлали это очень неохотно, только уступая желанію и настояніямъ государя.

Очень характерны тѣ причины, какія побуждали русскихъ іерарховъ на соборѣ 1682 года противиться открытію новыхъ епархій.

Учредить новыя епархіи можно было, конечно, не иначе, какъ раздробивъ уже существовавшія ранѣе епархіи, чрезъ выдѣленіе изъ нихъ тѣхъ или другихъ частей, и, значитъ: съ учрежденіемъ новыхъ епархій необходимо сокращались предѣлы старыхъ, а вмѣстѣ съ этимъ необходимо болѣе или менѣе уменьшались и доходы прежнихъ архіереевъ. Каждый монастырь, каждая приходская церковь съ причтомъ, всѣ церковныя владѣнія были обложены въ древней Руси извѣстными податями въ пользу епархіальнаго архіерея, и потому отчужденіе ихъ отъ данной епархіи, въ видахъ образованія новой, неизбѣжно сокращало прежніе обычные доходы архіерея. Это обстоятельство и было одною изъ главныхъ причинъ, почему архіереи всячески противились открытію новыхъ епархій. Они, не стѣсняясь, сами открыто заявляли на соборѣ, что будто бы „у митрополитовъ изъ епархіи: астраханскаго, псковскаго, смоленскаго, нижегородскаго; у архіепископовъ: у суздальскаго, у тверскаго— *изъ ихъ епархій не изъ чего вновь быть архіереомъ*; епархіи малоградны и разстояніемъ не дальные... Въ вятскую епископію прибавить архіерея не изъ чего, потому что во градѣхъ церквей и монастырей мало“. Очевидно, боязнь оскудѣть въ доходахъ и прибыляхъ продиктовала архіереямъ приведенныя соборныя постановленія.

Не менѣе, если не болѣе, характерно и другая причина, по которой архіереи не хотѣли согласиться съ проектомъ государя объ открытіи намѣченныхъ новыхъ епархій. Въ своей челобитной соборъ іерарховъ просилъ государя „архіреовъ устроити“ только „въ пристойныхъ мѣстахъ и въ дальныхъ городѣхъ и многонародныхъ“, а въ самомъ соборномъ постановленіи іерархи разъясняютъ, что они разумѣютъ подъ пристойными для архіереевъ мѣстами. Соборное поста-

новленіе говоритъ, что въ далекіе города „на Лѣну въ Дауры посылать отъ духовнаго чину архимандритовъ и игуменовъ и священниковъ добрыхъ и учительныхъ—для ученія христіанскаго закона и просвѣщенія невѣрныхъ; *а епископамъ въ тѣхъ далнихъ городѣхъ нынѣ быть неудобно — малолюдства ради христіанскаго народа*“ [1]).

Въ этомъ оффиціальномъ соборномъ заявленіи тогдашнихъ архіереевъ ярко вскрывается присущій имъ довольно своеобразный взглядъ ихъ на самихъ себя, на свое общественное положеніе и обязанности, на свое отношеніе къ паствѣ. Архіерей, по ихъ представленію, какъ „владыка“ и „великій господинъ“, могъ жить только въ „пристойныхъ мѣстахъ“, какими были города „многонародные“, когда въ городахъ и окружающей ихъ области было много церквей и монастырей, съ которыхъ бы архіерей могъ получать довольные для его жизни и надлежащей обстановки доходы, почему въ тѣхъ дальнихъ городахъ, гдѣ православное народонаселеніе не многочисленно, гдѣ мало церквей и монастырей—„епископомъ быть неудобно“. Неудобно имъ быть на бѣдныхъ окраинахъ и потому еще, что тамъ пришлось бы имъ заниматься миссіонерствомъ среди невѣрныхъ, а подобное занятіе для епископа соборъ іерарховъ находитъ тоже неудобнымъ, несогласнымъ съ высокимъ общественнымъ положеніемъ и достоинствомъ епархіальнаго „владыки“. Въ виду этого соборъ и постановляетъ: посылать въ отдѣльные, окраинные, съ малымъ христіанскимъ населеніемъ города, гдѣ требуется просвѣщать и обучать невѣрныхъ, не архіереевъ, а лицъ низшаго іерархическаго ранга: архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ, которые и должны заниматься тамъ „обученіемъ христіанскому закону и просвѣщеніемъ невѣрныхъ“.

Очевидно, древне-русскій архіерей и представить себѣ не могъ, чтобы ему, какъ архипастырю и преемнику самихъ апостоловъ, можно было жить не въ многонародномъ, а въ какомъ нибудь незначительномъ, отдаленномъ и малонаселенномъ городѣ, жить безъ обычной богатой по-мірски пышной архіерейской тогдашней обстановки, получать не боль-

---

[1]) Документы, относящіеся къ собору 1682 года, напечатаны въ приложеніи къ книгѣ Н. Виноградова: Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 г. Смоленскъ, 1899 г.

шіе, а только умѣренные доходы, заниматься не дѣлами только епархіальнаго управленія и совершеніемъ пышныхъ архіерейскихъ служеній, а скромнымъ и невиднымъ хотя и апостольскимъ дѣломъ—дѣломъ просвѣщенія и обученія невѣрныхъ. Государственный сановникъ и мірской властелинъ слишкомъ сильно выдвигался въ древне-русскомъ архіереѣ предъ духовнымъ архипастыремъ, преемникомъ апостоловъ.

Въ то время когда наши іерархи никакъ не хотѣли согласиться на уменьшеніе объема своихъ громадныхъ епархій и на упрощеніе своей архіерейской обстановки и жизни, на этомъ однако продолжали, и въ послѣдующее время, настаивать предъ русскимъ правительствомъ восточные патріархи. Въ 1692 году іерусалимскій патріархъ Досиѳей пишетъ московскому патріарху Адріану, что интересы православія требуютъ увеличить въ Россіи число епископскихъ каѳедръ и образовать изъ нихъ округи, во главѣ которыхъ должны стоять митрополиты съ подчиненными ему епископами. Чтобы устранить препятствія къ выполненію этого предложенія, Досиѳей пишетъ: „аще есть мысль нѣкихъ архіереевъ, яко аще поставятся и иніи епископи, умалятся нынѣшнихъ епископовъ приходы—глаголемъ: яко да сохранятся предѣлы, узаконенія и преданія святыя церкве восточныя, зане преступленіе аще и мало, но имѣетъ великое мученіе; а еже имѣти архіереемъ великія приходы,—не нужно есть. Второе, яко архіерее суть святыхъ апостоловъ преемницы: яко же апостоли ничесого имѣша, а архіерее да имѣютъ мало. Третье, за церковь пролилъ есть Сынъ Божій кровь свою, — и не есть праведно архіереемъ лишеимства ради умоляти, или стужати церкви Божіи, ея же ради Христосъ умре. Четвертое, не есть праведно взирати онсицы на прибытокъ, но на пользу и прибытокъ общій. Пятое, соборъ коеяждо каѳолическія церкве не зритъ, что глаголетъ онсица и что хочетъ онсица и что годно онсицѣ, но что пользуетъ церковь и что годно Богу. Аще же кто любопрится, глаголемъ тому съ Павломъ: мы сицеваго обычая не имамы, ниже церковь Божія. И аще кто или нѣцые противоглаголютъ, или преслушаютъ церковь, убо имѣетъ тыя яко язычники и мытари, власть же наказуетъ, не бо суетно мечъ носитъ, но да добрыя снабдѣваетъ, тако противоглаголющія извергаетъ и низлагаетъ“. Въ царскомъ указѣ въ патріаршій „Разрядъ“ отъ

2 апрѣля 1693 года говорится, что іерусалимскій патріархъ Досиѳей, съ присланнымъ имъ архимандритомъ Хрисанѳомъ, писалъ государю: „слышно де у нихъ во всей Палестинѣ у всѣхъ православныхъ, что въ Россіи чинятся нѣкоторыя въ церковныхъ правилахъ отступленія, а во иныхъ дальнихъ странахъ умножилась нѣкоторая ересь капитонская. И о семъ онъ, святѣйшій патріархъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ единомышленно проситъ, дабы великіе государи указали поставить нѣсколько въ накоторые городы и дальніе страны вновь епископовъ, которые бъ могли народъ учити, дабы не прельщались. А присланный ево, святѣйшаго патріарха, архимандритъ Хрисанѳъ, по приказу патріаршему, объявилъ тому способы: чтобъ тѣхъ новыхъ епископовъ хиротонисать на Москвѣ и потомъ послать для бытія ихъ въ тѣхъ городѣхъ къ преосвященнымъ митрополитомъ подъ власть ихъ. А когда случится изъ тѣхъ епископовъ которому смерть, и на ево бъ мѣсто тамъ иного хиротонисалъ преосвященный митрополитъ по древнему церковному обыкновенію. Такимъ же подобіемъ и въ Сибири и въ иныхъ дальнихъ мѣстахъ, гдѣ пристойно, при митрополитанскихъ престолехъ, учинить нѣсколько епископовъ, которые бъ могли распространять церковь Божію“. Въ 1700 году патріархъ Досиѳей писалъ государю: „уповаемъ слышати и уже слышали, что въ Азовъ святое и богомудрое царство ваше повелѣлъ быти митрополиту, а ведется быти и епископомъ по городомъ, потому что много епископовъ бываетъ причина, чтобъ были добрые и богомудрые, и дабы не учинили тягости царской казнѣ, житіе ихъ чтобы было по древнему обычаю каѳолической церкви, сирѣчь, смиренное, а наипаче: понеже суть сосѣди наши, чтобы было и житіе ихъ, яко же и наше,— патріархи и здѣсь, въ Царѣградѣ, наипаче пѣши ходятъ. Архіереи суть нищіе; и прежъ сего были, какъ познается отъ исторіахъ и отъ собранія вселенскихъ соборовъ, что такъ нищіе были, что цари ихъ кормили; платья дорогія духовнымъ людямъ непристойно, а носили такія платья иконоборцы. И буде изволитъ, прочтите правило шестое на десять вселенскаго седьмаго собора, которое весьма низвергаетъ. Тѣмъ же кротчайшій и Богомъ почтенный святый самодержце, мѣсто, которое взялъ мечемъ своимъ, почти апостольски, чтобы были и архіерей много, и чтобы были

нищіе, якоже и апостоли, для правленія добраго тамошнихъ христіанъ". Въ 1705 году патріархъ Досиѳей снова обращается къ государю съ совѣтомъ умножить въ Россіи число епископскихъ каѳедръ. „Молимъ, пишетъ онъ, понеже великое и святое твое царствіе взялъ много мѣстъ у шведовъ, да не поставитъ архіерея тамо, но да поставитъ архіерея въ Петрополѣ, а другаго въ Нарвѣ, чтобъ было удобнѣйшее церковное поученіе. Наипаче и сіе полезнѣйше есть, дабы былъ митрополитъ въ большихъ городахъ, а въ иныхъ епископы подлежащіе митрополиту, и тако да возрастаетъ преданіе вѣры православныя. И аще будетъ какое нибудь препятіе въ тамошнихъ странахъ: архіереевъ украшеніе и расходы многіе, тогда сотворитъ власть вашего царскаго величества меньши, какъ имѣли то въ Царѣградѣ архіереи во время святыхъ самодержцевъ, и яко же творимъ и мы, что расходы наши суть равны съ единымъ игуменомъ наименьшаго монастыря, и на одежды наши всѣ не изойдетъ пяти сотъ копѣекъ" [1]).

Но ни постановленія въ присутствіи восточныхъ патріарховъ собора 1667 года, ни старанія царя Ѳеодора Алексѣевича, ни неоднократныя настоянія іерусалимскаго патріарха Досиѳея, чтобы у насъ возможно больше увеличено было число архіерейскихъ каѳедръ, чтобы у насъ въ церковномъ управленіи, ради обширности территоріи, ради интересовъ вѣры и церкви, введена была, въ извѣстной степени, децентрализація, выражающаяся въ учрежденіи митрополитанскихъ округовъ, ни указанія съ востока на необходимость упростить и, такъ сказать, удешевить всю жизнь и обстановку нашихъ архіереевъ,—не имѣли никакого значенія для нашей послѣдующей церковной жизни.

Третьимъ важнымъ вопросомъ, рѣшеннымъ соборомъ 1667 года, былъ вопросъ о судѣ надъ духовными лицами. Какъ мы знаемъ, московскіе патріархи и всѣ русскіе архіереи творили судъ надъ духовными лицами чрезъ своихъ свѣтскихъ служилыхъ людей. Никонъ такой порядокъ признавалъ вполнѣ нормальнымъ и правильнымъ и открыто

---

[1]) Непереплетенный сборникъ москов. синод. библіотеки № IV, л.л. 44—86. Греческіе статейные списки № 12, л. 1062. Греческія дѣла 1700 г. №№ I и II.

сознавался, что самъ онъ дѣйствительно не судилъ духовныхъ лицъ, а предоставлялъ это дѣло своимъ свѣтскимъ служилымъ людямъ, такъ-де велось изстари у всѣхъ русскихъ архіереевъ. Соборъ 1667 года, признавая такой порядокъ рѣшительно неправильнымъ, постановляетъ: „быти духовному человѣку, сирѣчь архимандриту со многими искусными мужи, во патріаршѣ дому въ духовныхъ дѣлѣхъ судити и разсуждати духовныя лица, сирѣчь священническаго и монашескаго чина, яко да не повлачаютъ отнынѣ священниковъ и монаховъ въ мірскія судилища, ниже да судятъ мірскія люди освященнаго и монашескаго чина и всякаго церковнаго причта, якоже запрещаютъ святая правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ. Такожде повелѣваемъ и во всѣхъ архіерейскихъ домѣхъ быти духовнымъ искуснѣйшимъ мужемъ судити духовныя лица и духовныя дѣла, якоже и въ патріаршемъ дому духовный судіа, сирѣчь архимандритъ со клевреты, да судятъ архимандритовъ, игуменовъ, монаховъ, протопоповъ, поповъ, діаконовъ, и всѣхъ церковныхъ причетниковъ и инокинь о всякихъ дѣлѣхъ“.

Вслѣдствіе этого соборнаго постановленія о неподсудности духовныхъ лицъ мірскимъ судьямъ въ 1668 году въ Москвѣ открытъ былъ особый—Духовный приказъ съ спеціальною цѣлію давать въ немъ судъ по всѣмъ дѣламъ духовнымъ лицамъ. Въ статьяхъ о святительскихъ судахъ, собранныхъ по повелѣнію патріарха Адріана, сказано: „въ прошломъ во 176 году, генваря во 2 день, великій господинъ, святѣйшій Іоасафъ, патріархъ московскій и всея Россіи, указалъ послать въ Монастырской и во иные приказы памяти, чтобъ архіереевъ, архимандритовъ, и игуменовъ, и священниковъ, и діаконовъ, и монаховъ, и инокинь, и церковныхъ причетниковъ, и ихъ людей судить въ Духовномъ приказѣ властямъ, по повелѣнію великаго государя, царя и великаго князя Алексіа Михайловича... и по изложенію всего освященнаго собора. И во 176, генваря въ 4 день, противъ соборнаго изложенія, въ Монастырскій приказъ послана память, а въ памяти написано: архіереевъ, архимандритовъ, и игуменовъ, и священниковъ, и діаконовъ, и монаховъ, и инокинь, и весь церковный чинъ и ихъ людей мірскимъ людямъ ни въ чемъ не судити, а судити ихъ во всякихъ дѣлѣхъ архіереемъ, комуждо во своихъ епархіяхъ, или кому

повелятъ отъ духовнаго чину, а не отъ мірскихъ. И по указу великаго государя и по изложенію святѣйшихъ патріарховъ и всего освященнаго собора, на патріаршѣ дворѣ велѣно быть въ Духовномъ приказѣ судіами: изъ Переславля Залѣсскаго Городицкаго монастыря архимандриту, да Чудова монастыря келарю, да Стрѣтенскаго собора протопопу, а по иныхъ приказѣхъ архіереевъ, священническаго и иноческаго чину и ихъ людей судити не велѣно". Въ 1675 году Духовный приказъ былъ закрытъ и всѣ дѣла, бывшія въ немъ, поступили въ вѣдѣніе патріаршаго приказа, называемаго Разрядомъ, который и ранѣе вѣдалъ всѣ судебныя дѣла патріаршей области. Только теперь въ Разрядѣ, на ряду съ засѣдавшими тамъ патріаршими боярами, появилось новое лицо „приказный старецъ", избиравшійся патріархомъ изъ архимандритовъ, или іеромонаховъ, и завѣдывавшій тѣмъ отдѣленіемъ приказа, въ которомъ судились по всѣмъ дѣламъ духовныя лица, изъятыя съ 1667 года изъ подъ суда патріаршихъ бояръ и, вообще, мірскихъ лицъ [1]).

Соборъ 1667 года, конечно по инициативѣ восточныхъ патріарховъ, позаботился исправить одну тяжелую несправедливость, какая у насъ существовала цѣлые вѣка относительно вдовыхъ священниковъ и діаконовъ. Наши старые русскіе соборы рѣшительно запрещали священнодѣйствовать всѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ, такъ что они, овдовѣвъ, не иначе могли сохранить свой санъ, какъ постригшись въ монахи. Эта несправедливость къ части бѣлаго духовенства, крайне раздражала его, что и выразилось на соборѣ 1503 года, разсуждавшемъ „о вдовыхъ попѣхъ и діаконѣхъ", извѣстнымъ страстнымъ протестомъ ростовскаго вдоваго священника Георгія Скрипицы, хотя его протестъ и не имѣлъ никакого практическаго значенія. Соборъ 1667 г., поэтому поводу, говоритъ, что ранѣе русскими соборами запрещено было священнодѣйствовать вдовымъ священникамъ и діаконамъ, но, заявляетъ соборъ, „судися же, яко аще и кромѣ правилъ приложися, еже вдовствующимъ священникомъ не служити божественныя литургіи, обаче за умноженіе безчинія неискусныхъ причетниковъ, опаства

[1]) Матеріалы для ист. раск. II, 247—248. Чт. общ. ист. и древн. рос., 1847 г. № 4, стр. 15—16. Ак. эксп. IV, №№ 213 и 309.

ради, добрѣ повелѣся: нѣціи бо тогда, за неискусство ученія, презирающе священная правила и попирающе свою совѣсть, недостойніи дерзаху служити. Сіе злое россійстіи пастыри пресѣцающе, повелѣша вдовствующимъ попомъ и діакономъ не касатися божественнѣй службѣ; презрѣша же разлучити чистыхъ отъ иныхъ невоздержныхъ, ихже всегда подобаетъ отлучити. Извѣстно же сотворися святому собору, яко нынѣ, Божіею благодатію, въ россійстѣмъ народѣ обрѣтаются священницы и діаконы, имущіи разумъ божественныхъ писаній, еще же вѣдующіе и правильные вины и житіе имущіи чистое". Въ виду этого послѣдняго обстоятельства соборъ говоритъ: „отнынѣ, аще ключится овдовѣти которому отъ священнаго чина іерею или діакону, таковымъ повелѣваемъ, аще не зазираетъ имъ совѣсть ихъ о житіи въ нѣчесомъ возбраняющемъ священства, невозбранно да служатъ; аще же по смерти женъ своихъ кто отъ священныхъ обличенъ будетъ въ каковыхъ дѣлѣхъ, яже возбраняютъ священнодѣйствія, по сыску, сирѣчь по архіерейскому крѣпкому истязанію и по достовѣрныхъ людей свидѣтельству, аще обрящется повиненъ, тогда да отлучится священнодѣйствія, или да извержется по дѣлѣхъ его: понеже бо не жены ради попъ, или діаконъ, и не жены ради умертвія запрещаются священнодѣйствія, но за порокъ невоздержанія, или иныхъ безмѣстныхъ дѣлъ, яже запрещаютъ священствовати. Ибо издревле священными правилы неимущіи женъ причетницы не запрещахуся, якоже святая правила свидѣтельствуютъ святыхъ отецъ". Приводя затѣмъ разныя правила, допускающія священнодѣйствовать вдовымъ священникамъ и дьяконамъ, соборъ заключаетъ: „вдовымъ священникамъ и діакономъ, опасное житіе имущимъ и безъ зазора сущимъ, служити божественную литургію, а житіе имѣти и впредь со всякимъ опасеніемъ и воздержаніемъ, и лицъ зазорныхъ въ домѣхъ своихъ отнюдь не имѣти, якоже повелѣваютъ священная правила".

Соборъ 1667 года не ограничился только возстановленіемъ правъ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ, но пошелъ въ этомъ направленіи и далѣе. Собору, точнѣе предсѣдательствовавшимъ на немъ патріархамъ, поставленъ былъ такой вопросъ: „о вдовствующихъ священницѣхъ и діаконѣхъ, иже во вдовствѣ женятся вторымъ бракомъ, како имъ жити и въ

какомъ чину?“ На это соборъ отвѣчаетъ: „унше было бы имъ и честнѣйше въ цѣломудріи житіе свое препроводити, и священство непорочно соблюдати и святую литургію совершати, якоже и прежде, нежели женитися... Аще же кто отъ клириковъ, сирѣчь пресвитеръ, діаконъ и поддіаконъ вдовствуютъ во младости, и малодушія ради случится кому оженитися: возможно ему въ церкви на клиросѣ пѣти, и псалмы глаголати, и ино что подобно дѣяти и питатися отъ святыя церкви, зане уди церковніи быша, не гнушатися ими и не безчествовати во всемъ въ простолюдинскомъ чину. И аще кто явится отъ таковыхъ искусенъ и потребенъ въ какихъ царскихъ, или гражданскихъ дѣлехъ, не возбранно есть быти, кромѣ воинскаго чина“ [1]).

Такимъ образомъ, въ то время, когда Никонъ, какъ разсказываетъ Павелъ Алепскій, двухъ дьяконовъ, овдовѣвшихъ во время бывшаго въ Москвѣ мороваго повѣтрія и потомъ опять женившихся, велѣлъ замуравить въ особо построенную для этого избу, не имѣвшую ни входа ни выхода, а только одно маленькое отверстіе, восточные патріархи овдовѣвшихъ и вновь женившихся священниковъ и дьяконовъ разрѣшаютъ оставлять при церквахъ въ качествѣ псаломщиковъ и получать имъ доходы отъ прохожденія этой должности, а желающимъ изъ нихъ они представляютъ право поступать на любую государственную и общественную службу, кромѣ военной.

Кромѣ указанныхъ важнѣйшихъ постановленій соборомъ 1667 года, въ видахъ благоустройства нашей церковной жизни, составленъ былъ цѣлый рядъ другихъ менѣе важныхъ постановленій, касающихся тогдашней церковно-обрядовой нашей практики, церковнаго благочинія, бѣлаго и чернаго духовенства, нѣкоторыхъ народныхъ нравовъ, обычаевъ и т. под. О свадьбахъ, напримѣръ, соборъ говоритъ: „проувѣдѣхомъ сіе, яко, егда бываетъ бракъ, сирѣчь тайна супружества, и грядущимъ жениху и невѣстѣ ко церкви, и хотящимъ вѣнчатися, мнози безумніи, пренебрегающіи сію святую тайну, козлогласуютъ нелѣпыми и безстыдными словесы, невѣжествомъ своимъ. Сего ради повелѣваемъ всѣмъ священникамъ поучати сихъ безчинниковъ, да престанутъ

---

[1]) Матер. II, 384—488.

отъ безумія и безчинія сего, и аще кто отнынѣ не престанетъ отъ сего безчинства гнуснаго, да будетъ отлученъ, и да накажется и градскимъ закономъ, яко безчинникъ". Практическаго значенія это соборное постановленіе никогда не имѣло.—О благочинномъ стояніи въ Церкви соборъ дѣлаетъ такое постановленіе: „впослѣднѣ повелѣваемъ съ великимъ запрещеніемъ всѣмъ православнымъ, иже во священномъ и въ монашескомъ чину, такожде и всѣмъ сановитымъ и прочимъ мірскимъ людемъ, большимъ и малымъ, мужемъ и женамъ: яко во святѣй церкви во время службы Божіи, въ вечернѣ и на утренѣ, а наипаче же во святую литургію стояти съ молчаніемъ и со страхомъ Божіимъ, и съ умиленіемъ и сокрушеннымъ сердцемъ о своемъ спасеніи Бога молити въ тайнѣ, а не бесѣдовати о суетномъ попеченіи. Зане въ святую литургію Спаситель нашъ Господь Іисусъ Христосъ тайно закалается о нашемъ спасеніи; а намъ бесѣдовати о суетныхъ и привременныхъ попеченіяхъ зѣло пребеззаконно есть, и вмѣсто оставленія грѣховъ и спасенія осужденіе пріимемъ". Конечно у насъ и ранѣе этого соборнаго постановленія всѣ хорошо знали, что во время богослуженія не слѣдуетъ никому разговаривать, а тѣмъ болѣе о предметахъ суетныхъ. Но какъ ранѣе, такъ и послѣ собора, это требованіе никогда строго не соблюдалось.—У насъ былъ обычай, что молящіеся являлись въ церковь съ своими домашними иконами, которыя каждый ставилъ въ церкви гдѣ попало, всякій молился только своей иконѣ, только предъ нею ставилъ свѣчку, причемъ одинъ становился къ иконѣ сосѣда, а нерѣдко и къ алтарю задомъ, молясь толкали другъ друга, вслѣдствіе чего происходили въ церкви между молящимися споры и ссоры изъ-за мѣстъ для приносимыхъ иконъ и по другимъ причинамъ. Соборъ по этому поводу говоритъ: „пріиде и то во слухъ нашъ, оттчасти же и самѣмъ видѣти приключися, яко вообычаися здѣ неблаголѣпо, еже прихожаномъ иконы своя домашнія во церкви приносити и, всякаго чина кромѣ, идѣже кто хощетъ поставляти, не согласився и со священникомъ, чесо ради свары и прѣнія, паче же и вражды обыкоша бывати. Ктому, яко свѣщи всякъ предъ своею иконою поставляетъ, небрегомымъ сущимъ мѣстнымъ иконамъ олтарнымъ, и всякъ своей иконѣ моляся на различныя страны поклоняются, и тако

веліе въ церкви смятеніе и неблагочиніе бываетъ. Симъ же извѣтомъ неискусніи людіе своя си иконы боги своя именуютъ, чесо ради явствуются не знати единства Божія, паче же многобожія непщевати. Еще же, овогда тыя святыя иконы въ церковь приносятъ, овогда же износятъ, наипаче во свѣтлыя дни Воскресенія Христова, обнажающе храмъ красоты его, еже все есть нелѣпо. Тѣмже судихомъ отселѣ сицевому безчинію не быти. Аще бо кто хощетъ икону поставити во церкви, да отдастъ ю вовсе церкви, не именуя ея своею, ниже износя отнюдь никуда, священникъ благочинно да поставитъ ю. Свѣщи первѣе мѣстнымъ олтарнымъ иконамъ да представляются, потомъ же прочимъ. Поклонъ чинно да творится, ко олтарю обращшимися". Это соборное постановленіе практически уничтожило у насъ тѣ безчинія въ церквахъ, какія соединены были съ приносомъ въ нихъ домашнихъ своихъ иконъ молящимися.—Относительно монашествующихъ лицъ соборъ рѣшительно постановляетъ, чтобы иноки всю жизнь проводили только въ тѣхъ монастыряхъ, въ которыхъ они постригались, чтобы они ни подъ какимъ видомъ не переходили изъ монастыря въ монастырь, а тѣмъ болѣе они не должны скитаться „сѣмо и овамо". Соборъ говоритъ: „хочемъ убо отнынѣ, да не преходятъ отнюдь монахи изъ монастыря, идѣже кто обѣщася и постригся, во инъ монастырь; такожде черницы да не скитаются сѣмо и овамо: зане яко не токмо соблажняютъ народы и смущаютъ, но послѣдуютъ и ина многочисленная безмѣстная, яже срамно есть и глаголати". Чтобы какъ нибудь улучшить наше тогдашнее распущенное монашество, соборъ настаиваетъ, чтобы впредь никого не постригать въ монахи безъ предварительнаго строгаго искуса, который долженъ опредѣлить: можетъ или нѣтъ, заявляющій желаніе принять монашеское постриженіе, быть настоящимъ монахомъ по своимъ личнымъ качествамъ и по характеру своей жизни и поведенія. Такъ слѣдуетъ поступать потому, говоритъ соборъ, „зане мнози ангельскій образъ обругаша, извлекшеся одѣянія монашескаго безъ всякаго стыденія; сего ради подобаетъ быти опасенію многу о сей вещи и великое разсмотрѣніе прежде начинанія, и не постригати никокова человѣка безъ правильнаго искуса ни въ монастыри, паче же въ пустыняхъ весьма да не постригаютъ ни

единаго человѣка, ради вражія смущенія бѣгающихъ отъ господей своихъ и непостоянства ихъ... Преслушающіе же сію нашу заповѣдь и правило наказани да будутъ запрещеніемъ и отлученіемъ. Обаче правило искуса есть, яко же рекохомъ, въ трехъ лѣтѣхъ, а по нуждѣ соизволяемъ быти въ полъ, сирѣчь въ полтора года. Сіе снисхожденіемъ глаголемъ, а не правило". Только люди знатные и вѣдущіе могутъ не подчиняться требованію о трехлѣтнемъ искусѣ предъ постриженіемъ въ монашество, ихъ постригаютъ въ монахи по усмотрѣнію настоятеля. „А знатныхъ и вѣдущихъ людей, говоритъ соборъ, постригати по разсмотрѣнію настоятеля".

Особенно сурово и нѣсколько пренебрежительно соборъ 1667 года отнесся къ нашему тогдашнему бѣлому по преимуществу сельскому духовенству. Соборъ говоритъ: „постановляемъ, яко да всякій священникъ дѣтей своихъ научаетъ грамотѣ, и страху Божію и всякому церковному благочинію со всякимъ прилежаніемъ, яко да будутъ достойни въ воспріятіе священства и наслѣдницы по нихъ церкви и церковному мѣсту; а не оставляти имъ дѣтей своихъ наслѣдниковъ мамонѣ, а церковь Христову кормчествовати и во священство поставлятися селскимъ невѣждамъ, иже иніи ниже скоты пасти умѣютъ, колми паче людей. Тѣмъ убо бываютъ въ церкви Божіи мятежи и расколы" [1]). Соборъ 1667 года, значитъ, желаетъ, чтобы у насъ священники при приходскихъ церквахъ были наслѣдственны т. е. чтобы священство и, конечно, другія церковныя должности переходили по наслѣдству отъ отца къ дѣтямъ, причемъ священникамъ—отцамъ вмѣняется соборомъ въ обязанность подготовлять своихъ дѣтей, чрезъ обученіе ихъ грамотѣ и всякому церковному благочинію, къ должности священства. Этимъ соборъ хотѣлъ уничтожить ранѣе существовавшее у насъ выборное начало при поставленіи въ приходскіе священники, приравнивая выборы священниковъ прихожанами къ кормчеству. Но въ тоже время самъ соборъ признаетъ, что между священниками были и такіе, которые „ниже скоты пасти умѣютъ", а слѣдовательно, не могли обучать дѣтей своихъ ни книжному искуству, ни церковному благочинію. И вообще мѣра:

---

[1]) Матеріалы II, 236—257, 365.

создать у насъ болѣе грамотное и культурное духовенство путемъ подготовки къ священству отцами — священниками своихъ дѣтей, не могла достигнуть цѣли ради невѣжества всего тогдашняго духовенства вообще, которое не могло передать своимъ дѣтямъ того, чего само не имѣло. Очевидно, для водворенія среди тогдашняго духовенства хотя бы самыхъ элементарныхъ знаній и хотя бы самой начальной образованности, превышающей простое умѣнье читать, требовались иныя мѣры. Это хорошо сознавали бывшіе на соборѣ восточные патріархи и другіе греческіе архіереи, которые и постарались указать русскимъ на единственно дѣйствительное средство, которое только и можетъ сдѣлать русское духовенство образованнымъ.

Въ день Рождества Христова 1668 года отъ лица патріарховъ произносится въ Успенскомъ соборѣ переведенное на русскій языкъ слово „О взысканіи премудрости Божественныя". Въ этомъ словѣ патріархи заявляютъ своимъ русскимъ слушателямъ, между которыми были: царь со всѣмъ синклитомъ, всѣ русскіе архіереи, бѣлыя и черныя власти, рядовое духовенство и народъ: „о вашемъ благоговѣйнствѣ, православный родѣ россійскій, нѣсть намъ усумнѣнія, яко всякъ готовъ есть благочестно усты и сердцемъ новорожденна славити Бога... Но не вѣмы, можетъ ли всякъ истинно о себѣ ко Богу сице глаголати: *уста моя возглаголютъ премудрость и поученіе сердца моего разумъ*. Видимъ бо, яко во мнозѣхъ отъ васъ не имѣетъ премудрость мѣста, идѣже главу приклонити, скитается она, якоже Христосъ, премудрость Божія, въ Виѳлеемстѣ вертепѣ, и нѣсть взыскаяй ея, аще и премудрый приточникъ вся вы увѣщеваетъ.... Се коликая, о православніи людіе, премудрости изводства, польза и пріобрѣтеніе. Вы же, оставивше греческій языкъ и небрегуще о немъ, отъ него же имѣете просвѣщеніе ваше въ вѣрѣ православной, оставили есте и мудрость и аки оземствоваете ю. Странніи роди и противніи вѣрѣ православной, на западѣ обитающіи, греческій языкъ аки свѣтильникъ держатъ, ради мудрости его, и училища его назидаютъ. Арапове же не хиратонисаютъ и единаго, неискусна суща греческому языку, и иніи роди премнози за корень мудрости греческій языкъ имѣютъ, и того роди Святый Боже, херувимскую пѣснь поютъ гречески и возгласы греческимъ язы-

комъ творятъ, якоже грузи, серби, болгари, мултяне и волохи. Здѣ точію, лѣности роди, зѣло обезцѣнися (греческій языкъ). Тѣмже блюдемся, да не отъ васъ оно истинствуется, еже въ книгѣ Премудрости въ главѣ третьей написася: *премудрость и наказаніе уничижаяй не честенъ есть, и праздно упованіе ихъ, и труды безплодны, неключима дѣла ихъ и прочая.* Сице убо мы, пастыріе стада Христова сущіи, наблюдше у васъ несовершенство, молимъ именемъ Божія премудрости, нынѣ рожденныя міру, да взыщите премудрость, яже есть свѣтъ очесъ умныхъ и правило всему житію человѣческому... Ниже отрицайтеся неимѣніемъ училищь, ибо аще взыщите, дастъ предвѣчная мудрость до сердца благочестиваго самодержца таково хотѣніе, еже училища построити и учители стяжати въ семъ царствующемъ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ". И обращаясь затѣмъ непосредственно къ самому царю, патріархи говорили: „положи отнынѣ (государь) въ сердцѣ твоемъ, еже училища—тако греческія и иная—назидати, спудеовъ милостію си и благодатію умножати, учители благоискусныя взыскати, всѣхъ же честми на трудолюбіе поощряти, то абіе узриши многи ученія тщатели, а по малѣ времени пріимеши, дастъ Богъ, плодъ стократный и полныя рукояти отъ сихъ сѣмянъ".

Желаніе патріарховъ побудить русское правительство открыть у насъ правильно устроенныя училища, въ которыхъ бы русскіе могли получать научно-школьное образованіе, у насъ тогда совершенно отсутствовавшее, было, конечно, само по себѣ прекрасно. Этимъ удовлетворялась бы настоятельная, насущная потребность тогдашняго русскаго общества, уже начавшаго понемногу просыпаться отъ своей вѣковой умственной спячки. Но, оказывается, патріархи, внушая русскимъ открывать у себя школы, имѣли въ этомъ случаѣ въ виду не одно только безкорыстное насажденіе на Руси науки и образованности вообще, а преслѣдовали и свои особыя, спеціально грекофильскія цѣли. Это довольно ясно видно уже изъ приведеннаго отрывка ихъ слова. Патріархи желаютъ, чтобы на Руси открывались училища только съ обязательнымъ для русскихъ изученіемъ греческаго языка, который долженъ занимать въ русскихъ школахъ доминирующее значеніе, быть основою всѣхъ ихъ истинныхъ знаній, источникомъ ихъ настоящей христіанско-православной

мудрости. Греческій языкъ, какъ языкъ высшій и совершеннѣйшій по сравненію со всѣми другими языками, долженъ возможно широко войти во все русское богослуженіе, удерживаться, хотя бы отчасти, въ самыхъ русскихъ церковныхъ съ греческаго языка переведенныхъ книгахъ; какъ языкъ священный долженъ быть знаемъ и по возможности употребляемъ всѣми священными лицами, а, въ концѣ, и всѣми истинно-православными христіанами. Отъ незнанія греческаго языка и пренебреженіе имъ въ церковной жизни народовъ всегда происходили самыя печальныя явленія, какъ это и было, между прочимъ, у самихъ же русскихъ [1]).

Свои мысли о великой важности греческаго языка и необходимости его изученія для русскихъ патріархи особенно опредѣленно и подробно излагаютъ въ другомъ своемъ къ русскимъ обращенномъ словѣ, носящимъ надписаніе: „Поученіе, или бесѣда увѣщательная“. Въ этомъ поученіи патріархи проводятъ такой взглядъ на значеніе греческаго языка: ветхій завѣтъ былъ написанъ по еврейски, „и того ради не многимъ знаемъ бяше“. По желанію Божію египетскій царь Птоломей Филадельфъ за 250 лѣтъ до Р. Христова велѣлъ перевести ветхій завѣтъ на греческій языкъ, „воежебы вѣдати народомъ и языкомъ отъ пророковъ провѣщанная языкомъ еврейскимъ о Христѣ Миссіи, пріити хотящимъ“. На греческомъ языкѣ писаны три Евангелія, на греческій языкъ переведено было и четвертое Евангеліе—отъ Матѳея, въ началѣ написанное на еврейскомъ языкѣ, на греческомъ языкѣ написаны были всѣ апостольскія писанія, почему знаніе греческаго языка, въ большей или меньшей степени, сдѣлалось у христіанъ обязательнымъ. „Ни единому арабу, говорятъ патріархи, мощи нынѣ хиротонисану быти, развѣ аще бы греческому прежде научился языку и природный арабскій умѣлъ бы чести кромѣ всякаго препятія“. И западные иновѣрные христіане многое удерживаютъ у себя изъ греческаго языка, что видимъ у латинянъ: „гречески нынѣ чтется апостолъ, гречески и святое евангеліе поется, и самый святой символъ на серебрянныхъ дскахъ изваянъ бяше во время Льва папы римскаго... И иніи роди, нынѣ во всемъ востоцѣ живущіи, нѣкія ради чести и отъ отцевъ

[1]) Ibid. т. IX, 81—83.

преданія хвалы, на литургіяхъ возгласы обыкоша еллински творити и прочая нѣкая блюдутъ неповрежденна... понеже вси роди похваляются имѣти начало отъ языка греческаго и наслѣдно отъ него нисходити“. Не то видятъ патріархи въ православной Россіи. „Вы же, говорятъ патріархи, о православніи людіе россійстіи (но молю, да не во зло вмѣните себѣ, внегда услышати вамъ отъ насъ, дву патріарховъ, правду), вы, глаголемъ, толкующе греческія ваши книги на словенскій языкъ вашъ, и не единыя книги оставляюще греческія кромѣ толкованія и преведенія, тако, яко ниже сѣни, или останкомъ якимъ нашего греческаго языка въ нихъ оставити вамъ во память. Того ради послѣдоваша нѣкая погрѣшенія: сія же не злыя ради вины, точію невѣжество дѣля, и нерадѣнія о греческомъ языкѣ, иже единъ правилно и твердо держитъ священно святое Христово Евангеліе, якоже повсемѣственный и во всемъ мірѣ разліянный... Откуду непщуете родишася прозябли (прозябенія) суетныхъ словесъ, нынѣ по всей Москвѣ разсѣянныхъ, развѣ отъ самаго лишенія греческаго языка, еже вы, не добро творяще, весьма отвергли есте? Ибо во иныхъ странахъ зизанія ересей и блядивая ученія возрастоша; едино точію зерно чистое, еже собрано бяше многимъ потомъ и превеликими труды, сѣмо къ вамъ принесено бяше, зерно чистое, кромѣ куколи и кромѣ тернія,— и хлѣбъ чистый Божіею милостію и благодатію, по седми святыхъ вселенскихъ соборахъ, въ сей преславнѣйшей земли уквасися“. Патріархъ Фотій будто бы (въ дѣйствительности московскій митрополитъ Фотій) изобразилъ символъ вѣры греческимъ языкомъ на своемъ омофорѣ и прислалъ его на Русь съ цѣлію: „еже быти ему во знамя любве ко грекомъ неизмѣнныя. Но, продолжаютъ патріархи, прелсти его и насъ всѣхъ надежда, того ради, яко ни самому Трисвятому слышимъ вами пѣтися, ниже Херувимской пѣсни (разумѣется на греческомъ языкѣ). Тѣмже преиде сонмъ злыхъ, помалу всходя, якоже всему церковному древнему преданію измѣнитися и смутитися, сирѣчь, яко всякъ хотяй быти учитель“. Обращаясь затѣмъ къ государю, патріархи говорятъ: „зри веселымъ лицомъ Христову церковь, яже уже отлагаетъ одѣяніе смутное вдовиное и свѣтлыми одѣвается одеждами, яки невѣста прекрасная, законнаго своего жениха вмалѣ ожидая. ...Надеждно восклицаемъ и глаголемъ: ра-

дуйся и веселися, о царствующій граде Москва, иже скипетры Палеологовъ наслѣднѣ пріялъ еси и не кромѣ Божія смотрѣнія сіе наслѣдствіе держиши!... Се уже тебѣ седмкратъ очищенное на седми святыхъ соборахъ вселенскихъ сребро православія изъявихомъ, и талантъ намъ патріаршества, свыше ввѣренный, предъ тобою никако же сокрыхомъ. Едино точію остаетъ: да еллински украсится россійская церковь, не точію словенски глаголющи, но и гречески поющи охтаи. Тако бо исполнится и премудрая Платонова похвала, иже рече той градъ блаженный быти, въ немже царь философствуетъ еллинствуя, или грекъ царствуетъ философствуя, все житіе свое ведый гречески, или яко вторый Птоломей въ семъ богохранимомъ градѣ Москвѣ основаніе полагая новыхъ собраній училищныхъ, или, да паче речемъ, свѣтлыя мирницы умовъ, ко взысканію и совершенному стяжанію греческаго языка, тако, воежебы греческимъ юношамъ отвсюду сѣмо пришелствовати въ царствующій градъ Москву, ради чтенія и разума пристяженія". Но бремя открытія на Руси училищъ патріархи не желаютъ возложить на одного царя, а приглашаютъ принять въ этомъ дѣлѣ активное участіе и всѣхъ русскихъ архіереевъ „и избраннѣйшихъ начальныхъ архимандритовъ, яко имѣющихъ многія общины и доходы довольныя, да приложатся единодушно ко божественному сему дѣлу ревностно взаимъ творяще, суще яко очеса прочихъ, паче же церкви члены начальнѣйшіе, и да будутъ содѣйственницы благому: греческій языкъ въ древнее приводяще досточестіе, аки пресаждающе его, яко маслину, нынѣ мнимую лѣсную быти, да будетъ садовная и плодовитая". За такую дѣятельность патріархи обѣщаютъ богатое вознагражденіе. „Обѣщаемъ бо, говорятъ патріархи, яко сіи (греческія училища) не малую пользу сотворятъ вашимъ монастыремъ и епархіамъ, архіепископіамъ и митрополіамъ, егда тіи спудеи и питомцы, паче и паче растуще въ премудрости, достигаютъ высоты премудрости, спасающе себе и прочія. Ибо когда и прежде бывшіи партіарси уставиша здѣ патріархію, пятую оную быти утверждающе, между иными заповѣдями, яже единодушно уставиша, и то завѣтоваша, да здѣ соборъ училищный, украшенный, различными приходами, сотворится, къ расширенію ученія и юношъ, хотящихъ учитися, умноже-

нію вѣдуще велію быти оттуду церкви и царству ползу". При этомъ патріархи заявляютъ, что они, греки, хотя и живутъ въ тяжкой турецкой неволѣ, однако открыли у себя въ Византіи училище „тоже ради сохраненія перваго и царственнаго онаго (т. е. греческаго) діалекту дѣвственно и безвредно, налагающе многую цѣну, нетако на довольное и нужное припитаніе спудеовъ, ниже ихъ учителей на возмездіе, яко на заграждеіе ненавистныхъ гортаній нечестивыхъ, хотящихъ, да мы вси слѣпи пребудемъ и да не вѣмы писанія искуствомъ первыя нашея чести, премудрости и величества. Сіи Христовы врази, кто вѣсть, аще ненавистію и завистію не въ конецъ разорятъ училище сіе". И, обращаясь ко всѣмъ русскимъ, патріархи говорятъ: „но вы, о преблагословеннiи россійстіе людіе, Божіемъ милосердіемъ и благодатію ниже ига работы страждете, ниже дань съ насиліемъ царемъ даете, но свободно жительствуете и велій покои имѣете; обаче ученія лишается волею, мало цѣнящее и мудрость предстоящую Богу, не добрѣ о ней дерзающе, презираете". И въ заключеніе снова обращаясь къ царю, патріархи говорятъ: „о колика и какова была бы слава во всѣхъ подъ солнцемъ сущихъ рабѣхъ, иже имѣютъ часть нѣкую на святыхъ мѣстахъ, Божіими стопами топтанныхъ, аще бы монастырь, или часть нѣкую отъ святаго онаго мѣста вашъ родъ православно-россійскій, одержалъ, священная дѣйствуя народнѣ и царскаго имени воспоминаніе творя явнѣ и на проскомидіи молитвъ приношеніе! Йбо нѣсть рода подъ солнцемъ сущихъ, иже бы не имѣлъ во святомъ ономъ градѣ и въ земли обѣтованія храма молитвеннаго, того ради, яко велико себѣ почитаютъ тамо имѣти домъ молитвенный, идѣже стоясте нози Господни. Того дѣля отвсюду стекаются народи въ Іерусалимъ градъ, во еже бы поклонитися яслемъ Господнемъ и святымъ пеленамъ Христовымъ во Виѳлеемѣ, иже насъ ради воплотися и младенецъ бысть; такожде да видятъ на Голгоѳѣ Господню страшную страсть, распятіе и самое превеликое чудо священнѣйшій свѣтъ, иже на спасенномъ гробѣ Господнемъ во вся лѣта является, и вѣрнымъ раздается, и отъ нихъ пріемлется; во еже бы видѣти храмъ Воскресенія Христова, гору Елеонскую, святый Сіонъ, и гору Ѳаворскую, ими же утѣшаются, иже свободу пріемлютъ хожденія тамо. Не суть

ли здѣ премнози россійстіи люди, иже желаютъ видѣти и пити Іорданскія воды? Ей, мнози суть. Но за страхъ мучительскій и прещенія тамо господствующихъ не могутъ шествовати. Убо, о непобѣдиме царю Алексіе Михаиловичъ, сотвори удобный путь, ведущій во Іерусалимъ, идѣже родися, обрѣзася и крестися, погребеся, вознесеся нашего ради спасенія Іисусъ Христосъ". 1)—Это послѣднее пожеланіе восточныхъ патріарховъ объ устройствѣ въ Палестину удобнаго пути для русскихъ паломниковъ и о постройкѣ въ Іерусалимѣ спеціально русскаго монастыря, осуществлялось, и сейчасъ осуществляется, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, Императорскимъ Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ.

Такимъ образомъ, въ соборной и во всей вообще московской дѣятельности двухъ пріѣхавшихъ къ намъ восточныхъ патріарховъ и другихъ грековъ, красною нитью проходитъ сознательно-тенденціозное стремленіе перестроить всю русскую церковную жизнь по образцу тогдашней греческой, поставить ее въ тѣсную связь и зависимость отъ представителей греческой церкви, которая должна, какъ это было у насъ встарину, имѣть въ русской жизни руководящее и уряжающее значеніе, такъ какъ русская церковная жизнь, предоставленная только самой себѣ, безъ руководительства грековъ, какъ будто бы показалъ опытъ, принимаетъ ложное и даже еретическое, хотя бы и несознательное, направленіе, грозящее окончательною гибелью православія на Руси. И только призванные въ Москву греки опять направили русскую церковную жизнь на настоящій православный путь,—безъ грековъ православіе у насъ замутилось бы окончательно. Но одной чисто церковной сферой патріархи не ограничились. Они желали бы, чтобы и русскій царь, „иже скипетры Палеологовъ наслѣднѣ пріялъ," по Платону, „все житіе свое велъ гречески"; они желали бы и всю нашу послѣдующую народную умственно-культурную жизнь подчинить греческому вліянію и воздѣйствію; они хотѣли, чтобы въ нашихъ переводныхъ церковныхъ книгахъ были сохранены нѣкоторыя греческія слова и реченія, чтобы нѣкоторыя церковныя пѣснопѣнія въ обычномъ богослуженіи пѣлись у насъ на

1) Ibid. 272—280.

греческомъ языкѣ, чтобы у насъ устроены были всюду такія школы, въ которыхъ бы греческій языкъ занималъ господствующее положеніе, какъ единственная основа всякаго истиннаго знанія, чтобы въ эти греко-русскія школы не только приглашены были учителя греки, но чтобы въ нихъ открытъ былъ свободный доступъ для всѣхъ пріѣзжихъ молодыхъ грековъ, которые пожелаютъ въ нихъ учиться. И все это въ тѣхъ видахъ, чтобы все греческое и греки заняли на Руси подобающее имъ почетное и, конечно, вліятельное положеніе во всемъ ходѣ русской жизни. Какъ на всѣ эти поползновенія тогдашней Византіи прочно, почетно и вліятельно водвориться въ тогдашней Россіи, отвѣтила действительная русская жизнь, мы отчасти уже видѣли, а послѣ сдѣлаемъ по этому поводу и еще нѣсколько замѣчаній.

ГЛАВА X.

Хлопоты московскаго правительства о возстановленіи Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго на ихъ патріаршихъ каѳедрахъ и о разрѣшеніи отъ запрещенія Паисія Лигарида.

Заявленіе Никона, что пріѣхавшіе въ Москву восточные патріархи Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій не настоящіе патріархи, а отставные. Справедливость этого заявленія Никона. Хлопоты нашего правительства о возвращеніи Паисію и Макарію отнятыхъ у нихъ патріаршихъ каѳедръ. Отправка съ этою цѣлію въ Константинополь пословъ Нестерова и Вахрамѣева. Переговоры по этому поводу пословъ съ турецкимъ правительствомъ, увѣнчавшіеся полнымъ успѣхомъ. Хлопоты нашего правительства предъ константинопольскимъ и іерусалимскимъ патріархами о возстановленіи Паисія и Макарія на ихъ патріаршихъ каѳедрахъ и о признаніи Константинопольскою церковію дѣяній Московскаго собора 1667 года. Истинный характеръ отношеній патріарховъ Паисія и Макарія къ нашему правительству, сказавшійся какъ въ мотивахъ ихъ поѣздки въ Москву, такъ и въ ихъ послѣдующихъ обращеніяхъ къ государю. Паисій Лигаридъ былъ запрещенный архіерей. Неудачныя хлопоты государя добыть отъ іерусалимскаго патріарха разрѣшеніе Лигариду, который такъ и умеръ неразрѣшеннымъ.

Восточные патріархи произвели въ Москвѣ судъ надъ патріархомъ Никономъ, судъ надъ старообрядцами и всею русскою церковною стариною, сдѣлали свои авторитетныя постановленія относительно разныхъ сторонъ русской церковной жизни въ видахъ ея успокоенія, водворенія въ ней болѣе лучшихъ и совершеннѣйшихъ порядковъ и, получивъ за свои труды довольную милостыню, направились въ обратный путь. Дѣло, соборно совершенное ими въ Москвѣ, казалось во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ прочнымъ, не вызывающимъ какихъ-либо сомнѣній и недоумѣній, такъ какъ все сомни-

тельное патріархами было разъяснено, колебавшееся прочно установлено. Наше правительство, какъ свѣтское, такъ и духовное, могло теперь успокоиться относительно мирнаго теченія нашей церковной жизни, ему оставалось только практически проводить въ жизнь то, что было постановлено на соборѣ. Но все это только казалось. Въ дѣйствительности же нашему правительству приходилось пережить по поводу уже закончившагося собора много безпокойствъ и волненій, пришлось употребить особыя хлопоты даже передъ самимъ турецкимъ султаномъ, чтобы спасти соборъ 1667 года отъ зазора и нареканій со стороны. Дѣло тутъ заключалось въ слѣдующемъ.

Когда въ Воскресенскій монастырь явились къ Никону посланные звать его на соборный судъ предъ восточными пріѣхавшими въ Москву патріархами, онъ не призналъ за патріархами александрійскимъ и антіохійскимъ права судить его. Онъ говорилъ посланнымъ: „азъ-де поставленіе святительства и престолъ патріаршескій имѣю не отъ александрійскаго, не отъ антіохійскаго, но отъ константинопольскаго, а патріархи-де александрійскій и антіохійскій и сами живутъ не во Александріи и Антіохіи: александрійскій де живетъ во Египтѣ, а антіохійскій въ Дамасцѣ; а есть-ли де александрійскій и антіохійскій патріархи по согласію съ константинопольскимъ и еросалимскимъ патріархи пришли въ царствующій градъ Москву для духовныхъ всякихъ вещей и я де, какъ соберусь, приду въ царствующій градъ Москву для духовныхъ всякихъ вещей извѣстія ради“. На самомъ соборѣ при первомъ же вопросѣ, обращенномъ къ нему восточными патріархами, Никонъ рѣшительно и опредѣленно заявилъ: „есть ли де съ вами, вселенскими патріархи, совѣтъ и руки святѣйшихъ патріарховъ цареградскаго и еросалимскаго о томъ, что имъ, святѣйшимъ папѣ и патріарху, ево, Никона, судить, а безъ ихъ де совѣту предъ ними ему, Никону, отвѣчать немочно, потому что де хиротонисаніе на патріаршескій престолъ тѣхъ святѣйшихъ—цареградскаго и еросалимскаго патріарховъ. И святѣйшіе патріархи говорили: совѣтъ де и руки святѣйшихъ цареградскаго и еросалимскаго патріарховъ съ ними есть, и указали на свитки, что привезъ дьяконъ Мелетій“. И въ другой разъ, когда антіо-

хійскій патріархъ спросилъ Никона, „есть ли ему вѣдомо, что александрійскій патріархъ судія вселенскій?“ Никонъ рѣзко отвѣтилъ: „тамъ де и суди. А во Александріи де и Антіохіи нынѣ патріарховъ нѣтъ, александрійскій живетъ во Египтѣ, а антіохійскій въ Дамаскѣ“,—„И вселенскіе патріархи говорили: какъ благословили вселенскіе патріархи Іева митрополита московскаго и всея Русіи на патріаршество, и въ то время гдѣ вселенскіе патріархи жили?“. На это Никонъ иронически отвѣтилъ, „что онъ въ то время не великъ былъ“.—Тогда самъ царь обратился съ рѣчью къ Никону: „онъ, Никонъ, вѣритъ-ли вселенскимъ всѣмъ патріархомъ, что они подписались руками своими, что вселенскіе патріархи—александрійскій и антіохійскій пришли по согласію къ Москвѣ?“—„И Никонъ патріархъ, смотря рукъ ихъ, сказалъ, что онъ рукъ ихъ не знаетъ“.—„И антіохійскій патріархъ говорилъ: истинные де то руки патріаршескіе“.—„И Никонъ патріархъ говорилъ антіохійскому патріарху: широкъ де ты здѣсь, а какъ де отвѣтъ дашь передъ константинопольскимъ патріархомъ?“—„И архіереи и бояре Никону патріарху говорили: какъ онъ не устрашиться Бога, великаго государя безчеститъ и вселенскихъ патріарховъ и всю истину во лжу ставитъ“. Въ оффиціальной извѣстительной грамотѣ патріарховъ и всего собора о низложеніи Никона, подписанной какъ патріархами, такъ и всѣми присутствовавшими архіереями, между прочимъ прямо и рѣшительно говорится, что патріархи константинопольскій и іерусалимскій „за страхъ внѣшнихъ“ ни сами не могли придти въ Москву, для суда надъ Никономъ, ни послать своихъ уполномоченныхъ. „И се, говоритъ извѣщеніе, Божіею благодатіею и добрымъ многолѣтняго царя нашего счастіемъ пріидохъ мы, два патріарха, Паисій папа и патріархъ александрійскій и Макарій антіохійскій и всего востока патріархъ, *съ волею и совѣтомъ другихъ двухъ нашихъ святѣйшихъ патріарховъ, братовъ и сослужителей,* еже разсмотрити и возсудити всякое случившееся церковное и мѣстное дѣло по апостольскимъ, вселенскимъ, частнымъ же и помѣстнымъ конономъ святыхъ соборовъ“ [1]).

---

[1]) Гиб. II, 1034, 1045—1046, 1076—1077. Собр. госуд. гр. и дог. т. IV, стр. 183.

Такимъ образомъ, явившіеся въ Москву два восточные патріарха, право которыхъ судить Никона послѣдній рѣшительно отрицалъ, если они не имѣютъ на то прямыхъ полномочій отъ патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго, заявляли въ Москвѣ на соборѣ, что они имѣютъ право произвести судъ надъ Никономъ, такъ какъ они будто бы явились въ Москву для обсужденія и рѣшенія всѣхъ мѣстныхъ церковныхъ дѣлъ „съ волею и совѣтомъ другихъ двухъ святѣйшихъ патріарховъ“, и, слѣдовательно, уполномоченными послѣднихъ и для производства суда надъ Никономъ. Но когда послѣдній просилъ ихъ показать эти полномочія, данныя имъ отъ двухъ другихъ патріарховъ, они нашлись только сослаться на патріаршіе отвѣты о власти царской и патріаршей, присланные ранѣе въ Москву съ іеродіакономъ грекомъ Мелетіемъ. Но эти патріаршіе отвѣты (свитки) и были тогда написаны патріархами и посланы въ Москву единственно потому, что они не хотѣли ни сами ѣхать въ Москву, ни посылать туда какихъ-либо своихъ уполномоченныхъ, а желали, чтобы одни русскіе, руководствуясь ихъ отвѣтами, сами своими только силами порѣшили свои церковныя дѣла. Никакихъ полномочій патріархамъ александрійскому и антіохійскому ѣхать въ Москву для суда надъ Никономъ и для рѣшенія всѣхъ церковныхъ дѣлъ въ Москвѣ, въ патріаршихъ отвѣтахъ, привезенныхъ Мелетіемъ, вовсе не было, и ссылаться на нихъ для оправданія своего пріѣзда въ Москву, патріархи не имѣли никакихъ основаній. Имъ слѣдовало и нашему правительству, и Никону предъявить прямыя и дѣйствительныя полномочія отъ патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго, если бы они ихъ имѣли. Но такихъ полномочій отъ двухъ другихъ восточныхъ патріарховъ они въ дѣйствительности не имѣли, такъ какъ поѣхали въ Москву самовольно, безъ вѣдома и согласія патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго, почему и ихъ торжественное заявленіе въ извѣстительной граматѣ о низложеніи Никона, что они прибыли въ Москву „волею и совѣтомъ другихъ двухъ нашихъ святѣйшихъ патріарховъ“, было на самомъ дѣлѣ рѣшительно несправедливо.

Скоро дѣло съ предсѣдательствовавшими у насъ на соборѣ 1667 года двумя восточными патріархами приняло еще

болѣе серьезный и непріятный оборотъ. Какъ мы видѣли, приставамъ, посланнымъ изъ Москвы встрѣчать и сопровождать патріарховъ, направлявшихся изъ Астрахани въ Москву, повелѣвалось осторожно, въ разговорахъ съ патріаршими людьми, развѣдывать: „держать-ли ѣдущіе патріархи свои каѳедры и нѣтъ-ли иныхъ на ихъ мѣсто, и отъ всѣхъ вселенскихъ патріарховъ есть-ли какой наказъ съ ними къ великому государю“. Наказъ приставамъ очень характерный. Онъ показываетъ, съ одной стороны, что наше правительство ожидало, что ѣдущіе въ Москву два патріарха везутъ съ собою Государю грамату и отъ двухъ другихъ восточныхъ патріарховъ, уполномочивающую ѣдущихъ судить на соборъ въ Москвѣ и отъ ихъ лица, каковой граматы у патріарховъ однако не оказалось. Съ другой стороны наше правительство напередъ хотѣло узнать: дѣйствительные-ли патріархи теперь ѣдутъ въ Москву, или отставные, на престолахъ которыхъ сидятъ уже другія лица? Конечно этимъ вопросомъ наше правительство интересовалось не спроста, а имѣло къ тому, кромѣ обычной осторожности, и какія-либо и другія основанія. Возможно, что до него стали доходить хотя бы темные и неопредѣленные слухи, что ѣдущіе въ Москву патріархи отставные и что ихъ патріаршіе престолы уже заняты другими лицами. Но патріархи, прибывъ въ Москву, признали себя дѣйствительными, настоящими патріархами, и, какъ-таковые, произвели здѣсь судъ надъ Никономъ и составили свои опредѣленія по разнымъ церковнымъ вопросамъ и дѣламъ. И вотъ во время самаго соборнаго засѣданія, Никонъ, обращаясь непосредственно къ двумъ сидѣвшимъ предъ нимъ, въ качествѣ его правомочныхъ судей, восточнымъ патріархамъ, сталъ говорить: „архіепископъ-де резанскій Іларіонъ говоритъ, что-де онъ, Никонъ, говорилъ про вселенскихъ патріарховъ, что-де неистинные патріархи, и онъ-де, Никонъ, то говорилъ слышачи отъ грековъ, что на ихъ престолахъ иные патріархи есть, чтобъ про то великій государь указалъ свидѣтельствовать, и чтобъ вселенскіе патріархи велѣли положить святое евангеліе“.—„И вселенскіе патріархи говорили, что они истинные патріархи и неизверженные и не отрекались престоловъ своихъ. *Развѣ-де турки что безъ нихъ учинили*, А буде-де кто и дерзнулъ на ихъ престолы чрезъ правила, или привужденіемъ турскаго,

и то-де не патріархи, прелюбодѣи. А святому-де Евангелію быть не для чего,—а что на него Никона, свидѣтелей много, какъ престолъ оставилъ съ клятвою,—архіерею-де не подобаетъ въ Евангеліи клятися".—„И Никонъ патріархъ говорилъ: отъ сего-де часа, свидѣтельствуюсь Богомъ, не буду-де предъ ними, патріархи, говорить, дондеже константинопольскій и еросалимскій патріархи будутъ".—„И архіепископъ Іаріонъ говорилъ Никону патріарху: какъ онъ не убоится суда Божія и вселенскихъ патріарховъ безчеститъ" [1]).

Итакъ, Никонъ на соборѣ, въ присутствіи государя, бояръ, архіереевъ и другихъ членовъ собора, публично и прямо въ лицо назвалъ сидѣвшихъ предъ нимъ восточныхъ патріарховъ не истинными, не настоящими патріархами, назвалъ ихъ такъ опираясь на свидѣтельство находившихся въ Москвѣ грековъ, причемъ просилъ государя произвести по этому поводу разслѣдованіе, а отъ самихъ патріарховъ требовалъ, чтобы они надъ святымъ Евангеліемъ засвидѣтельствовали, что они истинные и дѣйствительные, а не отставные патріархи. Но понятно, что царь отклонилъ публичное соборное разслѣдованіе о патріархахъ, а сами они уклонились отъ свидѣтельствованія предъ Евангеліемъ, и только уклончиво замѣтили: „развѣ-де турки что безъ нихъ учинили", т. е. допускали такую возможность, что турки, послѣ ихъ отъѣзда въ Москву, могли дѣйствительно на ихъ мѣсто поставить другихъ патріарховъ, которыхъ однако нельзя признать истинными патріархами, такими попрежнему остаются только они—Паисій и Макарій.

Понятно, какъ сильно должно было смутиться наше правительство, услышавъ отъ Никона, что въ Москву для суда надъ нимъ и устройства русскихъ церковныхъ дѣлъ прибыли не настоящіе, а отставные патріархи. И дѣйствительно было отъ чего смутиться! Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ привести дѣло Никона къ концу домашними средствами, рѣшились наконецъ пригласить въ Москву самихъ восточныхъ патріарховъ, что сопряжено было со множествомъ хлопотъ, непріятностей и издержекъ. Наконецъ всякія трудности были препобѣждены, и если не всѣ, то два восточные

---

[1]) Греческія дѣла 7175 г. № 9. Гиб. II, 1073.

патріарха лично прибыли въ Москву. Всѣ прежнія сомнѣнія, неудачи, тревоги были забыты, царь несказанно радовался, радовались съ нимъ всѣ архіереи и другъ предъ другомъ старались всячески ублажать и прославлять пріѣхавшихъ патріарховъ за ихъ великій подвигъ путешествія въ отдаленную Москву. Но вдругъ оказывается, если вѣрить Никону, что присутствующіе въ Москвѣ патріархи не настоящіе, а низвергнутые, что на ихъ каѳедрахъ теперь уже сидятъ другіе патріархи. Въ виду этого неожиданнаго обстоятельства всѣ дѣянія московскаго собора должны были получить очень ненадежный и даже сомнительный характеръ, личное присутствіе въ Москвѣ двухъ восточныхъ не настоящихъ патріарховъ не только не распутывало нашихъ запутанныхъ церковныхъ дѣлъ, но грозило еще болѣе запутать и осложнить ихъ. Положеніе дѣлъ было настолько серьезно и могло имѣть такія непріятныя послѣдствія по отношенію къ русской церковной жизни, что со стороны московскаго правительства необходимо было предпринять какія-либо самыя рѣшительныя мѣры, чтобы спасти дѣянія московскаго собора отъ неминуемаго крушенія, если только слухи о низверженіи находящихся въ Москвѣ патріарховъ окажутся вѣрными. Понятно, что наше правительства прежде всего постаралось провѣрить справедливость этихъ слуховъ не шумнымъ и негласнымъ опросомъ находившихся въ Москвѣ грековъ. Слухи оказались вѣрными, да и сами патріархи не рѣшались опровергать ихъ справедливость. Тогда нашему правительству оставалось одно: немедленно позаботиться, доступными ему средствами, о возстановленіи низложенныхъ патріарховъ на ихъ прежнихъ каѳедрахъ. Къ этому способу дѣйствительно, и рѣшило прибѣгнуть наше правительство уже въ декабрѣ 1666 года.

Понятно само собою, что наше правительство предварительно совѣтовалось съ самими находившимися въ Москвѣ патріархами, какъ и что нужно дѣлать, чтобы они, патріархи, были возстановлены на ихъ престолахъ. Рѣшено было послать въ Константинополь особаго посланца вмѣстѣ съ однимъ грекомъ, и съ ними грамааты къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, а также грамааты къ султану и къ константинопольскому патріарху. Правительство наше исходило тогда изъ той патріархами заявленной на соборѣ мысли, что

они лишены своихъ престоловъ безбожными турками. Въ виду этого рѣшено было обратиться отъ лица патріарховъ съ особыми ходатайствами къ различнымъ греческимъ іерархамъ, знаемымъ или русскому правительству, или самимъ патріархамъ, чтобы эти греческіе іерархи всячески старались о возвращеніи Паисія и Макарія на ихъ прежніе престолы, причемъ имъ давалось знать, „что царское величество имать пожаловать тѣхъ, которые достойны суть его царской милости, со вторицею съ послами своими". Рѣшено было отъ имени патріарховъ и нашего правительства написать особыя грамоты владѣтелямъ молдавскому и валахскому, „яко да будутъ и они ходатаи о семъ дѣлѣ", тѣмъ болѣе, что ихъ намѣстники всегда близко стоятъ къ султану и потому могутъ оказать въ этомъ дѣлѣ значительную помощь. Еще, говоритъ инструкція посланному, „подобаетъ убо писати молдавской земли Георгію Русаки, и ко Іоанну Кондорату, и къ Хонжи Григорью для того, что они у молдавскаго владѣтеля ближніе люди и всякую мочь имѣютъ". „Разумъ въ граматахъ", которыя предполагалось написать разнымъ греческимъ архіереямъ, по инструкціи долженъ состоять въ слѣдующемъ: „буди убо извѣстно вашему архіерейству, преосвященніи митрополити и честнѣйшіе господа, яко лукавый діаволъ, ненавидяй рода христіанскаго, подняль вражду на россійскую церковь, великую и страшную, и его царское пресвѣтлое величество, яко сынъ восточныя церкве, поревнововавый равноапостольному царю Константину и прочимъ греческимъ царемъ, писалъ ко святѣйшимъ и блаженнѣйшимъ вселенскимъ четыремъ патріархамъ, не тай, но явѣ, яко да пріидутъ исправленія и умиренія ради россійскія церкве въ царствующій градъ Москву". И такъ какъ государь узналъ, что патріархи александрійскій Паисій и антіохійскій Макарій ради сбора милостыни находятся около границы его государства—въ Грузинской землѣ, пригласилъ ихъ прибыть въ Москву, что они и сдѣлали; извѣстно, что на ихъ мѣста поставлены другія лица, почему онъ и проситъ „преосвященныхъ и премудрѣйшихъ архіереевъ", чтобы они всячески, съ своей стороны, содѣйствовали возвращенію упомянутымъ патріахамъ отнятыхъ у нихъ каѳедръ.

Написаны были отъ имени государя особыя граматы къ турецкому султану и къ тогдашнему константинопольскому

патріарху Парѳенію. Въ грамотѣ къ султану государь пишетъ, что патріархи александрійскій Паисій и антіохійскій Макарій „по нашему православному чину времянныхъ довольствъ потребами, яко человѣцы, скудствующе, по общему обычаю путешествовавше по градомъ многимъ собранія ради милостыни“, находились около границы русскія державы. Услышавъ объ этомъ, царь послалъ къ патріархамъ пригласительныя грамоты, призывая ихъ въ свою столицу и ради милостыни и ради устроенія нѣкоторыхъ случившихся русскихъ церковныхъ дѣлъ. Именно только по этой причинѣ патріархи и прибыли въ Москву, „а не для какихъ межъ насъ брата нашего великаго государя, вашего салтанова величества ссоръ или вѣстей пришли суть: мужи они добрые, тщатся угодить вседержителю Богу и спасеніе душамъ своимъ получить, а не ссоръ межъ насъ, великихъ государей, или иные какіе вѣсти проносятъ. И говорили намъ, брату вашему, великому государю, нашему царскому величеству, они, патріархи, чтобъ къ вамъ, брату нашему великому государю, салтанову величеству, отписать что о своемъ, въ нашу царскаго величества державу пріѣздѣ, они не успѣли (написать)“, почему и просили государя сообщить объ этомъ султану, котораго государь и проситъ, чтобы и впредь всѣмъ православнымъ архіереямъ разрѣшено было султаномъ приходить въ московскую державу ради милостыни. А такъ какъ государь услыхалъ, „что вышеупомянутыхъ Паисія и Макарія патріарховъ на архіерейскія ихъ мѣста иныхъ двухъ патріарховъ, Богъ вѣсть кто поставилъ мимо уставовъ святыя нашея вѣры, которая повелѣваетъ прежде поставленнымъ патріархомъ, добрѣ живущимъ, мѣста своя безпремѣнно держать и до смерти“, то государь и проситъ султана повелѣть упомянутымъ патріархамъ снова занять свои каѳедры. Въ грамотѣ къ тогдашнему константинопольскому патріарху Парѳенію государь пишетъ, что ради извѣстнаго патріарху дѣла въ Москву прибыли патріархи александрійскій Паисій и антіохійскій Макарій, „ихъ же, пишетъ царь, яко святыхъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла отче любезнѣ и возжелѣннѣ пріяхомъ и, пріемше, чествуемъ преизрядныхъ намѣстниковъ сущихъ приснопамятныхъ и всеблаженныхъ Марка и Луки, вселенскихъ благовѣстниковъ, престоловъ, приличествующихъ таковымъ ве-

лелѣпнымъ и высокіе чести достойнымъ степени, и яже убо во святѣй россійстей церкви имѣвшаяся сомнѣнія премудро исправиша, мужи многихъ похвалъ достойніи, радуемся убо и веселимся духовною радостію, якоже лѣпо, зряще вселенскіе церкви архіерарховъ нашея царскаго величества богохранимыя державы въ первенствующемъ градѣ обитающихъ нынѣ". Но царь узналъ, „яко на честное вышереченныхъ пресвятѣйшихъ Паисія и Макарія патріарховъ архіерейскія степени нѣкоихъ двухъ, Богъ вѣсть кто, возвести странно продерзну". Въ виду этого государь всячески проситъ патріарха Пареенія помочь вышерѣченныхъ Паисію и Макарію возвратить незаконно отнятые у нихъ престолы [1]).

Указанное проектированное посольство въ Константинополь однако не состоялось и приведенныя грамоты государя къ султану и патріарху, а также посланія къ разнымъ греческимъ іерархамъ, владѣтелямъ молдавскому и волохскому и другимъ лицамъ, не были посланы. Причина этого заключалась въ томъ, что указанное посольство и приведенныя нами царскія грамоты имѣли смыслъ и значеніе только при предположеніи, что патріархи Паисій и Макарій были отставлены отъ патріаршества турками. Но это предположеніе въ дѣйствительности оказалось несправедливымъ. Въ Москвѣ скоро получены были болѣе точныя свѣдѣнія объ отставкѣ патріарховъ. Оказалось, что Паисій и Макарій лишены были своихъ престоловъ вовсе не турками, а тѣмъ самымъ константинопольскимъ патріархомъ Пареніемъ, къ которому государь обращался было съ просьбою всячески помогать и содѣйствовать Паисію и Макарію возвратиться на ихъ престолы, причемъ Пареній лишилъ Паисія и Макарія патріаршихъ престоловъ именно за ихъ поѣздку въ Москву для суда надъ Никономъ. Понятно что Пареній, рѣшаясь на отставку двухъ патріарховъ, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не единолично, а въ согласіи съ соборомъ своихъ архіереевъ. Эти выяснившіяся обстоятельства существенно измѣняли положеніе дѣлъ, а также и самый образъ дѣйствій нашего правительства въ его хлопотахъ о возвращеніи каѳедръ патріархамъ Паисію и Макарію. Нашему правительству

[1]) Гиб. II, 1100—1110.

теперь приходилось по дѣлу патріарховъ Паисія и Макарія обращаться уже не къ константинопольскому патріарху и греческимъ архіереямъ, а исключительно къ турецкому правительству, чтобы чрезъ него воздѣйствовать на константинопольскаго патріарха и всѣхъ греческихъ архіереевъ. Такъ дѣйствительно и поступило наше правительство.

По указу государя, отъ 30 іюня 1667 года, 12 іюля въ Константинополь отправились спеціальные послы къ султану Аѳанасій Нестеровъ и дьякъ Иванъ Вахрамѣевъ хлопотать предъ султаномъ о возвращеніи каѳедръ патріархамъ Паисію и Макарію. Съ послами государь отправилъ свою грамату къ султану, въ которой писалъ, что вселенскіе патріархи Паисій и Макарій путешествовали ради собиранія милостыни, узнавъ о чемъ онъ, государь, и пригласилъ ихъ особою грамотою въ Москву. „А въ бытности своей на Москвѣ, говоритъ грамата, они, патріарси, нашему царскому величеству часто напоминали, чтобъ мы, великій государь, наше царское величество, съ вами, братомъ нашимъ, съ великимъ государемъ салтановымъ величествомъ, дружбу братскую и любовь имѣли свыше предковъ нашихъ, великихъ и государей, и чрезъ бы пословъ и посланниковъ между обоихъ насъ, великихъ государей, братская дружба и любовь подтверждалась и множилась постоятельно“. А такъ какъ вышеупомянутые патріархи теперь вознамѣрились отправиться изъ Москвы назадъ, то государь и проситъ султана, „ради нашея царскаго величества братцкія дружбы и любви, имъ, вышереченнымъ патріархамъ, мѣста свои и престолы попрежнему одержати изволи“ [1]). Была послана особая грамата о патріархахъ и „къ Магметъ салтанова величества большому визирю Магметъ пашѣ“. Въ этой граматѣ о патріархахъ было написано буквально то же, что и въ граматѣ къ самому султану. Только въ заключеніе говорится: „и тебѣ, большому визирю Азземъ Магметъ пашѣ, намъ, великому государю, нашему царскому величеству, послужити: брата нашего, великаго государя, Магметъ султаново величество, на тобѣ привести, чтобъ ево салтаново величество для нашіе великаго государя, нашего царскаго величества, братцкой дружбы и любви, имъ, вышереченнымъ патріархомъ,

1) Эта грамота государя напечатана въ приложеніи.

мѣста свои и престолы по прежнему одержати изволилъ... А впредь наше государское жалованье учнемъ держати по твоей къ намъ, великому государю, службѣ, и служба твоя и радѣнье у насъ, великаго государя, въ забвеньи не будетъ". Ординъ Нащекинъ писалъ, отъ имени государя, къ молдавскому воеводѣ Іонѣ Ильяшу съ изъявленіемъ благодарности за его радѣніе о дѣлахъ патріарховъ Паисія и Макарія и съ просьбою „и о братѣ ихъ Киръ Діонисіѣ, бывшемъ патріархѣ, цареградскомъ, чтобъ онъ паки воспріялъ свой патріаршескій престолъ, по прежнему радѣти". Въ наказѣ посламъ повелѣвалось, при переговорахъ съ турками заявить, что патріархи Паисій и Макарій, будучи на Москвѣ, никакой ссоры между султаномъ и царемъ не заводили, а наоборотъ: все склоняли царя къ дружбѣ съ султаномъ и что они, послы, отъ имени своего государя ходатайствуютъ, чтобы патріархамъ Паисію и Макарію оставлены были ихъ престолы [1]).

Послы Несторовъ и Вахрамѣевъ прибыли въ Константинополь 10 ноября 1667 года. Въ Константинополѣ они не застали султана, который находился тогда въ Филиппополѣ. Собравши на мѣстѣ свѣдѣнія о патріархахъ послы немедленно, еще до своего представленія султану, писали государю (ихъ отписка была получена въ Москвѣ 20 іюня): „а во Александріи, государь, на мѣсто Паисія патріарха александрійскаго, подкупился великими подарки и патріархомъ учиненъ Іоакимъ патріархъ. А прежъ того онъ, Іоакимъ, былъ митрополитомъ родосскимъ, а билъ челомъ за него салтану и греческимъ властямъ говорилъ Парѳеній патріархъ цареградскій по ненависти на Паисія патріарха александрійскаго и для своихъ корыстей. И послѣ того, не по многомъ времени, цареградскаго вселенскаго патріарха Парѳенія салтанъ велѣлъ перемѣнить и сослать велѣлъ въ ссылку. И въ нынѣшнемъ же, государь, во 176 году, ноября въ 11 день, турской Магметъ салтанъ присылалъ въ Царьгородъ къ митрополитомъ и ко всѣмъ палестинскимъ греческимъ властямъ мутьянскаго владѣтеля князя Радула, и велѣлъ учинить соборъ и на соборѣ велѣлъ всѣмъ грече-

---

[1]) Турецкіе статейные списки (Большой Московскій архивъ минист. иностран. дѣлъ) № 8, л. 66—67.

скимъ властемъ, которые нынѣ во Царѣгородѣ, изъ греческихъ властей обрать во Царьгородъ на патріаршескій престолъ ково они, власти, на соборѣ похотятъ обрать. И ноября 13, по указу салтана турскаго, греческіе власти на соборѣ обрали въ Царьгородъ на патріаршескій престолъ Меѳодія митрополита ираклійскаго, а въ митрополію ираклійскую греческіе власти благословили митрополитомъ александрійскаго Паисѣя патріарха намѣстника ево Варѳоломѣя. А Макарія, государь, патріарха престолъ ево патріаршескій во Антіохіи по се число свободенъ и на ево патріаршескій престолъ иной патріархъ не выбранъ".

22 декабря послы получили приглашеніе ѣхать въ Адріанополь, гдѣ тогда находился султанъ, и прибыли туда 7 января 1668 года. Прежде всего послы представились Каймакану пашѣ, который тогда замѣнялъ собою отсутствующаго визиря, вручили ему царскую грамату къ визирю и говорили ему о патріархахъ, чтобъ имъ по прежнему держать свои патріаршіе престолы. 14 января послы представились султану, а 19-го были на совѣщаніи у Каймакана, который принялъ ихъ вмѣстѣ съ муфтіемъ. По поводу патріарховъ Каймаканъ говорилъ нашимъ посламъ: „въ которыхъ государствахъ то велось, что духовнаго чину начальнымъ людямъ, также и иныхъ чиновъ начальнымъ людямъ безъ повелѣнія государя своего въ иные государства ѣздить?" Съ своей стороны и муфтій говорилъ посламъ: „я муѳтей, по милости исконного Бога и повелѣніемъ салтанова величества въ турскомъ государствѣ въ духовномъ чину учиненъ первымъ человѣкомъ, а безъ повелѣнія салтанова величества нетокмо что въ иное государство, и въ ближнюю деревню не смѣю ѣхать и на малое время, а Паисѣй патріархъ александрѣйскій и Макарій патріархъ антіохійскій въ греческой вѣрѣ христіянскаго закона духовнаго чину начальные люди—патріархи и, самовольствомъ оставя свои мѣста и престолы, безъ указу салтанова величества, утаясь, поѣхали въ московское государство, а для какихъ дѣлъ, о томъ салтанову величеству невѣдомо, и впредь имъ на своихъ патріарщихъ мѣстехъ быти непристойно, а во Александріи на мѣстѣ Паисѣя патріарха, по указу салтанова величества, посланъ новой—Іоакимъ патріархъ". Послы отвѣтили на эти рѣчи, что и ранѣе разные восточные патріархи въ

Москву пріѣзжали, жили въ ней подолгу и, возвращаясь домой, оставались по прежнему патріархами, что такъ де слѣдуетъ поступить и теперь, Турки говорили, что тѣ патріархи ѣздили въ московское государство съ вѣдома и разрѣшенія султана, а эти нѣтъ и потому имъ оставаться на своихъ патріаршихъ престолахъ непристойно. Но ради ходатайства и дружбы царя султанъ повелитъ Паисію и Макарію быть попрежнему на ихъ патріаршихъ престолахъ. Тогда послы стали настаивать, чтобы грамоты султана о патріархахъ даны были имъ, посламъ, что и было имъ обѣщано. Дѣйствительно, 15 апрѣля посламъ дана была грамата султана къ государю о патріархахъ и особая грамата султана къ намѣстнику Египта Ибрагимъ пашѣ объ александрійскомъ патріархѣ Паисіѣ. [1])

О разсказанныхъ событіяхъ послы, по своемъ возвращеніи въ Константинополь, въ особой отпискѣ сообщаютъ государю: „а о святѣйшихъ, государь, патріарсехъ, о Паисіѣ патріархѣ александрійскомъ и о Макаріѣ патріархѣ антіохійскомъ, по твоему великаго государя указу, будучи въ отвѣтехъ, договорились: салтанъ турской для твоей великаго государя брацкой дружбы и любви имъ, патріархомъ, мѣста свои и престолы, какъ пріѣдутъ съ Москвы, по прежнему одержати изволилъ до ихъ живота, покамѣста они живы будутъ, и хатшеревъ салтановъ, жалованные и поволные грамоты за салтановою рукою Паисѣю патріарху александрійскому и Макарію антіохійскому, мы, холопи твои, взяли. А что въ прошломъ во 175 году по ненависти прежняго Парѳенія патріарха царегородскаго, по салтанову указу, на мѣсто Паисѣя патріарха александрійскаго поставленъ былъ во Александрію новой—Іоакимъ патріархъ, и по нашему, холопей твоихъ, договору, по салтанову указу, того новаго патріарха Іоакима изъ Александрѣи отъ патріарша престола велѣно отставить, и о томъ салтанову грамоту во Египетъ, къ египетскому Ибрагимъ пашѣ мы, холопи твои, взяли, и для свидѣтельства правды съ тою грамотою изъ Царяграда къ пашѣ во Египетъ пошлемъ мы, холопи твои, нарочно гречанина Мануила Иванова, чтобъ того новаго Іоакима патріарха изъ Олександрѣи отъ патріарша престола при

---

[1]) Турецкіе статейные списки № 10, л.л. 80, 84, 113 об. 133 об.—134.

немъ, Мануилѣ, отставить, а до пріѣзду съ Москвы Паисѣя патріарха вѣдать тое патріаршу александрійскую область Паисѣя патріарха александрійскаго намѣстнику ево архидьякону Никифору. И во Антіохію, государь, салтанову грамоту взяли жъ, что до пріѣзду съ Москвы Макарія патріарха его патріаршу область вѣдать намѣстнику ево, и тое грамоту во Антіохію пошлемъ мы холопи твои, изъ Царяграда съ кѣмъ доведетца." Далѣе въ отпискѣ пословъ государю говорится: „а что, государь, святѣйшіе патріархи, Паисѣй патріархъ александрійскій и Макарій патріархъ антіохійскій, дали мнѣ, холопу твоему Аѳонкѣ, росписи греческимъ властямъ и грекамъ, чтобъ мнѣ съ ними о ихъ патріаршихъ дѣлехъ совѣтывать и мыслить, а святѣйшіе патріархи на нихъ надежду имѣли и чаяли отъ нихъ въ своихъ дѣлехъ промыслу и помощи, и отъ греческихъ, государь, властей и грековъ, на которыхъ святѣйшіе патріархи надежду имѣли, мнѣ, холопу твоему, о ихъ патріаршихъ дѣлехъ мысли и помощи не подали не токмо что дѣломъ, ни словомъ". Послы прислали государю и переводъ съ самой грамоты султана, которою онъ объявляетъ александрійскаго патріарха Іоакима низложеннымъ, а прежде бывшаго, находившагося тогда въ Москвѣ, патріарха Паисія возстановляетъ въ прежнемъ его достоинствѣ александрійскаго патріарха [1]). Кромѣ того, послы сообщаютъ государю, что они добыли отъ султана и вторую грамоту, въ которой говорилось: „которые деньги Іоакимъ патріархъ займовалъ, и тѣхъ долговъ на папѣ и патріархѣ Паисіѣ александрійскомъ не спрашивать, а имать тѣмъ людемъ на немъ, Іоакимѣ патріархѣ, и сослать его изъ Александріи въ ссылку, и о томъ указъ салтановъ къ египецкому пашѣ посланъ. Да у негожъ, патріарха, велѣно церковная утварь отобрать и, счести, отдать Паисѣя патріарха намѣстнику ево и, до пріѣзду ево, папы и патріарха, вѣдать престолъ тому жъ ево намѣстнику". По приказанію султана, сообщаютъ далѣе послы, и новый константинопольскій патріархъ Меѳодій послалъ отъ себя и всего собора грамоту объ отставкѣ Іоакима и возстановленіи Паисія, такъ что и во время службы, замѣчаютъ послы,

---

[1]) Эта грамата султана напечатана въ приложеніи.

Меѳодій поминаетъ александрійскимъ патріархомъ уже Паисія, а не Іоакима [1]).

Такимъ образомъ, благодаря усиленнымъ и энергичнымъ хлопотамъ нашего правительства предъ турецкимъ султаномъ, патріархамъ александрійскому Паисію и антіохійскому Макарію были возвращены отнятые было у нихъ патріаршіе престолы, такъ что съ этой стороны дѣло улажено было вполнѣ благополучно. Но, несмотря на это, давно ожидаемый конецъ всѣмъ треволненіямъ по дѣлу Никона и послѣ этого еще не наступилъ и московскому правительству предстояли новыя хлопоты, такъ какъ возникали новые недоуменные вопросы и сомнѣнія.

Изъ донесеній пословъ въ Константинополѣ наше правительство убѣдилось, что Паисій и Макарій были низложены не турками, а по представленіямъ и настояніямъ самого вселенскаго константинопольскаго патріарха Парѳенія, что въ этомъ съ Парѳеніемъ вполнѣ солидарны были и всѣ греческіе архіереи и греки вообще. Когда наши послы, прибывъ въ Константинополь, въ своихъ хлопотахъ о возвращеніи каѳедръ Паисію и Макарію обратились къ греческимъ властямъ и грекамъ, которыхъ имъ рекомендовали въ Москвѣ сами патріархи, „то эти греческія власти и греки, на которыхъ святѣйшіе патріархи надежду имѣли, мнѣ, холопу твоему, заявляетъ посолъ государю, о ихъ патріаршихъ дѣлахъ мысли и помощи не подали, не токмо что дѣломъ, ни словомъ“. Значитъ, всѣ греческіе власти и константинопольскіе греки вполнѣ сочувствовали низложенію поѣхавшихъ въ Москву патріарховъ Паисія и Макарія и вовсе не желали ихъ возвращенія на прежнія патріаршія каѳедры. Греческій переводчикъ при Портѣ Панагіотъ, съ послами нашими между прочимъ писалъ государю: „александрійскій патріархъ есть добрый христіанинъ и укрѣпленіе церкви Христовы, примѣняетца старымъ святымъ отцемъ нашимъ, и не тужитъ о трудахъ и волокитѣ и дальнемъ пути для того, хотя закрѣпить овцы Христовы и да излѣчитъ болново и да поднимутъ падающаго, и да усмотрятъ кручинныхъ овецъ,—для того и призваны отъ благочести-

---

[1]) Турецкіе статейные списки № 8, л.л. 66—68, 78—80, 89—90, 168—174, 195 ,305, 322, 330.

ваго христіанскаго царя, на котораго всѣ христіяне надѣютца, въ московское государство учинить разсужденіе и миръ церкви Христовы и о нуждѣхъ патріаршества. И то все учиня, *положиша хулу на него здѣсь и рекоша царю многіе хулы, что дерзахъ въ безуміи*... А намѣстники и преумніи разсудители державы царствующей познали, что нѣсть вины патріархомъ, что пошли къ Москвѣ, что они единовѣрніи и были для ради надобнаго церковной духовности". Панагіотъ сообщаетъ, что константинопольскій патріархъ Парѳеній, поставившій въ Александрію на мѣсто Паисія Іоакима, то же хотѣлъ сдѣлать и относительно антіохійскаго патріарха, „но одинъ благочестивый о томъ намъ объявилъ и подарками ихъ помирили", что Парѳеній обѣщалъ не смѣнять и александрійскаго Паисія, но, воспользовавшись отсутствіемъ Панагіота изъ Константинополя, вопреки своему обѣщанію, смѣнилъ Паисія, почему Панагіотъ и рѣшился, въ видахъ церковнаго мира, добиться низложенія Парѳенія съ патріаршаго престола [1]).

Очевидно, что патріархи Паисій и Макарій были низложены вселенскимъ константинопольскимъ патріархомъ вмѣстѣ съ соборомъ и низложены именно за то, что поѣхали въ Москву для суда надъ Никономъ, къ которому большинство грековъ и греческихъ властей въ Константинополѣ относилось съ величайшимъ сочувствіемъ и вовсе не желало осужденія этого покровителя и доброхота грековъ. Понятно отсюда, какая тревога должна была произойти въ Москвѣ по поводу извѣстій, полученныхъ изъ Константинополя отъ нашихъ пословъ. Если въ Константинополѣ всѣ порицали Паисія и Макарія за ихъ поѣздку въ Москву для суда надъ грекофиломъ Никономъ, если за это они лишены были константинопольскимъ патріархомъ и соборомъ своихъ патріаршихъ престоловъ, то вполнѣ естественно было ожидать при такихъ обстоятельствахъ, что при своемъ возвращеніи на востокъ, въ дѣлѣ обратнаго полученія своихъ патріаршихъ каѳедръ, они могутъ, несмотря на султанскій фирманъ, встрѣтить очень серьезное противодѣйствіе со стороны нерасположенныхъ къ нимъ іерарховъ и грековъ вообще. Возможность подобнаго исхода дѣла признавали и сами патріархи Паисій

---

[1]) Греческія дѣла 7177 г. № 27.

и Макарій, почему они и поспѣшили послать изъ Москвы особыя письма къ патріархамъ константинопольскому и іерусалимскому, чтобы оправдать въ ихъ глазахъ свою поѣздку въ Москву и свою московскую дѣятельность и тѣмъ привлечь ихъ на свою сторону. Въ письмѣ къ іерусалимскому патріарху Нектарію Паисій и Макарій говорятъ, что они отправились въ Москву только будто бы послѣ того, „какъ узрѣвше писаньице твое, извѣщающее, яко твое блаженство имѣ умышленіе въ сіа страны путешествовати. Паче же, грамотоносецъ устнѣ извѣща намъ, яко вселенскій патріархъ хотяше послати своего экзарха“. Только именно въ виду такихъ вѣстей т. е. что Нектарій самъ ѣдетъ въ Москву, а константинопольскій посылаетъ туда своего экзарха, они и рѣшились отправиться въ путь, чтобы такимъ образомъ въ Москвѣ были всѣ четыре восточныхъ патріарха. Извѣщаютъ Нектарія, что они, послѣ многихъ соборныхъ допросовъ Никона, нашли его виновнымъ во многихъ преступленіяхъ, „ихже не подобаетъ предавати писанію, зане епистолія не имѣетъ въ себѣ что либо тайно“. Но несмотря на такую оговорку, они все-таки считаютъ нужнымъ указать Нектарію на одну вину Никона: „въ такое напыщеніе, пишутъ они, пріиде гордостный Никонъ, якоже самъ ея хиротониса патріархомъ Новаго Іерусалима, монастырь бо, его же созда, нарече Новымъ Іерусалимомъ со всѣми окрестъ лежащими: именуя Святой Гробъ, Голгофу, Виѳліемъ, Назаретъ, Іорданъ“. Пишутъ, что они оказали услугу Нектарію освободивъ отъ заключенія его посланца Севастьяна.—Болѣе подробно и откровенно патріархи Паисій и Макарій писали къ константинопольскому патріарху: такъ какъ они узнали, что будто бы константинопольскій патріархъ посылаетъ въ Москву своего экзарха, а патріархъ іерусалимскій уже самъ находится на половинѣ пути въ Москву, „того дѣля мы, два патріарси, да не явимся быти разгласни толикому единству патріаршескому, и дабы не явитися намъ непослушливымъ быти толикому праведнѣйшему царскому повелѣнію, изыдохомъ, и преидохомъ стропотныя пути, преходяще мѣста студеныя, и верхи горъ непроходимыхъ, единаго точію насмотряюще конца, дабы намъ праотеческое благоговѣйство и истинную правду сохранити: и сія вся неудобная ни во что же вмѣнихомъ, аще и ветхостію дней отягощени есмы,

и долгимъ путямъ весьма непреобычны. Изыдохомъ убо, но едва преидохомъ въ преславнѣйшій градъ Москву: обаче не обрѣтохомъ твоего братолюбія присутства, яко же надѣяхомся по обѣщанію. И того дѣля зѣло и отъ усердія опечалихомся, яко надеждою нашею прелщени и добраго общества лишени быхомъ. Но занеже, якоже глаголется, яже сотворшася, несотворенна быти не могутъ, ко другому пріидохомъ разсужденію и начахомъ разсмотряти оно церковное предложеніе, еже и прежде бяше прилежно взыскано и отъ помѣстнаго разсуждено собора. Обрѣтохомъ же бывшаго патріарха Никона премногимъ винамъ должна и повинна“, и затѣмъ указываютъ самыя вины Никона и говорятъ, что за эти вины, вмѣстѣ съ соборомъ „совершенно низложихомъ (Никона) народнѣ въ церкви и соборне судихомъ, еже жительствовати ему во единомъ отъ древнихъ довольно обильномъ монастырѣ, дабы плакатися ему о своихъ грѣсѣхъ“. Затѣмъ патріархи указываютъ и на практическіе осязательные результаты ихъ поѣздки въ Москву, что очевидно, по ихъ расчетамъ, сильно должно было расположить въ ихъ пользу константинопольскаго патріарха. „Обаче, пишутъ они, и обычной милостыни великому престолу и прочимъ убогимъ престоламъ даянной, надѣемся обновитися, паче же большей и довольнѣйшей быть, и о томъ всѣми силами тщимся, дондеже совершится, сирѣчь, во еже бы исполнитися оной притчѣ: яко братъ братомъ способствованъ спасается, и да друзи въ нуждахъ будутъ полезни. Прилагаемъ же нѣчто ино, нашего ради общаго утѣшенія: яко съ нашимъ пришествіемъ средостѣніе вражды разрѣшится, и повсядневнаго плѣна извѣтъ погибе тако, во ежебы паки надѣятися намъ пріити ко прежней нашей свободѣ, чести и славѣ, юже древле имѣхомъ, понеже здѣ нѣцыи со своими буйствы и неистовствы обезчестиша рода нашего преизящную свѣтлость, того ради сотворишася у вельможъ достойни презрѣнія и отверженія. Обаче тщахомся и по вся дни молимъ, да извергнутся отъ среды и весьма отложатся уметы чести ради общія и лѣпоты рода нашего“ [1]).

Итакъ, патріархи Паисій и Макарій стремились, даже жертвуя историческою точностію, оправдать свою поѣздку въ

[1]) Дѣло о п. Никонѣ, стр. 305—310.

Москву и свою московскую дѣятельность предъ патріархами іерусалимскимъ Нектаріемъ, сторонникомъ Никона, и константинопольскимъ Меѳодіемъ, причемъ не забыли упомянуть и о тѣхъ выгодахъ для бѣдныхъ восточныхъ патріаршихъ престоловъ, какія могутъ произойти отъ ихъ поѣздки въ Москву, а также и о томъ, что вся ихъ московская дѣятельность была направлена къ тому, чтобы возстановить и возвысить „рода нашего преизящную свѣтлость“, что они работали въ Москвѣ „чести ради общія и лѣпоты рода нашего“.

Съ своей стороны и наше правительство считало себя нравственно обязаннымъ хлопотать о возвращеніи патріаршихъ престоловъ Паисію и Макарію не только предъ турецкимъ правительствомъ, но и предъ константинопольскимъ патріархомъ. Въ этихъ видахъ государемъ написана была, отъ 11-го августа 1668 года, особая грамата къ константинопольскому патріарху Меѳодію, въ которой онъ заявляетъ, что александрійскій патріархъ Паисій прибылъ въ Москву „не ради нѣкоихъ временныхъ вещей и суетныхъ, ниже собранія ради тлѣннаго имѣнія, но умиренія ради нѣкоихъ церковныхъ винъ, таковаго ангелоподобнаго мужа требовавшихъ исправленія“, что вознамѣрившись теперь возвратиться на свою каѳедру „престола его архіерейскаго въ воспріятіи боголюбезныя твоего преблаженства помощи и братскаго утѣшенія требуетъ“, такъ какъ стало извѣстно, что во время отсутствія Паисія его каѳедру занялъ самовластно нѣкій архіерей, „забывъ страхъ Архіерея превышняго и судъ страшный, по дѣломъ комуждо воздающій“. Царь проситъ Меѳодія: „желаемъ убо, отче всеблаженнѣйшій, да по священныхъ правилъ опредѣленіямъ, вышеимянованному архіерею киръ Паисію престола его воспріятіе руководствуеши, и въ прочихъ его святыхъ требованіяхъ, яко лѣпо намъ христіаномъ, помоществуеши, вѣдый онаго мужа священнолѣпнаго и многотруднаго между великихъ государствъ не враждотворца, но миротворца быти, тщащася присно о спасеніи душъ человѣческихъ... Усугубляемъ предложеніе, якоже лѣпо пречестному блаженству вашему: помоществуй святѣйшему оному киръ Паисію, мужу многихъ похвалъ достойному, но и блаженнѣйшему оному и всесвятѣйшему киръ Макарію, Божія града Антіохіи и всего востока патрі-

арху, иже по святыхъ своихъ трудѣхъ изъ нашея державы въ 6 день іюня настоящаго лѣта къ воспріятію высокостепеннаго си престола Божіею помощію пути вдадеся, идѣже мощно и лѣпо преблаженства твоего вспоможеніе да сотвориши“ [1]).

Но посылкою граматы только къ патріарху константинопольскому государь не ограничился, а отъ своего имени написалъ еще грамату къ тому патріарху александрійскому Іоакиму, который занялъ было престолъ уѣхавшаго въ Москву Паисія. Въ этой своей граматѣ царь, обращаясь къ Іоакиму, между прочимъ пишетъ: „уступи нынѣ неправильнѣ тобою держимаго престола правильнѣ нань поставленному вышепомянутому киръ Паисію святыя александрійскія церкве правильному архіерею, да праведнаго гнѣва Божія, яко мудрый, мудре избѣжиши. Аще ли долга временна тяжестію обремененъ еси мужу предобрый,—пріиди любве ради Божія въ нашу богохранимую державу и пріимемъ тя яко ангела Божія, заповѣдь святыя любве совершивша, и помощію Божіею исполнимъ твоея святыни потребы, якоже лѣпо, точію страха ради и любве Божія благаго нашего совѣта и любовнаго прошенія не призри... Яко мужъ премудръ отъ благаго нашего совѣта не уклонися и оному святѣйшему киръ Паисію святыя александрійскія церкве правильному архіерею престола его правильнѣ поступися, слыша трубы свѣтлѣйшій преблаженнаго Павла гласъ вопіющій: еже не лихоимствовати брата своего въ вещи и не своея, но ближняго пользы искати и симъ отъ царствія Божія себе не отдаляти. Что бо укорно сотвори мужъ онъ святый архіерей святѣйшій (т. е. Паисій)? Сіе ли, яко любве ради Божіей и ближняго, толь жестокое и здравіе своего озлобительное въ нашу державу путешествіе подъя? Толь болѣзненныя и едва стерпительныя отъ неистовнаго агарянска рода укоризны и напасти принесе? Коликая печаловная святая его ушеса тамо слышаша, колики поты и труды въ различныхъ сключеніяхъ святое его тѣло претерпѣ? Но за сія вящшія чести достоинъ есть мужъ онъ Божій, яко страстотерпецъ мужественный, а не лишеніа престола, или коего либо озлобленіа. Убо мужу пречестнѣйшій душу твою предъ престоломъ Божіимъ по-

---

1) Эта грамата государя напечатана въ приложеніи.

милуй и должный престолъ правильному оному архіерею, совѣтне предлагаемъ, попусти воспріяти, симъ бо и соблазняющихся о семъ твоемъ дерзновеніи утѣшиши и предъ престоломъ нелицемѣрнаго судіи всѣхъ Бога нашего I. Христа веліе дерзновеніе, яко исполнитель святыя Его любовныя заповѣди, воспріемеши, Ему же, истинной нашей жизни окормителю угождая и служа, твори еже той заповѣда, и спасешися самъ и послушающіи тебе“ [1]).

Несмотря на всѣ указанныя хлопоты государя примирить патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго съ фактомъ поѣздки Паисія и Макарія въ Москву для суда надъ Никономъ, наше правительство и теперь не могло успокоиться окончательно, такъ какъ оно опасалось, что постановленія московскаго собора, особенно относительно осужденія Никона, не только не будутъ признаны на православномъ востокѣ, но и могутъ вызвать тамъ протестъ. Кажется этого опасались и сами патріархи Паисій и Макарій, почему они, въ своемъ вышеупомянутомъ письмѣ къ константинопольскому патріарху, и дѣлаютъ такое заявленіе: „просихомъ же многихъ лѣтъ достойнѣйшаго царя, дабы быти о соборномъ (дѣяніи въ Москвѣ) нѣкоему извѣщенію и изъявленію чрезъ свои ему грамотоносцы о всѣхъ здѣ бывшихъ вашей пресвятости“. Но, конечно, и помимо просьбы патріарховъ Паисія и Макарія само наше правительство усиленно желало, чтобы дѣянія московскаго собора были признаны и утверждены греческою вселенскою церковію. Съ грекомъ іеродіакономъ Мелетіемъ, назначеннымъ сопровождать уѣзжавшаго изъ Москвы александрійскаго патріарха Паисія, государь послалъ грамату къ константинопольскому патріарху, въ которой проситъ его принять съ честію и веселіемъ патріарховъ Паисія и Макарія:—„какую честь учините имъ, и то учините нашему царскому величеству“. Относительно дѣяній московскаго собора государь проситъ патріарха: „еще просимъ и о здѣшнемъ соборномъ (дѣяніи), что уложено и совершено, всѣмъ желаемъ явлено быти и уложити уложенье въ великой Христовой церкви“ на память и наученіе будущимъ поколѣніямъ. Относительно „патріарха Никонова из-

---

[1]) Эта грамата государя къ александрійскому патріарху Іоакиму напечатана въ приложеніи.

верженья соборнѣ просимъ подписати, яко по правдѣ, по правиломъ законнымъ, по священнымъ уложеньемъ и соборныхъ правилъ и патріаршихъ томосъ познанъ бысть и осужденъ преже и потомъ всѣмъ соборомъ". Въ доказательство полнаго согласія „догматовъ и ученья русскія церкви съ восточные церкви, питательные матери нашей", государь желаетъ „имѣти совѣтъ соборнымъ вашимъ письмомъ чрезъ нашего священнаго діакона Мелетія". Къ этому ходатайству государь прибавляетъ: „мы же паки милость и жалованья матери нашей восточной и питательной великой церкви не будемъ въ забвеньи никогда, токмо и большіе призирати будемъ". Въ заключеніе царь проситъ за Паисія Лигарида, „котораго имѣемъ въ царскомъ нашемъ дворѣ яко велія учителя и переводчика нашего, чтобы имѣлъ прежнюю честь и славу". Точно такая же грамата послана была государемъ и къ іерусалимскому патріарху.

Новый московскій патріархъ Іоасафъ съ своей стороны тоже послалъ Константинопольскому патріарху Меѳодію грамату отъ себя, въ которой пишетъ: „наша великороссійская церковь, яко дщерь матери, всякое вамъ долженствуетъ выну благодарствіе, воистину бо родительское въ нашихъ нуждахъ проявляете попеченіе, якоже въ настоящихъ лѣтахъ проявити благоизволите. Се бо благословеніемъ престола вашего пріидоша отъ далечайшихъ странъ, пренебрегши всякое бѣдство путное, и забывше всякія отрады и здравія си тѣлеснаго, паче же и животъ свой волнамъ пѣнящуся ввѣривше пучинородному морю два святѣйшіи патріарси—Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій, пріидоша глаголю, съ превеликими труды, отеческою любовію поощряеми, во великороссійскую страну, въ царствующій, преименитый и богоспасаемый градъ Москву, и ту вся требовавшая пастырскаго досмотрѣнія, пребодро и преблаго устроиша: алчныя пищею слова Божія доволнѣ напиташа, жадныя сладкими божественнаго ученія источники нескудно напоиша, и еже о бывшемъ патріарсѣ московскомъ Никонѣ премудро и всеразсудно по божественныхъ апостолъ и отецъ святыхъ правиломъ разсудивше, праведный судъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ сотворивше, та и иная, якоже подобаше, пастырски устроивше, миръ церкви нашей оставише и вся добрѣ содѣявше, потщахуся возвратитися во свояси. Свя-

тѣйшій Макарій патріархъ антіохійскій изволилъ путь воспріяти персидскою страною и чрезъ Іверію. Святѣйшій же и блаженнѣйшій Паисій патріархъ александрійскій и судія вселенныя вождел̂ѣ видѣти предостойнѣйшее лице твоего пастырства, имъ же сію нашея мѣрности грамату твоему всеблаженнѣйшему святительству досточестно вручающе, молимъ прилежно твое преблаженство: да благоволи кія труды пользы ради церкве нашея подъемшаго, достойно не лишити восхваленія; и ему же мы равнаго трудомъ благодарствія воздати недоумѣхомъ, тому твоя отеческая премудрость наше лишеніе благоволитъ исполнити достойно ублаженіемъ и во нуждахъ руку помощи подаяніемъ". Послалъ патріархъ Іоасафъ особую грамату и къ іерусалимскому патріарху Нектарію съ просьбою разрѣшить Паисія Лигарида, очемъ скажемъ ниже [1]).

Удалось ли нашему правительству получить изъ Константинополя формальное соборное утвержденіе постановленій московскаго собора, состоявшагося подъ предсѣдательствомъ александрійскаго патріарха Паисія и антіохійскаго Макарія, уже лишенныхъ своихъ патріаршихъ престоловъ за то время, когда они, какъ дѣйствительные патріархи, предсѣдательствовали на московскомъ соборѣ и рѣшали на немъ всѣ дѣла, я (говорю за себя) не знаю. Судя по тому, что подобнаго документа и ссылокъ на него никогда и нигдѣ не встрѣчается, можно думать, что константинопольскій патріархъ вовсе не собиралъ у себя собора для разсмотрѣнія и утвержденія дѣяній московскаго собора, какъ этого хотѣло и добивалось наше правительство. Но если со стороны греческой церкви и не было формальнаго соборнаго одобренія дѣяній московскаго собора, то несомнѣнно, не было оттуда и никакого протеста: осужденіе Никона, какъ совершившійся фактъ, молча было признано всѣми на востокѣ, что, между прочимъ видно изъ позднѣйшихъ патріаршихъ разрѣшительныхъ грамотъ Никону, которыми они признаютъ Никона правильно осужденнымъ и затѣмъ разрѣшаютъ его отъ этого осужденія. Всѣ же другія постановленія московскаго собора

---

[1]) Грамата государя къ константинопольскому патріарху и граматы патріарха Іоасафа къ константинопольскому патріарху Меѳодію и іерусалимскому патріарху Нектарію напечатаны въ приложеніи.

возбуждать какихъ-либо сомнѣній на православномъ востокѣ и не могли.

Благодаря усиленнымъ и настойчивымъ хлопотамъ нашего правительства Паисію и Макарію были возвращены султаномъ ихъ патріаршіе престолы. Но этимъ заботы нашего правительства объ указанныхъ двухъ патріархахъ не были еще окончены. Сами патріархи, уже и по отъѣздѣ своемъ изъ Москвы, настойчиво продолжали требовать отъ нашего правительства особыхъ попеченій объ нихъ и, главнымъ образомъ, объ ихъ матеріальныхъ нуждахъ, выпрашивая у царя все новыя и новыя подачки.

Нужно признать, что если Паисій и Макарій рѣшились ѣхать въ Москву вопреки патріархамъ константинопольскому и іерусалимскому, которые этой поѣздкѣ рѣшительно не сочувствовали и не одобряли ее, если они поѣхали въ Москву, даже не заручившись предварительнымъ согласіемъ на это турецкаго правительства, то естественно думать, что рѣшаясь на такой рискованный для нихъ шагъ—самовольную поѣздку въ Москву, они руководились въ этомъ случаѣ какими-либо особыми и для нихъ очень важными побужденіями и цѣлями. Несомнѣнно, что судъ надъ Никономъ и устройство русскихъ церковныхъ дѣлъ не играли въ ихъ поѣздкѣ рѣшающей роли; необходимо признать, что ѣхать въ Россію они рискнули главнымъ образомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы получить для себя отъ русскихъ возможно богатую и обильную милостыню, которую, конечно, обѣщалъ имъ грекъ іеродіаконъ Мелетій, уговорившій ихъ ѣхать въ Москву. И патріархи достигли своей цѣли. Когда они еще находились въ пути изъ Астрахани въ Москву, государь послалъ имъ по 200 рублей денегъ (тогдашній рубль равнялся почти двадцати нынѣшнимъ), по атласу таусинному по 14½ аршинъ, по таѳтѣ по 6 аршинъ въ портищѣ, по мѣху песцовому черному, да по другому-по бѣлью. Когда патріархи пріѣхали въ Москву, то на первомъ ихъ представленіи государю имъ было дано: по кубку серебряному золоченому въ 8 гривенокъ (гривенка-полфунта) и 47 золотниковъ кубокъ, по портищу бархата чернаго, по портищу бархата вишневаго рытого, по портищу-бархата зеленаго, по два портища атласу, по два портища камки, по два сорока соболей по 120 рублей сорокъ, денегъ по 300 рублей. Кромѣ того царь дарилъ патріарховъ

по разнымъ случаямъ. Напримѣръ, на 1-е января царь одарилъ каждаго патріарха по 200 рублей; на Срѣтеніе, когда Макарій служилъ у государя (Паисій былъ боленъ) и обѣдалъ у него, онъ получилъ подарковъ отъ государя на 200 рублей. И въ другихъ случаяхъ, во все продолжительное пребываніе патріарховъ въ Москвѣ, царь дѣлалъ имъ цѣнные подарки т. е. дарилъ имъ деньги, серебряные кубки, разные мѣха и дорогія матеріи, такъ что подарки государя каждому патріарху на тогдашнія деньги оцѣнивались въ 2000 рублей, а на нынѣшнія около сорока тысячъ рублей. Кромѣ царя патріархамъ дарили: царица, царскія дѣти, царскія сестры, а въ слѣдъ за ними: бояре и разныя знатныя и богатыя лица. Обязательно дарили патріарховъ всѣ архіереи и настоятели всѣхъ московскихъ и другихъ извѣстныхъ монастырей, дарили ихъ иконами въ серебряныхъ ризахъ, деньгами, серебряными кубками, матеріями. Кромѣ этихъ даровъ, которые шли лично самимъ патріархамъ, на отпускѣ государь давалъ имъ особую милостыню, которая, предполагалось, должна идти на нужды патріархатовъ. Такъ, Макарію антіохійскому на отпускѣ дано было на милостыню на 6000 рублей, а александрійскому Паисію государь велѣлъ дать на милостыню „изъ сибирскаго приказу мягкою рухлядью на 9000 рублей“. Въ общемъ патріархи получили у насъ отъ разныхъ лицъ, начиная съ государя, всевозможныхъ подарковъ на очень крупную сумму,—на современныя деньги болѣе двухсотъ тысячъ на каждаго патріарха [1]).

---

[1]) Сколько, напримѣръ, получилъ отъ разныхъ, по преимуществу духовныхъ лицъ, антіохійскій патріархъ Макарій, напрявляясь изъ Москвы домой, это видно изъ сохранившихся современныхъ записей. Окончательно оставляя Москву 7 іюня 1668 года и направляясь въ Антіохію чрезъ Кавказъ, Макарій, съ своего кремлевскаго подворья, прежде всего прибылъ въ Ново-Спасскій монастырь, гдѣ архимандритъ поднесъ ему образъ въ серебряной ризѣ, 20 ефимковъ, хлѣбъ, рыбу, питье. Явившійся туда Крутицкій митрополитъ Павелъ поднесъ отъ себя: образъ обложенный серебромъ и атласъ зеленый. Въ Симоновѣ монастырѣ патріарху поднесли: образъ въ серебряной ризѣ, денегъ 10 рублей, хлѣбъ, рыбу, а цѣлый обѣдъ послали на стругъ, на которомъ Макарій поплылъ по Москвѣ рѣкѣ. Въ Даниловѣ монастырѣ ему поднесли образъ и хлѣбъ. Въ село Коломенское государь прислалъ патріарху въ подарокъ отъ себя на 400 рублей соболями. На Угрѣшѣ ему поднесенъ былъ образъ въ серебряной ризѣ, хлѣбъ и рыба. Въ Коломнѣ тамошній епископъ поднесъ

Получая постоянно отъ государя, членовъ царской семьи, архіереевъ, настоятелей монастырей, бояръ и другихъ лицъ богатые подарки, въ общемъ на огромную сумму, патріархи,

---

патріарху: образъ въ серебряной ризѣ, кубокъ серебряный золоченый съ крышкою, камку вишневую, атласъ зеленый и 5 золотыхъ; городскіе жители поднесли ему хлѣбъ и рыбу, а галутвинскій игуменъ образъ въ серебряной ризѣ и 5 ефимковъ. Въ Рязани архіепископъ поднесъ: образъ въ серебряной ризѣ, четки, кубокъ серебряный золоченый съ крышкою, атласъ лазоревый, камку зеленую, 50 золотыхъ, сорокъ соболей и кресла, обитыя золотою кожею; горожане поднесли хлѣбъ и рыбу. 19-го іюня патріарху Макарію дѣлали подношенія архимандриты и игумены монастырей Переславля Рязанскаго. Одинъ архимандритъ поднесъ патріарху образъ въ серебряной ризѣ, 10 золотыхъ и камку лазоревую; другой: тоже образъ въ серебряномъ окладѣ, 10 золотыхъ и камку лазоревую; третій—игуменъ: образъ въ серебряной ризѣ, 10 золотыхъ и камку лазоревую; четвертый—игуменъ: образъ въ серебряномъ окладѣ и 5 золотыхъ; еще одинъ игуменъ: образъ въ серебряномъ окладѣ и 6 золотыхъ. Въ Касимовѣ и Муромѣ патріарху поднесли хлѣбъ и рыбу. Въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ тогда еще не было епископіи, патріарху при встрѣчѣ отъ архимандритовъ поднесено было: образъ въ серебряной ризѣ, камка зеленая и 10 золотыхъ; приходскіе священники поднесли патріарху атласъ зеленый, воевода—кубокъ серебряный золоченый и камку червчату, гость Шоринъ—кубокъ серебряный золоченый съ крышкою, народъ—хлѣбъ, рыбу, двѣ пары соболей и объярь червчатую. При отъѣздѣ архимандритъ Печерскаго монастыря поднесъ патріарху: образъ обложенный серебромъ, объярь червчатую, камку зеленую и 10 золотыхъ. Въ монастырѣ Макарія Желтоводскаго Макарія встрѣтилъ жившій тамъ бывшій сибирскій архіепископъ Симеонъ, который въ кельѣ умывалъ ноги патріарху и поднесъ ему 3 золотыхъ, а архимандритъ поднесъ: образъ въ серебряномъ окладѣ, атласъ и камку зеленые и 10 золотыхъ. Въ Казани, 12 іюля, митрополитъ поднесъ патріарху: образъ въ серебряной ризѣ, кубокъ серебряный золоченый съ крышкою, бархатъ алый гладкій, атласъ лазоревый, камку зеленую, денегъ 50 рублей и 50 золотыхъ. Настоятели монастырей поднесли: четыре образа, обложенные серебромъ, атласъ зеленый, объярь вишневую, атласъ цвѣтной; посадскіе люди: хлѣбъ, 20 золотыхъ и сорокъ соболей; воевода Трубецкой: кубокъ серебряный золоченый, атласъ вишневый и камку зеленую. 17 іюля, когда патріархъ еще находился въ Казани, отъ государя прислано было кормовыхъ денегъ на іюль мѣсяцъ патріарху и его свитѣ 70 рублей 19 алтынъ. Въ Самарѣ, Саратовѣ, Царицынѣ патріарху подносили хлѣбъ и рыбу. Въ Астрахани митрополитъ поднесъ патріарху: образъ, обложенный серебромъ, кубокъ серебряный золоченый съ крышкою, атласъ зеленый и 50 рублей денегъ. Въ другой разъ, послѣ патріаршей службы въ соборѣ митрополитъ поднесъ патріарху: образъ, обложенный серебромъ, атласъ червчатый и денегъ 50 рублей. (Гиб. II, 397—416).

находясь въ Москвѣ, не пренебрегали и другими способами наживы. Патріархамъ и всей ихъ свитѣ отпускалось отъ правительства полное содержаніе и продуктами и деньгами. Такъ, когда патріархи изъ Астрахани ѣхали въ Москву, имъ отпущено было припасовъ: вина церковнаго 10 ведеръ, вина двойнаго 10 ведеръ, простаго вина 30 ведеръ, медовъ паточнаго да варенаго по 20 ведеръ, расхожего 75 ведеръ, пива 235 ведеръ, квасу 100 ведеръ. Соотвѣтственно этому количеству питій послано было и огромное количество разныхъ явствъ: хлѣбовъ и калачей, рыбы красныя и ушныя, раки, огурцы, лукъ, чеснокъ, яйца и т. под. Въ Москвѣ патріархамъ лично полагалось на день: по рублю, да на свѣчи восковыя по 10 денегъ, на сальныя по 4 деньги. Питья: по 5 кружекъ меду, по 6 кружекъ пива, по ведру квасу ячнаго на день. Каждому члену патріаршей свиты продовольствіе полагалось отдѣльно, смотря по его рангу. Понятно, что сами патріархи не могли потребить всѣхъ тѣхъ продуктовъ, которые имъ отпускались на каждый день, тѣмъ болѣе что во время пути, напримѣръ, они часто останавливались въ монастыряхъ, гдѣ ихъ и свиту содержали на счетъ принимавшихъ ихъ монастырей, а въ городахъ жители подносили имъ хлѣбъ и рыбу, мѣстные архіереи принимали ихъ у себя и давали имъ все необходимое содержаніе. Въ Москвѣ ихъ нерѣдко приглашалъ къ своему столу государь, или посылалъ имъ кушанья съ своего стола; то же дѣлали и другія лица. Весь излишекъ получаемыхъ продуктовъ патріархи, конечно, продавали, а отпускаемыя имъ на содержаніе суточныя деньги цѣликомъ оставались у нихъ неизрасходованными. Понятно, что содержаніе патріарховъ и ихъ свиты стоило нашему правительству очень дорого [1]).

---

[1]) Что издержки нашего правительства на патріарховъ были велики, объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ самъ александрійскій патріархъ Паисій, который подалъ государю слѣдующаго содержанія грамоту:

„Благочестивѣйшій и боговѣнчанный великій государь царь, присный августъ и великій князь, господинъ, господинъ Алексій Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержче, сыне во святомъ Дусѣ возлюбленне нашего умиренія, Бога молимъ о державѣ святаго вашего царства, яко да благословитъ и утвердитъ и да возраститъ иже въ Троицы славимый Господь Богъ ваше православное царство, царствующе во всѣхъ родѣхъ благочестивыхъ христіянъ, царство твое и

Патріархи получали еще значительныя денежныя выгоды отъ сопровождавшей ихъ свиты. Дѣлалось это такимъ образомъ: патріархи всячески старались набрать для себя многочисленную свиту, не только изъ духовныхъ лицъ, но и изъ свѣтскихъ. Духовныя лица, часто набиравшіяся изъ людей

благородныя чада ваша и чада чадъ вашихъ во вѣки, пріемлюще благословеніе. Молимъ и мы, да дастъ Господь Богъ Спаситель І. Христосъ боговѣнчанному вашему царству съ благородными чадами вашими государи и великими князьми Алексіемъ и Θеодоромъ, Симеономъ и Іоанномъ Алексѣевичи—аминь.

„Многажды восхотѣхомъ извѣстити боговѣнчанному и святому вашему царству путешествіе наше отъ Египта, во еже мнимъ ничесого, еже не вѣси, обаче зане невозмогохомъ наединѣ сказати святому царству вашему, или чрезъ вѣрнаго переводчика, да дадимъ чрезъ писаніе боговѣнчанному вашему царству, яко да не покажетъ кто писаніе и число, *яже сотвори ради насъ безчисленную проторь и будутъ стужать боговѣнчанному вашему царству, или иного коего.* Яко пріиде іеродіаконъ Мелетій къ намъ и како изыдохомъ изъ Египта по морю въ Триполь, и въ Хампы, Месопотамію и во весь востокъ, во Издріомъ и до Тифлизъ, у пашей, и въ наемъ, и въ пошлинахъ, и во иныхъ нужныхъ потребахъ, откупахъ главы нашея отъ нечестивыхъ понужныхъ мѣстахъ, и корму намъ и скоту нашему, и Мелетія и трехъ челядниковъ его, и четыремъ лошадемъ,—все нашими проторьми откупалися до Тифлизъ. И, по росписи, что, повелѣніемъ нашимъ, писалъ нашъ человѣкъ всякій проторь, пять тысячъ талерей слишкомъ пошло, опричь того, что и наши люди испроторилися ради долготы путныя. А отъ Тифлизъ Мелетій за себя и за своихъ людей и лошадей харчь учинилъ отъ себя до Шемахи, а мы и до Шемахи своимъ харчемъ дошли, а въ Шемахи намъ своего харчу не стало ничево и въ Шемахи далъ намъ Мелетій двѣсте пятьдесятъ рублевъ, и людемъ нашимъ давалъ 12 рублевъ съ полтиною, и двадцать аршинъ сукна десяти человѣкамъ, по два аршина человѣку. А отъ Шемахи онъ, Мелетій, сотвори проторь отъ себе за насъ, дондеже пріидохомъ на берегъ моря и по морю и по водѣ, дондеже пріидохомъ къ царствующему и великому граду Москвѣ,—обаче рыбы и иные многіе потребы отъ Астрахани и по прочихъ градѣхъ отъ воеводъ было намъ довольно. Сіе убо изъявляемъ боговѣнчанному и святому вашему царству, чтобъ вѣдомо было о нашемъ харчи, что учинилося въ пути. Благодать же всесвятаго Духа, миръ и благословеніе нашего умеренія буди съ боговѣнчаннымъ и святымъ царствомъ вашимъ въ безконечные вѣки, аминь". (Греческія грамaты на славянскомъ языкѣ, 1666 г., Декабрь, въ Большомъ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Такимъ образомъ александрійскій патріархъ Паисій, представляя государю счетъ своихъ расходовъ въ пути отъ Египта до русскихъ предѣловъ, признаетъ, что царь „сотвори ради насъ безчисленную проторь", признаетъ, что за это „будутъ стужать боговѣнчанному вашему царству".

случайныхъ, получали при патріархахъ титулы патріаршихъ: архимандрита, эконома, казначея, ризничаго, протосингела, игумена, архидіакона, просто дьякона и т. под. Каждое изъ этихъ лицъ, вошедшее въ составъ патріаршей свиты, получало и на пути въ Москву и обратно и въ самой Москвѣ не только казенныя подводы и полное казенное опредѣленное содержаніе, но и подарки отъ государя и другихъ лицъ, привозило обыкновенно съ собою разные священные предметы, за подношеніе которыхъ и правительствомъ и другими лицами давалась подносителямъ особая плата. Кромѣ того, они привозили съ собою нѣкоторые товары, которые выгодно продавались въ Москвѣ. Отъ всего получаемаго члены патріаршей свиты должны были извѣстную часть отдавать патріарху, подъ флагомъ котораго они пріѣзжали въ Москву. Но особенно выгодна была для патріарховъ вторая группа ихъ свиты—мірская. Ее составляли такъ называемые „племянники“ и вообще родственники патріарховъ и разныя необходимыя въ пути лица. Эти патріаршіе племянники, родственники и служилыя лица въ дѣйствительности были обыкновенными греческими купцами, которые запасались нужными товарами для продажи ихъ въ Москвѣ. Въ качествѣ патріаршихъ племянниковъ и служилыхъ патріаршихъ людей, эти купцы безпошлинно провозили свои товары чрезъ русскую границу, на казенныхъ подводахъ, при полномъ казенномъ содержаніи, привозили ихъ въ Москву, гдѣ выгодно ихъ распродавали, получая въ прибавку, какъ родственники патріарховъ, подарки отъ государя. Проживая въ Москвѣ, они пріобрѣтали здѣсь разные русскіе товары, и опять на казенныхъ подводахъ, при полномъ казенномъ содержаніи, безпошлинно провозили ихъ чрезъ границу, и за границей распродавали ихъ, гдѣ находили болѣе выгоднымъ. Этимъ объясняется, почему патріархи, направляясь, при своемъ пріѣздѣ, съ Волги въ Москву сухимъ путемъ, потребовали для себя 400 подводъ. Понятно, что патріархи принимали въ свою свиту купцовъ, провозили ихъ съ товарами на казенный счетъ отъ границы до Москвы и обратно, не даромъ, за все это они получали съ купцовъ приличное вознагражденіе. Вѣроятно бывало и такъ, что сами патріархи участвовали въ торговыхъ предпріятіяхъ сопровождавшихъ ихъ купцовъ какъ непосредственные пайщики. По крайней

мѣрѣ въ тогдашнихъ документахъ сохранились указанія на то, что патріархи брали съ греческихъ купцовъ кабалы (письменныя денежныя обязательства, соотвѣтствующія нынѣшнимъ векселямъ), сами давали имъ такія же кабалы, хлопотали предъ государемъ за однихъ купцовъ, обвиняли въ недобросовѣстности другихъ, и вообще въ денежныхъ сдѣлкахъ и обязательствахъ греческихъ купцовъ играли очень замѣтную и активную роль. А что патріархи, проживая въ Москвѣ, и на свой только страхъ вели торговыя операціи, это съ несомнѣнностію можно сказать по крайней мѣрѣ объ антіохійскомъ патріархѣ Макаріи. Выѣхавъ изъ Москвы на родину и достигнувъ Касимова, Макарій пишетъ государю: „посланъ отъ насъ, по твоему государеву указу, въ Польшу старецъ Ѳеоклитъ съ двумя человѣки, да третій толмачъ—Григорій Усачъ, за нашими дѣлы, къ бывшему мультянскому владѣтелю Константину воеводѣ, но по сіе время отъ нихъ къ намъ никакой вѣдомости нѣтъ. А нынѣ мы опасаемся, какъ они провѣдаютъ, что я, богомолецъ твой, съ Москвы съѣхалъ, чтобы не прельстились дьявольскимъ навожденіемъ и не учинили бы какого лукаваго дѣла, чтобъ тамъ не остались, или куда либо въ другое мѣсто не отъѣхали, такъ какъ, кромѣ дѣла, что у Константина воеводы, *отдали мы имъ, старцу съ товарищи, нѣкоторыя вещи продать въ тамошней странѣ*, и чаяли, что они возвратятся, покамѣстъ мы на Москвѣ будемъ. Потомъ милости прошу у вашего царскаго величества, чтобъ велѣлъ отписать объ нихъ въ Смоленскъ воеводѣ, а воевода чтобы объ нихъ провѣдалъ и прислалъ бы ихъ къ Москвѣ тебѣ, великому государю, безъ мѣшкоты, а съ Москвы вели ихъ, государь, прислать къ намъ безъ замедленія со всякими вещами, какія у нихъ будутъ“ [1]).

Такимъ образомъ патріархи получили въ Москвѣ огромныя суммы и непосредственно отъ царя и членовъ царской семьи, и отъ разныхъ духовныхъ и мірскихъ лицъ, и отъ сдѣлокъ съ членами своей свиты и греческими купцами, и отъ собственныхъ торговыхъ операцій, такъ что ихъ пребываніе въ Москвѣ въ денежномъ отношеніи несомнѣнно было очень тяжело для нашего правительства, тѣмъ болѣе, что

---

[1]) Гиб. II, 408—409.

оно отправляя, напримѣръ, особое посольство въ Турцію, чтобы звать патріарховъ въ Москву и потомъ особое посольство, ради возстановленія патріарховъ на ихъ престолахъ, тратило на это дѣло большія суммы, такъ какъ кромѣ непосредственныхъ тратъ на самое посольство, приходилось еще посылать съ послами дары разнымъ лицамъ, которыя принимали такъ или иначе участіе въ дѣлѣ и могли содѣйствовать его благополучному исходу. И, конечно, наше правительство вздохнуло свободно, когда патріархи оставили Москву и направились домой, повидимому матеріально вполнѣ удовлетворенные. Но въ дѣйствительности оказалось не то. Оставивъ Москву, патріархи снова обращаются къ государю съ просьбами устроить разныя ихъ дѣлишки и еще и еще давать имъ милостыню.

Александрійскій патріархъ Паисій, отправившійся изъ Москвы 4 іюня 1669 года, до своего отъѣзда изъ Москвы подалъ государю челобитную, въ которой заявлялъ: „какъ де онъ, по изволенію царскаго величества, поѣхалъ къ его царскому величеству къ Москвѣ, послѣ де ево учиненъ на ево престолѣ патріархомъ Іоакимъ патріархъ, и той де Іоакимъ патріархъ престолъ-де ево въ крѣпости заложилъ турскому султану въ 15000 ефимковъ. А великаго государя послы, Аѳанасей Нестеровъ и дьякъ царегородскаго патріарха граматы къ нему, александрійскому патріарху, не взяли, чтобъ ему тѣхъ долговъ не платить, а платить бы тѣ долги Іоакиму патріарху, и чтобъ царское величество изволилъ послать къ царегородскому наскоро нарочнаго человѣка, чтобъ у царегородскаго къ нему, александрійскому, была взята грамата, чтобъ ему тѣхъ долговъ не платить, а платить тѣ долги Іоакиму патріарху“. Эта просьба патріарха Паисія была исполнена государемъ, по приказу котораго константинопольскіе наши послы выхлопотали у султана фирманъ, чтобы всѣ долги патріаршаго александрійскаго престола платить не Паисію, а бывшему Іоакиму патріарху. Уѣзжая изъ Москвы патріархъ Паисій проситъ государя дать жалованную грамату александрійскому патріаршему престолу: приходить въ Москву чрезъ три года за милостынею ради великихъ обидъ и насилій отъ нечестивыхъ агарянъ. Еще проситъ патріархъ, чтобы выданы были жалованныя граматы египетскимъ монастырямъ: великомученика

Георгія въ Каирѣ и преп. Саввы въ Александріи, дабы они благонадежно могли прибѣгать къ неизреченной милости царской, ибо они имѣютъ многіе налоги и нужды отъ нечестивыхъ, а всѣ живущіе тамъ отцы будутъ молить Бога о здравіи царя. Эти ходатайства Паисія были исполнены государемъ. Паисію дана была жалованная грамата съ правомъ присылать отъ его престола въ Москву чрезъ каждые три года за милостынею, причемъ грамата выдана была съ золотою печатью, на которую ассигновывалось сто рублей. Двумъ патріаршимъ монастырямъ даны были жалованныя граматы съ правомъ пріѣзжать въ Москву за милостынею чрезъ шесть лѣтъ. Патріархъ просилъ посмотрѣть эти граматы и ходатайствовалъ, чтобы въ нихъ было обозначено, сколько именно будетъ выдаваться милостыни посланнымъ и чтобы имъ дано было право являться въ Москву за милостынею не чрезъ шесть, а чрезъ три года. Эти ходатайства патріарха были удовлетворены.—При своемъ возвращеніи изъ Москвы, изъ Карачева, отъ 4-го августа, патріархъ Паисій проситъ государя дать патріаршему посланному Леонтію побольше милостыни, такъ какъ Леонтій, ради патріаршихъ дѣлъ, издержался на 300 рублей, а ему данъ только одинъ сорокъ соболей, себѣ же патріархъ проситъ государя прислать три пуда рыбьяго зуба, а общему работнику—греческому иверскому архимандриту Діонисію выслать царское жалованье и, затѣмъ, еще проситъ: освободить отъ правежа бѣдныхъ заключенныхъ въ посольскомъ приказѣ грековъ и отпустить ихъ къ нему, патріарху, въ Кіевъ. 9-го сентября Паисій въ письмѣ благодаритъ государя за присланное ему царское жалованье—соболи и рыбій зубъ (слоновая кость) и пишетъ еще, что бояринъ и воевода П. В. Шереметьевъ взялъ взаймы, подъ свою росписку, на государево дѣло, 160 рублей у Кіевскаго мѣщанина Ѳодора Титова, котораго убили татары, и послѣ него осталась жена въ крайней бѣдности, почему патріархъ и проситъ, чтобы ей возвратили деньги изъ государевой казны въ Кіевѣ [1]).

Патріархъ Паисій благополучно прибылъ въ Александрію и занялъ здѣсь, согласно фирману султана, свой патріаршій престолъ. Но скоро здѣсь, по какимъ-то коммерческимъ

---

[1]) Греческія дѣла 7177 г. №№ 27, 28, 29.

сдѣлкамъ, надъ нимъ стряслась большая бѣда. Самъ патріархъ Паисій въ особой граматѣ государю, сообщаетъ объ этомъ, что, по повелѣнію султана, „привезенъ есмь, узами желѣзными обвязанъ, въ Адріанополь, по подобію Павла апостола, по оклеветанію безбожнаго Архипа, еже нынѣ дьяволомъ пребываетъ, отрекся бо нашей непорочной вѣры, (и привезены, да будемъ судитися съ нимъ предъ праведнымъ судомъ великаго нашего царя)—о которомъ это многихъ слышало святое царство твое, а наипаче отъ Мануйла, яко онъ беззаконный глаголетъ и ищетъ 70,000 золотыхъ и многихъ драгихъ запонъ, которымъ вещемъ мы не виноваты есмы, и не видали и не слыхали. И держатъ нынѣ насъ въ великомъ береженьи, обаче прежде пришествія нашего вседержитель Богъ и высокоуміе величайшаго нашего царя и мудрость и правосудіе вельможнаго визиря сотворили ему праведное отмщеніе: и ради нѣкакой скверной вины посаженъ на каторгу. По пришествіи же нашемъ мудрѣйшій визирь глаголалъ намъ, яко аще онъ, лукавый, не пріидетъ, предстояти тебѣ на судѣ невозможно. И абіе послалъ привести (Архипа), судитися съ нимъ намъ, невиноватымъ. О горе, кто не будетъ плакать о насъ! О горе, кто слыша, кто да не будетъ дивитися о такой неправедной на насъ клеветѣ, еже сотвориша лукавый человѣкъ! Елико страдалъ, державнѣйшій царю, азъ отецъ твой и стражду, кто иной претерпѣлъ,—и старые святые не терпѣша! Писати по единомъ нѣсть ми времени и смѣю глаголати яко вторый Павелъ и вторый Іевъ,—ей, ей, клянуся царствію твоему, яко не лгу“. Затѣмъ Паисій извѣщаетъ государя, что такъ какъ онъ былъ арестованъ и ничего не имѣлъ при себѣ, а между тѣмъ расходы для него и всякія траты были необходимы, то онъ и далъ на себя кабалу греку Ивану Репетѣ въ 1500 талеровъ. Теперь этотъ грекъ отправился съ кабалою къ Москву и потому патріархъ проситъ государя „распростерть милосердія своего руку и сіи деньги дати (Ивану). Ащежъ, пишетъ патріархъ, являемся тяжкіи, но обаче гдѣ къ иному прибѣгати въ сей неправедной клеветѣ, но къ твоей великой милости, еже жаловалъ насъ ты, великій государь. Богъ вѣдаетъ: все отдали и свободили отъ долгу престолъ нашъ и пребываемъ нынѣ обнажены и безъ насыщенія хлѣба“ [1]).

[1]) Эта грамата патріарха Паисія напечатана въ приложеніи.

жаловался на свою скудость, на тѣ великіе протори и убытки, какіе онъ терпитъ на возвратномъ пути изъ Москвы, и антіохійскій патріархъ Макарій и потому снова проситъ государя помочь ему. Еще изъ Нижняго Новгорода Макарій писалъ царю, что отъ него къ нему, Макарію, было жалованное слово великаго государя о дарованіи мѣстныхъ иконъ, но никакаго извѣстія о нихъ онъ доселѣ не получилъ, о чемъ сильно печалится. Отъ 24 февраля 1669 года Макарій писалъ государю съ Кавказа: „пребываю въ Иверской землѣ, ожидая отъ вашего царскаго величества салтановой грамоты, и за тѣмъ ожиданіемъ во многихъ проторяхъ живу, понеже мнѣ невозможно къ своему престолу безъ салтановой грамоты ѣхать, и сего ради молю ваше царское величество, чтобы вы, великій государь, меня, богомольца своего, пожаловалъ: велѣлъ салтанову грамоту прислать ко мнѣ вскорѣ". Затѣмъ патріархъ молитъ государя о нѣкоемъ турчанинѣ, который былъ въ Москвѣ и далъ ему, патріарху, заемную кабалу на Милославскаго, каковую кабалу патріархъ передалъ ему, государю, и получилъ тогда завѣреніе, что деньги по этой кабалѣ будутъ уплачены. Теперь турчанинъ требуетъ отъ патріарха или деньги или кабалу, почему патріархъ и проситъ государя послать тѣ деньги турчанину, въ противномъ случаѣ, увѣряетъ патріархъ, мнѣ недоѣхать до своего престола. Въ то же время патріархъ прислалъ особое письмо къ боярину Матвѣеву, въ которомъ писалъ, что только одинъ Господь Богъ вѣдаетъ сколько скорбей онъ имѣлъ и сейчасъ имѣетъ, и что его въ скорбяхъ нѣсколько утѣшила милостыня, присланная государемъ и султанская грамата о безпрепятственномъ возвращеніи его на свой патріаршій престолъ. Сообщаетъ, что до него дошли вѣсти о смерти царицы Маріи Ильиничны, о чемъ онъ много скорбѣлъ началъ творить по ней сорокадневную службу. Затѣмъ патріархъ пишетъ Матвѣеву: „сынъ мой благословенный! Прошу пречестность твою, да помянешъ самодержавному царю, чтобы меня, богомольца вашего, не забылъ, но какъ миловалъ нашего брата, александрійскаго, да помилуетъ и насъ: хотя часть невеликую милостыни, какъ ему Богъ повелитъ, для душевнаго спасенія царицы, ибо престолъ нашъ весьма убогъ". Патріархъ жалуется далѣе, что тамъ, гдѣ они теперь находятся т. е. въ Иверской землѣ, онъ

терпитъ великіе убытки. Въ Шемахѣ пришлось одарять великими дарами хана, его сына и ханскихъ бояръ. Патріархъ хотѣлъ было продать „за добрую цѣну“ соболи, пожалованные государемъ, но ханъ отобралъ отъ него соболи и, позвавъ къ себѣ торговыхъ людей, велѣлъ имъ оцѣнить соболи, какъ хотѣлось хану и оцѣнщики, согласно желанію хана, оцѣнили соболи на 3000 менѣе, нежели ихъ цѣнили въ Москвѣ. Но и по этой малой оцѣнкѣ ханъ не далъ денегъ патріарху, а велѣлъ ему готовиться ѣхать къ самому шаху. А я, пишетъ патріархъ, устрашившись того, чтобы не было услышано мое имя у турскаго султана,—что я хожу съ царства на царство и чтобы турки не сказали, что антіохійскій патріархъ былъ у московскаго царя, а нынѣ царь съ Москвы послалъ его къ шаху и совѣтуетъ съ ними, чтобы крѣпость учинить и возстать на турокъ,—по сей боязни я продалъ тѣ соболи по той цѣнѣ“, но денегъ пока не получилъ „и имѣю убытковъ отъ соболей и отъ вещей болѣе нежели на 10,000“. Всякій день приходятъ посланники отъ престола моего и намѣстники пишутъ, отъ чего такъ долго не прихожу, а я о томъ думаю, что отъ долговъ престола моего стало росту—свыше головы. Я же не имѣю иного предстателя, какъ вашу пресвѣтлость, а потому молю, какъ и прежде не оставляли, такъ и нынѣ молю, ради многолѣтнаго вашего здравія и памяти твоихъ родителей, когда обрящешь въ добрый часъ державнаго миролюбца, напоминай обо всемъ и извѣсти, ибо и прежде писалъ я, но отвѣта не было“. Государь послалъ патріарху Макарію грамату, въ которой, между прочимъ, извѣщаетъ его о кончинѣ царицы и проситъ молиться за нея. Получивъ эту грамату Макарій пишетъ царю: „со многою надеждою молю великаго твоего царствія, какъ пожаловалъ еси брата нашего, святѣйшаго александрійскаго патріарха о душевномъ спасеніи царицы, тако и насъ не презри, богомольцовъ своихъ, но помилуй насъ бѣдныхъ, яко пострадали есмы въ великихъ убыткахъ во странахъ персидскихъ,—тако прошу великаго твоего царствія, да учиниши милость для блаженные памяти души благовѣрные царицы и для душевнаго спасенія родителей своихъ“ [1]).

[1]) Греческія дѣла 7177 г. № 21. 7178 г. № 47.

Но назойливыя выпрашиванія патріарха Макарія все новой и новой милости у государя этимъ не кончились. 20-го мая 1671 года прибылъ чрезъ Кіевъ въ Москву посланный патріарха Макарія митрополитъ Тира и Сидона Нектарій. Кіевскіе воеводы не хотѣли было пропускать его въ Москву, такъ какъ по царской жалованной граматѣ въ Москву за милостынею долженъ былъ пріѣзжать отъ патріарха архимандритъ, а не митрополитъ, да къ тому же онъ и пріѣхалъ не въ тотъ срокъ, какой назначенъ въ граматѣ. Тогда митрополитъ Нектарій заявилъ, что онъ ѣдетъ по царскому дѣлу, почему его и пропустили въ Москву. Но въ Москвѣ Нектарій показалъ, что никакимъ государевыхъ дѣлъ съ нимъ нѣтъ, а сказалъ такъ Кіевскимъ воеводамъ потому, что не зналъ русскихъ обычаевъ и что прошло уже 10 мѣсяцевъ, какъ его отпустилъ отъ себя патріархъ. Съ митрополитомъ Нектаріемъ патріархъ Макарій прислалъ государю грамату, въ которой извѣщалъ, что дорогою при своемъ возвращеніи изъ Москвы, онъ потерялъ все, что получилъ въ Москвѣ отъ государя. Въ городѣ Шемахѣ „взяли у насъ всѣ соболи половинною цѣною, и вмѣсто денегъ давали шелкъ по двойной цѣнѣ, и изъ сего шелку держали цѣлый годъ въ грузинской землѣ, и все тамъ утратили, что было милости царской. А какъ пріѣхалъ въ турскую землю, поймалъ насъ паша и мытникъ и взялъ въ городѣ Арзрумѣ 2000 ефимковъ, кромѣ того, что роздали начальникамъ и судьямъ, такъ что пока доѣхалъ къ престолу своему въ Дамаскъ, задолжалъ 7000 ефимковъ“. Въ отвѣтъ на эту патріаршую грамату, государь писалъ Макарію, выписавъ сначала все содержаніе его граматы: „мы, великій государь, наше царское величество, о такомъ вашего блаженства бѣдствѣ и убыткахъ не помалу поскорбѣли. При семъ буди же вѣдомо вашему блаженству о государствахъ нашего царскаго величества, понеже и мы, великій государь, наше царское величество, безчисленное нашего царскаго величества жалованье роздали нашимъ царскаго величества великимъ войскамъ, также и на искупленіе плѣнныхъ. Однакожъ мы великій государь, наше царское величество, съ христіянскаго нашего государскаго милосердія, послали къ вашему блаженству нашей царскаго величества милостыни

триста золотыхъ червонныхъ, да соболей на семьсотъ рублевъ съ тѣмъ вышепомянутымъ митрополитомъ“ [1]).

Понятно, что указанныя довольно безцеремонныя требованія двухъ бывшихъ въ Москвѣ восточныхъ патріарховъ, чтобы царь постоянно заботился объ ихъ матеріальномъ благополучіи и процвѣтаніи и послѣ того, какъ они оставили Москву и вывезли изъ нея огромныя суммы, чтобы царь присылалъ имъ богатую милостыню и на будущее время, такъ какъ они будто бы потеряли все, что въ Москвѣ получили отъ царя и потому живутъ теперь въ бѣдности и всякой скудости, необходимо производило на московское правительство очень тяжелое и непріятное впечатлѣніе. Оно не могло не понять, что служитъ предметомъ самой беззастѣнчивой эксплоатаціи со стороны бывшихъ въ Москвѣ восточныхъ патріарховъ, которые въ отношеніи къ московскому правительству руководствуются чисто интересами наживы, только о томъ и заботятся, какъ бы еще и еще побольше получить отъ него. Даже тишайшій и благочестивѣйшій Алексѣй Михаиловичъ не удержался отъ того, чтобы въ своей отвѣтной граматѣ не замѣтить своему богомольцу, антіохійскому патріарху Макарію, что его требованія отъ царя новыхъ денежныхъ дачъ чрезмѣрны и не вполнѣ деликатны, такъ какъ царская казна предназначена вовсе не на удовлетвореніе только безмѣрныхъ патріаршихъ требованій о дачѣ денегъ, но и на разныя государственныя нужды.

Кромѣ двухъ восточныхъ патріарховъ самую дѣятельную роль на соборѣ 1667 года, и особенно въ осужденіи Никона, сыгралъ газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, сдѣлавшійся заклятымъ врагомъ Никона и всячески добивавшійся его конечнаго низверженія. Съ своей стороны и Никонъ не оставался въ долгу, а всюду и постоянно заявлялъ, что Лигаридъ не настоящій архіерей, а запрещенный, что онъ папистъ и что онъ не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ русскія церковныя дѣла, играть въ нихъ активную руководящую роль, такъ какъ слѣдствія такого положенія дѣлъ для русской церкви были самыя гибельныя. Въ граматѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію Никонъ пишетъ: „и повелѣ (царь) совѣтомъ своимъ быть собору, и на соборѣ

---

[1]) Греческія дѣла 7179 г. № 25.

повелѣ быти предсѣдателемъ газскому митрополиту Паисію Легариду. И въ томъ соборѣ совѣтоваша и сотвориша Крутицкаго митрополита Питирима, благословеніемъ газскаго митрополита Паисія Легарида, въ Новъградъ, въ первую митрополію россійскую, поправше божественный законъ, якоже вѣсте и пресвятость ваша, яко отъ мѣста на мѣсто да не премѣняется архіерей. И ему и первая епархія съ нуждею достиже. И на мѣсто его поставиша Павла, архимандрита чудовскаго, митрополитомъ, и иныхъ епископовъ ко инымъ епархіямъ многимъ. И отъ сего беззаконнаго собора преста на Руси соединеніе святыя восточныя церкви, и отъ благословенія вашего (отлучишася)“ [1]).

По поводу обвиненій Никономъ Лигарида наше правительство производило особое разслѣдованіе и нашло, что обвиненія Никона несправедливы и что Лигаридъ православенъ. Въ дѣяніяхъ о соборномъ судѣ надъ Никономъ говорится: „вселенскимъ патріархомъ Павелъ, митрополитъ сарскій и подонскій, поднесъ сыскное дѣло о газскомъ митрополитѣ Паисіи, что онъ православенъ. И святѣйшіе патріархи то дѣло у митрополита приняли“. Но Никонъ не отказался и на соборѣ отъ своихъ обвиненій противъ Лигарида. Когда восточные патріархи въ виду заявленія Никона константинопольскому патріарху Діонисію, что русская церковь, ради Лигарида, отлучилась отъ единенія съ православною восточною церковію, спросили Никона: „чѣмъ отъ соборныя церкви отлучились? Никонъ сказалъ: отлучились де отъ соборныя церкви и отъ благословенія святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ для того, что газскій митрополитъ Паисій Питирима митрополита перевелъ отъ митрополіи въ другую митрополію, а на его мѣсто поставилъ иного митрополита, да и иныхъ де архіереевъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ же, а ему де того дѣлать не довелося, потому что онъ отъ еросалимскаго патріарха отлученъ и проклятъ. А хотябъ де онъ, газскій митрополитъ, и не еретикъ былъ, и ему де на Москвѣ долго быть не для чего, я де его за митрополита не ставлю, у него де и ставленные грамоты на свидѣтельство нѣтъ, и мужикъ де наложитъ на себя мантію, и онъ де та-

---

[1]) Зап. рус. археол. общ. II, 525—526.

ковъ же митрополитъ. То де онъ писалъ все про него, газскаго митрополита, а не о православныхъ христіянехъ".

Горячимъ защитникомъ Паисія Лигарида на соборѣ явился самъ царь Алексѣй Михайловичъ. Онъ заявлялъ: „а газской де митрополитъ на Москвѣ у престола Господня принесъ клятву, что онъ живетъ истинно, и отецъ духовный, архангельскій митрополитъ, въ томъ его свидѣтельствовалъ, и грамота у него поставленная есть и свидѣтельствована, а отлученіи ево отъ еросалимскаго патріарха грамоты не бывало. А на соборѣ предсѣдателемъ онъ, Паисій, не бывалъ и намѣстникомъ отъ вселенскихъ патріарховъ не назывался". Къ этому государь еще прибавилъ: „а газскій-де митрополитъ служилъ нынѣ за свидѣтельствомъ отца своего духовнаго до разсужденія святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ и всего собору". Съ своей стороны и антіохійскій патріархъ Макарій заявилъ собору: что „газскій митрополитъ водьяконы и въ попы ставленъ во іеросалимѣ, а не въ Римѣ, про то де онъ, антіохійскій патріархъ, вѣдаетъ подлинно" [1]).

Понятно само собою, что бывшіе въ Москвѣ восточные патріархи, вмѣстѣ со всѣмъ соборомъ, признали Паисія Лигарида вполнѣ православнымъ человѣкомъ и настоящимъ законнымъ архіереемъ, почему Паисій присутствовалъ на всѣхъ соборныхъ засѣданіяхъ, игралъ на нихъ очень видную активную роль и былъ допущенъ къ участію во всѣхъ церковныхъ богослуженіяхъ какъ истинный православный архіерей. Съ своей стороны Лигаридъ, увѣренный въ полномъ расположеніи къ нему царя, патріарховъ и всѣхъ русскихъ архіереевъ, дѣйствовалъ и на соборѣ по прежнему: самоувѣренно, съ величайшимъ апломбомъ, какъ очень ученый, многознающій и вполнѣ авторитетный совѣтникъ и руководитель правительства въ церковныхъ дѣлахъ,—прежняго страха, какой онъ проявилъ было предъ пріѣздомъ въ Москву восточныхъ патріарховъ, теперь какъ не бывало.

Но вотъ 29 іюля 1669 года въ Москвѣ получена была грамата іерусалимскаго патріарха Нектарія, въ которой онъ писалъ государю о Паисіѣ Лигаридѣ, что тотъ былъ отлученъ и проклятъ еще его предшественникомъ, патріархомъ іерусалимскимъ Паисіемъ, о чемъ была послана вѣсть и але-

---

1) Гиб. II, 1018—1019, 1052—1053, 1069.

ксандрійскому патріарху Паисію, потому что Лигаридъ въ то время служилъ въ волошской землѣ, гдѣ тогда находился и александрійскій патріархъ. Когда Нектарій сдѣлался патріархомъ, то Лигаридъ не явился къ нему, какъ бы слѣдовало, не представилъ своихъ грамотъ, а уѣхалъ сначала въ волошскую, а потомъ въ черкасскую землю, „и тамъ писалъ грамоты ложныя съ чѣмъ пріити къ тебѣ, великому государю, а что въ тѣхъ грамотахъ писалъ, мы того не вѣдаемъ, а кто тѣ грамоты ему въ черкасскихъ городѣхъ писалъ, тотъ нынѣ человѣкъ у насъ, а у него онъ былъ архимандритомъ, имя ему Леонтій". Далѣе патріархъ Нектарій извѣщаетъ государя, что полученныя имъ отъ царя деньги на уплату епархіальныхъ долговъ Лигаридъ отослалъ съ своимъ племянникомъ на свою родину—островъ Хіосъ, а вовсе не въ епархію, которую онъ бросилъ уже четырнадцать лѣтъ тому назадъ. „Даемъ подлинную вѣдомость, пишетъ патріархъ Нектарій царю, что онъ (Лигаридъ) отнюдь ни митрополитъ, ни архіерей, ни учитель, ни владыка, ни пастырь, потому что онъ столько лѣтъ отсталъ и по правиламъ святыхъ отецъ есть онъ подлинно отставленъ и всякаго архіерейскаго чину лишенъ, только имянуетца Паисѣй". Затѣмъ Нектарій указываетъ на то обстоятельство, что Лигаридъ „называется съ православными православнымъ", а „латыни свидѣтельствуютъ и называютъ его своимъ, и папа римскій емлетъ отъ него на всякій годъ по двѣсте ефимковъ" [1]).

Это говоритъ уже не Никонъ, а самъ іерусалимскій патріархъ, непосредственный начальникъ Паисія Лигарида. Теперь личность Лигарида стала ясна: это былъ лишенный сана архіерей-авантюристъ, который явился въ Москву съ подложными грамотами и, выдавая здѣсь себя за дѣйствительнаго газскаго митрополита, выпрашивая у царя милостыню для бѣдствующей своей паствы, дерзко и нагло обманывалъ царя, какъ относительно своей личности, такъ и употребленія тѣхъ денегъ, которыя онъ получалъ отъ царя на покрытіе долговъ своей мнимой епархіи. Но и этого мало. Являясь въ Москвѣ въ роли строгаго ревнителя православія, уставовъ и положеній православной церкви, Паисій въ дѣй-

---

1) Греческія дѣла 7176 г. № 22.

ствительности сильно подозрѣвался въ латинствѣ,—латынникомъ Паисія призналъ и его собственный іерусалимскій патріархъ, а затѣмъ и патріархъ константинопольскій. Крайне характерно и то обстоятельство, что александрійскій патріархъ Паисій прекрасно зналъ, что такое былъ Лигаридъ, такъ какъ о немъ ранѣе сообщилъ ему іерусалимскій патріархъ Нектарій, и однако въ Москвѣ на соборѣ не сказалъ объ этомъ ни слова, а призналъ Лигарида, вмѣстѣ съ другими, настоящимъ и православнымъ архіереемъ. Конечно и антіохійскій патріархъ Макарій тоже хорошо зналъ, кто такое въ дѣйствительности былъ Паисій Лигаридъ, но это не помѣшало ему открыто выступить на московскомъ соборѣ защитникомъ Лигарида и признать его дѣйствительнымъ православнымъ архіереемъ. Вѣроятно это дѣло обошлось Паисію Лигариду очень и очень недешево.

Послѣ разоблаченій, сдѣланныхъ относительно Паисія Лигарида іерусалимскимъ патріархомъ Нектаріемъ, которыя показали русскимъ, какъ дерзко и нагло обманывалъ ихъ во всемъ Лигаридъ, позволительно было ожидать, что онъ за всѣ свои продѣлки будетъ отправленъ на Соловки подъ крѣпкій началъ. Но въ дѣйствительности этого не случилось. Русское правительство не могло рѣшиться открыто признать, что человѣкъ, отъ котораго исходили всѣ совѣты и указанія по веденію дѣла Никона и его противниковъ, на котораго доселѣ смотрѣли какъ на образованнѣйшаго и авторитетнаго представителя востока, въ мудрость и компетентность котораго всѣ вѣрили, котораго самъ царь, по словамъ Никона, слушалъ „какъ пророка Божія“,— что этотъ человѣкъ былъ лишенный сана архіерей, обманщикъ и латынникъ, искусно разыгрывавшій предъ простодушными русскими роль судьи въ ихъ церковныхъ дѣлахъ, роль ревнителя въ дѣйствительности чуждыхъ для него интересовъ православія. Съ другой стороны, ловкій и вкрадчивый Паисій, въ виду обличеній на него патріарха Нектарія, постарался выставить ихъ предъ царемъ дѣломъ, внушеннымъ патріарху многочисленными личными врагами Паисія, не хотѣвшими простить ему его дѣятельнаго участія въ дѣлѣ Никона и завидовавшими его близости къ царю. Какъ бы то ни было, но только грамата Нектарія нисколько не повредила Лигариду въ мнѣніи и расположеніи царя, напротивъ,

принесла ему даже несомнѣнную пользу. Царь Алексѣй Михаиловичъ, благодарный Паисію Лигариду за его ревностную службу въ дѣлѣ Никона, питавшій къ нему, какъ къ очень умному, образованному и ловкому дѣльцу, искреннее расположеніе и видѣвшій въ его осужденіи какъ бы осужденіе всего, что было сдѣлано по совѣтамъ и указаніямъ Паисія,— рѣшился хлопотать предъ іерусалимскимъ патріархомъ о возстановленіи Лигарида въ его прежнемъ достоинствѣ газскаго митрополита. И онъ горячо взялся за это дѣло. Граматою отъ 13 іюля 1669 года государь, извѣщая іерусалимскаго патріарха Нектарія о московскомъ соборѣ, осудившемъ Никона, въ то же время писалъ: „извѣщаю о митрополитѣ газскомъ Паисіѣ, котораго имѣемъ въ царскомъ нашемъ дворѣ, какъ великаго учителя и переводчика нашего, да возъимѣетъ первую честь и славу, какъ и было, поелику нѣкоторые, радующіеся злу, отъ зависти злословили его предъ святительствомъ вашимъ и безчестили и извергли; тѣмъ весьма опечалились и мы, вѣдая незлобіе его и благодатство, ибо много потрудился и постился въ странѣ нашей на соборѣ и о исправленіи Христовой церкви словомъ и дѣломъ. Но вмѣсто того, чтобы воспріять честь, воспріялъ безчестіе и срамоту, посему просимъ написать, чтобы онъ былъ принятъ съ прежнею честію, ибо намъ извѣстно житіе его и свидѣтельствуемъ его архіереемъ добрымъ и честнаго житія; а которые иноки его оглашали и предали, лжу сказали, ибо очи ушей вѣрнѣе. И такъ молимъ, да пріимется прошеніе наше, вѣдая, что ни учинилось, и то учинилось отъ зависти и ради дружбы съ человѣкомъ“ [1]). Вмѣстѣ съ государемъ послалъ свою просительную грамоту о Лигаридѣ и московскій патріархъ Іоасафъ. Въ ней онъ пишетъ: „о всѣхъ писанныхъ къ намъ вами радуемся, точію едина печаль, аки дождь во время жатвы, ущербляетъ ведро веселія нашего: еже есть о запрещеніи и отлученіи отъ всякаго священнодѣйствія Паисія Лигаридіа. О семъ—какъ и гдѣ прежде живяше, нѣсть намъ извѣстіе совершенно, но отнелѣже пришедша въ царствующій и богоспасаемый градъ Москву, познахомъ за девять лѣтъ и ничесоже видѣхомъ по немъ неистово и безчинно, паче же премногія труды его премудрія

---

[1]) Греческія дѣла 7177 г. № 27.

многую пользу церкви великороссійской принесоша, ихъ же мы благодарни суще, надежно молимъ братолюбіе ваше, да не презрѣвше прошеніе мѣрности нашей, даруеши ему оставленіе вины его, какая либо есть предъ святостію вашею, и благоволиши ему прислати писаніемъ своимъ архипастырскимъ прощеніе и благословеніе, занеже всяческое являетъ по себе смиреніе и благопокорство къ твоему блаженству, яко законному архипастырю своему, и молилъ есть со многократнымъ стужаніемъ благочестивѣйшаго самодержца о отпущеніи къ святительству твоему ради взысканія прощенія, якоже устнѣ предостовѣрный свидѣтель святѣйшій и всеблаженнѣйшій Паисій, патріархъ великаго града Александріи и судія вселенскій, о всѣхъ можетъ извѣстити. Но благочестивѣйшій, тишайшій, самодержавнѣйшій великій государь царь и великій князь Алексій Михаиловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, благоволилъ его удержати благословныхъ ради винъ, сирѣчь, совершенія ради зачатаго толкованія нужнѣйшихъ нѣкихъ тайнописаній, и обѣщалъ ему къ вашему святительству ходатай быти о прощеніи. Тѣмъ же аще твое преблаженство, поминающе Христово слово: будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть, и ону молитву повсядневную: и остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ,—сотвори съ нимъ, всячески смиренно твоему жезлу архипастырскому преклоняющимся, отеческое милосердіе и остави долгъ его, дарующе прощеніе и благословеніе; будетъ Отцу небесному благопріятно, царю благочестивѣйшему радостно, и нашей мѣрности благодарно, и всей церкви россійстей душеполезно. О семъ прилежное наше многократно усугубляюще прошеніе, да исполненну и совершенну нашу радость соверши, имамы не забывати блаженства вашего у престола царя небеснаго о милости, у земнаго же о милостыни, пособствія ради“ [1]).

Приведенныя граматы государя и московскаго патріарха Іоасафа были получены уже не Нектаріемъ, который отказался отъ патріаршества, а его преемникомъ Досиѳеемъ, который вступилъ на патріаршую іерусалимскую каѳедру 23 января 1669 года. 23 сентября 1669 года въ Москву прибылъ послан-

[1]) Рукопись москов. синод. библ. № 130, л.л. 39—41.

ный Досиѳеемъ архимандритъ Прохоръ, съ которымъ Досиѳей писалъ государю, что принялъ царскія граматы „и прочитали о газскомъ митрополитѣ, чтобъ мы его простили, и что будто не имѣетъ вины на себѣ; а онъ, Лигаридъ, имѣетъ многія великія вины и согрѣшенія, которыя, написавъ, послалъ было къ тебѣ, великому государю, свидѣтельства ради; только стыдъ послать насъ не допустилъ, отчего и возвратили. Только единое говоримъ, что киръ Нектарій патріархъ не таковскій, чтобы писать или говорить ложно, но такой въ правилѣ, что нынѣ иной такой архіерей разумный и богобоязненный не будетъ“. Затѣмъ Досиѳей сообщаетъ царю, что Паисій Лигаридъ писалъ такія „неподобныя, хульныя, непотребныя и превознесенныя слова“ о патріархѣ Нектаріи, что уже за одно это его слѣдуетъ лишить архіерейскаго достоинства. Но такъ какъ о прощеніи Лигарида молитъ царь, то онъ, патріархъ, согласенъ отпустить Лигариду его вины и возстановить его въ прежнемъ достоинствѣ газскаго митрополита.

Съ архимандритомъ Прохоромъ государь послалъ на искупленіе св. Гроба 800 рублей соболями, да на 300 рублей соболей „по челобитью газскаго митрополита Паисія, и въ тоже время писалъ Досиѳею: „нынѣ посланное дарованіе благоговѣйнымъ любезнымъ сердцемъ изволишь принять, *имѣя впредь добрую надежду иное и большее воспріять, когда сбудутся наши желанія о газскомъ митрополитѣ*, о коемъ молили уже черезъ два писанія, да пріиметъ миръ архіерейской и на прежнее будетъ возвращенъ достоинство, и разрѣшеніе совершенное получитъ оный митрополитъ, добре намъ заслуженный Паисій Лигаридій“. Затѣмъ оправдывая Лигарида и объясняя взведенныя на него обвиненія дѣломъ злобы его враговъ, царь снова проситъ патріарха прислать Лигариду полное разрѣшеніе „ибо онъ былъ весьма достойный посредникъ и ходатай между столь великими архіереями восточными, двумя свѣтильниками и двумя маслинами всего востока“, проситъ, чтобы и бывшій патріархъ Нектарій (который передалъ свой престолъ Досиѳею еще при своей жизни) „равно обвинительныя, какъ и доброхотныя словеса написалъ къ намъ о митрополитѣ Паисіѣ, ради совершеннаго и послѣдняго удовлетворенія нашего, ибо свидѣтельствуемъ, что Лигаридъ всегда ублажалъ Нектарія и первое

мѣсто премудрости между патріархами своего времени всегда держащимъ его исповѣдалъ“ [1]).

Это вторичное ходатайство государя предъ іерусалимскимъ патріархомъ о разрѣшеніи Лигарида, подкрѣпленное притомъ крупною дачею, имѣло полный успѣхъ. 24 января 1670 года грекъ Родіонъ привезъ наконецъ въ Москву отъ патріарха Досиѳея разрѣшительную грамату Лигариду, въ которой Досиѳей прощаетъ Паисія за всѣ его вины и согрѣшенія, „повелѣваетъ ему“ быть по прежнему въ архіерейскомъ достоинствѣ и чести „и дѣйствовать вся церковное.“ Но пославъ государю разрѣшительную грамату для Лигарида, Досиѳей въ то же время самому Паисію послалъ особое письмо, въ которомъ, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „еслибъ не было ходатайства святаго царева, увѣдалъ бы святительство твое, Лигаридій, что есть Девора и кто есть мертводушные? и кто только именемъ вѣруетъ въ божественный промыслъ, тотъ ли, *кто работаетъ для папежей хійскихъ и оставилъ 15 лѣтъ паству безъ пастыря*, или кто полагаетъ душу свою за овцы? Да, увидѣлъ бы ты варвара и слѣпня. Однако на тебѣ кончаются езоповы басни, гдѣ говорится, какъ козелъ бранилъ волка съ высокаго мѣста, ибо ты не столько великъ, *сколько глупъ, безчеловѣченъ и безстыденъ*, только мѣсто, гдѣ пребываешь, есть дворъ царскій,—однако уцѣломудрись хотя отнынѣ впредь“ [2]).

Итакъ, Досиѳей, хотя и неохотно, съ бранью, и только послѣ двукратныхъ настойчивыхъ предложеній царя, подкрѣпленныхъ щедрою милостынею, рѣшился наконецъ разрѣшить Лигарида и возстановить его въ прежнемъ достоинствѣ газскаго митрополита. Такимъ исходомъ дѣла былъ доволенъ и царь за своего любимца и особенно самъ Паисій, который, казалось, вполнѣ упрочилъ свое положеніе не только въ Москвѣ, но и на востокѣ, куда онъ собирался было ѣхать. Но радость царя и торжество Лигарида были очень непродолжительны. Мы не знаемъ по какимъ причинамъ, но только не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ разрѣшенія Паисія, какъ онъ снова былъ запрещенъ, и царь снова хлопочетъ о его разрѣшеніи. Объ этомъ грустномъ для царя

---

[1]) Греческія дѣла 7178 г. № 6. Зап. рус. археол. общ. II, 600.

[2]) Греческія дѣла 7178 г. № 27.

и Паисія обстоятельствѣ мы узнаемъ изъ граматы Алексѣя Михайловича отъ 14 августа 1671 года къ волошскому воеводѣ Іоанну Дукѣ, которую царь послалъ по челобитью Лигарида. Въ этой граматѣ Алексѣй Михайловичъ сообщаетъ воеводѣ, что Паисій Лигаридъ, разрѣшенный было по просьбѣ царя патріархомъ Досиѳеемъ, чрезъ два мѣсяца, вслѣдствіе какихъ-то жалобъ на него, снова былъ запрещенъ, „чему мы, великій государь наше царское величество удивилися", „о чемъ и архіереи государства нашего царскаго величества имѣютъ не мало жали (жалости)" и, „понеже намъ, великому государю нашему царскому величеству, въ другорядь къ святѣйшимъ патріархомъ притещи о прощеніи его, митрополитовѣ, не къ чести показася", то онъ, государь, и проситъ теперь воеводу отъ себя порадѣть объ этомъ дѣлѣ предъ патріархами, „понеже ты, говоритъ царская грамата, вящщую и частую имѣешъ со блаженнѣйшими патріархами ссылку и дружбу". Въ заключеніе государь выражаетъ увѣренность получить отъ воеводы скорый и пріятный отвѣтъ вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ Лигариду, при чемъ за хлопоты обѣщаетъ отплатить воеводѣ „въ твоихъ дѣлахъ такими же мѣрами" [1]). Но увѣренность царя выхлопотать у патріарховъ чрезъ волошскаго воеводу разрѣшеніе для Паисія не оправдалась, Досиѳей никакъ не соглашался вторично дать Паисію разрѣшеніе и умеръ съ убѣжденіемъ, что Лигаридъ былъ латынникъ [2]).

---

[1]) Эта грамата государя къ воеводѣ Іоанну Дукѣ напечатана въ приложеніи къ моей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 31.

[2]) Этотъ свой взглядъ на Паисія Лигарида Досиѳей рѣшительно выразилъ въ своей „Исторіи патріарховъ іерусалимскихъ" (которая кѣмъ-то переведена на русскій языкъ и этотъ рукописный переводъ, въ двухъ обширныхъ томахъ, находится въ нашей академической библіотекѣ), гдѣ онъ, перечисляя писателей грековъ съ 1580 года, говоритъ о Лигаридѣ: „28-й (писатель) Паисій Лигаридъ хіосскій, преданный латинству. Онъ написалъ толкованіе божественной литургіи, но въ пользу нововведеній римской церкви. Еще онъ оставилъ послѣ себя въ рукописи, въ 83-хъ тетрадяхъ, исторію патріарховъ іерусалимскихъ, которою мы довольно пользовались въ настоящемъ своемъ сочиненіи. Въ ней онъ описалъ патріарховъ, бывшихъ до Ираклія, а о патріархахъ послѣ Ираклія не сказалъ ничего достойнаго вниманія. Третья часть сего сочиненія содержитъ исторію патріарховъ-подвижниковъ; двѣ части написаны про-

4-го мая 1672 года велѣно было, по указу государя, отпустить Паисія съ Москвы въ Палестину чрезъ Кіевъ, причемъ ему дано было: 300 рублей деньгами, 12 подводъ до Кіева, палатка въ 5 рублей, полубъ казенный, обитъ кожею, а его людямъ—пяти человѣкамъ, по аглицкому сукну да по киндяку [1]); да емужъ, митрополиту, изъ иконной дано пять образовъ окладныхъ, „а книги, которые онъ, митрополитъ, писалъ, и на Симоновскомъ подворьи хоромы, и садъ его, и всякое строенье приказалъ (государь) беречь посольскаго приказа переводчику Миколаю Спатарію, а прощальную іерусалимскаго патріарха грамоту изъ посольскаго приказу отдать ему, митрополиту, съ роспискою“. Но въ тотъ же день, указомъ государя, Паисій опять былъ задержанъ въ Москвѣ и отпущенъ былъ въ Палестину чрезъ Кіевъ 13 февраля 1673 года, при чемъ ему на отпускѣ всего дано было въ половину противъ прежней дачи, а его хоромы велѣно было занять переводчику Спафарію „и переводить

тивъ восточной церкви, а особенно противъ Фотія и въ защищеніе папской власти. Узнавши объ сей исторіи и находя въ ней тяжкое богохуленіе, Меѳодій, патріархъ Константинопольскій и Нектарій іерусалимскій, предали ее анаѳемѣ, а Лигарида, какъ еретика, отлучили“. Хрисанѳъ, племянникъ Досиѳея и преемникъ его на іерусалимской патріаршей каѳедрѣ, напечатавшій его „Исторію патріарховъ іерусалимскихъ“, по поводу приведеннаго нами отзыва Досиѳея о Лигаридѣ, дѣлаетъ такое любопытное замѣчаніе: „Сей Паисій Лигаридъ, прежде дѣйствительно преданный латинству, пришедши въ царствующую Москву, сдѣлался ревностнымъ поборникомъ восточной церкви. Посему онъ много писалъ на латинскомъ языкѣ противъ лютеро-Кальвинистовъ, былъ противникомъ Никона и, пришедши въ Кіевъ, много училъ тамъ въ чистотѣ православія, и съ пользою, и публично и частно; писалъ пространно на латинскомъ языкѣ о происхожденіи св. Духа отъ единаго Отца и противу папской власти. Мы видѣли сіи сочиненія его въ Кіевѣ у боголюбезнаго митрополита сего города Варлаама Гіачинскаго. Онъ умеръ въ покаяніи и исповѣданіи и православные россіяне въ Кіевѣ воспоминаютъ объ немъ съ любовію и уваженіемъ. А славный господинъ нашъ (т. е. Досиѳей), знавши только прежнюю жизнь сего мужа, а не послѣдующее покаяніе и исправленіе его, и здѣсь, и въ предисловіи къ книгѣ о любви, показываетъ, какъ ревнителямъ православія писать противъ его сочиненій“. (Кн. II, гл. X, пар. 6).

[1]) „Да митрополиту жъ дано съ дворца: 4 ведра и 2 кружки ренскаго, да рыбы два прута бѣлужьихъ, да два прута осетрьихъ, связка сухихъ бѣлыхъ рыбицъ; людямъ его: пять ведеръ вина, да десять полоть ветчины“.

греческіе и латинскіе книги и писать греческой и словенской и латинской лексиконъ". Отправляясь изъ Москвы, Паисій писалъ государю благодарственное письмо, въ которомъ заявлялъ, что если его найдутъ достойнымъ для какой нибудь царской службы, то онъ будетъ вѣрно служить, чтобы по силѣ своей заплатить за многоразличное царское милосердіе. Просилъ еще царя утѣшить его на путь, чтобы онъ могъ удобно совершить его въ старости, просилъ и одежду патріаршую, которую много разъ обѣщалъ ему государь, и въ заключеніе снова проситъ государя поручать ему все, что можетъ послужить на пользу соборной церкви, къ службѣ царской и всей палаты и обѣщается возвратиться по первому царскому повелѣнію. Очевидно, поѣздка Паисія на востокъ, которую онъ самъ считалъ только временною, была предпринята имъ съ цѣлью уладить свои личныя дѣла,—получить себѣ окончательное разрѣшеніе, котораго въ другой разъ ему уже не давали, несмотря на всѣ хлопоты объ этомъ царя. Именно съ цѣлію заручиться расположеніемъ патріарховъ онъ выпрашиваетъ у царя иконы, чтобы поднести ихъ патріархамъ въ подарокъ; съ этою же цѣлію онъ проситъ у государя патріаршее облаченіе и беретъ съ собою присланную ранѣе разрѣшительную грамоту Досиѳея. Но Паисій, пріѣхавъ въ Кіевъ, измѣнилъ свое намѣреніе ѣхать на востокъ немедленно. Какъ видно, онъ получилъ оттуда неблагопріятныя для себя извѣстія и потому рѣшился остаться въ Кіевѣ. Но когда кіевскіе воеводы донесли государю, что Паисій остался въ Кіевѣ и на востокъ скоро ѣхать не хочетъ, и просили на этотъ счетъ распоряженія государя, то къ воеводамъ послѣдовалъ царскій указъ: безъ особаго царскаго указа никуда не отпускать Лигарида изъ Кіева, „а буде онъ похочетъ къ кому за Днѣпръ, или съ гречаны въ Царьградъ писать какія письма", тѣхъ писемъ ни подъ какимъ видомъ не отсылать, а слѣдить за нимъ и его перепиской „всякими мѣрами накрѣпко" [1]).

Очевидно въ Москвѣ уже не особенно довѣряли политической благонадежности Паисія Лигарида и крѣпкій надзоръ за нимъ и его перепиской считали дѣломъ далеко не лишнимъ, тѣмъ болѣе, что ревностный русскій тайный полити-

[1]) Греческія дѣла 7181. г. № 1.

ческій агентъ въ Константинополѣ Панагіотъ, служившій въ Портѣ переводчикомъ, присылалъ сказать государю: „чтобъ не велѣлъ газскаго митрополита съ Москвы отпускать, чтобы не учинилъ въ Царьградѣ и въ иныхъ мѣстахъ какаго дѣла съ простодушія своего“ [1]).

Проживая въ Кіевѣ Паисій, отъ 8 ноября 1673 года, жалуется государю „на горестное жизни своея состояніе“, извѣщаетъ, что іерусалимскій патріархъ Досиѳей разрѣшилъ его, но проситъ за это подарка, но за подарокъ онъ могъ бы добыть разрѣшеніе и отъ константинопольскаго патріарха; жалуется на кіевскаго архіерея „въ непорядкахъ и взяткахъ обращающагося“, что онъ на одной литургіи ставитъ многихъ священниковъ и дьяконовъ. Письмомъ отъ 15 декабря того же года Паисій благодаритъ государя за совѣтъ опять возвратиться въ Москву, жалуется на кіевскихъ воеводу и митрополита, „не внимающихъ гласу его о учиненіи ему вспоможенія и дачи нужныхъ вещей“, описываетъ невоздержаніе кіевскаго духовенства, проситъ прибавить ему корму, денегъ и оставить его въ Кіевѣ, гдѣ онъ, пребывая съ благочестивыми мужами, упражняется въ чтеніи и сочиненіи богословскихъ вещей, хотя и не имѣетъ доступа въ библіотеку академическую. Въ письмѣ отъ 16 іюля 1674 года Паисій жалуется государю на іерусалимскаго патріарха Досиѳея, медлящаго прислать ему разрѣшеніе отъ запрещенія (подъ коимъ онъ уже восемь лѣтъ страдаетъ), и единственно потому, что ожидаетъ себѣ отъ Паисія присылки подарковъ; проситъ государя дозволить ему служить въ Кіево-Софійскомъ соборѣ архіерейски, предсказываетъ, что царь освободитъ отъ турокъ греческій народъ и овладѣетъ Константинополемъ [2]). Отъ 1-го августа того же года Паисій писалъ къ боярину Артамону Матвѣеву о волошскихъ и мутьянскихъ посланцахъ, ѣхавшихъ въ Москву съ заявленіемъ о подданствѣ Россіи, при чемъ они обратились де въ этомъ важномъ дѣлѣ къ посредству его, Паисія, „потому что въ чужихъ странахъ слышали имя его и что чрезъ него могутъ принести пользу всѣмъ христіанамъ“. Затѣмъ онъ

---

[1]) Греческія дѣла 7180 г. № 25.

[2]) Реэстръ греческимъ граматамъ—№ 137, 1673 г. ноябрь 8 и декабрь 15; 1674 г. іюль 16. (Въ Москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ).

просить боярина, вмѣсто милостыни, исходатайствовать ему у государя служить по архіерейски и извѣщаетъ, что денегъ въ Кіевѣ собираютъ много, а кому и на что, неизвѣстно, и проситъ учинить розыскъ, куда обращаются доходы митрополита [1]).

21-го августа 1675 года послѣдовалъ указъ государя князю Голицыну, что съ Москвы былъ отпущенъ газскій митрополитъ, и велѣно ему пожить въ Кіевѣ до царскаго указа, теперь же повелѣвается митрополиту ѣхать въ Москву немедленно, „а буде онъ, митрополитъ, изъ Кіева къ Москвѣ ѣхать не похочетъ, и вы бы, давъ ему подводы и кормъ и пристава, къ намъ, великому государю, къ Москвѣ изъ Кіева его выслали“. Этотъ строгій указъ о немедленной доставкѣ Паисія въ Москву изъ Кіева, хотя бы и противъ его воли, сильно встревожилъ Паисія. „Не отврати свѣтлѣйшаго лица твоего, писалъ онъ тогда государю, отъ меня, смиреннаго богомольца твоего, яко погибну душею и тѣломъ и больше печалюсь, понеже не знаю вины толикаго возвращенія, да плачу о согрѣшеніи своемъ“. По прибытіи въ Москву онъ не былъ допущенъ къ государю и обратился наконецъ къ боярину Матвѣеву съ письмомъ, въ которомъ заявляетъ, что не знаетъ, къ кому уже и обращаться, истомляясь голодомъ и жаждою, ибо его пересылаютъ изъ приказа въ приказъ, а онъ задолжалъ отъ долгаго пути, и изъ дому его не пускаютъ, а въ домовой церкви не имѣетъ даже церковнослужителей; но ужели при общей заботѣ такого обширнаго царства, не попекутся объ одномъ лишь бѣдномъ архіереѣ? Не знаетъ онъ, чѣмъ согрѣшилъ и былъ ли когда медленъ въ исполненіи царскихъ повелѣній. Если уже нельзя ему видѣть царя, то да позволено ему будетъ видѣть хотя боярина, ибо молва идетъ, что онъ подпалъ подъ царскій гнѣвъ, чего Боже избави [2]).

Очевидно, вліяніе и положеніе Паисія Лигарида при московскомъ дворѣ сильно пошатнулось подъ конецъ царствованія Алексѣя Михаиловича. Своею борьбою съ Никономъ, своимъ вмѣшательствомъ въ русскія церковныя дѣла, своими выходками противъ іерусалимскаго патріарха Нектарія и

---

[1]) Греческія дѣла 7183 г. № 4.

[2]) Греческія дѣла 7184 г. №№ 7 и 8.

другихъ, своими доносами московскому правительству о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ въ кіевскомъ и свѣтскомъ и духовномъ управленіи, Паисій всюду—въ Москвѣ, Кіевѣ, на востокѣ—создалъ себѣ многочисленныхъ враговъ, которые, по его собственному сознанію, всячески старались вредить ему въ мнѣніи государя и настолько успѣли въ этомъ, что Паисій противъ воли былъ привезенъ изъ Кіева въ Москву, гдѣ его содержали подъ арестомъ, не дозволяя ему выйти изъ дому.

Со смертію царя Алексѣя Михайловича положеніе Паисія въ Москвѣ сдѣлалось еще болѣе тяжелымъ, особенно въ виду сильнаго нерасположенія первыхъ годовъ царствованія Өеодора Алексѣевича къ грекамъ вообще. За это время жизни Паисія въ Москвѣ до насъ дошли два латинскихъ письма Паисія отъ 15 февраля 1676 года, писанныя имъ по порученію правительства. Одно письмо къ кардиналу Барберини, а другое къ стриганійскому архіепископу Келефипо, коими, изъявляя неудовольствіе русскаго двора по причинѣ несогласія папы дать государю Алексѣю Михаиловичу царскій титулъ, совѣтуетъ, дабы они склонились этотъ титулъ дать сыну помянутаго государя, царю Өеодору Алексѣевичу [1]). Это была послѣдняя служба Паисія Лигарида русскому правительству.

Въ томъ же 1676 году Паисій просилъ государя отпустить его въ Палестину и перваго сентября государь указалъ, а бояре приговорили, отпустить Паисія съ людьми его по его обѣщанію въ Палестину въ какія мѣста онъ ѣхать захочетъ, а на отпускѣ жалованья не дали, такъ какъ оно было ему дано въ 1674 году, а дали ему только 50 рублей на расплату съ долгами и на кормъ [2]). Но Паисій, какъ и прежде, въ Палестину не поѣхалъ, а остался въ Кіевѣ, гдѣ и умеръ и былъ похороненъ въ Братскомъ Кіевскомъ монастырѣ. Кіевскій воевода Михаилъ Андреевичъ Голицынъ 14 сентября 1678 года доносилъ государю, „что въ 186 году (1678 г.), августа 24, Паисія Лигарида въ Кіевѣ не стало, а тѣло его поставлено въ Братскомъ монастырѣ въ склепу, а не погребено", причемъ воевода прислалъ и роспись остав-

---

[1]) Реестръ греческимъ граматамъ № 137, 1676 г. февр. 15.

[2]) Греческія дѣла 7185 г. № 1.

шагося послѣ Паисія имущества. Указомъ государя отъ 30 сентября велѣно было тѣло Паисія погребсти въ Братскомъ монастырѣ, а имущество его передать въ тотъ же монастырь на поминъ его души. [1])

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго о патріархахъ Паисіѣ александрійскомъ и Макаріѣ антіохійскомъ, а также о Паисіѣ Лигаридѣ, получается нѣчто совершенно неожиданное прежде всего по отношенію къ московскому собору 1666—1667 года. На этомъ соборѣ, какъ мы знаемъ, предсѣдательствовали названные восточные патріархи, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависѣли всѣ соборныя рѣшенія и постановленія по всѣмъ тогдашнимъ русскимъ церковнымъ дѣламъ и вопросамъ. Далѣе, однимъ изъ главныхъ, самыхъ вліятельныхъ и активныхъ дѣятелей на соборѣ, вліявшихъ не только на московское правительство, но и на самихъ патріарховъ, подписывавшійся подъ соборными постановленіями, участвовавшій вмѣстѣ съ патріархами въ совершеніи церковныхъ службъ, какъ настоящій архіерей, былъ газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ. Но послѣ ознакомленія съ подлинными архивными документами оказывается, какъ мы видѣли, что патріархи Паисій и Макарій, предсѣдательствовавшіе на соборѣ и рѣшавшіе у насъ всѣ дѣла, какъ настоящіе дѣйствительные патріархи, на самомъ дѣлѣ таковыми тогда уже не были, такъ какъ константинопольскій патріархъ съ своимъ соборомъ лишилъ ихъ, за поѣздку въ Москву, патріаршихъ каѳедръ и, значитъ, находясь въ Москвѣ, они были не дѣйствительными, а лишенными своихъ каѳедръ патріархами. Что же касается главнаго вдохновителя и руководителя патріарховъ на соборѣ— газскаго митрополита Паисія Лигарида, котораго и самъ царь Алексѣй Михаиловичъ слушаетъ „какъ пророка Божія“, то, какъ оказывается, въ дѣйствительности это былъ запрещенный архіерей-авантюристъ, лишенный своимъ патріархомъ каѳедры и самаго сана, но съ замѣчательною смѣлостію, благодаря подложнымъ граматамъ, долго разыгрывавшій въ Москвѣ роль дѣйствительнаго газскаго митрополита, выпрашивавшій у царя значительныя суммы на уплату долговъ своей несуществующей епархіи. Въ одно время,

---

[1]) Греческіе статейные списки № 12, л.л. 1093 и 1107.

опять благодаря подложнымъ граматамъ, Паисій выдавалъ себя въ Москвѣ за экзарха константинопольскаго патріарха, уполномоченнаго для суда надъ Никономъ и рѣшенія русскихъ церковныхъ дѣлъ, хотя въ дѣйствительности какъ въ Іерусалимѣ, такъ и въ Константинополѣ, его не считали даже православнымъ, а причисляли къ латынникамъ. Съ большимъ трудомъ, только послѣ многихъ хлопотъ и огромныхъ издержекъ царю Алексѣю Михаиловичу удалось наконецъ добиться того, что султанъ, приказалъ возвратить патріархамъ Паисію и Макарію отнятыя было у нихъ патріаршія ихъ каѳедры, но всѣ его самыя настойчивыя и многократныя хлопоты добыть разрѣшеніе Паисію Лигариду, возвратить ему утраченное достоинство архіерея—газскаго митрополита, кончились полною неудачею и Паисій Лигаридъ такъ и умеръ въ Кіевѣ запрещеннымъ архіереемъ.

Понятно само собою, что всѣ разсказанныя обстоятельства необходимо производили и на наше правительство и на все даже доброжелательное къ тогдашнимъ грекамъ русское общество крайне тяжелое и удручающее впечатлѣніе, невольно оставляли у всѣхъ русскихъ очень замѣтный осадокъ недовольства и самими восточными патріархами, и ученымъ Паисіемъ Лигаридомъ, и всѣми греками вообще, невольно приводили русскихъ къ той мысли, что даже и болѣе выдающіеся по своему положенію, по своему образованію и учености греки, являются однако людьми довольно сомнительными, эгоистичными и всегда своекорыстными, которые только и думаютъ о своихъ личныхъ выгодахъ, интересахъ, наживѣ. Русскіе невольно, изъ характера отношеній къ нимъ являвшихся въ Москву грековъ, дѣлали заключеніе, что вполнѣ довѣряться этимъ грекамъ, полагаться на нихъ, какъ на людей обладающихъ высшимъ развитіемъ и высшею культурою, сравнительно съ русскими, не слѣдуетъ, а слѣдуетъ всегда соблюдать по отношенію къ нимъ большую осторожность и сдержанность. Кромѣ того русскіе не могли не обратить вниманія и на то обстоятельство, что московская дѣятельность самихъ восточныхъ патріарховъ слишкомъ замѣтно имѣла въ виду принизить все русское и во всемъ возвысить и выдвинуть на первый планъ современное греческое, какъ высшее и совершеннѣйшее, какъ образецъ для невѣжественныхъ русскихъ, которые

должны признать грековъ своими верховными руководителями, опекунами и учителями, хотя сами греки, какъ хорошо увидали русскіе, въ дѣйствительности вовсе не обладали нужными для такой высокой и отвѣтственной роли нравственными и культурными средствами—за послѣдними они сами обращались на западъ, не имѣя своихъ собственныхъ школъ. Естественно поэтому, что когда русскіе болѣе спокойно и вдумчиво посмотрѣли на все, происшедшее въ послѣднее время въ Москвѣ, при непосредственномъ участіи самихъ восточныхъ патріарховъ, то болѣе чуткіе и проницательные изъ нихъ нашли, что греки никакъ не могутъ быть руководителями и воспитателями русскихъ въ ихъ культурной жизни, что для этого нужно брать другихъ людей, нужно обратиться въ другую сторону—на западъ. Эпоха Никона хотя и была временемъ усиленнаго вліянія тогдашнихъ грековъ на всю нашу особенно церковную жизнь, но въ то же время она послужила и исходною точкою для окончательнаго паденія у насъ греческаго вліянія, могучимъ толчкомъ къ повороту всей нашей культурной жизни въ сторону запада. Эпоха Никона несомнѣнно подготовила у насъ рѣшительнаго западника—государя Петра I-го.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Значеніе времени Никона въ русской исторіи.

Принципіальная правильность исходной точки реформы Никона и ошибочность ея практическаго осуществленія. Расколъ старообрядчества своимъ происхожденіемъ обязанъ, главнымъ образомъ, двумъ восточнымъ патріархамъ и другимъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ, грекамъ. Возможность примиренія старообрядцевъ и новообрядцевъ, такъ какъ старообрядчество по самому своему существу не имѣетъ будущаго. Важное обще-культурное значеніе реформаторской дѣятельности Никона для послѣдующей нашей исторической жизни. Никонъ какъ практическій выразитель и теоретическій защитникъ того положенія, что священство по своему существу и происхожденію выше царства.

Время патріарха Никона было одной изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторической жизни русскаго народа, такъ какъ вліяніе этого времени отразилось на всей послѣдующей нашей жизни и отразилось глубоко и разнообразно. И прежде всего въ сферѣ строго церковной.

Въ своей грекофильской реформаторской дѣятельности Никонъ исходилъ изъ того вѣрнаго положенія, что греческая вселенская православная церковь, несмотря на свое порабощеніе невѣрными, всегда оставалась строго православною, не допустила въ свое ученіе, въ свой церковный чинъ и обрядъ ничего чуждаго православію, такъ что недовѣріе русскихъ къ греческому благочестію основывается только на недоразумѣніи, на невѣрномъ пониманіи существа дѣла самими русскими, на ихъ преувеличенномъ, своеобразномъ и по существу невѣрномъ представленіи о высокости и исключительности русскаго благочестія, будто-бы единственно пра-

вильнаго и единственно угоднаго Богу. Реформа Никона говорила, что тотъ скрытый антагонизмъ, какой уже давно существовалъ въ церковной сферѣ между греками и русскими и иногда заявлялъ себя открыто, (споръ Арсенія Суханова съ греками о вѣрѣ,) долженъ былъ окончательно уничтожиться, какъ явленіе крайне ненормальное,—въ средѣ православной вселенской церкви мѣсто отчужденія и подозрительности должно было занять всецѣлое единеніе помѣстныхъ православныхъ церквей, признаніе ихъ одинаково православными, хотя бы у нихъ и были нѣкоторыя церковно-обрядовыя особенности, не нарушающія однако единства ихъ вѣроученія. Въ церковно-обрядовой практикѣ, какъ мы видѣли [1]), русская церковь съ самаго начала, вплоть до половины XV вѣка, неуклонно слѣдовала за практикой греческой церкви, старалась быть въ соотвѣтствіи съ тѣми движеніями и перемѣнами, какія происходили въ греческой церкви, и постепенно усвояла себѣ все, что новаго вырабатывала греческая церковная практика. Со времени паденія Константинополя и послѣ того, какъ русскіе митрополиты стали избираться изъ русскихъ и ставиться дома своими епископами, а не константинопольскимъ патріархомъ, когда русская церковь по отношенію къ константинопольскому патріарху сдѣлалось самостоятельною, и перестала находиться въ тѣсной и непосредственной связи съ современною греческою церковію, прежній процессъ заимствованія изъ греческой церковной практики всего новаго, окончательно прекратился и русская церковь остановилась на томъ, что ранѣе взято было ею у грековъ, хотя церковная жизнь послѣднихъ, понятно, не останавливалась, а шла далѣе въ своемъ развитіи и вырабатывала новыя церковно-обрядовыя формы, оставляя старыя какъ отжившія, какъ уже несоотвѣтствующія болѣе новымъ потребностямъ времени и запросамъ, порожденнымъ тѣми или другими новыми обстоятельствами. Вслѣдствіе этого и произошло то, что русскіе порознились съ греками въ нѣкоторыхъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ. Понятно отсюда, какъ слѣдовало при Никонѣ вести дѣло согласованія русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ съ тогдашнею ушедшею впередъ греческою церковною практи-

---

[1]) См. т. I-й настоящаго изслѣдованія, стр. 213—219.

кою. Русскія церковныя особенности были выработаны древнею практикою самой же греческой вселенской церкви и по самому своему существу и происхожденію были такъ же строго православны, какъ и позднѣйшіе чины и обряды той же греческой вселенской церкви. Между русскими церковными чинами и обрядами и новѣйшими греческими, какъ выросшими на одной и той же почвѣ вселенскаго православія, не было никакого существеннаго различія, а тѣмъ болѣе противорѣчія,—тѣ и другіе были одинаково православны, выражали собою одно и то же православное ученіе, признаваемое всею православною церковію. Различіе между ними состояло единственно въ томъ, что особенности русскаго церковнаго чина и обряда были уже устарѣвшими и отжившими по сравненію ихъ съ позднѣйшими греческими и потому, если дѣйствительно настояла нужда согласовать ихъ съ современными греческими, то это нужно было сдѣлать не во имя того, что особенности русскаго церковнаго чина и обряда, по сравненію ихъ съ новѣйшими греческими, будто бы представляли изъ себя искаженіе, уклоненіе отъ истинно православнаго чина и обряда, или что они были еретическими, содержавшими въ себѣ еретическое ученіе, а во имя того, что русскія особенности были устарѣвшими и отжившими, и что русская церковь, какъ младшая и помѣстная, естественно должна была, какъ это практиковалось у насъ и ранѣе, поступиться особенностями своей практики въ пользу установившейся новѣйшей практики церкви вселенской греческой. Сдѣлать это русской церкви настоятельно нужно было и потому еще, чтобы уничтожить тотъ господствовавшій въ русскомъ обществѣ чуждый духу и разуму истиннаго православія взглядъ, что церковный обрядъ будто-бы такъ же неизмѣненъ, какъ и самое вѣроученіе, что высота и достоинство жизни православной церкви опредѣляется не сохраненіемъ только неизмѣняемости вѣроученія, но и неизмѣняемостію разъ усвоеннаго обряда. Этимъ чуждымъ духу и разуму православія взглядомъ на обрядъ убивалось правильное представленіе о жизни православной церкви, убивалась самая эта нормальная здоровая жизнь, которая не можетъ быть замкнута въ тѣсныя условныя рамки разъ появившейся формы извѣстнаго обряда и обычая. Церковная реформа и должна была уничтожить этотъ ошибочный взглядъ

на обрядъ и тѣмъ самымъ создать для дальнѣйшей нашей церковной жизни болѣе правильныя и нормальныя условія. Къ сожалѣнію патріархъ Никонъ не стоялъ въ своей реформаторской дѣятельности на должной высотѣ. Его слабая сторона, какъ церковнаго реформатора, заключалась прежде всего въ томъ, что онъ, какъ я уже говорилъ [1]), не имѣлъ правильнаго представленія о предметѣ своей реформы т. е. о тѣхъ церковныхъ обрядахъ и чинахъ, которые при немъ, и по его настоянію, такъ круто тогда у насъ измѣнялись и передѣлывались по современному греческому образцу. Точно также—взявшись исправлять наши церковныя книги съ греческихъ, Никонъ однако самъ совсѣмъ не зналъ греческаго языка и потому не могъ слѣдить за правильностію переводовъ съ греческихъ книгъ, а принужденъ былъ всю книжную справу передать въ руки пришлыхъ въ Москву грековъ и кіевлянъ, которые отъ имени Никона и вели дѣло книжныхъ исправленій по своему крайнему разумѣнію и усмотрѣнію. Но, что особенно важно: Никонъ по своему умственному складу и всему строю своего мышленія, по общему характеру своихъ воззрѣній и пониманія предметовъ вѣры и всего церковнаго, ничѣмъ существенно не отличался отъ противниковъ своей реформы: [2]) онъ не обладалъ сравнительно съ ними не высшимъ кругомъ знаній, ни болѣе вѣрнымъ и возвышеннымъ пониманіемъ предметовъ вѣры и церковно-обрядовой практики, ни болѣе вѣрнымъ и культурнымъ пониманіемъ окружающихъ его явленій. Вслѣдствіе этого Никонъ, смѣло и авторитетно выступая въ роли церковнаго реформатора, ломая и передѣлывая русскую церковную старину по образцу тогдашней греческой церковной практики, требуя отъ всѣхъ всецѣлаго безусловнаго подчиненія себѣ и всѣмъ исходящимъ отъ него распоряженіямъ, не могъ однако вести общество по новымъ болѣе свѣтлымъ культурнымъ путямъ, не просвѣтлялъ и не возвышалъ своими реформами религіозно-церковнаго пониманія тогдашняго общества, не двигалъ впередъ его религіозно-церковную жизнь. И даже этого мало. Никонъ, производя свою церковную реформу, какъ я уже говорилъ, имѣлъ очень непра-

---

1) См. I-й томъ настоящаго изслѣдованія, стр. 217—218.

2) См. VII главу этого тома, стр. 354—362.

вильныя представленія о предметахъ своей реформы т. е. онъ исправлялъ старый русскій обрядъ какъ неправый, нововводный, созданный русскими, несогласный съ настоящимъ православнымъ обрядомъ церкви, тогда какъ въ дѣйствительности русскій обрядъ былъ древній православный греческій обрядъ,—этого-то совсѣмъ и не зналъ Никонъ-реформаторъ, почему онъ и проводилъ свою церковную реформу совсѣмъ не такъ, какъ ее слѣдовало проводить. Неправильно понятая и объясняемая реформа Никона вызвала сильный протестъ со стороны ея противниковъ, которые, имѣя еще болѣе невѣрныя представленія о происхожденіи, значеніи въ церкви и отношеніи къ вѣроученію обряда, открыто возстали уже не лично противъ Никона, но и противъ всей признавшей никоновскую реформу церкви. Значитъ, на основаніи только незнанія и непониманія въ русской церкви возникъ расколъ старообрядчества, открылась вѣковая ожесточенная борьба старообрядцевъ съ новообрядцами, съ взаимными обвиненіями другъ друга въ неправославіи и чуть не въ еретичествѣ.

Жалко смотрѣть на эту нашу вѣковую церковную распрю, всю основанную, съ начала до конца, на недоразумѣніи, на непониманіи, на незнаніи иногда самыхъ элементарныхъ христіанскихъ истинъ, простыхъ начатковъ исторіи церкви, на невѣрномъ, неправильномъ представленіи съ обѣихъ спорящихъ сторонъ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ они такъ непримиримо и горячо спорятъ, ссорятся, обличаютъ другъ друга въ неправославіи и разныхъ ересяхъ, чего въ дѣйствительности совсѣмъ нѣтъ у обѣихъ враждующихъ сторонъ. И какъ жалко, что тогда не нашлось человѣка, который бы разъяснилъ и вразумительно далъ понять заспорившимъ, что они вѣруютъ одинаково право, что никто изъ нихъ не еретикъ, не отступникъ отъ православной вѣры, что имъ вовсе не слѣдуетъ спорить, ссориться, разъединяться, а тѣмъ болѣе обвинять другъ друга въ ереси, въ отступленіи отъ православія. Конечно это должны бы были сдѣлать люди болѣе свѣдущіе, совершенно сторонніе нашему спору, въ которомъ такъ сильно дѣйствовали и личныя очень обостренныя отношенія и до крайности разгорѣвшіяся страсти спорящихъ. Такими сторонними, незаинтересованными въ нашихъ спорахъ и счетахъ лицами, призванными сыграть у

насъ въ разгорѣвшемся спорѣ миротворческую роль, должны были бы быть греческіе патріархи и разные проживавшіе тогда въ Москвѣ образованные греки. Для нихъ, какъ стороннихъ и болѣе чѣмъ русскіе образованныхъ наблюдателей, должно было быть ясно, что весь споръ у насъ разыгрался не на почвѣ неправославной или еретичествующей мысли, или на дѣйствительномъ уклоненіи отъ истинно-православныхъ церковныхъ нормъ и обычаевъ, а единственно на почвѣ непониманія, недомыслія и самаго форменнаго невѣжества. Правда, грамата константинопольскаго патріарха Паисія въ отвѣтъ на запросъ Никона о задуманныхъ имъ церковныхъ исправленіяхъ въ русской церкви написана была въ этомъ духѣ т. е. въ духѣ умиротворенія и успокоенія и, правильно понятая и приложенная къ дѣлу, должна была содѣйствовать примиренію враждующихъ и успокоенію взволнованнаго реформами Никона русскаго общества [1]). Но, къ сожалѣнію, ея благотворное дѣйствіе было окончательно парализовано бывшими въ Москвѣ восточными патріархами, сначала Макаріемъ антіохійскимъ, а потомъ, на соборѣ 1667 года, тѣмъже Макаріемъ вмѣстѣ съ александрійскимъ патріархомъ Паисіемъ съ ихъ совѣтчиками, по русскимъ церковнымъ дѣламъ, греками Паисіемъ Лигаридомъ и аѳонскимъ архимандритомъ Діонисіемъ, дѣйствовавшими какъ разъ обратно духу, разуму и намѣреніямъ граматы константинопольскаго патріарха Паисія [2]).

---

[1]) Объ этой патріаршей граматѣ см. І-й томъ настоящаго изслѣдованія, стр. 163—179.

[2]) Что московское правительство дѣйствительно ожидало отъ имѣющихъ прибыть въ Москву восточныхъ патріарховъ, или ихъ экзарховъ, мудрой и миротворческой дѣятельности на соборѣ, строго безпристрастной, а непредвзятой и тѣмъ болѣе тенденціозной оцѣнки нашихъ церковныхъ дѣлъ, справедливаго и безпристрастнаго отношенія къ лицамъ, о которыхъ они должны были произнести въ Москвѣ свой нелицепріятный судъ,—это видно, между прочимъ, и изъ наказа, даннаго іеродіакону греку Мелетію, посланному нашимъ правительствомъ на востокъ пригласить тамошнихъ патріарховъ или самихъ прибыть въ Москву, или вмѣсто себя прислать своихъ экзарховъ. Въ этомъ наказѣ опредѣленно указывается, какими именно качествами должны обладать тѣ лица, которыхъ патріархи, если они сами не поѣдутъ въ Москву, должны прислать туда какъ своихъ замѣстителей. Въ инструкціи Мелетію говорится: „а которые (восточные патріархи) похотятъ въ свое мѣсто послать (за-

Макарій патріархъ антіохійскій, въ первый свой пріѣздъ въ Москву, всячески поощрялъ Никона немедленно исправлять русскіе церковные чины и обряды по современнымъ греческимъ, такъ что безъ этихъ поощреній Макарія Никонъ едвали бы отважился такъ круто и рѣзко производить свою церковную реформу. Макарій антіохійскій, вмѣстѣ съ бывшими тогда въ Москвѣ сербскимъ патріархомъ Гавріиломъ и никейскимъ митрополитомъ Григоріемъ, первый торжественно, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, провозгласилъ наше двоеперстіе армянскимъ еретическимъ перстосложеніемъ и первый торжественно провозгласилъ проклятіе на всѣхъ, кто впредь будетъ держаться стараго нашего обычая креститься двоеперстно. Мало этого. Патріархъ Макарій вмѣстѣ съ Гавріиломъ и Григоріемъ дали, за собственноручною подписью, письменное свидѣтельство Никону, въ которомъ заявляли, что кто держится нашего стараго двоеперстія, „тотъ есть еретикъ и подражатель армяномъ, и сего ради имамы его отлученна отъ Отца и Сына и св. Духа и проклята“. Значитъ, первые, признавшіе старый русскій обрядъ еретическимъ, первые, провозгласившіе за его употребленіе анаѳему, были пріѣхавшіе въ Москву греческіе іерархи—милостынесобиратели. На соборѣ 1667 года два восточные патріарха—Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій—руководимые Паисіемъ Лигаридомъ и архимандритомъ Діонисіемъ, признали нѣкоторые старые русскіе церковные чины и обряды содержащими въ себѣ еретическое ученіе, и что будто-бы, благодаря этимъ чинамъ и обрядамъ, русская церковь потеряла чистоту древняго православія и требовала со стороны прибывшихъ въ Москву восточныхъ патріарховъ исправленія и врачеванія. Это произошло съ русскою церковію будто-бы потому, что русскіе перестали подчиняться, какъ это было ранѣе, константинопольскому патріарху, пере-

---

мѣстителей) и ему (Мелетію) крѣпко о томъ говорить, чтобы намѣстниковъ своихъ послали архіереовъ, добрыхъ и ученыхъ людей, и благоразумныхъ, и единословныхъ, и крѣпкихъ, и правдивыхъ, могущихъ разсудить дѣло Божіе вправду, не желая мзды и ласканія и страха никакого, боясь развѣ суда Божія“. Въ то же время Мелетію предписывается, будучи у патріарховъ, „памятуя страхъ Божій, про патріарха Никона никакихъ лишнихъ словъ не говорить кромѣ правды“. (Государственный С.-Петерб. Главный Архивъ, Разрядъ XXVII, № 140, л. 13—18).

стали брать къ себѣ митрополитовъ грековъ и начали свою самостоятельную, независимую отъ грековъ церковную жизнь, именно эти обстоятельства и привели русскихъ къ потерѣ чистоты православія, къ зараженію разными еретическими ученіями, заключающимися въ двоеперстіи, въ двоеніи аллилуіи и пр. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ на соборѣ 1667 года патріархи и постановили, чтобы особенности стараго русскаго чина и обряда, какъ имѣющіе еретическое происхожденіе и содержащіе въ себѣ еретическое ученіе, были безусловно запрещены и замѣнены тогдашними греческими чинами и обрядами, а всѣ, и послѣ этого соборнаго постановленія, державшіеся старыхъ русскихъ обрядовъ, были подвергнуты отлученію отъ церкви и анаѳемѣ.

Такъ двумя восточными патріархами и другими бывшими тогда въ Москвѣ греческими іерархами соборно былъ утвержденъ въ русской церкви расколъ,—единая дотолѣ русская церковь, благодаря соборному провозглашенію стараго русскаго обряда еретическимъ и наложенію анаѳемы на всѣхъ державшихся стараго обряда, раскололась теперь на двѣ враждебныя одна другой части, причемъ вражда между ними продолжается и доселѣ. А между тѣмъ въ 1666 году русскіе іерархи, за нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда въ Москву двухъ восточныхъ патріарховъ, тоже на соборѣ, только безъ участія на немъ грековъ, произнесли свой соборный судъ надъ сторонниками и защитниками стараго обряда, но они нигдѣ и ни разу въ своихъ соборныхъ постановленіяхъ не назвали старый русскій обрядъ еретическимъ, содержащимъ въ себѣ еретическое ученіе, не подвергали и сторонниковъ стараго обряда отлученію отъ церкви и анаѳемѣ только за то именно, что они держатся стараго обряда. Послѣднее сдѣлано было исключительно двумя восточными патріархами и другими присутствовавшими на соборѣ греками, почему и нашъ расколъ старообрядчества своимъ формальнымъ происхожденіемъ обязанъ исключительно дѣйствіямъ на соборѣ двухъ восточныхъ патріарховъ, а не русскимъ іерархамъ, которые на соборѣ 1667 года, въ сужденіяхъ о старомъ русскомъ обрядѣ только пассивно подчинились воздѣйствію двухъ вселенскихъ патріарховъ и другихъ грековъ, какъ людей болѣе ихъ авторитетныхъ и свѣдущихъ въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ. Значитъ нашъ, расколъ старообрядства сво-

имъ происхожденіемъ обязанъ собственно грекамъ, а не русскимъ. Послѣдніе, безъ воздѣйствія на нихъ двухъ восточныхъ патріарховъ и грековъ, никогда бы не рѣшились признать старый русскій обрядъ, котораго они и всѣ сами только что держались, еретическимъ, и подвергнуть анаѳемѣ тѣхъ, которые попрежнему продолжали употреблять его.

Два восточныхъ патріарха, предсѣдательствовавшіе на соборѣ 1667 года, авторитетно и безапелляціонно объявившіе старый русскій обрядъ еретическимъ и наложившіе анаѳему на употребляющихъ его, не знали, повидимому, того очень важнаго и существеннаго для дѣла обстоятельства, которое имъ однако слѣдовало бы знать, что этотъ теперь признанный ими еретическій обрядъ, въ дѣйствительности былъ созданіемъ православной греческой вселенской церкви, что ранѣе, въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, онъ существовалъ у старыхъ православныхъ грековъ и что обвинять за него русскихъ въ еретичествѣ, въ существѣ дѣла значило обвинять въ еретичествѣ старую греческую православную церковь. Очевидно, бывшіе въ Москвѣ и рѣшавшіе здѣсь наши церковныя дѣла два восточные патріарха, вмѣсто тщательнаго всесторонняго изысканія и изученія вопроса объ особенностяхъ русскаго обряда по сравненію его съ тогдашнимъ греческимъ, слишкомъ увлеклись предвзятымъ, тенденціознымъ желаніемъ осудить невѣжественныхъ русскихъ за ихъ стремленіе освободиться въ своей церковной жизни отъ опеки и подчиненія современнымъ грекамъ, увлеклись желаніемъ путемъ осужденія и приниженія всего періода русской самостоятельной независимой отъ грековъ церковной жизни, возвысить, какъ откровенно выражаются сами патріархи, „преизящный греческій родъ“, возстановить въ мнѣніи русскихъ „лѣпоту рода греческаго“, а вмѣстѣ съ этимъ увеличить и количество милостыни, посылаемой русскимъ правительствомъ восточнымъ патріаршимъ каѳедрамъ. Руководясь этими совершенно сторонними церквной жизни мотивами, два восточные патріарха и признали на соборѣ 1667 года старые русскіе церковные обряды еретическими по своему происхожденію и смыслу, и что будто бы эти обряды появились у русскихъ сравнительно недавно, когда они перестали признавать въ своихъ церковныхъ дѣлахъ верховное води-

тельство и руководство грековъ, заподозривъ чистоту и высоту ихъ благочестія, а себя признали единственными въ цѣломъ мірѣ представителями и носителями чистаго ни чѣмъ неповрежденнаго православія.

Рѣшительное и рѣзкое осужденіе соборомъ 1667 года, руководимаго двумя восточными патріархами, русскаго стараго обряда было, какъ показываетъ болѣе тщательное и безпристрастное изслѣдованіе этаго явленія, сплошнымъ недоразумѣніемъ, ошибкою и потому должно вызвать новый соборный пересмотръ всего этаго дѣла и его исправленіе, въ видахъ умиротворенія и уничтоженія вѣковой распри между старообрядцами и новообрядцами, въ видахъ приведенія русскихъ церковныхъ дѣлъ въ такой порядокъ, чтобы русская церковь по прежнему стала единою, какою она была до патріаршества Никона.

Что дѣло примиренія старообрядцевъ въ будущемъ съ новообрядцами, если вести его правильно, возможно, видно изъ слѣдующаго: что придало нашему расколу старообрядчества силу, стойкость и создало самую возможность его продолжительнаго существованія? Прежде всего и главнымъ образомъ слѣдующее обстоятельство: русскій старый обрядъ торжественно-соборно былъ провозглашенъ греками обрядомъ еретическаго происхожденія, заключающимъ въ себѣ еретическое ученіе и потому совершенно нетерпимымъ въ православной церкви. Но сторонники старообрядчества прекрасно знали, что старый обрядъ и по своему происхожденію и заключающемуся въ немъ ученію былъ строго православенъ, что въ немъ ничего еретическаго или сколько нибудь неправославнаго никогда не было и нѣтъ. Въ такомъ случаѣ, невольно задавались вопросомъ сторонники старообрядчества: что же значитъ, что греки и за ними всѣ русскія власти признали нашъ старый обрядъ еретическимъ? На этотъ вопросъ они естественно отвѣтили обратнымъ обвиненіемъ никоніанъ въ еретичествѣ: никоніане потому обвиняютъ старообрядцевъ въ еретичествѣ, что сами они, руководимые отступниками греками и во всемъ безпрекословно имъ подчиняясь, впали въ еретичество, почему старый русскій православный обрядъ теперь и сталъ казаться имъ еретическимъ. Слѣдовательно, стоять за старый русскій обрядъ въ существѣ дѣла значило стоять за старое чистое

православное ученіе, перейти къ новому обряду, значило измѣнить строгому православію и усвоить себѣ новое отступающее отъ него ученіе. Такъ, благодаря грекамъ, признавшимъ старый русскій обрядъ еретическимъ, создалась благодарная почва для вѣковой, крайне ожесточенной и непримиримой полемики между двумя борящимися сторонами, одинаково православными, а только воображавшими каждою стороною, что ея противники неправославны. Имъ казалось, что бороться было изъ-за чего: каждая сторона, жестоко и настойчиво поборая другую, думала этимъ спасать чистое, неповрежденное русское православіе и благочестіе отъ гибели,—борьба упорная и непримиримая, борьба до мученичества, была поэтому въ глазахъ старообрядцевъ святымъ, высокимъ подвигомъ, дѣломъ или вѣчнаго спасенія или вѣчной гибели. Очевидно, подъ борьбу изъ за обряда, совершенно безразличнаго для вѣры и благочестія, подложена была греками высокая, святая идея, благодаря которой самая борьба получила такой смыслъ, какаго въ ней вовсе не было и благодаря которому борьба получила возможность просуществовать цѣлыя столѣтія, она не прекращается и сейчасъ. Между тѣмъ, если бы греки не провозгласили нашего стараго обряда еретическимъ, а признали бы его такимъ же православнымъ, какъ и новый, но только устарѣвшимъ и потому требующимъ замѣны новымъ, если бы восточные патріархи къ этому присоединили еще признаніе, что нѣтъ никакаго преступленія противъ вѣры и благочестія употреблять старый обрядъ, какъ это и признала потомъ русская церковь, учредивъ такъ называемое единовѣріе, то дѣло церковной реформы совершилось бы у насъ иначе, чѣмъ было въ дѣйствительности, и у насъ, конечно, не возникло бы тогда раскола старообрядчества. Процессъ замѣны стараго обряда новымъ совершился бы тогда постепенно и мирно: приверженцы стараго обряда изъ духовенства мало по малу стали бы вымирать и ихъ мѣста замѣнялись бы новыми ставлениками, которые были бы поставляемы по новоисправленному чину, пріучены исправлять всѣ церковныя службы по новоисправленнымъ книгамъ, по которымъ бы они и совершали службы и въ своихъ приходскихъ церквахъ. Такъ мало помалу старое было бы постепенно и мирно оттѣснено новымъ и новое незамѣтно и само собою,

безъ всякой борьбы, получило бы съ теченіемъ времени господствующее значеніе и, въ концѣ, получило бы всеобщее признаніе. Но такому естественному и нормальному ходу дѣла помѣшало торжественно-соборное провозглашеніе греками стараго русскаго обряда еретическимъ, ни подъ какимъ видомъ недопустимымъ и нетерпимымъ въ православной церкви, почему я и считаю главными виновниками появленія у насъ раскола старообрядчества двухъ восточныхъ патріарховъ—Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго, вмѣстѣ съ ихъ руководителями—Паисіемъ Лигаридомъ и аѳонскимъ иверскимъ архимандритомъ Діонисіемъ.

Второю причиною, придавшею жизнь и долговѣчность нашему старообрядчеству, было то обстоятельство, что старообрядцевъ, какъ еретиковъ, съ самаго начала всячески гнали, преслѣдовали, подвергали разнымъ карамъ, не останавливаясь даже предъ сожженіемъ на кострѣ, и тѣмъ искуственно создавали изъ нихъ мучениковъ и героевъ, страдавшихъ будто бы за правую вѣру и истинное благочестіе. Къ сожалѣнію сами восточные патріархи, предсѣдательствовавшіе на соборѣ 1667 года, побуждали и благословляли наше правительство на всякія насилія и преслѣдованія старообрядцевъ, чтобы добиться ихъ конечнаго искоренeнія. Но притѣсненія, преслѣдованія и всякія кары за религіозныя вѣрованія и убѣжденія не только не достигали предположенной цѣли, а приводили какъ разъ къ обратнымъ послѣдствіямъ. Внѣшнія кары и преслѣдованія только ожесточали и озлобляли противъ православныхъ гонимыхъ старообрядцевъ, сила же и твердость ихъ внутренняго сопротивленія нисколько гоненіями не была поколеблена и надломлена, отъ гоненій она не только не умалялась, а еще болѣе закалялась, достигала высшаго напряженія, возбуждала въ преслѣдуемыхъ религіозный фанатизмъ, готовность смѣло идти на костеръ, лишь бы только остаться вѣрными своимъ вѣрованіямъ, которыя, ради преслѣдованій, становились въ глазахъ преслѣдуемыхъ еще болѣе дорогими, святыми и завѣтными. Конечно совершенно другой результатъ получился бы, если бы сторонникамъ стараго обряда съ самаго начала дозволено было его держаться, если бы открыто и рѣшительно было провозглашено, что для вѣры и благочестія, а слѣдовательно, и для спасенія каждаго

совершенно безразлично: будетъ-ли кто держаться стараго обряда, или новаго, что дѣло спасенія человѣка не зависитъ отъ употребленія того или другаго обряда, а только отъ правильности содержимаго ученія, суммы и характера нравственныхъ качествъ и дѣлъ, свойственныхъ каждому вѣрующему и имъ проявленныхъ въ его жизни, и что вообще употребленіе того или другаго обряда вѣрующимъ есть только дѣло подчиненія обычной данной церковной дисциплинѣ, есть только выраженіе подчиненія со стороны вѣрующаго голосу и авторитету данной церковной власти, не болѣе. При такой постановкѣ дѣла, единственно правильной, сколько нибудь серьезная, тѣмъ болѣе вѣковая борьба изъ за употребленія того или другаго обряда, была-бы невозможна по своей полной безцѣльности, безсодержательности, а въ концѣ и просто безсмысленности, почему и процессъ замѣны стараго новымъ совершился бы тогда самъ собою, безъ всякой открытой и острой борьбы, безъ всякихъ насилій и преслѣдованій и въ русской церкви не было бы раскола.

Что у нашего старообрядчества, по самому его существу, не имѣлось никакой серьезной почвы для дальнѣйшаго сколько-нибудь прочнаго и продолжительнаго существованія и что истинною основою всей его жизни было только недоразумѣніе и непониманіе дѣла обѣими боровшимися сторонами, это видно изъ слѣдующаго. Старообрядчество въ тогдашней русской жизни было такимъ явленіемъ, которое всячески стремилось задержать только что начавшееся у насъ просвѣтительное прогрессивное движеніе въ передовой части русскаго общества, отъ успѣха или неуспѣха котораго во многомъ и существенно зависѣла дальнѣйшая будущность Россіи. Дѣло здѣсь заключалось въ слѣдующемъ: церковная реформа Никона, какъ и всякая видная реформа, невольно вызывала въ тогдашнемъ обществѣ критическое отношеніе его къ себѣ, ко всему своему прошлому и тѣмъ необходимо будила дремавшія дотолѣ умственныя силы русскихъ, убаюканныя убѣжденіемъ, что русскимъ искать нечего, такъ какъ все высокое и цѣнное въ жизни, т. е. правая вѣра и истинное благочестіе, находятся только у нихъ однихъ; реформа Никона необходимо толкала русскихъ впередъ, требовала отъ нихъ, въ виду признанной несостоятельности стараго, энергичной борьбы надъ переустройствомъ своей жизни, ради

новыхъ народившихся потребностей. Между тѣмъ, противники церковной реформы Никона требовали отъ своихъ послѣдователей какъ разъ обратнаго, ударились въ противоположную крайность. Чѣмъ настойчивѣе реформа Никона указывала на несостоятельность, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, русской церковной старины, на необходимость перемѣнъ въ ней, согласно съ современнымъ греческимъ—вселенскимъ, тѣмъ настойчивѣе и крѣпче держались за старину противники реформы, тѣмъ рѣшительнѣе между ними утверждалось убѣжденіе, что всякое критическое отношеніе къ русской старинѣ, къ установившимся разъ понятіямъ и идеаламъ, всякое измѣненіе въ наслѣдованномъ отъ предковъ, есть тяжкое преступленіе, гибельное и для церкви и для государства. „Держу до смерти якоже пріяхъ; не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ; до насъ положено: лежи такъ во вѣки вѣковъ“;—вотъ основный принципъ, высказанный протопопомъ Аввакумомъ и усвоенный всѣми его послѣдователями. Нельзя, конечно, не признать того, что требованіе чтить свою родную старину, не только не относиться къ ней презрительно и враждебно, но оберегать ее и защищать отъ всякой ненужной ломки со стороны лицъ, увлекающихся иноземнымъ, стремящихся безъ разбора замѣнять иностраннымъ все добытое исторически-культурною жизнью своего собственнаго народа, есть требованіе вполнѣ законное и справедливое, составляетъ необходимое условіе правильнаго здороваго развитія каждаго народа. Притягательная и обаятельная для массы сила противниковъ Никона въ томъ между прочимъ и заключалась, что они являлись борцами и защитниками за родную, попираемую Никономъ, святую старину, борцами за такъ называемую теперь русскую самобытность, которой угрожало гибелью вторженіе иностранныхъ новшествъ. Но принципъ—хранить и оберегать родную старину, будучи вѣренъ самъ по себѣ, требуетъ однако со стороны своихъ послѣдователей и правильнаго теоретическаго пониманія и очень осторожнаго и умѣлаго практическаго приложенія. Далеко не всякая старина не во всемъ и всегда заслуживаетъ почтенія и охраны, особенно это нужно сказать о московской старинѣ XVI и XVII вѣковъ. Точно также и русская самобытность состоитъ, конечно, вовсе не въ томъ, чтобы упрямо стоять на одномъ мѣстѣ ради вѣрности тѣмъ

идеаламъ жизни, какіе выработаны были книжниками конца XV и начала XVI вѣковъ; конечно и не въ томъ, чтобы русскіе не нуждались въ измѣненіи разъ установившагося у нихъ круга понятій и, конечно, не въ томъ, чтобы ко всему, что не русское, они относились презрительно и отрицательно. А между тѣмъ противники реформы Никона упрямо настаивали на томъ, что слѣдуетъ беречь и хранить всякую свою старину, которая вообще не терпитъ критическаго отношенія къ себѣ и не допускаетъ въ себѣ никакихъ даже малѣйшихъ перемѣнъ, и что русскіе вовсе не нуждаются въ чемъ-либо иностранномъ, что они всячески должны противодѣйствовать проникновенію въ ихъ жизнь чего-бы-то ни было иностраннаго. Изъ сферы церковной старообрядцы перенесли этотъ принципъ и на всю жизнь общественную во всѣхъ ея сферахъ и проявленіяхъ, вслѣдствіе чего они обрекали русскихъ на вѣчный застой и неподвижность, убивали у нихъ всякое критическое отношеніе къ окружающей дѣйствительности, всякое движеніе впередъ и всякое дальнѣйшее движеніе и усовершенствованіе въ общественной жизни, такъ какъ невозможно успѣшно и безопасно двигаться впередъ съ лицомъ, постоянно обращеннымъ всегда только назадъ. Естественно поэтому, что все живое, здоровое и сильное въ русскомъ обществѣ должно было отшатнутся отъ этого ненормальнаго мертвящаго направленія, обрекавшаго своихъ послѣдователей на вѣчное стояніе на одномъ мѣстѣ, отнимавшаго у нихъ надежду даже и въ будущемъ на болѣе широкую, свѣтлую и прогрессивную жизнь, нежели какую могла дать имъ очень невысокая и притомъ уже отжившая русская старина московскаго періода. Естественно также, что протестъ противъ реформы Никона, какъ разрушающей русскую святую старину и вводящей у насъ иноземныя новшества, начавшійся было въ верхнихъ, интеллигентныхъ, относительно, слояхъ общества, уже очень скоро, лишь только опредѣлился истинный характеръ этого протеста, сталъ быстро и рѣшительно опускаться въ низшіе народные слои, потерялъ навсегда всякую непосредственную связь съ научно-образованною средою, нашелъ и находитъ себѣ пріютъ только тамъ, гдѣ не знаютъ, что такое настоящая наука и образованіе, что такое научно-критическое отношеніе къ предметамъ своего вѣрованія и почитанія, гдѣ

аввакумовскій принципъ: „держу до смерти якоже пріяхъ“, является самымъ подходящимъ, потомучто не требуетъ отъ своего адепта ни особыхъ знаній, ни заботъ о своемъ умственномъ и культурномъ развитіи, ни даже напряженія умственныхъ силъ: узналъ изъ извѣстныхъ книжекъ и отъ старцевъ, „что до насъ положено“ и держи это до сморти,— ничего большаго не требуется.

Вполнѣ естественно было, что старообрядчество, несмотря на то, что уже съ самаго начала своего появленія имѣло у себя очень даровитыхъ и начитанныхъ представителей, быстро создавшихъ цѣлую антиниконовскую литературу, а затѣмъ и во все послѣдующее время всегда имѣвшее въ своей средѣ очень значительное число лицъ грамотныхъ и начитанныхъ, особенно сравнительно съ массою безграмотныхъ православныхъ, въ теченіи однако столѣтій не создало ничего самобытнаго, не никоніанскаго ни въ церковной сферѣ, ни въ области наукъ и искусствъ, ни въ области культурно-общественной жизни, но всегда оставалось и доселѣ остается имъ чуждымъ, если уже не прямо враждебнымъ. Вся самобытность старообрядчества и доселѣ выражается только въ крайней узкости и односторонности его религіознаго міросозерцанія и общаго пониманія явленій, вся его энергія и сила и доселѣ расходуются главнымъ образомъ на сохраненіе и казуистическое оправданіе содержимыхъ имъ обрывковъ стараго церковнаго обряда, все въ немъ низведено на условныя застывшія внѣшнія формы, часто совсѣмъ лишенныя того живаго духа, который нѣкогда создалъ эти формы, давалъ имъ жизнь и разумъ. Старообрядчество и доселѣ относится къ серьезной свободной наукѣ, ко всякому сопровождающемуся критикой строго научному знанію и высшимъ проявленіямъ культурнаго развитія общества отрицательно, такъ какъ видитъ въ нихъ угрозу своимъ вѣковымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, всему доморощенному строю и уряду своей жизни. И это понятно. Старообрядчество уже по самому существу своему и происхожденію есть отрицаніе дѣйствительной свободной науки, строго научнаго развитія и образованія, научно-критическаго отношенія къ разъ установившимся понятіямъ и вѣрованіямъ, оно есть по самому существу своему рѣшительное отрицаніе всей той жизни, которая строится не на отжившей дѣдовской

традиціи только, но и на данныхъ вырабатываемыхъ современною культурною жизнью, благодаря чему старообрядчество вовсе не заключаетъ въ себѣ такихъ элементовъ, которые бы возбуждали, воспитывали и поддерживали бы въ немъ духъ творчества, активное стремленіе прогрессировать во всѣхъ сторонахъ своей жизни. Естественно, что подобное направленіе старообрядчества, не смотря на усиліе нѣкоторыхъ оправдать и даже идеализировать его, никогда не можетъ завоевать себѣ прочныхъ и устойчивыхъ симпатій въ мыслящей, научно-образованной средѣ. Естественно также, что старообрядчество, по самому существу своему, не смотря на всѣ внѣшнія его успѣхи, если бы онѣ оказались, обречено въ будущемъ на вымираніе, или на перорожденіе въ нѣчто иное, существенно отличное отъ старообрядчества въ настоящемъ его видѣ. Это необходимо случится, если образованность проникнетъ у насъ въ низшіе слои народа, которые теперь даютъ пріютъ старообрядчеству, конечно если только и сами православные не будутъ держаться той почвы, того строя понятій, тѣхъ пріемовъ и точекъ зрѣнія въ сужденіяхъ о предметахъ вѣры и знанія, которые нѣкогда породили у насъ старообрядчество, съ его религіозною узкостію и нетерпимостію, и потомъ содѣйствовали его развитію и процвѣтанію. Естественно также, что повышеніе и пониженіе старообрядчества въ будущемъ необходимо будетъ находиться всегда въ тѣсной, органической связи съ господствующими въ нашей общественной жизни теченіями: преобладаютъ теченія здравыя, истинно-научныя и прогрессивныя, старообрядчество будетъ падать, такъ какъ этимъ отнимается необходимая для его жизни и процвѣтанія почва; возобладаютъ въ обществѣ теченія противоположныя, старообрядчество, нѣкогда порожденное подобными же антипрогрессивными теченіями, въ нихъ всегда находившее свою опору, источникъ своей жизни и дальнѣйшаго развитія, будетъ возвышаться и шириться, такъ что вопросъ о силѣ и продолжительности существованія старообрядчества есть вмѣстѣ вопросъ о тѣхъ руководящихъ направленіяхъ, какія возмутъ рѣшительный перевѣсъ въ дальнѣйшей жизни русскаго народа.

Совсѣмъ другое отношеніе, чѣмъ къ старообрядчеству, было въ послѣдующей русской жизни къ Никону. Въ своихъ реформахъ Никонъ опирался на образованныхъ грековъ и

южно-руссовъ, въ руки которыхъ онъ передалъ веденіе книжныхъ исправленій и которымъ онъ, при рѣшеніи разныхъ тогдашнихъ церковныхъ вопросовъ, открыто давалъ преимущество предъ доморощенными начетчиками. Этимъ Никонъ естественно привлекалъ въ московскую Русь ту силу, какой ей доселѣ недоставало: силу науки и образованія, которыя только и могли создать для Россіи и упрочить за ней дѣйствительно первенствующее и руководящее положеніе въ цѣломъ православномъ мірѣ, такъ какъ для этого одного только внѣшняго и матеріальнаго процвѣтанія церкви и государства недостаточно. Для такой роли необходимъ былъ по преимуществу культурный капиталъ, богатство духовной жизни, заявляющее себя, между прочимъ, широкимъ развитіемъ образованности. А между тѣмъ въ такомъ капиталѣ у русскихъ, претендовавшихъ на первенствующую роль въ православномъ мірѣ, былъ рѣшительный недостатокъ. Туземная почва производила только ограниченное количество грамотныхъ лицъ и не особенно уже часто выращивала у себя крайне одностороннихъ, съ узкимъ кругозоромъ начетчиковъ,—это высшее, что только она могла произвести, такъ какъ по неимѣнію въ московской Руси правильно устроенной школы русскому не гдѣ и не у кого было получить надлежащее научное образованіе. Этимъ духовнымъ русскимъ безсиліемъ, этою общею умственною неразвитостію московскихъ русскихъ, полнымъ отсутствіемъ въ ихъ средѣ лицъ научно-образованныхъ и объясняется то явленіе, что москвичи при встрѣчѣ съ самыми неважными церковно-обрядовыми вопросами, въ родѣ вопроса о прилогѣ въ молитвѣ слова „и огнемъ", вопроса о единогласномъ пѣніи и чтеніи въ церквахъ, о времени церковныхъ звоновъ и т. под. какъ-то терялись, боязливо отказывались отъ ихъ рѣшенія своими собственными силами и средствами, спѣшили за помощію къ тѣмъ самымъ грекамъ, къ благочестію и къ церковнымъ книгамъ которыхъ они питали такое недовѣріе. Понятно отсюда, какъ важно было то обстоятельство, что Никонъ въ своей церковной дѣятельности выдвигалъ людей ученыхъ и образованныхъ, въ спорныхъ церковныхъ вопросахъ ихъ голосу давалъ рѣшительное преимущество предъ мнѣніями московскихъ начетчиковъ. Съ этого именно времени у насъ въ первый разъ было признано за наукою

и образованіемъ право имѣть рѣшающее значеніе въ вопросахъ церковныхъ и всякій, кто, подобно противникамъ церковной реформы Никона, хвалился тѣмъ, что никакихъ наукъ не изучалъ, да и не считаетъ нужнымъ изучать, уже не могъ претендовать на вліятельное руководящее положеніе въ русской церкви. Со времени же реформы Никона постепенно сформировалось и скоро окончательно окрѣпло въ русскомъ, по крайней мѣрѣ передовомъ обществѣ, и то убѣжденіе, что истинный пастырь церкви долженъ быть не просто только грамотнымъ человѣкомъ, или одностороннимъ узкимъ начетчикомъ, но человѣкомъ, получившимъ правильное школьное образованіе, что недостатокъ пастырей церкви съ такимъ образованіемъ, какъ показало возникновеніе старообрядчества, можетъ имѣть очень вредныя послѣдствія для правильнаго хода всей церковной жизни.

Важное значеніе церковно-реформаторской дѣятельности Никона не ограничивалось только сферою чисто церковной жизни, а шло гораздо далѣе. Дѣло въ томъ, что реформа Никона находилась въ тѣсной органической связи со всею тогдашнею русскою жизнью, появилась и стала возможна только потому, что прежніе устои и опоры русской жизни значительно подгнили и пошатнулись, что многое старое уже износилось, отжило и не могло болѣе удовлетворять новымъ народившимся запросамъ и потребностямъ, что московское общество, въ лицѣ своихъ передовыхъ людей, уже стало выше тѣхъ идеаловъ, какіе были созданы для него книжниками конца XV и начала XVI вѣка, что въ немъ замѣтно стало пробиваться наружу сознаніе несостоятельности прежней жизни, необходимости ея обновленія и переустройства, и даже, у самыхъ передовыхъ лицъ, явилось сознаніе въ необходимости школьнаго правильнаго образованія, въ необходимости и для московской Руси настоящей науки. Церковно реформаторская дѣятельность Никона и была однимъ изъ самыхъ крупныхъ и замѣтныхъ проявленій того перелома, какой совершался тогда во всей жизни русскаго общества, такъ что Никонъ съ своими реформами шелъ, такъ сказать, на встрѣчу уже пробудившейся въ обществѣ потребности критически отнестись къ своей прежней жизни, чтобы перестроить ее на новыхъ и лучшихъ началахъ, являлся представителемъ общественнаго движенія впе-

редъ, представителемъ стремленій лучшей и передовой части московскаго общества. Значитъ, реформаторская дѣятельность Никона, даже помимо его собственнаго сознательнаго намѣренія и сознательнаго стремленія, имѣла однако крайне важныя послѣдствія для послѣдующей нашей культурно-образовательной жизни: она показала несостоятельность нашего стараго идеала русской жизни, построеннаго нашими книжниками на основаніи узкаго національнаго самомнѣнія, на преувеличенномъ представленіи о необыкновенной высокости стараго русскаго благочестія и о крайнемъ его упадкѣ у всѣхъ другихъ православныхъ народовъ и, въ тоже время, на суевѣрно-боязливомъ отношеніи ко всякому новому направленію въ жизни, хотя бы порождаемому настоятельными запросами и требованія самой этой жизни. Послѣ реформы Никона жить старымъ для передоваго большинства, оказалось уже невозможнымъ, пришлось задачи и цѣли русской жизни понять значительно иначе, нежели какъ онѣ понимались прежде, пришлось прибѣгнуть и къ новымъ средствамъ для ихъ достиженія: представленіе о русской старинѣ, какъ о чемъ-то святомъ и завѣтномъ, что не допускало въ себѣ никакихъ перемѣнъ и измѣненій, было рѣзко и рѣшительно поколеблено, какъ ошибочное и несправедливое, даже относительно такой сферы, какъ святая и всѣми дотолѣ признававшаяся непогрѣшимою наша церковно-обрядовая старина. Въ этомъ именно отношеніи и смыслѣ Никонъ вполнѣ законно и справедливо можетъ быть названъ предшественникомъ Великаго Петра: безъ церковной реформы Никона, при всеобщемъ господствѣ старыхъ до никоновскихъ идеаловъ жизни, при всеобщей вѣрѣ въ ихъ святость, неприкосновенность и обязательность для каждаго, реформы Петра едвали были бы возможны. Наоборотъ, послѣ реформы Никона, когда въ сферѣ самой священной и завѣтной въ глазахъ народа—въ сферѣ церковнаго обряда и чина, которые всѣми считались доселѣ неподлежащими никакому измѣненію, произведены были очевидныя для всѣхъ перемѣны, отступленія отъ вѣковой святой старины, введены были несомнѣнныя иностранныя (современныя греческія) новшества, перемѣны и нововведенія въ другихъ сферахъ жизни, не соприкасавшихся непосредственно съ установившимся кругомъ религіозныхъ понятій, являлись, очевидно, уже

дѣломъ сравнительно болѣе возможнымъ и легкимъ: путь для преобразовательной дѣятельности Петра, въ указанномъ смыслѣ, несомнѣнно былъ подготовленъ Никономъ.

Время Никона и царя Алексѣя Михаиловича было временемъ перелома въ русской жизни. Сознавалась необходимость ея переустройства. Но гдѣ было взять силы и средства для этого? Своихъ собственныхъ культурныхъ средствъ и силъ не было, туземная почва ихъ не производила. По необходимости приходилось искать ихъ на сторонѣ—у иностранцевъ. Такъ какъ церковность въ то время проникала всю жизнь русскаго человѣка, считалась самымъ первымъ, главнымъ и важнымъ дѣломъ для каждаго, начиная съ царя и кончая послѣднимъ крестьяниномъ, и безъ нея никто не дѣлалъ въ жизни ни одного сколько нибудь серьезнаго шага, то прежде всего у насъ и обращено было вниманіе на церковную сторону жизни и съ нея начались прежде всего болѣе крупныя и замѣтныя для всѣхъ перемѣны. Обратились за помощію и содѣйствіемъ къ тѣмъ самымъ грекамъ, отъ которыхъ приняли христіанство, но отъ которыхъ мы сознательно и рѣшительно отстранились было послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя. Никонъ всю свою реформу произвелъ съ помощію грековъ и по ихъ указаніямъ. Послѣ его удаленія съ патріаршей каѳедры все дѣло о немъ самомъ, его реформѣ и веденіе всѣхъ вообще нашихъ церковныхъ дѣлъ всецѣло перешло въ руки пріѣхавшихъ въ Москву грековъ, которые рѣшали и устрояли наши запутавшіяся тогдашнія церковныя дѣла по своему усмотрѣнію. Главными церковными дѣятелями и безъапелляціонными рѣшителями нашихъ церковныхъ дѣлъ явились теперь Паисій Лигаридъ, греческій архимандритъ Діонисій и восточные патріархи Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій. Греческое вліяніе и значеніе достигаетъ теперь у насъ самаго высшаго развитія: московская Русь преклонилась предъ греками, признала ихъ высшій непререкаемый авторитетъ, ихъ верховное водительство во всѣхъ своихъ церковныхъ дѣлахъ. Но этого мало. На соборѣ 1666 года предъ двумя восточными патріархами стояли, какъ подсудимые, русскій царь и русскій патріархъ, ожидавшіе отъ судившихъ ихъ двухъ пришлыхъ восточныхъ патріарховъ рѣшенія ихъ участи. Большаго торжества гре-

ковъ трудно и представить. Казалось, что московская Русь окончательно примкнула къ греческому востоку, какъ къ своей прочной и надежной опорѣ въ своей дальнѣйшей жизни, которая у насъ и пойдетъ туда и такъ, куда и какъ поведутъ насъ наши руководители греки. Въ дѣйствительности однако получилось нѣчто совершенно другое. На это были особыя причины.

Русскіе при Никонѣ, во время суда надъ нимъ и противниками его реформы, признали въ своихъ церковныхъ дѣлахъ высшій авторитетъ тогдашнихъ грековъ, какъ носителей истиннаго вселенскаго православія, какъ людей болѣе опытныхъ и свѣдущихъ въ церковныхъ дѣлахъ, чѣмъ русскіе. Кромѣ того, они видѣли въ грекахъ людей ученыхъ и образованныхъ, владѣющихъ разными научными знаніями, какія совсѣмъ отсутствовали въ московской Руси. Но преклоняясь въ этомъ смыслѣ предъ пріѣхавшими въ Москву греками, передавая въ ихъ руки рѣшеніе всѣхъ тогдашнихъ церковныхъ дѣлъ, русскіе въ тоже время очень внимательно наблюдали за тѣмъ, что и какъ въ Москвѣ дѣлали греки, старательно изучали своихъ новыхъ руководителей и учителей. И вотъ изъ своего изученія, изъ всѣхъ своихъ наблюденій надъ пріѣзжими въ Москву греками, русскіе пришли въ концѣ къ очень невыгоднымъ заключеніямъ о тогдашнихъ грекахъ вообще. Русскіе не могли не видѣть, что греки ѣхали въ Москву прежде всего и главнымъ образомъ ради личной наживы на счетъ тароватаго на подачки московскаго правительства и всѣхъ русскихъ вообще. Русскіе видѣли, что греки, въ видахъ наживы, пускали въ ходъ всѣ средства, не исключая даже самыхъ сомнительныхъ, что они готовы были на всякія послуги, лишь бы имъ хорошо за нихъ платили. Если же грекамъ казалось, что русскіе имъ платятъ недостаточно щедро, они не стѣснялись, даже самому государю, открыто высказывать, что имъ платятъ мало, что за такую плату имъ нестоило бы и работать великому государю,—въ другомъ мѣстѣ за это время они могли бы заработать больше. Корыстолюбіе и эгоизмъ пріѣзжавшихъ въ Москву грековъ не могли быть неподмѣчены внимательно наблюдавшими за ними русскими [1]).—Какъ

1) Даже о самыхъ двухъ восточныхъ патріархахъ, предсѣдательствовавшихъ на соборѣ 1667 года, нѣкоторые у насъ составили себѣ очень

скоро въ руки грековъ перешло рѣшеніе всѣхъ нашихъ церковныхъ дѣлъ, какъ скоро ихъ вліяніе и значеніе сдѣлались преобладающими, они не стѣснились даже на соборѣ 1667 года воспользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ, чтобы явно тенденціозно унизить и опозорить русскую церковную старину, поскольку она не сходилась съ тогдашнею греческою церковною практикою, они не стѣснились, вопреки исторической дѣйствительности, признать всѣ русскія церковныя особенности продуктомъ невѣжества, слѣдствіемъ уклоненія русской церкви отъ праваго пути и склонности ея къ усвоенію завѣдомо еретическаго обряда. Это печальное явленіе, поясняли греки, случилось съ русскими потому, что они въ своей церковной жизни перестали было руководиться совѣтами и указаніями грековъ, совсѣмъ устранились отъ послѣднихъ и ради этого, благодаря своему невѣжеству и неразумію, едва не потеряли у себя православіе. Естественно, что такое тенденціозно-пренебрежительное отношеніе пріѣхавшихъ въ Москву грековъ къ русской церковной независимой отъ грековъ жизни, чѣмъ русскіе ранѣе такъ гордились и дорожили, сильно оскорбляло національное самолюбіе русскихъ, и хотя теперь они пассивно и подчинились грекамъ, но естественное чувство неудовольствія и раздраженія противъ грековъ у нихъ осталось.—Русскіе наблюдали за образомъ жизни и всѣмъ поведеніемъ проживавшихъ въ Москвѣ грековъ и изъ своихъ наблюденій убѣждались, что греки живутъ и ведутъ себя далеко не такъ, какъ слѣдуетъ жить и вести себя

невысокое представленіе, благодаря, между прочимъ, тому особенно поразившему москвичей обстоятельству, что пріѣхавшіе въ Москву восточные патріархи открыли у насъ очень не безвыгодную для нихъ торговлю индульгенціями, продавая ихъ желающимъ по рублю за штуку т.-е. на нынѣшнія деньги каждая индульгенція продавалась патріархами рублей по двадцати. Въ одной челобитной неизвѣстнаго государю по этому поводу говорится: „палестинскіе патріархи приходили въ твое государство и онѣ отъ себя давали здѣ, въ московскомъ государствѣ, разрѣшальные грамоты в' прежъ содѣянныхъ грѣсехъ, і впредь кто согрѣшитъ—грѣха не имать, а имали всего за такіе грамоты по рублю: какіе въ нихъ правды и истины искать? Нѣсть цѣлости въ нихъ, но острупѣли з' главы и до ногъ,—развѣ сотая часть въ нихъ обрящется струпа неимущая". (Государственный Петерб. главный Архивъ, разрядъ XXVII, № 558, л. 35—36).

настоящимъ благочестивымъ людямъ, что они живутъ во многихъ отношеніяхъ, съ русской точки зрѣнія, очень подозрительно и даже соблазнительно, что русскимъ изъ примѣра ихъ жизни научиться чему нибудь хорошему нельзя, почему въ своей жизни русскимъ не слѣдуетъ подражать грекамъ, а слѣдуетъ держать себя отъ нихъ какъ можно подальше, какъ отъ людей очень и очень подозрительныхъ. Наконецъ,—и это главное. Греки заняли въ Москвѣ вліятельное и руководящее положеніе въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ главнымъ образомъ потому, что они были люди ученые, образованные, имѣвшія разнообразныя знанія, благодаря полученному ими школьному образованію. Русскіе должны были признать въ этомъ отношеніи безусловное превосходство надъ ними грековъ и волей-неволей, при устройствѣ своихъ церковныхъ дѣлъ, должны были опираться на ихъ голосъ и авторитетъ, и вообще въ рѣшеніи разныхъ церковныхъ вопросовъ признать ихъ руководящее значеніе. Но, при ближайшемъ знакомствѣ съ учеными греками, русскіе узнали, что вся ученость грековъ, всѣ ихъ ученыя знанія пріобрѣтаются ими въ западныхъ латинскихъ школахъ и даже не иначе, какъ подъ условіемъ перехода обучающихся въ латинство, хотя бы этотъ переходъ и былъ со стороны обучающагося грека неискреннимъ и временнымъ. Такъ было съ извѣстнымъ книжнымъ справщикомъ при Никонѣ—Арсеніемъ грекомъ, такъ было и съ Паисіемъ Лигаридомъ. Это происходило потому, что у самихъ грековъ, какъ узнали русскіе, не было своихъ собственныхъ школъ и они по необходимости должны были учиться въ западныхъ латинскихъ школахъ. Такое печальное положеніе образованія у православныхъ грековъ подтверждали своими заявленіями и бывшіе въ Москвѣ восточные патріархи, Паисій Лигаридъ и др. Они торжественно обращались въ Москвѣ къ государю съ настойчивымъ предложеніемъ, чтобы онъ открылъ у себя греческія школы, которыхъ нѣтъ у самихъ грековъ благодаря туркамъ, и что въ этихъ школахъ, кромѣ русскихъ, будутъ учиться и греки, которые для этого нарочно станутъ пріѣзжать въ Москву. Въ виду такихъ обстоятельствъ у русскихъ невольно, самъ собою возникалъ вопросъ: если греки свѣтятъ для нихъ не своимъ, а только заимствованнымъ на западѣ свѣтомъ, то не лучше-ли и рус-

скимъ, минуя посредниковъ грековъ, обратиться за полученіемъ науки и образованія къ непосредственному источнику—на западъ? Греки, какъ я сказалъ, не смотря на преклоненіе предъ ними русскихъ въ эпоху Никона, всетаки не внушали русскимъ ни симпатій, ни особаго довѣрія къ себѣ, русскіе и теперь относились къ нимъ съ предубѣжденіемъ и признавали ихъ опеку и водительство въ своихъ церковныхъ дѣлахъ только по необходимости, чтобы съ ихъ помощью распутать и привести въ порядокъ свои запутавшіяся церковныя дѣла. Какъ же скоро это было сдѣлано и грекамъ за ихъ работу было щедро заплачено, они сдѣлались болѣе ненужными для русскихъ и ихъ значеніе въ Москвѣ такъ же быстро пало, какъ и выросло. Уже благочестивѣйшій грекофилъ Алексѣй Михаиловичъ, ближе присмотрѣвшись къ грекамъ и всему характеру ихъ московской дѣятельности, значительно разочаровался въ нихъ, и, подъ конецъ своего царствованія, сталъ склоняться къ западу. Его преемникъ и сынъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ пошелъ въ этомъ направленіи далѣе, а Петръ I-й рѣшительно обратился къ западу и греческое вліяніе пало у насъ окончательно. Очевидно время Никона, съ послѣдовавшими при участіи грековъ соборами, хотя и было временемъ высшаго проявленія вліянія тогдашнихъ грековъ на русскую жизнь, но въ то же время оно было и исходною точкою для окончательнаго паденія у насъ греко-византійскаго вліянія, сильнымъ толчкомъ къ рѣшительному повороту всей нашей культурной жизни въ сторону запада, и въ этомъ смыслѣ, повторимъ, на Никона можно смотрѣть какъ на дѣятеля, подготовившаго появленіе рѣшительнаго западника—государя Петра I-го.

Изъ всего сказаннаго выше мною становится понятнымъ, почему Никонъ, не смотря на всѣ свои ошибки и увлеченія, на нѣкоторыя очень несимпатичныя черты своего характера и многихъ своихъ дѣйствій, сдѣлался однако особенно дорогъ для всѣхъ позднѣйшихъ образованныхъ поколѣній, которыя усиленно стремились представить Никона горячимъ, вполнѣ сознательнымъ поборникомъ науки, образованія, завзятымъ врагомъ вѣковаго русскаго невѣжества и всѣхъ связанныхъ съ нимъ явленій въ тогдашней русской жизни. Это потому, что съ Никономъ и всею его дѣятельно-

стію неразрывно связанъ тотъ переломъ въ нашей жизни, который привелъ потомъ Русь къ сближенію съ образованнымъ западомъ и которому вся наша позднѣйшая культурная жизнь обязана многими лучшими своими сторонами. Благодаря именно этому обстоятельству имя Никона естественно стало потомъ знаменемъ прогресса и развитія, дорогимъ для каждаго понимающаго и цѣнящаго это развитіе. Напротивъ противники реформы Никона невольно вызывали въ образованныхъ, прогрессивныхъ кругахъ отрицательное отношеніе къ себѣ, такъ какъ для позднѣйшихъ образованныхъ поколѣній старообрядчество естественно сдѣлалось знаменемъ застоя, неподвижности, отрицаніемъ науки и прогресса.

Въ заключеніе я долженъ отмѣтить еще одну сторону въ дѣятельности патріарха Никона, имѣвшую очень важное значеніе во всей послѣдующей нашей церковно-государственной жизни.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ и самыхъ яркихъ фактовъ патріаршествованія Никона было его усиленное стремленіе поставить патріаршую власть рядомъ съ царской съ тѣмъ, чтобы патріархъ не только былъ самостоятеленъ и независимъ отъ царя въ дѣлѣ управленія церковію и всѣми вообще церковными дѣлами, но чтобы патріархъ могъ контролировать и государственно-общественную жизнь въ тѣхъ видахъ, чтобы она во всемъ шла согласно слову Божію, правиламъ св. апостоловъ, св. отцевъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и законамъ древнихъ благочестивыхъ греческихъ царей. Фактически, въ своемъ лицѣ, Никонъ вполнѣ достигъ своей цѣли: онъ сдѣлался совершенно независимымъ отъ царя, самостоятельнымъ и полновластнымъ управителемъ церкви и всего церковнаго, онъ, рядомъ съ царемъ, сталъ вторымъ великимъ государемъ, и при случаѣ, (во время польскаго похода царя) управлялъ всѣмъ государствомъ, какъ настоящій великій государь. Но произвольно оставивъ патріаршую каѳедру Никонъ началъ открытую соблазнительную борьбу съ царскою властью, усиливаясь всѣмъ доказать, что священство выше царства, что дѣйствительное отношеніе между царствомъ и священствомъ таково: „яко капля дождя отъ великія тучи, то есть земля отъ небеси мѣрится, тако и царство меньшится отъ священ-

ства“, что „патріархъ есть образъ живъ Христовъ и одушевленъ дѣлесы и словесы въ себѣ живописуя истину“, между тѣмъ какъ царь если нѣкоторыми и называется земнымъ богомъ, но такъ цари называются только „отъ человѣкъ безумныхъ“, хотя цари „и въ сладость пріемлютъ таковыя безумныя глаголы: ты богъ земной“. Поэтому Никонъ рѣшительно проповѣдывалъ теорію двухъ мечей: мірскаго и духовнаго, которые должны совмѣстно владычествовать надъ всѣми и всѣми управлять, причемъ мечу духовному онъ давалъ рѣшительное преимущество предъ мечемъ мірскимъ, такъ какъ священство по самому своему существу и по происхожденію выше и важнѣе царства. Въ проведеніи этихъ воззрѣній и въ ихъ осуществленіи въ жизни Никонъ и видѣлъ главную задачу своего патріаршества. Очень характерно то обстоятельство, что идеи Никона о превосходствѣ священства надъ царствомъ горячо были восприняты и всѣми русскими тогдашними архіереями, которые, если и не любили Никона, желали и добивались его паденія, за то вполнѣ раздѣляли и считали правыми его воззрѣнія, что священство выше царства, и настойчиво, даже на соборѣ 1667 года, добивались признанія правоты этихъ воззрѣній со стороны церкви и государства. Значитъ, въ своемъ стремленіи поставить священство выше царства Никонъ былъ не одинъ: съ нимъ за одно шли въ этомъ дѣлѣ и всѣ русскіе архіереи, желавшіе, чтобы и вездѣ въ епархіяхъ архіерейская власть была совсѣмъ независима отъ свѣтской государственной власти и чтобы епархіальный архіерей былъ выше всѣхъ мѣстныхъ мірскихъ властей. Но стремленіе Никона и тогдашнихъ архіереевъ создать изъ себя, какъ представителей церкви, вполнѣ самостоятельное и независимое государство въ государствѣ, или даже превратить свѣтское государство въ теократическое, совсѣмъ не имѣло подъ собою у насъ никакой исторической почвы, никогда не вызывало и не могло вызвать въ русскомъ обществѣ хотя бы малѣйшаго сочувствія къ себѣ, и потому, какъ мертворожденное, должно было окончательно погибнуть сейчасъ же послѣ своего появленія. Это прежде всего сказалось на самомъ Никонѣ, этомъ „великомъ государѣ“. Никонъ за свое стремленіе побороться съ царемъ, поставить свою патріаршую власть рядомъ съ царскою, если не выше ея, не только былъ разжа-

лованъ изъ „великихъ государей“, но и лишился своего патріаршаго престола, отданъ былъ подъ судъ, и изъ патріарха, по приговору соборнаго суда, превратился въ простого монаха Никона. При этомъ сторонники Никоновскихъ воззрѣній на отношеніе царства и священства—тогдашніе свободолюбивые русскіе архіереи, усиленно старались помочь свѣтскому правительству окончательно уничтожить Никона, не подозрѣвая, что въ лицѣ Никона они наносятъ окончательный смертельный ударъ и своимъ собственнымъ вожделѣніямъ—стать въ русскомъ государствѣ „свободными“ архіереями. Дѣло въ томъ, что если самаго сильнаго и выдающагося патріарха оказалось возможнымъ превратить въ простого монаха Никона, то отсюда уже недалеко было и до возможности уничтоженія у насъ самаго патріаршества, что дѣйствительно и случилось уже при сынѣ Алексѣя Михаиловича. Само собою понятно, что если можно было уничтожить самое патріаршество, то тѣмъ легче было справиться съ поползновеніями свободолюбивыхъ архіереевъ, что вскорѣ и было сдѣлано учрежденіемъ у насъ, вмѣсто патріаршества, св. Синода и водвореніемъ въ немъ всемогущей въ церковномъ управленіи власти оберъ-прокурора св. Синода.

Приложенія.

№ 1.

Грамата государя Алексѣя Михаиловича къ турецкому султану, чтобы онъ дозволилъ патріархамъ александрійскому Паисію и антіохійскому Макарію попрежнему быть патріархами на ихъ каѳедрахъ.

Богъ нашъ, иже прежде всѣхъ вѣкъ сый въ Троицы славимый, Отецъ и Сынъ и св. Духъ, присносущно пребываяй во вѣки, имъ же вся суть и мы живемъ и движемся и есмы, имъ же царіе царствуютъ и силніи содѣваютъ правду. Того вседержителя Бога милостію мы, великій государь царь і великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государстъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ и государь и обладатель.

Гамаюна подражателю, Магметъ солтану, государю константинопольскому, бѣломорскому, черноморскому, анатолійскому, урумскому, римскому, караманскому и иныхъ великихъ государей мусульманскихъ великій государь, великому государю и доброму пріятелю нашему братственное и всежелательное поздравленіе. Въ прошломъ 7174 году вѣдомо намъ, великому государю, нашему царскому величеству, учинилось, что въ вашей, брата нашего великаго государя Магметъ салтанова величества, области пребывающіи единовѣрніи съ нами святѣйшіи патріархи Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій путное шествіе отъ своихъ, въ которыхъ пребываютъ, градовъ имѣли, ради древнихъ долговъ своихъ и многіе скудости изъ предѣловъ ради собранія милостыни имѣли (выѣхать), о которомъ ихъ путношествіи, егда намъ, великому государю, нашему царскому величеству, извѣстно учинилось, и мы, великій государь, чрезъ наши царскаго величества милостивые грамоты ихъ пріити къ намъ понудили. А въ бытности своей на Москвѣ они, патріархи, нашему царскому величеству часто напоминали, чтобы мы, великій государь, наше царское величество, съ вами, братомъ нашимъ, съ великимъ государемъ, съ вашимъ салтановымъ величествомъ, дружбу братцкую и любовь имѣли свыше предковъ нашихъ великихъ государей, и чрезъ бы пословъ и посланниковъ между обоихъ насъ, великихъ государей, братцкая дружба и любовь подтверждалась и множилась постоятельно. А нынѣ они намѣрили изъ нашего цар-

скаго величества московскаго государства ѣхати на прежніе своя мѣста, и когда они къ тѣмъ своимъ мѣстомъ помощію Божіею прибудутъ, і вамъ бы брату нашему, великому государю, вашему салтанову величеству, ради нашея царскаго величества братцкіе дружбы и любви, имъ, вышереченнымъ патріархомъ, мѣста своя и престолы по прежнему одержати изволи. И якожъ вы, братъ нашъ, великій государь, ваше салтаново величество, то исполнити изволите, и превышнему всѣхъ содѣтелю Богу, а намъ, великому государю, нашему царскому величеству, желанное братцкое совершенно учините хотѣніе, за чтобы дружба наша множилася. О семъ и послы наши, по договорахъ великихъ государственныхъ дѣлъ, къ пріятству о заступленіи яко задуховныхъ въ отвѣтахъ вашимъ, брата нашего, салтанова величества, ближнимъ людемъ предложатъ, за чтобы наша братственная любовь никогда непрестала. Писано въ государствія нашего дворѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7175, мѣсяца іюлія 4 дня [1]).

№ 2.

Грамата государя Алексѣя Михаиловича къ александрійскому патріарху Іоакиму, чтобы онъ, Іоакимъ, уступилъ патріаршую александрійскую каѳедру ея прежнему обладателю Паисію, находившемуся въ Москвѣ.

Бога истиннаго, свѣта присносущнаго и трисіяннаго, его же держава вѣчна и щедроты пребогаты милостію. Мы великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, да титло полное.

Словесныхъ овецъ непорочнаго агнца бесцѣнною кровію искупленныхъ пастыреначальнику, архіерею пречестнѣйшему, святѣйшему и блаженнѣйшему папѣ и патріарху великого града Александріи и судіи вселенскому киръ..., небесныхъ и земныхъ благъ, въ разширеніе благочестія сугубаго, и благоденственнаго здравія отъ великаго и перваго архіерея, прошедшаго небеса, Господа Іисуса Христа Сына Божія, со всѣми, на священныхъ злацѣхъ пасомыми тобою, сподобитися, любезнѣ привѣтствуемъ.

Премудрый онъ и приснопамятный во царехъ Соломонъ духомъ святымъ подвиженъ таковая провѣща изрядне: даждь премудру вину и премудршій будетъ, сказуй, праведному и приложитъ пріимати. Отче пречестнѣйшій и во мнозѣ совѣтѣ спасенію быти все-

[1]) Турецкіе статейные списки, № 8, л.л. 66—68.

множество (во Христѣ)........... вѣрныхъ познаваетъ быти. И мы убо, непобѣдимаго царя нашего и Бога Іисуса Христа силою, крестоносныя хоругви держаще, и о цѣлости святыя матери нашея восточныя церкве веселящія въ лѣпоту, яко прочимъ благочестія блюстителемъ, сице и вашей пречестности, яко мужу премудру и ко изъясненію правды благая ушеса приклоняющу, о благихъ напоминати долженствуемъ, долженствующе коегождо ко благимъ побуждати и совѣтъ неразгласный святыхъ совѣту вашей пречестности предлагаемъ: воспомянувъ пречестность ваша душеспасительный страхъ Божій и судъ оный нелицемѣрный, комуждо по дѣяніямъ воздающій, уступи нынѣ неправильно тобою держимаго престола, правильне нань поставленному, вышепомянутому киръ Паисію, святыя Александрійскія церкве правильному архіерею, да праведнаго гнѣва Божія яко мудрый мудре избѣжиши. Аще ли долга временна тяжестію обремененъ еси, мужу предобрый, пріиди любве ради Божія въ нашу богохранимую державу и пріимемъ тя яко ангела Божія, заповѣдь святыя любве совершивша, и помощію Божіею исполнимъ твоея святыни потребы яко же лѣпо, точію страха ради и любве Божія благаго нашего совѣта и любовнаго прошенія не презри. Извѣстно вѣдый всякаго грома гласъ Спасителевъ страшнѣйшій: кая польза смотренія, вѣщаше, не пріидохъ да послужатъ мнѣ, но послужити и дати душу свою избавленіе за многихъ; оваго живодательная суть словеса сія вѣщающаго присно: хотяй въ васъ быти вящшій, да будетъ всѣмъ рабъ, Онаго страшнаго владыки и перваго архіереа и судіи всѣхъ архіереовъ сія повелѣнія, иже воздастъ комуждо по дѣломъ, его же крайнее незлобіе, о любви присно всѣхъ насъ и святымъ его евангеліемъ и вещьми учащее и наказующее, пречестность твоя во умѣ носяй, яко мужъ премудръ, отъ благаго нашего совѣта не уклонися и оному святѣйшему киръ Паисію святыя Александрійскія церкве правильному архіерею престола его правилнѣ поступися, слыша трубы свѣтлѣйшій треблаженнаго Павла гласъ вопіющій: еже не лихоимствовати брата своего въ вещи и не своея, но ближняго пользы искати и симъ отъ царствія Божія себе не отдаляти. Что бо укорно сотвори мужъ онъ святый архіерей святѣйшій? сіе ли, яко любве ради Божіей и ближняго, толь жестокое и здравія своего озлобительное въ нашу державу путешествіе подъя? толь, болѣзненыя и едва стерпительныя отъ неистовнаго агарянска рода укоризны и напасти принесе? Коликая печаловная святая его ушеса тамо слышаша? коликія поты и труды въ различныхъ склюценіяхъ святое его тѣло претерпѣ? Но за сія

вящшія чести достоинъ есть мужъ онъ Божій, яко страстотерпецъ мужественный, а не лишенія престола, или коего либо озлобленія. Убо мужу пречестнѣйшій душу твою предъ престоломъ Божіимъ помилуй, и должный престолъ правильному оному архіерею совѣтне предлагаемъ попусти воспріяти, симъ бо и соблазняющихся о семъ твоемъ дерзновеніи утѣшиши и предъ престоломъ нелицемѣрнаго судіи всѣхъ Бога нашего Іисуса Христа веліе дерзновеніе, яко исполнитель святыя его любовныя заповѣди, воспріимеши, ему же, истинной жизни нашея окормителю угаждая и служа, твори еже той заповѣда, и спасешися самъ и послушающіи тебе и о насъ молитствуй.

№ 3.

Грамата государя Алексѣя Михаиловича къ константинопольскому патріарху Меѳодію съ просьбою, чтобы онъ содѣйствовалъ возвращенію патріаршихъ каѳедръ, бывшимъ въ Москвѣ патріархамъ александрійскому Паисію и антіохійскому Макарію.

Предсѣдателю святыя восточныя церкве, священныхъ апостольскихъ престолъ намѣстнику, преблаженнѣйшему и благочестивѣйшему архіепископу Константинополя новаго Рима, пастыреначальнику престола первозваннаго, первопастыремъ начальникомъ Христомъ благословеннаго, и вселенскому патріарху киръ Меѳодію, нелицемѣрныя любве глубокаго мира и твердаго постоянія во благочестіи церкве Христовы восточныя, здравія же и благоденствія вкупѣ и душевнаго спасенія отъ Господа Бога и Спаса нашего Главы нашея единыя святыя соборныя и апостольскія церкве краеугольнаго нерукосѣчнаго камени Іисуса Христа, всѣхъ окормителя, совокупившаго разстоящаяся естества воедино, со всѣмъ сущимъ вашея святыни подъ паствою стадомъ, священнаго же и мирскаго православнаго сословія, усердно сподобитися, привѣтствуемъ.

Божественный онъ и царскій, Божія слова Іисуса Христа Господа нашего, насъ ради вочеловѣчшагося, гласъ къ верховному во апостолехъ Петру сице провещати благоизволилъ есть: и ты возвращеся утверди братію твою: силу животодательнаго сего гласа изрядно вѣсть твое преблаженство, отче пречестнѣйшій, братъ бо отъ брата помогаетъ, яко градъ твердъ бываетъ. И понеже пресвятости твоея братъ, пречестный пресвятѣйшій и блаженнѣйшій папа и патріархъ великаго града Александріи и судія вселенскій киръ Паисій, по нашему прошенію и вашего преблаженства по соизволенію, съ престола своего толь долгое и многоболѣзненное нашея державы въ начальнѣйшій градъ сотвори путешествіе, не

ради нѣкоихъ временныхъ вещей и суетныхъ, ниже собранія ради тлѣннаго имѣнія, но умиренія ради нѣкоихъ церковныхъ винъ, таковаго ангелоподобнаго мужа требовавшихъ, исправленія. И по толицѣхъ святыхъ своихъ и великихъ подвизѣхъ, архіерархъ онъ всесвятѣйшій, его же, яко ангела Божія словесъ насладихомся, его же яко живое добродѣтелей зерцало зрѣти сподобихомся, нынѣ правильне на свой архіераршескій святыя Александрійскія церкве престолъ возвратитися намѣряетъ, и въ хотящемъ его быти путешествіи и престола его архіераршескаго воспріятіи боголюбезныя твоего преблаженства помощи и братскаго утѣшенія требуетъ, еже обое, чрезъ вашея пресвятости благое разсужденіе, оному пречестному архіерею исполнено быти, желанія ради вышнія помощи, надѣемся. Слухъ бо дойде нашего царскаго величества во ушеса, отче пречестнѣйшій, яко на архипастырскій онаго вышеупомянутого архіерея, блаженнѣйшаго киръ Паисія, степень взыде самовластно нѣкій архіерей, забывъ страхъ архіерея превышняго и судъ страшный, по дѣломъ комуждо воздающій. Еже онаго архіерея на таковый престолъ возшествіе, аще по святымъ правиламъ сотворено есть, вѣсть добре пречестное твое архипастырство, иже святыхъ правилъ урядженіе, христіанское исполненіе окормляти вседержительною рукою поставленный, желаемъ убо, отче всеблаженнѣйшій, да по священныхъ правилъ опредѣленіямъ вышеимянованному архіерею киръ Паисію престола его воспріятіе руководствуеши, и въ прочихъ его святыхъ требованіяхъ, яко лѣпо намъ христіаномь, помоществуеши, вѣдый онаго мужа священнолѣпнаго и многотруднаго между великихъ государствъ не враждотворца, но миротворца быти. Тщашася присно о спасеніи душъ человѣческихъ, елико бо во онаго брата твоего святаго архіерея утѣшеніе святыхъ твоихъ потовъ совнесеши, толико великихъ мездъ у онаго, иже нашего ради спасенія воспріятою насъ ради плотію въ вертоградѣ потъ свой пречистый изліяти благоволилъ есть, насладишися. Ему же свѣту истинну, Іисусу Христу Богу нашему и Спасителю, просимъ святыя твоея архіерейскія молитвы да приносиши о насъ, и о нашей царицѣ, и чадѣхъ, и о всемъ христіанскомъ множествѣ, да тихое и безмолвное житіе поживаемъ предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истинный пріити. Радуемся же веліею радостію слышаще ваше преблаженство, первопрестольнаго архипастыря во святыхъ архіерейскихъ подвизѣхъ пребывающа, многихъ ко спасенному пути наставляющи, многія слезы о спасеніи душъ человѣческихъ проливающа, многія

поты, цѣлости ради церковныя, подъемлюща, и сими всѣми превышняго нашего подвигоположника увеселяюща, его же ради святыя любве и помощи усугубляемъ предложеніе, якоже лѣпо пречестному преблаженству вашему: помоществуй святѣйшему оному киръ Паисію, мужу многихъ похвалъ достойному, но и блаженнѣйшему оному и всесвятѣйшему киръ Макарію, Божія града Антіохіи и всего востока патріарху, иже по святыхъ своихъ трудѣхъ изъ нашея державы въ 6 день Іюня настоящаго лѣта къ воспріятію высокостепеннаго престола помощію Божіею пути вдадеся, идеже мощно и лѣпо преблаженства твоего вспоможеніе да сотвориши. Желаемъ: увесели, ваше преблаженство, насъ съ царицею нашею и чады и съ нашимъ, во святѣмъ Дусѣ, отцемъ, преблаженнѣйшимъ и пресвятѣйшимъ братомъ вашимъ киръ Паисіемъ, папою и патріархомъ Александрійскимъ, и съ нашимъ во святомъ Дусѣ отцемъ, святѣйшимъ братомъ вашимъ, Іоасафомъ, патріархомъ московскимъ и всея Русіи, призрѣніемъ триvпостаснаго нашего свѣта и пресвятыя Богородицы покровомъ и всѣхъ святыхъ и вашими архиераршескими чистотными молитвами, въ царствующемъ градѣ Москвѣ во благоздравіи пребывати и въ будущая въ той же, вышеявленной непогрѣшимой надеждѣ, все упованіе пологати. Данъ государствія нашего во дворѣ въ царствующемъ великомъ и преименитомъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія мира 7176, а отъ воплощенія слова Божія 1668 мѣсяца августа 11 дня.

№ 4.

Проектъ граматы государя Алексѣя Михаиловича, писанный грекомъ іеродіакономъ Мелетіемъ, къ константинопольскому патріарху и собору о признаніи дѣяній московскаго собора 1667 года, и чтобы Паисій Лигаридъ былъ возстановленъ въ своемъ архіерейскомъ достоинствѣ.

Переводъ съ греческого писма съ грамоты, которою писал дияконъ Мелентей.

По семъ чрезъ сию нашу царского величества грамоту обьявляем освещенной вашей главѣ блаженствия вашего и всему освещенному собору, яже блаженнѣйшій нашъ отец Паисѣй, папа и патріархъ великаго града Александрѣи, со блаженнѣйшимъ братомъ и сослужителемъ его господиномъ господиномъ Макариемъ, патріархомъ Антиохѣйскимъ, со благоговѣніемъ послушали прошенія нашего, со многими трудами и печальми изъ дальныхъ путей терпѣливо и нужно пришли, отнуть мы тово нечаяли видѣти и слышати.

Просимъ убо и великой Христовой церкви получити в чести и в веселіи, и что какую честь учините имъ, и то учините нашему царскому величеству. Еще просимъ и о здѣшнемъ соборномъ, что уложено и совершено, всѣмъ желаемъ явленно быти и улажити уложенье въ великой Христовой церкви гдѣже и преближныхъ и уложаютца въ паметь вѣчною въ поминовенье всегдающи, и потом после насъ будущихъ. яко да смирятся зломысленные по поученьемъ апостолъ столько, что писали ево по правдѣ, наказующа безщинники и безумные, яко да не превозносятся гордающіи. Но иногда патриарха Никонова изверженья соборнѣ просимъ подписати, яко по правдѣ, по правиломъ законнымъ, по освященнымъ уложеньемъ и соборныхъ правилъ и патріаршихъ томосъ познанъ бысть и осужденъ преже и потомъ всѣмъ соборомъ. Сего ради ищемъ, молимъ, да утвердятца. И сколька повелѣние было въ нашемъ мѣсте, соборъ со многимъ смотреніемъ уложено и записано отъ блаженнѣйшихъ патріарховъ и от всѣхъ и здѣ живущихъ архиереовъ въ возвратеньѣ новореченноми о мысленныхъ и отъятіе зломысленнымъ, подлинно и совѣтное догматовъ и учинья русская церкви со восточные церкви, питательные матери нашей, совѣтно же принели. И сего ради хочемъ имѣти совѣтъ соборнымъ вашимъ письмомъ чрезъ нашего свещеннаго діякона Мелетія. Мы же паки милость и жалованья матери нашей восточной и питательной великие церкви не будемъ въ забвеньи никогда, токмо и побольше призирати будемъ къ блаженнѣйший памяти прародителей нашихъ царей возпоминанья вѣчное, приснопаметные царицы и супрюги нашей Августы Маріи и во присносущные еще возпоминания ихъ любез нашихъ чадъ царевичев, что просятъ ани вкупе съ нами молитвы и благословенья отъ вашей святости и вселенскаго отечества. І еще вещаемъ о митрополите Гаскомъ Паисѣя, котораго имѣемъ въ царскомъ нашемъ дворѣ, яко велия учителя и перевощика нашего, чтобы имѣлъ перваго честь и славу такоже и по прежнему, понеже нѣкіе злорадочники отъ зависти своей заслословили его ко святительству вашему и в безщестии извергнули поставили его. И о томъ зело зело опечаловалися мы, вѣдучи не злобия его и благодастваа̑ его, яко много тружался и постился, въ странѣ нашей соборе и о смиреніи Христовой церкви труждался словомъ и дѣломъ вельми, еже бы прияти честь, но получилъ безчестія, оттуле и срамоту. И сего ради просимъ и молимъ отписать, чтобъ ему пріяти прежнею его честь, яко намъ вѣдомо житие его и пребыванье его, и свидѣтельствуемъ архиереомъ добрымъ и чес-

ное житие раба, а которые иноки его аглашали и предали, недружа сказали—очи бо отъ ушей вѣрние. Молимъ и просимъ, да обрящемъ прошеніе наше, вѣдучи, яко сколька не учинилося, и то учинилося съ зависти и по недружбе человѣка. Посемъ буди здравъ пресветѣйшій владыко на многие лѣта. Дана изъ залотой палаты, писано отъ созданія мира 7177-го, а отъ Р. Х. 166 Июлию 13 де. А другая грамота іерусалимскому патриарху писано, что писано къ цареградцкому патріарху слова въ слова. [1])

№ 5.

Фирманъ султана, разрѣшающій александрійскому патріарху Паисію снова занять патріаршую каѳедру въ Александріи.

Славимъ Господа Бога безначальнаго и безконечнаго.

Салтанъ Магметъ, Ибраимовъ сынъ, Нашего салтанова величества повелѣнье то: напередъ сего во Александіи надъ греческимъ закономъ, по нашимъ жалованнымъ грамотамъ, патріархомъ былъ Паисѣй, и какъ онъ поѣхалъ къ Москвѣ, и послѣ его билъ челомъ на его мѣсто патріархомъ учинился Іоакимъ, а въ челобитье своемъ объявилъ, будто онъ, Паисѣй патріархъ, побѣжалъ къ Москвѣ, и тѣмъ онъ облыгаючи, патріаршимъ мѣстомъ владѣлъ, и про то намъ вѣдомо учинилось. И мы для того нынѣ ево отъ патріарша мѣста отставить велѣли, и нынѣ московскій государь вѣдомо учинивъ и по-прежнему звычаю отъ патріарховъ поминки въ прошломъ во 176 году дано; и для того ему Паисѣю патріаршествовать указали мы попрежнему во Александріи, и гречаномъ велѣно ево почитать патріархомъ, и что къ ево патріаршеству подобные дѣла належатъ, и онибъ ево вовсемъ почитали и во всемъ патріаршу слову вѣрили, и надо всѣми духовными чинами власть имѣлъ, и никому опричь ево, патріарха, до тѣхъ дѣлъ не вступатца. А которые попы и иной духовной чинъ не учнутъ подъ его патріаршею паствою быти, и тѣмъ учинити наказанье по ихъ чинамъ, и всѣбъ по христіанскому закону ево во всемъ слушали, и подати по ихъ звычаю съ нихъ патріарху имѣть, и никто бъ въ томъ ослушенъ не учинился, и всякіе бъ дѣла межъ греческимъ закономъ дѣлалъ по прямымъ свидѣтельствамъ и безъ его патріарша вѣдома никому не вѣнчатца; которые женскій полъ учнетъ отъ мужей бѣ-

---

[1]) Греческія дѣла, 7177 г. № 27. Отсюда же извлечены и граматы, напечатаннѣ выше—№№ 2 и 3.

гать и разлучиваца, или кто станетъ женитца и опричь ево, патріарха, въ тѣ дѣла никому не вступатца. И которые сады и деревни и угодья данные ему патріарху въ ево области къ монастырямъ, и до тѣхъ мѣстъ садовъ и угодей и деревень опричь ево, патріарха, никому дѣла нѣтъ, какъ и прежніе александрійскіе патріархи владѣли, и нынѣ ему Паисѣю потомужъ владѣть попрежнему. А бывшему Іоакиму патріарху во александрійской патріаршеской области ни въ какіе дѣла не вступатца, и учинить о томъ по сему нашему повелѣнію. [1])

№ 6.

Грамата московскаго патріарха Іоасафа къ константинопольскому патріарху Меѳодію съ просьбою, чтобы онъ оказалъ всякое содѣйствіе возвращающемуся изъ Москвы александрійскому патріарху Паисію.

Святѣйшему и всеблаженнѣйшему великому господину и отцу, киръ Меѳодію, Божіею милостію архіепископу Константинопольскому новаго Рима и вселенскому патріарсѣ, Іоасафъ, Божіею милостію патріархъ московскій и всея Россіи. здравія, благоденствія и всякихъ благъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и радоватися выну о Христѣ Господѣ истинно желаетъ.

Божественная благодать, изволившая въ началѣ бытія видимаго сего міра четыре стихія создати и отъ нихъ прочая сложеная тѣлеса сотворити. угодно себѣ четверичное число быти появствуетъ. Егда неточію всю вселенную о четырехъ частѣхъ: востоцѣ, западѣ, юзѣ и сѣверѣ восхотѣ утвердити, и рай онъ пищный, жилище Адама первозданнаго, четырехъ рѣкъ величайшихъ пресладкими и пребогатыми источники возвеселити, но и духовный храмъ свой, еже есть церковь святую, четырми незыблемыми углы, святыми, глаголю, благовѣстіи утвердити, и на краеугольномъ камени, иже есть Іисусъ Христосъ, основати, его же кромѣ иного основанія никто же можетъ положити: на немъ же основаніи, аще и всякъ вѣрный тектонствуя назидаетъ по своему изволенію или злато, сребро, и каменіе честное, или дрова, сѣно. тростіе, еже есть явлено будетъ въ день онъ всяческихъ откровенія. Обаче четырехъ изряднѣйшихъ архитектоновъ отъ Христа Бога дарованныхъ, на четырехъ высочайшихъ святыя восточныя церкве престолѣхъ посажденныхъ, истинныхъ святыхъ апостоловъ наслѣдниковъ и ихъ мѣстъ держателей,

[1]) Турецкіе статейные списки № 8, л.л. 322 об.—324.

вас святѣйших и всеблаженнѣйших патріархов церковь святая почитаетъ, иже выну предобро и времудро во всей подсолнечнѣй зданіе храма Христова премудрѣйшими ученія словесы и праведнѣйшими дѣлесы, яко златомъ и сребромъ и каменіемъ честнѣйшимъ назидаете, за что, отъ златыя вѣнцы готовящія труждающимся десницы, достойное имате воспріяти воздаяніе; отъ земнородныхъ же ваши труды и поты, въ созиданіи храма церкве, кто доволенъ нетокмо воздати, но исповѣсти? Наша великороссійская церковь, яко дщерь матери, всякое вамъ долженствуетъ выну благодарствіе, воистинну бо родительское въ нашихъ нуждамъ проявляете попеченіе, якоже въ настоящихъ лѣтѣхъ проявити благоизволите. Се бо благословеніемъ престола вашего пріидоша отъ далечайшихъ странъ, пренебрегши всякое бѣдство путное, и забывше всякія отрады и здравія си тѣлеснаго, паче же и животъ свой волнамъ пѣнящися ввѣривше пучинородному морю, два святѣйшіи патріархи: Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій пріидоша, глаголю, съ превеликими труды, отческою любовію поощряеми, во великороссійскую страну, въ царствующій, преименитый и богоспасаемый градъ Москву, и ту вся требовавшая пастырскаго досмотрѣнія, предобро и преблаго устроиши, алчныя пищею слова Божія доволнѣ напиташа, жадныя сладкими божественнаго ученія источники нескудно напоиша, и еже о бывшемъ патріарсѣ московскомъ Никонѣ премудро и всеразсудно по божественныхъ апостолъ и отецъ святыхъ правиломъ разсудивше, праведный судъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ сотворивше; та и иная, якоже подобаше, пастырски устроивше, миръ церкви нашей оставлше и вся добрѣ содѣявше, потщахуся возвратитися въ своя си. Святѣйшій Макарій патріархъ антіохійскій изволи путь воспріяти персидскою страною и чрезъ Іверію. Святѣйшій же и блаженнѣйшій Паисій патріархъ александрійскій и судія вселенныя вожделѣ видѣти предостойнѣйшее лице твоего пастырства, имъже сію нашея мѣрности грамоту твоему всеблаженнѣйшему святительству досточестно вручающе, молимъ прилежно твое преблаженство, да благоволи кія труды полэы ради церкве нашея подъемшаго, достойнаго не лишити похваленія. И емуже мы равнаго трудомъ благодарствія воздати недоумѣхомъ, тому твоя отческая премудрость наше лишеніе благоволитъ исполнити достойно ублаженіемъ, и во нуждахъ руку помощи подаяніемъ; всяже всещедрая десница Божія имать нескудно воздати архипастырству твоему во временнѣй и вѣчнѣй жизни. А наша мѣрность всячески не имать быти безблагодарна о всѣхъ,

ихъ же насъ сподобиши своихъ благотвореній: ихъ надежно чая, молю всеблагоутробнаго Господа, да тя соблюдетъ въ мирѣ, цѣла, честна, здравіемъ долгоденствующа, и право правяща слово своея истинны. Твоего же святительскаго усердно желаю благословенія, и во святыхъ и праведныхъ молитвахъ ходатайства къ Богу, съ нимъ же выну пребуди по обоему внутреннему и внѣшнему человѣку.

Писася въ царствующемъ, преименитомъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7177. [1])

№ 7.

Грамата московскаго патріарха Іоасафа къ Іерусалимскому патріарху Нектарію съ усиленною просьбою, чтобы онъ разрѣшилъ Паисія Лигарида и возстановилъ его въ прежнемъ архіерейскомъ достоинствѣ.

„Святѣйшему и всеблаженнѣйшему великому господину и отцу киръ Нектарію, Божіею милостію патріарху святаго града іерусалима и всея Палестины, Іоасафъ, Божіею милостію патріархъ московскій и всея Россіи, здравія, благоденствія и всякихъ благъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и радоватися выну о Христѣ Господѣ, истинно желаемъ.

Веліимъ о Христѣ Господѣ сердце наше разширися веселіемъ и умъ неизреченною наполнися радостію, егда пріемше отвѣтное вашего преблаженства намѣрности нашея посланіе писаніе, обрѣтохъ въ немъ истинную, якоже подобаетъ ученикомъ Христовымъ имѣти, любовь по оному Его завѣщанію: сія есть заповѣдь моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы. Сію заповѣдь твое преблаженство сохраняюще, другъ еси Христовъ, по Его самаго блаженному извѣщенію, еже есть: вы друзи мои есте, аще творите, елика азъ заповѣдаю вамъ. Толикоже имѣя друга благословенъ еси, ибо ничтоже, еже благо, лишитъ тя; имѣеши вся, имѣя вся имѣющаго друга; въ десницы его долгота житія и лѣта живота, и въ шуйци его богатство и слава. Того имѣя друга тебѣ, съ тобою и въ тебѣ, чесого лишенъ можеши быти? Воистинну вся благая съ нимъ имѣеши купно, наипаче вѣчная, яко отъ создателя всѣхъ вѣковъ; обаче да выну безтщетно держиши и удержиши. Азъ благодарей сый всячески обѣщанія вашего, еже сотвори блаженство ваше, о молитвахъ святыхъ мѣрности нашей, о блаженной жизни нашей временнѣй же

---

[1]) Рукопись московской синодальной библіотеки, № 130, л.л. 37 и 38. Таже грамата въ рукописномъ сборникѣ Флорищевой пустыни, № 108—676.

и вѣчней, выну воздежду руцѣ мои съ теплымъ моленіемъ ко Христу Господу, да яко отвѣтова святымъ апостоломъ: се азъ съ вами есмь по вся дни до скончанія вѣка; тако съ твоимъ преблаженствомъ, истиннымъ святаго Апостола Іакова намѣстникомъ, пребудетъ во вся дни живота вашего и со святымъ ѳрономъ вашимъ до кончины міра, да сѣдатель и сѣдалище твердо пребудутъ и непозыблемо. Увѣщаніе ваше братолюбное о мирномъ строеніи церкве и о добромъ пасеніи словеснаго стада Христова, любезно цѣлуя, твердымъ незабвенія ваяломъ изваяхъ на скрижалѣхъ сердца моего, на нихъ же предвари тожде божественнымъ си перстомъ написати: сердце и всего мя человѣка создавый Архипастырь пасый израиля, и не усыпаяй и недремляй въ храненіи его. На пресланіи архипастырскаго ти благословенія всему стаду Христову, жезломъ правимому мѣрности нашея, духовнымъ же и мірскимъ велимъ же и малымъ, не малое, но великое, якоже достоитъ великаго Бога великому архіерею, именемъ всѣхъ пресылаемъ поклоненіе, съ лобзаніемъ десницы ти благословящія. О прочіихъ всѣхъ писаныхъ къ намъ вами радуемся, точію едина печаль, аки дождь во время жатвы ущербляетъ ведро веселія нашего: еже есть о запрещеніи и отлученіи отъ всякаго священнодѣйствія Паисія Лигаридіа. О семъ—како и гдѣ прежде живяше,—нѣсть намъ извѣстіе совершенно. Но отнележе пришедша его въ царствующій и богоспасаемый градъ Москву, познахомъ, за девять лѣтъ создадѣ, ничесоже видѣхомъ по немъ неистово и безчинно, пачеже премногія труды его премудріи, многую ползу церкви великороссійстей принесоша ихъже мы благодарни суще, надежно молимъ братолюбіе ваше, да не презрѣвше прошенія мѣрности нашея, даруеши ему оставленіе вины его, кая либо есть предъ святостію вашею, и благоволиши ему прислати писаніемъ своимъ архипастырскимъ прощеніе и благословеніе, занеже всяческое являетъ по себе смиреніе и благопокорство къ твоему преблаженству, яко законному архипастырю своему, и молилъ есть съ многократнымъ стужаніемъ благочестивѣйшаго самодержца о отпущеніи къ святительству твоему, ради взысканія прощенія, якоже устнѣ предостовѣрный свидѣтель, святѣйшій и всеблаженнѣйшій Паисій патріархъ великаго града Александріи и судія вселенскій, о всѣхъ можетъ извѣстити. Но благочестивѣйшій, тишайшій, самодержавнѣйшій великій государь царь и великій князь Алексій Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, благоволилъ его удержати, благословныхъ ради винъ, сирѣчь совершенія ради зачатаго толкованія нужнѣйшихъ нѣкихъ тайнопи-

санiй, и обѣща ему къ вашему святительству ходатай быти о прощенiи. Тѣмже аще твое преблаженство, поминающе Христово слово: будете милосерди, якоже и отецъ вашъ милосердъ есть; и ону молитву повседневную: и остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ—сотвори съ нимъ всячески смиренно твоему жезлу архипастырскому преклоняющимся отеческое милосердiе и остави долгъ его, дарующе прощенiе и благословенiе,—будетъ Отцу небесному благопрiятно, царю благочестивѣйшему радостно и нашей мѣрности благодарно, и всей церкви россiйстей душеполезно, О семъ прилежное наше многократно усугубляюще прошенiе, да исполненну и совершенну радость нашу сотвориши, имамы не забывати преблаженства вашего у престола царя небеснаго о милости, у земнаго же о милостыни, пособствiя ради. При семъ святыхъ вашихъ архiерейскихъ требуемъ молитвъ и благословенiя, взаимъ воздаяти долгъ братолюбiя и сослужительства нашего усердно по себѣ обѣщающеся и желающе, вамъ, со всемъ стадомъ словеснымъ отъ Архипастыря небеснаго пасенiю вашему врученнымъ, радоватися временно и вѣчно, спастися же и тѣломъ и душею.

Писася въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 1669, iунiя 4 числа. [1])

№ 8

Грамата александрiйскаго патрiарха Паисiя къ государю Алексѣю Михаиловичу съ указанiемъ тѣхъ невыносимыхъ страданiй, какiя онъ невинно терпитъ по своемъ возвращенiи изъ Москвы въ Турцiю, и съ просьбою о милостынѣ ему.

Благочестивѣйшiй, христiаннѣйшiй, державнѣйшiй, тишайшiй, богохранимый, боговѣнчанный, богодаровательный побѣдитель и побѣдоносче, непобѣдимый, всеславнѣйшiй всегда августъ цесарь i великiй государь и владыко, государь, государь Алексѣй Михаиловичъ московскiй и всея великiя и малыя и бѣлыя Россiи самодержецъ, сыне во Христѣ Господѣ и владыко, сладчайшiй, трiжеланный и возлюбленный нашего умиренiя, да будетъ святому и богодарованному твоему царствiю благодать, миръ, милость, побѣда на враги видимые и невидимые, отъ трисiятельной и трисвятой троицы Отца Сына и св. Духа во единомъ естествѣ Бога нашего, моленiе, благословенiе, прощенiе и все что благое и святилное чрезъ св. Духа посылается, смиренно отъ нашего умиренiя и отъ Святаго апостольскаго и патрiаршескаго нашего престола евангелиста Марка, по

[1]) Рукопись московской синодальной библiотеки, № 130, л.л. 39—41. Та же грамата въ рукописномъ сборникѣ Флорищевой пустыни, № 109—676.

мощь и посѣщеніе, со благочестивѣйшею и тишайшею царицею государынею, государынею Наталіею, новою Пульхеріею и новою Θеодорою, и съ благовѣнчанными и богодарованными сынома вашима царема нашима Θеодоромъ Алексѣевичемъ и Іоанномъ Алексѣевичемъ, съ богохранимыми царевнами, и со всею палатою и съ воями державнѣйшаго вашего царствія, аминь.

Понеже державнѣйшій великій царь чрезъ повелѣніе самодержавнаго царя нашего солтана Магмета привезенъ есмь узами желѣзными обвязанъ в' Андріанополь, по подобію Павла Апостола, по оклеветанію безбожнаго Архипа, еже нынѣ дьяволомъ пребываетъ, отрекся бо нашей непорочной вѣры. И привезены, да будемъ судитися съ нимъ предъ праведнымъ судомъ великаго царя нашего, о которомъ ото многихъ слышало святое царство твое, а наипаче отъ Мануйла, яко онъ, беззаконный, глаголетъ и ищетъ 70 золотыхъ и многихъ драгихъ зацонъ, которымъ вещемъ мы невиноваты есмы, и не видали и не слыхали. И держатъ насъ нынѣ въ великомъ береженье, обаче прежде пришествія нашего вседержитель Богъ і высокоуміе величайшаго нашего царя и мудрость и правосудіе вельможнаго везиря сотворили ему праведное отомщеніе и ради нѣкакой скверной вины посаженъ есть на каторгу. По пришествіи же нашемъ мудрѣйшій везирь глаголалъ намъ, яко аще онъ лукавый не пріидетъ, предстояти тебѣ на судѣ невозможно, и абіе посдалъ привести судитися съ нимъ намъ невиноватымъ. О горе, кто не будетъ плакати о насъ! о горе, кто слыша да не будетъ дивитися о такой неправедной на насъ клеветѣ, еже сотвориша лукавый человѣкъ, елико страдалъ, державнѣйшій царю, азъ отецъ твой и стражду, кто иной претерпѣлъ, и старые святые не терпѣша? Писати по единому нѣсть ми времени и смѣю глаголати, яко вторый Павелъ и вторый Іевъ, ей ей клянуся царствію твоему, яко не лгу! Но обаче надежду имѣю на праведнаго Бога и царя и на справедливость, еже процвѣтаетъ здѣсь въ великомъ судилищѣ державнѣйшаго нашего царя, и на мудрость строителя его, праведнаго судію сирѣчь везиря, и на святое ваше моленіе, яко вскорѣ освобождени и отправленъ будемъ, имѣемъ бо честнѣйшаго заступника и помошника господина Панагіота, имъже есть христіаннѣйшій и помошникъ престола нашего, даждь ему Господи всякое благо, яко много намъ помогалъ и паки намъ помогаетъ. Притомъ, святѣйшій мой царю, и Иванъ, называемый Репета, иже придетъ нынѣ къ вамъ, много намъ помогалъ и защищалъ словомъ и дѣломъ по силѣ своей, а наипаче потребны намъ были денги, не имѣли бо

ничего въ темницѣ, и за многимъ принужденіемъ чего отъ насъ силою просили... порукою онъ учинился и взялъ отъ нѣкотораго христіанина купца ҂аф талеровъ и далъ намъ, и мы дали ему наше рукописаніе, да возметъ онъ сіи деньги отъ великаго царстія твоего. Сего ради молю державное твое царствіе распростерть милосердія твоего руку и сіи деньги дати, аще жъ являемся тяжкіи, но обаче гдѣ къ иному прибѣгати въ сей неправедной клеветѣ, но ко твоей великой милости, еже жаловалъ насъ ты, великій государь. Богъ вѣдаетъ все отдали и свободили отъ долгу престолъ нашъ и пребываемъ нынѣ обнажены и безъ насыщенія хлѣба. Тѣмъже молимъ неотверзи насъ отъ милости твоей, пощади насъ ради многой нужды, въ ней же страждемъ. Писали мы державнѣйшій царю отъ престола нашего со архимандритомъ нашимъ, якоже лѣть есть и посылали ево, но обаче приде сія препона и того ради не послахомъ. Обаче потомъ пошлю человѣка моего съ грамотою поклонитися и благодарити великое царствіе твое. Тѣмъ же святый царю по заплатѣ ҂аф талеровъ вышепомянутому Ивану Репетѣ, да будетъ отъ него взята кабала моя. И егда благоволитъ Господь, пріидетъ къ вамъ человѣкъ мой, тогда дайте ее къ намъ принести. Потомъ молю богодарованное твое царство, яко да будетъ жалованье твое къ тому Ивану Репетѣ еще сколько воля твоя государская будетъ за ту діадиму, понеже онъ много убытковъ учинилъ для той діадимы и какъ тебя Господь Богъ наставитъ. Сіе же благочестивѣйшій царю нынѣ пишу со многими слезами изъ темной и мрачной темницы. Прочее же отъ грамотоносца разумѣешь. Темно пишу и просто, ибо нощь есть. Вседержитель Богъ и Господь господствующихъ да сохранитъ державнѣйшее твое царствіе во вѣки вѣковъ аминь, и молитва благословенія и прощенія нашего умѣренія да будетъ съ великимъ царствіемъ твоимъ, со всѣю палатою и съ воями, аминь. 1671 года ноября 8 дня.

Теплѣйшій богомолецъ державнѣйшаго вашего царствія Александрѣйскій Паисѣй [1]).

№ 9.

Всенародное воззваніе патріарха Іоасафа и всего освященнаго собора съ увѣщаніемъ ко всѣмъ православнымъ беречь себя отъ новоявленныхъ церковныхъ мятежниковъ и ихъ льстиваго ученія.

Гласъ великаго господина святѣйшаго Іоасафа, патріарха московскаго и всея Россіи, и всего освященнаго собора ко священнона-

1) Греческія дѣла 7180 г. № 25.

чальникомъ, священникомъ и ко всѣмъ православнымъ христіаномъ, увѣщающій и опасающій отъ мятежниковъ и ихъ льстиваго ученія.

Бысть древле слово Господне ко Іезекеилю пророку: стражъ, аще видитъ мечъ грядущъ, и невострубитъ трубою и непроповѣсть людемъ, да ся людіе сна бдятъ, и нашедъ мечъ возметъ отъ нихъ душа; таковый убо беззаконія ради своего взяся, а крови ея отъ руки стражевы взыщу. Сіе мы настражницы духовной сущіи, аки о насъ реченное читающе, видяще же яко душеубивательный мечъ лукавыхъ человѣкъ лукавое слово, единство церкве разсѣцающее, въ православномъ народѣ ходитъ, и свирѣпо души уязвляетъ, въ мѣсто вострубленія сей гласъ увѣщательный, да ся снабдѣвайте, испущаемъ: внемлите возлюбленніи, молимъ вы именемъ Господа нашего Іисуса Христа, внемлите отъ лживыхъ учителей, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы—хищницы, отъ плодовъ ихъ познаете ихъ, плоды же ихъ суть сіи: лжа, клеветы, хулы, расколы, мятежи и непокорство, лицемѣріе, суемудріе и тѣмъ подобная. Волцы убо суть, иже отъ пустынь прибѣгающе, навѣтуютъ стадо Христово, и отъ той неискусныхъ я похищаютъ; мучителіе суть, а неучителіе, иже святый соборъ, бывшій на Москвѣ, поносятъ и хулятъ не знающе окаянніи, яко по правиламъ святымъ неточію въ патріархіи, но и въ митрополіахъ и епископіахъ дважды въ лѣто соборомъ быти подобаетъ управленія ради церкве. Бываху и прежде въ царствующемъ градѣ Москвѣ собори, но яко о книжномъ исправленіи презираху, того ради за многая лѣта премногая въ книгахъ внесошася погрѣшенія, якоже является во Псалтыри соислѣдованіемъ, 150 лѣта на мѣстѣ 181, въ строкѣ 14, идѣже четверолично божество напечатася; и паки во Псалтыряхъ со ислѣдованіемъ неисправныхъ печатныхъ, и въ катисисѣхъ малыхъ развращеннѣ напечатася о крестномъ знаменіи, въ Потребницѣхъ же, выходу 133 лѣта, на листѣ 151, на строкѣ 10 и 15, напечатано во великій четвертокъ и въ великую субботу инокомъ на сыръ и на яйца разрѣшеніе. А въ Потребницѣ, выходу 147 лѣта, на листѣ 405 на оборотѣ въ строцѣ 3, напечатано сице: въ Троицы славимаго Бога и пречестную его Богоматерь, еже безмѣстно, ибо не всея Троицы есть матерь Богородица, но единаго Бога Сына. Въ томъ же,—на листѣ 302 на оборотѣ, въ строцѣ 9, напечатася велми богохулно, якоже и воспомянути ужасно. И иная зѣло многая подобная симъ погрѣшенія въ неисправленныхъ книгахъ напечаташася. Что премудрѣйшимъ си разумомъ усмотрѣлъ благочестивый великій государь царь и великій князь

Алексій Михаиловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, ревностію поревнова, да плевелы исторгнутся изъ чистыя пшеницы. Тѣмъ же повелѣ бывшему патріарху имркъ собрати соборъ книжнаго ради исправленія и иныхъ дѣлъ нуждъ церковныхъ. И бысть соборъ, иже согласно суди книги исправляти и зъ греческихъ переводовъ и зъ старыхъ русскихъ писанныхъ харатійныхъ, что руками си подписаша вси архіереи и прочія власти, якоже являетъ соборное дѣяніе, еже во книзѣ Скрижали и во Служебницѣ новоисправленномъ печатномъ выходу 1-го. Но завистники спасенія нашего и присный врагъ церкве Христовы діаволъ возбуди своя угодники, сосуды лсти и лукавствія, еже книжное исправленіе обхуждати и расколъ великій о церкви дѣяти, иже аки во овчихъ кожахъ во одеждахъ смиренія, овіи во вретищехъ, овіи во иноческихъ худѣйшихъ одѣяніяхъ, иніи инако, вси же не по обычаю, лукаво одѣяніи, съ притворствомъ благочестія приходяще, яко лютіи волцы души неискусныхъ отъ единства церкве хищати начаша, учаще новоисправленныхъ книгъ не пріимати, паче же презирати. Сами окаянніи всячески невѣжды и никоего ученія причастницы суще, но токмо по святому апостолу Іудѣ: облацы безводніи и вѣтры преносиміи, древеса осенная безплодная, дважды умершая искорененная, волны свирѣпыя моря воспѣняющая.

Своя стыденія, звѣзды прелестныя суще, имъ же мракъ тмы во вѣки соблюдеся. Вси сицевіи неблагочестія ищутъ, но овіи нехотяще великаго государя службы служити, иніи холопства избывающе, иніи лѣнящеся работати, иніи нехотяще подначально въ монастырѣхъ жити, скитаются по лѣсомъ и вертепомъ, и оттуду тайно, яко тати, и сынове тмы во ограды и веси входятъ и простыя люди прельщаютъ. Обрѣтошаже себѣ поборники, нѣкія отъ священникъ и діаконовъ, имиже способъуеми, продерзивѣе ядъ свой въ тѣлѣ церкве разпущаютъ, таковыхъ лесцевъ правила святыхъ отецъ терпѣти во градѣхъ возбраняютъ, правило 23 вселенскаго собора повелѣваетъ изъ града изгоняти и въ монастырѣхъ держати безчинныя люди и тунеятцы. Сицевіи прелстителіе наипаче умножишася, егда бывшій патріархъ имркъ оставивъ престолъ свой, и разсѣяша злобное си ученіе въ людехъ малоумныхъ, еже книгъ новоисправленныхъ не пріимати. То лукавое ихъ начинаніе хотя благочестивый самодержецъ истребити, паки повелѣ собору быти и новопечатныя книги свидѣтельствовати. Бысть убо соборъ и книгамъ досмотрѣніе, въ нихъ же ничтоже противно и развращенно, но вся согласна и православна обрѣтше; вси единогласно книжное исправленіе утвер-

диша и руками своими подписаша. Противники же, обхуждающія то исправленіе и расколъ дѣющія многа, отъ тѣла церкве яко гнилыя уды отсѣкоша и анаѳемѣ предаша въ то святаго собора время, и нашу мѣрность возведе Божія десница на престолъ патріаршій. И мы убо вся видяще праведна и благочестна быти любезнѣ, купно со братіею нашію, со святѣйшимъ киръ Паисіемъ александрійскимъ и со святѣйшимъ киръ Макаріемъ антіохійскимъ патріархами пріяхомъ, лобзахомъ и рукъ нашихъ подписаніемъ утвердихомъ, и книгу Жезлъ правленія, тогда сооруженную, яко православную и по святѣй церкви поборяющую, въ міръ пустихомъ. Но Божіимъ попущеніемъ нитако мятежницы укротишася, аще бо и доселѣ жестокосердія и горціи не покоряются святѣй церкви, но борютъ ю лживыми клеветами, забывше окаянніи, яко и адова врата не одолѣютъ ей. Лаютъ, яко пси, на Жезлъ, и церкви не церкви, архіереи не архіереи быти именуютъ; тріехъ перстовъ во крестнаго знаменія во ображеніи сложеніе обхуждаютъ, крестъ четвероконечный хухнаютъ, не видяще безумніи, яко вся таинства и дѣйства церковная съ четвероконечнаго креста знаменіемъ бываютъ; надъ всими сими—о горе, о лютѣ,—пречистыя тайны тѣла и крове Христовы скверными си устами не чисты быти блядословятъ, и иныя хулы, едва самымъ діаволомъ вымыслимыя, ихъ же помянути писаніемъ недостоитъ, мерзскими си гортанми отрицаютъ. Въ толикоже безуміе пріидоша; яко самимъ имъ невѣдѣти, что баснословятъ. Уже бо антихристи въ Москвѣ родитися имуща глаголютъ, иніи же рожденна быти проповѣдуютъ, забывше несмысленніи, яко въ книгахъ древнихъ, ихъ же сами они не отмещутъ, пишется антихристово рожденіе не на Москвѣ, но во Вавилонѣ быти. Сія лестми и иными симъ подобными премногими баснословіи, яко мечи душегубными, простыхъ людей души убиваютъ окаянніи мятежницы: зубы ихъ оружія и стрѣлы, и языкъ ихъ мечъ остръ. Сей мечъ мы видяще, ходящь между вами, се вострубляемъ отъ стражницы церковныя, се гласъ даемъ вамъ увѣщательный: снабдите отъ меча сего, изостриша мятежницы яко оружіе языки своя, еже сострѣляти въ тайныхъ непорочна, тайно ходятъ яко татіе и разбойницы, тако убиваютъ души неповинныхъ. Блюдитеся убо сихъ, изгоните изъ домовъ вашихъ и яко тлю.... изъ одежды истрясите. А святой соборной и апостольстѣй церкви повинующеся, работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся ему со трепетомъ, да благословени будете и спасеніе получите душамъ вашимъ. Аще же кто за неопаство си отъ сего меча лукавыхъ учителей язву страж-

детъ, молимъ именемъ Божіимъ да, всякаго обиновенія кромѣ, пріидетъ къ намъ и явитъ совершенно свое уязвленіе, и мы, по Божіей благодати, уподобишеся самарянину, потщимся любовно пластыремъ истиннаго ученія исцѣлити. Присемъ всѣмъ благопокоривымъ благословеніе, благодать и миръ отъ Христа Бога буди. [1])

№ 10.

Воззваніе патріарха Іоасафа и всего освященнаго собора къ царю Алексѣю Михаиловичу, чтобы онъ отмстилъ своею царскою силою непокорникамъ церковнымъ и защитилъ отъ нихъ правовѣрныхъ.

Пресвѣтлѣйшему, благочестивѣйшему, тишайшему, самодержавнѣйшему великому государю, царю и великому князю Алексію Михаиловичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу, истинному благочестія ревнителю, второму Константину, новому Өеодосію, всѣхъ благочестія любителей превосходителю.

Іоасафъ Божіею милостію патріархъ Московскій и всея Россіи со всѣмъ освященнымъ соборомъ мира, здравія и спасенія.

Богъ всемогущій, имъ же царіе царствуютъ и господіе господствуетъ, трегубъ санъ, по всеродномъ потопѣ вселенныя катакліс-момъ казненіи, въ гражданствѣ вселенныя треми сынами праведнаго Ноя образованный благоволилъ есть имѣти: рабски, Хамомъ прописанный, священнически—Симомъ назнаменованный, и господскій или обладательскій, Іафетомъ изображенный. Отъ нихъ же перваго званіе есть работати господемъ своимъ, втораго—служительство есть: о обоихъ ко Богу молбы возсылати, третьяго паки дѣло обоихъ защищати, обраняти и отмщати, по оной всенародно притчи: Хамъ трудися, Симъ молися, Іафетъ обоихъ мстися. Мы убо, богомольцы пресвѣтлаго престола твоего, Симомъ образованніи, архіереи Бога вышняго, о немъ же намъ попеченіе имѣти господствуетъ, труды ко трудомъ прилагающе, Богу поспѣшествующу, подщахомся чрезъ сіе настоящаго собора время, твоимъ царскимъ повелѣніемъ и тщаніемъ совокупленнаго, сотворити: еже есть взыскати злоказненныя расколоначальники, велій мятежъ въ церкви Божіи творящія, премногія правовѣрныхъ души въ дебрь геенны

[1]) Рукопись московской синодальной библіотеки, № 130, л.л. 203 об.—206. То же слово находится въ синодальной рукописи № 568, л.л. 75—78, хотя и нѣсколько въ иной редакціи.

низводящія, и поимати яко лисовы хитрыя, ошипами прелести связанныя, огнемъ раскола и суемудрія жатву домовита небеснаго попаляющія, яже обрѣтше и Христовою благодатію емше, пастырски прежде поучахомъ проповѣдію слова Божія и по святому апостолу Павлу: настояхомъ благовременнѣ и безвременнѣ, обличахомъ, запрещахомъ, молихомъ со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ. И Божіимъ милосердіемъ многія отъ душепагубныя пропасти къ единству церкве возвратихомъ, развѣ малыхъ числомъ нѣкихъ мятежетворцовъ, ихъ же гордости начальникъ діаволъ гордѣливая сердца твердѣе камене ожесточивъ, неточію сотвори непокорятися церкви, и аспидски ушеса свои затыкати, но зубы ихъ содѣла оружія и стрѣлы, и языкъ ихъ мечь остръ на сосѣченіе и стрѣляніе удовъ тѣла церкве. Тѣмъ же вмѣнихомъ ихъ яко мытаря и язычники и властію намъ отъ Бога данною анаѳематствовахомъ ихъ, предавше діаволу на изможденіе плоти, да духъ спасется. Обаче ниже симъ образомъ успѣхомъ что на нихъ, яко весма жестотою непокорства оболкшеся, діавольстіи суть ратницы, на церковь хулная отрыгающе словеса, на святая и на священная, якоже и помянути трепетно и ужасно. Тѣмъ же убо яко волки хищныя изъ церковнаго стада изгнавше я, яко вредныя уды отсѣкше, яко смертоносныя скорпіи изъ нѣдръ церковныхъ извергше, всего обнаживше священства, предлагаемъ твоему царскому суду. И молимъ, подражающе отцемъ святымъ, яко праведнѣйшаго Іафета, да прекрѣпкою десницею твоею защитиши церковь Божію отъ нихъ, да мстиши имъ безбожное ратованіе, и оброниши овцы стада Христова отъ зубъ ихъ волчіихъ, да нектому бѣгаютъ и рыкаютъ, во еже что восхитити и поглотити. Поревнуй, правовѣрный царю, царемъ благочестивымъ, ихъже дѣяній списаніе въ последующемъ свитцѣ твоей ревности во образъ предлагаемъ. Симъ ревнителемъ церкве, внегда аще уподобитися восхощетъ твое благочестіе, тогда узритъ мирное устроеніе церкве и всего царствія православнаго, тогда службу принесетъ твоя царская кротость Богу достойную временныхъ и вѣчныхъ въ торжествующей церкви воздаяній, ихъже мы богомолцы твоего пресвѣтлаго царскаго величества вседушно желаемъ [1]).

---

[1]) Рукопись московской синодальной библіотеки, № 130, л. л. 192—193.

№ 13.

Третья глава соборныхъ дѣяній 1667 года, содержащая въ себѣ „толкованіе о аллилуіи и о знаменіи честнаго и животворящаго креста, сирѣчь о сложеніи перстовъ, и заповѣдь о святомъ символѣ, и о Іисусовѣ молитвѣ и о прочихъ“, имѣла двѣ редакціи: одну обширнѣйшую черновую, но засвидѣтельствованную однако подписями присутствовавшихъ на соборѣ іерарховъ, и другую бѣловую, составившуюся изъ сокращенія первой и вошедшую въ этомъ видѣ въ *Книгу соборныхъ дѣяній*. Проф. Субботинъ въ своихъ „Матеріалахъ для исторіи раскола“ (т. II, стр. 264—279) напечаталъ принятый бѣловой или сокращенный текстъ третьей главы, но въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ напечаталъ и всѣ тѣ мѣста, находившіяся въ первоначальномъ обширномъ черновомъ спискѣ, которыя потомъ въ немъ были зачеркнуты и не вошли въ списокъ бѣловой. Сличая обѣ редакціи третьей главы соборныхъ дѣяній, какъ онѣ напечатаны проф. Субботинымъ, съ печатаемой ниже рукописью, мы находимъ, что первоначальный обширный черновой списокъ третьей главы соборныхъ дѣяній составленъ былъ главнымъ образомъ по сочиненію Діонисія, и представляетъ изъ себя въ большей своей части простое его сокращеніе, какъ бѣловой списокъ соборныхъ дѣяній въ свою очередь представляетъ только сокращеніе черноваго, почему бѣловая редакція третьей главы соборныхъ дѣяній есть только въ существѣ дѣла болѣе усиленное сокращеніе сочиненія Діонисія.

ТЕКСТЪ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ СОБОРНЫХЪ ДѢЯНІЙ 1667 г. ПО БѢЛОВОМУ СПИСКУ.	ТЕКСТЪ НАШЕЙ РУКОПИСИ.
Святая Христова восточная и апостольская церковь, отъ святыхъ Апостоловъ и святыхъ богоносныхъ отцевъ, и вселенскихъ учителей, пріятъ сію ангельскую пѣснь, сирѣчь: аллилуіа, въ божественномъ пѣніи во	Святая Христова восточная церковь, якожъ рекохомъ, отъ святыхъ Апостолъ и святыхъ богоносныхъ отецъ седми святыхъ вселенскихъ соборовъ, и отъ прочихъ святыхъ вселенскихъ учитель, (прія) сію аггель-

учиненныхъ мѣстѣхъ глаголати: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, Слава Тебѣ Боже. Сице трижды, якоже видится и писано во многихъ греческихъ и славянороссійскихъ древнихъ рукописныхъ харатейныхъ книгахъ. И то сіе являетъ и сіе разумѣетъ православно святая восточная и апостольская церковь: аллилуіа Отцу, аллилуіа Сыну, аллилуіа Святому Духу; тоже: Слава Тебѣ Боже, или: хвала Отцу, хвала Сыну, хвала Святому Духу. Глаголюще сице аллилуіа трижды, таже: Слава Тебѣ Боже, являемъ и исповѣдуемъ, яко въ Троицѣ и во единицѣ Богъ, сирѣчь: трижды аллилуіа ради тріѵпостасія (исповѣданія), и еже приречемъ: Слава Тебѣ Боже, являемъ и исповѣдуемъ, яко Троица единъ Богъ, а не три бози, якоже поетъ святая церковь и Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный помилуй насъ: и въ сей ангельской пѣсни такожде разумѣемъ, якоже и ва аллилуіи, въ божествѣ Троицу и единицу: Святый Боже—Отецъ, Святый крѣпкій—Сынъ, святый безсмертный—Духъ Святый, таже: помилуй насъ, а не помилуйте насъ. Сіе, еже со трисвятымъ, исповѣдуемъ въ трехъ ѵпостасѣхъ быти Бога, и еже: помилуй насъ, едино божество: единъ бо Богъ Троица, а не три. И херувимская пѣснь: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, скую пѣснь, сирѣчь, аллилуіа глаголати трижды, сирѣчь: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, тажъ: Слава Тебѣ Боже. Сице трижды, якожъ видится и писано во многихъ древнихъ рукописныхъ книгахъ греческихъ и славенскихъ. Сіе являетъ и сіе разумѣемъ православно: аллилуіа Отцу, аллилуіа Сыну, аллилуіа Святому Духу, таже: Слава Тебѣ Боже. Глаголюще сице сіе аллилуіа трижды, являемъ и исповѣдуемъ, яко есть Троицы Божество, сирѣчь, тріѵпостасно. И еже приречемъ: Слава Тебѣ Боже, являемъ и исповѣдуемъ, яко Троица единъ Богъ есть, а не три бози, якожъ и егда паки поетъ святая церковь: Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ, и въ сей аггельской пѣсни такожде разумѣемъ, якоже и во аллилуіи, въ божествѣ Троицу и единицу: святый Боже—Отецъ, святый крѣпкій—Сынъ, святый безсмертный—Духъ Святый, таже: помилуй насъ, а не помилуйте насъ. Се, еже со трисвятымъ исповѣдуемъ тріѵпостасное въ Божествѣ, и еже: помилуй насъ, едино божество: единъ бо Богъ Троица, а не три. Подобнѣ и херувимская пѣснь, еже поетъ церковь: святъ, святъ, святъ ради тріѵпостаснаго Божества, и: Господь Саваоѳъ—ради соединенія, сирѣчь, за единицу Божества. Святъ

подобнѣ являетъ, якоже аллилуіа и Святый Боже: трижды святъ ради тріѵпостаснаго Божества, и: Господь Саваоѳъ— ради единаго существа. Святъ Отецъ, святъ Сынъ, святъ Духъ Святый; таже: Господь Саваоѳъ, сирѣчь: Господь силъ, по Діонисію Ареопагиту. Се убо единъ Господь силъ, святая Троица, а не три Господы. Сице и во аллилуіи: трижды ради Троицы, и: слава тебѣ Боже—ради единицы: зане Богъ въ Троицѣ и во единицѣ славословится, и вѣруется, и исповѣдуется. Сице держитъ и мудрствуетъ святая восточная и апостольская церковь, якоже пріятъ свыше и изначала, писанное и неписанное преданіе отъ святыхъ Апостоловъ, и отъ богоносныхъ отцевъ, и вселенскихъ соборовъ, прочихъ. А еже глаголютъ нѣціи аллилуіа дважды, таже: Слава Тебѣ Боже, никакого основанія въ томъ имѣютъ. Толкуютъ убо, яко знаменуетъ аллилуіа: Слава тебѣ Боже, дважды аллилуіа, таже: Слава тебѣ Боже, являетъ по ихъ трижды Слава тебѣ Боже. Се трижды Слава Тебѣ Боже являетъ токмо Троицу, а единицу ни. Се убо погрѣшаютъ зѣло, зане невѣдѣніемъ исповѣдуетъ токмо Троицу просто, а единицу ни [1]. . . . .

Отецъ, святъ Сынъ, святъ Духъ Святый, тажъ: Господь Саваоѳъ, сирѣчь: Господь силъ, по Діонисію Ареопагиту. Се убо единъ Господь силъ, святая Троица а не три Господы. Сице и во аллилуіи: трижды ради Троицы, и: Слава Тебѣ Боже, ради единицы, зане въ Троицѣ и во единицѣ Богъ славословится, и вѣруется, и исповѣдуется. Сице держитъ и мудрствуетъ святая восточная церковь, якожъ прія свыше и изначала писанная и неписанная преданія отъ святыхъ Апостолъ, и святыхъ отецъ, и вселенскихъ седми соборовъ, и прочихъ. Но во еже глаголете вы суемудріи аллилуіа дважды, таже: слава Тебѣ Боже,—каково основаніе имѣете? Вы толкуете, яко знаменуетъ аллилуіа: Слава тебѣ Боже. Поставимъ и мы да речемъ, якожъ глаголете и вы, яко знаменуете аллилуіа: слава тебѣ Боже; дважды аллилуіа, таже: Слава тебѣ Боже, являетъ по вашему трижды Слава тебѣ Боже. Се трижды слава тебѣ Боже, являетъ токмо Троицу, а единицу ни. Се убо погрѣшаете и исповѣдуете токмо Троицу просто, а единицу ни. *Идѣ же бо исповѣдуется Троица просто, безъ единицы, разумѣется зло: зане вмѣнится сія Троица три бози, а не единъ Богъ; не буди*

[1]) Въ черновомъ спискѣ за симъ слѣдовало: „идѣже убо исповѣдуется Троица просто, безъ единицы, разумѣется зло: зане вмѣняется сія Троица три бози, а не единъ Богъ. Неправославное исповѣданіе есть сице (?); но

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но святая восточная и апостольская церковь православно мудрствуетъ и исповѣдуетъ въ Божествѣ Троицу и единицу. Сего ради и православно поетъ, во учиненныхъ мѣстѣхъ, аллилуіа трижды ради Троицы, и Слава тебѣ Боже ради единицы. И: святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ, и: Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ—тожде трисвятое ради Троицы; помилуй насъ и: Господь Саваоѳъ—ради единицы якоже выше рекохомъ. Се есть православное мудрованіе. А еже писана въ Евфросиновѣ Житіи, она вся суть суемудріе, и аще кто будетъ прочитати то Житіе по Бозѣ со вниманіемъ, разумѣти будетъ. И еже глаголютъ, яко о сей аллилуіи иде во Царьградъ и слыша отъ патріарха и въ соборной велицѣй церкви глаголющія аллилуіа дважды, о томъ мнимъ, яко не иде въ Царьградъ: зане времена тогда не такова быша, владѣша бо тогда турки Болгаріею и Сербы, и

вредословіе. Но православное исповѣданіе есть сице: по Троицѣ да послѣдуетъ и единица. Идѣже Троица и единица: православное есть исповѣданіе; а идѣже Троица безъ единицы: многобожіе еллинское есть; идѣже единица безъ Троицы: безбожіе іудейское и агарянское есть. Но святая восточная церковь православно мудрствуетъ и исповѣдуетъ Троицу и единицу. Сего ради и православно поетъ аллилуіа трижды ради Троицы, и Слава тебѣ Боже ради единицы. И святый Боже и прочая такожде исповѣдуетъ. И святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ тоже знаменуетъ: трисвятое ради Троицы; помилуй насъ и: Господь Саваоѳъ — ради единицы, якоже выше рекохомъ. Се есть православное мудрованіе. А что есть писано во Ефросиновѣ Житіи, она вся суть суемудріе, кто будетъ прочитати по Бозѣ со вниманіемъ, разумѣти будетъ. Аще Ефросинъ имѣяше каково недоумѣніе о аллилуіи, яко человѣкъ діавольскимъ искушеніемъ—не дивно. А что глаголютъ, яко о семъ иде во Царьградъ и слыша отъ патріарха и въ соборной велицей церкви глаголющія аллилуіа дважды, о томъ

Троицѣ да послѣдуетъ и единица. Идѣже Троица и единица: православное исповѣданіе есть; а идѣже Троица безъ единицы: многобожіе еллинское есть; и идѣже единица безъ Троицы: безбожіе іудейское и агарянское есть". Все это мѣсто обчеркнуто и сбоку сдѣлана замѣтка для переписчика: *остави*. Въ нашей рукописи это мѣсто имѣется въ той же послѣдовательности и нами напечатано *курсивомъ*.

всѣмъ западомъ до Дуная и до Чернаго моря, и ратоваша тогда на христіаны великими и лютыми ратми. Аще бо и иде во Царьградъ, якоже глаголютъ лѣтописцы, обрѣтается, яко не въ то время бѣ Іосифъ патріархъ и Евфросинъ преподобный, но въ различныхъ временѣхъ. И аще и приходилъ при Іосифѣ патріархѣ, и тотъ бѣ латиномудрый, иже бѣ на осмомъ соборѣ во Флорентіи. И паки, единаго человѣка свидѣтельство неприемлется, по божественному писанію, аще и ангелъ съ небесъ будетъ. И паки, вяще разумѣется истина въ списателевѣ видѣніи иже глаголетъ, яко видѣ Богородицу и Архангела, и бесѣдова съ нимъ о аллилуіи, и негли яко рече ему Богородица таковая словеса и толкованія о аллилуіи, яже ниже слышави кому подобаетъ таковая хула, и тамо будетъ ужасатися чититель безуміа списателева Еѵфросинова Житія И сіе смущеніе, еже глаголати аллилуію дважды, таже: Слава Тебѣ Боже, не отъ Еѵфросина стало, но отъ списателя Еѵфросинова Житія діавольскимъ навѣтомъ. А Еѵфросинъ въ послѣднемъ поученіи своемъ при смерти, якоже слышахомъ и разумѣхомъ, о аллилуіи ничесоже завѣща братіи монастыря своего, ниже писа что о томъ въ тестаментѣ своемъ, токмо солгано на преподобнаго Еѵфромнимъ, яко неиде во Царьградъ, зане времена нетаковая быша тогда, владѣша бо тогда турки Болгаріею и Сербы, и всѣмъ западомъ до Дуная и до Чернаго моря, и ратоваша турки тогда на христіаны великими и лютыми ратми. Но аще и иде во Царьградъ, во время оно бѣ Іосифъ патріархъ латиномудрый, который бѣ на осмомъ соборѣ во Флоренціи. И паки: единаго человѣка свидѣтельство не пріемлется, по божественному писанію, аще и ангелъ небесный будетъ. И вящше разумѣется истина въ списателевѣ видѣніи, иже глаголетъ, яко Богородица рече ему таковая словеса, яже подобаетъ ниже слышати кому. Тамо бо списатель Ефросинова Житія пишетъ отъ сонняго грезу, или отъ вѣтра главы своея нѣкоторая толкованія не потребная на аллилуію... Токмо сія смущенія, яже хощутъ нѣціи глаголати аллилуіа дважды, тажъ: Слава Тебѣ Боже, отъ списателя Житія Ефросинова начася діавольскимъ навѣтомъ. А Ефросинъ въ послѣднемъ поученіи своемъ при смерти о аллилуіи ничего не приказа братіи въ тестаментѣ своемъ... А еже глаголютъ на Максима-грека, что и онъ мудрствоваше аллилуіа дважды глаголати, и приводятъ во свидѣтельство святаго Игнатіа Богоносца, яко отъ ангеловъ слыша пѣти сице: аллилуіа

сина отъ списателя Житія его. А еже глаголють на преподобнаго Максима-грека, яко и онъ мудрствоваше дважды глаголати аллилуіа, и приводять во свидѣтельство святаго Игнатія Богоносца, яко отъ ангеловъ слыша пѣти дважды аллилуіа, и въ томъ лгутъ на святаго Игнатіа и на Максима-грека: зане святому Игнатію явишася ангели о божественномъ псалмопѣніи, сирѣчь о антиѳонѣхъ, а не аллилуіи. И въ семъ несогласуется самое писаніе, еже называють Максимово, и въ томъ разумѣется подлинно, яко то сложеніе слова не Максимово есть, токмо лгаша нѣцыи суемудріи на его имя: *ибо Максимъ премудръ бяше и не моглъ бы сице противныхъ писати* [1]).

дважды, и въ томъ лгуть на святаго Игнатіа и Максима-грека: зане святому Игнатію явишася ангели о божественномъ псалмопѣніи, сирѣчь о антифонѣхъ, а не аллилуіи. И въ семъ несогласуется самое писаніе, кія называють Максимово, и о томъ разумѣется подлинно, что то сложеніе слова не Максимово есть, токмо лгаша нѣцыи на его имя.

О ЗНАМЕНІИ ЧЕСТНАГО КРЕСТА, СИРѢЧЬ О СЛОЖЕНІИ ПЕРСТОВЪ.

Такожде и знаменіе честнаго и животворящаго креста отъ святыхъ славныхъ и всехвальныхъ Апостоловъ и отъ святаго священномученника Игнатія Богоносца, третіаго патріарха антіохійскаго и наслѣдника святыхъ Апостоловъ, и отъ вселенскихъ учителей выше изначала пріяхомъ православно знаменати себе знаменіемъ честнаго креста треми первыми персты десныя

. . . А мы Божіею благодатію православно творимъ знаменіе честнаго креста на лицѣ и на тѣлѣ нашемъ треми первыми персты десныя руки, якожъ пріяхомъ отъ святыхъ Апостолъ, и отъ святыхъ богоносныхъ отецъ и вселенскихъ учителей: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, неписаннымъ преданіемъ, якожъ свидѣтельствуетъ и святый Василій Великій, иже ко

[1]) Послѣднія слова приписаны въ бѣловомъ спискѣ уже послѣ, киноварью, и потому ихъ нѣтъ ни въ черновомъ спискѣ, ни въ нашей рукописи.

руки, совокупивше я во имя Отца и Сына и Святаго Духа, неписаннымъ преданіемъ, якоже свидѣтельствуетъ и святый Василій Великій въ словѣ 27-мъ, иже ко святому Амфилохію епископу иконійскому. Обаче егда согбаемъ и совокупляемъ три первыя персты десныя руки, знаменуемъ, яко вѣруемъ и исповѣдуемъ въ Божествѣ Троицу и единицу: сирѣчь, яко святая Троица единъ Богъ есть тріѵпостасный и единосущный [1]). . . . . . Сего ради сими треми первыми персты предаша намъ святіи Апостоли и богоносніи отци творити на себѣ знаменіе животворящаго креста, совокупивше я во имя святыя, единосущныя и нераздѣльныя Троицы. А въ сихъ трехъ перстахъ не яко хощемъ показати Божество, якоже блядословиша нѣцыи—небуди; но токмо число покажемъ Троицы и единицы: три перста за Троицу, совокупленіе же перстовъ ради единицы, сирѣчь, яко Богъ въ Троицѣ и во единицѣ. Сице вѣруемъ и исповѣдуемъ, а не инако,—не яко нѣцыи суемудріи писаша, и научиша и сказаша все таинство Божества и человѣчества въ перстахъ обыти; и являтися пребезаконно, и хульно троичному таин-

святому Амфилохію епископу иконійскому слово 27, и въ Кормчей печатной, листъ 259, и въ правилахъ Матѳѣевскихъ. Егда согбаемъ три первыя персты десныя руки, знаменуемъ, яко вѣруемъ и исповѣдуемъ во святой Троицѣ едино Божество и едино существо, сирѣчь единъ Богъ тріѵпостасный и единосущный, *якоже сіи тріе первіи персты десныя руки имѣютъ токмо именованіе: первый, второй и третій; а который есть больши, или меньши, не можеши разумѣти или сказати.* Сего ради сими первыми тремя персты предаша святіи Апостоли и богоносніи отцы творити знаменіе животворящимъ крестомъ, совокупивши и во имя святыя и единосущныя Троицы. И въ сихъ тріехъ перстахъ не яко хощемъ показати все таинство Божества, или Божество, яко вы баснословите, — небуди; токмо число покажемъ сими персты Троицы и единицы: три перста за Троицу, совокупленіе жъ перстовъ ради единицы, сирѣчь, яко Троица и единица есть Богъ. Кто есть внѣ ума, еже хощетъ показати, или сказати все Божество въ перстахъ, или все таинство Божества являти въ перстахъ. *Богъ есть недовѣдомъ,*

[1]) Въ черновомъ спискѣ далѣе читалось: „яко же сіи тріе персты десныя руки имѣютъ токмо именованіе: первый, и вторый и третій; а который есть большій, или меньшій, невозможно сличити“. Въ нашей рукописи см. *курсивъ*.

ству въ неравныхъ перстахъ [1]).

. . . .

. . . .

. . . Глаголаша тѣ суемудріи, яко два перста: второй указательный и третій, средній, божество и человѣчество знаменуютъ и три перста: первый, четвертый и послѣдній, меншій наклонити и совокупити подъ двѣма персты, и именоваша Святую Троицу и глаголаша, яко тѣ три неравныя и разныя персты есть таинство святыя Троицы [2]) . . . .

. . . .

Всѣмъ убо явлено есть исповѣдаша во святей Троицѣ неравенство, яко аріане, и несторіане и духоборцы и аполинаряне и прочіи проклятіи еретицы: зане оніи сице исповѣдаша несравненіе и раздѣленіе во святѣй Троицѣ: Отца болша назваша, а Сына менша, и Духа святаго еще менша и яко раба; такожде и тѣ три разныя и неравныя персты являютъ, якоже мудрствоваша вышереченніи проклятіи еретицы.

непостижимъ, и неизслѣдимъ, и невидимъ, иже ниже умомъ можетъ кто всеконечно достигнути, ниже безплотніи силы. И како вы человѣцы, суще создани, хощете показати незданное и непостижимое Божество, въ вещественныхъ и зданныхъ вещехъ,—въ перстахъ и во иныхъ? . . . Глаголете вы, яко подобаетъ знаменатися крестомъ сице: совокупити два персты — вторымъ и третіемъ, а третій наклоненъ быти мало подъ вторымъ, таже: первый великій перстъ, и другая два послѣдняя персты: четвертой и пятой, меншій, совокупити, и потомъ толкуете и глаголете, яко сіи совокуплены три персты: первый и два послѣднихъ, яко есть святая Троица; другая же два перста: вторый и третій, яко есть божество и человѣчество. . . . Въ семъ исповѣдуете во святой Троицѣ неравенство, яко аріане, и несторіане, македоняне, и савеліане, и духоборцы, аполинаряне: зане она сице исповѣдаваша и мудрствоваша во святѣй Троицѣ несравненіе и единосущіе: Отца

---

[1]) Въ черновомъ спискѣ далѣе было: „и являти пребезаконно и хулно тройческое Божество въ неравныхъ перстахъ, въ вещественныхъ и зданныхъ вещехъ незданное и непостижимое Божество. Богъ бо есть недовѣдомъ, непостижимъ, и неизслѣдимъ, и невидимъ, иже ниже умніи и безплотніи небесныя силы могутъ постигнути всеконечно“. Въ нашей рукописи см. *курсивъ*.

[2]) Въ черновомъ спискѣ далѣе было: „и именоваша святую Троицу. Се исповѣдаша два Бога, или два Сына: единаго Бога убо Божество въ двохъ перстахъ, въ указательномъ и въ среднемъ, а втораго Бога въ тріехъ неравныхъ перстахъ, въ великомъ первомъ перстѣ, и въ четвертомъ и въ пятомъ, въ меншихъ, кои суть наклонены подъ тѣ двѣма. И глаголаша, яко тѣ три неравныя и разныя персты есть святая Троица“.

больше, Сына меньше, и Духа Святаго еще менше, яко раба; такожде и вы: первый большой перстъ Отца именуете, четвертый Сына менше, и пятый, иже есть еще менше, Духа Святаго именуете; якоже вышереченніи еретицы хулите и вы святую Троицу.

А мы православно три первыя персты, якоже стоятъ наряду,— первый, вторый и третій,— совокупляемъ во имя Ота и Сына и Святаго Духа, и знаменаемся знаменіемъ честнаго и животворящаго креста Христова, якоже пріяхомъ [1]... отъ святыхъ Апо-

Мы православно три первые персты якоже стоятъ по ряду,— первый, вторый и третій, совокупляемъ и знаменуемъ три именованія святыя Троицы: Отца, Сына и Святаго Духа... Сице пріяхомъ отъ святыхъ Апостолъ, и отъ святыхъ отецъ, и сице

Въ нашей рукописи это мѣсто читается такъ: „Се, яко исповѣдаете два Бога: единъ Богъ болши—божество и человѣчество Христово; вторый Богъ ниже и менше, которое именуете святою Троицею, и таковая Троица неподобна и неравна, зане есть единъ перстъ—первый болши, и четвертый менши, и пятой еще зѣло менше“.

[1]) Въ черновомъ спискѣ далѣе было: якоже и во святомъ крещеніи крещаемся въ три погруженія во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и тѣ погруженія знаменуютъ и являютъ тридневное погребеніе и воскресеніе Христово, по святому апостолу Павлу: елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть его крестихомся, спогребохомся убо ему крещеніемъ въ смерть, да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою отчею, тако и мы во обновленіи жизни да ходимъ (къ Рим. гл. 5). Спогребшеся ему крещеніемъ въ смерь, въ немже и совостасте вѣрою (Колос. гл. 2). И по Григорію Богослову: спогребохомся убо Христу крещеніемъ, да и совостанемъ (на крещеніе слово). Подобнѣ убо знаменуемъ себе образомъ честнаго креста Христова, тремя первыми персты во имя Отца и Сына и Святаго Духа, яко же и крестихомся святымъ крещеніемъ въ погребеніе и воскресеніе Христово, и во имя Отца и Сына и святаго Духа, по реченію Василія Великаго: якоже крестихомся, токожде и вѣруемъ, Сице пріяхомъ“... Въ нашей рукописи это мѣсто читается такъ: „чесо ради глаголемъ во крещеніи и въ погруженіи святую Троицу, сирѣчь, крещаемся во имя Отца и Сына и Святаго Духа: зане три погруженія знаменуютъ Господа нашего Іисуса Христа погребеніе и тридневное воскресеніе, по святому апостолу Павлу: яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, спогрѣбохомся убо ему крещеніемъ въ смерть, да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою отчею, тако и мы во обновленіи жизни да ходимъ (къ Рим. гл. 6). Спогребшеся ему крещеніемъ въ смерть, въ немже и совостасте вѣрою (Колос. гл. 2). И по Григорію Богослову, въ словѣ на святое крещеніе, еже глаголетъ: спогрѣбохомся убо Христу крещеніемъ, да и совостанемъ.... Подобнѣ знаменуемъ себе образомъ честнаго креста Христова треми первыми персты: во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Якожъ и тамо Христово крещеніе во образъ погребенія и воскресенія Его, а именованіе Отца, Сына и Святаго Духа; сице и здѣ—

столовъ, о богоносныхъ отцевъ, сице и исповѣдуемъ, и сице держитъ крѣпко и непоколебимо святая восточная и апостольская церковь, и будетъ держати вѣчно и неподвижно. И тако подобаетъ всякому православному христіанину, послѣдующему святѣй восточнѣй и апостольстѣй церкви, держати и мудрствовати, якоже предаша святіи апостоли и богоносніи отцы, а неинако. А еже глаголютъ на святаго Мелетія и на Θеодорита, яко пишася и повелѣша они якоже знаменатися, тако и благословити іерею, и въ томъ на святаго Мелетіа и на Θеодорита солгано: зане святый Мелетій три первыя персты показа ради трехъ ѵпостасей святыя Троицы, и паки три персты совокупи ради единаго Божества, и бысть знаменіе: а не инако бысть показаніе перстовъ отъ святаго Мелетіа. А Θеодоритъ о томъ ничтоже писа: зане велико истязаніе о томъ было во святѣй горѣ Аѳонстѣй въ лѣто 7156-е, подобнѣ, якоже въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ бысть крѣпкое истязаніе отъ преосвященныхъ великороссійскихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, во Святомъ Духѣ собравшихся въ лѣто 7174-е, и недержимъ и будемъ держати вѣчно и неподвижно, сице мудрствуетъ и сице исповѣдуетъ православно святая восточная и апостольская церковь, а неинако.

Приносите и нѣкое ложное писаніе во свидѣтельство, кое имѣетъ имя святаго Мелетія патріарха антіохійскаго и Θеодорита: негли яко они еще повелѣваютъ сложити персты и знаменатися крестнымъ знаменіемъ, и подобнѣ благословлятися коемуждо сомому себе, кое писаніе есть ложно, сложено отъ еретиковъ, и токмо положиша тамо имя тѣхъ святыхъ, да прелстятъ народъ, а народъ сей бысть ненаказанъ и неученъ писанію тогда; и, яко слыша имя тѣхъ святыхъ, вѣроваша. Обаче тіи святіи въ томъ никакія вѣдомости имѣютъ, токмо неправедно клевещутъ ихъ, зане въ книгахъ ихъ нигдѣ сіе необрѣтается писано. И истязаніе о томъ веліе было во святой горѣ Аѳонской въ лѣто 7157. пересматривали Мелетіевы и Θеодоритовы книги, и писаніе такое не обрѣлося въ ихъ книгахъ... Аще святый Мелетій показалъ персты: кія три персты показа и кая совокупи и бысть знаменіе? Явственно есть, яко тѣ

Христовъ крестъ, а исповѣданіе—Отца, Сына и Святаго Духа, якожъ пріяхомъ писанное и неписанное преданіе отъ святыхъ апостолъ сице знаменатися животворящимъ крестомъ треми первыми персты, и совершати и тайну святаго крещенія во имя Отца и Сына и Святаго Духа“.

обрѣтеся въ Ѳеодоритовѣ книзѣ таковое писаніе; но солгано на него Ѳеодорита отъ нѣкихъ суемудрыхъ и сокровенныхъ еретиковъ.

Обрѣтаются въ древнихъ греческихъ рукописныхъ и печатныхъ книгахъ и сія толкованія о аллилуіи: святаго Германа патріарха константинопольскаго, толкованіе: алл-Отецъ, ил Сынъ, уіа-Духъ Святый, сирѣчь: слава Отцу, слава Сыну, слава Духу Святому. И по Григорію нисскому: алл-слава, ил-Богу, уіа-живому. И по Кириллу александрійскому: алл-державный, ил-Богъ, уіа-той единъ; или: хвалите истинна Господа и похвалите его достойно. И по Сѵммаху и по иныхъ толковницѣхъ: алл-пріиде, ил-явися, уіа Богъ, или: пѣснь Божія, и: хвалите Бога жива, и: хвалите Господа, яко благъ псаломъ. Сія толкованія обрѣтаются въ древнихъ книгахъ о аллилуіи, а никто отъ святыхъ и мудрыхъ толкова сію на единъ разумъ.

первые три персты показа, ради святыя Троицы, и паки тіи три перста совокупи, ради единосуществія Божества, и быть знаменіе; сице бысть показаніе перстъ, а неинако. А Ѳеодоритъ о томъ не писалъ нигдѣ: зане въ его книгахъ таковое писаніе не обрѣтается, токмо солгано на него отъ еретиковъ.

Съ помощію всесильного Бога да речемъ и мы, во отвѣтъ оному, на аллилуію толкованіе не отъ себе, но якожъ святіи и богоносніи отци и учители толковаша и разумѣша, якожъ обрѣтохомъ въ древнихъ рукописныхъ и печатныхъ книгахъ. Святаго Германа патріарха толкованіе алл-ил-уіа: алл-Отецъ, ил-Сынъ, уіа—Духъ Святый; и паки: алл-Отцу, ил-Сыну, уіа-Духу Святому, сирѣчь: слава Отцу, слава Сыну, слава Духу Святому. И паки по Григорію нисскому: алл-слава, ил-Богу, уіа-живому, сирѣчь аллилуіа толкуетъ: слава Богу живому. И паки по Кириллу Александрійскому: алл-державный, ил-Богъ, уіа-той единъ; или: хвалите истина Господа, или: хвалите его достойно. И паки по Сѵммаху и по иныхъ токовниковъ: алл-пріиде, ил-явися, уіа-Богъ, или: пѣснь Божія, или: хвалите Бога жива, или: хвалите Господа, яко благъ псаломъ. Сія толкованія и прочая обрѣтаются въ древ-

Обаче три чины обрѣтаются во святой церкви по преданію святыхъ отцевъ о аллилуіи; первое убо во учиненныхъ мѣстѣхъ глаголати аллилуіа трижды, таже: Слава Тебѣ Боже; второе— во иныхъ учиненныхъ мѣстѣхъ и временѣхъ аллилуіа токмо трижды, кромѣ Слава Тебѣ Боже; третіе же—во иныхъ учиненныхъ стихахъ единожды аллилуіа глаголати, или пѣто. И разумъ есть въ томъ сицевъ: егда глаголемъ трижды аллилуіа, кромѣ Слава Тебѣ Боже, или единожды, тогда являетъ: Слава Тебѣ, или токмо: хвала, или: слава. Аще же есть стихъ къ лицу Божію, тогда разумѣется и за Слава Тебѣ Боже; а егда будетъ стихъ къ лицу Богородицы, или святаго коего, тогда знаменуетъ: Слава тебѣ Богородица; или: Слава тебѣ святый Божій, или: хвала. Яко же и въ литійныхъ стихирахъ великомученика Георгіа писано есть: аллилуіа, аллилуіа аллилуіа Христу воскресшему. Такожде и индѣ православно разумѣетъ святая восточная церковь въ аллилуіи разнымъ разумомъ, по сличію стиха и времене: занесія аллилуіа ангельская пѣснь есть, и сего ради разное и многое въ себѣ толкованіе имѣетъ,

нихъ книгахъ, а никто не толковалъ, что на единомъ разумѣ стояти, токмо на Слава Тебѣ Боже.

Три чина обрѣтается во святой церкви, преданы отъ святыхъ отецъ о аллилуіи, первое убо—во учиненныхъ мѣстахъ глаголати аллилуіа трижды, таже Слава Тебѣ Боже: второе же— во иныхъ учиненныхъ стихахъ аллилуіа токмо трижды, кромѣ Слава Тебѣ Боже: третіе же— во иныхъ учиненныхъ стиховъ единожды аллилуія глаголати, или пѣти. И разумъ есть въ томъ, якожъ выше рекохомъ... Егда глаголемъ трижды аллилуіа, кромѣ Слава Тебѣ Боже, или единожды аллилуіа, тогда являетъ: слава тебѣ, или токмо: слава или: хвала. Аще есть стихъ къ лицу Божію, тогда разумѣется и за Слава Тебѣ Боже; и егда будетъ стихъ къ лицу Богородицы, или святому коему, тогда знаменуетъ: Слава тебѣ, сирѣчъ: Слава тебѣ Богородица, или; Слава тебѣ святый Божій или: хвала. Якожъ и въ стихирахъ святаго великомученика Георгіа въ литіи, еже глаголютъ: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа Христу воскресшему, тамо разумѣется сие: слава. слава, слава. или: хвала. хвала, хвала Христу воскресшему. Такожде и индѣ сице православно разумѣетъ святая восточная церковь во аллилуіи

якоже и прежде рекохомъ яснѣйше [1]).

разныхъ разумомъ, по сличію стиха и дѣла.

---

[1]) Въ черновомъ спискѣ это отдѣленіе первоначально было изложено такъ: „сія толкованія обрѣтаются въ древнихъ книгахъ, а никтоже толкова на единъ разсудъ, точію Слава Тебѣ Боже: зане сія аллилуіа ангельская пѣснь и имѣетъ въ себѣ многіи разумы и толкованія. Обаче святіи отцы предаша въ святую церковь въ божественномъ пѣніи глаголати аллилуіа по трижды, таже: слава тебѣ Боже, якоже выше рекохомъ". Въ нашей рукописи это мѣсто читается такъ: „сія толкованія и прочая обрѣтаются въ древнихъ книгахъ, а никто нетолковалъ, что на единомъ разумѣ стояти, токмо на Слава Тебѣ Боже, яко вы глаголете, но яко рекохомъ, зане ангельская пѣснь есть. Убо святіи отцы предаша глаголати аллилуіа трижды, таже: слава тебѣ Боже".

СОЧИНЕНІЕ ИВЕРСКАГО АРХИМАНДРИТА ГРЕКА ДІОНИСІЯ [1]).

(Московская Синодальная библіотека, рукопись № 372).

Іисусе предвари и помози намъ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

О аллилуіа.

ГЛАВА I.

Глаголютъ нѣцыи, яко подобаетъ глаголати аллилуіа дважды, потомъ: слава тебѣ Боже, сирѣчь, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже; а не трижды, сирѣчь: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже, и всуемудріе свое приводятъ во свидѣтельство монаха преподобнаго Ефросина псковскаго, кій толкуетъ аллилуіа, яко токмо являетъ: слава тебѣ Боже. Глаголютъ еще и иное много суемудріе отъ онаго житія, яже суть достойна смѣху, аще кто будетъ чести со вниманіемъ (наипаче въ видѣніи, еже глаголетъ списатель, негли яко видѣ Богородицу и архангела, и бесѣдова съ нимъ объ аллилуіи), и тамо будетъ ужасатися читатель безумію списателя. Еще глаголютъ: зане аще кто глаголетъ трижды аллилуіа,—согрѣшаетъ и есть то ересь и многобожіе. И неразумѣютъ (окаянніи и слѣпіи сердцемъ), зане якожъ глаголютъ они дважды аллилуіа, то есть велми и зѣло велія ересь: сотворяютъ бо во святѣй Троицѣ раздѣленіе, (а не соединеніе), якоже ниже являти яснѣ будемъ. И еще именуютъ сію аллилуію пресвятою, и пречистою, и животворящею, и во все существо Божіе, и ина суемудрія. Откуду (сія) и чесо ради? и въ чемъ-ли сличествуетъ сія? Сіе бо суемудріе не имѣетъ ни единаго основанія благочестива, паче же безумныя, дерзну рещи и нечестивыя мысли исполнено.

---

[1]) Вопросъ о принадлежности этого сочиненія греку Діонисію (въ рукописи авторъ не указанъ) подробно разбирается въ моей статьѣ, предпосланной первоначальному изданію мной этой рукописи въ *„Православномъ Обозрѣніи“* за 1888 годъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы благодатію всесильнаго Бога, иже въ Троицы славимаго и во единицѣ поклоняемаго, якоже пріяхомъ непорочную и православную вѣру отъ святыхъ богопроповѣдниковъ апостоловъ, и богоносныхъ святыхъ отецъ седми святыхъ вселенскихъ соборовъ, и отъ прочихъ великихъ свѣтилъ и вселенскихъ учителей, такожъ и чинъ послѣдованія церковнаго, писанное и неписанное преданіе,— сице вѣруемъ и сице держимъ неизмѣнно, якоже держаша прадѣды и отцы наши, иже подвизашася и бодрствоваша великими подвиги, и бѣды терпѣша даже до смерти многажды. И наипаче послѣди предсудиша лучше порабощенными быти тѣлесно агаряномъ, нежели подвигнути православныя догматы, и пріяти новины латинскія; лучше изволиша тѣлеснѣ вредитися, а не душевнѣ, якоже видится въ книгахъ, яже суть писаны на латинъ и на соборъ, иже во Флоренціи злѣ бываемый. И неуклонихомся греки никогда на латинскія разумы, якожъ глаголете вы, но стояхомъ противу мужественно, многажды же и соборы сотвориша нанихъ, и прокляша ихъ шесть кратъ, яко послѣди ниже будемъ изъясняти. Нынѣ же на предлежащее возвратимся—о аллилуіи отвѣщати и сказати вамъ, и о толкованіи ея и разумѣ, якожъ святіи богоносніи отцы толковаша и разумѣша, и якожъ держитъ и разумѣетъ святая восточная Христова церковь.

ГЛАВА I.

Статья I. Святая Христова восточная церковь, якожъ рекохомъ, отъ святыхъ апостолъ, и святыхъ богоносныхъ отецъ седми святыхъ вселенскихъ соборовъ, и отъ прочихъ святыхъ вселенскихъ учитель сію ангельскую пѣснь, сирѣчь аллилуіа, (прія) глаголати трижды, сирѣчь: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа; тажъ: слава тебѣ Боже. Сице трижды, якожъ видится и писано во многихъ древнихъ рукописныхъ книгахъ греческихъ и славянскихъ.

Вопросъ. Обаче глаголютъ трижды аллилуіа, таже прирещи: слава тебѣ Боже, что являетъ и что разумѣемъ въ семъ?

Отвѣтъ. Сіе являетъ и сіе разумѣемъ православно: аллилуіа Отцу, аллилуіа Сыну, аллилуіа Святому Духу; таже: слава тебѣ Боже. Глаголюще сице сіе аллилуіа трижды, являемъ и исповѣдуемъ, яко есть Троицы Божество, сирѣчь, тріvпостасно; и еже

приречемъ слава тебѣ Боже, являемъ и исповѣдуемъ, яко Троица единъ Богъ есть, а не три Бози. Якожъ и егда паки поетъ святая церковь: святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный помилуй насъ; и въ сей ангельской пѣсни такожде разумѣемъ, якоже и во аллилуіи, въ божествѣ Троицу и единицу: святый Боже—Отецъ, святый крѣпкій—Сынъ, святый безсмертный—Духъ Святый, таже: помилуй насъ, а не помилуйте насъ. Се, еже со трисвятымъ, исповѣдуемъ тріvпостасное въ Божествѣ, и еже: помилуй насъ, едино Божество: единъ бо Богъ Троица, а не три. Подобнѣ и херувимская (на полѣ: серафимская) пѣснь, еже поетъ церковь: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, подобнѣ являетъ, якожъ о аллилуіа и Святый Боже: святъ, святъ, святъ ради тріvпостаснаго Божества, и: Господь Саваоѳъ—ради соединенія, сирѣчь, за единицу (на полѣ; за едино существо) Божества. Святъ Отецъ, святъ Сынъ, святъ Духъ Святый; таже: Господь Саваоѳъ, сирѣчь, Господь силъ, по Діонисію Ареопагиту. Се убо единъ Господь силъ, Святая Троица, а не три Господы. Сице и во аллилуіи: трижды—ради Троицы, и слава тебѣ Боже—ради единицы: зане въ Троицѣ и во единицѣ Богъ славословится, и вѣруется, и исповѣдуется. Сице держитъ и мудрствуетъ святая восточная церковь, якожъ свыше и изначала прія, писанная и неписанная преданія отъ святыхъ Апостолъ, и отецъ, и вселенскихъ седми соборовъ и прочихъ. Но во еже глаголете вы, суемудріи, аллилуіа дважды дважды, таже: слава тебѣ Боже—каково основаніе имѣете? Вы толкуете, яко знаменуетъ аллилуіа: слава тебѣ Боже. Поставимъ и мы даречемъ, яко глаголете и вы, яко знаменуетъ аллилуіа: Слава тебѣ Боже. Дважды аллилуіа, таже: слава тебѣ Боже, являетъ по вашему трижды слава тебѣ Боже. Се трижды Слава тебѣ Боже являетъ токмо Троицу, а единицу ни. Се убо погрѣшаете, и исповѣдуете токмо Троицу, а единицу ни. Идѣже бо исповѣдуется Троица просто безъ единицы, разумѣется зло: зане вмѣнится сія Троица три бози, а не единъ Богъ; небуди вредословіе. Но православное исповѣданіе есть сице: по Троицѣ да послѣдуетъ и единица; идѣже Троица и единица, православное есть исповѣданіе; а идѣже Троица безъ единицы, многобожіе еллинское есть; и идѣже единица безъ Троицы, безбожіе іудейское и агарянское есть. Но святая восточная церковь православно мудрствуетъ и исповѣдуетъ Троицу и единицу. Сего ради и православно поетъ аллилуіа трижды ради Троицы, и слава тебѣ Боже ради единицы. И: святый Боже и прочая, такожде исповѣдаетъ, и: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ—тоже знаменуетъ

трисвятое ради Троицы; помилуй насъ и: Господь Саваоѳъ—ради единицы, якоже выше рекохомъ. Се есть православное мудрованіе.

Статья II. А что есть писано во Ефросиновѣ житіи, она вся суть суемудріе: кто будетъ прочитати по Бозѣ со вниманіемъ, разумѣти будетъ. Аще Ефросинъ имѣяше каково недоумѣніе о аллилуіи, яко человѣкъ діавольскимъ искушеніемъ,—недивно. А что глаголютъ, яко о семъ иде во Царьградъ и слыша отъ патріарха въ соборной велицей церкви глаголющыя аллилуіа дважды, о томъ мнимъ, яко нейде въ Царьградъ, зане времена нетаковая быша тогда. Владѣша бо тогда турки Болгаріею и Сербы и всѣмъ западомъ до Дуная и до Чернаго моря, и ратоваша турки тогда на христіаны великими и лютыми ратми. Но аще и иде во Царьградъ, во время оно бѣ Іосифъ патріархъ латиномудрый, который бѣ на осмомъ соборѣ во Флоренцыи. И паки: единаго человѣка свидѣтельство не пріемлется по божественному писанію аще и ангелъ небесный будетъ. И вящше разумѣется истина въ списателевѣ видѣніи, иже глаголетъ, яко Богородица рече ему таковая словеса, яже подобаетъ ниже слышати кому. Тамо бо спаситель Ефросинова житія пишетъ отъ сонннаго грезу, или отъ вѣтра главы своея нѣкоторая толкованія непотребная на аллилуію. Но, съ помощію всесильнаго Бога, да речемъ и мы въ отвѣтъ оному—на аллилуію толкованіе, не отъ себѣ, но яко святіи и богоносніи отцы и учители толковаша и разумѣша, якожъ обрѣтохомъ въ древнихъ рукописныхъ и печатныхъ книгахъ.

Стастья III. Святаго Германа патріарха толкованіе алл-ил-уіа: алл—Отецъ, ил—Сынъ, уіа—Духъ Святый, и паки: алл—Отцу, ил—Сыну, уіа—Духу Святому, сирѣчь: слава Отцу, слава Сыну, слава Духу Святому. И паки по Григорію Нѵсскому: алл—слава, ил—Богу, уіа—живому, сирѣчь аллилуіа толкуетъ: слава Богу живому. И паки по Кѵриллу александрійскому: алл—державный, ил—Богъ, уіа—той единъ; или: хвалите истина Господа; или: похвалите его достойно. И паки по Сѵммаху и по иныхъ толковниковъ: алл—пріиде, ил—явися, уіа—Богъ; или пѣснь Божія; или: хвалите Бога жива; или: хвалите Господа, яко благъ псаломъ.

Сія толкованія и прочая обрѣтаются въ древнихъ книгахъ, а никто не толковалъ, что на единомъ разумѣ стояти, токмо: на Слава тебѣ Боже, яко вы глаголете, но, яко рекохомъ, многа разума и толкованія имѣетъ сія аллилуіа, зане аггельская пѣснь есть. Убо святіи отцы предаша глаголати аллилуіа трижды, таже: слава тебѣ

Боже, и се являетъ, якожъ предрекохомъ: аллилуіа—Отцу, аллилуіа—Сыну, аллилуіа—Святому Духу, сирѣчь: слава Отцу, слава Сыну, слава Святому Духу, тажъ: слава тебѣ Боже. Сице разумѣетъ православнѣ восточная церковь: трижды аллилуія за Троицу и: слава тебѣ Боже за единицу, а неинако; сирѣчь: яко святая Троица есть единъ Богъ, единосущный и нераздѣльный, а не три бози разніи. Сице и Святый Боже и Святъ, святъ, святъ Гвсподь Саваоѳъ—Троицу и единицу, якожъ предрекохомъ яснѣйше.

Статья IV. Обаче аллилуіа и святый Боже трижды, по три глаголемъ ради тріехъ троичныхъ чиноначальныхъ чиновъ, святыхъ безплотныхъ небесныхъ силъ, по святому Діонисію Ареопагиту. И сего ради не токмо трижды, но и многажды глаголемъ, сирѣчь, частѣ, зане сими пѣсньми безпрестани славословятъ и воспѣваютъ святіи безплотніи небесніи силы Бога, иже въ Троицѣ и единицѣ славимаго, якожъ мнози духоносніи отцы сподобишася благодатію Святаго Духа слышати, якожъ повѣствуютъ святыя книги святыя нашея церкве. И зане сія аллилуіа есть ангельская пѣснь, сего ради имѣетъ многоличная толкованія, сирѣчь, многа знаменуетъ, якожъ выше рекохомъ, якожъ и прочая словеса божественнаго писанія. И сего ради, елика яви Духъ Святый чрезъ уста святыхъ отецъ, она и мы да держимъ и она да мудрствуемъ; еликаже они умолчаша, подобаетъ и намъ она да не много испытуемъ. Обаче на аллилуію обрѣтаются вышерѣченная толкованія въ достовѣрныхъ книгахъ, и преданія древняя, да глаголемъ аллилуіа трижды, таже: слава тебѣ Боже. И сице за достовѣрное свидѣтельство видится писано и доднесь во многихъ харатейныхъ рукописныхъ древнихъ книгахъ славенскихъ и греческихъ: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже. И во апокалипсисѣ святаго всехвальнаго апостола Іоанна, евангелиста и богослова, явственнѣйше являетъ о трегубой аллилуіи въ Толкованіи Андрея архіепископа Кесаріи Каппадокійскія: аллилуіа трижды, ради тріѵпостаснаго божества. И здѣ трижды аллилуіа, а не дважды тажъ: хвалите Богу нашему аллилуіа. Тамо рече: хвалите Богу нашему аллилуіа, мы глаголемъ: слава тебѣ Боже. Свыше изначала извыче святая церковь глаголати аллилуіа трижды, тажъ: слава тебѣ Боже, якожъ прежде рекохомъ. Токмо сія смущенія, яже нѣцыи хощутъ глаголати аллилуіа дважды, тажъ: слава тебѣ Боже, отъ спасителя житія Ефросинова начася діавольскимъ навѣтомъ. А Ефросинъ въ послѣднемъ поученіи своемъ при смерти о аллилуіи ничего не приказалъ братіи въ тестаментѣ своемъ.

Статья V. Обаче иногда глаголетъ церковь трижды аллилуіа, кромѣ Слава тебѣ Боже; а иногда единожды аллилуіа, во уреченномъ мѣстѣ: что сіе тогда являетъ?

Отвѣтъ. Егда глаголемъ трижды аллилуіа, кромѣ Слава тебѣ Боже, или единожды аллилуіа, тогда являетъ: слава тебѣ, или токмо: слава, или: хвала. Аще есть стихъ къ лицу Божію, тогда разумѣется и за Слава тебѣ Боже; а егда будетъ стихъ къ лицу Богородицы, или святому коему, тогда знаменуетъ: слава тебѣ, сирѣчь: слава тебѣ Богородицѣ, или: слава тебѣ святый Божій, или: хвала. Якожъ и въ стихирахъ святаго великомученика Георгіа въ литіи, еже глаголютъ: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа Христу воскресшему; тамо разумѣется сице: слава, слава, слава, или: хвала, хвала, хвала Христу воскресшему. Такожде и инде сице православно разумѣетъ святая восточная церковь во аллилуіи разнымъ разумомъ, по сличію стиха и дѣла.

Статья VI. Три чина обрѣтается во святой церкви преданы отъ святыхъ отецъ о аллилуіи: первое убо—во учиненныхъ мѣстѣхъ глаголати аллилуіа трижды, таже: Слава тебѣ Боже; второе же—во иныхъ учиненныхъ стихахъ аллилуіа токмо трижды, кромѣ: Слава тебѣ Боже; третіе же—во иныхъ учиненныхъ стиховъ единожды аллилуіа глаголати, или пѣти; и разумъ есть въ томъ, якожъ выше рекохомъ. Сице обрѣтается въ древнихъ книгахъ сіи три чины писаны, а дважды аллилуіа глаголати нигдѣ не обрѣтается указано, развѣ въ новыхъ испорченныхъ книгахъ отъ суемудрыхъ и неразумныхъ, негли отъ латинскихъ книгъ взято, зане латины, извѣстно, дважды глаголютъ аллилуіа, а трижды никогда глаголютъ. Сего ради не льститеся глаголюще дважды аллилуіа, не бо есть истинное мудрованіе, но погрѣшеное. И грѣшите въ томъ тяжко, зане елико время глаголасте сице невѣдѣніемъ, тогда бо имѣли и менше грѣхъ; а отнелѣже народствоваше вещь, сирѣчь, явися во всемъ народѣ и проповѣдася истинно, аще кто ради упрямства своего противляйся, таковый согрѣшаетъ тяжко, и смертный грѣхъ согрѣшаетъ, зане падать будете во ересь безглавыхъ. И упрямство есть діавольское, и кто стоитъ во упрямствѣ, той въ діавольской воли и власти обрѣтается, и той будетъ его пріобрѣсти, яко истина еретика, зане упрямый человѣкъ есть сущій еретикъ,—таковы бо быша древніи еретицы.

Статья VII. А еже глаголютъ на Максима Грека, что и онъ мудрствоваше аллилуіа дважды глаголати, и приводятъ во свидѣтельство святаго Игнатіа Богоносца, яко отъ ангеловъ слыша пѣти

сицо аллилуіа—дважды, и въ томъ лгуть на святаго Игнатіа и Максима Грека, зане святому Игнатію явишася аггели о божественномъ псалмопѣніи, сирѣчь о антифонѣхъ, а не о аллилуіи и въ семъ не согласуется самое писаніе, кія называютъ Максимово, и о томъ разумѣется подлинно, что то сложеніе слова не Максимово есть, токмо лгаша нѣцыи на его имя.

Статья VIII. Есть еще и инъ чинъ во святой церкви, иже въ божественной литургіа предъ святымъ евангеліемъ поется аллилуіа не токмо трижды, но и вящше. Ту, предъ святымъ евангеліемъ на аллилуіа, разумѣемъ сія толкованія, еже предрекохомъ, сирѣчь: пріиде, явися Богъ, и: слава Богу живому, и: державный Богъ, той единъ, и: хвалите истина Господа, и: похвалите Его достойно, и: хвалите Бога жива и прочая. Сія вся знаменуетъ аллилуіа, еже поется предъ евангеліемъ, зане ту сія пѣснь токмо къ Христову лицу приносится, еже есть святое евангеліе, и являетъ пришествіе Господа нашего Іисуса, яже пріиде на землю. Сіе являетъ: пріиде и явися Богъ, и абіе по аллилуіа является святое евангеліе, яко лице Христово, и прочитается отъ священника или діакона, и слышимъ его яко самаго Христа со всякимъ страхомъ и благоговѣніемъ. А: слава Богу живому и прочая, яже выше писана,—тѣмъ славословимъ и воспѣваемъ самаго Христа живаго, сирѣчь воскресеніе его восхваляемъ и воспѣваемъ и прославляемъ, зане святое евангеліе лице воскресенія Христова знаменуетъ. И вся сія хваленія здѣ, еже знаменуетъ аллилуіа, въ честь святому евангелію приносится, зане зряще святое евангеліе, яко самаго Христа зримъ, иже изъ мертвыхъ воскресша, и на земли съ нами соживуща. Сего ради и по всякой недѣли на утрени покланяемся и лобызаемъ святое евангеліе ради воскресенія Христова, якоже поклоняемся и лобызаемъ самаго Христа, иже отъ мертвыхъ воскресша. Сего ради и сія пѣсни приносятся въ божественной литургіи передъ святымъ евангеліемъ,—самому Христу Богу нашему воскресшему изъ мертвыхъ: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, нетокмо трижды, но и безчисленно. Аще вышереченная толкованія слава Богу живому и прочая, мощно разумѣтися и на святую Троицу хваленіе, но по сличію (на полѣ: приличію) времени и стиха; а предъ святымъ евангеліемъ въ божественной литургіи наипаче къ лицу Христову приносится, якоже и иногда ино разумѣется, якоже рекохомъ, по сличію времени и стиха.—Богу нашему, иже въ Троицѣ славимому и во единицѣ поклоняемому, слава, честь, поклоненіе, и великолѣпіе, нынѣ и присно и въ безконечныя вѣки, безконечныхъ вѣковъ, аминь.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

Честный кресте Христовъ, спасителю нашъ, помози намъ.

О честнѣмъ крестѣ намъ слово.

ГЛАВА II.

Ко глаголющимъ, яко греки и прочія, иже знаменуются образомъ честнаго креста треми первыми персты, суть еретики, и якоже сіе преданіе и обычай взяхомъ отъ латинъ, сирѣчь отъ папы Афеса, слово противореченное, сирѣчь отвѣтное: къ протопопу Аввакуму, и къ попу Лазарю сибирскому, и къ попу Никитѣ суздальскому, и старцу Герасиму Фирсову соловецкаго монастыря и къ прочимъ единомудренникомъ и совѣтникомъ ихъ. И о просфорахъ, и о частицахъ, и о четверочастномъ крестѣ. иже имѣнуютъ крыжемъ.

Статья 1. Глаголете, яко взяхомъ отъ папы Афеса сію заповѣдь знаменатися крестомъ треми первыми персты, се яко лжете о семъ веліе: едино убо, яко папа Афесъ никогда бѣ; второе, яко латини знаменіе крестное никогда треми персты не твориша, ниже творятъ, но знаменуются токмо двѣмя персты, и древле и нынѣ, якожъ видится въ книзѣ, яже именуется Кирилова, грека Константина Панагіота преніе. иже сотвори со Азимитомъ латиняниномъ, идѣже обличаетъ его Панагіотъ, и глаголетъ ему: Азимите, почто несогбаеши три перста и не крестишися десною рукою, но твориши крестъ обоими персты еретически. Се лжете все. А мы Божіею благодатію православно творимъ знаменіе честнаго креста на лицѣ и на тѣлѣ нашемъ: треми первыми персты десныя руки, якожъ пріяхомъ отъ святыхъ апостоловъ, и отъ святыхъ богоносныхъ отецъ и вселенскихъ учителей: во имя Отца и Сына Святаго Духа, неписаннымъ преданіемъ, якожъ свидѣтельствуетъ и Святый Василій Великій, иже ко святому Амфилохію епископу иконійскому слово 27, и въ Кормчей печатной (на полѣ: листъ 259), и въ правилахъ Матѳѣевскихъ. Егда согбаемъ три первыя персты десныя руки, знаменуемъ, яко вѣруемъ и исповѣдуемъ во святой Троицѣ едино Божество и едино существо, сирѣчь: единъ Богъ тріѵпостасный и единосущный. якоже сіи тріе первіи персты десныя руки имѣютъ токмо именованіе: первый, второй, и третій; а который

есть болши или менши, не можеши разумѣти или сказати. Сего ради сими первыми тремя персты предаша намъ святіи Апостолы и богоносніи отци творити знаменіе животворящимъ крестомъ, совокупивше ихъ во имя святыя и единосущныя Троицы. И въ сихъ тріехъ перстахъ не яко хощемъ показати все таинство Божества или Божество, яко вы баснословите, небуди; токмо число покажемъ сими персты—Троицы и единицы: три перста за Троицу, совокупленіежъ перстовъ ради единицы, сирѣчь, яко Троица и единица есть Богъ. Кто есть внѣ ума, еже хощетъ показати или сказати все Божество въ перстахъ, или все таинство Божества являти въ перстахъ. Богъ есть недовѣдомъ, непостижимъ, и неизслѣдимъ, и невидимъ, иже ниже умомъ можетъ кто всеконечно достигнути, ниже безплотніи силы. И како вы человѣцы, суще создани, хощете показати незданное и непостижимое Божество въ вещественныхъ и зданныхъ вещехъ,—въ перстахъ и во иныхъ? Не буди вредословіе. Вы суемудріи вредословите тяжко, еже укрѣпляетеся показати все Божество и все вочеловѣченіе Христово и всю богословію въ перстахъ руки,—нечестиво и пребеззаконно! Кто убо отъ богоносныхъ отецъ вселенскихъ учителей или писаша или мудрствоваша сія, яже вы нынѣ пишете и мудрствуете?—Никтоже. Откуду ли слышасте и навыкосте сія, отъ котораго божественнаго писанія, или отъ котораго вселенскаго православія учителя? Ни; развѣ отъ сатаны (отца и друга вашего и учителя) слышасте и навыкосте сія. Глаголете вы, яко подобаетъ знаменатися крестомъ сице: совокупити два персты: вторымъ и третіемъ, а третій наклоненъ быти мало подъ вторымъ; таже: первый—великій перстъ и другая два послѣдня персты: четвертой и пятой—меньшій, совокупити. И потомъ толкуете и глаголете, ясо сіи совокуплены три персты: первый и два послѣднихъ яко есть святая Троица, другая же два перста: второй и третій, яко есть Божество и человѣчество. (О слѣпіи и прелестніи) како дерзаете и глаголете таковая словеса на Бога хулная? Како не боитеся, да не разсядется земля, и поглотитъ васъ живыхъ, яко Даѳана и Авирона, и идете съ душею и тѣломъ въ муку вѣчную и въ негасимый огнь, уготованный діаволу и аггеломъ его? Како именуете (слѣпіи отъ беззаконія вашего) въ перстѣхъ святую Троицу и Божество? Каковое Божество можете показати въ перстахъ и какову тайну? Обаче смотрите (окаяннііи) въ какую пропасть падаете и покайтеся искренно, дондеже не постигнетъ васъ гнѣвъ Божій. Глаголете вы, яко три персты, иже совокупляете подъ двою же перстахъ, святую Троицу; и два

перста, которіи суть выше тріехъ, Божество и человѣчество. Се яко исповѣдаете два Бога: единъ Богъ болши, Божество и человѣчество Христово; вторый Богъ ниже и менши, которое именуете святою Троицею. И такова Троица неподобна и неравна, зане есть единъ перстъ первый болши, и четвертый менши, и пятой еще зѣло менше. Еще и числа ихъ разны: первый перстъ, и четвертый, и пятый, и непоряду число: первый, вторый и третій. Мы въ трехъ перстахъ число токмо являемъ Троицу: единъ, другій и третій, сирѣчь именованніи токмо три: Отецъ, Сынъ и Святый Духъ. И сего ради мы православно три первые персты, якоже стоятъ поряду: первый и третій, совокупляемъ и знаменуемъ три именованія святыя Троицы: Отца и Сына и Святаго Духа, а совокупленіемъ ихъ едино Божество мудрствуетъ, яко святая Троица единъ Богъ есть единосущный и нераздѣльный, а не ино. И не глаголемъ, яко персты сіи есть Богъ, или сама святая Троица, или ѵпостась, или божество и человѣчество, яко вы вредословите, иже глаголете два перста. которіи стоятъ выше,—божество и человѣчество, а три перста—святую Троицу и полагаете ниже подъ человѣчество. Едино убо: въ семъ хулите святую Троицу; второе же: яко полагаете персты неравны и внѣ числа и ряда, зане есть первый перстъ и четвертый и пятый, и посреди ихъ стоятъ два перста горѣ, и разлучаютъ большой отъ прочихъ двухъ, и наипаче три перста, еже глаголете Троицу, стоятъ наклонены подъ тѣми двѣма. Се явно, яко хулите святую Троицу въ тѣхъ трехъ неравныхъ перстахъ, иже совокупляете: первый и четвертый и пятый, и глаголете, яко есть святая Троица. Въ семъ исповѣдуете во святой Троицѣ неравенство, яко аріане, и несторіане, македоняне, и савеліане, и духоборцы, аполинаряне; зане они сице исповѣдоваша и мудрствоваша во святѣй Троицѣ-несравненіе и неединосущіе: Отца болше, Сына менше, и Духа Святаго еще менше, яко раба. Такожде и вы: первый большой перстъ Отца именуете, четвертый Сына—менше, и пятый, иже есть еще менше, Духа Святаго именуете; якоже вышереченніи еретицы хулите и вы святую Троицу, еще и горше-зане они дотолико мудрствоваша, а вы еще мудрствуете и ино, еще горше, яко манихеяне, и апеліане: два Бога—единаго горѣ, а другого долѣ. Сице и вы исповѣдуете во дву перстахъ—единаго Бога сугуба и болша, а въ трехъ перстахъ другого Бога—трегуба, и неравна, и менша, зане тѣ три перста стоятъ наклонены подъ двѣма. Елицы еретицы бяху изначала и донынѣ, никтоже таковая вредословія не дерзну рещи, или показати Божество въ перстахъ,

или богословити о Божествѣ, или о воплощеніи Христовѣ въ перстахъ руки, но токмо вы (антихристовы предтечи и ученици), или кто прежде васъ научи, или мудрствова сице, или написа, и онъ антихристовъ ученикъ бѣ и предтеча. Доволно къ вамъ бѣ и толикаго отвѣта, но занеже и ина баснословія глаголете на насъ, подобаетъ отвѣщати вамъ и за она краткими словесы. Неподобаше весьма отвѣщати вамъ за таковая блядословія, а за еже да невозгордитеся и скажете, яко сего ради умолчахомъ, зане неумѣемъ отвѣщати, и того ради отвѣщаемъ вамъ и на прочая.

Статья II. Вредословите еще и глаголете, яко зане мы творимъ знаменіе крестное тремя первыми персты, полагаемъ страсть въ Божествѣ, сирѣчь, яко распинаемъ святую Троицу (и яко плоть Христову мѣшаемъ во Троицу, или безъ плоти исповѣдуемъ Христа).

Слышите безумніи, слышите о томъ, якоже вы глаголете, зане что совокупляемъ мы три перста первыхъ: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и знаменуемъ сими образъ животворящаго креста на себѣ, распинаемъ святую Троицу (о слѣпіи сердцемъ; на полѣ: о безумніи мудрецы) а егда крещаемся, како крещаемся? Некрещаемся-ли во имя Отца и Сына и Святаго Духа треми погруженіи. И что-ли являетъ, или знаменуетъ три погруженія? Неявляютъ-ли погребеніе Господа нашего Іисуса Христа и тридневное его воскресеніе? Ей. И чесо ради глаголемъ во тріехъ погруженіяхъ имя Отца и Сына и Святаго Духа? Егда и умре и погребеся Отецъ и Святый Духъ вкупѣ съ Сыномъ, всячески рещи имате? Ни. Но чесо ради глаголемъ во крещеніи и въ погруженіи святую Троицу сирѣчь крещаемся воимя Отца и Сына и Святаго Духа, зане три погруженія знаменуютъ Господа нашего Іисуса Христа погребеніе и тридневное воскресеніе, по святому апостолу Павлу: яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть его крестихомся, спогребохомся убо Ему крещеніемъ въ смерть, да якоже воста Христосъ изъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни да ходимъ (къ Рим. глава 6). Спогребшеся ему крещеніемъ въ смерть, въ неже и совостасте вѣрою (къ Колос. глава 2). И по Григорію Богослову въ словѣ на святое крещеніе, еже глаголетъ: спогребохомся убо Христу крещеніемъ, да и совостанемъ. Еда противно творимъ и здѣ, по апостольскому слову, еда по васъ подобаетъ, да не крестимся во имя Отца и Сына и Святаго Духа, но токмо во имя Христово; еда и въ семъ, по вашей немудрой мудрости, есмы еретики вси православніи: и греки и руси и прочіи. О

мудрецы злобы, како не зрите свѣтъ истины и блядствуете безмѣстная! Прострите очи ваши и изжените тму отъ разума вашего и разумѣйте свѣтъ истины и правды! Зане якожъ во святомъ крещеніи крещаемся въ три погруженія ради погребенія и тридневнаго воскресенія Христова, и во имя Отца и Сына и Святаго Духа; сице подобне знаменуемъ себе образомъ честнаго креста Христова тремя первыми персты, во имя отца и Сына и Святаго Духа. Якожъ тамо Христово крещеніе во образъ погребенія и воскресенія Его, а именованіе Отца и Сына и Святаго Духа; сице и здѣ Христовъ крестъ, а исповѣданіе Отца и Сына и Святаго Духа, якожъ пріяхомъ писанное и неписанное преданіе отъ святыхъ Апостолъ сице знаменатися животворящимъ крестомъ тремя первыми персты и совершать и тайну святаго крещенія во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Сице пріяхомъ отъ святыхъ апостолъ и отъ святыхъ отецъ и сице держимъ и будемъ держати вѣчно и неподвижно; сие мудрствуетъ и сице исповѣдуетъ православно святая восточная апостольская церковь, а не инако,—не страсть въ Божество прилагая, яко вы блядословите. Аще-ли убо здѣ во знаменіе креста вмѣнится страсть въ Божество, негли яко Христосъ единъ распяся, яуожъ вы напщуете; колми паче во святое крещеніе, идѣже три погруженія суть, ради погребенія и тридневнаго воскресенія Христова, и глаголемъ имя Отца и Сына и Духа,—еда и здѣ страсть въ Божествѣ прилагается, зане единъ Христосъ тѣлесно умре и погребеся, а не и Отецъ и Святый Духъ съ Сыномъ умроша и спогребошася и воскресоша. О новые мудрецы, разсуждаете сіе сами и срамитеся! Се, якожъ во святое крещеніе не вмѣняется въ Божество страсть, или погребеніе Отцу и Святому Духу съ Сыномъ, сице и въ знаменіе животворящаго креста, еже творимъ треми первыми персты, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, не вмѣняется страсть, сирѣчь распинаніе Отцу и Святому Духу съ Сыномъ, якоже вы вредословите. Ниже исповѣдуемъ Господа нашего Іисуса Христа безъ плоти быти, но исповѣдуемъ Его, яко есть на небесѣхъ со пречистою плотію, со Отцемъ и Духомъ Святымъ неразлучна, во своей ѵпостаси неслитно, а не въ перстахъ имѣемъ исповѣданіе вѣры, и православіе и показаніе Божества, или богословіе, или смотрѣніе воплощенія Христова; но имѣемъ исповѣданіе вѣры и православіе писано въ сердцы и во умѣ нашемъ, Како да покажемъ Божество въ перстахъ?—безмѣстно бо есть. Богъ убо есть свѣтъ крайнѣйшій, и неприступный, и неизглаголанный, ниже умомъ постижимый, ниже словомъ изглаголанный, по

Богослову Григорію; но како въ перстахъ хощете, новіи немудріи мудрецы, богословити и показати нѣкая Божества разнства: единаго Бога сугуба, а другаго Бога трегуба и неравна. Показуете: убо два Бога: единаго тріѵпостаснаго и неравна, по аріаномъ, македоніаномъ, несторіаномъ, савеліаномъ, и аполинаріаномъ, а втораго Бога—по манентомъ, и маркіоняномъ, и апаліяномъ, якожъ выше рекохомъ ширше. Или четыре Ѵпостаси въ Божествѣ исповѣдуете: въ тріехъ перстахъ неравныхъ, иже глаголете Троицу, единаго Сына, Отца менша исповѣдуете по персту, зане есть меншій и въ числѣ руки четвертый перстъ; и паки во дву перстахъ другаго Сына болша, зане стоитъ выше святыя Троицы и исповѣдуете два Сына: единаго, иже есть вкупѣ со Отцемъ и Святымъ Духомъ и того менша, и другаго Сына разна, иже есть съ плотію и обрѣтается особно отъ Отца и Святаго Духа, и въ томъ Его почитаете вы выше Троицы. Или двѣ ѵпостаси исповѣдаете въ Сынѣ Божіи: едину ѵпостась Божества, а другую человѣчества. зане два перста токмо числа являетъ двое, или двѣ ѵпостаси, или два Бога; а божество и человѣчество како можеши показати въ перстахъ? Никако, токмо число. Два перста вкупѣ, и паки три перста вкупѣ, которые бываютъ пять,—и съ тѣмъ сложеніемъ перстъ или пять ѵпостасей исповѣдуете въ Божествѣ, или два Бога едина сугуба, а другаго трегуба и неравна,—не буди вредословіе. Никтожъ отъ вѣка явися еретикъ таковый, якоже вы, предтечи антихристовы!

Статья III. Еще и ина блядословите и глаголете, зане подобаетъ якоже знаменуетеся крестомъ кійждо, тѣми сложеніи перстовъ такожде и благословлятися самому себѣ комуждо. Обаче по вашему и свинопасцомъ и всякому простому человѣку и бабѣ благословляти подобно архіерею и іерею, и да неимѣютъ между собою ни единаго разньства архіерей и іерей отъ людина и отъ свинопасца. Сіе есть явная ересь безглавныхъ, и люторская и калвинская, которые священства неимѣютъ, ниже почитаютъ А у насъ у православныхъ великое разньство священника отъ людина имѣемъ, и благословеніемъ благословляти дано токмо архіереемъ и священникомъ, а не всѣмъ, и сложеніе перстовъ благословляти инако есть, зане иная тайна есть, а знаменатися крестомъ паки иная тайна есть, и сіе дано всѣмъ, сего ради и иное сложеніе перстовъ есть.

Статья IV. Еще вредословите, яко Богъ, егда сотвори Адама, благослови его таковыми (на полѣ: нѣкими) сложеніи перстъ; еще и праотцы до Христа сице благословляху; и отъ Христа сице бла-

гословляху; и отъ Христа паки другая благословенія и ина сложенія перстъ.

Гдѣ и откуду и отъ котораго писанія обрѣтосте сіе? Въ ветхомъ писаніи, сирѣчь въ библіи нигдѣ необрѣтается; въ новомъ, сирѣчь во святомъ евангеліи или во апостолѣ,—ни. И какая рука и каковы персты въ Божествѣ прежде воплощенія Христова? Блазнено мудрствуете, зане не имѣете ни единаго указанія крѣпкаго съ православными силогизмы. Негли и речете, яко на живописанныхъ иконахъ видѣстѣ таковое сложеніе перстовъ, благословляюще написаны святіи сице. Обаче аще и видѣсте персты сице сложены, отъ живописца суть сложены, а не отъ святаго, и святый, иже есть написанъ во образѣ, не бесѣдова съ тобою ниже рече тебѣ толкованіе и разумъ свой, токмо якожъ восхотѣ иконописецъ, тако и писа. Пачежъ якожъ коемуждо показася удобнѣйше, тако и написа, и въ томъ никакое истязаніе не бысть когда. Сего ради обрѣтается въ иконахъ многолично сложенія перстъ: овѣ сице, овѣже инако, якожъ угодися комуждо, и якоже показася удобно, сице и написа, а не отъ божественнаго писанія свидѣтельства, токмо собою. А учены иконописцы рѣдко обрѣталися, а вящшіи быша и суть неумны, а иные ниже алфу (на полѣ: азъ) вѣдаютъ, что есть. Сего ради въ томъ въ живописцахъ утвержденія никакого нѣсть, по вашему баснословію, зане, яко выше рекохомъ, якоже показася иконописцу (аще ли грекъ, аще русинъ, аще и иный, аще-ли новый, аще древній), тако и писа безъ разсужденія. (На полѣ противъ послѣднихъ строкъ надпись: „на Лазара попа“).

Статья V. Еще глаголете и иная блядословія, паче же рещи, вредословіе и хулу: въ сложеніи перстахъ, глаголете, высшая два перста, которіи стоятъ единъ прямо, а другой преклоненъ, прямый же именуете Предтечею, преклоненный же именуете Христа, иже преклони главу Предтечи и крестися; и три перста кія суть подъ тѣми двумя преклонены, сирѣчь: первый и четвертый, и пятый, глаголете святая Троица, кая явися во Іордани; и длань между перстовъ глаголете Іорданъ. О кто не посмѣется блядословію вашему! Предтечу полагаете горѣ, а святую Троицу долѣ; и паки: единаго Сына, кій (на полѣ: иже) главу преклони Предтечи, а другаго Сына въ неравныхъ перстахъ, иже именуете Троицу, таже Іорданъ въ длани. О уроди! Откуду навыкосте сія блядословія, отъ котораго божественнаго писанія?

Статья VI. Но аще глаголете еще, яко сіе сложеніе перстовъ имѣете преданіе древнее отъ отецъ и прадѣдовъ нашихъ, и при-

носите и нѣкое ложное писаніе во свидѣтельство, кое имѣетъ имя святаго Мелетія патріарха антіохійскаго и Θеодорита, негли яко они сице повелѣваютъ сложити персты, и знаменатися крестнымъ знаменіемъ, и подобнѣ благословлятися коемуждо самому себѣ; кое писаніе есть ложно, сложено отъ еретиковъ, и токмо положиша тамо имя тѣхъ святыхъ, да прелстятъ народъ, а народъ сей бысть ненаказанъ и неученъ писанію тогда, яко, слыша имя тѣхъ святыхъ, вѣроваша. Обаче тіи святіи въ томъ никакія вѣдомости имѣютъ, токмо неправедно клевещутъ ихъ, зане въ книгахъ ихъ нигдѣ сіе не обрѣтается писано. И истязаніе о томъ веліе было во святой горѣ Аθонской въ лѣто 7157, пересматривали Мелетіевы и Θеодоритовы книги и писаніе такое не обрѣлося въ ихъ книгахъ, и великій соборъ о томъ учинили и книга, кая привезена была тамо изъ Россіи съ таковымъ писаніемъ о сложеніи перстовъ, сожгоша и прокляша, кій изложи такій уставъ и кто тако мудрствуетъ, или будетъ мудрствовать. И кто хощетъ разумѣти истину въ томъ сущемъ писаніи, еже они укрѣпляются, будутъ разумѣти, аще кто со вниманіемъ будетъ читати, како, аще святый Мелетій показа персты: кія три персты показа, и кая совокупи и бысть знаменіе? Явственно есть, яко тѣ первые три персты показа ради святыя Троицы, и паки тіи три перста совокупи ради единосуществія Божества, и бысть знаменіе. Сице, а неинако бысть показаніе перстъ. А Θеодоритъ о томъ не писалъ нигдѣ, зане въ его книгахъ таковое писаніе не обрѣтается, токмо солгано на него отъ еретиковъ.

Статья VII. Аще и глаголете, зане пишетъ Петръ Дамаскинъ, яко двѣма персты знаменатися крестомъ (и пишетъ сице:). Слышите о семъ и разумѣйте, едино убо: яко сего Петра Дамаскина книга нѣсть всѣмъ пріятна, ниже является въ мірѣ; второеже: яко Петръ токмо о двою перстахъ бесѣдуетъ, ради втораго и третьяго глаголетъ, яко знаменуютъ та два перста два естества Христова, но за прочіе три персты не мудрствуетъ, ниже глаголетъ что. И негли аще и въ каковыхъ странахъ тамошнихъ потребствовали внѣшнихъ временѣхъ сіе сложеніе дву перстахъ ради еретиковъ единоволниковъ, а послѣди преста, якоже и ина многа дѣла, яже первое быша повелѣно отъ святыхъ отецъ тако, а послѣди такожде святіи отцы повелѣша инако лучше. Пишетъ и святый Іоаннъ Златоустый въ бесѣдахъ на евангелиста Матθеа въ пятдесятъ четвертомъ нравоученіи о крестѣ, листъ 91, цѣну креста глаголя: ниже бо простѣ перстомъ начертати его подобаетъ, но первѣе произво-

леніемъ сомногою вѣрою, аще и сице вообразиши его зрѣніе, никтоже близь тебе стати возможетъ отъ нечистыхъ духовъ. Се, яко по Златоусту, и единымъ перстомъ знаменовавшася людіе крестнымъ знаменіемъ нѣкогда, послѣди преста и то, якожъ и многая правила обрѣтаются въ помѣстныхъ соборахъ повелѣваютъ тако, а послѣди (на) вселенскихъ соборахъ повелѣша инако. Егда и въ томъ да речемъ, яко святіи отцы сопротивляются между собою? Небуди; токмо по потребѣ времени сице законоположиша Духомъ Святымъ, якожъ и первое. Божественная литургіа отъ святаго апостола Іакова, брата Божія, списася болше, и ины чины имяше; послѣди Великій Василій сократи и чины украси, и паки божественный Златоустъ еще сократи. Великій Аѳанасій пишетъ въ правилахъ своихъ: мирскій священникъ, аще пострижется монахомъ и потомъ будетъ служить литургію, да будетъ анаѳема; а нынѣ не токмо служитъ яко священники, но и архіереи бываютъ. И еда да речемъ и о семъ, яко противно сотворяютъ и пишутъ святіи отцы? Никако.

Статья VIII. Бѣ еще обычай и преданіе во святой церкви и служаху тремя просфорами, и иныя четырми, ины пятми, ины шестьми и седмію просфорами; такожде и частицы святыхъ изимаша: иніи пятнадесять частицъ, иніи дванадесять, иніи девять, иніи дину. Многое время сей чинъ и обычай бываше во святой церкви, якожъ видится во святой горѣ Аѳонстѣй писано во многихъ рукописныхъ древнихъ книгахъ, и не имѣяху въ томъ до времени ни единаго зазрѣнія и соблазна. Посемъ отъ нѣкоего времене начинаху преніе творити и глаголати кійждо: единъ яко азъ служу лучше треми просфорами, во имя святыя Троицы; иный, азъ добрѣ творю четырми просфорами за четыре евангелисты, кіи списаша святое Евангеліе и предаша сію тайну; иніи, мы съ пятію просфорами лучше ради пяти хлѣбовъ, еже благослови Христосъ и насыти пять тысящь; иніи паки похвалиша свой обычай за шесть и за седмь просфиръ, кійждо глаголаху оно, еже показася имъ прилично. Такожде и о частицахъ: иніи дванадесять частицъ, иніи девять похвалиша, иніи пятьнадесять, иніи едину, и елико не бѣ любопренія въ церкви, быша вся добра и богоугодна А когда начаша быти соблазны и любопренія въ церкви, тогда и святіи отцы разсудиша и повелѣша быти всѣмъ во единомъ чинѣ и обычаи, яко да престанутъ любопренія и соблазны отъ невѣждъ и простыхъ человѣкъ, и сице повелѣша и изобразиша, яко всѣмъ съ пятію просфорами совершати божественную литургію ради пяти

хлѣбъ, иже благослови Христосъ, якоже и на бдѣніи въ благословеніи хлѣбовъ бываетъ Аще ли Христосъ благослови (иногда) и седмь хлѣбовъ, но насытися менше народа, токмо четыре тысящи, и осташася и менше укруховъ, токмо седмь спіридъ, а пятми хлѣбами пять тысящь народа насытися, и осташася укрухи болши — 12 кошницъ полныхъ. Сего ради о семъ болшее чудодѣяніе предсудиша святіи отцы совершатися божественной литургіи пятми просфорами. Такожде повелѣша и о частицахъ токмо девять изимати ради девяти чиновъ небесныхъ силъ, по святому Діонисію Ареопагиту. Царскимъ путемъ ходиша святіи отцы во время подобающее, ниже долѣ ниже горѣ, токмо посредственно и царскимъ путемъ: въ просфорахъ ниже седмь, ниже шесть, ниже четыре, ниже три, но пятми. Сице и въ частицахъ: ниже пятнадесять, ниже дванадесять, ниже едину, но девять,—сущее все Святый Духъ просвѣти имъ. Такожде и вознаменованіе образа честнаго креста знаменатися треми первыми персты. Аще и быша нѣкогда и знаменовашеся людіе единымъ перстомъ, по Златоустовѣ бесѣдѣ, или двумя персты по Петру Дамаскину, но треми персты апостольское преданіе есть неписанное, яко свидѣтельствуетъ божественный Великій Василій. Обаче святіи отцы сія утвердиша знаменатися треми персты, якоже сіе вѣщаніе добраго преданія изыде во всю вселенную. и вездѣ вси православніи христіане треми персты знаменуютъ себя образомъ честнаго креста: Греки, Грузы, Сербы, Болгари, Албанасы, Мунтьяне, Волоси, Ерделяне, Кіевляне, малая и бѣлая Россія, и Литва, которіи суть православніи. Токмо здѣ, въ велицей Россіи, возрасте сія прелесть не издавнихъ временъ, зане въ прежнихъ временѣхъ и здѣ, въ велицей Россіи, сице треми персты знаменовашася, якоже суть мнози и до днесь, которіи помнятъ, яко родители ихъ тако знаменовашася, и тако навыкоша. И задостовѣрное свидѣтельство суть еще мнози христіане въ селѣхъ во многихъ странахъ россійскихъ, кіи держатъ еще оно древнее доброе и православное преданіе, знаменатися треми первыми персты православно.

Обаче сія прелесть таковымъ обычаемъ бысть въ Россіи: отнелѣже, сирѣчь отъ того времене, егда (на полѣ: яко) престали россійскія митрополиты ходити въ Царьградъ хиротонисатися, якоже хождаху треблаженніи митрополиты: Петръ, Алексій, и Іона, Кипріанъ, и Фотій и прочіи; и елико время хождаху россійскія митрополити въ Царьградъ хиротонисатися, и хождаху и гречестіи архіереи въ Россію, тогда возсіяше благочестіе и православіе

болше здѣ въ Россіи. А отнелѣже престаше ходити россійскія митрополиты въ Царьградъ хиротонисатися, ради нужнаго пути сирѣчь, ради страха турскаго воинства, зане тогда турки зѣло страшно ратоваша всѣ страны христіанскія, того ради и гречестіи архіереи изящніи не хождаху въ Россію таковыя ради вины. И того ради начаша быти здѣ сія прелести о сложеніи перстовъ, и прилогъ въ символѣ, и аллилуіа й прочее. Обрѣтающе время обрѣтникъ злобы діаволъ посѣялъ многая зизанія, а не истерзаша я никто (до нынѣшняго благочестивѣйшаго и боговѣнчаннаго нашего государя, царя и великаго князя Алексіа Михаиловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца) и укоренишася и возрастоша великія злобы и во обычаи и соимство быша въ васъ зло за добро и горькое за сладко.

Статья IX. Обаче аще кто будетъ рещи (на полѣ: глаголати), яко хождаху и прежде къ намъ гречестіи архіереи всегда, слышите и разумѣйте истину: проиде до ста лѣтъ и вящше, отнелѣже взяша Царьградъ турки, и не прихождаше никаковый греческій архіерей въ московское государство, ради двою вину: единыя убо, зане яко взяша турки Царьградъ ратоваша Болгарію, Сербію, Влахію, Богданію, и иныя страны, доколѣ покорили сія вся подъ свою державу, ратова вящше ста лѣтъ по взятіи Царя-града. И единыя убо сея вины ниже здѣшнія митрополиты возмогоша ходити въ Царьградъ. ниже наши греческіе ходити здѣ въ Россію. Второе же: и здѣшніи великороссійскія великія князи великое имѣша несогласіе и рати велики между собою, до перваго царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи. И межъ толикими лѣты и смущенія онаго, остася земля сія не орана, и возрасте терніе и триволи (на полѣ: и волцы) и ина дикія зизанія, и темнымъ омраченіемъ омрачишася. А отъ царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи, и по немъ прочихъ царей россійскихъ, помалу сія земля великороссійская просвѣщатися паки нача, и прославлятися и въ православіе правлятись, а не у совершенно, зане яко всякая вещь не поспѣетъ абіе достизати въ совершеніе, но еще сверѣпство сверѣпымъ зеліемъ (на полѣ: обычаемъ) быша много до царства благочестивѣйшаго тишайшаго великаго государя нашего, царя и великаго князя Алексіа Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца. При его благочестивыя державы возсія благочестія и православія зѣло и умножися благодать Божія и въ совершеніе достиже, терніе и триволи и прочая дикія зизанія изсхожа, и мракъ и тьма

отступи, и свѣтлѣйшій и совершенный свѣтъ истины возсія православно.

Но аще убо зизаніевы корени и отрасли обрѣтаются еще, но благодатію всесвятаго Духа вскорѣ будутъ потребитися и исчезатися и она.

Статья X. Аще убо рещи будетъ кто и сіе, яко здѣ пріиде святѣйшій вселенскій патріархъ кѵръ Іеремія, иже хиротониса (на полѣ: постави) перваго патріарха (на полѣ: московскаго) Іова, и чесо ради не рече намъ о семъ ничто? И паки послѣди пріиде святѣйшій Θеофанъ патріархъ іерусалимскій, иже хиротониса Филарета патріарха, и посемъ Паисій (на полѣ: патріархъ) и иные мнози архіереи гречестіи, и не рекоша намъ ничего о томъ, сирѣчь: о прилозѣ въ сѵмволѣ, о аллилуіи, о сложеніи перстъ.

Слышите о томъ и внимайте, зане всяка вещь во время свое прилична есть: егда пріиде святѣйшій Іеремій вселенскій патріархъ и хиротониса Іова патріарха, яко пишутъ хронографы, что не пустиша никого отъ его людей ходити свободно по граду, ни старца, ни мірскаго, ниже россійскіе люди ходиша къ нему. И воедино лѣто, что живе на Москвѣ, токмо трижды изыдоша отъ дому и быша въ царскихъ полатахъ: первое убо, егда пріиде и виде царя и благослови его; второежъ, егда постави патріарха и угостиша его; третіе, егда простися и иде во свояси. Но сидѣчи и патріархъ и сущіи съ нимъ архіереи и прочіи во единомъ дому, и ниже они хождаху внѣ, ниже къ нимъ ходи кто; откуду ли можаху вѣдати, что бываетъ въ церкви и что глаголютъ и что мудрствуютъ? Сего ради не вѣдуще бываемая и не глаголаша что. И егда пріиде паки блаженнѣйшій Θеофанъ патріархъ іерусалимскій, подобнѣ сѣдяше и онъ съ человѣки своими въ дому единомъ, и нигдѣ не хождаху. Аще исходиша кто до торгу, ходиша за ними и стражи; и паче сего, и языка не вѣдуще. Сего ради ниже они бываемая вѣдаша въ россійской церкви, того ради ниже они глаголаша что; подобнѣ и Паисій патріархъ и прочіи. А егда пріиде блаженнѣйшій патріархъ антіохійскій кѵръ Макарій, во время благочестивѣйшаго тишайшаго и боговѣнчаннаго великаго государя, царя и великаго князя Алексіа Михаиловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, не бысть тако, якоже прежде, но зѣло почти и благоговѣйно прія его благочестивѣйшій царь, и даде свободу ему въ великую соборную церковь и въ патріаршество ходити невозбранно, егда хощетъ. Такожде и человѣци его священніи и мірстіи ходити невозбранишася безъ стражей повсему царствующему граду. Но и въ царскихъ

палатахъ многажды бываше, и благослови благочестивѣйшую царицу и благородныхъ царевичевъ и царевнъ, и угости его многажды, и почти и одари его веліе. И сего ради имѣюще свободу патріархъ и дружина его, и ходяще въ соборную церковь и во иная, зряще и слышаще несогласіе церковное здѣшнее (на полѣ: россійское) съ восточною святою церковію; тогда нача и блаженнѣйшій патріархъ Макарій, яко истинный пастырь и наслѣдникъ Христовъ, глаголати благочестивѣйшему царю и святѣйшему патріарху бывшему Никону о тѣхъ несогласіяхъ, сирѣчь: о прилогѣ, еже есть въ сvмволѣ, и о сложеніи перстовъ, и о аллилуіа и о прочихъ. Благочестивѣйшій же царь и (на полѣ: святѣйшій) патріархъ, яко блага и добродѣлная земля, пріяша съ радостію доброе сѣмя, и сотвориша плоды добры многи, и повседневно, сія добра и блага земля, отдаютъ плоды благи безчисленно, и никогда будетъ престати. Табо вина бысть, о еже молчаша прежніи патріарси Іереміи и Ѳеофанъ и прочіи, яко выше рекохомъ.

Статья XI. Но аще речетъ кто еще и сіе, яко наши (на полѣ: рускіи) святіи и чюдотворцы: Петръ, Алексій, и Іона, Кипріанъ; и Фотій и прочіи, тѣми книгами и обычаи спасошася, и въ томъ отвѣщаемъ: яко во времени ихъ обычаи (на полѣ: чини) сія (на полѣ: таковый) и несогласіе не быша, токмо быша согласіе и добры чины, якожъ и у грековъ быша тогда и нынѣ. Зане они хождаху во Царьградъ и хиротонисашася тамо, и ни единожды хождаху въ Царьградъ, но и дважды и трижды ради церковныхъ потребъ, и греческое писаніе вѣдаша, и сего ради православно и согласно со греками мудрствоваша, якожъ явственно видится въ ихъ рукописныхъ книгахъ: святое евангеліе и апостольская посланія съ дѣянми святыхъ Апостолъ, и апокалипсисъ, рукописаніе святаго Алексіа митрополита (на полѣ: въ Чудовѣ монастырѣ) согласно во всемъ съ греческими; и святый сvмволъ безъ прилога, и аллилуіа вряду трижды, тоже: слава тебѣ Боже, въ часословѣ ихъ; такожде и прочая мудрствоваша православно якожъ и греки, сего ради и прослави ихъ Богъ. Но сіе несогласіе и прелести послѣ ихъ возрастоша отъ нѣкихъ еретиковъ, кіи отъ грековъ отлучишася, и съ ними несовопрошахуся ни очесомъ же, ради тогдашнія своя суемудрія.

Статья XII. Но аще хощете (слова: суемудріи и глупіи—зачеркнуты, и вверху ихъ надписано: о мудрѣйшій) мудрствовати въ перстахъ святую Троицу, и Христово божество и человѣчество образовати (на полѣ: толковати), приличнѣйшее есть глаголати сице, яко первіи три персты, кіи совокупляемъ, знаменуютъ исповѣданіе свя-

тыя Троицы—въ Божествѣ Троицу и единицу, якожъ выше рекохомъ; и послѣднiи два (на полѣ: персты), кiя суть преклонены, яко знаменуютъ: Христосъ Сынъ Божiй преклони небеса и сниде на землю и прiятъ человѣческую плоть отъ пречистыя и приснодѣвы Марiи, и знаменуютъ Христова два естества: Божество и человѣчество. Сице есть вящше прилично, аще кто хощетъ мудрствовати (на полѣ: въ персты) о воплощенiи Христовѣ и о святѣй Троицѣ (на полѣ: вкратцѣ). А яко вы мудрствуете человѣчество быти выше святыя Троицы, и Троицу подъ воплощенiе полагаете воуклонныя и неравныя персты, есть зѣло не прилично, и хула и ересь велiя, яко выше рекохомъ ширше. Сего ради блюдитеся ради любве Христовы отъ таковыя ереси и хулы. Зане елико время невѣденiемъ согрѣшисте, чающе тму свѣтъ и горкое сладко, имѣете тогда негли меншiй грѣхъ и меншiй судъ отъ Бога; но отнелѣже истязася сiя вещь и явися истина, и извѣстися соборнѣ и всенароднѣ ко всѣмъ, сирѣчь и вселенскiя соборы о томъ быша: первое убо въ Константинополи отъ всесвятѣйшаго вселенскаго патрiарха куръ Паисiя въ лѣто 7162-е съ восмицесяти архiереи и клирики великiя церкви константинопольскiя; второе же и въ царствующемъ (на полѣ: великомъ) градѣ Москвѣ, при благочестивѣйшемъ и тишайшемъ великомъ государѣ нашемъ, царѣ и великомъ князѣ Алексiи Михаиловичѣ всея великiя и малыя и бѣлыя Россiи самодержцѣ, и приблаженнѣйшаго и святѣйшаго Макарiя патрiарха антiохiйскаго и всего востока (на полѣ: сущу ему тогда въ царствующемъ градѣ Москвѣ) и при святѣйшемъ Никонѣ, бывшемъ патрiархѣ московскомъ и всея Россiи, и Гаврiилѣ архiепископѣ ипекiйскомъ и всея Сербiи (и Болгарiи и Албанiи патрiархѣ), и никейскомъ Григорiи митрополитѣ, и молдовлахiйскомъ Гедеонѣ, и прочихъ великороссiйскихъ митрополитѣхъ, и архiепископѣхъ, и епископѣхъ, и архимандритѣхъ въ лѣто 7164, и подложиша анаѳемою немудрствующихъ тако, яко мудрствуетъ святая восточная и вселенская великая церковь православно. И сего ради вы, сопротивляющiися нынѣ, грѣхъ велiй согрѣшаете, и тяжкiй судъ отъ Бога вамъ будетъ за непскорство и упрямство ваше, и яко еретики страшно истязани будете, и отъ лица Божiя и вѣчнаго покоя лишени будете.

XXXV

О четвероконечномъ крестѣ, иже именуютъ крыжемъ.

ГЛАВА III.

Статья I. Глаголете еще, яко четвероконечный крестъ есть кресла, во еже посадиша Христа іудеи, и сяде, и колѣнопоклонишася ему въ поруганіе, и оная кресла, сирѣчь той крестъ, попра Христосъ, и дадеся архіереемъ сидѣти на нихъ. И паки: когда колѣнопокланяемся архіереемъ, вмѣсто поруганія поклоняемся имъ, а не чести ради архіерейства. О прелестніи и баснословцы! Како несрамляетеся глаголюще такая баснословія? Гдѣ есть писано, яко посадиша Христа іудеи на кресла, кій евангелистъ глаголетъ сіе? Никтоже, ниже иное писаніе православное глаголетъ о семъ. А вы гдѣ обрѣтосте сіе вредословіе? Пишетъ святый евангелистъ въ божественномъ и священномъ евангеліи, яко облачаху Христа червленою хламидою, и даша ему и трость въ руки, и поклонишася ему яко царю въ поруганіе. А яко посадиша его на кресла, сирѣчь на таковый крестъ, ни евангелистъ и никтоже иный писа, яко вы баснословите. И аще іудеи поклонишася Христу за поруганіе, но мы, егда покланяемся архіереемъ, непокланяемся имъ ради поруганія, но честь воздающе имъ, яко намѣстникомъ Христовымъ и пастыремъ и учителемъ нашимъ. Се, яко въ томъ блядословите веліе и не вѣдаете, что глаголете.

Статья II. Глаголете еще отомъже крестѣ, иже есть отъ двою древу сложенъ, и о печати, иже есть на просфорѣ крестъ, яко нѣсть той крестъ, токмо крыжъ латинскій, а крестъ подобаетъ быти отъ тріехъ древъ: отъ кипариса, и певга, и кедра, и кій крестъ нѣсть сице отъ тріехъ древъ, то нѣсть крестъ, токмо крыжъ.

О семъ убо отвѣщаемъ вамъ сице: едино убо по вашему мудрованію подобаетъ, яко отъ инаго древа или отъ инаго вида да небудетъ крестъ, но токмо отъ сихъ древесъ: отъ кипариса, и певга, и кедра, и идѣже таковая древеса не обрѣтаются, ниже кресту подобаетъ быти отъ иныхъ древъ и видъ. Второе же паки вы глаголете, яко подобаетъ кресту быти трисложну, сирѣчь отъ тріехъ древъ. И паки вы сами себѣ не согласуетеся, яко словеса ваша суть инако и дѣла ваша инако, зане крестъ не сотворяете тако, яко глаголете—отъ тріехъ древесъ, но рехъ, сирѣчь: прямо едино древо, а впреки, иже есть посредѣ второе древо; верхнее, иже именуете крестовою главою, третіе древо; и четвертое, иже

именуете подножіе. Се, яко ниже вы творите по словеси вашему истинный (на полѣ: правой) крестъ, зане глаголете, яко подобаетъ быти кресту отъ тріехъ древъ, и вы паки творите противно—отъ четырехъ. Чесо ради прелщаетеся несмысленно: иная глаголете и иная творите, ради зависти своея ослѣпи васъ діаволъ, и не разумѣете, что творите и что глаголете. Мы убо не мыслимъ, ниже мудрствуемъ безумно, якожъ вы, но цѣломудренно и благочестивно почитаемъ и поклоняемся обоимъ крестомъ, иже отъ двою древу сложенъ, и иже отъ тріехъ, или отъ четырехъ древъ, по вашему кресту. Обаче подобаетъ вѣдати, что являетъ ставросъ (на полѣ: крестъ), и что есть нужнѣйшее знаменіе креста. Имя кресту есть сложно по греческому языку: стасисъ кє євросъ, единое убо древо прямое: стасисъ | сирѣчь стояніе (на полѣ: зри); и второе древо, иже есть впреки: євросъ — сирѣчь широта, се, иже имя кресту, ставросъ, имѣетъ отъ сложенія и дѣло: отъ стасисъ и євросъ,— ставросъ —|— (на полѣ: зри), сирѣчь отъ стоянія и широты—ставросъ, сирѣчь крестъ. И сего ради нужное знаменіе креста отъ двою древу сложену быти токмо подобаетъ, якожъ пишетъ и святый Аѳанасій Великій ко князю Антіоху во отвѣтахъ, во главѣ 41 (и въ Кормчей листъ).

Статья III. И что да речемъ много: Моисей (на полѣ: креста знаменіе сотвори Моисей жезла удареніемъ), егда пройде со израилты Чермное море, дважды удари жезломъ своимъ море: единою прямо и разсѣче море, и проидоша израилтяне; второе же, впреки удари, и совокупися море и потопи фараона; змію въ пустыни впреки повѣси, и исцѣляхуся зрящіи отъ грызенія зміева; и ратующе Амалика, руки свои Моисей крестообразно распростре, и солнце ста и побѣди Амалика. Іаковъ, когда благословляще сыны Іосифовы, крестообразно положи руки своя на главы ихъ. Пророкъ Іона, егда изыде отъ (на полѣ: бѣ во...) чрева китова, руцѣ свои крестообразно простре, яко глаголетъ святый Косма, творецъ каноновъ, въ ирмосѣ 6 пѣсни канона на воздвиженіе честнаго креста: воднаго звѣря во утробѣ длани Іона крестовидно распростеръ, спасилную страсть преображаше явѣ и прочая.

Аще убо хощете разумѣти сущее таинство честнаго и животворящаго креста, яко свыше и изначала есть прореченъ и прознаменанъ образъ его, яко выше рекохомъ отъ Моисеа и прочихъ, отъ двою вида отъ древа ли и сребра (на полѣ: или иного вида) сложеніе его (на полѣ: быти), а не отъ тріехъ, или четырехъ, якожъ

вы баснословите (на полѣ; непщуете),—возмите и смотрите Минею сентемврій мѣсяцъ, и прочтите со вниманіемъ стихиры и каноны праздника воздвиженія честнаго креста, ирмосъ первой пѣсни: Крестъ начертавъ Моисей, и прочіи тропари и ирмосы и стихиры, и будете разумѣти: о двою ли древахъ, или иною двою виду являетъ творецъ отъ божественнаго писанія быти образъ честнаго креста, или о тріехъ или о четырехъ быти, якожъ вы непщуете? Никако, но вездѣ обрѣсти будете, яко отъ двоихъ видъ быти сложенію креста. Глаголетъ творецъ во единомъ подобнѣ: на хвалитѣхъ воздвиженія честнаго креста: О преславное чудо! широта и долгота креста небесе равна (на полѣ: равностоятельна); долготу ради прямаго древа глаголетъ, широту ради иже впреки есть. Се яко ради двою древу глаголетъ творецъ, а неради тріехъ или четырехъ по вашему. Аще и бысть на страсти Христовѣ таковый крестъ: съ титлою горѣ и низъ—подножіемъ, обаче она не суть нужная, ниже именуется крестъ; крестъ именуется токмо прямое древо и впреки.

Статья IV. Но аще ли будете любопретися и скажете отъ вѣтра главы своея, яко подобаетъ каковъ крестъ бѣ тогда на страсти, такову подобаетъ и нынѣ быти; отвѣщаемъ вамъ о семъ сице: яко подобаетъ по вашему на крестъ и гвозди пригвождены, и тростъ съ губою, и копіе съ желѣзомъ, и клещи, и молотки, и лѣстницы, и веревки, и желчь, и уксусъ, и бичи и прочая, елика быша при страстѣ Христовѣ, быти всѣмъ вкупѣ прилепленнымъ на крестѣ. И аще она вся не будутъ, ниже крестъ да почтется,—не буди. Обаче святіи Апостоли и святіи богоносніи отцы не предаша намъ поклонятися трости и губѣ и копію и прочимъ орудіемъ, иже быша при страсти, токмо кресту повелѣша покланятися. И сего ради нужно есть быти кресту токмо отъ двою древъ, или иною видъ, яко выше рекохомъ, а другія двѣ части—титулъ и подножіе, ненужны суть. Распятіе Христово было бы быти и безъ титла и подножія, якожъ распинаху и разбойниковъ, зане у іудеовъ крестъ бысть вмѣсто висилицы и за безчестіе распинаху, сирѣчь, вѣшаху разбойниковъ на крестѣ. И Христа вмѣсто злодѣя и разбойника вмѣняху, зане именова себе царемъ и Сыномъ Божіимъ, и сего ради съ разбойникомъ вмѣстѣ распяша Его. И Пилатъ повелѣ и написаша титлу: сей царь іудейскій, и положиша на крестѣ. И рекоша ему іудеи: не пиши сице, и онъ рече: еже писахъ, писахъ. И сіе писаніе на бумагѣ писа, и прилепи тое писаніе на дщицу, и пригвозди вверху креста, а не древо бысть яко крестъ, такожъ и подножіе бысть. И сего ради нѣсть сіе нужно, и безъ нихъ есть крестъ истинный, иже

есть отъ двою древъ сложенъ, сирѣчь чеавероконечный крестъ. Но аще и обрѣтается и таковый крестъ съ титлою и подножіемъ, а еще и ненужны титла и подножіе, мы и той крестъ почитаемъ, и покланяемся, и не хулимъ, яко вы (суемудріи и безумніи).

Статья V. Да речетъ еще и иной показъ: егда знаменуемъ себе знаменіемъ крестнымъ, како знаменуемся? И егда благословляютъ насъ архіереи и іереи, како ли благословляютъ насъ? Явно есть, яко знаменіемъ четвероконечнаго креста знаменуютъ насъ руками своими благословляюще. И егда священники благословляютъ и святятъ воду святаго крещенія, и въ литургіи святый хлѣбъ и потирь, притворяюще хлѣбъ и вино благословеніемъ (въ) тѣло и кровь Христову, како ли благословляютъ? Явно есть, яко знаменіемъ четвероконечнаго креста благословляютъ, а не восмиконечнымъ крестомъ по вашему.

Статья VI. Четвероконечный крестъ четвероконечнаго міра образуетъ и освящаетъ: востокъ и западъ, сѣверъ и полудень. Подобнѣ и крестъ, иже бываетъ на просфорахъ, и на ризахъ священническихъ, я на патрахили, и ораріи четвероконечніи яко истинніи кресты вмѣняемъ и почитаемъ, якожъ выше рекохомъ, а некрыжъ именуемъ. И что именуется крыжъ, или что есть? Крыжъ полскимъ языкомъ именуется крестъ, якожъ и греческимъ языкомъ ставросъ, и по арабски хачь, и по латински и по волоски круче, или круць. И кійждо языкъ имѣетъ имя креста по своему языку, не бо вси языцы во едино имя именуютъ крестъ (на полѣ: или распяла), но кійждо по своему; сице и полски крыжъ именуютъ по своему языку.

Статья VII. Глаголете еще, яко таковая печать крыжа печатана есть на опрѣснокахъ латинскихъ, а латыни на опрѣснокахъ неимѣютъ такова креста печатана, иже именуете крыжъ, но распятіе Христово изображено и печатано имѣютъ на опрѣснокахъ, а не токмо единъ крестъ по нашему. И о томъ не вѣдаете, что глаголете, и лжете о семъ явственно зависти и ненависти ради своея.

О Іисусовѣ молитвѣ.

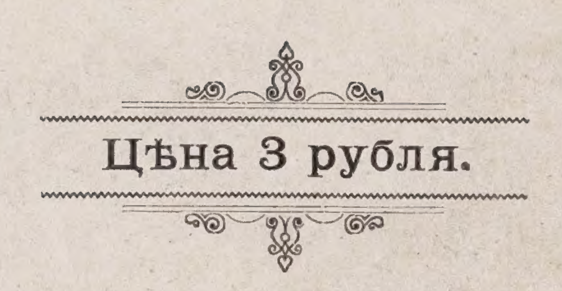
ГЛАВА IV.

Статья 1. Непокоряются нѣцыи отъ васъ и въ настоящей молитвѣ не хотяще глаголати: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, но токмо хотятъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій,

помилуй насъ, и любопрятся и мнятъ, негли яко тако есть добрѣ и православнѣ. а: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, непщуютъ, яко есть хула. О безумніи! Чесо ради неразумѣете доброе и не хощете ниже слышати сея молитвы? Мните яко нѣчто велію философію мудрствуете, или, паче рещи, безумствуете. О мудрецы не мудріи! Разсудите сами и разумѣете, какое разнство есть въ семъ, или кая молитва есть вящшее прилично и вящше честь приноситъ Христу? Явственно есть яко: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, есть вящше приличнѣе. Аще мы добрѣ пріимемъ и глаголемъ и обѣ молитвы въ подобающее время: егда наединѣ молимся въ келіи своей, глаголемъ: Господи Іисусе Христе, Сыне и Слове Бога живаго, Богородицы ради, помилуй мя грѣшнаго; а иное время, егда бываетъ въ церкви моленіе, отъ общаго лица глаголетъ священникъ, или иный кто, иногда и индѣ: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ. Сицевое доброе преданіе имѣетъ святая восточная и апостольская церковь и съ молитвою, иже наединѣ, исповѣдаемъ Господа нашего Іисуса Христа, Сына и Слова Божія; и со другою молитвою, иже глаголется въ церкви и вообще: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, исповѣдуемъ обще, яко Христосъ есть истиный Богъ, подобенъ Отцу. Чесо ради упрямитеся вы и хощете токмо: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, глаголати, а: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ ниже слышати, хощете? Не разумѣете окаянніи, яко во аріеву ересь впадаете, зане Арій Христа Сына Божія токмо глагола и исповѣда, такожде и вы нынѣ. Треклятый Арій исповѣда Христа Сына Божія по благодати, а не по существу Сына Божія и Бога истинна, якоже мы православно вѣруемъ и исповѣдуемъ Христа Сына Божія и Бога истинна. И сего ради глаголемъ мы и обѣ молитвы во время подобно: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, и: Господи Іисусе Христе Сыне и Слове Божій, яко выше рекохомъ. И како хощете вы токмо глаголати: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, а: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, отвращаетеся и ниже слышати хощете? Извѣстно есть въ томъ, яко мудрствуете и вы яко Арій, и исповѣдаете и вы Христа токмо Сына Божія по благодати, а не Бога истинна по существу Отца.

Статья II. Речемъ еще и сіе въ показаніе: единъ царь, отъ царя рожденъ, да царствуетъ, и назоветъ его кто царевичемъ, и другій наречетъ царемъ: кое имя пріятно будетъ царю? Явно есть то, еже нарече его царемъ, пріиметъ удобнѣе и любезнѣ зане есть совершенна царская честь. И аще кто назоветъ, его меншимъ при·

лагательнымъ именемъ—царевичемъ, а не существительнымъ, безчествуетъ царя, и извѣстно будетъ царь гнѣватися на глаголющихъ его царевичемъ, а не царемъ. Такожде и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, аще и Сынъ Божій есть, но Богъ истинный есть. Сего ради подобаетъ намъ глаголати прилично сію молитву: Господи Іисусѣ Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, вообще, и: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, въ подобное время, якоже выше рекохомъ. А како хощете вы (за непокорство свое) (на полѣ: завистію ради) глаголати токмо едину молитву всегда: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, а: Боже нашъ, глаголати не хощете никогда, но еще и сопротивляетеся глаголющимъ, въ томъ извѣстно аріанствуете, яко Арій и прочіи аріане, и ихъ часть будете наслѣдовати, и съ ними осуждени будете отъ Господа нашего Іисуса Христа въ страшный день втораго Его пришествія.



ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Томъ I-й 1909 г. V+524 с. Цѣна 3 руб.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины Москвы и Петербурга. Выписывающіе отъ автора (Сергіевъ посадъ, Московской губ., за пересылку не платятъ.